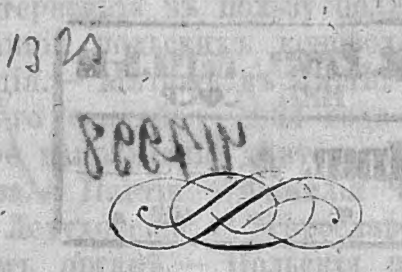
ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНАГО МЯТЕЖА

1831–1863 г.

(Извлеченіе изъ „Вѣстника западной Россіи“).



ВИЛЬНА.
Въ типографіи Р. М. Ромма.
—
1866.

Дозволено Цензурою 8 Іюля, 1866 г. Вильна.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложеніе.

Опечатки.

Стран.	*строки*		*напеч.*	*читать.*
33	снизу	8	умѣлъ	успѣлъ
44	—	18	Луиблань	Луи Бланъ
46	—	3	Орманъ	Арманъ
47	—	1	на	не
48	сверху	11	офицеръ	офицеры
—	снизу	7	карты	книги
72	сверху	12	герцогъ	герцога
88	снизу	13	безпокойной	безпокоющей
100	—	6	должны	не должны
123	—	4	Комераста	колориста
124	сверху	2	неодбуманныя	необузданныя
132	—	3	поймался	попался
144	—	7	были	эти были
151	снизу	8	цойскъ	войскъ
—	—	2	чтобы	что
162	сверху	1	не	но
190	—	10	тщательными	тщеславными
185	—	16	борьбы толчки	толчки
188	снизу	3	йороля	короля
229	сверху	24	вемельную	земельную
—	—	25	зоскликнула	воскликнула
247	сверху	4	си	со
—	—	5	о	и
256	—	24	ихъ	ея
364	—	3	ихъ точно прежнихъ	ихъ прежнихъ
365	снизу	3	огамечтаем	мечтаемаго

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ
до и во время послѣдняго мятежа
1831-1863 г.

(*Вмѣсто предисловія*).

Эмиграція имѣла неоспоримо главное вліяніе на послѣдній польскій мятежъ. Объ ней мы имѣемъ только отрывочныя журнальныя свѣдѣнія; но какъ ея дѣятельность во многомъ разъясняетъ подготовительную, подземную работу къ событіямъ 1863 года, то можемъ сказать, что безъ ближайшаго знакомства съ заграничною агитаціею польскихъ выходцевъ едва ли возможна вѣрная оцѣнка самаго мятежа, едва ли возможенъ вѣрный взглядъ на всѣ, тайно дѣйствовавшія въ немъ пружины.

При современномъ изслѣдованіи съ разныхъ сторонъ послѣднихъ плачевныхъ польскихъ событій, полагаемъ что краткій очеркъ, представляющій въ связи жизнь и дѣятельность польской эмиграціи 1831 года, не будетъ лишенъ своего интереса, и читатели захотятъ спуститься съ нами въ ту подземную фабрику, которая по всей Европѣ завела конторы для сбыта своихъ произведеній. Мы попросимъ читателей пробѣжать по тѣмъ мастерскимъ, изъ которыхъ выходили враждебныя общественному спокойствію и благосостоянію, связанныя между собою, манифестаціи, демонстраціи, бунты, мятежи и революціи нашего времени.

Изучивъ уставы подземнаго общества, проповѣдующаго блажную свободу, уравненіе правъ, имуществъ и общее благоденствіе, съ одной стороны мы увидимъ компанію заводчиковъ, проживающихъ богато, комфортно и благополучно, совершенными баричами или джентельменами,—увидимъ этихъ, своего рода винокуровъ, развращавшихъ массы для выгоднаго сбыта своихъ издѣлій; а съ другой стороны увидимъ работниковъ, которые прокармливаются трудно наживаемою копѣйкою, но за то морально откармливаемыхъ

великими идеями, несбыточными, какъ противными природѣ человѣка. Эти работники въ потѣ лица трудятся за опасною работою и складываютъ свои буйныя головы, кидаясь въ бездну и увлекая тысячами жертвы, ими искушенныя или ослѣпленныя.

ГЛАВА I.

Польскіе выходцы. — Симпатіи къ Франціи. — Тайныя общества.—Франція при Людовикѣ Филиппѣ. – Эмиграція.— Польскія депо.—Польскій комитетъ.—Польскій національный комитетъ.—Князь Чарторыйскій.—Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ.—Законъ 9 Апрѣля.—Парижъ-центръ совѣщаній европейскихъ революціонеровъ.—Буонарроти.—Парижскій бунтъ 6-го Іюня.—Польскій національный центральный комитетъ.—Польскіе агенты въ Англіи.— Требованія эмиграціи отъ французскаго правительства.— Польскій сеймъ въ Парижѣ.—Распри съ франц. правительствомъ.—Португальскія предложенія.—Неудачныя попытки къ общей европейской революціи.—Поляки въ Швейцаріи.—Неудачи Бема.—Проэктъ польскаго легіона.—Требованія отъ Бадена интервенціи въ пользу поляковъ.— Изгнаніе изъ Франціи польскихъ коноводовъ.—Савойская экспедиція. — Мятежъ въ Ліонѣ. — Козни противъ указа 4-го сентября 1834 года.

Польскіе выходцы. При неудачахъ возстанія 1831 года, поляки во множествѣ искали спасенія за границею,—по одиночкѣ и цѣлыми партіями они переходили рубежъ Имперіи. Тѣснимые русскими, польскія войска искали спасенія за границами владѣнія Австріи и Пруссіи. При отрядахъ находились и мѣстные ревнители, частію бывшіе въ составѣ войскъ, частію къ нимъ примкнувшіе, скомпроментированные предъ русскимъ правительствомъ своимъ участіемъ въ бывшемъ мятежѣ.

Первый пріютъ выходцы нашли въ Галиціи и Пруссіи. Въ Галиціи мѣстные поляки, съ открытыми объятіями, принимали своихъ земляковъ; принимали ихъ многіе и изъ австрійскихъ служащихъ, по чувству состраданія; многіе выходцы, перешли границу, не имѣя рубашки на тѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Въ Пруссіи правительство отвело выходцамъ богатую провинцію Куячъ, и назначило имъ, на первое время, денежное

вспомоществованіе довольно значительное, такъ что офицеры получали до 20 талеровъ въ мѣсяцъ. По прошествіи года въ Маріенвердеръ прибылъ адъютантъ короля, графъ Каницъ, отобралъ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ каждаго выходца. Изъявившіе намѣреніе переѣхать на жительство въ другія государства Европы, были перевезены на казенный счетъ; тѣже, которые испрашивали для себя отъ русскаго правительства амнистію, остались въ Пруссіи, при томъ же пособіи отъ казны, хотя амнистію нѣкоторые получили только въ 1834 и 1835 годахъ.

Симпатіи къ Франціи. Солдаты, крестьяне, дворовые, попавшіе за границу, составлявшіе по выраженію одного поляка *plebs* эмиграціи, большею частію остались въ Галиціи и Пруссіи; остальные почти всѣ потянулись далѣе на западъ: въ Швейцарію, Белгію, Англію и преимущественно во Францію. Во Франціи ожидали ихъ наибольшія симпатіи; тамъ и политическое положеніе страны обѣщало дальнѣйшимъ ихъ предпріятіямъ наибольшие успѣхи. Франція притягивала къ себѣ польскихъ выходцевъ далекимъ заревомъ своихъ революціонныхъ пожаровъ; поляки спѣшили туда обогрѣться, послѣ потушеннаго пожара на родинѣ. Франція дѣйствительно въ то время была метрополіею всѣхъ революціонныхъ настроеній.

Тайныя общества. XVIII столѣтіе было столѣтіемъ мира для Европы, воевала лишь на ея окраинахъ устраивающаяся Россія; войны Фридриха Великаго были единственныя, которыя кратковременно отрывали европейскія общества отъ внутренняго, мирнаго, быстраго ихъ развитія. На произведеніяхъ литературы того времени отразилась эта работа къ общественному устройству и много вопросовъ оставили писатели XVIII столѣтія ярко наброшенными и блѣдно разрѣшенными. Общество искало практическаго пути къ примѣненію новыхъ теорій; молва указывала на массонскія ложи; таинственность дѣйствовала обаятельно; въ ложахъ искали ключа премудрости. Въ образованныхъ классахъ общества изученіе Руссо, Дидеро, Вольтера было модное занятіе, а *франъ-масонъ* модное званіе. Ложи множились повсемѣстно; онѣ манили къ себѣ любопытныхъ и добродушныхъ, честолюбивыхъ и тщеслав-

ныхъ; была тогда мода на печатки съ Адамовою головою, на лопатки и молоточки, въ видѣ брелоковъ; нося ихъ масса массоновъ все оставалась чающею окончательнаго раскрытія послѣдняго слова загадки. Ложи въ рукахъ массоновъ должны были перестроить общество, а покамѣстъ сближеніемъ въ ложахъ онѣ устраивали самихъ масоновъ; ими для нѣкоторыхъ образовывались тѣ связи, которыя облегчали путь къ общественной карьерѣ и честолюбивые обращали менѣе дальнозоркихъ— въ слѣпыя орудія своихъ видовъ. Безъ усвоенія опытностью практической жизни, изъ книгъ вычитываемыя гипотезы превращались въ пестрый наборъ истинъ и софизмовъ, и во многихъ краснобаяхъ, ловкихъ *ораторахъ* побѣдителяхъ на словахъ, проявлялась та самонадѣянность, отъ которой было уже не далеко и до честолюбивыхъ замысловъ—стать преобразователями общественнаго строя. Сѣть тайныхъ обществъ растилалась по Европѣ; лава клокотала внутри сопки, и вотъ она разлилась въ видѣ грозной Французской революціи, заключившей минувшее столѣтіе.

Бурю разбушевавшихся стихій могла укротить только мощная воля Наполеона; но слишкомъ крутъ былъ поворотъ, чтобы могло наступить совершенное затишье, даже и послѣ многолѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ. Волненія продолжались, тѣмъ болѣе что подъ желѣзною рукою Наполеона родились новые тайные кружки, съ цѣлью освобожденія родины отъ его гнета, въ Италіи—карбонары, въ Германіи—множество союзовъ подъ фирмами разныхъ добродѣтелей; а колоссъ былъ опрокинутъ русскимъ народомъ, безъ всякихъ тайныхъ обществъ; въ Россіи идея была не искусственно привитая, но была собственностью народа, сознававшаго свою силу и необходимость освобожденія отъ пришлецовъ.

Италія имѣла тоже свою національность неискусственную, но своеобразную, тысячелѣтія прожившую, ограждаемую съ трехъ сторонъ моремъ и съ четвертой Альпами. Италія видѣла у себя иноземцевъ или завоевателями, пользовавшимися ея безсиліемъ, или путешественниками изучающими ея творенія. Послѣ вѣнскаго конгресса, весь развитой классъ жаждалъ соединенія и независимости; соединеніемъ Италіи онъ надѣялся на силу къ отстаиванію независимости, а съ независимостью онъ ожидалъ преж-

няго народнаго благосостоянія и богатства временъ италіанскихъ республикъ. Въ Германіи люди науки тоже не были довольны, и съ каѳедръ университетовъ гейдельбергскаго, іенскаго, гессенскаго и вюрцбургскаго они изливали свое неудовольствіе на вѣнскій конгрессъ, устроившій нѣмцевъ, вовсе не такъ какъ надумался каждый изъ профессоровъ; они доказывали молодежи выводами, со временъ едва ли недопотопныхъ, что необходимъ совершенный переворотъ для возможнаго развитія народнаго благоденствія; да кромѣ того, по ихъ личному убѣжденію, въ профессорахъ университетовъ скрывались истинные понимающіе дѣло государственные люди, что упускали изъ виду государи Германіи, при выборѣ и назначеніяхъ своихъ министровъ. Въ университетахъ студенты были самые крайные революціонеры; но если профессоры всю свою жизнь оставались подъ обаяніемъ французской печати, то ихъ слушатели отъ истинной науки откидывали бредни, съ послѣднимъ прощальнымъ студенческимъ кутежомъ, возвращаясь въ среду того положительнаго, практическаго народа, который ровными шагами идетъ впередъ, медленно, но твердо. Не шумные восторги производили творенія Гейне въ Германіи. Нѣмцы смотрѣли на него какъ на своего, ими балуемаго, enfant terrible и, съ удовольствіемъ встрѣчая каждое новое его произведеніе, съ улыбкою спрашивали: «Was schwazt er wieder da? Смѣшивая стремленіе молодой Франціи съ сожалѣніями старой, масса населенія Германіи въ революціонныхъ выходкахъ французовъ, постоянно, не безъ нѣкотораго основанія, думала видѣть, что домогательство на владѣніе Рейномъ было постоянною въ нихъ заднею мыслью. Въ прирейнскихъ только провинціяхъ, сосѣдство Франціи приводило нѣсколько умы въ броженіе, да и тамъ общества болѣе походили на мирные клубы, гдѣ болѣе занимались разсужденіями о событіяхъ совершавшихся, нежели проэктами для будущаго.

Франція при Людовикѣ Филиппѣ. Франція представляла другое зрѣлище. По возстановленіи Бурбоновъ, она успокоилась, но не на долго. Правительство, въ долгой разлукѣ съ страною, забыло, что великая нація — славолюбива и дорого цѣнитъ свое прошедшее. При Наполеонѣ, она вписала столь-

ко подвиговъ въ свою исторію; она такъ дорожила всякимъ памятникомъ своей славы, что она глубоко была оскорблена тѣмъ, что, послѣ постигшихъ бѣдствій, ее хотѣли даже лишить права гордиться тѣмъ, что въ столицахъ Европы развивались ея знамена. Легитимисты были до того ослѣплены, что хотѣли 1815 г. непосредственно придвинуть къ 1789; даже въ исторіи, преподаваемой дѣтямъ королевской фамиліи, Наполеонъ былъ названъ géneralissime des armées de S. M. le roi Louis XVIII.

Легитимисты не хотѣли понять потребности идти впередъ и направлять далѣе развитіе XIX вѣка, а хотѣли оставаться съ положеніями и обычаями, какъ съ парадными кафтанами столѣтія, уже безвозвратно канувшаго въ вѣчность. Недовольныхъ во Франціи была не партія, но цѣлый слой общества; образовалось множество тайныхъ кружковъ, съ особенными оттѣнками своихъ цѣлей и своихъ домагательствъ, которыя преимущественно были по своему настроенію или республиканскіе, или бонапартистскіе. Оппозиція правительству была такъ велика, что партіи нерѣдко даже помогали другъ другу, и, сливаясь, составляли одно революціонное цѣлое, жаждущее общаго переворота. Много было честолюбцевъ домогавшихся выдти въ люди, которые пользовались этимъ расположеніемъ умовъ и работали въ тѣни, но человѣка, на высотѣ требованія времени, не было, и долгое время въ главѣ революціонеровъ стоялъ, вѣчно искавшій опоры и руководителя, тщеславный вѣтреный старикъ, съ головою созданною носить напудренный парикъ подъ фригійскимъ колпакомъ— пресловутый маркизъ Лафайетъ.

Давно корона искушала младшую линію Бурбоновъ, давно она подготовляла для себя путь къ престолу подземными интригами; Людовикъ Филиппъ наконецъ переѣхалъ въ Тюльери; но броженіе умовъ не затихло; осторожный до робости и расчетливый до скупости, Людовикъ Филиппъ навсегда остался въ разладѣ съ націею. Онъ или не понималъ ее, или не могъ до нея подняться; твердою рукою онъ не схватилъ бразды правленія, но въ безпрестанныхъ колебаніяхъ, королемъ французовъ какъ прежде герцогомъ орлеанскимъ,—онъ продолжалъ заискивать, когда было

нужно дѣйствовать. Какой ореолъ могъ окружать его власть въ глазахъ французовъ, когда король лично для себя нуждался въ присяжныхъ адвокатахъ. Масса консерваторовъ его только берегла, но не уважала, король долго идя ощупью, наконецъ рискнулъ искать въ ней опоры.

Революціонеры не были довольны совершеннымъ ими переворотомъ въ 1830 году. Конституціонное правительство *короля французовъ* не удовольствовало республиканцевъ, а бонапартисты хотѣли Наполеона II, а не герцога орлеанскаго. Обѣ партіи усердно, въ связи, хлопотали произвести новую революцію, откладывая до позднѣйшаго времени разрѣшеніе вопроса — быть ли во Франціи Республикѣ или герцогу рейхштадскому.

Польскіе выходцы, явясь во Францію примкнули сперва къ бонапартистамъ, которыми руководилъ генералъ Ламаркъ. Еще до мятежа 1830 г., тайныя общества Польши усердно поддерживали сношенія со всѣми тайными обществами Европы, дабы расположить общественное мнѣніе къ польскому дѣлу. Самые надежные пути—были сношенія между боевыми товарищами, старыми Наполеоновцами Франціи и Польши. Бонапартисты близко принимали къ сердцу дѣло поляковъ, вліяли на всю революціонную партію вообще, что въ 1831 г. уже нѣсколько и обнаружилось [1]).

---

1) Лафайетъ 21 апрѣля 1831 году, между прочимъ, писалъ Лелевелю изъ Парижа въ Варшаву: «Давно ищу я случая благодарить Васъ за всѣ письма, которыми Вы меня почтили, и которыя я вполнѣ оцѣниваю. Участіе столь важное и столь значительное, которое вы лично принимали въ вашей дивной революціи внушило мнѣ тѣ чувства къ вамъ, при которыхъ я только съ великою радостью могъ получить заявленія вашей ко мнѣ довѣренности и вашего уваженія; увѣряю васъ, что они взаимны и я дозволяю себѣ надѣяться, что вы отвѣтите мнѣ тою же дружбою, которую я отъ полнаго сердца возимѣлъ къ вамъ. . . . .

Смѣлость и настойчивость вашего гражданскаго самоотверженія, слава вашихъ неимовѣрныхъ военныхъ подвиговъ исполнили вселенную удивленіемъ и уваженіемъ къ полякамъ. Съ перваго дня симпатіи Франціи вамъ принадлежали, но вы завоевали симпатіи всѣхъ націй; вы деретесь за независимость и цивилизацію Европы. Мое усердіе къ вамъ еще болѣе увеличивается отъ тѣхъ сообщеній, которыя вы мнѣ довѣрили въ вашемъ письмѣ отъ 27 февраля.

Варшавскіе клубисты [1]) тоже заискивали связи съ французскими революціонерами [2]).

Лафайетъ учредилъ во Франціи общество друзей поляковъ (les amis des Polonais), коего дѣятельность была направляема *центральнымъ французскимъ комитетомъ;* рядомъ съ нимъ существовало *общество цивилизаціи,* тоже содѣйствующее польскимъ замысламъ, управляемое своимъ комитетомъ, наконецъ и общество *католическаго агенства* принимало участіе въ мятежѣ поляковъ.

Комитетъ Лафайета затѣвалъ, во время мятежа 1831 года, экспедицію въ Литву. При содѣйствіи общества цивилизаціи, онъ собралъ подпискою до 400,000 франковъ, но деньги поступали медленно, экспедиція не удалась, приготовленное оружіе осталось на храненіи въ Белгіи до востребованія, а остальныя деньги поступили уже по усмиренію самого мятежа.

Всѣ общества, принимавшія участіе въ польскомъ мятежѣ, неоднократно во время борьбы представляли французскому правительству просьбы о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Аббатъ Афръ, въ послѣдствіи архіепископъ парижскій, членъ католическаго агенства, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ходатаевъ за поляковъ.

Не многіе изъ выходцевъ искали службою или трудами упрочить средства къ своему существованію за границею; большинство жило или предусмотрительно спасеннымъ своимъ состояніемъ, или субсидіями заграничныхъ правительствъ, помощью добытою у западнаго милосердія и обильно—высылаемыми изъ края поддержками туземцевъ. Ведя жизнь праздную, они имѣли довольно досуга для того, чтобы предаваться празнымъ несбыточнымъ мечтамъ и проэктамъ и спеціальнымъ своимъ занятіемъ сдѣлали повсемѣстную поддержку всякихъ революціонныхъ волненій.

---

1) Члены демократическаго клуба подъ предсѣдательствомъ *Лелевеля* въ Варшавѣ,—источникъ всѣхъ интригъ и раздоровъ, бывшихъ тамъ въ теченіи всего мятежа 1831 года.

2) Его Члены были Лафайетъ, Даніель, Сентъ-Антуань, Мангаръ, Бертенъ, Шартень, де Сулиньянъ и Жюльенъ.

Революціонныя тайныя общества въ Европѣ получили въ польскихъ эмигрантахъ сильное подспорье,—ихъ числительностью, ревностью, эксцентричностью и фанатизмомъ.

Эмиграція. Трезвономъ велерѣчивыхъ фразъ польская эмиграція болѣе тридцати лѣтъ расшевеливала умы, взывала за сочувствіемъ и развязывала кошельки своихъ туземныхъ земляковъ. Съ увлеченіемъ и легковѣріемъ поляки, жившіе въ Царствѣ и по областямъ бывшей рѣчи посполитой, прислушивались къ искусительнымъ рѣчамъ, и пособіями всякаго рода, пожертвованіями, складчинами и постоянными взносами поддерживали эмиграцію, которая наконецъ и привела ихъ къ мятежу 1863 г. Тридцать лѣтъ польская нація самовольно наклеивала на себя этотъ ядовитый пластырь, который высасывалъ ея силы и соки и въ замѣнъ того заражалъ все тѣло. Тридцать лѣтъ эмиграція руководила поляковъ во всѣхъ тѣхъ выходкахъ, за которыми слѣдовали тяжкія бѣдствія — галиційская рѣзня, казни эмиссаровъ, ссылки и заключенія соприкосновенныхъ виновныхъ, наконецъ всѣ плачевныя слѣдствія мятежей и революцій. Невольно рождается вопросъ: нынѣ послѣ сильнаго новаго урока 1863 года, когда взаимная злоба партій эмиграціи и правительственныя слѣдственныя коммисіи раскрыли большею частью всѣ происки, интриги, алчность, раздоры и зависть эмигрантовъ, станутъ ли поляки благоразумно изслѣдовать сущность звонкихъ словъ, сблизятъ ли они ихъ съ послѣдствіями, взвѣсятъ ли тридцатилѣтніе совѣты и обѣщанія съ совершившимися событіями, поймутъ ли они чужой обманъ своекорыстныхъ честолюбцевъ и собственное самообольщеніе,— наконецъ, въ польскомъ обществѣ возметъ ли постепенно перевѣсъ голосъ меньшинства истинныхъ патріотовъ, а у сихъ послѣднихъ достанетъ ли на столько гражданскаго мужества, чтобы убѣдить большинство, что послѣ столѣтнихъ попытокъ, пора понять—что нельзя вѣчно идти противу теченія, пора понять—что всѣ кудрявые и размашистые планы—одни воздушные замки,— однѣ коварныя мечты, пора понять—что вся работа, основанная на лицемѣріи, лжи и обманѣ есть зданіе, возводимое на пескѣ, и что для блага будущихъ поколѣній, пора искренно имъ соединиться

съ Россіею, гордиться тѣмъ что «слились въ славянскомъ морѣ» съ народомъ, который смѣло говоритъ:

«Иль намъ съ Европой спорить ново?»

Въ этой массѣ полуофиціяльныхъ и тайныхъ печатапныхъ, литографированныхъ и писанныхъ документовъ, относящихся до польской эмиграціи, которые событіями послѣдняго мятежа обратились въ историческіе документы,—находятся обильныя данныя, обрисовывающія какъ лицевую ея сторону, такъ и изнанку. На первой высокопарные отчеты засѣданій, ярыя воззванія, съ гонкою за эффектами, доктринальные софизмы, расточеніе всякаго рода лжи и обмановъ, усилія распалить воображеніе, потемнить понятія и-прикрытіе всего этого ярко блестящими декораціями, а по временамъ отвратительпымъ цинизмомъ. Таковъ характеръ литературныхъ произведеній польской эмиграціи!

А рядомъ съ ними—произведенія другаго рода, рисующія дѣйствительную жизнь польской эмиграціи, лѣтописные труды совершившихся событій, переписка изъ житейскаго ея обихода, свѣдѣнія, сообщаемыя личностями, участвовавшими въ этой сложной, подземной затаенной работѣ. Точно на ярмарку тщеславія прибывшая многочисленная странствующая труппа, которая яркими красками подновляетъ вѣтхія картонныя кулисы и которой актеры въ тоже время ссорятся изъ за ролей Цезарей, Катилинъ, Цицероновъ, Брутовъ, Дантоновъ, Рабеспьеровъ, Талейрановъ, Косцюшекъ, Домбровскихъ, Гарибальди и т. д. и т. д., и сводя героевъ всѣхъ столѣтій, какъ въ балаганной пьесѣ «chansons populaires de la France,—хотятъ чтобы площадный водевиль обратился въ классическій chef d'oeuvre.

Всѣ партіи, раздиравшія Польшу во время мятежа своими раздорами, явились за границею, и воспѣвая: «еще Польска пе сгинела», продолжали прежнюю дѣятельность. Эта дѣятельность по прежнему представляетъ постоянно двѣ рядомъ идущія работы: одна—взаимная борьба между партіями, другая—затѣи къ достиженію независимости Польши.

„Каждая нація, писала самодовольно польская эмиграція предъ послѣднимъ мятежемъ, имѣетъ свой типъ, по кото-

рому можно угадать самые тайные закоулки основной ея мысли. Свободная нація является міру со всѣми органами своего быта, полностью своей жизни,—нація же угнетаемая—вооруженными манифестаціями, мятежами или выдѣломъ отъ себя части своихъ согражданъ, которые должны связывать ея внѣшнія сношенія съ внутренними. Таковы были барская конфедерація, возстаніе Косцюшки, польскіе легіоны, заговоры послѣ 1815 года, наконецъ эмиграція послѣ 1831. Исключить эмиграцію изъ историческихъ событій это значило бы тоже что съ 1831 года Польшу признать политически умершею".

„Сеймъ 4 Марта 1831 года постановилъ равнозаконность своихъ рѣшеній независимо отъ мѣста засѣданій. Если магнаты, по своему малодушію, въ этомъ декретѣ видѣли уловку, чтобы укладывать свои чемоданы при всякихъ неуспѣхахъ на театрѣ войны или волненіяхъ въ Варшавѣ, то мы—подпрапорщики, студенты, офицеры, чиновники, выборные члены сейма, журналисты, члены клубовъ, члены національнаго правительства предпочли покорности Россіи удаленіе за границу, дабы подобно Косцюшко и Домбровскому, быть представителями польскаго дѣла за границею. Французская эмиграція имѣла цѣлью возстановленіе законной династіи, испанская поддержку претендента, италіянская революціонное начало; польская же эмиграція,—это національный ковчегъ, въ который Провидѣніе собрало всѣ касты, всѣ сословія, со всѣхъ областей соединило элементы, всѣ чувства, всѣ мысли, чтобы отъ крушенія спасти народъ, предназначенный къ великимъ подвигамъ для себя самого и для всего человѣчества. „Репутація личностей, которыя ее составили, ихъ значеніе въ общественномъ мнѣніи для интересовъ Европы, съ самаго начала воздвигли для польской эмиграціи незыблемый политическій пьедесталъ."

„Она, ставъ на этотъ пьедесталъ, настойчивою работою и самопожертвованіями всякого рода, мало того что проникла тайныя пружины народнаго богатства достигаемаго путемъ промышленности и торговли, и условія общественнаго изобилія изученіемъ и изслѣдованіями общественнаго устройства разныхъ государствъ,—но она дошла до новаго познанія истиннаго соціальнаго порядка. Эмиграція цѣлымъ рядомъ совершенныхъ ею дѣлъ и ея усилій, стала изображеніемъ полной свободы дѣйствій и мысли, которая подлежитъ отвѣтственности только предъ Создателемъ и собственною совѣстью. Эмиграція себя выработала трудами и самопожертвованіями, и она, въ своей средѣ, въ прахъ разбила всякій антагонизмъ".

„Дѣянія эмиграціи представляютъ изумительное цѣлое чудныхъ примѣровъ возвышенности чувствъ и солидарности цѣли. Всѣ экспедиціи эмиграціи въ Португалію, Савою, алжиръ, Египетъ, Турцію, Италію, героическая мысль возстанія 1846 года, ея дѣятельность, наэлектризированная надеждою служить національному дѣлу въ революціяхъ 1848 г. и въ послѣдней крым-

ской войнѣ,—развѣ не доказали міру сколько ей чужды всякіе эгоистическіе виды и всякіе личные своскорыстные расчеты? Польская эмиграція всегда протестовала противъ всякой лжи и увлеченій, противъ всякихъ правъ, которыя достигаются рожденіемъ,—противъ домогательствъ монополій и богатства, которыя стремятся къ тому, чтобы половина человѣчества утопала въ роскоши, а другая была въ нищенствѣ потому только, что слѣпому случаю такъ было угодно. Сравнимъ эмиграцію въ ея началѣ и нынѣ (въ 1862 году,—какой колоссальный прогрессъ! Права сословій, оцѣнка человѣка по его роду, а не по его заслугамъ, исчезли; простой солдатъ и простой крестьянинъ становятся равно дворянами, а дворянинъ ровно ничѣмъ, если только его не возвысятъ способности. Люди изъ среды такъ называемой сволочи становятся представителями націи, и если не могли рѣчью имъ незнакомою то по крайней мѣрѣ жестами, они передавали иностранцамъ—благородные подвиги польскихъ героевъ и варварства врага. Бѣдный работникъ, нѣкогда обреченный всю жизнь возиться съ топоромъ и съ сохою, садится нынѣ на одну ученическую лавку съ сыновьями знаменитѣйшихъ фамилій, и вмѣстѣ съ ними совершенствуется въ наукахъ и художествахъ. Одни пошли впередъ, другіе отстали; но тщетный былъ бы трудъ, при общемъ равенствѣ, искать нынѣ того малѣйшаго оттѣнка между польскими эмигрантами, которымъ кто либо былъ бы обязанъ древнимъ пергаментамъ. Нынѣ въ эмиграціи не спрашиваютъ: кто были твои предки, но какія личныя твои достоинства, что ты сдѣлалъ для отечества? Откуда же привился этотъ характеръ эмиграціи? отвѣчаемъ: онъ привился неутомимою работою и безпредѣльнымъ самоотверженіемъ. Политическая неусыпная борьба-доставить соотечественникамъ ихъ національную независимость---такова высокая цѣль польской эмиграціи",

Въ какую злую насмѣшку обращаются эта мечты и самохвальство, когда разсмотримъ матеріялы другаго рода, относящіеся къ самимъ дѣламъ. Вмѣсто самопожертвованій, согласія, единства, любви къ родинѣ, усиленныхъ работъ къ благоденствію соотчичей, готовности личныя преимущества и достояніе принести на алтарь родины, встрѣчаемъ только вражду къ Россіи, раздоръ партій, гонку за титулами, состояніемъ, вліяніемъ выходцевъ, интриги, козни, своекорыстные расчеты эгоизма, предательства, словомъ весь сумбуръ, который погубилъ рѣчь посполитую. Сведемъ по возможности въ краткій очеркъ послѣдовательную дѣятельность польской эмиграціи, столь вліявшую на польскія событія.

Польскіе выходцы преимущественно направлялись во Францію. Къ концу года, въ одномъ Парижѣ, было 80 человѣкъ быв-

шихъ депутатовъ, сенаторовъ, журналистовъ; а во всей Францiи къ 1 января 1832 г. уже насчитывалось 2828 поляковъ.

Депо были въ Парижѣ, Авиньонѣ, Безансонѣ, Буржѣ, Шатору, Люкелѣ, Поа и Лонъ ле-Солнiе.

Польскiя депо 1832 г. Людовикъ Филиппъ, не желая имѣть всю эту многочисленную компанiю безпокойныхъ умовъ въ Парижѣ, въ которыхъ тамъ и безъ нихъ въ то время не было недостатка, назначилъ еще кромѣ Парижа семь городовъ, для пребыванiя эмигрантовъ, въ которыхъ были устроены такъ называемыя польскiя депо, и отъ французскаго правительства было ассигновано постоянное имъ пособiе въ 2 миллiона франковъ [1]).

Поляки положительно не любятъ дѣйствительнаго мiра. Нѣкогда римляне провозгласили «Римъ тамъ, гдѣ римскiй сенатъ,»— вовсе не собираясь назначить мѣстомъ сбора сенаторамъ, во владѣнiяхъ независимаго царя понтiйскаго; поляки же твердо рѣшились держаться за декларацiю сейма 4 марта 1831.

Убѣжденные, что постановленiя польскихъ сеймовъ, сеймиковъ, комитетовъ и конфедарацiй сколько для самихъ поляковъ необязательны, столько должны имѣть полную законную силу въ глазахъ всѣхъ европейскихъ правительствъ, — они за границею продолжали играть „*въ правительство*" и оттуда дѣлать свои распоряженiя къ возстановленiю и возобновленiю Польши. Впрочемъ еще Домбровскiй въ 1794 году, послѣ разбитiя Косцюшки, нашелъ, по страннымъ своего рода военнымъ соображенiямъ, самымъ практическимъ средствомъ для дальнѣйшей защиты отечества,—очистить Польшу и съ остатками польскихъ войскъ перебраться во Францiю; подобно тому и послѣднiй польскiй сеймъ, основываясь на рѣшенiи своего засѣданiя 4-го марта въ Варшавѣ оставивъ страну, сталъ устраиватся въ Парижѣ, для принятiя дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣръ.

Польскiй Комитетъ. *Бонавентура Немоiевскiй*, добивавшiйся въ теченiи всего мятежа 1831 года высшаго мѣста революцiоннаго правительства, въ ночь на 27 авгу-

---

1) Наибольшее было для генераловъ въ мѣсяцъ по 300 фр., наименьшее было для солдатъ служащихъ при офицерахъ, по 22 фр.

ста, во время очищенія уже Варшавы польскими войсками, наконецъ попалъ въ президенты и въ этомъ качествѣ 6 ноября 1831 года, возстановилъ, изъ прибывшихъ къ тому времени членовъ, польское правительство, изъ пяти лицъ: *себя*, *Лелевеля*, *Федора Моравскаго*, *Воловскаго* и *Тимовскаго*. Пенересенное на французскую почву это новое правительственное учрежденіе, дабы не затронуть французскую щекотливость, приняло скромное имя польскаго комитета.

Польскій комитетъ занялся сначала судьбою выходцевъ, протоколомъ перваго своего засѣданія положилъ оказывать имъ всякое пособіе, облегчить имъ сношенія съ разными сочувствующими французскими обществами и ходатайствовать объ нихъ у правительства *Людовика Филиппа*.

Польскій національный Комитетъ. Лелевель принялся за прежнія интриги, въ Парижъ прибывали новые выходцы; посвященные имъ въ дѣйствія польскаго комитета, вновь прибывшіе осуждали его дѣйствія, его членовъ упрекали въ робости, въ излишнемъ смиреніи, порицали ихъ, что они роняютъ въ глазахъ самихъ французовъ значеніе польской національности, не умѣя пользоваться шаткимъ положеніемъ французскаго правительства. Кончилось тѣмъ, что польскій комитетъ Бонавентуры *Немоіевскаго* палъ, просуществовавъ едва мѣсяцъ: 8-го декабря составился новый комитетъ, принявшій названіе *Національнаго польскаго комитета;* изъ прежнихъ членовъ въ немъ остался только одинъ *Лелевель.*

Избранные члены были *Лелевель*, *Звѣрковскій*, *Ходзько*, *Солтыкъ*, *Питкевичъ*, *Хулевичъ*, *Крейцеръ*, *Гуровскій* и *Кремповецкій*. Комитетъ помѣстился въ улицѣ Годо де Моруа № 26.

Національный комитетъ началъ дѣйствовать гораздо съ большею смѣлостью; онъ положилъ что Европа должна формально заявить Россіи о своей интервенціи въ пользу Польши, что выходцы составляютъ особую конгрегацію, которая принимаетъ названіе *польской эмиграціи*, и что дѣятельность всѣхъ ея членовъ должна сосредоточиваться въ національномъ польскомъ комитетѣ Парижа. Для этой цѣли изъ Парижа были высланы агенты по всѣмъ депо, для образованія въ каждомъ особаго со-

вѣта; всѣ совѣты должны были сноситься съ парижскимъ комитетомъ.

Князь Чарторыйскій. Въ тоже время въ Парижѣ пріютились люди другой партіи, которые вовсе не намѣревались подчиняться національному комитету, а напротивъ хотѣли сами подчинить своему вліянію и его и всю эмиграцію.

Князь *Чарторыйскій,* послѣ разгрома мятежа прибылъ въ Парижъ. 1831 годъ сдѣлалъ огромную брешь въ той популярности, которою князь прежде пользовался въ массѣ польскаго общества. Когда бѣдствія слѣдуютъ за неблагоразумными затѣями, то, по древнему обычаю шляхетства, одна партія называетъ другую предателями *ойчизны* и измѣнниками и одна на другую сваливаетъ причину неудачъ. Лишь только, послѣ внезапно—вспыхнувшаго мятежа, по нормальному, относительному положенію силъ Россіи и Польши, успѣхи утверждались за русскимъ оружіемъ, вся ярость клубистовъ въ Варшавѣ, обратилась на аристократическую партію, и особенно на ея главу—князя *Чарторыйскаго.* Событіями $^{15}/_{3}$ Августа и бѣгствомъ въ лагерь *Скржинецкаго,* лишенный дальнѣйшаго участія въ революціонномъ правительствѣ, князь *Чарторыйскій* сталъ въ Парижѣ опять лицемъ къ лицу съ враждебными ему клубистами, которые не переставали взваливать на плечи его и его приверженцевъ претерпѣнныя пораженія и бѣдствія. Не отвѣчая съ своей высоты на возгласы горланившихъ противниковъ, князь *Чарторыйскій* мало по малу началъ розыгрывать роль развѣнчаннаго короля. Благодаря благоразумной его предусмотрительности, огромное его состояніе не понесло большаго ущерба,— за нимъ остались его галиційскія помѣстья, капиталы заблаговременно были переведены за границу, и еврей *Бреза* успѣшно перевезъ въ Парижъ драгоцѣнности, оставленныя закопанными въ Пулавахъ.

Князь *Чарторійскій* въ Rue St. Louis en Ile въ Парижѣ купилъ, впослѣдствіи, великолѣпный отель Ламберъ. Выходцы, магнаты Польши, спасшіе послѣ крушенія свое состояніе, или разорившіеся, составляли дворъ князя; семейныя связи, пышные пріемы, открытые утонченные обѣды и разныя поддержки удовлетворяли и національной гордости и національному тщеславію, и

въ усердныхъ приверженцахъ, готовыхъ составить его партію, недостатка не было.

Въ тоже время вырывалъ онъ изъ рукъ клубистовъ множество выходцевъ, на устахъ которыхъ замирали повторенія ярыхъ, направляемыхъ противъ него порицаній. Онъ нашелъ вѣрное средство, отъ котораго рѣдѣли враждебные ему ряды: указывая на новыя средства къ возстановленію Польши, въ дальнемъ будущемъ, онъ многимъ зажималъ ротъ своими заботами въ настоящемъ объ эмигрантахъ; своими связями и средствами, къ вящшей злобѣ и зависти противниковъ, *Чарторыйскій* существенно облегчалъ гораздо болѣе участь выходцевъ, чѣмъ всѣ псевдооффиціяльные правительственные комитеты, которые оффиціальными путями обращались къ разнымъ управленіямъ казеннымъ и частнымъ. Онъ тотчасъ озаботился дать средства къ образованію дѣтей, закинутыхъ на чужбину, польстилъ господствующимъ чувствамъ родителей, давъ образованію не только чисто польское направленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляющее къ будущей борьбѣ. Князь *Чарторыйскій*, начавъ съ ложнаго пути свою политическую дѣятельность въ западной Россіи, шелъ по этому пути до конца, извращая понятія юношества, и льстя страстямъ въ настоящемъ; новымъ поколѣніямъ дорогою цѣною пришлось за то расплачиваться въ будущемъ.

Графы *Замойскіе*, *Платеры*, *Ледуховскій*, *Малаховскій*, *Олизаръ*, *Моравскіе*, *Баржиковскій*, *Княжевичь* и генералы *Денбинскій*, *Хржановскій* и многіе другіе составили зерно аристократической партіи эмиграціи, которая, руководимая княземъ *Адамомъ*, работала на своей особенной почвѣ. Состоя изъ личностей болѣе образованныхъ, подготовленныхъ къ обращенію въ высшихъ слояхъ общества, болѣе знакомыхъ съ политическими дѣлами, болѣе способныхъ слѣдить за ходомъ событій и ихъ оцѣнивать, — эта партія шла своимъ путемъ, болѣе или менѣе въ разныя времена вліяла на остальную эмиграцію и вмѣстѣ съ нею привела къ мятежу 1863 года.

1832 годъ былъ тягостнымъ для *Людовика Филиппа*. Революціонная партія до того усилилась, что съ каждымъ днемъ

утверждалось мнѣніе о близкомъ низверженіи конституціонной монархіи короля французовъ.

Эмиграція примыкаетъ къ революціонерамъ. Польскій національный комитетъ, организируя эмиграцію, вошелъ немедленно въ ближайшія сношенія съ тѣми коноводами такъ называемой революціонной партіи Франціи, которые засѣдали въ ея камерахъ: *Лафайетомъ, Ламаркомъ, Гарнье Пажесомъ* и *Мангеномъ.* Польскіе эмигранты, не колеблясь, приступили къ участію въ заговорахъ противъ правительства, которое дало имъ пріютъ. Сперва они примкнули къ бонапартистамъ, которыхъ руководители были *Ламаркъ, Эксельманъ, Бертанъ, Тьеръ, Аллеманъ, Водрей* и друг. Безпокойная дѣятельность поляковъ была такъ велика, что она обратила на себя особое вниманіе полиціи; министерство видѣло необходимость принять противъ безпокойныхъ гостей какія либо рѣшительныя мѣры.

Законъ 9 апрѣля. Поляки никогда не упускаютъ случаевъ окольными путями слѣдить за правительственными распоряженіями. Негодованіе, гнѣвъ и бѣшенство были страшныя при громовой вѣсти, что слабое, по ихъ мнѣнію, министерство, въ столь ими прославляемой свободной Франціи, составило проэктъ закона, для внесенія на утвержденіе палатъ, по которому эмигранты передаются въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и отдаются подъ надзоръ полиціи, т. е., что они должны проживать въ мѣстахъ имъ указанныхъ и отлучаться не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи, а дабы она могла слѣдить за точнымъ исполненіемъ закона, то каждый выходецъ обязанъ еженедѣльно являться въ полицейскую префектуру для заявленія своей личности. Франція, за свои субсидіи, хотѣла по крайней мѣрѣ, чтобы незванные гости не могли нарушать ея спокойствія, разъѣзжая по Франціи праздными агентами заговоровъ и творцами мятежей.

Законъ уязвлялъ національное тщеславіе эмигрантовъ и перечилъ ихъ замысламъ. На совѣщаніи 5 апрѣля, между членами національнаго польскаго комитета и членами оппозиціи французскихъ камеръ, было рѣшено всѣми присутствующими, въ томъ числѣ 27-ю французами депутатами, энергически протестовать противъ этого, столь обиднаго для поляковъ, зако-

на и воспрепятсвовать его утвержденію; одинъ только *де Садъ* предложилъ требовать, чтобы дѣйствіе закона было отсрочено на годъ, въ полной увѣренности, что въ теченіи этого года революціонная партія порѣшитъ съ властью Людовика Филиппа.

Не смотря на бурное засѣданіе палаты французскихъ депутатовъ 9 апрѣля, не смотря на пламенныя рѣчи *Лафайета, Ламарка, Гарнье Пажеса и Мангена*, изображавшія несправедливость и стѣсненіе для польскихъ выходцевъ предлагаемаго закона, онъ былъ принятъ; оставалось для его утвержденія согласіе палаты перовъ. Тогда нѣкоторые изъ бывшихъ въ Парижѣ членовъ прежняго сейма представителями польской эмиграціи за общею подписью *) обратились (17 апрѣля) къ каждому изъ перовъ Франціи съ просьбою не одобрять закона.

(*) Подписали (по алфавитному порядку) Антоній *Хлусневичъ*, Адамъ *Колышко*, Янъ *Ледуховскій*, Іоакимъ *Лелевель*, Ѳедоръ *Моравскій*, Цезарь *Платеръ*, Владиславъ *Платеръ*, Антоній *Пршецишевскій*, Родольфъ *Вѣшицкій*, Францискъ *Воловскій*, Іосифъ *Зенковичъ*. Вотъ главные мотивы этого письмо:

„Г. Перъ! Польскіе выходцы, читаемъ мы между прочимъ въ этомъ письмѣ, заброшенные на французскую землю, съ прискорбіемъ узнали что камера депутатовъ приняла въ своемъ засѣданіи 9 Апрѣля законъ, который не только уничтожаетъ ихъ надежду на спокойствіе и безопасность, но который уязвляетъ ихъ въ чувствѣ національнаго достоинства, предоставляя ихъ надзору и произволу полиціи. Обращаемся къ интервенціи благородной палаты, которая гордится, считая васъ, милостивый государь, въ составѣ своихъ членовъ".

„Законъ былъ утвержденъ въ камерѣ депутатовъ, слабымъ большинствомъ, составленнымъ изъ трети членовъ, имѣющихъ право утверждать законъ, но палата никогда не можетъ справедливымъ и истиннымъ сдѣлать то, что несправедливо и не истинно. Всякій человѣкъ съ сердцемъ пойметъ, что министерское предложеніе не только не политично, но что оно нарушаетъ то уваженіе, на которое всегда имѣютъ право, справедливость и несчастіе, отдавая самовластію полиціи изгнанниковъ, жертвъ ими незаслуженныхъ бѣдствій".

„Тщетно министерскіе ораторы намекаютъ на необходимую предусмотрительность правительства, дабы изгнанники не поддерживали безпокойные умы, желающіе войны, которая одна можетъ возвратить выходцамъ ихъ отечество; но развѣ старцы и люди науки, да жаждущіе быть включенными въ легіонъ, военные, могутъ внушать какія либо опасенія"?

Но потраченное въ этомъ письмѣ краснорѣчіе не принесло пользы; законъ былъ утвержденъ, и, къ большему еще гнѣву эмиграціи, полиція, можетъ быть, особенно досадовавшая на безпокойныхъ поляковъ, относительно ихъ однихъ особенно была строга и взыскательна.

Парижъ-центръ совѣщаній революціонеровъ. Парижъ былъ узломъ въ которомъ путемъ массонскихъ ложъ, сходились всѣ нити тайныхъ европейскихъ революціонныхъ обществъ. Онъ сдѣлался центромъ молодой Европы; тамъ собирались и совѣщались главы революціонныхъ партій молодой Франціи, молодой Германіи, молодой Италіи и старой Польши; тамъ обсуждались средства общею революціею, такъ называемою революціонерами, солидарностью всѣхъ европейскихъ народовъ, доставить торжество демократической партіи; тамъ наконецъ, жилъ весьма немногимъ извѣстный старикъ, товарищъ дѣтства Наполеона, патріархъ карбонаровъ, *Буонарротти*, который содержалъ себя уроками музыки и былъ могучимъ двигателемъ революціонеровъ. Руководимый многолѣтнею опытностью, онъ соображалъ разныя комбинаціи для тайныхъ союзовъ, кото-

---

„Революціонные законы не могутъ имѣть мѣста при правительствѣ законномъ и конституціонномъ. Министерскій проэктъ своей порочной редакціею можетъ имѣть другую ненавистную (odieux) цѣль. Предлагаемымъ закономъ, онъ хочетъ подѣйствовать на выходцевъ при выборѣ подчиненія ему или опасенія быть вывезеннымъ изъ Франціи‘.

„Такова можетъ быть скрытая цѣль и затаенное намѣреніе, внушенное требованіями нашихъ злѣйшихъ враговъ—мы ясно видимъ что только противъ поляковъ новый законъ былъ направленъ; патріоты Италіи, Португаліи и Испаніи двадцать мѣсяцевъ спокойно проживали и пользовались французскимъ гостепріимствомъ, и только прибытіе поляковъ вызвало подобныя стѣсненія“.

„Господинъ Перъ, вы засѣдаете въ Палатѣ, которая въ средѣ своей заключаетъ цвѣтъ народной славы, вы не можете остаться равнодушными къ чувствамъ чести и великодушія вашей націи“.

Многое еще написано въ этомъ письмѣ, напоминается о гостепріимствѣ, оказываемомъ прежде французамъ въ Польшѣ, о взаимныхъ чувствахъ любви, привязанности и симпатіи Франціи и Польши.

рые, составивъ многочисленное общество, были бы послушнымъ и поворотливымъ орудіемъ въ рукахъ коноводовъ, и, незнакомые между собою, представляли бы безопасность отъ общаго раскрытія всей подземной работы, при случайномъ раскрытіи какой либо его части. Въ Парижѣ создавались планы для общихъ дѣйствій, которыя взаимною поддержкою должны были, по мнѣнію честолюбивыхъ строителей воздушныхъ замковъ, поставить ихъ въ главѣ народовъ. *Лелевели*, *Мадзини*, *Кавеньяки*, въ кабинетѣ *Лафайета*, передѣлывали человѣческія общества и, каждый про себя, создавалъ для себя роль *Бонапарта*, въ новомъ исправленномъ изданіи, согласно личнымъ мнѣніямъ и влеченіямъ каждаго. Старый *Лафайетъ* восторгался и проливалъ слезы умиленія, а старый *Буонарроти*, патріархъ тайныхъ обществъ, проповѣдывалъ осторожность и придумывалъ преисподнѣйшія системы для удачи заговоровъ.

Глава карбонаровъ, верховный руководитель таинственной ихъ дѣятельности, *Буонарроти* не довѣрялъ, чтобы тѣ оппозиціонныя правительству партіи могли достигать цѣли, которыя открыто ведутъ свои препія и печатаютъ имена своихъ руководителей. Только тѣ общества, по его мнѣнію, могутъ разсчитывать на успѣхъ, которыя работаютъ скрыто, и даже если существованіе самаго общества не безъизвѣстно правительству, то по крайней мѣрѣ, оно должно быть направляемо руководителями, облеченными въ непроницаемую тайну.

Бунтъ въ Парижѣ 6 іюня. Смерть генерала *Ламарка* не остановила революціонныхъ дѣйствій, напротивъ мятежъ на улицахъ Парижа, при похоронахъ этого генерала 6 іюня, и пораженіе революціонеровъ еще болѣе наэлектрызировали ихъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ; они спѣшили доказать, что дѣло ихъ не проиграно. Дѣятельнымъ участіемъ къ возбужденію кровопролитій 6 іюня, поляки оказали имъ особенную услугу; надо было дорожить этимъ союзникомъ, поощрить и наградить его, и представители оппозиціи, члены камеръ, самыми буйными рѣчами, на первыхъ послѣдовавшихъ засѣданіяхъ, снова потребовали отмѣны закона 9 апрѣля.

Съ своей стороны и эмиграція видѣла слабость власти Людовика Филиппа, въ колебаніяхъ и полумѣрахъ правительства, даже и послѣ одержанной на улицахъ Парижа побѣды, и она, тѣмъ съ большею настойчивостью готова была содѣйствовать государственному перевороту во Франціи. *Солтыкъ* въ іюлѣ 1832 года отправился въ депо въ Шатоуро, и тамъ со всѣми бывшими офицерами польскихъ войскъ заключилъ формальную конвенцію, по которой эмиграція обязывалась помогать и въ назначенный часъ заявить себя за партію демократическую-бонапартическую. Конвенція была подписана въ замкѣ Лолу генерала Бетрана.

Кончина герцога Рейхштатскаго была ударомъ для партіи Бонапартистовъ; она должна была уступить первенство партіи республиканцевъ. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на эмиграцію и измѣнило ходъ его дѣятельности.

Національный центральный комитетъ. Съ уменьшеніемъ значенія бонапартистской партіи, поляки военные видѣли необходимость озаботиться о большей собственной самостоятельности. Польскіе генералы и офицеры находили что въ польскомъ комитетѣ военное сословіе не имѣетъ достаточно представителей и требовали новаго избранія; совѣтъ парижскаго депо тоже неохотно подчинялся бывшему центральному комитету. Вслѣдствіе разлада и неудовольствій, 25 октября 1832 года образовался новый комитетъ подъ названіемъ *національнаго и центральнаго комитета польской эмиграціи;* его предсѣдателемъ былъ генералъ *Дверницкій*, а въ составъ вошли прежде бывшіе члены сейма: *Моравскій, Ледуховскій, Воловской, Еловицкій, Звѣрковскій*, и неизбѣжный *Лелевель*, генералы *Уминскій и Сѣравскій* и журналисты *Плихта, Губбе и Ворцель.*

Князь *Чарторыйскій* наружно держалъ себя далеко отъ всѣхъ продѣлокъ эмигрантовъ и опасался ихъ выходокъ; онъ всячески старался найдти имъ какое либо боевое занятіе въ междуусобіяхъ Португаліи и Испаніи, въ Алжирѣ или Египтѣ, или по крайней мѣрѣ сформированіемъ строго дисциплинированнаго польскаго легіона, изъ выходцевъ бывшихъ военныхъ, въ составѣ французскихъ войскъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, чтобы въ

случаѣ разлива революціоннаго пожара, готоваго вспыхнуть во Франціи, ему не остаться въ сторонѣ; онъ назначилъ потому съ своей стороны личности, которыя сблизились съ французскими партіями, готовящими государственный переворотъ. Графы *Платеры* и *Княжевичъ*, къ которымъ присталъ бывшій маршалъ послѣдняго сейма графъ *Островскій*, не только вошли въ сношенія съ главными коноводами, друзьями *Лафайета*, но даже съ второстепенными дѣятелями *Вожеръ*, *Аржансономъ*, *Маркизомъ Пюирово́*, *Виконтомъ Корменекомъ* и друг.

Дѣятельность новаго комитета. Подобно тому какъ старшая линія Бурбоновъ, утративъ престолъ, въ изгнаніи требовала соблюденія самаго строгаго этикета, довольствуясь призраками власти и тѣмъ думала поддержать обаяніе своихъ силъ и значеній; такъ, живя въ мірѣ фантазій, и польская эмиграція тѣшилась засѣданіями, протоколами, постановленіями, адрессами, отчетами и благоговѣніемъ къ этимъ работамъ легковѣрныхъ туземныхъ своихъ соотчичей (1).

Новый комитетъ, назвавшійся 25 октября 1832 года центральнымъ національнымъ, въ первомъ своемъ засѣданіи постановилъ: 1) независимость Польши, на основаніи акта сейма 25 января 1831 года, объявившаго польскій престолъ свободнымъ; 2) присоединеніе къ Польшѣ Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, на основаніи акта тогоже сейма отъ 5 мая 1831 года; 3) принятіе вѣнскихъ трактатовъ для возстановленія Польши, но въ случаѣ дипломатическихъ переговоровъ, комитетъ предоставлялъ себѣ право требованія границъ болѣе обширныхъ.

---

(1) *Лелевель* написалъ цѣлый рядъ прокламацій ко всѣмъ странамъ Европы для поддержанія симпатій къ Польшѣ; онъ самъ написалъ прокламаціи къ нѣмцамъ, русскимъ, американцамъ, италіанцамъ, венгерцамъ, евреямъ, камерамъ Франціи и Англіи, протестъ противъ раздачи русскимъ войскамъ ордена virtuti militari, противъ органическихъ статутовъ, составленныхъ для Польши, противъ нападенія пруссаковъ на польскихъ солдатъ, противъ закона 9-го апрѣля 1832 года, которымъ польскіе эмигранты во Франціи отдавались подъ надзоръ полиціи.

Польскіе агенты въ Англіи. Съ своей стороны князь *Чарторыйскій* не оставлялъ своими посѣщеніями и сношеніями съ вліятельными дипломатическими лицами заявлять необходимость заступничества Европы за Польшу, опираясь на трактаты 1814 г. и съ этою цѣлью послалъ графа Владислава *Платера* и *Нѣмцевича* въ Англію.

Броженіе умовъ во Франціи ободряло дѣятельность эмиграціи; она парила среди надеждъ и обширныхъ плановъ, расчитывала на общую европейскую войну—тѣмъ болѣе, что вся Франція, кромѣ короля, начинала воспламеняться войною и первый его министръ, вліяніемъ *Чарторыйскаго*, убѣдился въ пользѣ сформированія польскаго легіона, который могъ бы своимъ вліяніемъ на Польшу, принести существенную выгоду военнымъ предпріятіямъ Франціи. *Казимиръ Перье* дѣйствительно съ подобнымъ предложеніемъ обратился къ эмиграціи.

Благопріятныя извѣстія изъ Англіи еще болѣе распаляли надежды емиграціи. Ничего не щадя для того, чтобы расшевелить англичанъ въ свою пользу, закупая журналистику, разсѣевая клеветы на мнимое варварство и угнетенія Польши Россіей, увлекая митинги помощью образовавшагося въ Англіи общества «друзей поляковъ», — агенты *Чарторыйскаго* достигли того, что *Фергюссонъ*, *Эвансъ* 1) и *Будлей Стюартъ* дѣятельно настаивали о внесеніи польскаго вопроса на обсужденіе парламента и заказали два богатыя польскія знамена въ даръ эмиграціи сочувствующихъ англичанъ 2) и адресъ отъ нихъ къ польской націи.

Въ Англіи нація слишкомъ высоко цѣнитъ свои матеріальные интересы чтобы приводить въ исполненіе всякіе возможные мечтательные планы. Англичанинъ даетъ себѣ полную волю увлекаться на митингахъ, громкими возгласами одобрять всякія ему краснорѣчиво проповѣдуемыя предложенія, потому что на рѣ-

---

1) Эвансъ въ Польшѣ имѣетъ огромный металическій заводъ, который въ 1831 году обратился въ оружейныя матерскія, и въ 1862—3 годахъ въ этомъ же заводѣ, подъ фирмою Эванса, тоже заготовлялось оружіе для мятежниковъ. *Ред.*

2) Переданы торжественно польскому комитету въ Парижѣ, при полномъ его засѣданіи 25 марта 1833 года.

шенія своихъ митинговъ онъ смотритъ только какъ на заявленіе правительству: «принять къ свѣдѣнію», совершенно ему довѣряетъ и убѣжденъ, что камеры въ парламентѣ, со всѣми нужными данными обсудятъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и остановятся только на томъ, что англійской націи существенно выгодно и что всѣ громкія слова европейскихъ національностей, стремленій, прогресса, свободы, интеллигенціи, общественнаго развитія, на отечественный языкъ островитянъ переведутся словами: *выгодныя мѣры для расширенія англійской промышленности и для утвержденія англійскаго могущества и господства;* потому англичанинъ ни чуть не сердится, если избранный имъ представитель въ палатахъ подаетъ голосъ противный его личному убѣжденію. За митингомъ въ пользу мирной политики Брайта слѣдуетъ не съ меньшими рукоплесканіями и возгласами одобренія другой, въ пользу воинственной политики Палмерстона; но государственные люди польской эмиграціи увлекались вмѣстѣ съ крикунами Англіи.

Требованія эмиграціи. Убѣжденный, что государственнымъ людямъ Англіи ничего не остается болѣе какъ слѣдовать рѣшеніямъ нѣсколькихъ импровизорованныхъ для пріѣзжихъ гостей митинговъ, національный центральный комитетъ въ своемъ засѣданіи 24 ноября 1832 года составилъ адресъ палатѣ депутатовъ, который требовалъ, ни больше, ни меньше, какъ вооруженнаго заступничества Франціи и поднятія, буде нужно, трехцвѣтнаго знамени къ войнѣ, не для завоеваній или удовлетворенія славолюбія, но справедливой войны за свободу. Вслѣдъ за этимъ адресомъ появились тучи прокламацій, манифестацій и протестовъ, а маршалъ графъ *Островскій*, завидуя возрастающему вліянію партіи *Чарторыйскаго* на ея успѣхи въ Англіи и на его пущенный въ ходъ проэктъ польскаго легіона, думалъ нанести за границею рѣшительный роковой ударъ *Чарторыйскому* открыть сеймъ въ Парижѣ, и для присутствія необходимаго числа депутатовъ, вызвалъ проживающихъ въ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи 1).

1) Постановленіями $^{19}/_{7}$ и $^{13}/_{25}$ февраля 1831 г. въ Варшавѣ, всякій актъ сейма признается законнымъ, даже и изданный за границею, если только на немъ присутствуютъ 33 депутата.

Подобныя выходки эмиграціи выпудили Французское правительство объявить о продолженіи дѣйствія закона 9 апрѣля.

На это постановленіе эмиграція отвѣтила протестомъ, подписаннымъ 28 бывшими депутатами, а центральный комитетъ приготовилъ формальный манифестъ, подписанный 17-го сенаторами и 28-го депутатами. Напечатанный въ 1000 экземплярахъ (подъ заглавіемъ: „A Messieurs les pairs et les députés de la France, ou quelques notes sur l'état actuel de la Pologne sous la domination russe"), манифестъ былъ разосланъ членамъ обѣихъ камеръ, перамъ, депутатамъ и журналистамъ; за этимъ манифестомъ комитетъ утвердилъ брошюру, написанную *Гофманомъ*, „котораго искусное перо было изъ замѣчательнѣйшихъ въ средѣ польскихъ эмигрантовъ." Эта брошюра (подъ заглавіемъ: la nationalité polonaise détruite, ou lettre d'un polonais aux députés de la France), была разослана подобно манифесту.

Польскій сеймъ въ Парижѣ 1833 январь. Къ этому времени съѣхались въ Парижъ вызванные *Островскимъ* депутаты, и 22 января, въ залѣ дома *Лафайета*, наскоро приспобленной для засѣданія, *Островскій* занялъ мѣсто маршала, и сеймъ былъ открытъ. Сеймъ долженъ былъ начать съ постановленія о своей законности. Къ большему удивленію, въ собравшихся членахъ обнаружилось несогласіе. Партія *Чарторыйскаго*, которая въ сеймѣ видѣла новое орудіе постояннаго ей противодѣйствія, заявила что сеймъ тогда только можетъ быть признанъ законнымъ, если всѣ засѣдающіе члены, безъ исключенія, сами признаютъ его таковымъ; Островскій же утверждалъ, что для этого достаточно согласія большинства, а три члена представили свое особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не долженъ быть возбуждаемъ, такъ какъ онъ однажды былъ утвержденъ постановленіемъ сейма въ Варшавѣ.

Послѣ продолжительныхъ преній, мнѣніе *Островскаго* одержало верхъ, не безъ заявленнаго однакоже протеста приверженцевъ *Чарторыйскаго*, указывавшихъ что постановленія подобнаго сейма не могутъ быть законны, если сами законодатели не соглашаются признать таковымъ свое въ немъ участіе. Память-

никомъ этого торжественно открытаго сейма сохранился только протоколъ, заключающій утвердительную декларацію возникшаго вопроса.

При всей того времени шаткости правительства *Людовика Филиппа*, оно съ опасеніемъ стало всматриваться во всѣ дѣйствія новыхъ противниковъ, безпокойныхъ незванныхъ гостей, которые стали распоряжаться какъ бы у себя дома и угрожали устройствомъ въ государствѣ государства, и къ тому же государства, стоящаго въ тѣсномъ союзѣ со всей оппозиціей правительству. Все министерство, и въ особенности министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу*, было раздражено эмиграціею, которая, какъ бы издѣваясь надъ слабостью правительства, на постановленіе о продолженіи закона 9 апрѣля отвѣчала адресомъ и созваніемъ сейма.

Распри съ франц. правительствомъ. Правительство Людовика Филиппа постановило удалить изъ Франціи какъ самыхъ безпокойныхъ эмигрантовъ, такъ и весь центральный комитетъ; но безъ энергическаго исполненія, это постановленіе обратилось въ полумѣру. *Губбе, Гофману и Уминскому* было приказано выѣхать изъ Франціи, равно и всѣмъ членамъ центральнаго комитета; но *Воловскій и Моравскій* вышли изъ комитета и остались въ Парижѣ, равно какъ и самые главные дѣятели *Лелевель, Звѣрковскій и Ворцель*, которые доказали, что они въ послѣднихъ засѣданіяхъ комитета не участвовали. Эмиграція постановила «вести свои дѣла въ такой тайнѣ, чтобы французское правительство, не знакомое съ личностями, было поставлено въ тупикъ,—не зная истинныхъ коноводовъ, было бы поставлено въ недоумѣніе кого преслѣдовать, и распространяя строгости на всю эмиграцію, давало бы какъ-бы законный поводъ къ протестамъ и жалобамъ предъ обществомъ на угнетенія невинныхъ изгнанниковъ мѣстною администраціею.»

Правительство Людовика Филиппа было дѣйствительно поставлено въ затруднительное положеніе. Оно видѣло, что существуютъ дѣятельныя тайныя сношенія между эмигрантами и туземными революціонерами, что, потому, существуетъ сильная партія, которая старается возбудить симпатію къ полякамъ въ об-

щественномъ мнѣніи, и что всякія мѣры самосохраненія, предпринимаемыя правительствомъ, порождаютъ новыя неудовольствія ничѣмъ не стѣсняющимися перетолкованіями, которыя клонятся только къ порицаніямъ существующей власти. Правительство терялось, при общественномъ того времени настроеніи Франціи, въ изысканіи благовидныхъ предлоговъ къ избавленію себя отъ эмиграціи. До ушей правительства доходили свѣдѣнія объ огромныхъ вновь замышляемыхъ планахъ всѣхъ европейскихъ революціонеровъ, при особенно дѣятельномъ участіи польскихъ эмигрантовъ; имъ предложили намеками переселиться въ Алжиръ, но они отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Не много болѣе пользы принесло предложеніе *Донъ-Педро*, за которое горячо ухватилось французское министерство, но вся его поддержка португальскихъ предложеній и принятыя имъ мѣры не привели къ желаемому успѣху.

Португальскія предложенія. Въ февралѣ 1833 г. *Донъ-Педро* въ междуусобной войнѣ съ *Донъ-Мигуэлемъ*, думалъ усилить свои войска сформированіемъ польскаго легіона. Кавалеръ *Гама-Махада* былъ посланъ въ Парижъ и обратился къ князю *Чарторыйскому*, считая его главою польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* былъ съ своей стороны очень доволенъ занять неугомонныхъ эмигрантовъ. До него доходили слухи, что прежніе клубисты готовили какіе то новые обширные замыслы, новыя бѣдствія едва пріютившимся выходцамъ: но онъ понималъ, что при ненависти къ нему большей части старыхъ своихъ противниковъ его вмѣшательство только испортитъ дѣло: онъ отказался отъ прямаго участія и направилъ португальскаго эмиссара къ генералу *Бему*, который уже прежде, по выходѣ за границу, предлагалъ *Донъ-Педро* личныя свои услуги. Бемъ согласился, и для ближайшихъ переговоровъ отправился въ Португалію.

По движеніямъ эмиграціи и замѣчаемой какой-то судорожной ея дѣятельности, французское правительство догадывалось, что что-то важное готовится втиши.

Дабы съ своей стороны побудить эмигрантовъ принять приглашенія привезенныя въ Парижъ кавалеромъ *Гама Махада*,

французское правительство объявило камерѣ депутатовъ 6 апрѣля объ уменьшеніи субсидій польскимъ выходцамъ и что впредь ими будутъ пользоваться только не имѣющіе права на амнистію русскаго правительства 2 ноября (30 октября) 1831 года. Эта декларація произвела страшный взрывъ; центральный комитетъ, поддерживаемый *Лафайетомъ*, *Бинвономъ*, *Фраси* и *Гарнье-Пажесомъ*, представилъ министерству и въ камеры депутатовъ записки, которыми испрашивалъ:

1) чтобы французское правительство положительно высказало свое мнѣніе о русской амнистіи и,

2) чтобы субсидіи были уплачиваемы въ прежнемъ размѣрѣ и, чтобы комитетъ для ревизіи и контроля ассигнуемыхъ суммъ исключительно былъ составленъ изъ поляковъ.

На эту записку министръ внутреннихъ дѣлъ *Аргу* отвѣтилъ 12 апрѣля, что правительство соглашается на выдачу пособія только тѣмъ, которые переселились въ предѣлы Франціи, а расходъ ассигнуемыхъ суммъ отъ французскаго правительства можетъ быть исключительно подчиненъ только его собственному контролю.

Пока французское правительство переговаривалось съ эмиграціею о легіонѣ для Португаліи, подготовленныя ею затѣи разыгрались плачевно.

Попытки къ общей европейской революціи. Въ теченіи 1832 года эмиграція заботилась устроить правильныя и непрерывныя сношенія съ земляками (1). Эти сношенія должны были заключаться 1) въ доставленіи самыхъ подробныхъ мѣстныхъ свѣдѣній изъ Польши, Западнаго края Россіи, Познани, Галиціи

---

(1) Первыя сношенія производились съ слѣдующими лицами: Въ *Варшавѣ* съ *Маціовскимъ* и *Мержевскимъ*, членами кредитной коммисіи, бывшимъ офицеромъ *Пржездецкимъ* и *Сейделемъ*; *въ Каменцѣ* съ графомъ Владиславомъ *Красновскимъ*; Въ *Леопольдѣ* съ полковникомъ *Крудзенемъ*, *Горскимъ*, *Слатвинскимъ* и *Макровскимъ*; *въ Познани* съ *Коссецкимъ*, *Рачинскимъ* и *Дзедускимъ*; *въ Гнезнѣ* съ *Адельнау* и *въ Краковѣ* съ *Менцишевскимъ*.

Князь Чарторыйскій употреблялъ для своихъ сношеній еврея *Брезу*.

и Кракова и 2) въ превращеніи въ деньги всѣхъ оставленныхъ эмигрантами имуществъ, которыя могли быть спасены и въ переводѣ капиталовъ за границу. Съ помощью завязавшихся сношеній были сдѣланы и нѣкоторыя подготовленія къ новому мятежу.

Іосифъ Заливскій, подпоручикъ школы подпрапорщиковъ, поднявшій знамя бунта 17 ноября 1830 года былъ полковникомъ въ числѣ эмигрантовъ. На него было возложено вторично поднять Польшу къ мятежу.

По мнѣнію эмиграціи мятежъ 1831 года не удался потому, что Польша расчитывала на свою регулярную армію, которая уступая столь много своею численностью военнымъ силамъ Россіи, окончательно была приведена въ невозможность продолженія борьбы. Не тотъ былъ бы исходъ войны, толковали эмигранты, если бы она была ведена какъ война народная, если бы было поднято все населеніе способное носить оружіе, а войска служили бы только опорными точками возстанія. Въ подобной борьбѣ, веденной по образцу Гверильясовъ, русскія войска, лишенныя отовсюду подвозовъ и снабженій, были бы приведены въ безсиліе, и имъ оставалось бы только одно, поспѣшно очистить Польшу.

Заливскій долженъ былъ, съ сотнями двумя отчаянныхъ, кинуться въ Польшу и начать тамъ партизанскую войну, призывая чрезъ ксендзовъ населеніе къ оружію, и разлить пламя новаго мятежа на театрѣ прежняго, съ прибавленіемъ Галиціи и Познани. Въ тоже время другая горсть поляковъ должна была перебраться во Франкфуртъ-на Майнѣ и, съ помощью нѣмецкой молодежи, возбуждаемой историкомъ Ротекомъ, Винкеромъ и Дютлингеромъ, бывшихъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ парижскими революціонерами,— овладѣть резиденціей сейма германскаго союза и оттуда разлить революцію по всей Германіи.

Депо безансонскихъ эмигрантовъ, въ главѣ которыхъ стоялъ полковникъ *Оборскій*, какъ ближайшее,—должно было переѣхать въ Швейцарію, и въ свободной республикѣ, найдя безопасный

пріютъ, выжидать оттуда дальнѣйшій ходъ событій. Эти эмигранты, въ числѣ 488, должны были устремиться туда, куда потребуютъ обстоятельства. Сильное народное возстаніе въ бывшихъ польскихъ областяхъ и революція по всей Германіи должны были быть сигналомъ для рѣшительныхъ дѣйствій революціонной партіи во Франціи. При единовременно поднятой Франціи, правительству оставалось бы или бѣжать, или идти за общимъ теченіемъ и объявить себя въ главѣ наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій на Европу; тогда сильная французская армія явилась бы за Рейнъ покровительницею всеобщаго народнаго возстанія, къ которому примкнули бы италіянцы, поднятые своими карбонарами.

Приготовленія къ революціи дѣлались въ величайшемъ секретѣ и весь планъ долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ, пока самыя дѣйствія его не обнаружатъ. Въ концѣ марта начались движенія и дѣйствія: къ 1-му апрѣлю всѣ были на мѣстахъ. По пріѣздѣ уже полковника Оборскаго въ Швейцарію, было обнародовано слѣдующее его воззваніе изъ Безансона, на которомъ было выставлено число 7 апрѣля,—слѣдующій то есть, день, за объявленіемъ сокращенія субсидій.

Соотечественники !

«Долгъ, отчаніе, общіе интересы, наши сердца, наши чувства, и предопредѣленное свыше назначеніе поляковъ, насъ призываютъ сражаться за свободу Германіи. Вы не можете не раздѣлять нашихъ убѣжденій; если мы не воспользуемся близостью границы, чтобы предпринять эту экспедицію, мы измѣнили бы самимъ себѣ.

Нашимъ предпріятіемъ мы указываемъ народамъ путь ко всеобщей солидарности; мы великодушіемъ платимъ имъ за ихъ неблагодарность.

Оставляя Францію, мы не отдѣляемся отъ польской эмиграціи. Вы всегда найдете насъ готовыми содѣйствовать вамъ; но до восторжествованія революціи, мы смотримъ на васъ какъ на резервъ: и такъ оставайтесь во Франціи, въ ожиданіи тѣхъ успѣховъ, которые увѣнчаютъ наши усилія; но если насъ постигнетъ

гибель, откажитесь отъ насъ, но живите и работайте для нашего святаго національнаго дѣла."

Президентъ полковникъ Людовикъ *Оборскій.*

Секретарь подполковникъ Михаилъ *Янчковскій.*

Непосвященные въ планы революціи эммгранты недоумѣвали въ своихъ депо: они видѣли какія то безпокойныя ожиданія и совѣщанія своихъ коноводовъ. Первыя газетныя извѣстія и посланіе *Оборскаго* еще болѣе увеличивали это недоумѣніе, пока не разсѣяли его нѣсколько подробнѣйшія извѣстія о повсемѣстной неудачѣ.

Въ платьяхъ простолюдиновъ, 80 эмигрантовъ, въ теченіи марта, пробрались въ *люблинское* воеводство, 15 въ *калишское* и 25 въ *пл цкое.* При первыхъ произведенныхъ безпорядкахъ изъ первой партіи 20 были захвачены правительствомъ, изъ нихъ три были казнены. Искателямъ приключеній осталось искать спасенія въ бѣгствѣ и укрываться въ лѣсахъ; для скорѣйшей поимки лѣсныхъ героевъ выплачивалось крестьянамъ за всякаго взятаго съ оружіемъ по 500 злотыхъ.

Полиція въ Австріи и Пруссіи обратила удвоенное вниманіе на путешественниковъ, особенно съ французскими паспортами, и въ Польшѣ скоро все затихло, кромѣ слѣдственныхъ коммисій судившихъ захваченныхъ. *Заливскій* былъ схваченъ австрійцами и въ строгомъ заключеніи просидѣлъ въ казематѣ до 1848 г.

Покушенія во Франкфуртѣ не были удачнѣе: около сотни революціонеровъ всѣхъ націй прибыли во Франкфуртъ, обезоружили ночью караулы городской стражи, вольнаго города, и завладѣвъ имъ, во всѣ концы Германіи раскинули прокламаціи, призывая сочувствующихъ поддержать безразсудное ихъ дѣло. Но изъ нѣмцевъ никто не тронулся, и прежде нежели Оборскій умѣлъ двинуться изъ Швайцаріи во фракфуртъ прибылъ баталіонъ регулярныхъ войскъ, отъ приближенія котораго революціонеры разбѣжались.

Поляки въ Швейцаріи. Прибытіе въ Швейцарію въ это время безансонскаго депо и пріютъ, данный ему швейцарскими властями, обратили на себя вниманіе германскихъ дворовъ, у которыхъ завязалась переписка съ швейцарскимъ правительствомъ; отъ него требовали объясненій.

Въ Швейцаріи была своя полонофильская партія. Изъ членовъ тамошнихъ массонскихъ ложъ образовались комитеты съ благотворительною для поляковъ цѣлью въ *Бернѣ*, *Лозанѣ*, *Поректруи*, *Женевѣ*, *Цюрихѣ*, *Гларусѣ*, *Люцернѣ*, *Арговіи* и *Сенъ-Галленѣ* (1). Но если полонофилы готовы были на разныя пожертвованія, то масса населенія, съ своей стороны, начала тяготиться этими гостями, которые не походили на прежнихъ поляковъ—путешественниковъ, щедрою рукою сыпавшихъ золотомъ; эти, напротивъ, сами требовали пропитанія, и, для предупрежденія безпорядковъ, исполнительный совѣтъ долженъ былъ назначить всякому, объявившему себя неимущимъ, пособіе на пропитаніе.

Швейцарское правительство, видя, что ни во внѣшнихъ, ни во внутреннихъ отношеніяхъ пребываніе поляковъ не устраиваетъ дѣлъ Швейцаріи, постановило 9-го мая: 1) обратиться къ французскому правительству о дозволеніи полякамъ — эмигрантамъ возвратиться во Францію, 2) распредѣлить ихъ, до полученія отвѣта, по кантонамъ, 3) неимущимъ выдавать пособія, но не болѣе какъ по 6 бацовъ въ сутки, и выдачу эту прекратить со дня полученія разрѣшенія изъ Франціи или одиночнаго выбытія и 4) пригласить эмигрантовъ просить французское правительство съ своей стороны о дозволеніи имъ возвратиться.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ швейцарскаго правительства, ему была доставлена отъ германскаго союза дипломатическая нота, отъ 15 мая 1833 года, въ которой было изложено, что германскій сеймъ, обязанный заботиться о сохраненіи общественнаго спокойствія Германіи, имѣетъ право требовать, чтобы дружественныя съ нею державы противудѣйствовали учрежденію въ нихъ притона заговорщиковъ (foyer de conspirateurs), которые возбуждали бы постоянныя опасенія и требовали постоянныхъ мѣръ для отраженія вторженія людей, замышляющихъ произведеніе безпорядковъ. Сеймъ, потому, не сомнѣвается что

---

(1) Замѣчательнѣйшіе сторонники были въ Бернѣ Нейгаузъ, Отъ, Шпель, Фетшринъ, Ландотъ, Шнейдеръ, Обри и Гюнцигеръ, въ Куртлари президентъ Морель, Аббатъ Кютатъ въ Поректрюи; въ Лозанѣ Монаръ, Рако, Келеръ, Ривіеръ и Ружъ.

швейцарское правительство не поставитъ германскій союзъ въ необходимость обратиться къ мѣрамъ, предписываемымъ заботою собственнаго спокойствія, а употребитъ зависящія отъ него средства противудѣйствовать продѣлкамъ поляковъ, проживающихъ въ Швейцаріи, и ясно обнаружившихъ свои замыслы происшествіями, бывшими во Франкфуртѣ 3 апрѣля.

Нота франкфуртскаго сейма испугала эмиграцію; эта нота предъ лицемъ европейскихъ обществъ, разоблачала источникъ волненій, раскрывала затаиваемые замыслы; нужно было удачно увернуться отъ послѣдствій неудачной попытки, произвести оборотъ въ понятіяхъ Европы и отуманть ее. Съ этою цѣлью, поляки 20 мая подали швейцарскому правительству сообразный новымъ обстоятельствамъ адресъ, не стѣсняясь много объ истинѣ. Онъ былъ за подписью полковника *Оборскаго*, 7-ми довѣренныхъ лицъ и скрѣпленъ секретаремъ, для сообщенія документу оффиціальнаго характера, которымъ эмиграція, въ глазахъ европейской публики, а особенно въ глазахъ своихъ земляковъ, усиленно хлопотала придавать какой то правительственный характеръ своимъ постановленіямъ 1).

Огромная была разница въ тонѣ этого адреса, сравнительно съ тѣмъ кичливымъ безансонскимъ воззваніемъ, которымъ поляки собирались облагодѣтельствовать Германію. Выходцы теперь выдавали себя за несчастныхъ, угнетенныхъ Франціею, которые пришли въ свободную Швейцарію искать пріюта и работы, которыхъ европейскіе кабинеты хотятъ ихъ лишить. Въ опроверженіе взводимыхъ на нихъ обвиненій, они наивно приводили въ оправданіе, что если они прибыли въ Швейцарію не вооруженными, то какіе же могли быть ихъ замыслы на общественное спокойствіе Европы.

„Въ началѣ прошедшаго (апрѣля) мѣсяца,“ читаемъ мы между

---

1) Адресъ 20 мая 1833 года въ Поретрю былъ подписанъ полковникомъ Людвигомъ *Оборскимъ* и Казимиромъ *Пашковичемъ*, подполковникомъ Иваномъ *Лелевелемъ*, Артиллеріи капитаномъ *Карломъ Штольцманомъ*, капитанами Францомъ *Гордашевскимъ*, Феликсомъ *Нововельскимъ*, поручикомъ *Ѳедоромъ Стефанскимъ* и Емерикомъ *Станевичемъ*, скрѣпленъ секретаремъ капитаномъ Константиномъ *Зальскимъ*.

прочимъ въ этомъ длинномъ адресѣ, ,,горсть поляковъ, преслѣдуемая жестокостями и угнетеніями французскаго правительства, въ своемъ отчаяніи, бросилась въ Швейцарію, далеко не предвидя, что европейскіе кабинеты воспользуются этою рѣшимостью, вынужденною крайностью бѣдствія, чтобы выставить эмигрантовъ опасными правительствамъ. Мы изложимъ вамъ причины нашего прибытія; вѣрные традиціонному гостепріимству, вы приняли несчастныхъ, а великодушіе кантоновъ поспѣшило дать намъ средства къ существованію. Вздохнувъ свободно, послѣ столькихъ преслѣдованій, пользуясь въ Швейцаріи защитою законовъ, въ чемъ Франція намъ грубо такъ отказала,—едва приступили мы къ пріисканію средствъ къ будущему мирному нашему существованію, какъ германскій союзъ, къ крайнему нашему удивленію и крайней нашей горести, придаетъ нашему спокойному здѣсь прибытію видъ вооруженнаго вторженія, приписываетъ намъ какіе-то имъ воображаемые замыслы, обвиняя насъ во франкфуртскихъ событіяхъ 3 апрѣля, взводитъ на насъ какіе то призраки заговоровъ, усиливается лишить вашего покровительства и заставить васъ, на вашей свободной землѣ, устроить систему инквизиціи.“

,,Мы видимъ съ радостью, многоуважаемые граждане, съ какою осторожностью вы принимаете эти, ни чѣмъ не доказанныя, обвиненія со стороны германскаго союза. Вы сами могли убѣдиться, что мы прибыли безъ оружія, а потому какой вѣры заслуживаютъ ложныя извѣстія, которыя было угодно распространять на счетъ насъ. Наши враги сильны и опасны. Правительства, хладнокровно смотрѣвшія на нашу бывшую борьбу 1831 года, къ которой насъ вынудило отчаяніе, съ ожесточеніемъ насъ теперь преслѣдуютъ, сначала изъявивъ намъ обманчивое сожалѣніе и предложивъ намъ обманчивое гостепріимство.

,,Представители швейцарскаго народа! горсть поляковъ, изгнанныхъ, несчастныхъ, всѣми отвергаемыхъ, испрашиваетъ у васъ покровительства противъ дипломатическихъ преслѣдованій; на васъ полагаемъ мы всю надежду, мы вѣримъ, что вы ей неизмѣните и не предоставите насъ мщенію палачей нашего отечества“.

Неудачи Бема. *Бемъ* въ это время былъ въ Опорто, и тамъ 19 мая заключилъ конвенцію, которая 24-го мая и была подписана *Донъ-Педро.* Статьи этой конвенціи были слѣдующія:

1) «Для службы е. в. королевы португальской, будетъ устроенъ корпусъ войскъ не превышающій 3200 человѣкъ, подъ именемъ легіона королевы.

2) Этотъ корпусъ будетъ имѣть польскихъ начальниковъ, польскій мундиръ и польскія командныя слова, военные законы французскіе, а кокарду португальскую.

3) Всякій, вступающій въ этотъ корпусъ полякъ, получаетъ гражданскія права Португаліи.

4) По взятіи Лиссабона, легіонъ можетъ или оставаться на службѣ Португаліи или прійдти въ другое государство на средства, которыя ея величествомъ будутъ назначены.

5) При легіонѣ должно быть учреждено военное училище.

6) 24 Поляка должны быть приняты въ португальскую морскую школу, и за тѣмъ служить на португальскомъ флотѣ.

7) Всякій офицеръ и рядовой, по окончаніи войны, безпрепятственно получаютъ, если пожелаетъ, отставку.

8) Конвенція должна быть выполнена до 31 іюля 1833 года, въ противномъ случаѣ она перестаетъ быть обязательною.»

Бемъ возвращался въ Парижъ весьма довольный заключенною имъ конвенціею. По его мнѣнію эмиграціи ничего не оставалось желать лучшаго. Бывшіе военные и вся молодежъ, участвовавшая въ шайкахъ, особенно литовскихъ и эмигрировавшая за границу, мечтали, что они будутъ имѣть безбѣдное содержаніе, участвуя въ войнѣ, будутъ поддерживать боевое свое настроеніе, военное училище будетъ разсадникомъ для подготовленія офицеровъ поляковъ, весь отрядъ будетъ готовый—опытный кадръ для скораго образованія, въ случаѣ новаго возстанія, новой польской арміи (обстоятельство весьма важное при утратѣ національныхъ военныхъ регулярныхъ войскъ), наконецъ,—при своихъ собственныхъ морякахъ, эмиграція при первой потребности, закупивъ нѣсколько кораблей, всегда можетъ перенестись моремъ къ берегамъ Самогитіи. Въ Парижѣ ждало Бема и его сообщниковъ разочарованіе.

По возвращеніи въ Парижъ, генералъ *Бемъ* 24 іюня 1833 года, послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи, думалъ угодить ей и издалъ шесть прокламацій; четыре были съ воззваніемъ, въ пятой заключалось изложеніе будущей организаціи легіона, а въ шестой условія для желающихъ поступить въ его составъ.

Центральный комитетъ, былъ въ дурномъ расположеніи послѣ неудачъ въ Польшѣ и во Франкфуртѣ, озлобленъ и на французское привительство—за сокращеніе субсидій, и на *Бема* за его самовольныя сношенія съ *Донъ-Педро*, и на *Чарторыйскаго*. Графъ *Островскій*, все считавшій себя маршаломъ сейма, дога-

дывался, что, въ сношеніяхъ *Бема* съ французскимъ правительствомъ, князь Адамъ стоялъ за кулисами и двигалъ переговорами; мнимый маршалъ немедленно поднялъ на ноги центральный комитетъ,—вліятельнѣйшія личности *Лелевеля, Звѣрковскаго* и *Ворцеля,* а для привлеченія на свою сторону литвиновъ онъ наэлектризировалъ *Домейко;* появился рьяный протестъ противъ конвенціи *Бема;* во всѣ депо было сообщено о самовольномъ присвоеніи Бемомъ власти и приглашеніе съ своей стороны ниспровергнуть на первыхъ же порахъ его коварные замыслы.

На *Бема* со всѣхъ сторонъ посыпались ярыя нападки раздраженныхъ эмигрантовъ. «Я вовсе не имѣлъ никакихъ намѣреній посягать на права эмиграціи, отвѣчалъ *Бемъ.* Заключенная мною конвенція обязателна только для тѣхъ лицъ, которыя сами пожелаютъ поступить въ легіонъ. Это право, полагаю, принадлежитъ мнѣ наравнѣ со всякимъ другимъ выходцемъ. Я надѣялся оказать услугу эмиграціи, большею частью состоящей изъ людей привыкшихъ къ дѣятельной военной жизни. Дѣло *Донны Маріи* есть дѣло конституціонное; кромѣ того оно имѣетъ особенное значеніе,—оно діаметрально противурѣчитъ видамъ и интересамъ Россіи. Образованіе польскаго легіона дало бы намъ средства обойтись безъ милостыни французскихъ субсидій, а легіонъ былъ бы готовъ служить современемъ и дѣлу Польши.»

«По какому праву, возражали противники, генералъ *Бемъ,* никѣмъ не уполномоченный, заключаетъ конвенцію, когда польская эмиграція имѣетъ свой центральный національный комитетъ,—комитетъ, который заботится о ея нуждахъ и интересахъ? Какъ смѣлъ онъ, безъ согласія комитета, вступить въ переговоры съ иностраннымъ дворомъ?»

«Проэктъ вербовки поляковъ въ португальскую службу есть повтореніе прежнихъ дипломатическихъ самообольщеній, которыя столько повредили національному возстанію. Эмиграція не должна оставлять Франціи, — этого сердца европейскихъ политическихъ событій.»

Намеки на *Чарторыйскаго* были слишкомъ ясны, чтобы онъ могъ оставить ихъ безъ возраженія. Онъ написалъ къ *Бему*

письмо, въ которомъ откровенно изъяснялъ свое содѣйствіе къ образованію польскаго легіона для Португаліи и доказывалъ всѣ выгоды этого плана для польскаго дѣла. Съ своей стороны *Бемъ* разослалъ къ эмигрантамъ своихъ эмиссаровъ *Михаловскаго*, *Дзержановскаго*, *Хемлицкаго* и *Урбанскаго* и самъ отправился посѣтить польскія депо. Пріемы, сдѣланные ему и его эмиссарамъ, были различны; въ депо же города Буржа ожесточеніе было такъ велико, что совѣтъ мѣстной эмиграціи послалъ Бему депутацію съ предложеніемъ немедленно выѣхать изъ города, а одинъ изъ этихъ депутатовъ даже выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Бемъ не только видѣлъ, что разладъ съ комитетомъ препятствуетъ исполненію конвенціи къ назначенному сроку, и что должно отказаться отъ мысли польскаго легіона; но что комитетъ настойчиво ведетъ свои интриги къ тому, дабы удержать во Франціи даже и его приверженцевъ, изъявлявшихъ желаніе, безъ всякой конвенціи, отправиться съ нимъ искать счастія и славы въ Португаліи. Результатомъ всѣхъ этихъ интригъ было то, что Бемъ, съ немногими соотчичами, отправился къ *Донъ Педро* и поступилъ въ отрядъ волонтеровъ, собранный *Эвансомъ* изъ шотландцевъ и ирландцевъ. Въ этомъ отрядѣ *Урбанскій* дослужился до чина полковника, а *Бемъ*, по взятіи Лисабона, съ своими друзьями, перешелъ въ Италію и принялъ участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ.

Генералы *Дверницкій*, *Раморинъ* и *Уминскій*, въ сношеніяхъ съ великимъ парижскимъ комитетомъ, были весьма довольны удаленіемъ *Бема* послѣ франкфуртской неудачи. Въ то время таинственно создавались новые еще обширнѣйшіе планы поднять Европу начиная съ Рейна Италію и южную Францію; въ этомъ предпріятіи эти генералы готовили для себя мѣсто *Бема*, имѣвшаго много своихъ поклонниковъ между эмигрантами: они боялись встрѣтить лишняго и опаснаго соперника.

Проэктъ польскаго легіона. Комитетъ, не смотря на колебанія французскаго министерства, все еще надѣялся на сформированіе польскаго легіона. Министерство съ одной стороны склонялось на его учрежденіе чувствуя, при существовавшемъ

тогда во Франціи броженіи умовъ, что правительство легко можетъ быть поставлено въ то положеніе, что ему европейская война только будетъ якоремъ собственнаго спасенія. Правительство разсчитывало съ одной стороны на выгоду моральнаго значенія легіона относительно Польши, но съ другой стороны министерство опасалось именно того, что имѣли въ виду польскій комитетъ и всѣ революціонеры для подземныхъ своихъ плановъ. Подобный легіонъ былъ бы постоянно и совершенно готовымъ организированнымъ корпусомъ, къ услугамъ и поддержкѣ французской революціонной партіи.

Правительство Людовика Филиппа думало, что побѣдою 6 іюня 1832 г. оно начинаетъ укрѣпляться, и исподоволь начало проводить мѣры для ослабленія враждебныхъ партій. Когда исчезла надежда на удаленіе польской эмиграціи въ Португалію, тогда военный министръ хотѣлъ собрать (localiser) эмигрантовъ и разсѣянныхъ по Франціи безпокойныхъ поляковъ и поставить подъ ближайшій правительственный надзоръ. Въ видѣ опыта, онъ предложилъ комитету составить кадры польскаго легіона, но комитетъ отказался потому, что правительство вмѣняло въ условіе, чтобы поступающіе положительно и письменно обязались служить тамъ, гдѣ будетъ предписано. Но подобныя условія, по которымъ они могли бы быть высланы для дѣйствій въ Алжиръ, во все не улыбались эмигрантамъ, а еще менѣе соотвѣтствовали расчетамъ и предположеніямъ ихъ коноводовъ.

Слишкомъ обширное поприще раскидывалось для плановъ и фантазій коноводовъ польской эмиграціи, чтобы они могли рѣшиться какъ на удаленіе значительной части эмигрантовъ въ Португалію, такъ и на рискованное согласіе образованія французскимъ правительствомъ польскаго легіона по идеѣ предлагаемой Чарторыйскимъ.

Коноводы эмиграціи обмѣнивали услуги польскихъ выходцевъ у европейскихъ революціонеровъ, на ихъ содѣйствія къ частому напоминанію о судьбѣ Польши, разными лже-провозглашеніями о ея бѣдствіяхъ, и тѣмъ къ возбужденію въ общественномъ мнѣніи полонофильскихъ симпатій. А что главные мастера революціон-

наго дѣла умѣли ловко вести эти козни, и умѣли находить ловкихъ и ретивыхъ подмастерьевъ, въ томъ можемъ убѣдиться, если вспомнимъ, какъ даже русскіе, бывшіе за границею, возвращались оттуда, слѣпо увѣренные въ мнимыхъ угнетеніяхъ поляковъ русскимъ правительствомъ, въ то время какъ русское правительство охраняя спокойствіе населенія, не щадило ему попадавшихся въ руки революціонныхъ агентовъ, и принимало мѣры противъ ихъ продѣлокъ.

Обработывая общественное мнѣніе, коноводы домогались свои интриги усилить и дипломатическими оттѣнками, дабы не упустить ни малѣйшаго средства, которое могло бы способствовать затѣваемому дѣлу.

Требованія баденской интервенціи. Верховный комитетъ всѣхъ тайныхъ козней велъ обширнѣйшую переписку, *при оказіяхъ*, съ профессорами и журналистами Европы и при этихъ невидимыхъ нитяхъ *Ротекъ*, *Велькеръ* и *Дютлингеръ*, вслѣдствіе порученій посланнаго съ эммисаромъ Игнатіемъ *Домейко* въ засѣданіи баденской камеры, 2 сентября 1833 года, подражая англійскому парламенту, потребовали *интервенціи баденской дипломатіи въ пользу польской національности.*

Савойская экспедиція. Осенью 1833 года особенно были въ ходу приготовленія италіанскія; вмѣстѣ съ экспедиціями Заливскаго и франкфуртскою единовременно должна была подняться и молодая Италія, которая опоздала приготовленіями; прибывшіе поляки въ Швейцарію не теряли надежды. Послѣ первыхъ апрѣльскихъ неудачь они всѣми средствами старались тамъ удержаться, или вѣрнѣе коноводы всѣми силами хотѣли ихъ тамъ удержать: поляки должны были выставить первыхъ бойцевъ для Италіи. Буонаротти находилъ экспедицію преждевременною; италіанскій народъ былъ доволенъ своею судьбою; при всѣхъ усиліяхъ слово tedesco не было ненавистно между народомъ, потому было нужно сперва подготовить народъ къ враждѣ и искусственно поселить въ него новыя желанія; при общественномъ строѣ Италіи затронуть религіозную сторону было невозможно, да клерикальное пособіе потребовало бы своихъ вознагражденій, что вовсе не входило въ

расчеты коноводовъ, стремившихся сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ; Буонарротти не надѣялся на успѣхи воскресныхъ народныхъ изданій, среди малограмотнаго, подъ благодатнымъ небомъ и на роскошной землѣ лѣниваго народа; манифестаціи систематически веденныя по мнѣнію Буонарротти оставались единственнымъ путемъ, которымъ можно было сдѣлать народъ болѣе воспріимчивымъ къ поддержанію какихъ нибудь внезапныхъ выходокъ; но нетерпѣливый Мадзини надѣялся на свои силы, онъ рекрутировалъ молодую Италію изъ учащейся молодежи и въ молодыхъ италіянскихъ войскахъ, составленныхъ изъ растасованныхъ прежнихъ наполеоновскихъ, по вновь образованнымъ владѣніямъ Италіи. Отъ Альповъ до Сициліи, по всему полуострову, Мадзини группировалъ кружки молодой Италіи, которыя питались тайно провозимыми листами его журнала, издаваемаго въ Марсели. Способъ веденія войны отдѣльными шайками былъ принятъ какъ такой, при которомъ *можетъ проявиться всякое патріотическое вдохновеніе и добродѣтельные порывы не могутъ быть придавлены гнетомъ военныхъ принятыхъ правилъ.* Таково было мнѣніе этихъ пересозданій вѣка, столько же способныхъ къ вѣрному взгляду на военное дѣло, сколько быть государственными людьми и благодѣтелями человѣчества.

Изгнаніе польскихъ коноводовъ. Послѣ кровавой тризны по *Ламаркѣ*, Парижъ нѣсколько притихъ, но Франція была видимо волнуема подземною работою,—по городамъ бывали мятежныя вспышки, особенно въ Ліонѣ. Правительство натыкалось и на неуловимые слѣды польской дѣятельности, и, не находя личностей, принимало мѣры противъ цѣлой эмиграціи. *Лелевель, Звѣрковскій* и *Ворцель*, попавъ въ высшіе слои молодой Европы, дорожа пребываніемъ въ Парижѣ, оффиціяльно выписались изъ числа членовъ польскаго комитета, за ними выбыли и другіе. Комитетъ таялъ, *Моравскій* и *Воловскій* перебѣжали въ лагерь Чарторійскаго и въ первой половинѣ 1833 года комитетъ состоялъ изъ 5-ти членовъ,—генераловъ *Дверницкаго*, *Сѣравскаго*, бывшаго депутата *Ледуховскаго*, *Еловицкаго* и журналиста *Плихты*.

Полиція, найдя средство послѣдовательно ближе ознакомиться съ личностями эмиграціи, указывала правительству болѣе безпокойныхъ и опасныхъ. Въ іюлѣ 1833 года *Ворцелю*, *Пулавскому*, *Чапскому*, *Якшевскому*, *Януишкевичу* и *Грушевскому* было приказано оставить Францію, а въ августѣ было приказано также выѣхать *Лелевелю* и *Ходзько*. Относительно всей эмиграціи были приняты строгости, начавшіяся съ того, что министерство назначило въ каждое депо новыхъ начальниковъ изъ эмигрантовъ, ему рекомендованныхъ партіею *Чарторыйскаго*; новые начальники были весьма дурно приняты, особенно въ *Буржеракѣ*, гдѣ вновь присланный, бывшій полковникъ *Подчаскій*, былъ объявленъ измѣнникомъ при первой встрѣчѣ и едва спасся отъ смерти. Эти буйства имѣли послѣдствіемъ, что эмигранты изъ 7 депо были разсѣяны по 136 городамъ и новыя депо были подчинены самому бдительному контролю полиціи: каждый эмигрантъ еженедѣльно былъ непремѣнно обязанъ лично являться въ полицію.

Въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ префектурѣ полиціи было устроено особое полицейское отдѣленіе для польской эмиграціи, получившее названіе *центральнаго комитета*— названіе, которымъ правительство хотѣло уронить собственно польскій комитетъ, корчившій изъ себя какое-то учрежденіе самозванца—правительства, безъ владѣній. Французскій полицейскій комитетъ, подъ видомъ повѣрки справедливости присвоиваемыхъ эмигрантами разныхъ прежнихъ своихъ чиновъ и титуловъ, по которымъ они получали вспомоществованія отъ французскаго правительства,— долженъ былъ ближе ознакомиться съ личностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ изъ среды той же эмиграціи агентовъ, которые, продавая свои услуги, сообщали полиціи о разныхъ затѣяхъ своихъ земляковъ. Нѣсколько предваренныхъ замысловъ заставили эмигрантовъ догадаться о тайномъ надъ ними надзорѣ, и они съ своей стороны выставляли *дозорцевъ*, которые въ примыкающихъ къ префектурѣ улицахъ полиціи сторожили тѣхъ изъ земляковъ, которые туда являлись чаще. Полиція однако дознала́сь и о существованіи этихъ наблю-

дателей, и два изъ нихъ *Василевскій* и *Ласкій* были схвачены и заключены въ февралѣ 1834 года.

Полицейскій комитетъ получалъ донесенія какъ отъ мѣстныхъ властей изъ Ліона, такъ и отъ посольства изъ Швейцаріи, что особенная какая-то глухая дѣятельность тамъ проявляется между эмигрантами; въ началѣ 1834 года загадка разъяснилась.

Савойская экспедиція. Для возстанія Италіи генералъ *Рамарино*, идолъ молодыхъ италіанцевъ, былъ назначенъ для руководства *Мадзини* въ военныхъ распоряженіяхъ. Рамарино, италіянецъ по рожденію, былъ тотъ самый, который съ отдѣльнымъ корпусомъ, закупленный Чарторыйскими послѣ паденія Варшавы, отказался исполнять приказанія польскаго главнокомандующаго и ушелъ сложить оружіе въ Австріи. Рамарино былъ посланъ въ Ліонъ и тамъ, лѣтомъ 1833 года, долженъ былъ вербовать и приготовить шайку, въ то время, какъ другая шайка готовилась, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Мадзини, въ самой Швейцаріи. *Рамарино* было выдано 40,000 франковъ на издержки. «*Мадзини*, пишетъ *Луиблань* (панегиристъ демократическихъ революціонеровъ) устроилъ заговоръ въ Савоіѣ съ изумительною дѣятельностью; онъ вошелъ въ сношенія съ поляками, нѣмцами и даже швейцарскими карбонарами; онъ закупилъ ружья, изучалъ планъ настоящей кампаніи и въ пламенныхъ письмахъ возбуждалъ парижскихъ демократовъ предпринять диверсію. Онъ сдѣлалъ болѣе, чтобы склонить ихъ: онъ указывалъ имъ на негодующую Италію, какъ на побѣдительницу, онъ раздувалъ вѣроятія на успѣхъ съ цѣлью его увеличить и предполагалъ торжество, съ цѣлью достичь его; легко вѣрится тому, чего пламенно жаждешь. Руководители республиканской партіи въ Парижѣ были готовы на энергическое содѣйствіе савойской экспедиціи; но патріархъ новой карбонаріи—Буонарротти ее осудилъ, какъ слишкомъ смѣлую и запачканную аристократическою примѣсью.»

Получивъ деньги, *Рамарино* не торопился приготовленіями и наконецъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Нетерпѣливый Мадзини бѣсился на проволочки; тайна могла раскрыться; полицей-

скіе агенты являлись въ Женеву; озабоченное французское посольство предлагало безансонскимъ эмигрантамъ пособія и деньги на путевыя издержки, если они захотятъ вернуться во Францію; многіе соглашались, инымъ приходилось существовать только расчетливою милостынею швейцарскихъ патріотовъ, и они грозили отъѣздомъ; между конспираторами являлось разочарованіе.

Рамарино въ Парижѣ, подъ вліяніемъ своего прежняго патрона *Чарторыйскаго*, еще менѣе былъ настроенъ къ рискованнымъ предпріятіямъ. Отысканный посланными *Мадзини*, *Рамарино* объявилъ имъ, что въ Ліонѣ ничего не приготовлено и возвратилъ изъ 40,000 франк. 10,000 франковъ. *Мадзинисты* однако тѣмъ не удовольствовались и принудили генерала прибыть въ Швейцарію. Кое-какъ составленная экспедиція, въ началѣ 1834 года, при взаимномъ недовѣріи коноводовъ, полгода послѣ предположеннаго времени, испытавъ на первыхъ шагахъ много неудачъ,—наконецъ двинулась въ Савоію двумя колоннами,—одну велъ *Рамарино*, другую полковникъ *Грабскій*. Возмутивъ Савоію, они должны были вторгнуться далѣе, въ Ломбардію, пройдти и поднять всю Италію; нѣсколько дней колонны инсургентовъ гуляли по Савоіи, въ суровое время года. Непривычная къ походамъ, италіянская молодежь едва передвигалась; одни только поляки не унывали, но скоро всѣми овладѣло мрачное раздумье: ни одинъ восторженный крикъ населенія не привѣтствовалъ искателей приключеній; по деревнямъ ихъ встрѣчали только удивленными глазами. *Рамарино* объявилъ что его обманули, что при подобномъ положеніи дѣлъ предпринять что нибудь, значило бы погубить даромъ цвѣтъ италіянскаго юношества. Слова *Рамарино* были сигналомъ къ разсѣянію инсургентовъ; туземцы спѣшили по домамъ, поляки—возвратиться въ Швейцарію; всѣ боевыя дѣйствія ограничились нѣсколькими выстрѣлами, сдѣланными во время фальшивой тревоги. Плачевная экспедиція имѣла и жалкія послѣдствія. Въ Парижѣ *Рамарино* жаловался, что съ нимъ поступили предательски, но еще болѣе явилось противъ него обвиненій въ измѣнѣ, а польскій комитетъ прибавилъ «что надъ нимъ еще тяготѣетъ подозрѣніе относительно его по-

слѣдняго начальствованія въ Польшѣ, что онъ еще не доказалъ невозможности—исполнить предписаніе генералиссимуса о присоединеніи къ арміи, стоявшей у Модлина.

Мятежъ въ Ліонѣ. Революціонеры въ Парижѣ готовили предпріятію *Мадзини* въ Италіи могущественную диверсію во Франціи.

Безъ сомнѣнія революціонная партія во Франціи, усиленная тысячами польскихъ эмигрантовъ, была сильнѣе чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Тамъ заводчики революціоннаго дѣла подъ знаменемъ Лафайета, подъ руководствомъ Буонаротти, болѣе всего имѣли средства вести дѣло съ успѣхомъ.

Ихъ цѣль была совершеннымъ переворотомъ всего государственнаго и общественнаго устройства, стать прямо въ главы новаго замышляемаго правительства, а средства были къ ихъ услугамъ; одни засѣдали въ палатахъ [1]), другіе давали тонъ журналистикѣ [2]). Первые своими рѣчами могли тормозить правительственную машину, топтать въ грязь своими перетолковываніями всякія мѣры правительства, сколько-бы онѣ для блага страны не были полезны; составляя постоянную оппозицію министерству, порицая всякія распоряженія, они били на то, чтобы уронить правительство, въ глазахъ Франціи и въ публикѣ, посвящаемой газетами во всѣ пренія палатъ, возбуждать недовѣріе къ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналисты, поддерживая ихъ на столбцахъ журналовъ, не щадя самыхъ ярыхъ нападокъ на правительство, проводили новыя свои мечтательныя теоріи, новыя соціальныя идеи, которыя должны перестроить общественный организмъ и льстили грубымъ страстямъ, лукавому властолюбію честолюбцевъ, корыстолюбивымъ и любостяжательнымъ влеченіямъ массъ и грубымъ наклонностямъ къ самоуправству и разгулу черни.

Высшее образованіе, распространенное несоразмѣрно съ тре-

---

1) Въ числѣ ихъ Горнье-Пажесъ, Могенъ, Войе д'Аржансонъ, Д онъ Одри де Пюираво, Годефруа Кавеньякъ, Виньертъ.

2) Въ числѣ ихъ Орманъ Карель, издатель журнала le National, Кабе издатель „le Populaire,“ Кашуа Лемеръ и Родде-журнала „Bon sens, Ансельмъ Пететенъ, издатель Precurseur de Lyon.

бованіями страны, доступное и неимущей бездарности, на столько увеличило число людей, презиравшихъ снискиваніе средствъ къ существованію физическимъ трудомъ, что соотвѣтствующая ихъ образованію работа отъ конкуренціи давала скудныя вознагражденія; въ этомъ числѣ было множество личностей по способностямъ и положительнымъ ихъ знаніямъ не соотвѣтствующими той тщеславной самоувѣренности, которая сильно была въ нихъ развита. Недостиженіе самолюбивыхъ желаній, эти люди приписывали неправильному государственному устройству; они не жаловались, по обыкновенію, на судьбу, но, обработываемые журналистикою, стали въ ряды недовольныхъ, полагая что непремѣнно улучшатъ свой личный быть, содѣйствуя государственному перевороту. Вся молодежь, всѣ воспитанники учебныхъ заведеній легко воспламеняемые и увлекаемые, подъ вліяніемъ броженія умовъ, всегда склонные, какъ неопытные юноши, быстро кидаться на всякія либеральныя ученья, питались современною подстрекающею литературою, и стали преимущественно способны быть пушечнымъ мясомъ, какъ выражаются французы, для видовъ коноводовъ, словами и выходками проводить ихъ идеи въ низшіе классы и подготовлять народъ быть воспріимчивѣе къ усвоенію проповѣдей эксентрическихъ журналистовъ.

Къ этому то слою преимущественно принадлежали члены всѣхъ революціонныхъ обществъ, какъ то: „*правъ человѣка, прогресса*“ и т. д.; изъ этого слоя, на карбонарскихъ началахъ Буонаротти образовались таинственные кружки, другъ другу незнакомые, которые спускались въ народную чернь и проводили заразу въ понятія. Эти кружки въ данное мгновеніе должны были, послушные приказаніямъ высшей ими невѣдомой власти, руководить и направлять дѣйствія открытаго мятежа. Въ одномъ Парижѣ таинственный верховный комитетъ насчитывалъ до 200 дѣйствующихъ кружковъ, которые распространились по многимъ городамъ Франціи, въ Дижонѣ, Клермонтѣ, Шалонѣ, Сентъ-Этьенѣ, Безансонѣ, Греноблѣ, Люневилѣ, Нанси и другихъ. Общество правъ человѣка (la Société des droits de l'homme) было особенно дѣятельно.

За молодежью наибольшій контингентъ нужно было искать на

въ земледѣльческомъ сословіи, но среди болѣе склонной къ разврату городской черни; города съ болѣе расширенною фабричною промышленностью, могли особенно выставить болѣе бойцевъ для мятежныхъ замысловъ.

Къ большому неудовольствію революціонеровъ, въ войска было труднѣе проводить заразу; командиры въ войскахъ Франціи прошли сквозь продолжительную школу боевой дисциплины и въ головѣ ихъ былъ тотъ складъ, при которомъ не вязалось военное іерархическое повиновеніе съ революціоннымъ братаніемъ конспираторовъ и въ войскахъ сохранялся духъ старыхъ полковъ. Унтеръ-офицеръ былъ именно тотъ классъ, въ которомъ революціонеры во Франціи имѣли наибольшее вліяніе, ихъ приманивали офицерскими эполетами и командирскими должностями въ республиканскихъ войскахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитыхъ личностяхъ состава войскъ военная слава,—наслѣдіе Наполеона слишкомъ шевелила задушевныя струны старыхъ и молодыхъ воиновъ, чтобы они могли оставаться не чувствительными къ магическому имени; бонапартистовъ было множество; но революція бонапартистовъ могла идти только путемъ, которымъ Наполеонъ въ 1815 году прошелъ отъ Фрежюса до Парижа; не того хотѣлось коноводамъ ни новой Европы, ни новой Франціи; имъ хотѣлось общественнаго переворота, а не орловъ на знаменахъ. Со смертью герцога Рейхштатскаго замерли и всякіе порывы этой партіи.

Обработывая чернь, отуманивши далѣе умы простолюдиновъ и распаляя страсти готовили ихъ къ боямъ на баррикадахъ. Въ то время, какъ печатались цѣлыми тучами народъ подзадоривающія брошюры и народные карты, офанатизированные просвѣщенные члены общества *правъ человѣка*, съ достаточною поддержкою надежды на личныя выгоды, являлись въ праздничные дни въ блузахъ среди народныхъ гульбищъ, и раздавая по усмотрѣнію даромъ или за безцѣнокъ произведенія революціонной печати, разъясняли фабричнымъ работникамъ и мастеровымъ, что живутъ они плохо и бѣдно, потому что хозяева, выжимая изъ нихъ сокъ, поль-

зуются перевѣсомъ своего состоянія и, его умножая потомъ бѣдныхъ, утопаютъ въ роскоши и обиліи.

Они проводили въ простолюдинахъ понятія, что для блага народа нужно такое правительство, которое не остановилось бы предъ такою общественною перестройкою страны, при которой все дѣлилось бы для общаго благоденствія, и фабрикантъ съ рабочими дѣлился бы своими баришами.

Исподоволь народъ былъ подготовляемъ къ мятежамъ демонстраціями и манифестаціями; то всѣ портные, то всѣ кузнецы, то всѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровые отказывались разомъ отъ работы, шумными толпами настаивая на уменьшеніе времени работъ и съ сокращеніемъ работы на увеличеніе имъ жалованья.

Коноводы въ Парижѣ хотѣли одного—*власти*, а ихъ бойцы готовы были дѣйствовать одинаково во Франціи, Германіи, Италіи, или Польшѣ, не смотря на различія цѣлей, которыми члены революціоннаго комитета прикрывали свои замыслы. Они провозглашали необходимость для Франціи и Германіи государственныхъ переворотовъ, для Италіи-ея соединенія, для Польши-отторженія ея бывшихъ областей отъ Россіи, Австріи и Пруссіи, и на всѣ затаенныя побужденія была накинута мантія соціальныхъ реформъ для облагоденствованія человѣчества.

Революціонеры опоздали приготовленіями италіянской экспедиціи къ франкфуртскимъ продѣлкамъ, а возобновленіемъ мятежей во Франціи опоздали къ безцвѣтной прогулкѣ по Савоіи: но слишкомъ много было нетерпѣливыхъ взволнованныхъ умовъ, чтобы отложить до болѣе удобнаго времени,-и воФранціи безпорядки возобновились; частыя манифестаціи подготовляли мятежъ. Альберъ и журналистъ Апсельмъ Пететенъ были главными коноводами. Для послѣдняго толчка, *Кавеньякъ* и *Арманъ Карель*, собираясь изъ Парижа въ Ліонъ, желали чтобы съ ними ѣхалъ—на показъ революціоннымъ знаменемъ, воспѣтый революціоннымъ гимномъ, «сѣдовласый Лафайетъ [1]). Болѣзнь его задержала:» крайне сожалѣю, отвѣ-

[1]) C'est Lafayette en cheveux blancs.

чалъ онъ, что не могу лично раздѣлять опасности столь *отважнаго* и *почтеннаго* предпріятія, но я этихъ господъ снабжу письмами, которыя имъ будутъ полезны и уполномочиваю ихъ представиться моими наперстниками.» Въ тоже время изъ Парижа писали въ Ліонъ: «Парижъ, подобно Ліону, не нуждается въ сдерживаньи,—напротивъ онъ сильно нуждается въ подстрекательствѣ; впрочемъ, въ случаѣ надобности, мы васъ поддержимъ.»

Такъ, колебаніями и нерѣшительностью, Людовикъ допустилъ, что дѣйствительно внутри Франціи революціонная партія образовала свое государство. Чувствуя шаткость своихъ правъ на престолъ, онъ хитро соображаемыми изворотами, думалъ на немъ утвердить свою династію, и довелъ до того, что для мнимаго блага будущихъ поколѣній, провозглашаемаго честолюбцами и мечтательными утопистами, современники утратили всякую вѣру въ безопасность настоящаго, въ безопасность ихъ жизни и имуществъ. Работы пріостанавливались, теченіе правильной жизни общества честнымъ спокойнымъ трудомъ было парализировано, и кровь лилась на мостовыхъ городовъ Франціи. Жадно мирное населеніе ждало конца бѣдствій, конца постояннымъ своимъ тревожнымъ волненіямъ. Въ то время какъ внутри страны ученія революціонныхъ коноводовъ развращали народную нравственность и распаляли страсти, внѣ своихъ предѣловъ, униженная Франція теряла всякое значеніе и на ея дипломатическихъ сношеніяхъ того времени отразилось то неуваженіе европейскихъ кабинетовъ, которое было естественнымъ отношеніемъ ихъ къ правительству, не уважающему само себя. Глубоко скорбѣло о томъ большинство, здоровая часть населенія,—въ то время, какъ о революціонившееся меньшинство, вопреки самой Франціи, столь щекотливой ко всему, что касается славы народа, какъ бы радовалось униженію Франціи. Послѣдствія были бы еще печальнѣе, собственно для самыхъ жителей Франціи, если бы подобное теченіе дѣлъ продолжалось долѣе. Въ такую-то школу для окончательнаго своего воспитанія, попала польская эмиграція!

Съ 9 по 13 апрѣля 1834 года четыре дня лилась кровь на улицахъ Ліона. «Отважное и почтенное» предпріятіе заключа-

лось въ томъ, что работникамъ внушили мысль, что они живутъ въ бѣдности, а хозяева—фабриканты богато, что нужно установить другое правительство, которое уравняло бы барыши, и для того работникамъ друзьями народа будутъ розданы ружья, а войска ими приготовленныя не станутъ стрѣлять въ братьевъ, а напротивъ протянутъ имъ руку помощи. Войска штыками брали баррикады, артиллерія громила улицы, гранаты лопались на площадяхъ; даже внутри зданій совершались лютыя убійства въ борьбѣ между ожесточившимся солдатомъ и разсвирѣпѣвшимъ работникомъ; взаимно работникъ и солдатъ упрекали себя въ измѣнѣ и страшныя сцены убійствъ остались на долго памятными жителямъ Ліона. Поляки хвалились, что они выставили самыхъ неустрашимыхъ колоновожатыхъ поднятымъ къ мятежу работникамъ. Одинъ изъ нихъ, Рогинскій, былъ схваченъ въ самомъ азартѣ среди его уличныхъ подвиговъ.

Большинство съ ѳмерзеніемъ отвернулось отъ этихъ сценъ ужасовъ; общественное мнѣніе взяло сторону порядка, мятежи прекратились и только покушеніе на Людовика Филиппа, адская машина Фіески (29 Іюля 1835 года) и выстрѣлъ Алибо (25 Іюня 1836) указывали, какимъ путемъ революціонная партія думала идти далѣе, разочарованная въ успѣхѣ баррикадъ и въ надеждѣ увлечь войска, искушая въ нихъ унтеръ офицеровъ.

Послѣ ліонской бойни, революціонная партія во Франціи затихла; въ затаенной работѣ она принялась набираться новыми силами. За новую работу принялись и польскіе эмигранты, своею трехлѣтнею дѣятельностью заявившіе самыя неотъемлемыя права на званіе дѣятельныхъ союзниковъ современныхъ революціонеровъ.

Козни противъ указа 4 сентября 1834 года. Въ совѣщаніяхъ руководителей молодой Европы коноводы польской эмиграціи пользовались особеннымъ значеніемъ. Они въ своемъ распоряженіи имѣли всегда многочисленныхъ бойцевъ; польскіе эмигранты—были кадры для формированія новобранцами всякихъ мятежныхъ сборищъ; понятно, потому, что коноводы эмиграціи дорожили ея численностью, располагая этими кондотьерами XIX вѣка, готовыми поддержать всякую революцію. Извѣстія изъ

края лѣтомъ 1834 г. поразили польскій комитетъ; онъ понялъ угрожавшую ему опасность и немедленно принялъ свои мѣры.

Указомъ $^{13}/_{25}$ февраля 1832 г. эмигранты были призываемы въ Россію для отвѣтовъ и оправданій при наряженныхъ судахъ. За ихъ отсутствіемъ, коммисіи продолжали свою работу и въ 1834 году ее окончили. Изъ числа арестованныхъ, 23 лица найдены особенно виновными и присуждены къ разнымъ наказаніямъ. Изъ отсутствующихъ особенно виновными было найдено 265 лицъ, заслуживающихъ казнь или каторжныя работы. Эмиграцію извѣщали изъ Варшавы, что для всѣхъ остальныхъ фельдмаршалъ полагаетъ просить амнистію. Коноводы знали, что множество изъ эмигрантовъ какъ были увлечены въ мятежъ, такъ были увлечены и за границу,—большинство—изъ боязни взысканія; имъ надоѣла скудная скитальческая жизнь, многіе тяготились ею. При первыхъ полученныхъ изъ Варшавы свѣдѣніяхъ, комитетъ заставилъ писать всѣ самыя искусныя свои перья; поставили на ноги самыхъ ярыхъ приверженцевъ революціи. Письма и агенты съ готовыми адрессами польскому комитету полетѣли изъ Парижа во всѣ кружки эмигрантовъ—распалить снова ихъ страсти, новыми узами связать ихъ съ эмиграціею, прежде нежели точныя распоряженія русскаго правительства будутъ извѣстны; даже для большаго подзадориванія умовъ былъ сочиненъ лже-манифестъ для поляковъ самый унизительный, который будто-бы уже написанъ въ Петербургѣ, и эмигранты своими подписями, въ теченіи августа мѣсяца, покрыли разосланныя деклараціи,—всѣ доставленныя обратно въ Парижъ ранѣе обнародованія истиннаго манифеста.

Въ этой деклараціи эмигранты заявляли, что они клянутся въ вѣчной враждѣ и мести русскому царю, что они возвратятся въ отечество не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, и что въ какое бы время ни послѣдовала первая вспышка, она будетъ сигналомъ общаго возстанія всѣхъ областей бывшей Польши. Были эмигранты, которые въ своихъ письмахъ въ край, заявляли искреннее свое сожалѣніе о поспѣшности въ подписи деклараціи, особенно когда они прочли обнародованную амнистію отъ

4—16 сентября 1834 года, которою, дѣйствительно, кромѣ 265 человѣкъ, найденныхъ главными преступниками, со всѣхъ прочихъ сняты были всякія взысканія за ихъ политическія вины, и объявлено что никакимъ дальнѣйшимъ слѣдствіямъ они болѣе не подвергаются. Названные 265 человѣкъ были приговорены къ изгнанію навсегда изъ предѣловъ Имперіи, а въ случаѣ самопроизвольнаго ихъ возвращенія, они подвергались исполненіямъ приговора судной комиссіи. Въ спискѣ особенно виновныхъ преступниковъ заключалось 126 подпрапорщиковъ бывшей варшавской школы, 1 полковникъ (Скржинецкій), 1 маіоръ, 1 капитанъ, 36 поручиковъ и подпоручиковъ бывшихъ въ рядахъ польскихъ войскъ, 48 нижнихъ чиновъ, 29 студентовъ и учениковъ, 4 журналиста и 24 члена бывшаго польскаго сейма; изъ числа 165— семь были приговорены къ ссылкѣ, 249 къ повѣшенію, въ томъ числѣ Іоакимъ Лелевель, и девять къ отсѣченію головы,—въ ихъ числѣ былъ варшавскій сенаторъ, воевода, членъ администраціоннаго совѣта, князь Адамъ Чарторыйскій.

ГЛАВА II-я.

Новое направленіе дѣятельности эмиграціи.—Общества.—Партіи.—Фамилія Чарторыйскихъ.—Графъ Ледуховскій.—Мѣрославскій.—Заботы о польскомъ органѣ.—Польскія школы.—Происки Чарторыйскихъ.—Журналъ 3 мая.—Польскій Комитетъ—Централизація.

Съ прекращеніемъ мятежей во Франціи, эмиграція приняла другое направленіе для своей дѣятельности, и, устройствомъ своей организаціи, теоретическою обработкою своихъ плановъ, нѣкоторою послѣдовательностью своихъ работъ и своими сношеніями съ обществами, оказывавшими ей сочувствіе, мало по малу наэлектризовала, себя снова и почла себя опять достаточно сильною, чтобы съ успѣхомъ вступить въ борьбу съ общественнымъ порядкомъ.

Польскій комитетъ находилъ, что лучшій путь для возбужденія симпатій въ Европѣ есть путь масонскихъ ложъ и потому онъ особенно силился оставаться съ ними въ сношеніяхъ и домогался объ образованіи изъ среды ихъ особыхъ комитетовъ, которые принимали названіе *польскихъ*. Вспомоществованія, получаемыя отъ нихъ эмиграціей, не были важны матеріальною поддержкою, но эмиграція особенно цѣнила ихъ, какъ поддержку моральную, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія Европы.

Комитетъ вошелъ особенно въ близкія сношенія во Франціи съ ложами *нераздѣльной Троицы* въ Парижѣ, *Veritas*—въ Нанси, *французско-шотландскою* въ Мецѣ, *Non plus ultra* въ Буржѣ, *друзей наукъ*—въ Шатору, *постоянной дружбы*—въ Безансонѣ, съ обществами *католическаго агенства, Цивилизаціи, aide toi, le ciel t'aidera* и *интернаціональнымъ,* въ которомъ, рядомъ съ отдѣленіями англійскимъ и американскимъ, устроилось и отдѣленіе польское. Въ Великобританіи *Polnish friends societys* устроились въ Лондонѣ [1]), Гуллѣ, Бирмингамѣ, Нью-Кастелѣ, Шефильдѣ, Нотингамѣ, Лидѣ, Іоркѣ, Манчестерѣ, Песле, Норвичѣ, Эдимбургѣ, Дублинѣ и Гласковѣ. Лондонское общество собрало въ 1833 году 10,116 фр., отправленныхъ въ Швейцарію; гульское основало журналъ the polnish record; бирмингамское велѣло выбить медаль въ память мятежа 1831 года, а въ Эдимбургѣ и Гласковѣ общества праздновали годовщину мятежа 17 (29) ноября.

Въ Германіи тоже устраивались польскіе комитеты и первые присылки денегъ были изъ Франкфурта и Штутгарда, 1763 фр.; эмиссаръ *Шардеръ* собралъ въ Гетингенѣ, Аурихѣ, *Штаде* и Силабрюкѣ 875 фр., а въ Дрезденѣ *Потоцкая* собрала 2730 франк.

Кромѣ польскаго комитета, эмигранты образовали многія общества. Эти общества начали возникать со времени прибытія эмигрантовъ во Францію, и съ 1834 года получили особенное развитіе.

Первое по времени было *литовское* и *руссинскихъ областей;* его основалъ графъ *Цезарь Платеръ* 10 декабря 1831 года [2]). Цѣль общества была—доказать исторически и статистически, что національность этихъ земель должна быть польская и пріискивать для того всѣ нужные документы. Первоначально общество состояло изъ 10 членовъ, въ числѣ ихъ были: Олизаръ, Тышкевичь, Домейко, Герубовичь, Л. Красицкій, Незабитовскій и Володковичь. Потомъ число членовъ возрасло до 35 и наконецъ до 117. 25 (13) марта, день годовщины возстанія Литвы, былъ установленъ для общихъ собраній. Общество постановило имѣть постоянныхъ своихъ эмиссаровъ для поддержанія сношеній съ Англіею и Германіею, и для этой цѣли назначило *Брониковскаго, Воронича, Л. Домейку* и *Бржозовскаго.* Князь *Чарторыйскій* съ

---

1) Въ лондонскомъ обществѣ было 13 членовъ, въ томъ числѣ Дудлей Стюартъ Марперъ, Эвансъ, Кампбель и Бульверъ.

2) Статутъ принятъ и утвержденъ обществомъ 10 марта 1832 г.

своей стороны составилъ 9 апрѣля 1832 года *Литературное польское общество*, которое должно было собирать всѣ документы, относящіеся къ исторіи Польши послѣднихъ столѣтій, и изъ нихъ обработывать матеріалы для приготовленія будущности Польши. Общество должно было состоять изъ 24 дѣйствительныхъ членовъ, кромѣ того имѣло членовъ почетныхъ и корреспондентовъ, и раздѣлялось на два отдѣленія — литературы и наукъ. Президентомъ былъ *Чарторыйскій,* вице-президентомъ *Өедоръ Моравскій.* 3 мая и 24 ноября были дни, назначенные для торжественныхъ актовъ [1]). Общество устроило другое—вспомогательное, и отъ него зависимое, въ Лондонѣ, котораго предсѣдателемъ былъ *Ширма*.

Въ Декабрѣ 1832 года генералъ *Пацъ* устроилъ общество—*братства,* съ благотворительною цѣлью, помогать нуждающимся эмигрантамъ; членами его могли быть безразлично мужчины и дамы; дамы приносили обществу особенную пользу успѣшнымъ сборомъ милостыни и разныхъ пожертвованій. Основанное въ декабрѣ 1833 года, общество въ первый годъ выслало 11.293 фр. въ Швейцарію, 14,326 въ Лондонъ и 3830 въ Америку.

Чарторыйскій, Пацъ, Цезарь Платеръ, Княжевичъ и Немцевичъ учредили въ 1833 году новое общество *воспитательное* (des études). Цѣль этого общества была образованіе молодаго польскаго поколѣнія дѣтей, какъ эмигрантовъ, такъ и привозимыхъ изъ края, въ духѣ національномъ польскомъ и въ подготовленіи будущихъ дѣятелей ойчизны. Первоначальный планъ былъ тотъ, чтобы постоянно 30 молодымъ людямъ, выбраннымъ изъ числа самыхъ способныхъ, доставлять средства образовать себя въ военномъ искуствѣ, артиллеріи, инженерныхъ наукахъ, администраціи, медицинѣ, хирургіи, гражданской архитектурѣ и построекъ, горномъ искусствѣ, литьѣ орудій, порохомъ и оружейномъ дѣлѣ; для того содѣйствовать ихъ помѣщенію въ соотвѣтствующія будущей спеціальности юношей, правительственныя заведенія, и кромѣ того, для первоначальнаго образованія, учредить училище на 40 польскихъ мальчиковъ. Для необходимыхъ издержекъ Пацъ пожертвовалъ въ основной капиталъ 50,000 фр., *Чарторыйскій* 20.000; кромѣ того было положено обратиться за пособіями къ благотворителямъ во всѣ главнѣйшіе города Европы и

1) По отчету 3 мая 1833 года члены доставили въ теченіе года въ періодическія изданія статьи: 43 политическихъ, 51 литературную и 65 по разнымъ предметамъ и приготовили 15 медалей и эстамповъ.

Америки и особенно къ богачамъ землякамъ края. Первыя попытки помѣстить юношей поляковъ въ специальныя заведенія Франціи не были удачны; только одного удалось пристроить въ литейную Тулузы, потому обществомъ было нанято 5 профессоровъ, которые обучали военнымъ наукамъ въ особо нанятомъ помѣщеніи, снабженномъ библіотекою и моделями. За тѣмъ князю *Чарторыйскому* удалось помѣстить еще двухъ—въ военную школу—Іосифа *Высоцкаго* и Людвига *Мѣрославскаго*. Отецъ Мѣрославскаго былъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона и нѣкогда былъ адъютантомъ маршала *Даву* [1]).

Послѣ 1834 года число обществъ стало быстро возрастать, упомянемъ о знаменательнѣйшихъ для жизни эмиграціи.

Общество *воскресшихъ* (змартвыхстанцы), или обыкновенно называемыхъ *резюррекціонистами*, было основано четырьмя ксендзами и монахами: *Іеронимомъ Кайсевичемъ, Губбе, Семененко* и *Александромъ Яловицкимъ. Кайсевичъ* былъ прежде военнымъ, и шрамъ, память прежняго званія, не безобразилъ его лица. Онъ всходилъ на амвонъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ, его рѣчи привлекали многочисленныхъ слушателей; не смотря на его убѣжденіе, что духовенству не прилично участвовать въ замыслахъ революціонеровъ, *Губбе* былъ человѣкъ весьма осторожный, который думалъ про себя и наружно и лично ни въ какія козни не вмѣшивался; *Семененко,* съ необузданнымъ краснорѣчіемъ, дѣятель безпокойный и ретивый, обратилъ даже на себя вниманіе французскаго правительства и на нѣсколько лѣтъ удаленъ былъ въ Алжиръ; Александръ *Яловицкій* былъ настоящій двигатель всего общества, почему его и назвали министромъ иностранныхъ дѣлъ этой духовной конгрегаціи. Сынъ помѣщика волынской губерніи, онъ, въ возстаніи 1831 года, потерялъ отца и брата, и съ другимъ братомъ *Эдуардомъ* вышелъ во Францію. Послѣ ссоры съ графомъ Ледуховскимъ, вызванный имъ на поединокъ, онъ укрылся отъ него въ сутану. Онъ сталъ извѣстенъ эмиграціи своимъ сочиненіемъ „*Мое вспоминаніе.*“ Безъ краснорѣчія *Кайсевича,* безъ способностей *Семененки,* безъ обаянія суровой жизни *Губбе,* Александръ *Яловицкій* своею самоувѣренностью, дерзостью, хвастливымъ балагурствомъ, заставлялъ эмигрантовъ сравнивать волынцевъ съ гасконцами; *Яловицкій* не останавливался ни на

---

1) 16 лѣтній Людвигъ *Мѣрославскій* участвовалъ въ кампаніи 1831 г., въ званіи адъютанта при своемъ отцѣ, который командовалъ полкомъ.

какихъ средствахъ для достиженія цѣли и, къ негодованію эмиграціи, онъ вырвалъ у всѣхъ обществъ самыя лакомыя добычи, предоставляемыя сочувствіемъ земляковъ-туземцевъ эмигрантамъ. Его похожденія съ такъ называемою *маткою Макриною* въ свое время надѣлали много шуму.

Этому обществу была предоставлена въ Парижѣ одна изъ каплицъ церкви Сенъ-Рокъ, а потомъ оно помѣстилось въ Римѣ при церкви св. Клавдіи.

Резюррекціонисты положили себѣ проводить ультрамонтанскія стремленія; угождая аристократамъ и демократамъ эмиграціи, они говорили демократамъ, что они хотятъ подвести католическія принципы подъ демократическія требованія, а когда ихъ упрекали приверженцы Ламберова отеля, они въ отвѣтъ проводили съ амвона такія мысли духовной нетерпимости, которыя «были вполнѣ достойны проповѣдей эпохи дракъ за инвеститупы" [1]).

Замѣчательнѣйшіе сторонники этой партіи были *Козьмянъ,* Валеріанъ *Віялколовскій,* поэтъ Богданъ *Залѣскій* и его братъ Іосифъ.

Выгоднѣйшая отрасль занятій резюррекціонистовъ было сватанье. Эмигранты въ Парижѣ, усерднымъ посѣщеніемъ польской каплицы, могли попасть въ списокъ жениховъ тѣмъ богатымъ невѣстамъ, которыя изъ края переѣзжая во Францію, не могли на чужбинѣ не послушать земляковъ проповѣдниковъ и имена которыхъ, для составленія вѣдомости невѣстамъ, исправно доставлялись ксендзами, корреспондентами изъ края.

При соперничествѣ эмиграціи съ революціонною Франціею того времени, эмигрантамъ были нужны свой *Анфантенъ* и свои *Сен-Симонисты;* явились *Товіянскій* и *мессіанисты,* замѣчательные тѣмъ, что въ число ихъ попалъ и поэтъ *Мицкевичъ.*

Общество *мессіанистовъ* стало общество модное; оно было основано *Товіянскимъ,* котораго политическая дѣятельность прошла чрезъ многоразличные оттѣнки. Адвокатомъ въ Вильнѣ, онъ въ ней сперва проводилъ коммунистскія идеи: общее пользованіе и уравненіе состояній. Виленскіе остряки ему оппонировали тѣмъ, что при некрасотѣ его жены и его вѣчныхъ

---

1) «Истинные ученики Лойолы, говорили эмигранты, ихъ противники, искушая наслажденіями рая и пугая муками ада, святотатствуя словомъ ойчизна и пріятно щекотя обветшалыми традиціями, они накладываютъ свое амбарго и на отживающихъ свой вѣкъ богатыхъ барынь и на молодыхъ ихъ наслѣдницъ."

розысканіяхъ денегъ въ займы, теорію его можно почесть эгоистическою. Онъ явился за тѣмъ мистикомъ, сверхъестественными таинствами преобразившійся въ св. Петра, а жена его въ св. Филомелу. Въ Вильнѣ его посадили въ сумасшедшій домъ; но какъ онъ былъ паціентъ тихій, безъ всякихъ припадковъ бѣшенства и буйства, то былъ скоро выпущенъ на свободу. *Товіянскій* не былъ уличенъ въ мятежныхъ продѣлкахъ 1831 года и, по водвореніи порядка, уѣхалъ сперва въ Петербургъ, потомъ въ Познань, посѣтилъ Саксонію, Бельгію и наконецъ пріютился въ Парижѣ. Онъ выдавалъ себя за пророка, ниспосланнаго Провидѣніемъ къ *преображенію поляковъ*. Видя необходимость, для большаго успѣха, завербовать изъ числа эмигрантовъ, какое нибудь громкое имя, которымъ можно было бы увлекать остальныхъ, добыть пышную вывѣску, какъ говорили въ Парижѣ польскіе выходцы, его противники, *Товянскій* обратился въ 1841 г., но не успѣшно, къ *Скржинецкому*, принятому генераломъ въ бельгійскую службу. Въ своихъ поискахъ, онъ старался сблизиться съ разочарованнымъ *Мицкевичемъ*, своимъ путемъ доходившимъ до мистическаго настроенія. Излеченіе *Товіянскимъ* жены *Мицкевича* было приписано чудотворной его силѣ; поэтъ предался пророку, который проповѣдывалъ, что ему свыше дано назначеніе просвѣтить поляковъ. Будучи профессоромъ литературы славянскихъ языковъ, *Мицкевичъ* съ каѳедры хотѣлъ популизировать, подъ именемъ *мессіанизма*, новую философскую и соціальную доктрину и издалъ въ этою цѣлью сочиненіе l'église officielle et le messianisme.[1]) Вмѣсто курса по программѣ, *Мицкевичъ* до того увлекся на лекціяхъ, что ему отказали отъ каѳедры. За *Мицкевичемъ* къ школѣ *Товіянскаго* примкнули *Богданъ Залѣскій*, *Антонъ Горецкій*, генералъ князь *Гедройцъ*, полковники *Ружицкій* и *Каменскій* и нѣкоторые другіе.

Польскій комитетъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что, пользуясь тѣмъ вліяніемъ, которое чудеса всегда имѣютъ на массы, *Товіянскій* увеличивалъ быстро число своихъ адептовъ; въ расчеты коноводовъ вовсе не входило намѣреніе въ эмиграцію вводить поднебесное настроеніе и подъ рукою были распущены слухи, что *Товіянскій* не что иное, какъ тайный агентъ русскаго правительства, имѣющій порученіе привести эмиграцію обратно въ край,

---

1) Мицкевичъ доказывалъ, что польская нація имѣетъ свыше предопредѣленіе быть новымъ мессіей для всѣхъ народовъ.

а въ тоже время и самъ *Товіянскій* довелъ до крайняго предѣла свои эксцентрическія выходки; онъ однажды явился послѣ обѣдни въ церкви Notre dame и тамъ положительно провозгласилъ себя мессіею человѣчества и Польши. Въ августѣ 1842 года онъ былъ высланъ изъ Франціи; его приверженцы утверждали, что онъ за 10 дней предсказалъ кончину герцога Орлеанскаго.

Во время новаго разгара въ Европѣ революціонныхъ событій въ 1848 году, *Товіянскій* появился въ Римѣ, въ главѣ своихъ приверженцевъ, и тамъ хотѣлъ произвести манифестацію съ цѣлью вынудить папу согласиться на его доктрину и согласно ей измѣнить догматы. Вынужденный удалиться изъ Рима, онъ перебрался въ Швейцарію и молва о немъ затихла.

Общество *Vincent de Paul* преимущественно составлялось изъ женщинъ, которыхъ коноводы революціи хотѣли обратить въ орудія комунистской пропаганды.

Изъ всѣхъ ревнителей польскаго мятежа 1831 г., только въ партіи клубистовъ находились люди, которые, демократическими идеями или увлекали другихъ или другими были увлекаемы; не входило въ расчетъ первыхъ, чтобы ихъ истинная мысль была проникнута. а еще менѣе были способны вторые понять сущность дѣла. Клубисты, главою которыхъ былъ *Лелевель,* переселясь во Францію, составили общество, принявшее названіе *демократическаго.* Попавъ подъ опеку французскихъ революціонеровъ, эмиграція проникалась ихъ идеями и, какъ демократическое общество, въ уравненіи состояній, понимала соціяльное развитіе: братство, равенство и свобода были ихъ принятымъ девизомъ.

Весьма понятно—что эмигранты, которыхъ большинство жило правительственными субсидіями и частными вспомоществованіями, мало по малу пропитывались этими, для нихъ весьма выгодными, теоріями, и общество демократическое, особенно поддерживаемое обществомъ молодой Европы, усиливаясь числомъ членовъ, поглощая цѣликомъ маленькія образовавшіяся общества, стало наконецъ самое многочисленное, сдѣлалось цѣлою партіею и имѣло наибольшее значеніе. Общество имѣло свои засѣданія въ Поатье и 17 (29) ноября, годовщину мятежа 1830 года, днемъ своихъ торжественныхъ собраній и изложенія актовъ. Хотя *Лелевель*, вынужденный оставить Францію, переселился въ Бельгію, но долго онъ оставался ея незримымъ главою. Изъ подъ его пера или вліянія вышло множество статей, взывающихъ за симпатіями Европы къ полякамъ и особенно къ демократической пар-

тіи эмиграціи, которую другіе эмигранты, ихъ противники, называли, школою общественной ненависти, общественной зависти и общественнаго наглаго деспотизма массъ, которая на край наслала тучу бѣдствій съ своими эмиссарами *Воловичемъ, Чернымъ Завишею и Конарскимъ.* Они подкрѣпляли свои доводы словами Талейрана, что »нѣтъ звѣря глупѣе польскаго якобинца.»

Общество *мирной демократіи* признавало за основаніе «права человѣка», принятое французскою революціею 1789 г.; но избѣгая всякихъ насильственныхъ догматовъ соціяльнаго катехизиса, это общество, къ которому примкнули люди, искавшіе въ трудѣ и взаимной помощи разрѣшенія общественнаго благосостоянія, было не богато числомъ членовъ и пользовалось еще меньшимъ вліяніемъ.

Наконецъ создалось еще общество *соединенія* (зъѣдноченя), которое хотѣло примирить даже два самые взаимно ненавидящіе лагеря—аристократическій и демократическій, или, какъ даже въ самой эмиграціи говорилось, *бѣлыхъ* и *красныхъ:* «Мы не хотимъ унизить шляхетство до простолюдиновъ, было лозунгомъ этого общества, но хотимъ народъ возвысить до шляхетства. Основателемъ этого общества былъ Викентій *Тышкевичъ,* братъ бывшаго подольскаго предводителя дворянства.

Различныя общества эмигрантовъ, съ цѣлью возстановленія Польши, сходясь въ существенной мысли того пути, которымъ они полагали достигнуть этого возстановленія и дальнѣйшаго характера жизни независимой Польши, образовали партіи *демократическую* и *клерикальную,* или *ультрамонтанскую;* кромѣ ихъ существовала еще третья, менѣе значительная числомъ членовъ, но значительная тѣмъ обаяніемъ, которое она имѣла на эмиграцію, вопреки всѣхъ усилій коноводовъ демократической партіи, и тою существенною поддержкою, которою она ловко умѣла притягивать къ себѣ демократовъ, хотя бы и чрезъ заднія двери Ламберовскаго отеля, это была партія князя *Чарторыйскаго,* такъ называемая *аристократическая,* или *дипломатическая.* Всѣ магнаты, ушедшіе въ эмиграцію, примкнули къ партіи *Чарторыйскаго,* равно и генералы *Дембинскій, Хржановскій* и *Бемъ,* бывшіе сенаторы, много депутатовъ сейма, много старыхъ офицеровъ бывшихъ польскихъ войскъ; много ярыхъ крикуновъ на засѣданіяхъ въ Поатье, въ тоже время заискивали въ Парижѣ чести попасть въ салоны или въ обѣденную залу Ламберовскаго отеля, а болѣе неимущіе улучали удобную минуту по-

дать умильную просьбу о помощи или ходатайствѣ. Увлеченія и духъ, которымъ хвастало большинство польскихъ эмигрантовъ давали явную многочисленность партіи демократической, но за то влеченія доставляли партіи *Чарторыйскаго* много тайныхъ сторонниковъ.

Демократическая партія знала что въ средѣ ея скрывается много предателей, и она не скупилась нападками на Ламберовскій отель. «Четвертая генерація *Чарторыйскихъ* пишетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, мѣтитъ въ короли Польши, они подъ словами: возстановленіе Польши понимаютъ только утвержденіе за ихъ династіею польскаго престола. Не нося короны, Чарторыйскіе въ эмиграціи хотѣли разыгривать Стюартовъ..» Что они хотѣли разыгривать роль Стюартовъ это неоспоримо, но что они въ глазахъ поляковъ ее дѣйствительно и разыгривали, неоспоримо тоже. Поляки пишутъ: *Чарторыйскіе* утверждали предъ европейскими кабинетами, что они одни и ихъ приверженцы имѣютъ вліяніе въ Польшѣ, а предъ поляками, что они одни имѣютъ ухо въ кабинетахъ.» На сколько кабинеты довѣряли *Чарторыйскимъ* рѣшить трудно; но что поляки туземцы тридцать лѣтъ слѣпо вѣрили дипломатическимъ нотамъ Ламберовскаго отеля, это не подлежитъ сомнѣнію. Князь *Адамъ* умѣлъ вести политическую интригу и располагалъ большими средствами поддерживать свое значеніе. Аристократическія польскія фамиліи, при обширныхъ связяхъ *Чарторыйскихъ*, родственныхъ и общественныхъ, увеличивали его доходы постоянными взносами. Сто тысячь франковъ послалъ *князь Сапѣга*, на новоселье эмиграціи. Магнаты видѣли въ князѣ *Адамѣ* единственнаго кормчаго, который съумѣетъ причалить къ берегамъ прежней рѣчи посполитой, который съумѣетъ навести на Европу китайскую тѣнь существующей Польши, съ блистательнымъ дворомъ за 300 миль отъ Варшавы, съ политическими агентами и секретарями «d'un roi, qui n'est pas de ce bas monde», какъ выразился одинъ англійскій дипломатъ. Въ Ламберовскомъ отелѣ было три отдѣленія особенной канцеляріи, въ Парижѣ существовалъ центральный правительственный комитетъ, который долго не бунтовалъ явно только потому, что опасался публичнаго скандала, и который разсылалъ бумаги за нумерами и оффиціяльными печатями, хотя эти бумаги чрезъ границы пол-Европы приходилось посланнымъ, съ лихорадкою въ сердцѣ, перевозить зашитыми въ подкладкахъ; благодаря князю *Чарторыйскому*, поляки имѣли въ Парижѣ свои ученыя общества, свои учебныя заведенія, свои стипендіи. Обаянія было много для людей, не

искавшихъ сущности, а любившихъ и желавшихъ жить въ мірѣ фантазій.

При этой обстановкѣ Ламберовскаго отеля не только магнаты, но множество другихъ богатыхъ фамилій, корчившихъ магнатовъ, вносили себя въ списки ежегодныхъ данниковъ казначейства Ламберовскаго отеля, дабы Польша могла имѣть свою представительность предъ глазами Европы. Кромѣ того, для частныхъ затѣй, дѣлались весьма учтивыя, сильно-патріотическія приглашенія. Одинъ познанскій землевладѣлецъ, заразившійся расчетливостью у сосѣдей нѣмцевъ, простодушно, при разныхъ соображеніяхъ веденія сельскаго хозяйства, приводитъ что на долю патріотическихъ пожертвованій должно отнести $\frac{1}{10}$ изъ получаемаго дохода; но эти доходы текли въ казначейство Ламберовскаго отеля и мало денегъ изъ края перепадало эмигрантамъ. При утвердившемся теченіи дѣлъ, до 500 франковъ въ годъ съ субсидіями и сборами приходилось бѣднѣйшимъ, но каждый демократъ, проповѣдывавшій гражданскія добродѣтели самопожертвованія, лишенія и уравненіе состояній, лично для себя находилъ и приличныя, смягчающія обстоятельства, и злоба брала невольныхъ членовъ демократической партіи, что богатый путешественникъ изъ края, съ предупредительною улыбкою вынималъ билетъ въ 1000 фр. въ пользу посѣщаемыхъ имъ польскихъ учрежденій, и съ досадою искалъ на письменномъ столѣ монету въ 5 франковъ, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ незваннаго посѣтителя, который, переступая порогъ номера парижскихъ гостиницъ рекомендовался словами: «нехъ бендзе похваліоны Іезусъ Христусъ.» Крупный акціонеръ обществъ желѣзныхъ дорогъ, *Чарторыйскій* выхлопоталъ то, что эмигранты по особымъ свидѣтельствамъ ѣздили за половинную цѣну, но за этими свидѣтельствами они должны были обращаться въ особую его канцелярію. На полученіе мѣстъ по найму не только при управленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, но и въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ, рекомендательныя письма *Чарторыйскаго* имѣли значеніе, а онъ не только являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ для этихъ гостей, но иногда и личнымъ ходатаемъ. При нежданномъ бѣдствіи, эмигрантъ могъ всегда расчитывать на вспомоществованіе изъ Ламберовскаго отеля, если и не щедрое, то не менѣе того дорогое, когда на чужбинѣ большаго взять не гдѣ. При быстро охладѣвшемъ сочувствіи къ прибывшей эмиграціи, кошельки частной благотворительности перестали раскрываться, а призывы къ общественной, начали надоѣдать; наконецъ въ *Чарторыйскомъ* эми-

гранты видѣли самаго усерднаго и щедраго покровителя воспитанія ихъ дѣтей.

По одиночкѣ притягивая эмигрантовъ, *Чарторыйскій* дѣйствовалъ и на всю эмиграцію вообще закупленными газетами и журналами. Въ его чертоги, въ среду высшаго европейскаго общества, попадающіе литераторы, за извѣстную плату, весьма благосклонно относились о полякахъ, почтительно вплетая въ свои статьи имя князя *Чарторыйскаго;* а что тщеславные охотники до наполеондоровъ, скованныхъ изъ польскихъ злотыхъ, и блюдолизы принадлежатъ всѣмъ націямъ, въ томъ еще недавно имѣлъ случай убѣдить насъ-происхожденія неизвѣстнаго, съ именемъ италіянскимъ, съ претензіями быть русскимъ и съ головою, преисполненною польскими тенденціями и польскими софизмами, Г. Шедо Феротти, авторъ панфлета «Que fera-t-on de la Pologne-панфлета изливающагося изъ варшавскихъ мечтаній и изъ творенія *Чартрыйскаго* Exposé des affaires de la Pologne en décembre 1863, и служащаго ему непосредственнымъ продолженіемъ.

Мохнацкій писалъ свою *Исторію польской революціи 1830 г.;* если не подъ вліяніемъ, то при заискиваніяхъ *Чарторыйскаго,* князь *Адамъ* не пропускалъ ни одного случая заявить Европѣ и полякамъ, что въ его особѣ свѣтлѣется лучезарная глава польской эмиграціи.

Первый, который думалъ вступить въ соперничество съ *Чарторыйскимъ,* былъ графъ Иванъ Ледуховскій. Хотя графъ Иванъ Ледуховскій въ числѣ своихъ предковъ считалъ двухъ палатиновъ и четырехъ кастелановъ, но многіе изъ соотечественниковъ опровергаютъ его право на графскій титулъ. Во время революціи онъ былъ выборнымъ отъ города Андржеіова и подполковникомъ въ войскахъ. Онъ былъ изъ шумливѣйшихъ членовъ сейма и любилъ жить бойко; на родинѣ онъ послѣдовательно прожилъ два огромныя имѣнія, за границею подрался съ *Яловицкимъ,* однимъ изъ основателей резюррекціонистовъ. *Чарторыйскій* любилъ угощать у себя промотавшагося графа, чтобы въ демократической партіи имѣть своего чоловѣка. *Ледуховскій* въ партіи *Чарторыйскаго* хотѣлъ быть alter ego, какъ говорили эмигранты, но тамъ были свои люди и роль втораго князя *Адама* неоспоримо принадлежала его племяннику графу Владиславу *Замойскому.* Въ началѣ сороковыхъ годовъ *Ледуховскій* окончательно разошелся съ Ламберовскимъ отелемъ.

Старуха графиня *Малаховская,* урожденная *Сангушко,* не имѣя наслѣдниковъ, въ 1841 году, пріѣхала умирать въ Парижъ и, какъ

истая патріотка, хотѣла завѣщать эмиграціи 8 милліоновъ франковъ. Увивались около старой графини всѣ партіи, особенно *Чарторыйскихъ* и резюррекціонистовъ, но графъ Иванъ *Ледуховскій* одержалъ верхъ и вслѣдствіе духовнаго завѣщанія, оспариваемаго эмигрантами, выиграннымъ процессомъ 8 милліоновъ были ему отщитаны.

Съ новымъ состояніемъ разыгрались въ немъ новые планы— стать главою и руководителемъ демократической партіи, и подорвать вліяніе *Чарторыйскаго*. Въ помочь своей головѣ, онъ призвалъ генерала *Дверницкаго*, а помочь ему раззориться въ третій разъ, нашлось много охотниковъ. Генералъ *Дверницкій* былъ воякъ старыхъ временъ, нѣкогда лихой полковой командиръ, въ которомъ полкъ души не чуялъ, хоть онъ и прокучивалъ по временамъ казенныя деньги; за то въ минуты поворота счастія за карточнымъ столомъ, онъ дѣлился выгирышемъ съ полкомъ,—офицеровъ и солдатъ угощалъ на славу. Старикомъ— эмигрантомъ, онъ все хотѣлъ разбогатѣть, и женился въ Парижѣ на дочери живописца Брока, спустивъ въ рулетку назначенное ей приданое. Графъ *Ледуховскій*, въ своей щедрой расточительности, на первыхъ порахъ своего новаго счастья, изъ наслѣдства *Малаховской*, подарилъ ему 200,000 франковъ. У *Дверницкаго* завелась уже тогда юная семья, и онъ жилъ на 300 франк. въ мѣсяцъ ему выплачиваемыхъ въ видѣ субсидіи французскимъ правительствомъ. Нежданное счастье измѣнило взглядъ его на жизнь: онъ сталъ расчетливъ, провозился нѣсколько времени съ *Ледуховскимъ* и, предвидя плохой конецъ, купилъ имѣнье въ Галиціи и уѣхалъ туда съ семьею.

Ледуховскій роздалъ около миліона франковъ, болѣе или менѣе значительными кушами, знаменитѣйшимъ личностямъ демократической партіи, какъ дары отъ умершей графини *Малаховской*, за патріотическія ихъ заслуги. Слѣдствіемъ этихъ щедротъ было то, что многіе изъ вліятельнѣйшихъ демократовъ стали его усердными приверженцами, а за собою увлекали и другихъ; они не щадили похвалъ безкорыстію графа, который такъ честно исполнялъ ему одному объявленную волю покойницы.

Соперничая съ *Чарторыйскимъ*, онъ тоже возымѣлъ мысль завести польское учебное заведеніе, разомъ пожертвовалъ на это учрежденіе 200,000 франковъ и обратился ко всѣмъ источникамъ края, европейской благотворительности и эксплоатаціи прибывающихъ польскихъ путешественниковъ и, заведя сперва польское отдѣленіе близь Парижа, основанное въ 1842 г. при частномъ пан-

сіонѣ въ Шатильонѣ на Сенѣ, скоро перенесъ его въ самый Парижъ и преобразовалъ его въ самостоятельное учебное заведеніе, въ собственномъ помѣщеніи, на Батиньольскомъ бульварѣ, извѣстное подъ именемъ польской школы.

Ярый поборникъ демократическихъ принциповъ и общаго уравненія, *Ледуховскій* получивъ новое достояніе купилъ въ окрестностяхъ Парижа великолѣпный замокъ Ириси и зажилъ по старому, польскимъ магнатомъ. Тамъ окруженный подобострастными демократами прихлѣбниками, *Ледуховскій* доказалъ надъ своими сторонниками, какъ съ прокламаціями безусловной свободы мнѣній можно согласить деспотическое угнетеніе свободы слова; содержа 50 лошадей на конюшнѣ, онъ уравнялъ сословія и состоянія, сажая кучера и выѣзднаго своего лакея на козлы экипажа, на которыхъ имъ также удобно и мягко было сидѣть какъ и ему самому въ каретѣ, онъ призывалъ ихъ обоихъ непосредственно за собою прилагать свои подписи въ постановленіяхъ демократическаго общества. Въ этихъ случаяхъ, онъ предъ своимъ именемъ не выставлялъ своего графскаго титула, на что обращалъ вниманіе своихъ собесѣдниковъ и указывалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ полякъ долженъ кидать пыль въ глаза французамъ, сдѣлавъ знаменитой артисткѣ Рашель, за ея участіе въ представленіи въ пользу нуждающейся эмиграціи, подарки цѣною въ два раза превышавшіе самый сборъ. Въ Батиньольской школѣ онъ являлся величественнымъ учредителемъ и щедрымъ меценатомъ. На подобострастіе въ ней служащихъ отвѣчалъ онъ милостивыми привѣтами; на скачкахъ и народныхъ праздникахъ, онъ хотѣлъ удивить парижанъ, и онъ рикошетировалъ 5 франковиками по Сенѣ и отъ множества самодурствъ раззорился въ конецъ, во время паденія Людовика Филиппа; вмѣстѣ съ его замкомъ Ириси рухнуло и его значеніе. Онъ переѣхалъ въ маленькую комнату, за которую съ небогатою содержательницею гостинницы не могъ даже расплачиваться; коончилось тѣмъ, что его имя вычеркнули изъ совѣта Батиньольской школы.

Когда изъ Брюсселя демократическою партіею управлялъ *Лелевель*, а въ Парижѣ съ ея поприща сходили *Ледуховскій* и *Дверницкій*, тогда ихъ мѣсто занялъ, сдѣлавшійся столь извѣстнымъ по неудачамъ польскимъ геніемъ революцій, *Людовигъ Мѣрославскій*.

Въ чинѣ подпоручика польскихъ войскъ, онъ перешелъ въ 1831 году въ Галицію, кончилъ воспитаніе во Франціи, въ военной школѣ и въ 1836 заявилъ себя писателемъ. Прибывъ

въ Парижъ, онъ пріютился подъ крыло Ламберовскаго отеля и, продолжая труды Мохнацкаго, издалъ въ 1838 году на польскомъ языкѣ три книги о революціи 1831 года; но Ламберовскій отель скоро произнесъ надъ нимъ свой судъ, назвавъ Мѣрославскаго фантазеромъ и краснобаемъ.

Полякамъ, которые поставили себѣ за правило предъ лицемъ Европы всякій польскій талантъ прокричать невиданнымъ геніемъ, было достаточно бойкаго слога, нѣсколько смѣлыхъ мыслей и удачныхъ новыхъ сужденій, чтобы прокричать *Мѣрославскаго* величайшимъ военно-политическимъ мыслителемъ. *Мѣрославскій,* въ которомъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ соотчичей, вскружилась голова и разыгрывалось честолюбіе, скоро увидѣлъ что онъ среди аристократической партіи, въ замѣнъ богатства, рода, связей и свѣтскости, можетъ принести только множество не сбыточно — дерзкихъ плановъ и никакою логикою неукротимую необузданность рѣчи. Замѣтя, что въ партіи Чарторыйскихъ ему предстоитъ только подвизаться на поприщѣ литературномъ, въ толпѣ людей, прямо или намекомъ прославляющихъ *Чарторыйскихъ,* онъ, подобно *Луи Блану,* изъ аристократическаго лагеря перекинулся въ діаметро противоположный и скоро составленное имъ общество изъ самыхъ крайнихъ демократовъ сдѣлалось извѣстно въ Версали. Учредитель его, на зло Ламберовскому отелю, назвалъ это общество *сволочью* (шуя). Этому обществу суждено было скоро повести за собою всю демократическую партію, а при успѣхахъ въ революціонныхъ интригахъ *Мѣрославскаго,* аристократическая партія повторяла, что никто лучше этого кондотьера не изучилъ значенія словъ Дантона, что для достиженія цѣли надо дерзости, дерзости и еще дерзости (de l'audace, de l'audace et encore de l'audace).

Когда всѣ революціонныя партіи увидѣли, что на долгое время нужно отложить новыя попытки къ возбужденіямъ успокоенной Европы, въ это время для эмиграціи возникъ вопросъ, къ чему послужатъ всѣ ихъ затѣи, когда перемретъ одна часть эмигрантовъ, состарится другая, и Польша, предоставленная сама себѣ, забудетъ о той ненависти, которую они поклялись вѣчно питать къ Россіи?

Не довольствуясь издаваемымъ съ 1 января 1838 года въ Парижѣ, на польскомъ языкѣ, журналомъ «Молодая Польша» эмиграція искала расширить кругъ своихъ органовъ. «Быстро съ каждымъ годомъ увеличивается число нашихъ умирающихъ эмигрантовъ, говорилъ Лелевель въ 1840 г; еще 26 лѣтъ скиталь-

ческой жизни, оставшіеся въ живыхъ будутъ ли способны къ какимъ либо предпріятіямъ, а въ эти 20 лѣтъ, съ послѣдовательнымъ уменьшеніемъ ревностныхъ патріотовъ, останутся на ногахъ большею частью люди, которыхъ въ дѣло могутъ быть употреблены руки, а не голова. Неужели предоставлять ойчизну самой себѣ, смотрѣть какъ она будетъ преобразовываться въ Москву, неужели вѣкъ повторять жестокую насмѣшку, что полякъ мудръ только послѣ бѣды? Мы опоздали съ хорошимъ управленіемъ, поздно начали дѣйствовать съ самоувѣренностью, опоздали съ заговорами, неужели намъ опоздать и съ дѣятельнѣйшею пропагандою? Вмѣстѣ съ эмиграціею умрутъ сеймы, комитеты, конфедераціи, союзы и демократическія общества, вмѣстѣ съ эмиграціею исчезнетъ это трогательное изображеніе (?) судьбы Польши. Другіе народы возстановлялись прежними династіями, но мы лишены этой опоры потому, что законность престолонаслѣдія есть такая вещь, которую нельзя *поддѣлать*. Мы не можемъ расчитывать на новое поколѣніе эмиграціи: оно, особенно послѣ смерти родителей, утратитъ привязанность къ событіямъ, коихъ не было свидѣтелями; что можетъ понуждать ихъ къ сокровенной дѣятельности?»

«Одно средство можетъ вполнѣ поддержать эмиграцію, это журналъ. Какая главная цѣль эмиграціи? пропаганда и укрѣпленіе въ обществѣ мнѣнія о самобытной Польшѣ. Всѣ акты политическіе и религіозные для заявленія своей жизни, должны имѣть свой органъ. Безъ журнала, идея есть мертвая буква. У насъ есть журналъ, но этотъ журналъ мы-эмигранты пишемъ только для самихъ себя; мы не должны никогда забывать всю важность для насъ общественнаго мнѣнія, а нашъ органъ читается весьма немногими. Если намъ удается иногда о себѣ напомнить, то по чужой милости; физически и нравственно мы живемъ милостынью. Мы должны напоминать о себѣ ежедневно, ежечасно, изыскивать средства и умѣть напомнить объ себѣ при всякомъ обстоятельствѣ, сколько нибудь возбуждающемъ общественное вниманіе Европы, а не довольствоваться тѣмъ, что о насъ вспоминаютъ французскія палаты подавая адресы, да иногда шумные англійскіе митинги.»

«Всѣ мнѣнія, всѣ секты имѣютъ свои журналы, которыми взываютъ къ общественному мнѣнію, стараются расположить его въ свою пользу, а мы съ посохомъ стоимъ у дверей европейскаго ареопага и считаемъ себя счастливыми, когда упросимъ кого либо изъ судей напомнить объ насъ словечкомъ, а при нынѣшнихъ временахъ, мы не всегда можемъ и того добиться, развѣ только

если у них нѣтъ своего собственнаго важнаго дѣла на очереди. Возникъ восточный вопросъ, хоть бы кто нибудь однимъ словомъ упомянулъ о Польшѣ; политики рѣшаютъ дѣло о насъ безъ насъ, потому что у насъ нѣтъ стула въ журнальномъ ареопагѣ. Зачѣмъ, спросятъ, нуженъ теперь журналъ, когда эмиграція дѣлаетъ все, что ей возможно; безъ журнала еще можно обойтиться лѣтъ 20. Но развѣ мы недостаточно уже прежде опаздывали? Мы въ 1791 году только подумали начать учиться благоустроенному управленію, когда его должно было уже имѣть; въ 1806 году ждали, какого рода помощь будетъ намъ отъ чужеземцевъ, когда нужно было самимъ немедленно приступить къ дѣйствію; въ 1830 году мы только начали изучать науку *заговора массъ*. Журналъ должно издавать на французскомъ языкѣ, чтобы его читали поляки и читала вся Европа; его должно издавать на суммы края, потому что нужныхъ для того 600.000 франковъ эмиграція не можетъ удѣлить, получая отъ разныхъ правительствъ ежегодно всего $2\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Обратимся къ нашей аристократіи; если изъ числа туземцевъ нашихъ богатыхъ соотчичей найдутся нѣсколько человѣкъ, которые внесутъ эту сумму, то это будетъ доказательствомъ, что наша аристократія богата не однѣми частными домашними добродѣтелями и что она исправилась. Если же аристократія откажется, то, дабы мы могли у всѣхъ и всегда ходатайствовать о польскомъ процессѣ, обратимся къ массамъ, требуя хотъ немного отъ каждаго.»

«Если заговоръ нѣсколькихъ сотъ юношей могъ быть сохраненъ нѣсколько лѣтъ въ тайнѣ, то неужели извѣстное число взрослыхъ подписчиковъ не съумѣетъ сохранить ее; а если спросятъ какъ пересылать подписныя деньги, отвѣтимъ *„чрезъ перваго жида.“* Можемъ сказать, погибнетъ народъ, который не подкрѣпитъ во время гаснущую эмиграцію,—погибнетъ народъ, который не вѣритъ въ силу общественнаго мнѣнія, и не имѣя меча, будетъ пренебрегать могучимъ звукомъ трубы пропаганды.»

Это посланіе изъ Брюсселя, которое приписываютъ *Лелевелю* и изъ котораго мы привели замѣчательнѣйшія мѣста, было выводомъ всѣхъ опасеній эмиграціи въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Оно породило живые толки, какъ эмиграціи продолжать ожесточенную ненависть къ Россіи, за гробовою доскою послѣднихъ выходцевъ. Никто не оспаривалъ пользы польскаго журнала на французскомъ языкѣ, но всякій хотѣлъ эксплоатировать съ наибольшею для себя выгодою, слова *Лелевеля;* продолжать эмиграцію, воспиты-

вая ея молодое поколѣніе въ чисто польскомъ духѣ, было мнѣніе многихъ, которые обзавелись семьями, или къ которымъ семьи прибыли изъ края. Возможность поддерживать надежды на возстановленіе Польши династіею—была мысль, которая улыбнулась и за которую ухватились *Чарторыйскіе*.

Лелевель самъ, по видимому, не замѣтилъ, какъ онъ многознаменательно проговорился, высказавъ сожалѣніе—что *династію нѣтъ возможности поддѣлать;* такъ какъ династію поддѣлать было нельзя, то *Чарторыйскіе* приняли еще настоятельнѣйшія мѣры занять вакантное мѣсто развѣнчанной династіи и пріучить къ этой мысли соотчичей.

Учрежденіе *Батиньольской* школы *Ледуховскимъ* было первымъ слѣдствіемъ желанія продлить эмиграцію, и мысль эта до того понравилась полякамъ, что богатыя пожертвованія потекли изъ края, и число воспитанниковъ школы увеличилось до 300. Въ этомъ числѣ были и присланные для воспитанія изъ края юноши. Школа, послѣ прикупки сосѣднихъ домовъ, получила обширное помѣщеніе, имѣла директора, инспектора, 30 профессоровъ, богатую библіотеку, имущества на $2\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Совѣтъ *Батиньольской* школы составляли бывшій 1831 года министръ *Бернацкій*, писатели *Мицкевичъ*, *Залѣскій*, генералы *Дверницкій*, *Сѣравскій*, *Хржановскій*. Школа велась чисто въ польскомъ духѣ; доказательствомъ тому можетъ служить то, что однажды воспитанникъ, уговорившій другихъ кинуть составляемый противъ учителя заговоръ, подвергся наказанію отъ начальствующаго за то, что мѣшается не въ свое дѣло. Въ революціонную эпоху 1848 года преподаваніе почти остановилось; учителя и ученики въ классахъ большую часть класснаго времени проводили въ распѣваніи польскихъ революціонныхъ пѣсней.

Князь *Чарторыйскій*, съ устройствомъ Батиньольской школы, устроилъ другую такъ называемую Монъ-Парнасскую. Всѣ ученики, съ особенными успѣхами, кончивъ курсъ въ первоначальной, и слушая курсъ въ высшихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, должны были пройдти курсъ подъ вліяніемъ *Чарторыйскаго* и убѣдиться о его значеніи въ эмиграціи. Въ Монъ-Парнасской школѣ они имѣли столъ, квартиру и особыя лекціи, направленныя къ поддержанію въ нихъ полной польской національности.

Съ своей стороны княгиня *Чарторыйская* (урожденная *Сапѣга*, въ одной изъ пристроекъ своего огромнаго дома, отдѣлила помѣщеніе и устроила женскій институтъ для воспитанія 60 до-

черей польскихъ эмигрантовъ, въ которомъ онѣ не только находили пріютъ и образованіе, но и по выходѣ изъ института оставались на попеченіи княгини, а бѣдныхъ дѣвицъ она пристроивала гувернантками въ богатыхъ польскихъ домахъ, или другими средствами устраивала ихъ будущую судьбу.

Фамильными связями князь *Адамъ* хотѣлъ закрѣпить и поддержать блескъ своего дома; старшаго своего сына Витольда онъ хотѣлъ женить на герцогинѣ *Теба,* нынѣшней Императрицѣ французовъ, и отправилъ его на службу въ Испанію; но больной юноша ни въ чемъ не имѣлъ тамъ успѣха. Второй его сынъ *Владиславъ* женатъ на дочери испанской королевы Христины и—*Муносъ—герцогъ Ріанцаресъ.* Дочь князя Адама вышла за мужъ за графа Ивана Дзялынскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ своимъ участіемъ въ заговорѣ послѣдняго мятежа.

Съ затишьемъ въ 1834 году въ Европѣ, послѣ бывшихъ мятежей, во время, такъ сказать, мирное для эмиграціи, вліяніе *Чарторыйскаго* росло, число приверженцевъ Ламберова отеля стало замѣтно умножаться; туда поляки являлись и съ визитами и на поклонъ, что вліяніе его становилось шире, можетъ служить доказательствомъ то, что воспитатели Батиньольской школы, которой основателями и дальнѣйшими руководителями были люди демократической партіи, кончили тѣмъ, что своихъ воспитанниковъ въ торжественные дни стали посылать съ поздравленіемъ въ Ламберовскій отель.

При своихъ династическихъ стремленіяхъ и особенно при вліяніи его племянника, честолюбиваго графа Владислава *Замойскаго* (въ 1831 года начальника штаба *Ромарино*) и брата его *Андрея,* князь *Адамъ* поддался, и уговоренный своими приверженцами, согласился таинственно вѣнчаться польскимъ королемъ, къ великимъ насмѣшкамъ польскихъ ультрадемократовъ.

Въ память этого событія, графъ Владиславъ *Замойскій* заказалъ вычеканить медаль, а съ 10 декабря 1839 года началось изданіе польской газеты подъ заглавіемъ «3 мая»,—исключительный органъ Ламберовскаго отеля.

Конституцію 3 мая 1793 года *Чарторыйскіе* признаютъ своимъ произведеніемъ, якоремъ спасенія Польши, еслибъ онэ единодушно ее приняла и выполняла, и множествомъ позднѣйшихъ коментаріевъ изображаютъ ее верхомъ совершенства. Восточный вопросъ, приводившій въ столкновеніе европейскіе кабинеты, могъ окончиться войною, а какъ князь *Чарторыйскій* признавалъ возможность возстановленія Польши только съ помощью европей-

ской войны, то дабы, при воинственномъ настроеніи большой части эмиграціи ему не остаться на сторонѣ и привлечь къ себѣ болѣе эмигрантовъ, — журналъ, «3-го мая», въ первомъ своемъ появившемся нумерѣ, начинаетъ съ вопроса возстановленія Польши.

Такъ какъ журналъ «3 мая» имѣлъ большое вліяніе на революціонное настроеніе всѣхъ поляковъ, такъ какъ въ немъ формулированы организація и характеръ будущихъ ихъ возстаній, то для ближайшаго съ нимъ знакомства приводимъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя ясно указываютъ направленіе журнала.

«3-е мая, есть названіе нашего журнала. Этотъ день, результатъ событій, начавшихся реформами *Чарторыйскихъ,* и окончившихся знаменательнѣйшимъ польскимъ сеймомъ, который заключилъ собою эпоху республиканскаго избранія короля, беззаконной олигархіи пановъ, повсемѣстной анархіи шляхты, постыдной неволи народа и унизительной слабости государства. Смѣло принимаемъ мы 3 Мая за эмблемму нашего изданія; потому, что журналъ этотъ будетъ говорить въ духѣ той новой эпохи, которая въ великомъ днѣ 3 мая, послѣ долгаго боренія съ предразсудками, самолюбіемъ, безсмысліемъ и внѣшнимъ вліяніемъ, на народномъ сеймѣ, въ постановленіяхъ, бывшихъ проявленіемъ просвѣщенной воли націи, выразилась: 1) возвращеніемъ и присвоеніемъ коронѣ принадлежащихъ ей правъ и привиллегій, т. е. уваженія въ достоинствѣ, силы въ дѣйствованіи, незыблемости и независимости въ престонаслѣдованіи; 2) уменьшеніемъ слишкомъ значительнаго вліянія неправедной силы аристократіи; 3) распространеніемъ и на униженный классъ народа шляхетскаго права, впрочемъ значительно ограниченнаго, и тѣмъ самымъ 4) отворяющаго народу врата къ вольности. Такимъ образомъ 3 мая, какъ законъ имѣющій обязательную силу для польскаго народа, будетъ законною подпорою нашихъ политическихъ мнѣній.»

«При томъ 3 мая, начиная собою новую эпоху, былъ еще днемъ революцій, и ибо каждая новая эпоха начинается революціею. На нашу помянутую революцію стремительно напали: *старые республиканскіе элементы* и *чуждые интересы* пограничныхъ государствъ. Эти обѣ войны, народъ, состоящій изъ 20 милліоновъ, (??!) и опирающійся на краеугольномъ камнѣ 3 мая, уже нѣсколько разъ выдерживалъ, и нынѣ вновь пріуготовляется къ новымъ битвамъ. Хотя до сихъ поръ эти войны имѣли печальное окончаніе, но съ теченіемъ времени народъ польскій все будетъ болѣе укрѣпляться и собирать си-

лы, ибо внутренній непріятель часъ-отъ-часу долженъ ослабѣвать, (?!) а конституція 3-го Мая сильнѣе вкоренится въ духѣ поляковъ.

Первая война произведенная революціею 3-го Мая была самая слабая, потому что элементы старой республики грозно проявились въ тарговицкой конфедераціи, потому что мы искали и надѣялись на помощь Пруссіи, и наконецъ, потому что конституція 3-го мая сдѣлала великую ошибку, предоставивъ корону польскую иноземному царственному дому.

Другая война—Косцюшкинская—была разительнѣе и сильнѣе потому, что приверженцамъ стараго правленія не дозволили сопротивляться общему желанію; не искали иноземной помощи, хотя и ошибочно вѣрили въ добросовѣстный неутралитетъ непріятелей, особенно же потому, что народное возстаніе, отчасти выполнило конституцію 3 мая, сосредоточивъ власть въ лицѣ диктатора.

Третья война, которую произвело ноябрьское возстаніе, была еще упорнѣе и сильнѣе. Причины тому нужно искать въ долгомъ практическомъ испытаніи польскимъ народомъ пользы постановленій, мало отличающихся отъ конституціи 3-го мая, въ народѣ развилась идея монархизма, а въ массахъ поляковъ проявилась великая склонность къ порядку и послушанію. Одного только условія не доставало для обезпеченія, для полнаго успѣха революціи 3-го мая, именно: прекращенія внутреннихъ дрязгъ, соединенія во едино всѣхъ силъ народа такъ, чтобы цѣлыя ихъ массы рынулись на внѣшнихъ непріятелей. Для полученія этихъ результатовъ нуженъ былъ видимый король, король воплощенный, живой, съ короною храбраго Сигизмунда на головѣ, король, который не входилъ бы и не могъ бы входить ни въ какіе переговоры съ врагами касательно ихъ притязаній на Польшу; король, который одинаково властвовалъ бы въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, (??!!) въ Львовѣ и въ Познани (!?!), какъ и въ Варшавѣ, который бы немедленно двинулъ войска къ предѣламъ древнихъ своихъ достояній въ Литвѣ, Россіи и Пруссіи, завоеванныхъ непріятелями, который остался бы королемъ и по паденіи Варшавы, съ одинаковою властью передъ рядами регулярной арміи и передъ полчищами новобранцевъ; однимъ словомъ: который былъ бы королемъ и въ городахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ. Этого то послѣдняго условія и недоставало послѣднему возстанію; потому что ошибка конституціи 3 мая еще не была исправлена въ понятіяхъ

самаго народа, и онъ не хотѣлъ узнать человѣка, находящагося среди сыновъ Польши, котораго самое Провидѣніе предназначало въ короли, за услуги трехъ поколѣній его предковъ.

Нынѣ насъ ожидаетъ еще одна, война исполинская, послѣдняя! Всѣ силы нашего народа, соединенныя подъ одною хоругвею, получившія правильную организацію чрезъ введеніе вышеупоминаемаго пункта конституціи 3 Мая, т. е. монархическихъ формъ правленія, выступятъ на смертный бой. Тогда-то демократическая монархія, Польша, съ видимымъ королемъ во главѣ, со всѣми средствами своихъ сыновъ, вступитъ въ рѣшительную сѣчу, для рѣшенія вопроса: быть или не быть.

Журналъ нашъ будетъ имѣть слѣдующія четыре цѣли:

1) Основываясь на конституціи 3 мая, онъ будетъ защищать *монархическія формы правленія, въ духѣ демократической наклонности народа* и будетъ поддерживать *необходимость отечественной династіи,* и развивать вопросъ *о классахъ народа, угнетенныхъ бывшимъ республиканскимъ хаосомъ.*

2) Усматривая въ фамиліи князей *Чарторыйскихъ,* прославившейся дѣяніями трехъ поколѣній своихъ членовъ, Богомъ предназначенную, королевскую польскую династію, — мы предполагаемъ торжественно поддерживать мысль *объ избраніи на тронъ этого рода,* тѣмъ болѣе, что таковое избраніе одно лишь можетъ обезпечить успѣхъ возстанія.

3) Конституція 3 мая, этотъ краеугольный камень общественной жизни польскаго народа, основываясь на важности вліянія, какое религія имѣетъ на человѣчество и признавая то священное и великое предназначеніе, какое народъ нашъ имѣетъ въ судьбахъ католической церкви,—освятила и упрочила ея права. А потому мы, соболѣзнуя о бѣдствіяхъ понесенныхъ нашею церковью въ годины политическихъ несчастій нашихъ, тѣмъ усерднѣе, тѣмъ пламеннѣе займемся состояніемъ *вселенскаго* (!) костела, потрясеннаго въ нашемъ отечествѣ.

4) На землѣ нѣтъ духа безъ матеріи, нѣтъ души безъ тѣла. Такъ пусть же въ болѣзняхъ и въ крови Польша возродится отъ Польши. Прошло время упованій на помощь чужеземцевъ: желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, кровь кипитъ у насъ въ жилахъ: *народное возстаніе-одна наша надежда".*

За тѣмъ журналъ издалъ длинный трактатъ о народномъ возстаніи и системѣ веденія партизанской войны, изъ котораго тоже возьмемъ нѣсколько выдержекъ.

«Многіе предполагаютъ, что для возстановленія Польши должно только удалиться изъ отечества, и съ нетерпѣніемъ ожидать

покуда обстоятельства, съ помощію вліянія кабинетовъ или народовъ, довершатъ остальное. Мы же, которые желаемъ безусловнаго возстановленія Польши, возстановленія безъ чуждой помощи, мы хотимъ народнаго возстанія и, усматривая, что одни только монархическія формы могутъ подвигнуть массы народа, обѣщая ему лучшую будущность, мы подтверждаемъ, что знаменемъ будущей войны необходимо должна быть отечественная династія королей въ лицѣ князя *Адама Чарторыйскаго.*

2) Надобно сначала составить партизанскія партіи, а потомъ производить нечаянныя нападенія.

3) *Королевство прусское, относительно* силы своей въ покоренной части Польши, превосходитъ тѣ части, которыя принадлежатъ отдѣльно Россіи и Австріи, ибо иныя польскія провинціи значительно онѣмечились.

4) *Что касается до положенія Австріи* въ покоренныхъ ею польскихъ провинціяхъ, то, съ перваго взгляда можно убѣдиться въ его шаткости и въ удобности, съ какою поляки могутъ изгнать своихъ притѣснителей. Въ Галиціи австрійцы не имѣютъ ни крѣпостей, ни магазиновъ, ни арсеналовъ.

5) Относительно русскихъ войскъ, въ покоренныхъ ихъ оружіемъ областяхъ польскихъ, принимая въ разсужденіе, что русскія войска находятся тамъ, какъ въ завоеванномъ краѣ, и въ случаѣ возстанія, могутъ получать помощь только изъ внутренности Имперіи, очевидно первымъ основаніемъ дѣйствій (базисомъ) этихъ войскъ будетъ р. Днѣпръ.

6) Нужно обратить вниманіе на пункты особенно важные, какъ узлы сообщеній, столь замѣчательныхъ въ этой странѣ безпрерывныхъ дифелеевъ, а именно: на сѣверъ отъ Полѣсья: Шавли, Вильну, Докшицы, Витебскъ, Минскъ, Несвижъ, Слонимъ и Пинскъ. Къ югу и западу отъ Полѣсья мѣстность открытѣе, страна населеннѣе, дорогъ болѣе, а потому въ стратегическомъ отношеніи онѣ менѣе замѣчательны, и важнѣйшими тамъ пунктами суть мѣста непріятельскихъ складовъ и центры администраціи, каковы къ югу отъ Полѣсья: Житомиръ, Брацлавъ, Каменецъ-Подольскій, Меджибожъ, Староконстантиновъ, Острогъ и Дубно, а на западѣ Серадзь, Коло и Ленчица.

7) Военныя средства, кои русская армія нынѣ получаетъ изъ польскихъ областей, должны прекратиться, при началѣ народной войны, когда *начальники возстанія будутъ съ жителями поступать строже, нежели самый непріятель.*

8) Всѣ правила народной войны можно выразить слѣдующи-

ми немногими словами: *не должно вступать въ правильныя сраженія большими массами,* ибо чѣмъ многочисленнѣе народныя дружины, тѣмъ болѣе успѣхъ сраженій подчиняется условіямъ тактики и, слѣдовательно, регулярныя войска всегда болѣе имѣютъ вѣроятности въ одержаніи побѣды, а потому *должно стремиться къ возможному истребленію отдѣльныхъ отрядовъ и одиночныхъ людей.* Это великое правило, кромѣ преимуществъ въ военномъ отношеніи, имѣетъ еще важнѣйшія въ политическомъ смыслѣ: оно придаетъ народной войнѣ свойственный ей кровавый характеръ.

9) Въ войнахъ за угнетенную независимость всѣ *средства хороши, если онѣ ведутъ къ цѣли.*—Генералъ *Хржановскій* въ важномъ своемъ сочиненіи «О войнѣ партизанской», между многочисленными примѣрами, заимствованными изъ исторіи приводитъ слѣдующій:» На мызу Грошенъ пришелъ взводъ русской пѣхоты; владѣлецъ мызы Томасъ, нѣкогда служившій въ арміи, принялъ ихъ радушно и, помѣстивъ на ночлегъ въ одной обширной комнатѣ, накормилъ, напоилъ, и когда русскіе улеглись спать, то поставилъ въ комнату нѣсколько черепковъ съ зажженною сѣрою. Удушливые пары умертвили всѣхъ до одного. Тѣла были скрыты въ лѣсу, и оружіе припрятано»

10) Въ провинціяхъ покоренныхъ Пруссіею, партизанская война одолѣть непріятеля не можетъ. Въ этихъ провинціяхъ вся надежда должна быть полагаема на ландверовъ; эти многочисленные и пламенные сыны Польши безъ сомнѣнія при первомъ случаѣ станутъ подъ знамена народнаго возстанія, недожидая покуда новая іенская битва потрясетъ основанія монархіи Гогенцоллеровъ.

11) Всѣ члены эмиграціи почти единогласно согласились въ томъ, что Польша сама собою возстать не можетъ, и дѣло, въ теченіи 3 лѣтъ, идетъ единственно о вопросѣ: кому она будетъ одолжена своимъ возрожденіемъ? Одни увѣряютъ, что революція народовъ должна спасти погибшую нашу независимость; другіе, напротивъ, ожидаютъ этого результата отъ политики европейскихъ кабинетовъ. Но, въ послѣднія минуты своей жизни, безсмертный *Мохнацкій,* огненнымъ перомъ разилъ мнѣнія двухъ партій нашихъ эмигрантовъ, той, которая называлась «демократическою» и другой, которой дали имя «дипломатической». Изъ глубины растерзанной души этого великаго патріота, вырвались слѣдующія слова, полныя вѣры и надежды, послѣднія вспышки его генія: «такъ какъ въ Польшѣ

жизнь еще несовсѣмъ угасла и великій духъ любви къ отечеству еще оживляетъ эту страну славы (?) и терпѣнія, то цѣлая Польша *можетъ и должна возстать сама собою.*"

Эту высокую мысль впервые пустило въ свѣтъ сочиненіе: «Страна и эмиграція», изданное въ 1835 году, а нашъ «третій мая» наслѣдовавъ, по великомъ публицистѣ, идею о народномъ возстаніи, о власти инсуррекціи, о королѣ польскомъ, — вооруженный ею, смѣло выступилъ на поприще своего служенія. Уже большая часть эмигрантовъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кои не лишились надлежащей бодрости, вѣруютъ въ послѣднія слова *Мохнацкаго,* а между молодежью только и разговора, что о возстаніи, о надеждѣ на собственныя силы народа, и о кровавыхъ побоищахъ среди степей, горъ и вѣковыхъ лѣсовъ родимой Польши. Уже близка минута этой тяжкой борьбы; вѣщая кровь недаромъ такъ сильно закипѣла въ жилахъ нашихъ, и у тѣхъ, намъ близкихъ, юношей, кои въ годину горькаго скитанія нашего, успѣли уже подрости на родимомъ пепелищѣ. Но, возблагодаримъ Провидѣніе, за то, что оно сію великую идею произвело отъ чистаго источника! Напрасно наши молокососы теоретики, эти *витіи демократической республики,* стараются присвоить себѣ такое вдохновеніе! Великій Мохнацкій сказалъ сію великую истину! Это его достояніе!

Безсомнѣнія всякій проповѣдующій о спасеніи Польши чрезъ революцію народовъ, не имѣлъ въ виду чувства самосохраненія; но отъ такой индивидуальной жажды войны, еще далеко до систематическаго убѣжденія въ достаточности средствъ нашего народа къ собственному освобожденію. Развитіемъ этого-то убѣжденія мы и обязаны *Мохнацкому.* Сочиненіе: «Страна и эмиграція», какъ выше было сказано, первое огласило его народу, а «третье мая» трудилось и трудится потому же самому направленію.

12) Нашъ *Мохнацкій,* этотъ ясный и глубокій умъ, сказалъ предъ ноябрьскою революціею: »ежели вы до начала возстанія не изберете власти, то я не стану ни во что мѣшаться, спокойно закурю трубку, и буду смотрѣть, какъ на другой день васъ будутъ вѣшать»

Такимъ образомъ каждое индувидуальное, частное возстаніе, безъ власти, подкрѣпляющейся послушаніемъ цѣлой массы народа, будетъ *лишь простымъ бунтомъ;* его легко смирятъ, и онъ повлечетъ за собою одни бѣдствія; ибо противорѣчитъ разомъ и правиламъ мудрой политики, и постановленіямъ церкви, ко-

торая всегда служитъ основою зданія христіанскихъ обществъ. А потому мы здѣсь скажемъ, что каждый полякъ, тогда только можетъ дѣятельно, съ оружіемъ въ рукахъ, дѣйствовать противъ нашихъ враговъ, когда ему это разрѣшитъ власть, происходящая или отъ наслѣдственнаго права, или по силѣ обстоятельствъ, или по Божію указанію, или наконецъ по знаменательному положенію какой либо фамиліи въ средѣ нашего народа. Только эта власть въ правѣ взять на свою отвѣтственность ниспроверженіе настоящаго положенія дѣлъ; она только одна можетъ построить зданіе нашей народности на развалинахъ общественности противунаціональной. Затѣмъ всѣ проявленія, или честолюбія, или отчаянія, и даже самой патріотической нетерпѣливости, беззаконны въ основаніяхъ, бѣдственны по послѣдствіямъ, противо-общественны, противохристіански, неблагоразумны. Самопожертвованіе, мученичество и смерть, конечно, могутъ снискать имъ помилованіе за грѣхъ; но объяснить и оправдать его никогда не могутъ. Имена Завиши и Конарскаго, какъ поэтическія воспоминанія, на вѣки вѣковъ пребудутъ исполинскимъ мѣриломъ и бѣдствій нашего народа, и усилій его духа. Эти мученики чисты отъ злыхъ навѣтовъ, но и ихъ подвигъ не потрясетъ нашихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, и ихъ героическій конецъ, и кровь товарищей, увлеченныхъ ими передъ судилища москалей, не доказываютъ ли ясно истину всего сказаннаго нами?

13) Два правила должны вкорениться въ умахъ нашихъ соотечественниковъ: 1) обязанность каждаго быть готовымъ къ возстанію; 2) обязанность повиноваться власти, управляющей духомъ народа, и ничего, безъ ея приказанія, не предпринимать.

Въ какомъ бы отношеніи мы ни стали разсматривать настоящее наше положеніе, какую бы мы ни тронули сторону народнаго чувства, всюду мы увидимъ потребность скораго возстанія. Выгоды, внутренняя сила, честь, самая вѣра, все вопіетъ: возстаньте! къ оружію!

Что касается до выгодъ возстанія, то онѣ очевидны.— Непріятель насъ раззоряетъ, истребляетъ, силится переродить.

14) Кто не захочетъ теперь выступить съ оружіемъ на непріятеля, тотъ уподоблялся бы животному, упорствующему выдти изъ стойла, объятаго пламенемъ. *Внутренней силы мы имѣемъ достаточно: 320000 поляковъ комплектуютъ ряды нашихъ враговъ;* у насъ гумны полны хлѣбомъ; поля

плодоносны; желѣзо есть въ нѣдрахъ нашей земли, а огнестрѣльное оружіе развѣ мы не можемъ исторгнуть изъ рукъ москалей и нѣмцевъ? . . . .

Но въ нравственномъ отношеніи представляется еще болѣе причинъ, побуждающихъ насъ къ возстанію. Мы уже истомили свѣтъ нашими бѣдствіями; высокое (?!) мужество наше возродило симпатію великихъ народовъ; а долготерпѣніе и плаксивое усыпленіе въ неволѣ уничтожатъ эту симпатію. Усилія послѣдней брани за независимость, снискали намъ уваженіе Европы, (?) и, прежде нежели послѣднее эхо ея можетъ замолкинуть, Польша вновь загремитъ, потрясетъ усыпающую Европу, иначе бѣда намъ! Лавры столькихъ вѣковъ завянутъ, ежели ихъ не вспрыснуть свѣжею кровію; проклятіе народное поразитъ того, кто мало заботится объ этомъ сокровищѣ. Да и, наконецъ, долго ли намъ скитаться по свѣту, съ чужими паспортами, инкогнито, подъ именемъ пруссаковъ, австрійцевъ, москалей? Долго ли не имѣть пріюта, ни у себя на родимомъ пепелищѣ, ни у чужестранцевъ, не смѣть прилечь на землю для минутнаго отдохновенія?

15) Готовность къ возстанію,—но не одна сердечная готовность, на которую у насъ никогда не было недостатка, а благоразумная готовность! Деньги въ ящикъ! Не сорить ими, не употреблять на пустыя увеселенія, изъ угожденія нашему врагу: ибо кто нынѣ расточаетъ свои доходы, тотъ крадетъ у народной казны. Когда отечество въ неволѣ, тогда у сыновъ его нѣтъ ни собственности, нѣтъ увеселеній, все принадлежитъ страждущей матери. Ежели ни какіе частные заговоры, ни чье личное хотѣніе не въ состояніи, не могутъ и недолжны брать на свою отвѣтственность жребія нашего отечества, то тѣмъ рѣшительнѣе каждый полякъ обязанъ возложить свои упованія на власть, коей долженъ повиноваться: она будетъ знать, когда и какимъ образомъ изрещи великое слово возстанія! Вмѣсто несчастнаго шептанія съ эммисарами, такъ щедро и такъ безполезно проливающими свою и своихъ товарищей кровь, каждый благомыслящій полякъ долженъ относится туда, гдѣ въ явѣ, предъ лицемъ Польши и Европы, находится королевская власть, учрежденная не вчера, не нынѣ, а давнымъ давно, не случаемъ, а ходомъ времени, заслугами трехъ поколѣній, и правилами посѣянными ими въ душахъ цѣлаго народа.

Повиновеніе власти и совершенное посвященіе себя дѣлу оте-

чества, т. е. король и возстаніе, должны быть отселѣ вѣрою и эмблемою всякаго истиннаго поляка.

16) *Повторяемъ: для всѣхъ насъ теперь, всегда и всюду, двѣ главныя обязанности—готовиться къ возстанію и повиноваться власти;* изъ нихъ проистекаютъ всѣ частности, содержащія кодексъ правилъ, долженствующій руководить вѣрнаго сына отечества.

Эти двѣ идеи должны умѣрять горячее усердіе однихъ, быть ручательствомъ въ успѣхѣ для хладнокровной разсудительности другихъ и единственною стихіею, матеріею для занятій, предпріятій и усилій всѣхъ насъ безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, и по положенію нашему и по природѣ человѣческаго сердца, есть два рода патріотизма въ нашемъ народѣ: въ одномъ господствуетъ энтузіазмъ; въ другомъ разсудительность беретъ верхъ, и оба нынѣ равно безпокойны, бсзплодны и лишены возможности дѣйствовать съ успѣхомъ. Оба равно ошибаются-и тотъ кто кипитъ жаждою мщенія, готовъ тотчасъ летѣть въ сѣчу, думаетъ только о возстаніи, а не о средствахъ упрочить успѣхъ возстанію, кто желаетъ только битвы, а не расчитываетъ какъ бы выбиться изъ ярма,—равномѣрно и тотъ, кто рѣшительно опасается всякаго новаго возстанія. Для нихъ обоихъ необходимо совершенное уразумѣніе двухъ вышеприведенныхъ идей: оно направитъ ихъ силы, успокоитъ духъ, показавъ и цѣль, и средства, и ручательства успѣха будущаго возстанія.

Приготовленіе къ возстанію заключается въ трехъ предметахъ: 1) готовность нравственная, 2) готовность матеріальная, состоящая въ собираніи денежныхъ средствъ и распространеніи надлежащаго направленія умовъ, *но отнюдь не посредствомъ заговоровъ, кои только безполезно подвергаютъ опасности,* а поддержаніемъ надлежащаго патріотизма въ равныхъ и дружескимъ обращеніемъ съ подвластными; и 3) готовность, основанная на признаваніи власти и на послушаніи къ ней, къ *той* власти, въ рукахъ коей находится тайна возстанія и освобожденія, которая должна быть и есть, какъ мы уже сказали, уздою для усердныхъ, ручательствомъ для благоразумныхъ, и фактомъ для всѣхъ.

Повиновеніе сей высшей власти не заключается въ непосредственномъ сношеніи съ нею, а въ немедленной готовности, по полученіи повелѣній, къ бунту. Нужно только, чтобы каждый признавалъ ее въ сердцѣ и вѣрилъ, что она существуетъ, мыслитъ и подвизается.

16) Признавай короля и будь готовъ, а когда придетъ благопріятная минута, вѣрь, что сдѣлаешь все, что нужно. Вотъ это наше правило мы представляемъ въ глаза тѣмъ, кои, говоря о насъ, напечатали слѣдующее: «Факція неизвѣстная по своимъ правиламъ, ни по числу своихъ членовъ, собирающаяся не подъ знаменемъ идеи, а у ногъ какого-то лица.» Что касается до нашихъ правилъ, онѣ извѣстны; а изъ нихъ главныя суть: *король* и народное возстаніе; что же касается числа нашихъ членовъ, то положимъ, что оно не извѣстно; ибо мы не считаемъ ихъ *поштучно,* не сообщаемъ подписокъ, а говоримъ цѣлому народу. Пусть наступитъ часъ борьбы, и тогда мы не станемъ исчислять нашихъ; весь народъ польскій будетъ нашимъ.

17) Державы, кои будутъ поздравлять Польшу съ освобожденіемъ, поздравятъ ея начальника какъ короля, а тѣ, кои станутъ защищать свои незаконныя права, необходимо должны будутъ сражаться съ нимъ какъ съ королемъ польскимъ.

18) Безъ сомнѣнія, каждый полякъ, даже и тотъ, кто всѣ надежды свои возлагаетъ на помощь иноземцевъ, долженъ согласиться, что въ случаѣ войны за нашу независимость внѣ предѣловъ нашего отечества, для окончательнаго освобожденія его, необходимо народное возстаніе; равномѣрно онъ долженъ будетъ согласиться, что чѣмъ важнѣе будутъ успѣхи сего послѣдняго, тѣмъ усерднѣе станутъ помогать намъ европейскіе пріятели; а потому очевиднымъ дѣлается, что всѣ усилія каждаго вѣрнаго поляка, въ настоящее время должны клониться къ пріуготовленію себя и своихъ для дѣйствованія въ будущемъ возстаніи. Нынѣ отечество требуетъ только этого условія отъ своихъ сыновъ; кто не думаетъ объ этомъ, тотъ не выполняетъ святѣйшаго своего долга. Готовьтесь, «ибо не вѣсте ни дня ни часа», ибо не знаете минуты, когда Господь спуститъ десницу, и покинетъ бразды войнъ народовъ! (??).

Съ другой стороны, признавайте власть короля, и, слушая гласъ его, умѣряйте ваши порывы. Онъ знаетъ, когда подать знакъ!!!

19) Вѣроятно, старые республиканскіе элементы еще несовершенно истреблены въ сердцахъ нашихъ; еще насъ мучатъ безпрерывныя подозрѣнія, и мы не можемъ освободиться отъ желанія гибельной опеки *частныхъ выгодъ* надъ общею пользою. Въ государствахъ, гдѣ вполнѣ развиты административныя идеи, министръ иностранныхъ дѣлъ однимъ словомъ «не скажу» замыкаетъ уста любопытныхъ депутатовъ. Въ Англіи, напримѣръ,

всякій убѣжденъ, что завѣдываніе заграничными сношеніями требуетъ секрета, который вполнѣ ввѣряется лицамъ находящимся у кормила правленія: тамъ всякій знаетъ, что бываютъ случаи, когда и правительство самаго могущественнаго народа, принуждается дѣйствовать съ величайшею скрытностію. Правительство отдаетъ отчетъ народу послѣ совершеннаго окончанія дѣла, а до тѣхъ поръ ни народъ, ни депутаты его, а тѣмъ болѣе никто изъ частныхъ лицъ, не имѣютъ права, и никогда нерѣшаются мѣшаться въ распоряженія министровъ.

Ежели сильныя націи слѣдуютъ этому правилу, то что должно сказать о насъ, кои только украдкою можемъ пробираться въ ареопагъ, рѣшающій судьбы Европы? Намъ должно отдать въ полное распоряженіе власти всѣ дѣла, вѣдѣнію ея подлежащія.

20) Князь *Адамъ,* въ послѣдней рѣчи своей сказалъ, что онъ желалъ чтобы слово «возстаніе» было написано на всѣхъ хижинахъ и дворцахъ; а мы къ этому прибавимъ: и послушаніе ему, какъ королю нашему. Король и возстаніе составляютъ всю загадку нынѣшней политики, а будущія судьбы Богъ держитъ въ своей десницѣ. Нынѣ достаточно имѣть только безпрерывную мысль о королѣ и возстаніи: о возстаніи мысль—дѣятельную, о королѣ—страдательную, т. е. способную произвесть послушаніе и самоотверженіе въ минуту надобности; а до тѣхъ поръ ограничивающуюся однимъ ожиданіемъ. Король не начнетъ дѣла безразсудно, онъ даже не станетъ безполезно говорить съ своимъ народомъ; онъ желаетъ единственно, чтобы народъ зналъ своего короля и былъ готовъ, а сноситься будетъ съ тѣми лишь особами, съ коими надлежитъ. Простой поселянинъ, который вѣритъ, что мы имѣемъ короля, несравненно умнѣе всѣхъ нашихъ напыщенныхъ философовъ—самоучекъ. Французскій король, спасшись съ поля сраженія, одинъ безъ всякой свиты, постучалъ у воротъ замка, и на вопросъ, кто пришелъ? воскликнулъ: «счастіе Франціи!!!

21) Знаменитый Оконель произнесъ къ своимъ соотечественникамъ рѣчь, въ которой убѣждая ихъ на денежную складку, называлъ деньги главнымъ *нервомъ войны* и принималъ добровольныя пожертвованія за мѣру усердія каждаго, за мѣру дѣятельной готовности, за истинный и выразительный знакъ патріотизма.

22) Ежели бѣдная Ирландія, которая ни народонаселеніемъ, ни богатствомъ, ни историческими воспоминаніями, ни славою, ни высшимъ предназначеніемъ (хотя она имѣетъ свое, и весьма

значительное) не можетъ равняться съ нашимъ отечествомъ; ежели Ирландія, которой знаменитѣйшія фамиліи, или переродились въ англичанъ, или происходятъ изъ Англіи, будетъ въ состояніи собрать трудовыя копѣйки, для образованія народнаго капитала; то чего не можетъ сдѣлать Польша? только пожертвованія могутъ устрашить тѣхъ вельможныхъ потомковъ древнихъ гетмановъ и сановниковъ, коихъ имѣнія покрываютъ половину королевства? Каждая такая фамилія возвысилась заслугами своихъ предковъ.

23) Довольно, кажется, мы подчивали себя вѣжливостью и комплиментами, скажемъ же хоть разъ правду. Не болтать и фанфоронить должно; всѣ эти выходки, фанфоронады безплодны, напротивъ надобно думать, какъ бы вліяніемъ, деньгами и всегдашнею готовностью, способствовать успѣху нашего предпріятія. Сѣсть на коня всякій съумѣетъ, но всякій ли будетъ въ состояніи дѣйствовать такъ, какъ должно? Ежели ты искренній, истинный и усердный патріотъ, такъ употребляй всѣ имѣющіяся у тебя средства; ибо за каждое изъ нихъ, какъ казначей за всякую копѣйку дашь отчетъ Богу и отечеству.

24) Воскликнемъ къ *католикамъ:* къ оружію! *Еретики* (?) вяжутъ вашихъ епископовъ и оскверняютъ костелы (?!) *Къ Шляхтѣ:* къ оружію! теперъ вы ниже нѣмецкаго холопа! *Къ аристократамъ:* къ оружію! на васъ станутъ возить воду, и бить васъ палками! Съ тѣми же словами мы обращаемся и къ ремесленникамъ, приводимымъ русскими на одну степень съ жидами, и, къ нѣжнымъ полькамъ: ахъ! вы хлопочете о вашихъ дѣтяхъ, а вѣдь изъ нихъ со временемъ будутъ московскіе солдаты.

Съ намѣреніемъ бросаемъ соль на раны народа; пусть грызетъ живое мясо; жаримъ подошвы, пусть проснется изъ гибельной летаргіи. Народъ хочетъ войны, мы хотимъ, чтобъ онъ исполнилъ свою волю. Знаемъ волю, жаждемъ дѣлъ.

25) Мы полагаемъ, что пренебрегать различными соображеніями интересовъ Европы, и не стараться войдти съ ними въ общеніе, было бы верхомъ неблагоразумія;—выгоды нашего отечества требуютъ его включенія въ общую систему политики, какимъ бы то ни было образомъ, помощію ли войны, мира, какого либо отдѣльнаго трактата, или наконецъ нарушенія онаго; въ этомъ мы несходствуемъ съ образомъ мыслей отчаянныхъ студентовъ, вопіющихъ противу всякихъ сношеній съ существующими правительствами.

26) Теперь, когда несогласія европейскихъ государствъ, по поводу восточныхъ дѣлъ, угрожаютъ близкою войною, мы спрашиваемъ какъ можетъ она застать нашу родину? Готовою, по первому знаку, взяться за оружіе, мгновенно воспрянуть отъ Познани до Кіева. Все это такъ; но развѣ не была уже Польша въ подобномъ состояніи при Наполеонѣ? Да, еще болѣе, не имѣла ли она тогда своей арміи, своей казны, своихъ знаменъ? И что же она совсѣмъ тѣмъ получила? Почему, играя видную ролю въ каждой битвѣ, не отмежевала себѣ упоминанія ни въ одномъ трактатѣ? Потому, повторяемъ, и сто разъ будемъ повторять, что она не имѣла власти; была страною, гдѣ находились всѣ элементы государства, но государства не было; была безъ представителя, однимъ словомъ—не осязаема.

27) Что значили бы мы, если бы судьба не даровала намъ человѣка, столь высоко стоящаго? Онъ одинъ нынѣ можетъ представлять наши интересы, и за насъ, за всю Польшу, трактовать съ Европою. Онъ хоругвь наша. Если бы его не было, кто сталъ бы въ главѣ націи? Не поатьеская ли централизація? Не проэктъ ли комитета соединенія?

28) Въ случаѣ всеобщей войны на материкѣ Европы, для спасенія Польши необходимо, дабы одинъ человѣкъ могъ сказать предъ лицемъ ратоборцевъ: «я власть, у меня подъ ружьемъ 20 милліоновъ храбрыхъ, трактуйте со мною». На этотъ постъ не могутъ возвести ни таланты, ни даже военные успѣхи; на немъ можетъ стоять только тотъ, кто уже тамъ стоитъ, и всѣмъ извѣстенъ. Народъ обязанъ его признать»

Въ то время, какъ аристократическая партія хотѣла подобными статьями подъ искушающею маскою возвращенія независимости Польши, вкоренить въ понятіе эмиграціи и мѣстныхъ поляковъ ту мысль, что фамилія *Чарторыйскихъ* есть знамя, къ которому должны примкнуть всѣ истые патріоты, демократическая партія въ своемъ польскомъ журналѣ, издаваемомъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ *„Демократъ“*, проводила совершенно противуположныя идеи, доказывая, что всѣ бѣдствія причинены Польшѣ ея магнатами и что возстановленіе Польши должно быть соединено съ совершеннымъ преобразованіемъ ея общественнаго быта.

Послѣ того какъ французская полиція стала бдительно слѣдить за эмигрантами, Польскій Комитетъ, потерялъ всякое значеніе; революціонные коноводы перешли въ другія, болѣе глубокія норы. Засѣдать въ польскомъ комитетѣ, этомъ вер-

ховномъ учрежденіи несуществующаго правительства, давало только поводъ къ безпокойствамъ со стороны полиціи, и комитетъ велъ одни текущія дѣла объ эмигрантахъ, сносясь съ другимъ польскимъ комитетомъ,—комитетомъ французской полиціи; а изъ другихъ официальныхъ его актовъ мы имѣемъ только одинъ—сообщеніе палаты депутатовъ отъ 25 Января 1835 г., что польская эмиграція разрѣшаетъ Франціи не платить по счетамъ, которые можетъ быть будутъ предъявлены русскимъ правительствомъ, за разныя снабженія французскими войсками во время войны 1806, 1807 и 1812 годовъ!

Все значеніе для революціонныхъ плановъ, которые имѣлъ прежде польскій комитетъ, перешло въ управленіе (централизацію) демократическаго общества. Участвуя, съ глубокою таинственностью, въ совѣщаніяхъ европейскихъ революціонеровъ, имѣя въ лице сперва *Лелевеля,* потомъ *Мѣрославскаго* ретивыхъ представителей Польши,—члены централизаціи задавали публично объявляемые и необъявляемые вопросы на разрѣшеніе и конкурсъ людямъ своей партіи касательно средствъ возстановленія и будущаго устройства однажды возстановленной Польши. Въ числѣ первыхъ находились слѣдующія:

1) Какія внутреннія силы общественнаго положенія Польши въ отношеніи политическомъ и соціальномъ?

2) Какъ должна быть организирована высшая власть во время возстанія и какія права могутъ быть ей предоставлены?

3) Какіе принципы должны быть приняты для войскъ повстанья, съ точки зрѣнія политическаго?

4) Какую должно дать гарантію народу, чтобы доказать ему, что возстаніе есть его собственное дѣло?

5) Какія были причины неудачи предшествовавшихъ возстаній?

6) Какіе припципы должны быь приняты для устройства общинъ соціальнаго нормальнго положені0 для Польши?

7) Какіе принципы должны руководить законодательною властью при основаніяхъ демократическихъ?

8) Какія измѣненія должны быть произведены для преобразованія Польши относительно права собственности, съ цѣлью полнаго удовлетворенія народа, доставленія каждому совершеннаго благосоетоянія и развитія національнаго богатства?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ проявлялось въ тучѣ брошюръ, которыя остались памятникомъ ярыхъ бредній эмиграціи.

Для секретныхъ вопросовъ былъ избранъ особый комитетъ, въ которомъ разсматривались положеніе революціоннаго настроенія края, отчеты тайныхъ агентовъ, разрѣшеніе вопросовъ какъ усилить это настроеніе, инструкціи отправляемымъ въ Россію французамъ, сношенія съ мѣстными ревнителями и назначеніе эмиссарами людей вполнѣ испытанныхъ и надежныхъ.

»Приверженцы *Ламберовскаго* отеля говорили: демокра»тическая партія не довольствуется тѣмъ, что простолюдина хо»четъ надѣлить поземельною собственностью; она кромѣ этого »дара хочетъ еще застраховать навсегда его благосостояніе. »Собственникъ мало того что однажды долженъ отдать пролетарію »часть своего состоянія, имъ или его предками пріобрѣтеннаго; »но и впредь долженъ дѣлиться плодомъ своихъ трудовъ, дѣятель»ности, знанія и искусства съ лѣнтяемъ, безпечнымъ и безтолко»вымъ. Всѣ прудоновскія теоріи низвергаются въ прахъ предъ »учеными трактатами мудрецовъ Поатье. Подобныя тенденціи »только могутъ вести къ обнищанію страны, а не къ ея процвѣ»танію; отъ нихъ разбѣгутся всѣ трудолюбивые; это сѣмя раз»рыва общества и паденія всякаго просвѣщеннаго развитія, обла»гораживающаго натуру человѣческую. Смыслъ опредѣленій чле»новъ, руководителей демократическаго общества до того уродливъ, »что изъ пяти тысячь своихъ сторонниковъ, къ которымъ прим»кнуло все отрепіе эмиграціи, они, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, »не нашли даже тысячи человѣкъ, которые рискнули-бы подпи»сать разосланную ими прокламацію отъ 4 декабря 1836 года.»

Имѣемъ подъ рукою слѣдующія извлеченія изъ этой прокламаціи.

„Всѣ люди, дѣти одной природы и имѣютъ одинаковыя права и обязанности, потому на нихъ должно смотрѣть какъ на родныхъ братьевъ, дѣтей одного создателя и членовъ одного семейства человѣчества.“

„Всякая привиллегія, подъ какимъ бы именемъ она ни существовала, есть похищеніе изъ обязанностей общаго права; это отрицаніе равенства, посягательство на природу. Братство, свобода и равенство три солидарные принципа, ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть затронутъ безъ уничтоженія остальныхъ.“

„Польша имѣетъ несмѣтныя, не тронутыя силы народа; ими Польша должна возвратить свою независимость. Мы не проповѣдуемъ убійства и разрушенія, но если возобновленіе Польши не можетъ обойдтись безъ насильственныхъ толчковъ и если народъ будетъ призванъ творить судъ, то мы изъ за горсти привилегій не пожертвуемъ благоденствіемъ 20 милліоновъ и пролитая кровь братьевъ падетъ на главу настойчивыхъ шляхет-

ныхъ безумцевъ, для которыхъ чувство своекорыстнаго эгоизма выше общественнаго блага и интересовъ отечества."

Для дѣятельности демократической партіи, коноводы дали ей слѣдующую исходную точку: прежніе руководители поляковъ не сознавали, чѣмъ народъ можетъ быть одушевленъ; возстановленія Польши можно достигнуть только общею соціальною революціею. Не должно искать помощи иноземцевъ, которая насъ только связывала бы; если будетъ европейская война, то мы ею можемъ воспользоваться, какъ союзники, а не какъ подчиненные, обязанные послѣ, въ родѣ благодарности за стороннюю помощь, исполнять чужія прихоти и требованія». Дѣйствительно, коноводы стремясь къ власти единственный къ ней путь находили въ мятежѣ, потому предусмотрительно и заблаговременно они избѣгали того, чтобы никакимъ законнымъ и правильнымъ путемъ Польша не могла быть преобразована. Эти то опасенія, въ виду громадныхъ преобразованій начатыхъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, —съ Его возшествія на престолъ, и были, какъ увидимъ, впослѣдствіи самою подстрекающею для коноводовъ причиною къ ретивымъ ихъ усиліямъ произвести мятежъ, разыгравшійся въ 1863 году.

Для повсемѣстнаго вербованія сторонниковъ по всѣмъ областямъ, гдѣ жили поляки, особымъ комитетомъ демократической партіи были разсылаемы агенты, а для согласія въ дѣйствіяхъ— составлены статуты. Вся дѣятельность должна была сосредоточиваться въ главномъ управленіи партіи, которая потому была названа *„централизаціею."* Ея пребываніе, въ 1840 году, было перенесено изъ Поатье въ Версаль, какъ мѣсто ближайшее къ Парижу, и въ тоже время устраненное отъ бдительнаго глаза, для всякихъ сборищъ съ тайными совѣщаніями, безпокойной парижской полиціи.

Въ 1835 году 5 іюля было централизаціею утверждено постановленіе о внутренней организаціи польскаго демократическаго общества, раздѣленнаго на 6 главъ и 92 параграфа. Въ немъ находимъ:

«Власть принадлежитъ собранію всѣхъ членовъ общества. Собраніе раздѣляется на отдѣлы; направленіе имъ даетъ централизація польско-демократическаго союза. Если въ какомъ либо мѣстѣ число проживающихъ членовъ достигаетъ 5, то они (по правиламъ карбонаровъ) образуютъ отдѣлъ. Каждый отдѣлъ избираетъ своего секретаря, своего кассира и имѣетъ еженедѣльныя засѣданія; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Отдѣлъ имѣетъ право составлять постановленія и обязанъ сторожить за моральнымъ настроеніемъ народа. Каждый отдѣлъ принимаетъ новыхъ желающихъ членовъ, съ требованіемъ подписки статута, о чемъ увѣдомляетъ централизацію. Если кто нибудь не изъявляетъ согласія на принятіе новаго члена, то представляется на обсужденіе нѣсколькихъ отдѣловъ. Каждый отдѣлъ имѣетъ право исключить изъ среды себя не благонадежнаго члена, которому предоставляется право аппеляціи. Каждый отдѣлъ собираетъ народную подать. Законодательная власть принадлежитъ общему собранію, а исполнительная централизаціи; но централизація, въ крайнихъ случаяхъ, имѣетъ право принимать временныя мѣры; она же распоряжается всѣми сборами и каждые три мѣсяца даетъ въ нихъ отчетъ; она занимается редакціею журнала (Польскій демократъ), который, въ оффиціальномъ отдѣлѣ. печатаетъ постановленія общества, нужныя для общаго свѣдѣнія, а въ не-оффиціальномъ отдѣлѣ статьи и извѣстія, съ цѣлью содѣйствовать пропагандѣ, опредѣленной демократическимъ обществомъ. Члены централизаціи (9-ть числомъ) избираются ежегодно общимъ собраніемъ; 5-хъ членовъ достаточно для законности постановленій.» Такъ какъ разногласій было много, и являлось по одному предмету слишкомъ много мнѣній, невозможныхъ къ разрѣшенію большинствомъ голосовъ, то число членовъ было сокращено на 5, а необходимое число для законности постановленія сокращено на 3. «При засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ централизаціи могутъ присутствовать члены общества. Предсѣдательство принадлежитъ по очередно членамъ централизаціи.»

«Надъ централизацію установляется наблюдательный отдѣлъ, который контролируетъ ея поступки; члены наблюдательнаго отдѣла также избираются общимъ собраніемъ». Не смотря однако на наблюдательный отдѣлъ, члены централизаціи, особенно съ поступленія въ ихъ число въ 1844 году *Мѣрославскаго,* находили время и мѣсто сперва сговариваться въ своихъ дальнѣйшихъ затѣяхъ, которыя должны были храниться въ тайнѣ; многіе эмигранты демократы это знали, но имъ зажимали ротъ объясненіями: «нельзя уберечься отъ предателей, закупленныхъ парижскою полиціею, мы имѣли тьму доказательствъ, что противъ нашихъ плановъ, прежде нежели мы приступаемъ къ дѣлу, уже приняты мѣры противудѣйствовать ихъ исполненію».

За основаніе польской пропаганды демократическаго общества было принято: «Будущее польское возстаніе должно быть не толь-

ко возмущеніемъ (инсуррекція), но и общественнымъ переворотомъ (соціальна революція). Для достиженія этой двойной цѣли предстояло много подготовленій въ польскомъ обществѣ. При его, настроеніи можно было всегда найдти охотниковъ къ мятежу, но хотя Бемъ и заявилъ готовность польскихъ дворянъ дѣлиться своимъ добромъ братски съ крестьянами, — заявленіе, отъ котораго онъ и самъ чрезъ годъ отказался; но такія жертвы вовсе не входили въ расчетъ землевладѣльцевъ.

Демократическое общество разрѣшило эту задачу слѣдующею системою своихъ дѣйствій:

1) Такъ какъ каждый доволенъ своимъ умомъ и не доволенъ своимъ состояніемъ, то въ сословіи учителей и наставниковъ, гувернеровъ юношества всегда найдутся люди, готовые пристать къ демократической партіи. Свѣдѣнія о подобныхъ личностяхъ должны быть тщательно собираемы и общество должно употребить все свое вліяніе о назначеніи таковыхъ въ должности при учебныхъ заведеніяхъ. Особенное вниманіе должно быть обращаемо на преподавателей Закона Божія. Стараться сохранить обыкновеніе, чтобы не управленіе учебными заведеніями приглашало ихъ, но чтобы оно производилось по назначенію епархіальнаго начальства, а на него дѣйствовать, чтобы выборъ всегда падалъ на личности демократической партіи, извѣстныя ей и ею поддерживаемыя.

Подготовленное юношество должно втягивать въ революцію, преимущественно напирая на идею освобожденія Польши отъ чужеземцевъ. Развивъ въ нихъ чувства истиннаго національнаго патріотизма, ихъ легче будетъ подготовить къ единовременному съ инсуррекціею соціальному перевороту, и для этого идеи инсуррекціи и революціи должны быть столь сильно сплочены, чтобы оторвать одну отъ другой было бы невозможно.

2) Живое слово въ устахъ преданнаго дѣлу, талантливаго человѣка есть живительный источникъ, потому необходимо въ край посылать своихъ эмиссаровъ.

Опасность порученія не остановитъ истинныхъ людей дѣла, въ случаѣ если члены централизаціи возмутъ на себя эти обязанности, то они сохраняютъ свои мѣста и засѣданія могутъ производиться въ этомъ случаѣ и при 3 членахъ; для усиленія ихъ числа можно принимать предложенія лицъ другихъ національностей, менѣе подвергающихся полицейскимъ наблюденіямъ. Подобные эмиссары могутъ быть полезны для сборовъ и проведенія въ польскія общества идей, способствующихъ цѣ-

ли, но не подлежитъ сомнѣнію, что польза отъ ихъ отправленія въ бывшія польскія области не можетъ сравниться съ эмиссарами поляками, знающими духъ и направленіе страны и личное настроеніе вліятельнѣйшихъ личностей.

Эти эмиссары должны особенно стараться завести между мѣстными жителями демократическія кружки, которые продолжали бы дѣло послѣ ихъ отбытія, и стараться отыскать вліятельныя личности, которыя, съ *благоразумною осторожностью,* могли бы слѣдить за дѣятельностью кружковъ, поощрять ее, споспѣшествовать ей, облегчая средства (?) и безопасною перепискою доставлять подробнѣйшія свѣдѣнія и собранныя деньги централизаціи. Эти агенты, безъ всякой власти, не участвуя лично ни въ какихъ заговорахъ, должны быть избираемы съ большою осмотрительностію и одобряемы признательностію централизаціи за оказываемыя ими заслуги.

На эмиссаровъ было особенно возлагаемо проведеніе въ туземцахъ увѣренности, что Польша для своего освобожденія не нуждается въ посторонней помощи.

Литературныя произведенія и журналъ демократическаго общества должны неразрывно проводить идею освобожденія съ социяльнымъ переворотомъ.

Особенно заботилось общество о составленіи разныхъ національныхъ катихизисовъ, для различныхъ слоевъ обществъ, и высоко цѣнило руководство для веденія возстанія, *„Партизанская война"*, въ которомъ проповѣдывалось ночное и тайное убійство солдатъ; ядъ, и отравленіе колодцевъ были включены въ число оружія новаго военнаго искуства,—также изданное сочиненіе въ Брюсселѣ: *„Житейскія правды польскаго народа"*, о которомъ ближайшихъ свѣденій кромѣ заглавія не имѣемъ. Эти сочиненія, равно какъ и много другихъ имъ подобныхъ, особенно произведенія *Лелевеля* печатались въ Брюсселѣ на счетъ суммъ общества (т. е. собираемыхъ съ края), по цѣнѣ крайне дешевой, тѣмъ болѣе, что *Лелевель* самъ отказывался отъ всякаго вознагражденія.

Наконецъ, по всѣмъ провинціямъ бывшей Польши образованіе тайныхъ *филіальныхъ кружковъ* должно опредѣлять численность, на которую въ данную минуту можно было расчитывать. Эти кружки должны стараться укрѣплять національныя понятія и стремленія между своими членами и должны быть

постоянно снабжаемы всѣми, печатаемыми отъ общества, произведеніями, дабы могли слѣдить за его дѣйствіями и намѣреніями. Кружки должны были, при своемъ учрежденіи, строго придерживаться въ основаніи безопасной карбонарской организаціи.

ГЛАВА III.

Бемъ и его теоріи.

Пока Бемъ ратовалъ въ Португаліи и Испаніи, европейскіе революціонеры готовили новыя силы. Бемъ предвидѣлъ что при дѣятельности коноводовъ приближалось время новаго разлива мятежныхъ пожаровъ по Европѣ. Не принадлежа ни къ какой партіи, и не достаточно сильный, чтобъ образовать значительную свою, Бемъ, опасался, что бы ему при будущихъ волненіяхъ не остаться внѣ круга дѣятельности, и чтобы напомнить о себѣ, онъ выступилъ на литературное поприще. „Бемъ," по отзыву одного эмигранта, „предпочелъ изданіемъ своихъ сочиненій возбудить вниманіе заинтересованныхъ правительствъ, чѣмъ подать поводъ эмиграціи и своимъ соотчичамъ подумать, что онъ, послѣ своихъ португальскихъ и испанскихъ похожденій, дѣло ойчизны, какъ старый плащъ, повѣсилъ въ кладовую на гвоздикъ."

Мысль Бема была во первыхъ напомнить о себѣ, а во вторыхъ всѣ толки планы и проэкты эмигрантовъ, касательно будущаго возстанія привести въ систематическій порядокъ, подвергнуть ихъ критическому разбору и авторитетомъ высказать тѣ правила, которыя должны привести къ неминуемому успѣху.

Сочиненія Бема заслуживаютъ нѣкотораго ближайшаго съ ними знакомства; въ нихъ съ одной стороны найдемъ мы новыя доказательства, какъ подъ перомъ поляка теорія становится послушна бойкой польской фантазіи, какъ историческія и статистическія данныя становятся услужливыми лелеиваемымъ мечтамъ, какъ смѣло могутъ быть сдавливаемы въ одно цѣлое ерошащіяся противурѣчія, а съ другой стороны въ брошюрахъ Бема, мы найдемъ тѣ предначертанія, которыхъ слѣды выказались въ послѣдовавшихъ польскихъ продѣлкахъ.

Бемъ знакомитъ читателя съ своего личностью, наводитъ, что въ минуту дѣйствія, онъ готовый распорядитель, предупреждаетъ объ опасности довѣряться людямъ, на которыхъ онъ не укажетъ, льститъ молодежи, льститъ сперва шляхетству, готовому на пожертвованія, а потомъ самъ же указываетъ средства, какъ прижать это шляхетство,

чтобы его принудить къ уступкамъ, и вдаваясь въ подробности, уносимый пламеннымъ своимъ воображеніемъ Бемъ, даже опасается за излишнее накопленіе повстанскихъ силъ, изъ народонаселенія имъ насчитываемаго десятками миліоновъ! Въ довершеніе вѣрности практическаго взгляда на вещи, замѣтимъ что по убѣжденіямъ Бема, перваго возстанія Польши будетъ достаточно чтобы мятежъ разлился по цѣлой Россіи. Какъ злобно подсмѣялись послѣдствія надъ глубокомысленными теоріями Бема.

„Я обрекъ себя военной службѣ для родины, пишетъ Бемъ, и хочу ей посвятить остатокъ моихъ дней, потому предлагаго соотчичамъ, плоды моихъ многолѣтнихъ размышленій. Пройдя военныя школы, я началъ службу при Наполеонѣ, и послѣ нашей борьбы 1831 года, я принялъ участіе въ войнахъ Португаліи и Испаніи, находящихся въ положеніи сходномъ съ нашимъ.“

„Нынѣ (въ 1846 году) всѣ поляки убѣждены, что Польша должна расчитывать только на собственныя силы. Землевладѣльцы положили что крестьянамъ необходимо должно уступить земли и освободить ихъ отъ барщины, для того чтобы всѣ сословія были заинтересованы въ дѣлѣ. Подобное благородное рѣшеніе помѣщиковъ должно имѣть благодѣтельнѣйшія послѣдствія. Нація, по возстановленіи своей независимости не замедлитъ ихъ достаточно вознаградить за сдѣланное ими пожертвованіе части своего состоянія.“

„По первому сигналу вся Польша возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, но для полнаго успѣха должно дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану, вполнѣ во всѣхъ частностяхъ, тщательно обработанному, потому предлагаго моимъ согражданамъ нѣсколько мыслей по этому предмету.

„1.) Власть. Начало должно быть съ утвержденія власти — она должна принадлежать оставшимся нашимъ народнымъ представителямъ, всякая другая только принесетъ вредъ польскому дѣлу.

„Власть обществъ и партій могутъ породить только междуусобія.

„Всякій эмигрантъ, вступивъ въ какую либо партію, полагаетъ что только она одна можетъ спасти отечество; онъ возмущается всякимъ другимъ несогласующимся мнѣніемъ; слѣдствіе этого та вражда между партіями, что едва ли примиреніе ихъ возможно.

„Остались представители народа, члены сейма и хотя число ихъ и не достигаетъ требуемаго сеймовыми постановленіями, но они должны обратиться къ эмиграціи и къ народу, и безъ сомнѣнія къ нимъ примкнутъ всѣ благомыслящіе.

„Члены сейма едва только однажды подали знакъ жизни; своимъ молчаніемъ они допустили образованіе партій въ эмиграціи. Голосъ сейма прекратитъ всякую анархію.

„Сеймъ долженъ поручить веденіе дѣлъ тщтельно имъ избраннымъ личностямъ.

„При вооруженномъ вторженіи народное правительство должно остаться во Франціи и возвратиться въ край, по изгнаніи врага.

„2.) Приготовленіе къ войнѣ: Главное условіе разбить врага — нашъ лозунгъ долженъ быть истребленіе его армій, но не въ ученыхъ военныхъ трактатахъ должны мы искать къ тому средства, военное искусство просто и основано на здравомъ смыслѣ, оно можетъ быть выражено нѣсколькими словами, бить врага тѣмъ что имѣемъ подъ рукою.

„Чарноцкій слѣдовалъ только своимъ внушеніямъ и выгналъ шведовъ; потому и горцы твердо стоятъ въ своей борьбѣ съ русскими на Кавказѣ.

„Единственный примѣръ иноземныхъ войнъ, который можетъ быть примѣнимъ къ Польшѣ это Испанія. Она въ 1808 году устроила истребляющую борьбу партизанами, и она или истребила или прогнала непріятельскія войска.

„Потому мы должны руководствоваться однимъ здравымъ разсудкомъ.

Начнемъ счетомъ нашихъ силъ. Отъ Балтійскаго до Чернаго моря мы имѣемъ (въ 1846 г). Подъ властью Пруссіи 5,500,000, — Австріи 4,800,000, — Россіи 18,200,000, — итого 28,500,000.

„Кромѣ того къ намъ охотно присоединятся казаки и черноморскіе татары, въ числѣ 5,000,000.

Принимая только 28 милліоновъ и считая по 4 человѣка съ тысячи мы можемъ для боя выставить 1,120,000:

Съ этими громадными силами, развѣ мы не уничтожимъ всѣ арміи, которыя наши враги вышлютъ въ наши области. Все что они могутъ на первый случай выставить составляетъ: для Россіи 200,000, — Австріи 100,000, — Пруссіи 100,000, — итого 400,000.

„Мы противупоставляемъ имъ потому 3-хъ противъ одного. Начавъ съ того, что всѣ непріятельскіе солдаты, находящіеся на польской землѣ, должны быть приговорены къ смерти, то если каждый возставшій полякъ постарается какимъ бы средствомъ не было извести только одного непріятеля, понятно что въ самое короткое время, всѣ непріятельскія войска будутъ истреблены. Да проникнется вся польская нація этимъ простымъ расчетомъ, и да пойметъ она свою силу. Каждому поляку, призванному къ оружію, нужно извести одного только врага и Польша достигнетъ прежняго своего величія и славы.

„Польская молодежь, наша надежда; она должна готовиться въ ожиданіи великой борьбы, изъ которой изольется возстановленіе отечества.

„Не военныя книги должна она читать, но укрѣплять свое тѣло и душу; каждый долженъ стараться имѣть добраго коня и нѣсколько хорошаго оружія для себя и для другихъ, охотою за звѣрями выработывать себя къ трудамъ и достигать искусства, ни одной пули не выпускать даромъ; запасаться порохомъ, сохраняя его въ хорошо закупоренныхъ бутылкахъ.

„До времени должно избѣгать всякихъ заговоровъ, всякій долженъ работать про себя и быть въ высшей степени осторожнымъ, никогда ничего не писать что могло бы скомпрометировать и передавать свои мысли можно только испытаннымъ людямъ; предатели могутъ быть въ средѣ собственныхъ семействъ. Деньгами не сорить на пустые расходы, но употреблять ихъ на закупку оружія и припасовъ, за эти расходы онъ получитъ въ послѣдствіи свое вознагражденіе отъ націи.

„3.) Какъ вести народное возстаніе? Основаніемъ должно быть ни передъ кѣмъ и ни гдѣ не отрѣкаться отъ существованія Польши. Противъ этого возстанутъ всѣ фантазеры, утверждающіе что силы возстанія должны быть въ одной рукѣ; они только въ диктаторѣ думаютъ искать спасенія, полагая что найдется подобный человѣкъ, который будетъ, если не полубогъ то по крайней мѣрѣ человѣкъ необычайный. Къ сожалѣнію прошедшее того не подтверждаетъ, да и впредь того не будетъ. Всѣ люди-люди, и даже если бы нашелся таковой, то при найлучшихъ своихъ намѣреніяхъ развѣ онъ застрахованъ отъ ошибокъ.

Наполеонъ умеръ въ изгнаніи, потому что ошибся относительно Польши.

„Мы имѣли Косцюшко; не буду разбирать его дѣйствій, край на него возложивъ всѣ свои надежды, и съ плѣномъ диктатора перепталъ принимать участіе въ борьбѣ, хотя онъ, населенный болѣе нежели двадцатью милліонами жителей, легко могъ бы уничтожить всѣ непріятельскіе отряды, въ нѣсколько тысячъ.

„Мы имѣли Хлопицкаго, его провозгласили диктаторомъ; хорошій солдатъ сдѣлался плохимъ правителемъ и привелъ къ паденію народное возстаніе. Напротивъ того, если бы мы съ легкими подвижными колоннами, какъ Дверницкаго на Волыни, Хлаповскаго въ Литвѣ, раскинули войну по всему краю, мы водрузили бы польскіе орлы подъ стѣнами Москвы.

„Мы собственными руками убили возстаніе 1831 года, устраивая регулярные полки, съ центролизованіемъ власти и силъ; край дозволилъ двигаться отрядамъ непріятеля, и все было парализировано. Революція умираетъ, если она не идетъ впередъ.

„Не менѣе вредно связать существованіе возстанія съ какою либо мѣстностью. Потерявъ Варшаву, мы кончили войну постыднѣйшимъ образомъ въ то время, когда по справедливости мы были сильнѣе нашего противника.

„Для достиженія цѣли нужно чтобы возстаніе дѣйствовало постоянно и вездѣ, по всѣмъ областямъ бывшей Польши.

„Подобный способъ дѣйствія будетъ еще имѣть ту выгоду, что никто не можетъ вступать въ какіе либо переговоры или соглашенія со врагомъ, пока весь край не будетъ отъ него очищенъ.

„Начальники мѣстнаго вооруженія и подвижныхъ колонъ должны быть люди энергическіе; способность начальствовать, музыка, живопись и военное дѣло даются при рожденіи, ни возрастъ, ни наука не помогутъ природѣ.

„Военный начальникъ при встрѣчѣ съ врагомъ долженъ съ перваго взгляда опредѣлить свое положеніе относительно врага и всякое обстоятельство обратить въ свою пользу. Способный пріобрѣтаетъ ихъ скоро, неспособный никогда; наука ни въ чемъ не поможетъ. Военному человѣку должно знать географію, статистику и исторію; для спеціальнаго

дѣла нужны еще артиллерія, фортификація, математика, химія и физика. Мы должны избѣгать иноземныхъ офицеровъ, незнающихъ ни языка, ни духа націи. На людей содѣйствующихъ призыву иноземныхъ начальниковъ должно смотрѣть какъ на людей опасныхъ. Польша не нуждается въ людяхъ съ сердцемъ и преданныхъ дѣлу. Въ эмиграціи еще много замѣчательныхъ военныхъ людей, которые сумѣютъ вести дѣло возстанія по пути славы; мы имѣли до 6000 военныхъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ, въ томъ числѣ отъ 3 до 4 тысячь офицеровъ.

„Война должна быть партизанская, многіе полагаютъ, что вся нація должна ополчиться поголовно, мы же полагаемъ, что собравъ по 4 человѣка съ тысячи 1,200,000 вооруженныхъ будетъ достаточно. Половина людей должна образовать военныя силы мѣстнаго возстанія изъ другой должны быть образованы подвижныя колонны.

Въ гражданскомъ управленіи не должно вводить никакихъ новыхъ властей, потому что прибытіе непріятеля можетъ его разстроить; гражданское управленіе должно быть только подчинено начальнику мѣстныхъ войскъ.

Начальники подвижныхъ колоннъ не должны забавляться на одномъ мѣстѣ, но въ безпрестанныхъ движеніяхъ въ кратчайшее время стараться проходить большее пространство, вездѣ подымая жителей къ возстанію.

Всякое бѣгство должно быть наказано смертью. Для избѣжанія всѣхъ затрудненій неразлучныхъ съ большими силами, всякій начальникъ, при увеличеніи его отряда свыше 3,000, образуетъ отъ себя новую колонну, ввѣряя ее особому начальнику. Начальники первыхъ подвижныхъ колоннъ назначаются высшею властью, и только отъ нея зависятъ, а начальники послѣдующихъ зависятъ отъ начальника его назначившаго.

„Война Россіи съ иностранною державою можетъ быть для насъ полезна, но при громадномъ числѣ людей, которые мы сами можемъ выставить подобная помощь не крайне необходима. Также не нахожу необходимости выжидать пока революціонеры произведутъ въ Россіи мятежи; мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что лишь только мы раздадимъ земли нашимъ крестьянамъ, то мятежъ быстро сообщится по всей Россіи, чрезъ сосѣднія губерніи, и онъ въ основаніи потрясетъ всю Русскую имперію.

„Для начала возстанія не должно ни устроивать предварительный заговоръ въ краѣ, ни назначать опредѣленное время, которыя могутъ быть преждевременно открыты; но должно чтобы страна и эмиграція были всегда готовы подняться, и нѣсколько тысячъ эмигрантовъ, небольшими частями заключающіе въ себѣ кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, проникая въ край въ назначенное время, и вѣдомые назначенными энергическими и испытанными людьми подымаютъ населеніе. Полагаю даже лишнимъ чтобы власти назначали предводителей; лучше предоставить ихъ выборъ самимъ эмигрантамъ, которые заслуживаютъ того, чтобы посвящая себя народному дѣлу, они въ награду сохранили бы покрайней мѣрѣ эту привиллегію.

„Предупреждаемъ нашихъ соотчичей въ краѣ не довѣряться отдѣльнымъ эмиссарамъ, они могутъ быть только шпіоны, которые себя облекаютъ въ роль горячихъ патріотовъ.

„На счетъ денежныхъ средствъ полагаю, что добровольныхъ пожертвованій должно избѣгать, внесшіе деньги считаютъ свое дѣло сдѣланнымъ и себя свободными отъ дальнѣйшаго участія; кромѣ того они могутъ потомъ подвергнуться отвѣтственности; но когда всѣ обязаны вносить подати на дѣло освобожденія, то никто не будетъ компрометированъ и всегда можно привести въ оправданіе, что были къ тому принуждены силою. Возстанія должны быть мѣстныя по всему краю, а дѣйствія предпочтительно подвижными колоннами.

„Начальникъ изъ мѣстныхъ долженъ наблюдать за исполненіемъ декретовъ высшей власти, за освобожденіемъ крестьянъ, за сохраненіемъ порядка, за всѣми дѣйствіями противника и стараться прервать его сообщенія, уничтожать запасы, раздавая ихъ жителямъ.

„Мѣстныя войска должны избѣгать встрѣчи съ войсками, но кидаться на маленькіе отряды и истреблять ихъ, равно какъ и отдѣльно слѣдующихъ непріятельскихъ солдатовъ; по ночамъ постоянно безпокоить лагери противниковъ, для чего достаточно нѣсколькихъ рѣшительныхъ человѣкъ, и постоянно должно содержать самымъ тщательнымъ образомъ сообщенія съ сосѣдними начальниками, дабы быстро передавать всякія свѣдѣнія и не пропускать случая воспользоваться оплошностью противника.

„Для избѣжанія отвѣтственности никакихъ насилій не дѣлать надъ противникомъ по деревнямъ, сельскіе жители чрезъ то могутъ подвергнуться наказаніямъ; даже предъ входомъ въ деревню повстанцы должны оставлять свое оружіе. Одежда повстанцевъ должна быть обыкновенная крестьянская, снабженная какимъ либо условнымъ знакомъ, который при встрѣчѣ съ противникомъ сей-часъ можно было отбросить; мѣстное возстаніе должно быть раздѣлено на округи, съ населеніемъ отъ 15 до 20 тысячь жителей; начальникъ мѣстныхъ войскъ, въ случаѣ бѣгства, долженъ сдать свое начальство мѣстному начальнику; часть мѣстныхъ войскъ должна быть только въ сборѣ, а часть въ разсылкѣ, особенно для ночныхъ нападеній; мѣры должны быть приняты такія, чтобы каждую ночь по нѣсколько вражескихъ солдатъ было бы истребляемо.

„Подвижныя колонны. Всѣ военныя дѣйствія состоятъ въ дѣйствіяхъ подвижныхъ колоннъ; онѣ должны быть такъ устроены, чтобы въ мѣстныхъ войскахъ онѣ имѣли кадры пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; въ случаѣ надобности онѣ быстро могутъ значительно увеличить свои силы.

„Пѣхота должна быть на крестьянскихъ лошадяхъ, дабы всегда могла уйдти отъ противника сильнѣйшаго и догнать слабаго.

„Начальникъ подвижной колонны сзываетъ крестьянъ и объявляетъ имъ, что они въ даръ получаютъ землю, избавляются отъ барщины и непремѣнно при себѣ приказываетъ привести эти мѣры въ исполненіе, за тѣмъ требуетъ по 4 человѣка съ тысячи, половину включаетъ въ свою колонну, а другая половина образуетъ мѣстное войско, котораго начальникъ назначается по выбору начальника подвижной колонны. Назначенный начальникъ мѣстнаго войска немедленно приводитъ его приказанія въ исполненіе.

„Жителямъ должно доказать что всѣ исполняемыя мѣры должны быть ими принимаемы за стѣснительныя, потому что послѣ освобожденія страны, сеймъ за все вознаградитъ сполна.

„Начальники подвижныхъ колоннъ должны нападать на города, не имѣющіе достаточнаго гарнизона и истреблять тамъ находящихся солдатъ.“

ГЛАВА 4.

Затишье революціонныхъ явленій.—Положеніе партій.— Эмиссары.— Симеонъ Конарскій.— Царство Польское, Познань и Галиція.— Подземная дѣятельность польской эмиграціи.— Распространеніе революціонной литературы.— Сближеніе партій эмиграціи.— Князь Адамъ Чарторыйскій.

Консерваторы давали ту поддержку правительству *Людовика Филиппа*, что революціонная партія во Франціи притихла, и оправляясь отъ потерпѣнныхъ пораженій, втайнѣ питалась новыми замыслами.

Партія *Чарторыйскаго*, думая, что только европейскія государства могутъ возстановить Польшу, вела свою глухую работу и заботилась объ охраненіи польской національности и расширеніи и утвержденіи этой національности, по возможности, въ пространнѣйшихъ границахъ. Она указывала на мирный путь, внушая высокому мѣстному дворянству, платившему подати въ ламберовское казначейство, какими средствами можно достигнуть утвержденія національности, идя то прямыми, то окольными, невидимыми путями, и какъ вести корабль къ желаемой пристани, минуя подводные камни всѣхъ враждебныхъ партій эмиграціи.

Партія клерикальная, при дружественныхъ сношеніяхъ с.-петербургскаго кабинета съ Ватиканомъ, была парализирована въ своихъ дѣйствіяхъ апостольскимъ посланіемъ папы отъ 9 іюня (28 мая) 1832 года къ латинскому духовенству въ Польшѣ; это посланіе, а равно письмо *Григорія XVI* къ Императору Николаю Павловичу отъ 4 января 1834 года, которымъ ясно предъ

лицемъ Европы папа высказывалъ свое желаніе чтобы латинское духовенство пребывало вѣрными подданными Государю, не были одобрительными актами, послѣ которыхъ клерикальная партія могла бы съ высшихъ слоевъ іерархіи костела, проводить идеи возстановленія Польши; потому *резуррекціонисты* и *братья св. Викентія* только глухими козними могли возбуждать духъ готовности къ мятежу въ низшей братіи туземнаго латинскаго духовенства.

Партія *демократическая* одна не переставала неусыпно и дѣятельно вести свои приготовленія; она начала эмиссарами. Съ замыслами *Заливскаго*, въ Царствѣ Польскомъ, нѣсколько эмиссаровъ прибыли возбуждать Литву; *Волловичъ* былъ открытъ въ гродненской губерніи и былъ повѣшенъ; пребыванія *Болевскаго* въ минской губерніи, *Коперницкаго* въ виленской обнаружились только тогда, когда они успѣли уже выбраться изъ предѣловъ имперіи.

Самый ретивый и ловкій изъ всѣхъ эмиссаровъ, присланныхъ въ западныя губерніи Россіи, былъ *Симеонъ Конарскій*. Родомъ изъ августовской губерніи, онъ служилъ въ польскихъ войскахъ во время мятежа 1831 года, съ *Хлаповскимъ* былъ въ Литвѣ, съ нимъ ушелъ, въ чинѣ капитана, за границу и въ Парижѣ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ эмиграціи. Посланный въ Англію, онъ оттуда прибылъ въ Краковъ,—мѣсто сбора охотниковъ для экспедиціи *Заливскаго* въ 1833; послѣ ея неудачи, онъ вернулся во Францію, сталъ однимъ изъ коноводовъ демократической партіи и основалъ въ 1834 году демократическій польскій журналъ: „Полночь“. Когда въ эмиграціи выработалась мысль, что слѣдующее возстаніе должно быть единовременно съ преобразованіемъ всего соціальнаго устройства, то для основы сѣти новаго тайнаго общества на новыхъ демократическихъ началахъ и для поддержанія этого настроенія въ краѣ, *Конарскій* вызвался провести это дѣло и отправился въ западный край. Онъ прибылъ туда въ концѣ 1835 года: изъ дома въ домъ, онъ объѣздилъ всѣ западныя губерніи, устроилъ въ нихъ демократическіе кружки и отдѣльно еще демократическое студенческое общество въ кіевскомъ университетѣ и виленской медико-хирургической академіи. *Конарскій* увѣдомлялъ своихъ сообщниковъ въ Парижѣ о необыкновенныхъ своихъ успѣхахъ и высылалъ туда обильную денежную дань. 28 лѣтъ отъ роду, онъ былъ неутомимъ, вездѣ устраивалъ правильные кружки, съ предсѣдателями и секретарями,

указывалъ имъ цѣль ихъ будущей дѣятельности, являлся на дворянскихъ съѣздахъ, проводилъ демократическія идеи, необходимость пожертвованій всякаго рода на дѣло освобожденія *ойчизны* и, послѣ двухъ лѣтнихъ странствованій, наконецъ былъ схваченъ въ Вильнѣ, куда пріѣхалъ на время ярмарки и контрактовъ 1838 года. *Конарскій* былъ сужденъ и разстрѣлянъ 15 февраля 1839 года.

Произведенное слѣдствіе раскрыло частью его дѣйствія и дѣйствія его агентовъ и вновь навербованныхъ; въ числѣ ихъ находились многіе изъ дѣятелей, которыхъ имена встрѣчаются при литовскомъ мятежѣ 1831 года—Станислава *Шумскаго*, Медера *Кончи*, *Гребницкихъ*, Эдуарда и Северина *Ромеровъ*. Изъ участниковъ слѣдствіе открыло 221 лицо; мелкіе помѣщики, преимущественно изъ молодежи, чиновники, учителя, ксендзы, лекаря и множество студентовъ и писцовъ составили контингентъ, навербованный *Конарскимъ*; участвовало и нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ одна изъ неизбѣжныхъ графинь *Платеръ*. По мѣрѣ вины, уличенные были присуждены къ каторжной работѣ, къ ссылкѣ на поселеніе и въ военную службу солдатами.

Валентинъ *Звѣрковскій*, бывшій въ 1831 г. депутатомъ сейма отъ г. Варшавы и потомъ однимъ изъ членовъ обще-европейскаго кружка революціонеровъ, съ своей точки зрѣнія, смотря на благоденствіе соотечественниковъ, въ рѣчи, на слѣдующемъ собраніи демократическаго общества, между прочимъ выразился:

„Погибъ Конарскій! эмиграція много заслужила предъ *ойчизной!* Съ нимъ польская нація оплакиваетъ и другія жертвы; но должны ли мы считать жертвы, если мы хотимъ возстать собственными силами, и если мы сознаемъ, что силы достаточно въ 20 милліонахъ нашего народа? Число новыхъ жертвъ ничтожно, когда вспомнимъ что 30 т. нашихъ братьевъ легло въ 1831 году. Безъ заговора *Лукашинскаго*, *Высоцкаго*, *Заливскаго*, подхоронжихъ варшавской школы и академистовъ, безъ университетскихъ кружковъ въ Вилнѣ развѣ когда либо могло вспыхнуть возстаніе?“

Похожденія и казнь фанатика *Конарскаго* подали поводъ эмиграціи превратить его біографію въ цѣлый романъ, котораго, конечно, онъ былъ героемъ. Тутъ все есть: и любовь, и хлопы со слезами на очахъ, слушавшіе его вдохновительныя рѣчи, пре-

данность и самоотверженіе его товарищей и патріотовъ, есть русскіе шпіоны, которыхъ дурачитъ *Конарскій*, является и русскій офицеръ, глубоко, при всемъ своемъ ничтожествѣ, сознающій возвышенныя чувства и подвиги *Конарскаго*, готовый для новой дѣятельности спасти врага своего отечества, зачинщикомъ мятежа, который долженъ былъ истребить ядомъ и ночными убійствами русскихъ солдатъ и усмиреніе котораго пришлось бы обагрить снова русскою кровью; наконецъ авторъ панегерика *Конарскому* не могъ пропустить случая и не дать волю распаленной своей фантазіи и злобѣ, чтобы не создать, для назиданія Европы, цѣлое судопроизводство русскихъ, вполнѣ достойное, насъ „кровожадныхъ, изступленныхъ варваровъ". Онъ возстановляетъ у насъ *пытки*, на которыхъ рѣжутъ людей и вливаютъ въ раны кипящее масло, и разные такіе ужасы, которыхъ не придумывала и испанская инквизиція.

Много чудеснаго въ панегирикѣ *Конарскому!* Въ суровой темницѣ вбиваютъ ему гвозди подъ ногти, а онъ разыгриваетъ на флейтѣ патріотическія мотивы; никогда доселѣ не писавъ стиховъ, онъ, по прочтеніи ему смертнаго приговора, излился длиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и, къ довершенію всѣхъ чудесъ, поэтическое произведеніе *Конарскаго* изъ виленской темницы, вдругъ очутилось въ Парижѣ.

Казнь *Конарскаго*—„мученика-патріота", какъ его назвали, встрѣтила много сочувствія въ польскомъ обществѣ, но едва ли нарядныя, изящныя польскія пани и панны, которыя покупали колечки, будто бы выкованныя изъ оковъ *Конарскаго*, надѣли бы ихъ съ такимъ патріотическимъ умиленіемъ, если бы открылась предъ ними картина всѣхъ замысловъ и готовимая ими расправа крестьянъ, которые, по выраженіямъ рѣчей собраній въ Поатье, „въ грозномъ кровавомъ судѣ справедливаго народа, должны были потребовать у дворянства отчета въ погибели отечества, его тщеславномъ властолюбіи, своекорыстномъ любостяжаніи и продажѣ его независимости,— потребовать у пановъ отчета въ вѣковомъ „гнетѣ хлоповъ ихъ блаженнымъ невѣжествомъ и презрѣніемъ правъ братьевъ простолюдиновъ."

Подобно тому какъ въ Россіи продѣлки эмиссаровъ были по временамъ частью раскрываемы, такъ и въ Галиціи и Познани до свѣдѣнія правительства доходило, что между поляками существуетъ подземное броженіе умовъ.

Современное состояніе областей, въ которыхъ польское дво-

рянство владѣло помѣстьями, не отбивало у эмигрантовъ охоты, отваживаться на опасныя похожденія. Напротивъ того ихъ нетерпѣніе росло при видѣ—что имъ, работавшимъ подъ маскою ревнителей народнаго благоденствія и исполнителей его затаенной и задушевной воли, съ каждымъ днемъ все становилось труднѣе найдти опору въ простолюдинахъ, за представителей нуждъ которыхъ они силились выдавать себя предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Русское правительство приняло систему строгаго преслѣдованія коноводовъ революціи. Царство Польское было занято значительными войсками, входившими въ составъ арміи, не преставашей именоваться *дѣйствующею*; фельдмаршалъ *князь Варшавскій* постоянно былъ покровителемъ крестьянъ, во всякихъ ихъ справедливыхъ жалобахъ. Пруссія съ каждымъ днемъ онѣмечивала давнишнія прежнія польскія области; сами поляки видѣли, что Силезія и Померанія для нихъ уже окончательно потеряны; только въ Познани еще нѣсколько держалась польская интеллигенція, подъ покровительствомъ вліятельнаго класса польскихъ помѣщиковъ; но проникнувшій туда германскій элементъ ежедневно усиливался; правительство, неослабно облегчало всѣ къ тому пути, да и самому населенію, при распространеніи на Познань общаго государственнаго благоустройства Пруссіи, и въ голову не приходило, когда либо съ сожалѣніемъ вспомнить о прошедшемъ времени бывшей польской неурядицы и тяжкаго ига польскихъ пановъ.

Австрійская имперія, какъ извѣстно, составляетъ сумму нѣсколькихъ разнонаціональныхъ областей; потому австрійское правительство, не имѣя основнаго достаточно-сильнаго зерна, съ которымъ могло бы идентифировать обширныя разнохарактерныя свои владѣнія и къ которому могло бы притягивать ихъ послѣдовательнымъ направленіемъ государственнаго развитія, другими путями стремилось укрѣпить за собою галиційскія владѣнія и упрочить связи пріобрѣтенныхъ подданныхъ съ царствующею династіею.

Марія Терезія, и въ особенности Іосифъ II, утвердили свое господство въ Галиціи энергическими мѣрами къ истребленію безобразныхъ слѣдовъ неурядицы рѣчи посполитой и деспотическаго своеволія ея представителей, шляхетства и латинскаго духовенства. Австрійское правительство даровало личную свободу крестьянамъ, устроило суды, на которыхъ они, равноправными гражданами, могли искать защиты, постановленіями положило ко-

нецъ произволу повинностей, за право пользованія помѣщичьею землею и, наравнѣ со всѣми гражданами, утвердило за ними право пріобрѣтать всякія недвижимости.

Народонаселеніе Галиціи представляетъ два различныя племена: жители *западной*—польскаго происхожденія, мазуры и паписты; *восточной*—русскаго происхожденія, червоноруссы и уніаты. Австрійское правительство, хотя и принадлежитъ къ западной церкви, явилось однако справедливымъ защитникомъ уніатовъ, ограждало ихъ храмы и свободу церкви отъ свирѣпыхъ насилій латинскаго духовенства, устроило семинарію, для надлежащаго образованія уніатскихъ священниковъ, и въ недоконченныхъ распряхъ за церковныя владѣнія недвижимостями между латинянами и уніатами, до того держалось строгой справедливости, что ксендзы доводили до Рима жалобы въ пристрастіи къ уніатамъ австрійскихъ властей и судовъ.

Наполеоновскія войны на время прекратили административныя работы австрійскаго правительства къ улучшенію быта крестьянскаго сословія, но, по возвращеніи Галиціи къ Австріи, она не только привела въ исполненіе прежнія предначертанія, но назначенный въ Галицію генералъ-губернаторомъ баронъ *Гауэръ* пошелъ далѣе. Вникая въ сущность теченія дѣлъ, онъ видѣлъ, что предоставленное помѣщикамъ право барщины, хотя въ установленныхъ границахъ, и право двороваго суда, для веденія хозяйства, на практикѣ были поводомъ къ великимъ и нескончаемымъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ, потому что ближайшій надзоръ мѣстною администраціею за исполненіемъ издаваемыхъ постановленій и суды были въ рукахъ туземцевъ, а эти туземцы-поляки, своими связами и взятками, всегда являлись на сторонѣ пановъ и тѣмъ болѣе усиливали вліяніе этого сословія, столь вреднаго правительству и обществу своею традиціонною интеллигенціею.

Баронъ *Гауэръ* замѣстилъ поляковъ во всѣхъ вліятельныхъ должностяхъ чиновниками изъ другихъ провинцій Австріи, образованными и честными; въ особенности призвалъ онъ многихъ изъ развитой Богеміи. Шляхетство, вѣками утвердившееся въ самообольщеніи, что оно составляетъ отъ народа особую породу, добилось того, что и народъ увполнѣ своилъ себѣ это мнѣніе. Если, даже крестьяне западной Галиціи, отрекались отъ названія поляковъ, называя себя *галичанинами* или *австріаками*, то легко можно судить, какое сочувствіе со стороны крестьянъ восточной Галиціи могло встрѣтить приглашеніе сдѣлаться поляка-

ми. Поляки, по народному понятію, были туземцы, члены такъ называемаго образованнаго сословія, но никакъ не мужики.

Въ будущей главѣ мы увидимъ поведеніе сельскаго населенія, когда оно было призвано положить свое сочувствіе на чашки вѣсовъ; изъ нихъ на одну были положены народныя воспоминанія, учрежденія и заботы австрійскаго правительства къ улучшенію крестьянскаго быта, на другую — торопливыя, щедрыя и запоздалыя обѣщанія шляхетства, котораго деспотическое высокомѣріе, корыстолюбивое властолюбіе, измѣну и измѣнчивость народъ изучалъ на опытѣ въ теченіи вѣковъ.

Честолюбивые строители воздушныхъ замковъ, реформаторы общественнаго устройства, своекорыстные благодѣтели человѣчества тогда на дѣлѣ могли убѣдиться, что довѣренность народа нельзя пріобрѣсть въ нѣсколько часовъ щедротами безграничной милости, которыя они ему сулили—поневолѣ, когда нужда была за плечами, а горячка исполненія ихъ желаній была въ сердцѣ и безпокойныхъ умахъ. Сами ораторы не лучше прочихъ понимали сущность своихъ обѣщаній. Практикою жизни народъ выработалъ то благоразуміе, котораго, среди распаленныхъ рѣчей, дышавшихъ местью безсильной злобы и ученыхъ фантастическихъ диссертацій, не могла въ себѣ выработать ни пресловутая польская эмиграція, ни польское шляхетство, которое она за собою вела на буксирѣ.

Эмиграція искала въ такъ называемыхъ образованныхъ вліятельныхъ классахъ первыхъ себѣ помощниковъ, но и въ этихъ классахъ находилось трудно поддающееся на демагогическія выходки сословіе консерваторовъ-помѣщиковъ, важное однако потому, что оно преимущественно располагало средствами.

Произведеніями революціонной литературы, съ ея ультра-демократическими принципами, землевладѣльцы должны были перевоспитываться; политическіе и стратегическіе трактаты въ брошюрахъ Бема и въ статьяхъ польскихъ журналовъ, особенно 3-го мая, творенія фантастическихъ перьевъ, и гнусныя, іезуитскія и варварскія правила въ сочиненіи «Партизанская война *Хржановскаго*,» должны были усвоить увѣренность въ совершенной возможности исполненія самыхъ размашистыхъ мечтаній. Но не въ средѣ польской эмиграціи могла явиться предупреждающая, здравая критика этихъ ребяческихъ учено-военныхъ бредней, тѣмъ болѣе что поляки провозгласили геніями ихъ авторовъ.

Эмиссары живымъ словомъ должны были убѣждать невѣрую-

щихъ, увлекать колеблящихся и въ толпѣ чиновниковъ, адвокатовъ, лекарей, аптекарей, студентовъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и мелкой шляхты вербовать самихъ многочисленныхъ и усердныхъ ревнителей.

Не было сторонъ, съ которыхъ не приступали бы эмиссары, чтобы традиціонную интеллигенцію высокаго шляхетства переработать въ свою пользу, искусить теоріями комунизма. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ комунизмъ проповѣдывался между мужчинами и дамами путемъ *сердечныхъ влеченій*, число *три* принято *за символическое и симпатическое число*, и тройками слагалось общество новыхъ комунистовъ. Помѣщикъ *Феликсъ Пониквитскій* и лѣкарь *Тарасевичъ* были ревностными агентами и распространителями этого общества, къ которому спустились даже и аристократическіе кружки. Княгиня С. была одною изъ самыхъ ретивыхъ учеництъ коммунизма и новыя теоріи возила для распространенія въ Царство Польское. Князь, ея супругъ, по видимому сперва не очень радовался и поддавался новому ученью; но его словамъ „княгиня въ комунизмѣ сдѣлалась настоящимъ профессоромъ; но что эти профессора погубятъ сотни три членовъ приставшихъ къ ихъ обществу; что *Пониквитскаго* и *Тарасевича* давно было надо посадить на цѣпь." Но стараніями помѣщицы Яг. онъ и самъ съ помѣщикомъ Яномъ Шв. попалъ въ тройку общества, правда не первоначальнаго, но раскода *женскаго комуническаго общества*, съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго статута, произведенными г-жею Яг.

Польская эмиграція считала Галицію самою удобною страною для начала возстанія, къ образованію корня мятежа. Тамъ, вблизи вольнаго города Кракова, демократическія ученія усердно были прививаемы учащейся молодежи, жаждущей, по обыкновенію, избавиться отъ власти настоящихъ наставниковъ, и съ этой точки зрѣнія смотрѣвшихъ на правительство; кромѣ воспитанниковъ они обработывали городское сословіе, къ нимъ склонялись и дворяне, съ одной стороны недовольные стѣсняющимъ ихъ австрійскимъ правительствомъ, а съ другой подстрекаемые великими планами и краснорѣчивыми доводами эмиссаровъ въ каждомъ кружку ловко умѣвшихъ, въ призывы къ патріотизму и возстановленію прежней славы и могущества Польши, вплетать демократическія тенденціи, на сколько эти вводныя предложенія не препятствовали бы замышляемому дѣлу. Случались дивныя встрѣчи двухъ посвященныхъ—однимъ и тѣмъ же эмиссаромъ. Одинъ

утверждалъ, что всѣ прокламаціи демократической партіи собственно необходимы для господствующаго общественнаго мнѣнія и поддержанія сочувствія въ революціонерахъ Европы, а другой— что въ новосозданной Польшѣ должны исчезнуть и богачи и магнаты, и что послѣдуетъ такой общественной переворотъ, вслѣдствіе котораго только оказанныя ойчизнѣ заслуги дадутъ право на почести и значеніе.

Австрійское правительство давно уже и часто натыкалось на кружки заговорщиковъ. Въ 1835 году открытъ былъ такой кружокъ въ пограничной стражѣ западныхъ округовъ Галиціи, въ 1837 году въ тарновскомъ округѣ, въ 1840 въ одномъ пѣхотномъ полку и между студентами и семинаристами Львова.

Правительство, въ невѣдѣніи всѣхъ широкихъ замысловъ европейскихъ революціонеровъ и польской эмиграціи, считало ихъ выходками пылкой молодежи и увлеченіями невѣждъ, которыя болѣе достойны сожалѣнія, нежели кары. При принятой системѣ заговоровъ, слѣдствія скоро теряли концы, а отдѣльные кружки, своею слабостью, вводили правительство въ заблужденіе и не вызывали особенно строгихъ мѣръ; все приписывалось сосѣдству буйныхъ головъ сосѣдняго вольнаго города Кракова, въ которомъ пріютилось много участниковъ возстанія 1831 года. Польское дворянство усердно работало, чтобы поддержать заблужденіе въ правительственныхъ сферахъ и корчило преданнѣйшихъ сторонниковъ правительства и друзей нѣмцамъ.

Въ 1843 году польская эмиграція положила собрать всѣхъ надежныхъ своихъ членовъ для окончательнаго разрѣшенія—кому изъ нихъ отправиться въ Польшу для рѣшительныхъ приготовленій къ возстанію; они должны были явиться съ паспортами купцевъ, купеческихъ прикащиковъ и венгерцевъ коробочниковъ, торгующихъ по деревнямъ. Вытравленные на лѣвой рукѣ знаки L. 1. 7. должны были давать средства заговорщикамъ узнавать другъ друга.

Эмигрантъ Феликсъ *Киневичъ*, одинъ изъ главнѣйшихъ ревнителей возмущенія мозырскаго уѣзда въ 1831 году, нѣсколько разъ потомъ, съ разными порученіями отъ эмиграціи, являлся тайно на родинѣ; въ 1844 году онъ прибылъ снова эмиссаромъ, подъ видомъ прикащика, нанимающаго рабочихъ въ Царство Польское; онъ возбуждалъ къ революціи минскихъ помѣщиковъ и главными его туземными агентами сдѣлались помѣщики *Оскерки* и *Еленскіе;* у нихъ стали являться безпрестанныя сборища сосѣ-

дей, преимущественно у *Емилія Оскерки* въ Водовичахъ; особенно дѣятельны были Наполеонъ и Антонъ *Еленскіе.* Первый былъ участникомъ бунта 1831 г.,— сосланъ на Кавказъ и потомъ помилованъ. Антонъ *Еленскій* въ лѣсныхъ своихъ дачахъ устроилъ мастерскія для приготовленія боевыхъ припасовъ, косъ, копій и т. п.; *Киневичъ* далѣе отправился на югъ, вошелъ въ ближайшія сношенія съ главноуправляющимъ имѣній графини *Браницкой* Людвигомъ *Солтаномъ* и съ помѣщиками *Горватами.*

Въ Пруссіи явились, по имѣющимся свѣдѣніямъ, эмиссары Эдуардъ *Дембовскій,* перешедшій потомъ въ Царство и за тѣмъ въ Галицію подъ именемъ *Барковскаго,* Завиша *Черный* и *Лечинскій.* Въ Литвѣ изъ главнѣйшихъ мѣстныхъ агентовъ были лѣкарь *Реніеръ* въ г. Вильнѣ, Людвигъ *Яснинскій,* монахъ доминиканъ и Іосифъ *Скибинскій* ксендзъ пробощъ, въ губерніи.

Если демократы эмиграціи предполагали что среда, которая въ Галиціи даетъ наибольшій контингентъ для возстанія, можетъ быть обработана ксендзами, рѣчами, обѣщаніями эмиссаровъ и катихизисами; то въ Познани они видѣли, что помѣщичье сословіе, сохраняя наиболѣе польскаго элемента, можетъ быть обрабатываемо только другими путями. Кромѣ старанія привлечь на свою сторону женщинъ, имъ было необходимо обратить особенное вниманіе на облегченіе средствъ къ распространенію въ польскомъ обществѣ произведеній революціонной литературы. Закупить книгопродавцевъ, особенно еврейскаго происхожденія, которыхъ нельзя было приманить другими средствами, было особенною ихъ заботою. Главнымъ агентомъ въ этомъ дѣлѣ сталъ книгопродавецъ *Стефанскій,* въ Познани. Въ тюкахъ ему доставляемыхъ книгъ являлись всѣ произведенія демократическихъ перьевъ. Оставляя достаточный запасъ для мѣстныхъ потребностей, онъ отправлялъ остатокъ далѣе, который этимъ путемъ изъ Парижа, Лондона и Брюсселя, чрезъ Познань, шелъ для сбыта въ Галицію и русскую Польшу. Въ послѣдней пограничные ксендзы, разъѣзжая съ св. дарами, особенно занимались перевозомъ чрезъ границу мимо таможенъ брошюръ революціонной литературы. Для русскихъ поляковъ, евреи изъ Познани, въ большихъ сундукахъ, довозили книги до границы, а перевозомъ чрезъ границу особенно занимались ксендзы Феликсъ *Вышинскій* и *Густовскій.* Они разсылали книги далѣе—по монастырямъ и костеламъ. Въ одномъ монастырѣ августиновъ было найдено, въ 1846 году, одной только *«Партизанской войны» Хржановскаго,*—весьма не на-

зидательнаго для духовенства чтенія,— 29 экземпляровъ. Монахи свалили вину на отца библіотекаря *Дракшевича*, а этотъ показалъ книги принадлежавшими не задолго предъ тѣмъ умершему 73-хъ лѣтнему старцу,—отцу *Карлицкому*.

Ксендзъ *Владиславскій* изъ Ширвинтъ и ксендзъ *Мальскій* занимались дальнѣйшею перевозкою литературныхъ произведеній польской эмиграціи и частью доставляли ихъ въ г. Вильну къ лѣкарю *Ренігеру*, для тайной распродажи, распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для сбыта въ содержимой имъ читальнѣ. Особенная забота польской эмиграціи состояла въ достаточномъ подвозѣ ея сочиненій въ Друзгеники (Гродненской губерніи), куда на воды, на время лѣтняго сезона, съѣзжалось большое число мѣстнаго дворянства изъ Царства Польскаго и западнаго края.

Князь Адамъ *Чарторійскій* съ своею аристократическою партіею, постоянно занятый дипломатическими интригами, утвердилъ туземную аристократію въ томъ убѣжденіи, что возстановленіе Польши можетъ совершиться только при какихъ нибудь экстренныхъ событіяхъ, которыя доведутъ Европу до европейской войны; а потому богатые землевладѣльцы не должны поддаваться ни какимъ искушеніямъ польскихъ демократовъ, держать себя крайне осторожно, дабы никакими уликами не дать повода слѣдствіямъ къ обвиненію, но выжидая терпѣливо, вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣмъ своимъ вліяніемъ и всѣми своими средствами поддерживать польскую національность и неутомимо заботиться о ея дальнѣйшемъ развитіи. При слухахъ, долетающихъ до Парижа, востократъ преувеличенныхъ польскою молвою, о неимовѣрныхъ успѣхахъ демократовъ эмигрантовъ; при громадныхъ замыслахъ европейскихъ революціонеровъ, обѣщавшихъ всю Европу охватить пламенемъ своихъ подвиговъ,— князь Чарторыйскій поколебался. Постоянною его заботою было сохраненіе вида, что всѣ національныя стремленія въ его фамиліи находили сочувствіе и отголосокъ; какъ же было ему, при его постоянной мысли—посадить свою династію на польскій престолъ, дать въ руки его противниковъ, сильное оружіе, давъ эмигрантамъ право говорить, что Чарторыйскіе ослабили національное дѣло, выведя изъ круга дѣйствія людей своей партіи.

Для князя Адама настало время полнаго торжества; всѣ партіи эмиграціи видѣли, что безъ богатыхъ землевладѣльцевъ края ничего имъ не сдѣлать; представители всѣхъ партій являлись къ нему, умоляя слиться вмѣстѣ съ своими приверженцами, столь

влiятельными ихъ средствами, слиться въ общихъ теплыхъ нацiональныхъ стремленiяхъ; тогда князь Адамъ поддался и, въ надеждѣ на успѣхъ, подалъ сигналъ къ единодѣйствiю; по его мановенiю *Замойскiе, Моравскiй, Равскiй, Чайковскiй, Быстржановскiй и Вильчтовскiй* отправились по всѣмъ странамъ Европы, даже въ Турцiю и на Кавказъ,—двинуть сторонниковъ аристократической партiи польской эмиграцiи къ принятiю живаго участiя въ наступающихъ событiяхъ.

Извлеченiя изъ журнала, „3-е мая," помѣщенныя нами во 2-й главѣ, ясно выражаютъ, въ какую необходимость ставили—аристократическую партiю пристать къ движенiю—грозные для нея успѣхи польскихъ демократовъ, дабы не остаться *не у дѣлъ*, и какими путями она это движенiе хотѣла повернуть въ свою пользу. Наши излеченiя достаточно указываютъ, на какихъ основанiяхъ польская эмиграцiя замышляла вести мятежъ и убаюкивала себя надеждами. Признавая невозможность поднять онѣмеченное населенiе Познани, польская аристократiя вполнѣ признавала крестьянъ Галицiи тупоумными хлопами, которыхъ она поведетъ, когда угодно, за собою, какъ барановъ.

Время настало, надо было найдти средства къ исполненiю,—исполненiе было неуспѣшно, какъ основанное на предположенiи совершенной безмозглости въ сословiи крестьянъ. Впрочемъ не много здраваго практическаго смысла обнаружили и польскiе дѣятели; не менѣе того все дѣло характерически рисуетъ корыстныхъ iезуитскихъ дипломатовъ ламберовскаго отеля.

Польской эмиграцiи было нужно поднять народъ противъ австрiйскаго правительства; она почитала достаточнымъ къ тому исписанный листъ бумаги. 1845 годъ былъ неурожайный; эмиграцiя и это обстоятельство приняла къ свѣдѣнiю. Хотя никому не воспрещается дарить свое имущество, а тѣмъ болѣе при правахъ, которыми пользовалось галицiйское крестьянское сословiе, помѣщики могли безъ всякаго разрѣшенiя благодѣтельствовать своимъ подвластнымъ на сколько имъ было угодно; но умыселъ былъ не тотъ, и польская эмиграцiя остановилась на слѣдующей комбинацiи:

Если правительству подать адресъ о пожертвованiяхъ, на которыя дворянство готово въ пользу крестьянскаго сословiя, въ выраженiяхъ темныхъ, шаткихъ и неопредѣленныхъ, то, во первыхъ, потребуется извѣстное время для приведенiя дѣла въ ясность, и при позднѣйшемъ исполненiи землевладѣльцы съумѣютъ сохранить свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство будетъ

вправѣ сказать крестьянамъ: „Мы хотѣли вамъ помочь, просили разрѣшенія, даже писали въ Вѣну, но императору не до васъ.“ Съ одной стороны польская эмиграція надѣялась захватить въ руки сильное оружіе для подстреканія крестьянъ къ бунту, а съ другой стороны предъ лицемъ Европы, она могла выставить все великодушіе и добрыя намѣренія своихъ туземныхъ собратій. Этотъ замѣчательный документъ дѣйствительно былъ, послѣ неудавшагося мятежа, напечатанъ въ 1846 году въ числѣ обвинительныхъ актовъ австрійскаго правительства, и нельзя не замѣтить, что все то, о чемъ адрессъ силится умолчать, все то что въ немъ шатко, не опредѣлено, то ясно выговорено въ заглавіи, подъ которымъ адрессъ появился въ газетахъ.

Приведемъ заглавіе: *Прошеніе галицiйскихъ дворянъ императору Фердинанду 1-му о дозволеніи дворянамъ и землевладѣльцамъ даровать крестьянамъ полную свободу и собственность, дабы предупредить будущія катастрофы.*

Помѣщаемъ для полноты и самое это пресловутое прошеніе:

Леопольдштадтъ, сентября 26 дня 1845 года.

„Ваше Величество. Прошедшій годъ, столь пагубный непогодами, нанесъ много ущерба работамъ и землепашцамъ; наводненія истребили ихъ средства и поселили опасенія за будущее; въ истекающемъ году сборы были посредственны, урожай картофеля еще не извѣстенъ, нищета ростетъ и распространяется по всей странѣ; во многихъ мѣстахъ градъ побилъ посѣвы, и моровая язва истребляетъ скотъ, въ горныхъ мѣстностяхъ долины пострадали и бѣдные крестьяне безъ крова, безъ одежды, безъ скота и безъ лошадей. Тѣ, которые своимъ многолѣтнимъ потомъ орошали землю предковъ, разсѣеваются и просятъ милостыню; сбереженные запасы истощаются, на будущее надежды мало, впереди дороговизна и голодъ.„

„Въ виду этихъ страшныхъ и общихъ бѣдствій, ваши вѣрные подданные всегда готовы приносить всѣ пожертвованія, о которыхъ упоминается въ вашихъ сообщеніяхъ. Дворянство для себя ничего не проситъ; но оно настоятельно проситъ о скорыхъ и дѣйствительныхъ пособіяхъ крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ. Всенижайше мы представляемъ это обстоятельство разрѣшенію вашего императорскаго и королевскаго величества. Пособія, которыя могутъ быть временно выданы правительствомъ, будутъ нами поддержаны со всевозможнымъ усердіемъ; а эти пособія могутъ быть легко вознаграждены въ скоромъ будущемъ, при

новыхъ урожаяхъ. Ваше Величество! новымъ благодѣяніемъ увеличьте вашу заботливость.“

„Мы особенно ожидаемъ счастливыхъ послѣдствій для страны отъ мѣры, клонящейся окончательно установить положеніе крестьянъ и ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ и благодаримъ ваше величество за дозволеніе особой коммисіи выборныхъ изъ дворянъ разсмотрѣть и сообразить это дѣло.“

«*Мы далеки отъ мысли посягнуть на чью бы то ни было собственность или на права, законно пріобрѣтенныя!* Мы не хотимъ возбуждать ни опасеній, ни надеждъ, которыя нарушили бы правильное управленіе всѣхъ поземельныхъ собственностей, уменьшили бы производительность и угрожали бы общественному спокойствію; напротивъ того, желаніе дворянства — дать новыя гарантіи всѣмъ правамъ, устранить тѣ затрудненія, которыя парализируютъ право пользованія и тѣмъ дать возможность на будущее время къ *полюбовнымъ* соглашеніямъ, между помѣщиками, и крестьянами, имъ подвластными. Слѣдствіями подобной мѣры будутъ улучшеніе быта, общее для всѣхъ увеличеніе народнаго богатства и устраненіе всякихъ причинъ и предлоговъ, даже и *къ нетерпѣнію,* котораго устраненіе утвердитъ вполнѣ общественное спокойствіе.“

„При всемъ томъ коммисія чувствуетъ себя недостаточно уполномоченною для исполненія своихъ желаній. Въ доказательство общаго чувства нужды и настоятельной потребности этой мѣры и средствъ къ ея исполненію, просимъ ваше величество обратить вниманіе, что подписавшіе этотъ адресъ—преимущественно помѣщики и число подписей гораздо значительнѣе противъ обыкновеннаго.“

Не зная этихъ подписей, мы можемъ обратить наше вниманіе только на то, что газетное заглавіе не клеится съ адрессомъ, что помѣщикамъ предъ мятежемъ очень хотѣлось пособіями отъ казны увеличить мѣстныя средства, и что друзья человѣчества, писавшіе адресъ, послѣ столь чувствительнаго изображенія народнаго бѣдствія, избрали именно это время для мятежа, а всѣ деньги, ими такъ щедро разсѣянныя на затѣи эмиграціи и ея дипломатическія закупки и подкупки, на ея литературную дѣятельность, на заготовленіе оружія и всякихъ воинственныхъ военныхъ снаряженій,—не употребили дѣйствительно на помощь по ихъ словамъ столь нуждавшихся хлоповъ.

ГЛАВА 5-я.

Подготовленія къ общей европейской революціи 1846 г.—Дворянство въ Галиціи.—Подземныя работы.—Польскія интриги.—Эмиссары и агенты.—Князь Чарторыйскій и Мѣрославскій—стремленіе обоихъ провести другъ друга.—Назначенія предъ мятежемъ.— Инструкція Мѣрославскаго.—Замыслъ новыхъ Сицилійскихъ вечеренъ.—Ловкій обманъ аристократіею эрцгерцога Фердинанда.—Его приказъ съ запрещеніемъ крестьянскихъ сборовъ. — Арестъ заговорщиковъ въ Познани.—Неудачная попытка къ мятежу въ Галиціи.—Обѣщанія крестьянамъ и побіеніе крестьянъ.—Сельское населеніе не дается въ обманъ.—Рѣзня пановъ.—Неистовства.

Партія европейскихъ революціонеровъ, въ теченіи десяти лѣтъ, ведя дѣятельно свою подземную пропаганду, считала себя достаточно сильною, чтобы снова приступить къ дѣйствіямъ. 1845 годъ ознаменовался ретивыми приготовленіями; между революціонерами явилась полная надежда, что въ европейскомъ населеніи развелось достаточно ими подготовленныхъ головъ , для поддержанія первыхъ волненій, и что, съ этими избранными, революціонеры будутъ достаточно сильны, увлеченіемъ или ужасами революціоннаго террора , принудить мирныхъ и спокойныхъ гражданъ если не содѣйствовать, то по крайней мѣрѣ не противудѣйствовать повсемѣстному возстанію. Революціонеры понимали , что въ войскахъ они встрѣтятъ опаснѣйшихъ противудѣйствователей ; а потому во всѣхъ арміяхъ они хотѣли литературою и своими агентами ввести заразу анархіи въ военное сословіе, проводя идеи, что воины—граждане и должны отказаться отъ повиновенія пра-

вительствамъ, которыя отъ нихъ будутъ требовать, какъ во Франціи, усмиренія собственныхъ сограждан̂ъ.

При этой основной мысли, коноводы революціи старались повсемѣстно разсѣевать неудовольствія неутомимыми порицаніями всякихъ правительственныхъ мѣръ, постояннымъ изображеніемъ законныхъ правительствъ—первыми врагами народовъ, властолюбивыми піавками, сосущими ихъ силы и достояніе, толкованіями, что всякія повинности населенія суть тягости, и что правительства только бремя, отъ котораго должно искать избавленія.

Польская эмиграція особенно отличалась своею неугомонностью; «она взошла въ сношенія съ нѣмецкими демократами, мадьярскими агитаторами, съ республиканцами Франціи и Италіи и съ Піемонтскимъ королемъ Карломъ Альбертомъ. Поляки должны были дать иниціативу, Галиція и Познань должны были служить театромъ первыхъ вспышекъ. Въ этихъ областяхъ поляки надѣялись на вѣрнѣйшіе успѣхи. Поднявъ въ нихъ мятежъ, они думали разлить его на царство Польское, а за нимъ на всю Россію; въ тоже время произвести бунтъ въ Берлинѣ и Пестѣ, который долженъ быть сигналомъ для Вѣны, Праги и главныхъ городовъ Германіи, также для Парижа и въ особенности для Италіи, въ которой карбонары готовили огромную высадку въ Сицилію и Неаполь, подъ покровительствомъ англійскаго флота. Поднять мятежъ въ австрійскихъ владѣніяхъ Италіи, въ венеціанской области и Ломбардіи, король Піемонтскій взялъ на себя,—словомъ на 1846 годъ была принята европейскимъ революціоннымъ ареопагомъ почти таже программа дѣйствій, которая стоила столько крови въ 1848 году.» Къ таковому выводу пришло австрійское правительство изслѣдованіями совершившихся событій.

Система управленія Польши фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ лишала революціонеровъ надежды начать съ самаго Царства. Съ одной стороны былъ бдительный надзоръ, а съ другой населеніе было охраняемо отъ панскаго своеволія. Шляхетство опасалось компрометировать себя какими либо выходками, отъ которыхъ нельзя было бы отвертѣться при слѣдствіяхъ; единственное средство добыть содѣйствія сельскаго населенія они находили только въ вооруженномъ вторженіи изъ сосѣднихъ областей, при чемъ вторгнувшіеся шайки дѣйствуя *суровѣе съужи-*

телями нежели русскія власти, какъ высказался польскій генералъ Бемъ, поставили бы населеніе, при вліяніи ксендзовъ, въ неизбѣжное положеніе содѣйствовать мятежу.

И такъ отъ удачныхъ дѣйствій въ Галиціи и Познани долженъ былъ зависѣть весь успѣхъ замышляемаго общаго европейскаго переворота. Агенты революціонной партіи заводили кружки заговорщиковъ между поляками въ разныхъ отрасляхъ австрійской администраціи и въ полкахъ, на которые по временамъ натыкались власти; но, при принятой системѣ заговоровъ, австрійское правительство не могло и догадываться о громадныхъ размѣрахъ общаго цѣлаго; при скоро прерывающихся нитяхъ, слѣдователи, въ невѣденіи затаенной соображеніями Буонароти, научно обработанной теоріи заговоровъ, приходили къ заключенію, что открываемыя конспираціи были только ничего незначущіе остатки древней польской интеллигенціи и слѣдствія безпокойнаго броженія нѣсколькихъ умовъ молодежи. Польское дворянство не щадило никакихъ усилій поддерживать это мнѣніе, и оно тѣмъ большее имѣло вліяніе, что галиційскому дворянству нельзя отказать въ ловкомъ предательски—дипломатическомъ его поведеніи.

Чѣмъ болѣе созрѣвалъ подземный заговоръ, тѣмъ болѣе богатые землевладѣльцы, которые давали тонъ остальному шляхетству, становились предупредительными къ представителямъ Австріи. Быстро начала исчезать та замкнутость польскаго общества, въ которомъ оно себя держало, не допуская лицъ другихъ національностей въ свою среду. Шляхетство надѣло на себя маску искренняго сближенія съ законною властью. Польскіе салоны открылись для мѣстныхъ властей, и австрійскіе служащіе находили въ польскихъ домахъ самыхъ гостепріимныхъ, предупредительныхъ хозяевъ и самыхъ привѣтливыхъ, нечопорныхъ, милыхъ и снисходительныхъ хозяекъ.

Галиційское дворянство было въ близкихъ сношеніяхъ съ аристократическою партіею эмиграціи, питалось ея дипломатическими надеждами; но вмѣстѣ съ тѣмъ дальновидные расчеты *Чарторыйскаго* мало удовлетворяли его нетерпѣніе, и жадно оно мечтало объ удачномъ исходѣ вооруженнаго возстанія, которое, по любимому выраженію польскихъ революціонеровъ, стало бы *событіемъ совершившимся.* Эмиссары демократической партіи дѣятельно старались разработывать въ свою пользу шляхетныя тенденціи. Образованіемъ революціонной организаціи въ Гали-

ціи, съ особеннымъ успѣхомъ, занимался эмиссаръ *Хмълевскій,* бывшій членъ польскаго комитета въ Парижѣ. Ревностными его помощниками были туземцы: *Лукасевичъ, Творовскій,* и Теофилъ *Висніовскій.* Послѣдній затѣялъ заговоръ еще въ 1838 году, который былъ открытъ; онъ успѣлъ тогда бѣжать во Францію и тамъ сталъ однимъ изъ главныхъ коноводовъ демократической партіи. При его вліяніи въ краѣ, демократическая партія Галиціи и Познани значительно усилилась его позднѣйшею дѣятельностью. Проживая во Франціи, онъ избралъ въ орудія къ пропагандѣ между туземцами, двухъ молодыхъ ґрафовъ *Вѣселовскихъ,* изъ которыхъ особенно ретивымъ былъ младшій—*Францишекъ.*

Демократическая партія эмиграціи, своею всегдашнею готовностью приступить къ мятежу, брала перевѣсъ въ симпатіяхъ молодыхъ туземцевъ надъ осторожною медленностью партіи Ламберовскаго отеля. Большинство шляхетства Галиціи, при крайне-комунистическихъ выходкахъ демократической партіи, извиняло ее тѣмъ, что эти выходки только средства къ возбужденію массъ, что послѣ удачно произведеннаго мятежа *„вліятельный классъ не можетъ не остаться вліятельнымъ"*, и потому, оно беззаботно и довѣрчиво поддерживало всякія провозглашенія, которыя могли-бы привести къ скорѣйшимъ дѣйствіямъ. Партіи *Лелевеля* въ Брюсселѣ и *Островскаго* въ Лондонѣ безостановочно высылали эмиссаровъ поддерживать завербованныхъ и возбуждать равнодушныхъ и боязливыхъ, и рядомъ сочиненій подстрекали не откладывать мятежа въ долгій ящикъ. Дѣятельность демократической партіи достигала цѣли. Кружки заговорщиковъ, особенно въ Познани и западной Галиціи, горя нетерпѣніемъ, угрожали, что, при дальнѣйшей медленности, они, не ожидая общихъ приготовленій и подготовленій, попробуютъ возстать съ собственными силами. Когда же *князь Чарторыйскій* одобрилъ возстаніе, тогда исчезли и послѣдніе благоразумные доводы, которые еще удерживали шляхетство Галиціи.

Польскимъ магнатамъ предстояло или пристать къ мятежу, или разорвать навсегда всѣ связи съ демократами; но тогда пришлось бы навсегда проститься и съ своими традиціями. Князь Адамъ вспомнилъ о своей династіи и видѣлъ, что, при произведенномъ демократическою партіею эмиграціи сильномъ броженіи умовъ, движеніе остановить уже было невозможно. Помѣщики, примкнувъ искренно къ законнымъ властямъ и устраняясь отъ крамолы, могли навлечь на себя отъ людей, жажду-

щихъ революціоннаго движенія, только новую бѣду и новыя обвиненія. Князь Адамъ, безопасно сидя въ Парижѣ, неохотно рискнулъ попробовать счастія—предписывалъ дѣйствовать, но внушалъ величайшую осторожность.

Число членовъ демократической партіи въ Познани въ 1843 году превышало уже цифру 5000. Мѣрославскій написалъ общій планъ возстанія; сущность его состояла въ томъ, что повстанцы должны начать овладѣніемъ главнѣйшихъ пунктовъ въ Галиціи и Познани; въ слѣдующіе 8 дней должны въ нихъ достаточно укрѣпиться, изгнать и истребить въ нихъ находящіяся военныя силы и, правильно организовавшись, ворваться въ царство Польское. Послѣ совѣщаній со всѣми европейскими революціонерами, взрывъ мятежа былъ положенъ къ началу 1846 года.

Край, въ теченіи 1845 года, наполнялся эмиссарами — эмигрантами, проникавшими подъ фальшивыми паспортами. Тысячами экземпляровъ ввозились разные революціонные катехизисы. Дворянство держало себя осторожно въ сторонѣ, съ лихорадкою въ сердцѣ: одни боялись, большинство нетерпѣливо ожидало начала дѣйствій. Дѣятели, усиливавшіеся развратить городское населеніе, были литераторы, журналисты, управляющіе (Mandataren), арендаторы, учителя, студенты, ксендзы, завербованные молодые офицеры и унтеръ-офицеры. Однимъ изъ главнѣйшихъ агентовъ въ западной Галиціи былъ чиновникъ (Kanzeilist) *Капучинскій,* который ознаменовалъ себя въ пропагандѣ безграничною дѣятельностью, съ помощью его очаровательно—красивой короткой знакомой, жены одного изъ Плесненскихъ горожанъ. Въ Тарновскомъ округѣ главою агитаторовъ былъ графъ Францишекъ *Вѣселовскій,* поддерживавшій связь съ познанскими заговорщиками *Тысовскимъ,* впослѣдствіи бывшимъ диктаторомъ, и Карломъ *Рогавскимъ,* секретаремъ революціоннаго правительства въ Краковѣ.

Тарновъ сталъ центромъ дѣятельности революціонеровъ въ западной Галиціи, а Львовъ въ восточной. Въ послѣдней въ особенности работали Эдуардъ *Дембовскій,* Гуго *Весніовскій* и *Сикорскій.* *Дембовскій* былъ посланъ эмиссаромъ въ Пруссію и въ царство Польское; но, возбудивъ подозрѣніе русскаго правительства, бѣжалъ оттуда съ новымъ фальшивымъ паспортомъ въ Галицію, подъ именемъ *Барковскаго.* Въ платьѣ то торгаша, то еврея, то женщины, укрываемый сельскимъ дворянствомъ, *Дембовскій* избѣгалъ преслѣдованій полиціи, въ продаваемыхъ пуговицахъ разсѣвалъ прокламаціи, былъ нѣсколько вре-

мени лакеемъ при одномъ изъ австрійскихъ сановниковъ, потомъ поступилъ вольноопредѣленнымъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ (Nugent), дабы пропагандировать между нижними чинами и склонить ихъ къ нарушенію присяги. Гуго *Вѣсніовскій* былъ въ заключеніи за политическія преступленія, и помилованный въ 1845 году, горячо принялся за прежнюю работу; *Сикорскій* былъ юристъ и состоялъ во главѣ одного изъ кружковъ заговорщиковъ между львовскими студентами. Имѣемъ подъ рукою нѣкоторыя многознаменательныя подробности о дѣятельности *Сикорскаго.* Эмиссаръ *Дембовскій* прибывъ въ Галлицію, сошелся съ *Сикорскимъ* и хотя нашелъ его исправляющимъ одну изъ должностей на низшихъ слояхъ революціоннаго заговора, но способнаго своею фанатическою рѣшительностью быть гораздо полезнѣйшимъ агитаторомъ въ высшихъ сферахъ европейскихъ революціонеровъ. При всей осторожности, которую *Дембовскій* соблюдалъ въ своихъ сношеніяхъ съ галиційскими революціонерами, дабы не быть выданнымъ, уличеннымъ или схваченнымъ, — онъ однако, послѣ короткаго знакомства съ *Сикорскимъ*, въ одной студенческой комнатѣ Личаковскаго львовскаго форштадта, посвятилъ его во всѣ таинства революціонныхъ замысловъ и предпринимаемыхъ средствъ, во всѣ таинства демократическаго союза, во всѣ предначертанія къ замышляемому общему европейскому мятежу, снабдилъ его всѣми нужными документами и уполномочилъ его пропагандировать и составить заговоръ въ Самборскомъ округѣ.

Съ установленною формою присяги, съ воззваніемъ *народоваго* правительства, богатымъ запасомъ польскихъ катехизисовъ и словесными инструкціями для вербованія и организаціи къ вооруженному возстанію, *Сикорскій,* присягнувъ *Дембовскому,* въ жидовской обтянутой полотномъ бричкѣ пустился въ Горожаны, гдѣ проживалъ его задушевный пріятель Фердинандъ *Чаплицкій.* Этотъ собралъ у себя изъ окрестности человѣкъ двадцать ксендзовъ, управляющихъ, арендаторовъ и лѣкарей. Позднимъ вечеромъ, на столѣ между двумя свѣчами, было поставлено распятіе, *Сикорскій* прочелъ присягу, присутствующіе повторяли прочитываемыя слова пальцемъ касаясь распятія; за тѣмъ имъ было прочитано воззваніе *народоваго* правительства, которое обязывало каждаго, въ кругу его дѣятельности, работать къ возстановленію Польши, при чемъ каждому изъ присутствующихъ были розданы демократическіе катихизисы. Вновь посвященные дали обѣтъ употребить всѣ средства и все свое вліяніе, чтобы

склонить населеніе къ возстанію, не жалѣя ни стараній, ни имущества; наконецъ *Сикорскій* потребовалъ отъ нихъ обѣщанія, чтобы никто изъ нихъ, ни подъ какимъ предлогомъ, ни съ кѣмъ не сносился и не исполнялъ ни чьихъ приказаній, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ имъ отдаваемы, потому что только ему одному *Сикорскому* будутъ сообщаемы приказанія *народоваго* правительства, которое и назначитъ день для начала возстанія.

Дембовскій не могъ нахвалиться успѣшнымъ быстрымъ исполненіемъ порученія, даннаго *Сикорскому* и обязалъ его продолжать обработывать студентскую молодежь. Менѣе всего агитаторы занимались сельскимъ населеніемъ, по деревнямъ Галиціи бродили только отдѣльныя личности, которыя подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсень и пословицъ, старались сблизиться съ народомъ и угощая крестьянъ, старались пробуждать въ нихъ новыя желанія и неудовольствія противъ правительства, *потворствующаго панамъ*. Эти продѣлки не принесли плодовъ. При расположеніи крестьянъ къ правительству, они еще болѣе ожесточались противъ пановъ, и приходили къ тому выводу, что только корыстолюбіе пановъ мѣшаетъ крестьянскому благоденствію. За то агитаторы, въ теченіи 1845 года, поддерживая сильное броженіе умовъ въ городахъ Галиціи, вполнѣ достигли двоякой, ими себѣ предположенной, цѣли. Они пустили молву о скоромъ возстаніи и поддерживали ее частыми освѣжающими слухами, а иногда и плакатами, назначая дни и менѣе подозрительныя мѣстности къ мятежу. Съ одной стороны эти слухи подзадоривали къ мятежу, производили тревожныя ожиданія въ населеніи и натянутость въ спокойномъ теченіи общественной жизни; коноводы считали волненія особенно выгодными, подготовительными для народной массы средствами, а съ другой стороны эти слухи парализировали и тормозили дѣйствія правительства и приводили его въ заблужденіе.

Мѣстныя власти, тревожно видя господствующее настроеніе умовъ и собирающуюся грозу, доносили о молвѣ на счетъ бунтовъ, поддерживаемой плакатами, въ Вѣну; но ихъ предсказанія не сбывались, указываемые дни проходили спокойно, слѣдствія въ называемыхъ мѣстностяхъ никакихъ виновныхъ не открывали; всякій открываемый заговоръ приводилъ только къ заключенію на счетъ увлеченія нѣсколькихъ молодыхъ, безпокойныхъ умовъ, и всѣ эти обстоятельства въ совокупности давали вліятельнымъ польскимъ личностямъ и личностямъ имъ сочувствовавшимъ обильныя данныя для того, чтобы выставлять въ Вѣнѣ всѣ польскія

продѣлки шалостями, а обширныя затѣи-призраками (Fantomen). Австрійскому правительству поляки внушали, что доносчики были или интриганы, желающіе выслужиться предъ властями, или боязливые черновидцы (schwartzseher). Эмиграція съ своей стороны неутомимо развѣдывала въ Парижѣ и не щадила денегъ, чтобы открыть тайныхъ агентовъ австрійскаго правительства во Франціи; эти были щедро закуплены, дабы они писали свои донесенія въ Вѣну въ духѣ разъясненій польскихъ магнатовъ, проживающихъ въ Вѣнѣ. Польская партія ввела австрійское правительство въ совершенное заблужденіе и поселила въ немъ такую недовѣрчивость къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ мѣстною администраціею, что приводила послѣднюю къ равнодушію и апатіи.

Въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ революціонеры работали не съ меньшею ретивостью, но при сильномъ онѣмеченіи простаго населенія, пропагандисты были поставлены въ необходимость болѣе расчитывать на развитой классъ общества, и потому обратили особенное вниманіе на привлеченіе женщинъ, которыя дѣйствительно и явились самыми ретивыми орудіями для дѣла пропаганды. Если старики, сельскіе хозяева и менѣе были склонны поддаваться обаяніямъ этихъ искусительницъ, то остальная часть мужчинъ *„не могла устоять противъ расчитанныхъ улыбокъ и милостей прелестныхъ эмиссарокъ и врожденнаго имъ краснорѣчія.“* Таково мнѣніе человѣка хорошо и близко знакомаго съ общественнымъ того времени настроеніемъ шляхетства въ Познани.

Демократическій парижскій комитетъ, или, какъ онъ себя называлъ, централизація демократическаго общества польской эмиграціи искала между познанскими демократами своихъ агентовъ. Главою всей подземной работы былъ докторъ *Либельтъ*, главными агентами-литераторъ Карлъ *Рупрехтъ*, литографъ Викторъ *Курнатовскій* и нѣкто *Будзинскій;* они вербовали заговорщиковъ и чрезъ Виктора *Курнатовскаго* шли сношенія съ Парижемъ.

Въ царствѣ польскомъ изъ главнѣйщихъ дѣятелей были *Домбровскій*, помѣщикъ Куфлева и *Мадзинскій*. Находившійся тамъ эмиссаръ Эдуардъ *Дембовскій*, видя бдительный надзоръ, почелъ нужнымъ скорѣе перебраться съ Галицію.

Въ Литвѣ *прежніе члены литовскаго комитета* 1831 года, укрывшіеся при слѣдствіяхъ, имѣли высшій надзоръ за всѣми таившимися кознями; главными агентами были докторъ *Ренігръ* и ксендзъ *Серавскій*. Они давно уже въ своихъ рукахъ соединяли

нити ими устраиваемыхъ кружковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Реніеръ завелъ библіотеку для чтенія въ Вильнѣ, въ которой желающіе могли абонироваться; это давало ему возможность сходиться съ молодежью, изучать и искушать ее. Онъ давалъ двусмысленныя книги, и потомъ изъ разговоровъ узнавалъ пригодна ли личность для дальнѣйшаго подготовленія и стоитъ ли его довѣренности; съ большимъ искусствомъ и осторожностью онъ вербовалъ между молодежью новобранцевъ и отправлялъ ихъ ко второстепеннымъ дѣятелямъ такъ ловко, что тѣ даже и не замѣчали, что въ великомъ патріотѣ скрывалась глава литовскаго заговора. Сезонъ водолѣченья въ Друзгеникахъ считалъ онъ особенно выгоднымъ для хода дѣла; главными дѣятелями туда являлись помѣщики Онуфрій и Діонисій *Скаржинскіе*. *Реніеръ* собирался на противуположномъ краѣ Литвы (въ Дисненскомъ уѣздѣ) завести также водолѣчебный сезонъ и хотѣлъ построить тамъ купальни, вовсе не заботясь находятся ли тамъ минеральные ключи. Доктору повѣрятъ на слово, а цѣль была та, чтобъ имѣть новое мѣсто сбора для тѣхъ, коимъ средства не дозволяли не только пускаться за границу, но даже и въ Друзгеники. Эмиссарами въ Литвѣ были поляки изъ Познани *Реръ* и *Сломчевскій*. Они, въ концѣ 1845 года, были отправлены въ Литву повѣрить личности заговорщиковъ, приготовить кружки къ скорому взрыву и подробное донесеніе объ общемъ расположеніи умовъ доставить къ 25 января 1846 г.,—ко дню ожидаемаго пріѣзда *Мѣрославскаго* въ Познань. *Реръ,* адресованный въ Вильну къ доктору *Реніеру* и ксендзу *Серавскому,* объѣхалъ Литву, вошелъ въ ближайшія сношенія съ кружками и къ 28 января прибылъ съ утѣшительнымъ рапортомъ; *Мѣрославскаго* онъ засталъ уже на мѣстѣ. Другой же эмиссаръ *Сломчевскій,* выѣхавъ въ Литву, нашелъ порученіе слишкомъ опаснымъ, поспѣшно вернулся въ Познань и своимъ донесеніемъ сообщилъ далеко не такія, исполненныя надеждъ, вѣсти.

Уже къ концу 1845 года, революціонеры считали себя достаточно готовыми и сильными, чтобы не сомнѣваться въ успѣхѣ; мѣстные агенты и эмиссары сообщали главѣ демократической партіи—*Людвигу Мѣрославскому* самыя одобрительныя свѣдѣнія. Онъ отправился въ Познань для принятія главнаго начальства, снабдивъ себя въ Парижѣ фальшивымъ паспортомъ на имя какого-то Комераста.

Познанцы встрѣтили съ восторгомъ *Мѣрославскаго,* лучезарнаго главу и руководителя централизаціи. Все манило къ будущему диктатору, къ нему обратились сердца и умы легкомыслен-

ныхъ поляковъ; залогомъ успѣха были—его громкая въ эмиграціи извѣстность, его кичливая самоувѣренность, его необдуманныя рѣчи, съ убѣжденіями полнаго торжества; *Мѣрославскій* и слушать не хотѣлъ желавшихъ Пруссію оставитъ въ живыхъ и цѣликомъ присоединилъ ее къ Польшѣ. Онъ набрасывалъ грозную картину, какъ поляки разомъ порѣшатъ съ врагами, и въ одну ночь на всемъ обширномъ пространствѣ прежней рѣчи посполитой передушатъ нѣмцевъ и москалей. Слова его переполняли сердца радостью; порывы тогдашняго подобострастія къ *великому патріоту* могутъ уравновѣсить развѣ только тѣ чувства ненависти, которыя начали къ нему питать Познанцы послѣ всѣхъ неудачъ познанскихъ событій, и которыя они въ цѣлости сохранили по нынѣ.

По опредѣленію Парижской централизаціи, народовое правительство съ началомъ мятежа должно было открыть свои дѣйствія въ Краковѣ,—правительство, разумѣется, подчиненное эмиграціи въ Парижѣ. Революціонное правительство должно было составиться изъ 7 членовъ, одного для всей соединенной Польши (*Мѣрославскаго*) и по одному для вольнаго города Кракова (Людовика *Горшковскаго*), для Галиціи (Яна *Тысовскаго*), для Познани (Доктора *Либельта*), для Царства польскаго, для Литвы и еще одного представителя эмиграціи; имена послѣднихъ трехъ неизвѣстны.

Богатые землевладѣльцы, кромѣ нѣкоторыхъ рѣшительныхъ поклонниковъ *Мѣрославскаго*, по совѣтамъ Ламберовскаго отеля, держались осторожно въ сторонѣ, пуская въ первый огонь отчаянныхъ демократовъ, выжидая, когда съ одержанными успѣхами, настанетъ время имъ выступить впередъ и забрать движеніе въ свои руки; но *Мѣрославскій* самъ прошелъ всю школу интригъ и козней; онъ возмужалъ среди взаимныхъ распрей и взаимныхъ обмановъ и уловокъ партій польской эмиграціи, и не даромъ сталъ главою централизаціи. Князь *Чарторыйскій* хотѣлъ провести его, *Мѣрославскій* принялъ свои мѣры, и какъ выразился предъ своими интимными, *„самъ съумѣетъ одурачить стараго дипломата.“* Сторонники *Мѣрославскаго* давали тонъ, будто искренно всѣ партіи эмиграціи соединились, съ особенною внимательностью и высокопочитаніемъ обращались къ чванной аристократической партіи, дабы втянуть ее въ дѣло, и вытянуть изъ нея средства, а вмѣстѣ съ тѣмъ всю власть народнаго правительства прибрать къ своимъ рукамъ. Мѣрославскій мечталъ, что, если станетъ въ главѣ освобожденной Польши съ званіемъ диктатора, то, поддерживаемый своими побѣдоносными друзьями, онъ парализируетъ не только династическія мечты князя *Адама* и традиціи магнатовъ,

но приберетъ въ свои руки и свою начальницу—централизацію да и всю эмиграцію, со всѣми ея безчисленными партіями и съ самимъ княземъ Чарторыйскимъ.

Первымъ его дѣломъ было назначить своихъ людей на мѣста областныхъ губернаторовъ, военачальннковъ, градоначальниковъ и т. п.; нѣкоторыя изъ этихъ назначеній намъ извѣстны; для всей Галиціи губернаторомъ имъ былъ назначенъ графъ Францишекъ *Вѣселовскій,* военачальникомъ Галиціи эмигрантъ *Высоцкій,* который однако не доѣхалъ до мѣста своего назначенія, по случившимся нежданнымъ событіямъ, Эдуардъ *Дембовскій* для Кракова, маіоръ *Чеховскій* въ Тарновъ, графъ *Рей* въ Ржесовъ, *Сикорскій* въ Самборъ, *Домбровскій* и *Мадзинскій* въ Польшу, *Будзинскій* въ Познань, *Реръ* въ Литву.

Съ учрежденіемъ революціоннаго правительства, долженъ былъ единовременно учредиться и верховный революціонный трибуналъ для сильной поддержки *террором*ъ затѣй мятежниковъ. Предсѣдателемъ трибунала былъ назначенъ Юзефъ *Висніовскій.* Смертная казнь должна была карать всякаго поляка, отказывающагося отъ возстанія.

Какъ глава и руководитель всего возстанія, Людвигъ *Мѣрославскій* издалъ отъ себя инструкцію второстепеннымъ дѣятелямъ. Одна изъ нихъ была перехвачена прусскимъ правительствомъ; она гласитъ:

«Возстановляемая Польша раздѣляется на пять областей географическихъ и административныхъ: Пруссія, Познань, Галиція, Литва и Польша. Представителемъ правительства есть назначенный имъ *Мѣрославскимъ* губернаторъ. Для поддержанія полнаго порядка въ возстаніи, каждый губернаторъ назначаетъ отъ себя двухъ генералъ-инспекторовъ, которымъ придаются полицейскіе отряды. Генералъ—инспекторы сами, или подчиненныя имъ лица проходятъ округа ввѣренныхъ имъ областей, наблюдая за точнымъ исполненіемъ данныхъ инструкцій къ возстанію; они должны непремѣнно посѣтить округа, которые еще не вполнѣ подчинились народному правительству, устранить всѣхъ самопроизвольно начальствующихъ, всѣхъ неутральныхъ отдать подъ центральный надзоръ, а противудѣйствующихъ и двуличныхъ передать суду революціоннаго трибунала.»

«При каждомъ губернаторѣ долженъ состоять революціонный трибуналъ. Всякій, противящійся издаваемымъ постановленіямъ, признается внѣ закона.»

«Возстаніе должно начаться по всему краю въ одинъ назна-

ченный день и час. Люди союза *убиваютъ* притѣснителей, собираютъ все населенiе гмины и передаютъ его подъ начальство войта. Войтъ отбираетъ всѣхъ способныхъ носить оружiе и, подъ начальствомъ военнаго лица, препровождаетъ ихъ въ уѣздный городъ, безъ различiя—занятъ ли онъ уже повстанцами, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, первая прибывшая партiя становится въ главѣ всѣхъ прочихъ и получаетъ главное начальство надъ всѣми вслѣдъ за нею прибываемыми. По достаточномъ сборѣ, производится общая аттака всѣми силами на избранный пунктъ города. Еслибы нападенiе было отражено, окружной коммиссаръ, который лично долженъ находиться при сборѣ, указываетъ на другое мѣсто округа, куда должно перенести дѣйствiя. Въ первомъ же случаѣ, т. е. когда городъ перейдетъ въ руки повстанцевъ и будетъ разграбленъ, окружной коммисаръ немедленно принимаетъ свои мѣры:

1) Для укрѣпленiя города и приведенiя его въ осадное положенiе; 2) для распредѣленiя военныхъ силъ и 3) для дальнѣйшаго развитiя революцiонныхъ средствъ, согласно обстоятельствамъ.»

«По учрежденiи мѣстныхъ властей по округамъ, окружной коммисаръ собираетъ все народонаселенiе и раздѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: самые отважные, ловкiе и лучше вооруженные составляютъ первый отдѣлъ. Первые отдѣлы немедленно распредѣляются въ баталiоны, эскадроны—по-ротно, по-взводно и т. д. и передаются, съ трехъ-дневнымъ продовольствiемъ и нужными военными припасами, *самому достойному* изъ военныхъ офицеровъ, который ведетъ полученный отрядъ на мѣсто стратегическаго сбора. По уходѣ перваго отдѣла, коммисаръ распредѣляетъ оставшихся за излишествомъ отъ перваго отдѣла, и образуетъ второй отдѣлъ, который передается въ вѣденiе инструкторовъ, обязанныхъ въ нѣсколько дней частыхъ ученiй утвердить его въ началахъ военныхъ эволюцiй, и затѣмъ, вооруженные подобно первымъ, вторые отдѣлы сводятся и поступаютъ подъ команду начальника резервнаго корпуса области. За тѣмъ, всѣ оставшiеся отъ вторыхъ отдѣловъ, безъ различiя пола и возраста, поступаютъ въ экономическiя и военныя мастерскiя.»

„Все имущество края на время возстанiя образуетъ одно общее и нераздѣльное общественное достоянiе, которое поступаетъ въ распоряженiе революцiоннаго правительства. Всѣ сборы вносятся одному назначенному на этотъ предметъ чиновнику. Никакой владѣлецъ не вправѣ отказать въ заявленномъ

ему требованіи, по предъявленіи ему на выдачу квитанціи; кто окажетъ малѣйшее тому сопротивленіе, тотъ немедленно будетъ преданъ суду революціоннаго трибунала. Получившій настоящую инструкцію и тѣмъ единовременно назначаемый въ коммисары округа обязанъ заблаговременно вести дѣло возстанія въ своемъ округѣ, согласно духу инструкціи, сдѣлать къ тому надлежащія соображенія и принять мѣры и отдать соотвѣтствующія приказанія до начала еще взрыва. Предписывается также всѣмъ агентамъ, назначеннымъ въ революціонныя должности, заблаговременно избрать и назначить себѣ кандидатовъ, для безостановочнаго исполненія въ случаѣ ихъ отсутствія."

Читая эту инструкцію, не знаешь, какъ назвать ее: ребяческою мечтой, или фантастическою бредней. Неужели и писавшій ее *Мѣрославскій*, и читавшіе ее думали, что ея исполненіе возможно, не предвидѣли, что она не можетъ привести къ другимъ результатамъ, кромѣ минутныхъ безпорядковъ, которые только выставятъ предъ лицемъ правительства тысячи увлеченныхъ жертвъ, непосвященныхъ даже въ таинства этой пресловутой инструкціи? Не расчитывалъ ли *Мѣрославскій* на какія либо особыя революціонныя силы, которыя заставили бы его противниковъ дѣйствовать послушно по его приказаніямъ, когда онъ съ новонабранными силами пойдетъ побѣждать Россію, Австрію и Пруссію?

За этою инструкціею *Мѣрославскій* издалъ еще другую окружнымъ военнымъ начальникамъ, заблаговременно назначеннымъ изъ числа военныхъ, бывшихъ въ распоряженіи революціоннаго правительства. Инструкція состоитъ изъ четырехъ пунктовъ:

Въ первомъ давалось знать, что, по полученіи окружными коммисарами инструкцій, они назначаютъ должностныхъ лицъ по своему собственному усмотрѣнію, или по совѣщаніи съ членомъ, назначеннымъ отъ народоваго правительства. Эти должности слѣдующія: a) кандидатъ коммисара, могущій заступить его мѣсто; b) войты въ гминахъ и c) три военные офицера въ каждый округъ. Коммисаръ вступаетъ немедленно съ послѣдними въ ближайшія сношенія, для соображенія на счетъ *истребленія* находящихся въ округѣ вражескихъ силъ, имѣя въ виду, что *это истребленіе можетъ быть достигнуто только хитростью и сицилійскою рѣзнею* Выступленіе отдѣльныхъ заговорщиковъ должно быть такъ расчитано, чтобъ они въ назначенный часъ ночи были на мѣстѣ сбора, въ сосѣдствѣ мѣста, на которое должно быть произведено нападеніе. Для этой цѣли, мо-

гутъ быть употреблены приготовленныя повозки. При этихъ избранныхъ отрядахъ руководителями должны быть всѣ офицеры, находящіеся въ округѣ, поступающіе подъ начальство одного главнаго предводителя; они заблаговременно входятъ въ сношенія съ *союзниками*, проживающими въ мѣстахъ расположенія вражескихъ силъ, дабы они могли нападающимъ во всемъ своевременно содѣйствовать. Само собою разумѣется, что предварительныя мѣры не могутъ быть общія и заблаговременно въ подробностяхъ свыше предписаны, но совершенно зависятъ отъ распоряженій коммисара, согласно мѣстныхъ условій; напоминается только, что, какъ нападеніе должно быть *сицилійскою рѣзнею*, то, при распоряженіяхъ къ сбору и *убійствамъ*, должны быть соблюдены величайшая тайна и предварительно условленная строгая связь въ дѣйствіяхъ союзниковъ.

На слѣдующіе пункты *Мѣрославскій* давалъ подробныя наставленія: во 2 къ выступленію вооруженныхъ отрядовъ, сосредоточенію и укрѣпленію занятыхъ городовъ, въ 3 соединенію повстанскихъ силъ на *стратегическихъ* пунктахъ,—при чемъ главнымъ начальникамъ предписывалось съ величайшею энергіею, не теряя времени, поспѣшно поставить округа на военную ногу, а въ Познани подвести тотчасъ же со всѣхъ сторонъ силы къ познанской крѣпости, будетъ ли она взята нечаяннымъ нападеніемъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, писалъ *Мѣрославскій,* можно считать недѣли чрезъ двѣ познанскую область очищенною отъ пруссаковъ, резервный корпусъ долженъ далѣе защищать ее отъ прусскихъ войскъ, которыя могутъ быть присланы; дѣйствующій же корпусъ вторгается въ русскую Польшу для дѣйствій и соединяется съ галиційскими и краковскими силами; въ 4 пунктѣ изложено, что, для овладѣнія познанскою крѣпостью, внѣшніе силы должны прибыть къ 11 часамъ ночи и занять въ темнотѣ позиціи, а мѣстные жители должны начать дѣйствія подъ начальствомъ четырехъ бойкихъ офицеровъ, нападеніемъ на казармы, артиллерійскіе сараи и квартиры главныхъ военныхъ и гражданскихъ начальствующихъ лицъ, и *истребить немедленно всѣхъ захваченныхъ*.

Мѣрославскій, такимъ образомъ, мечталъ, что изъ отрядовъ, названныхъ дѣйствующими, послѣ истребленія прусскихъ и австрійскихъ силъ и властей, онъ будетъ имѣть уже готовую армію, съ которою, подъ главнымъ своимъ начальствомъ, онъ вторгнется въ русскую Польшу.

Мѣрославскій объявилъ для начала дѣйствій въ Галиціи,

знани, Краковѣ и Польшѣ, ночь съ 20 на 21 февраля; Литва, Волынь и Подоль должны были выждать успѣха первыхъ дѣйствій въ западной части. Весь планъ революціонеровъ былъ основанъ на томъ, что незначительныя и неприготовленныя къ войнѣ, русскія силы въ Литвѣ будутъ истреблены, а *Россія ранѣе 2 мѣсяцевъ (чему примѣромъ служитъ 1831 годъ) не можетъ выставить на границы новую армію,* а этихъ двухъ мѣсяцевъ совершенно достаточно чтобъ *очистить всѣ области бывшей Польши и въ нихъ устроить революціонное правительство и правильно организированное общее возстаніе.*

Число подготовленныхъ къ мятежу дворянъ, молодежи и городской сволочи простиралось въ Прусскихъ владѣніяхъ до 30,000; въ Галиціи до 100,000; сельское населеніе было положено, какъ выше сказано, поднять во время уже вспыхнувшаго мятежа *примѣромъ, убѣжденіями, силою и терроромъ.*

Согласно приказаніямъ *Мѣрославскаго,* графъ Вѣселовскій сдѣлалъ въ Галиціи соотвѣтствующія ближайшія распоряженія: первоначальныя нападенія должны быть направлены на Львовъ и уѣздные города. Крестьянское сословіе не должно быть заблаговременно призываемо къ дѣйствіямъ, а только волнуемо; когда же знамя мятежа будетъ поднято, тогда *ксендзамъ* и агентамъ было поручено проповѣдями и рѣчами уяснить народу, что движеніе не имѣетъ цѣлью возстановленія старинной Польши, съ прежними правами дворянства надъ простолюдинами, но образованіе новой Польши съ уравненіемъ правъ и состояній. Замѣчательно, что это постановленіе было сохраняемо въ величайшей тайнѣ демократическими коноводами, не только отъ помѣщиковъ консерваторовъ, но даже и той землевладѣльческой молодежи, которая вполнѣ была согласна на соціальныя реформы. Странное средство для сообщенія мѣрѣ большей популярности!...

Въ распоряженіяхъ *Мѣрославскаго,* графъ Вѣселовскій сдѣлалъ одно важное измѣненіе: для западной Галиціи, на которую, съ жителями преимущественно латинскаго закона, онъ болѣе надѣялся, — время мятежа было назначено тремя днями ранѣе, а именно въ ночь съ 18 на 19 февраля—по той причинѣ, что, при мятежѣ польскаго населенія, эрцгерцогъ вышлетъ войска, а съ уменьшеніемъ ихъ числа въ восточной Галиціи, и съ примѣромъ передъ глазами возставшихъ противъ австрійской власти западныхъ галичанъ,—можно будетъ успѣшнѣе поднять и восточное населеніе руссиновъ-уніатовъ.

Сигналомъ къ возстанію долженъ служить пожаръ какой ни-

будь деревни, мельницы, или деревянной уніатской церкви. Первыя нападенія должны быть направляемы на жилища военачальниковъ, казармы и склады оружія. Резервы, какъ и въ Познани, должны были оставаться въ самой Галиціи, а дѣйствующіе отряды направлены на русскую Польшу, для поступленія подъ общее начальство *Мѣрославскаго*.

Броженіе умовъ, съѣзды и совѣщанія шляхетства, разныя приготовленія, закупка оружія и верховыхъ лошадей, значительные заказы сѣделъ и т. п. не могли не наводить мѣстныя власти на мысль, что таятся какія-то польскія затѣи въ громадныхъ размѣрахъ; но не вездѣ были своевременно принимаемы надлежащія мѣры для противудѣйствія, хотя изъ самой среды польскаго общества приходили уже предупрежденія. Не подавая никакого вида какой либо тревоги, князь Варшавскій нѣкоторыми передвиженіями частей сосредоточилъ полки на важнѣйшихъ пунктахъ, чтобы парализировать всякія покушенія изъ Познани и Галиціи, а въ самомъ Царствѣ войска бдительно смотрѣли за шляхетствомъ. Въ Пруссіи полицейскій надзоръ былъ усиленъ, кое-гдѣ попадали на слѣды заговора, но при его скрытности, слѣдствія не могли раскрыть цѣлаго, а австрійское правительство до того было усыплено польскими увѣреніями въ дружбѣ, что губернаторъ Галиціи, эрцгерцогъ Фердинандъ, положительно не вѣрилъ ни въ какіе замыслы дворянства и на предувѣдомленія мѣстныхъ властей смотрѣлъ глазами Вѣны. Онъ не вѣрилъ даже сообщенному однимъ полякомъ свѣдѣнію, что день бала, который готовился у эрцгерцога, былъ назначеннымъ днемъ для возстанія Галиціи, и что на этомъ балѣ заговорщики намѣревались арестовать его самаго и *перерѣзать* австрійскія военныя власти; только придворный трауръ, по случаю кончины эрцгерцога моденскаго, остановилъ назначенный балъ.

Мѣстныя подвѣдомственныя власти смотрѣли на дѣло серьезнѣе: долгъ службы и собственная ихъ безопасность заставляли ихъ искать другой опоры, не находя ея, ни достаточнаго довѣрія въ высшихъ сферахъ. Видя ясно, что Галиція стоитъ наканунѣ мятежа, онѣ обратились къ сельскому населенію Галиціи, преданному австрійскому императорскому дому. Марія Терезія и особенно Іосифъ II въ присоединенной Галиціи, рядомъ постановленій, защищали простолюдиновъ отъ тираніи дворянства и ограждали ихъ отъ панскаго своеволія, а уніатскую церковь отъ ксендзовскихъ притѣсненій.

Мѣстныя власти воспользовались этимъ расположеніемъ сель-

скаго населенія, и какъ приготовленія къ какимъ-то тайнымъ замысламъ пановъ не могли не обратить на себя вниманія и возбуждали разные народные толки, то и земскія власти старались, для противудѣйствія блуждавшимъ въ крестьянскомъ платьѣ по кабакамъ и шинкамъ демократическимъ агентамъ, — разъяснять населенію, что панскіе сборы и совѣщанія клонятся только къ тому, чтобы возстать противъ австрійскаго императора и уничтожить дарованныя имъ народу привиллегіи и постановленія.

Здравый смыслъ, особенно руссинской части народонаселенія, былъ главнымъ руководителемъ поведенія крестьянъ. Въ теченіи десятковъ лѣтъ, они видѣли заботы объ нихъ правительства,— постепенное улучшеніе своего быта. Еще были живы дѣды, помнившіе прежній надъ собою гнетъ панскій. Проходя практически жизненный путь, они видѣли въ ограниченіи произвола барщины, въ правахъ пріобрѣтенія поземельной собственности, въ правѣ позвать къ суду за притѣсненія самаго помѣщика, въ покровительствѣ своей церкви — гораздо болѣе залоговъ къ развитію ихъ благосостоянія, нежели въ щедрыхъ обѣщаніяхъ разныхъ благъ, которыя сулили имъ проповѣдники мятежа, сами твердо не знавшіе, насколько выполнятъ эти обѣщаніа демократы поляки, которые въ нуждѣ щедры на обѣщанія, — но которыхъ страсть властвовать заставляетъ, въ минуты успѣха, забывать свои мечтательные обѣты и стремиться только къ своимъ личнымъ интересамъ и властолюбивымъ тенденціямъ.

Въ началѣ февраля 1846 года крестьяне стали уже собираться, совѣщаться и принимать мѣры къ сохраненію внутренняго порядка. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, они устроили свой надзоръ, свою стражу и хватали шатающихся неизвѣстныхъ лицъ, произносившихъ двусмысленныя рѣчи. Паны ловко воспользовались недовѣріемъ эрцгерцога къ предостереженіямъ его мѣстными властями противъ дворянства и успѣли направить его мнѣніе въ другую сторону,—совершенно на ложный и для ихъ плановъ особенно выгодный путь. Пребываніе въ краѣ тучи революціонныхъ эмиссаровъ и агентовъ не подлежало сомнѣнію; многіе изъ нихъ были уже схвачены полиціею; поляки напѣвали эрцгерцогу о своей преданности престолу и предупреждали его, что демократы эмиграціи волнуютъ народъ, хотятъ его возбудить къ мятежу и что прямая обязанность правительства угомонить своеволіе волнуемаго сельскаго сословія военною силою, не дозволять

имъ собиратъся въ вооруженныя толпы и разгонять образующіяся полчища.

Эрцгерцогъ Фердинандъ поймался въ эту ловушку и дѣйствительно думалъ, что вся цѣль агитаторовъ—демократическая, что они хотятъ привести народъ къ мятежу, возстать противъ правительства и вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ. До какой степени дворянство успѣло обойдти эрцгерцога можно видѣть изъ его циркуляра, отданнаго въ Львовѣ на канунѣ мятежа западной Галиціи; въ немъ сказано:

«Въ Бохненскомъ округѣ, двѣ гмины, устрашенныя молвою, что дворяне затѣваютъ бунтъ, вооружились косами и цѣпами для собственной защиты и сохраненія порядка. Цѣль, въ сущности, похвальная тѣмъ болѣе, что по посылкѣ туда войска, они немедленно разошлись по домамъ и послушались посланныхъ чиновниковъ, которые убѣдили ихъ во всей неосновательности ихъ заблужденія и во лжи разсѣеваемыхъ слуховъ. Всѣ земскія власти приглашаются объѣзжать подвѣдомственные имъ округа, благоразумными разъясненіями возстановить спокойствіе между сельскимъ населеніемъ и внушить ему, что вся молва о мятежѣ происходитъ отъ нѣкоторыхъ злоумышленниковъ, которые стремятся нарушить общественый порядокъ, распространяя для того ложные слухи о близкомъ возстаніи. Пугая имъ жителей и вызывая тревожныя волненія, они расчитываютъ ими воспользоваться; но я подтверждаю, что правительство приняло сообразныя обстоятельствамъ, надлежащія энергическія мѣры, и многіе изъ зачинщиковъ волненій уже находятся въ его рукахъ; а за тѣмъ если крестьяне гдѣ либо станутъ собираться вооруженными толпами, то мѣстныя власти обязаны немедленно призвать туда войска, обезоружить крестьянъ и всѣми средствами ихъ успокоить.»

Въ полномъ убѣжденіи что коноводы—эмигранты демократической партіи, что въ орудія къ мятежу они подготовляютъ крестьянское сословіе, эрцгерцогъ, вмѣстѣ съ своимъ циркуляромъ, издалъ слѣдующее объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано:

«Съ нѣкотораго времени эмиссары заграничныхъ тайныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью низвергнуть въ Галиціи существующій порядокъ, разъѣзжаютъ по краю, тревожатъ его вѣстями о предстоящемъ мятежѣ—съ тѣмъ, чтобы взволновать неопытныхъ и легковѣрныхъ, увлекая ихъ возстановленіемъ Польши соціальною революціею, съ общимъ уравненіемъ правъ и состояній, и въ особенности крестьянъ—избавленіемъ ихъ отъ всякихъ налоговъ

и инвентарныхъ обязательствъ за пользованіе землею. Гдѣ этими обѣщаніями населеніе не соблазняется, тамъ они стараются дѣйствовать на него угрозами жестокой кары и мести.“

Велико должно было быть разочарованіе губернатора Галиціи, когда вслѣдъ за тѣмъ разыгравшіяся кровавыя событія такъ мало согласовались съ его ожиданіями и предположеніями!

Почему же дѣйствительно австрійское правительство, при начавшемся броженіи умовъ, такъ мало обращало на то вниманія и до такой степени было введено въ заблужденіе?

Правительство не придавало большой важности проявленіямъ мятежнаго настроенія. Среди мира въ Европѣ, при тесной связи Австріи съ Россіею и Пруссіею, оно относило ихъ къ обычному фрондерствующему духу, вкоренившемуся между пылкими польскими патріотами. Послѣ однажды совершившихся событій, „разумные нѣмцы могли только поднять руки къ небу и воскликнуть: что за нелѣность?» (wie absurd) (*), когда слѣдствія разскрыли, что поляки собирались единовременно вступить въ борьбу съ тремя державами, и твердыя основанія дальнѣйшимъ успѣхамъ, надѣялись положить своимъ приговоромъ къ смерти *властей и всѣхъ не-поляковъ* (Autoritaeten und alle Nicht-Polen),“

Долгое время мѣстныя власти, при соперничествѣ въ Галиціи языковъ русскаго и польскаго, дѣйствительно принимали шнырявшихъ между крестьянами агитаторовъ, возбуждающихъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, за собирятелей, ревнителей народной литературы; не только правительство, но и сами помѣщики, сочувствовавшіе мятежу, сначала не разгадывали замыслы этихъ туристовъ, направленныхъ централизаціею противъ землевладѣльцевъ, которые по корчмамъ наконецъ стали читать простолюдинамъ полныя лекціи (foermliche Vorlesungen).

Этому обстоятельству особенно способствовали такъ называемые мандаторы; эти составляли нисшую земскую полицію, принадлежали бездомной или мѣлкопомѣстной шляхтѣ; эмиссарами они были обращены въ тайныхъ сторонниковъ польскихъ демагоговъ, и единовременно, большею частью, исполняли должности управляющихъ въ имѣньяхъ. Въ мутной водѣ, каж-

---

(*) Aufschlüsse über die jüngsten Ereignisse in Polen. Mainz 1846.

дый ловилъ рыбу по своему, на пользу своей партіи. Всѣ корчмы и кабаки предъ мятежемъ были обильно снабжены виномъ, но это снабженіе было подъ видомъ предстоящей распродажи, по случаю наступающей масляницы.

Правительство тѣмъ менѣе ожидало взрыва мятежа, что поляки казалось сами готовились вступить на новый путь, быть полезными гражданами и слиться съ нѣмцами; какъ бы въ доказательство новаго своего настроенія, они являлись между нѣмцами, передовыми людьми, усердными сотрудниками всякихъ общественныхъ проявленій въ жизни, въ которыхъ видѣнъ былъ прогресъ цивилизація и гуманность. То были послѣдствія той программы, которую составила польская эмиграція для внушенія нѣмцамъ *симпатіи къ полякамъ.* Польскіе лѣкаря, члены туземныхъ секцій демократичечкаго товарищества, обратились въ самихъ безкорыстныхъ человѣколюбивыхъ ревнителей, готовыхъ помогать тѣлеснымъ страданіямъ нѣмцевъ простолюдиновъ. Во время контрактовъ 1845 года, галиційское дворянство для сбора денегъ къ конспиративнымъ затѣямъ польской эмиграціи, постановило пятипроцентный взносъ по расчету уплачиваемыхъ поземельныхъ податей (Dominica Isteuer). Подписной листъ былъ озаглавленъ *пожертвованіями для поддержки нуждающихся студентовъ и безпомощныхъ сиротъ для помѣщенія ихъ въ техническія заведенія.*

Почетнѣйшіе члены галиційскаго дворянства представили высшимъ мѣстнымъ властямъ объ этомъ благодѣтельномъ и благонамѣренномъ порывѣ польскаго дворянства, и ходатайствовали о его утвержденіи правительствомъ.

Хотя дворянство Галиціи старалось выказать нѣмцамъ, что его прежняя замкнутость исчезла, но не менѣе того правительство пріостановилось утвердить постановленную поляками подписку, на томъ основаніи что возникло подозрѣніе, настоящая ея цѣль не есть ли денежная поддержка для польской эмиграціи; а правительство знало что эмиграція сорить деньгами на всякія ему враждебныя, литературныя затѣи. Подозрѣніе возникло вопервыхъ отъ значительно большой суммы, соразмѣрно съ цѣлью, при пяти процентномъ установленномъ сборѣ, и во вторыхъ потому, что такъ называемые горячіе польскіе патріоты съ ярымъ преслѣдованіемъ, стали публично оскорблять тѣхъ, которые отказывались отъ подписки на эти пожертвованія.

Приближалось роковое 20-е февраля, день въ который *Мѣрославскій* собирался стать въ главѣ возставшей Польши, и званіемъ диктатора, готовилъ сюрпризъ своимъ соумышленникамъ и всей польской эмиграціи. Планы и проэкты, основанные на игривой фантазіи могли только встрѣтить неудачи и привести только къ печальнымъ послѣдствіямъ.

За четыре дня до назначеннаго возстанія, тысячи около полторы помѣщиковъ съѣхалось на ярмарку въ Познань; нѣсколько неосторожныхъ, кичливыхъ фразъ нетерпѣливыхъ соучастниковъ и нѣсколько угрозъ, сорвавшихся у подгулявшихъ пановъ, мечтавшихъ быть на канунѣ власти и самоуправства, возбудили паническій страхъ въ городѣ. Съ быстротою молніи разнеслась молва: „поляки хотятъ рѣзать населеніе; внимательная полиція не зѣвала, принялась за аресты и многіе изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ были схвачены, въ томъ числѣ литераторъ *Либельтъ*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ мѣстныхъ коноводовъ возстанія, назначенный членомъ въ новое революціонное правительство въ Краковъ; за нимъ былъ арестованъ и глава-*Мѣрославскій; Курнатовскій*, испуганный карою закона, лишилъ себя жизни.

Начались допросы и слѣдствія; виновныхъ посадили въ крѣпость; слѣдственнымъ и суднымъ коммисіямъ осталось только развязывать узлы заговора и разъяснять похожденія заговорщиковъ.

Въ Царствѣ Польскомъ вся грозная собиравшаяся туча разразилась только тѣмъ, что мелкопомѣстные помѣщики *Потоцкій*, *Жарскій* и *Косчишевскій*, собравъ человѣкъ 20 заговорщиковъ, напоивъ толпу крестьянъ, привели ихъ въ сосѣдній г. Сѣдлецъ и начали безчинствовать: одна партія кинулась къ гаубтвахтѣ, гдѣ убила часоваго; инвалиды стали отстрѣливаться; другая направилась къ сданію клуба гдѣ въ этотъ день былъ балъ; но къ началу суматохи крестьяне имѣли время протрезвиться, а начала буйства ихъ окончательно отрезвили. Разобравъ въ чемъ дѣло, они разбѣжались, коноводамъ оставалось только слѣдовать ихъ примѣру. Полиція успѣла тотчасъ же многихъ догнать и перевязать; ихъ отправили судить въ Варшаву. Главные три дѣйствующія лица были судомъ приговорены къ казни и повѣшены; прочіе сосланы въ Сибирь. Назначенный губернаторъ *Домбровскій* бѣжалъ.

Въ западномъ краѣ Россіи заговоръ не успѣлъ созрѣть до

мятежа. *Реръ,* молодой инженеръ, познанскій уроженецъ, прежній эмиссаръ, привезшій *Мѣрославскому* 28-го января столь утѣшительныя вѣсти, былъ имъ назначенъ губернаторомъ Литвы и на другой день былъ посланъ въ свое губернаторство обратно, приготовить его окончательно къ дѣйствію и поднять знамя мятежа, какъ только онъ загорится въ Польшѣ. Наша система, сказалъ ему на прощаньи *Мѣрославскій,*— система семилѣтней войны; какъ можно скорѣе надо составить массу; начинай сей-часъ *партизанку;* лишь только *станешь собирать массы, высылай ихъ къ ближайшей колоннѣ.*"

Когда *Реръ* прибылъ вторично въ Литву и отъ словъ нужно было перейти къ дѣйствіямъ, жаръ въ ревнителяхъ простывалъ и пылкая готовность оставила многихъ. „*У насъ недостаточно припасено оружія, нѣтъ пуль и пороха,*" говорили литвины. „*При отважности и самоотверженіи,* получили они въ отвѣтъ, *косъ и сѣкиръ довольно, чтобъ уничтожить москалей и отстоять ойчизну.*"

Если дошло до того что *Реръ* сказалъ своимъ горячимъ поклонникамъ: „*какая глупая ваша Литва и какая здѣсь глупая молодежь,*" то вѣроятно лекарь *Реніеръ,* ксендзъ *Серавскій* и *Скаржинскіе* писали свои рапорты эмиграціи, смотря въ увеличительныя стекла. *Реръ* надѣялся также на работниковъ фабрикъ Бѣлостока; управляющіе близь лежащихъ имѣній отсутствующаго *графа Красинскаго* и помѣщиковъ *Оссолинскаго* и *Старжинскаго* стали пріятелями *Реру,* онъ и былъ арестованъ по сосѣдству.

Слухъ носился о шныряющемъ эмиссарѣ; мѣстная полиція удвоила вниманіе и *Ольшанскій,* письмоводитель становаго пристава, схватилъ его 27-го февраля въ Кнышинѣ. Пути разъѣздовъ *Рера* нѣсколько указывали на нѣкоторыхъ сообщниковъ; слѣдствія раскрыли гораздо болѣе; виновные преимущественно были изъ гродненской губерніи; ближайшіе мѣстные сотрудники *Рера* были молодой помѣщикъ брестскаго уѣзда, отставной офицеръ Апполонъ *Гофмейстеръ,* знакомый *Реру* по Берлину, и шляхтичь Іосивъ *Богуславскій,* бывшій студентъ. По произведенному суду, *Реръ* былъ прогнанъ сквозь строй и сосланъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу; на 15 лѣтъ въ каторгу былъ осужденъ лекарь *Реніеръ,* отставной подпоручикъ Апполонъ *Гофмейстеръ* на *Богуславскій* на 10. Прочіе виновные были также посланы въ каторгу, а менѣе соприкосновенные къ бунту, отданы въ солдаты.

Въ Галиціи событія разыгрались гораздо плачевнѣе. Согласно розданныхъ инструкцій, заговорщики западной Галиціи 18-го февраля должны были собираться въ назначенныхъ мѣстахъ, созвать населеніе, которое ксендзами было приглашено прибыть съ косами, вилами и цѣпами, объявить имъ о возстановленіи Польши, о льготахъ имъ даруемыхъ революціоннымъ правительствомъ и о демагогическихъ началахъ, на которыхъ оно устанавливается, о дарѣ имъ поземельной ихъ собственности и о вольной продажѣ табаку и соли. Ораторы свѣтскіе должны были дѣйствовать на грубыя страсти простолюдина, а ксендзы были обязаны духовными увѣщаніями поколебать совѣсть своихъ прихожанъ и дѣйствовать на ихъ воображеніе и религіозную ихъ сторону. Увлеченныя толпы, подзадоренныя обильнымъ угощеніемъ виномъ, роспитымъ съ новыми ихъ гражданскими братьями — панами, должны были немедленно кинуться на города. Съ своей стороны дворянство почти повсемѣстно по городамъ назначило въ этотъ день балы, на которые были приглашены всѣ мѣстныя власти. Внѣшніе союзники должны были находиться на своихъ мѣстахъ къ полуночи, ихъ прибытіе было сигналомъ для начала дѣйствій. Музыка должна была заиграть мазурку. Дамы обязались заставить танцовать даже и не танцующихъ австрійцевъ, дабы поставить ихъ въ необходимость снять оружіе, и въ это время, по данному сигналу, должна была начаться *общая единовременная бойня* австрійцевъ во всѣхъ мѣстностяхъ западной Галиціи. Но настойчивыя приглашенія на балъ возбудили подозрѣнія, а мѣстная полиція, во многихъ городахъ, встревоженная тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, запретила публичные балы.

Паны съѣхались на сборныя мѣста, сдѣлали воззваніе къ населенію, населеніе дѣйствительно, собралось, по повелительному приглашенію съ косами и цѣпами; но недовѣрчиво оно повсемѣстно собралось уже съ заднею мыслью „что отъ поляковъ крестьянамъ нечего ждать а милости исходятъ только отъ одного императора.“ На ярыя рѣчи и призывы къ возстанію былъ, только одинъ отвѣтъ—молчаніе. Тогда паны перешли къ угрозамъ, на нихъ возникли возраженія; по указаніямъ ли эмиграціи или по собственнымъ соображеніямъ, паны, на свою гибель, предварительно рѣшили, въ случаѣ отказа, угрозы поддержать дѣйствіями; но это были роковыя для нихъ мѣры: вслѣдствіе панскихъ выстрѣловъ, крестьяне принялись за косы, вилы и цѣпы; началась

страшная бойня. Заговорщики искали спасенія въ бѣгствѣ, но расвирѣпѣвшіе крестьяне, распаленные панскими угощеніями, кинулись въ погоню, отыскивали ихъ по усадьбамъ, начались убійства и грабежъ. Съ быстротою молніи отъ села до села разнеслась молва, что паны стрѣляютъ въ мужиковъ, все народонаселеніе поднялось на ноги и толпы неистовствовали три дня, въ теченіи которыхъ пало болѣе 10,000 шляхетныхъ жертвъ. Съ величайшимъ трудомъ мѣстныя власти могли успокоить забушевавшія массы народа, погибли самою ужасною смертью цѣлыя семейства, изрѣзанныя косами, исколотыя вилами, съ головами разможенными ударами цѣповъ. Семейство *Богушъ*, къ которому принадлежали самые ярые революціонеры, считало шесть жертвъ, начиная отъ 87-ми лѣтняго дѣда до 14-ти лѣтняго внука. Чтобы составить себѣ общее понятіе о цѣломъ мятежѣ приведемъ подробности одной мѣстности, типирующія общее галиційское возстаніе.

Въ тарновскомъ округѣ жилъ командующій войсками дряхлый старецъ фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ Чолихъ, но исправникомъ округа (Kreishauptmann) былъ Іосифъ *Брейнлъ* фонъ-*Валлерштернъ*, энергическій, дѣятельный, образованный, развитой богемецъ, извѣстный своимъ усердіемъ и служебнымъ тактомъ. По личнымъ своимъ качествамъ *Брейнлъ* пользовался уваженіемъ какъ отъ мѣстнаго дворянства, такъ и отъ населенія. Онъ зорко слѣдилъ за продѣлками революціонеровъ, открылъ уже прежде нѣсколько кружковъ заговорщиковъ и схватилъ нѣкоторыхъ агентовъ. Въ теченіе 1845 года, эпохи самой напряженной дѣятельности подземныхъ козней, *Брейнлъ* не переставалъ предупреждать правительство объ опасности, грозящей общественному порядку, хотя всѣ эти предупрежденія были оставляемы безъ вниманія. Тарновскій округъ былъ именно тотъ, въ которомъ заговоръ насчитывалъ наибольшее число сторонниковъ, потому что въ немъ проживали главные заводчики революціи, у которыхъ эмиссары, высылаемые изъ Франціи находили самый гостепріимный пріютъ. Въ имѣніяхъ графа *Францишка Вѣселовскаго* и его брата *Михаила*, котораго очаровательная жена была одною изъ самыхъ ретивыхъ ревнительницъ польскихъ затѣй, происходили съѣзды мѣстной аристократіи, которую тамъ обработывали для дѣла повстанія, эмиссары демократической партіи *Дембовскій*, *Весніовскій* и *Тысовскій*. Этими съѣздами помѣщиковъ и дѣятельностью эмиссаровъ,

тарновскій округъ пріобрѣлъ огромное число распаленныхъ въ пользу возстанія головъ между дворянствомъ, арендаторами, управляющими и мелкими служащими; но съ другой стороны въ той же мѣрѣ росли подозрѣнія и не довѣрчивость крестьянъ. *Брейнлъ* между тѣмъ не зѣвалъ и, не добившись отъ правительства усиленія тарновскаго округа войсками, обратился къ генералу *Чолиху*, убѣждая его принять противъ возстанія всѣ мѣры осторожности. При назначеніи 18-го февраля днемъ возстанія, графъ Францишекъ *Вѣселовскій*, какъ будущій революціонный губернаторъ Галиціи, переѣхалъ въ Тарновъ и, помѣстясь въ гостинницѣ, призывалъ сотрудниковъ для совѣщаній къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Прозорливый *Брейнлъ* догадывался, что *Вѣселовскій* стоитъ въ главѣ мѣстнаго заговора и сдѣлалъ распоряженіе о его арестованіи, но полицейскій коммисаръ предувѣдомилъ *Вѣселовскаго* во время, и тотъ успѣлъ скрыться въ Гумнискъ, имѣнье *князя Сангушко*, находящееся въ сосѣдствѣ.

Въ Гумнискѣ *графъ Вѣселовскій* сдѣлалъ окончательныя распоряженія; тогда было выговорено послѣднее слово: *всѣмъ помѣщикамъ было объявлено что они обязаны 18-го числа собрать у себя свою, подготовленную къ заговору домашнюю челядь: управляющихъ, арендаторовъ, прикащиковъ, служащихъ и прислугу, пригласить мѣстныхъ ксендзовъ уже посвященныхъ въ тайны заговора съ церковными прислужниками, и къ вечеру созвать всѣхъ крестьянъ имѣнія. Съ помощію ксендзовъ, помѣщикъ долженъ уговорить ихъ къ содѣйствію и рѣшительно обѣщать имъ даровой надѣлъ земли, прекращеніе всякихъ поземельныхъ повинностей, свободную продажу соли и табаку, равенство и свободу.* Къ каждому помѣщику кромѣ того заблаговременно были назначены *особые дозорцы, которые строго должны были наблюдать, чтобъ изъ пановъ-землевладѣльцевъ, кто нибудь не запнулся при исполнении, но чтобы всѣ они на дѣлѣ выказали туже готовность, принести все въ жертву дѣлу ойчизны, которую они на словахъ съ такими увлеченіями, за бокаломъ венгерскаго, обѣщали на шляхетскихъ съѣздахъ.*

Всѣ помѣщики тарновскаго округа должны были тронуться въ саняхъ съ коноводами революціи и новообранцами съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ 11 часамъ вечера, быть на сборныхъ мѣстахъ, назначенныхъ въ Кликовѣ, Тарновицѣ и Гумнискѣ. Зажженіе деревни *Лысая гора* лежа-

щей на возвышенной мѣстности, должно быть сигналомъ общаго движенія всѣхъ мѣстныхъ шаекъ къ городу Тарнову. Въ Кликовѣ собрались главные коноводы — два брата графы Францишекъ и Михаилъ *Вѣселовскіе*, два брата графы *Ромеры* и Станиславъ *Стоіовскій.* Отставной маіоръ *Чеховскій* долженъ былъ, какъ главный военачальникъ, сдѣлать распоряженіе къ нападенію послѣ полуночи на пѣхотную казарму, со стороны холернаго кладбища, а отставной капитанъ *Эйзенбахъ*, съ другой шайкой, долженъ былъ единовременно ворваться въ казарму кавалеріи, въ которой, для увеличенія испуга и безпорядка, предполагалось изъ имѣющагося запаса, бросить въ конюшню нѣсколько зажженныхъ ручныхъ гранатъ. Для прекращенія свободнаго движенія въ ночной темнотѣ по улицамъ, предписано было взять съ собою запасъ боронъ, которые разложить зубьями къ верху. Союзникамъ изъ тарновскихъ жителей было поручено, подъ начальствомъ арендатора Изидора *Возинскаго*, съ началомъ нападенія на городъ, устремиться на городскую гаубтвахту, истребить караульныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, особыми на этотъ предметъ партіями, убить опаснѣйшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ окружнаго начальника *Брейнла.* Съ нарочными довѣренными лицами *Вѣселовскій* разослалъ эти приказанія по округу; у него было въ распоряженіи болѣе 2,000 заговорщиковъ, и онъ расчитывалъ, что, по меньшей мѣрѣ, это число будетъ усилено 10,000 крестьянъ; онъ надѣялся на совершенный успѣхъ нападенія на Тарновъ, потому что во всемъ округѣ находившееся число солдатъ не превышало 800 человѣкъ, да и тѣ большею частью были изъ польскихъ областей.

Только въ Вѣнѣ могли себя убаюкивать мыслью, что волненія въ Галиціи были однѣ праздныя затѣи: мѣстные служащіе видѣли, что страшная гроза виситъ у нихъ надъ головою, и въ это судорожное время *Брейнлъ* былъ единственный человѣкъ, который не потерялъ голову. Баронъ *Чолихъ* и штабъ-офицеры почитали дѣло окончательно проиграннымъ и ожидали, что ихъ переколятъ ихъ собственные солдаты; *Брейнлъ, напротивъ, увѣрялъ ихъ, что они должны вполнѣ довѣряться своимъ нижнимъ чинамъ, потому что большинство солдатъ поступило изъ крестьянъ, того класса народа, который не измѣнитъ дому. Брейнлъ* настоялъ, чтобы всѣ по деревнямъ квартировавшіе кавалеристы были призваны въ городъ; по счастью это приказаніе

было отдано и исполнено въ тотъ же день — 18-го февраля, въ который, кромѣ того, нѣсколько унтеръ-офицеровъ-поляковъ пѣхотнаго барона Гайнау полка, за невоздержныя рѣчи, были арестованы и заключены въ оковы; кара сильно подѣйствовала на нижнихъ чиновъ.

Назначенный въ Тарновѣ балъ, по настоянію *Брейнла* былъ отказанъ. 18 февраля ксендзы начали съ утра пламенными рѣчами возбуждать народъ. Помѣщикъ въ Олесно *Котарскій*, по его увѣреніямъ, былъ крови Собіесскаго, и обладалъ шлемомъ, который, будто бы, король Собіескій имѣлъ на головѣ при освобожденіи Вѣны. Созвавъ и вооруживъ свою челядь, онъ призвалъ около полудня крестьянъ, сѣлъ на коня и надѣвъ шлемъ, объяснилъ его значеніе и за тѣмъ провозгласилъ крестьянамъ вольность, права, льготы, даровую землю, требовалъ возстанія и развернулъ предъ ними богатое, блестящее своими вышивками, польское знамя. Крестьяне посмотрѣли на шлемъ и на знамя; но отвѣчали, что они противъ своего добраго императора Фердинанда не подымутся. *Котарскій* вернулся въ домъ, а его рѣчи разнеслись по окрестнымъ деревнямъ, населеніе совѣщалось; крестьяне отвсюду стали стекаться толпами на панскій дворъ; къ нимъ вышелъ ксендзъ олеснинскаго прихода, но проповѣдь ксендза не имѣла большаго успѣха, не смотря на новыя щедрыя обѣщанія *Котарскаго*. Крестьяне, напротивъ того, кричали, что панъ-мятежникъ и что его надо вязать. За неудавшиимися приманками послѣдокалъ быстрый переходъ къ брани и къ угрозамъ; крестьяне кинулись, связать помѣщика, челядь кинулась его защищать и начала стрѣлять; произошла драка и бой; крестьяне принялись за косы и цѣпы; убили самыхъ ярыхъ: помѣщика, ксендза и еще двухъ пановъ, ранили и перевязали человѣкъ 30 изъ свиты, сопровождавшей *Котарскаго*; остальные разбѣжались. Крестьяне плѣнныхъ и раненыхъ уложили въ сани и повезли въ Тарновъ.

Въ то время, когда такъ плачевно началось возстаніе въ Олеснѣ, около двухсотъ заговорщиковъ съѣхалось къ лысогорской корчмѣ. Пріѣхали графы *Вѣселовскіе*, главный военачальникъ *Чеховскій*, графы *Ромеры*; крестьяне были собраны и, по приказанію ксендзовъ, вооружились кто чѣмъ могъ. Ксендзъ *Моргенштернъ* держалъ проповѣдь, затѣмъ выступилъ графъ Францишекъ *Вѣселовскій* съ рѣчью освобожденіи Польши и увѣрялъ крестьянъ, что у нихъ цѣль

только одна, *сдѣлать народъ вольнымъ*, что они для того только и намѣрены поднять мечь, и что они надѣятся на содѣйствіе крестьянъ тѣмъ болѣе, что они ихъ осыпятъ благодѣяніями. Онъ объявилъ крестьянамъ что онъ новый губернаторъ, назначенный отъ правительства Польши, — не старой Польши, но новой, которая уже не будетъ подъ вліяніемъ чужеземцевъ. Впредь поляки, говорилъ онъ имъ, должны быть *всѣ равны, какъ Богъ ихъ создалъ, какъ дѣти одной матери*, что онъ, какъ губернаторъ, даритъ имъ отъ имени правительства земли и освобождаетъ отъ всякихъ повинностей, казенныхъ и частныхъ, на вѣчныя времена и обѣщаетъ вольную продажу соли и табаку. Крестьяне слушали молча и, казалось, раздумывали; тогда сельскій судья *Штельмахъ* крикнулъ толпѣ: хочетъ ли она идти противъ императора за пановъ, которые ихъ станутъ опять запрягать, какъ они теперь запрягаютъ своихъ коней и воловъ. На слова слова Штельмаха послѣдовали одобрительные возгласы. Въ эту рѣшительную минуту *Стоіовскій*, чтобы подѣйствовать на толпу, повалилъ выстрѣломъ крестьянина, который рѣзко сталъ возражать на возмутительныя рѣчи. Слѣдствія этой выходки были совсѣмъ не тѣ, которыхъ ожидалъ *Стоіовскій*. Крестьяне кинулись на пановъ, паны защищались пистолетами и ружьями противъ косъ и цѣповъ; съ обѣихъ сторонъ падали убитые и раненные паны разбѣжались, оставивъ до 40 человѣкъ однихъ плѣнныхъ, большею частью раненныхъ, которыхъ связали и снесли въ корчму и тоже отправили въ Тарновъ; въ томъ числѣ были и графы *Вѣселовскіе, Ромеры* и *Стоіовскій*. Подобная сцена повторилась и въ другихъ мѣстностяхъ; отпускные солдаты были большею частью предводителями крестьянскихъ полчищъ. У Партыка, всѣ съѣхавшіеся 19 пановъ, которые вздумали отстрѣливаться отъ собравшихся вязать ихъ крестьянъ, были косами и цѣпами зарѣзаны и избиты до послѣдняго и крестьяне уложивъ ихъ тѣла на сани, повезли въ Тарновъ.

У отставнаго капитана Эйзенбаха, владѣльца Плесна, собрались сосѣди, которые подъ его начальствомъ должны были съ южной стороны, по сигналу пожара деревни Лысая-гора, двинуться на Тарновъ и напасть на казармы кавалеріи. Къ обѣду съѣхалось уже до сотни гостей. Въ то время когда провозглашались частые тосты за успѣхъ предстоящаго дѣла, созванные изъ сосѣдства до 300 поселянъ,

были обильно угощаемы виномъ. По окончаніи пира, мѣстный ксендзъ *Ціецкевичъ* сказалъ поселянамъ, что послѣ угощенія надо вспомнить и о костелѣ и пригласилъ ихъ къ 10 часамъ на церковную службу, сказавъ, чтобы они пришли съ косами и цѣпами. Крестьяне исполнили его просьбу. Послѣ обѣда число гостей увеличилось прибывшими; многіе, съ своими домочадцами, привели и верховыхъ лошадей; всѣ были отлично вооружены. У Эйзенбаха было до 450 человѣкъ, изъ нихъ до 50 конныхъ. Въ костелѣ явился *Ціецкевичъ* съ распятіемъ и опоясанный саблею; воодушевленный винными парами, онъ произнесъ пламенную рѣчь о любви къ *ойчизнѣ* и обязанности прихожанъ за нимъ слѣдовать и торжественно провелъ процессіей богомольцевъ на панскій дворъ; тамъ паны уже были готовы. Эйзенбахъ устроилъ свою шайку въ ряды и, съ музыкою во главѣ, шайка двинулась процессіею. Крестьяне недоумѣвали, участвуютъ ли они въ духовной процессіи или въ какой то панской затѣѣ. Всадники ѣхали авангардомъ впереди, за ними шли рядами крестьяне, въ хвостѣ шли паны и ихъ челядь съ ружьями; музыка гремѣла; но хитрость Эйзенбаха вовлечь въ бой напоенныхъ и ослѣпленныхъ крестьянъ не удалась; крестьяне съ удивленіемъ увидѣли, что въ рядахъ идущихъ сзади, появилось развивающееся польское знамя. Они остановились. Отпускные солдаты первые спросили, куда ихъ ведутъ и, получивъ въ отвѣтъ, что надо избавить ойчизну и завладѣть Тарновымъ, они рѣшительно отказались отъ дальнѣйшихъ похожденій и повернули домой. Вооруженный ружьями авангардъ хотѣлъ ихъ остановить силою; крестьяне забушевали. Подоспѣвшій ксендзъ *Ціецкіевичъ*, съ распростертыми руками, съ распятіемъ въ одной и саблею въ другой, хотѣлъ ихъ удержать; но онъ палъ первою жертвою; на дорогѣ завязался бой; паны, видя перевѣсъ силы на сторонѣ крестьянъ, и гибельные взмахи ихъ косъ и цѣповъ, отъ которыхъ падали ихъ отважнѣйшіе бойцы, разбѣжались. Крестьяне, взваливъ себѣ на плечи до 30 тѣлъ убитыхъ повстанцевъ, возвратились въ Плесно.

Въ Яворцахъ было также приказано собраться крестьянамъ, откуда заговорщики намѣревались слѣдовать на мѣсто сбора — въ Тарновицъ; но здѣсь паны, убѣдившись, что крестьянъ рѣшительно нѣтъ возможности склонить къ мятежу и видя ихъ грозныя намѣренія, поспѣшно усѣлись въ сани и поскакали одни въ Тарновицъ; запоздавшіе заговорщики,

при видѣ по большой дорогѣ крестьянъ, задерживающихъ ихъ дальнѣйшій путь, съѣхались къ яворцкой корчмѣ. Тутъ хотѣли они склонить собравшіяся толпы, если не на свою сторону, то по крайней мѣрѣ къ свободному ихъ пропуску; но слѣдствія переговоровъ не были успѣшны; прибыли крестьяне, отъ которыхъ ускакали первые, и требовали, чтобы по крайней мѣрѣ были и связаны задержаны. Попавшіеся паны отступили въ корчму, приперли двери; но какъ крестьяне стали врываться силою, то они изъ оконъ начали отстрѣливаться. Въ это время подъѣхали еще новые паны и, чтобы выручить своихъ, стали тоже стрѣлять въ мужиковъ. Послѣдніе видя себя между двухъ огней, разбѣжались; вырученная изъ корчмы братья размѣстилась въ саняхъ своихъ избавителей; но какъ, при торопливомъ поѣздѣ, двое саней опрокинулось, то крестьяне напали на вывалившихся и всѣхъ, въ числѣ 13 человѣкъ, положили на мѣстѣ.

При этихъ событіяхъ и подобныхъ стычкахъ между панами и крестьянами, въ ночь съ 18-го на 19-е февраля до 1200 заговорщиковъ въ одномъ тарновскомъ округѣ пали жертвами косъ, вилъ и цѣповъ. Изъ двухъ братьевъ графовъ *Броневскихъ* одного *Теодора* толпа разъяренныхъ крестьянъ застала на дворѣ усадьбы и буквально перемолотила ему ребра, руки и ноги и потомъ косою раздвоила черепъ. Ворвавшись въ домъ, они заставили жену другаго брата, *Яна* свѣтить, пока мужу отрѣзали уши и носъ, выкололи глаза и, разрѣзавъ живому кожу на головѣ, обнажили черепъ и потомъ покончили его цѣпами. Помѣщица *Игасъ* хотѣла спасти мужа и спрятала его въ сундукъ; но крестьяне его доискались, связаннаго уложили въ сани, впрягли въ нихъ несчастную женщину и обоихъ ихъ колотили до тѣхъ поръ, пока тѣ не испустили духъ. Графиня *Дембицкая*, не смотря на свою беременность, была заколочена крестьянами до смерти. Изъ этихъ и тысячи подобныхъ имъ случаевъ можно видѣть, до какихъ ужасовъ могутъ доводить разбушевавшіяся страсти разъяреннаго народа; но, повторяя слова свидѣтеля галиційскихъ убійствъ, „кто виноватъ?— правительство развѣ могло карать галиційскихъ крестьянъ за то, что они, не внимая искушающимъ рѣчамъ буйныхъ головъ и сторонниковъ революціи, заявили себя, противниками замышляемыхъ переворотовъ, заявили себя сторонниками покровительствующей ихъ спокойствію, законной власти? Могло ли правительство

признать крестьянъ виновными за то, что они принялись за цѣпы, когда паны и деспотическіе агенты польской эмиграціи, стали въ нихъ стрѣлять за то что крестьяне не поддались обману, что они отказались отъ навязываемыхъ имъ благодѣяній, когда населеніе знало цѣну обѣщаній и понимало истинный ихъ смыслъ? Если населеніе, при видѣ родной своей крови, обагрявшей свѣжіе снѣжные сугробы, сбросило узду и въ ярыхъ порывахъ убійствъ искало мести надъ уродливыми выродками человѣческаго общества, лицемѣрными и коварными друзьями народа, кто былъ тому причиною? Поляки, не найдя сочувствія, стали стрѣлять въ крестьянъ, а потомъ ихъ же упрекать за то, что они, защищаясь, простерли свою месть слишкомъ далеко и сурово. Увлекаются иногда, мстя за смерть товарищей и на приступъ идущіе солдаты, а крестьяне — не были обученные воины, и не знали сигналъ *отбоя.* Виновны въ галицiйской рѣзнѣ тѣ, которые возбудили буйныя страсти человѣческой натуры, желая обратить простолюдина въ орудіе своихъ честолюбивыхъ бредней и властолюбивыхъ замысловъ. Въ жилахъ польскаго революціонера слилась кровь прежняго шляхтича и новаго демагога; по его мнѣнію народъ — безсмысленная толпа, а всякій противникъ его веленіямъ, самостоятельный, не согласный быть слѣпымъ исполнителемъ его воли, только ослушникъ, котораго, во имя фантастическаго прогресса, онъ считаетъ себя въ правѣ убить, какъ послѣднюю скотину.“

Поднявшіеся крестьяне по всѣмъ дорогамъ къ Тарнову ловили мятежниковъ, изъ которыхъ къ городу прибыло только человѣкъ около 200, собиравшихся у Кликова. Эйзенбахъ, съ 300, ускакавшими отъ крестьянъ, да шайка въ 350 человѣкъ, собравшаяся у Гумниска. Всего 850 напрасно ожидали они сигнала пожара *Лысой горы;* событія ночи спасли крестьянъ этой деревни отъ ея сожженія; ускользнувшіе отъ крестьянъ паны привозили только извѣстія о плачевной участи постигшей ихъ товарищей. Прибывшіе ночью къ Тарнову сошлись на Мартиновой горѣ, въ числѣ около 850 человѣкъ. Французъ *Леншанъ* предложилъ себя въ главные начальники, на мѣсто связаннаго крестьянами Чеховскаго; но паны признали свои силы недостаточными и отложили нападеніе на Тарновъ.

Городъ проснулся 19 февраля въ страшной тревогѣ: съ разныхъ сторонъ прибывали разнорѣчивыя вѣсти, глухіе

разсказы о ночныхъ свалкахъ между панами и крестьянами и извѣстія, что со всѣхъ сторонъ сформированныя шайки приступаютъ къ городу, что у Мартиновой горы видѣли несмѣтныя полчища повстанцевъ. Войско было поставлено подъ ружье. Тарновцы были въ лихорадочномъ ожиданіи; въ 10 часовъ утра сцена перемѣнилась: показался поѣздъ нѣсколькихъ саней, — это былъ первый транспортъ 19 человѣкъ, избитыхъ у Партика. Зрѣлище было страшное, при видѣ труповъ изможженныхъ цѣпами, изрѣзанныхъ косами, исколотыхъ вилами. На одпѣ сани былъ посаженъ повстанецъ, еще живой, но въ предсмертныхъ судорогахъ, а на его колѣняхъ лежали двѣ головы съ разможженными черепами, почти до нага раздѣтыхъ двухъ труповъ. Всѣ 19 человѣкъ оказались помѣщики, экономы и дворовые. За этимъ первымъ поѣздомъ, вереницей стали прибывать другіе и загромоздили всѣ улицы, ведущія къ присутственнымъ мѣстамъ; сани были наполнены связанными, захваченными, раненными и убитыми, нѣкоторыхъ плѣнныхъ крестьяне везли привязанными за ноги къ санямъ, такъ что головою они стучали по снѣжнымъ ухабамъ. Зрѣлище было ужасное! Раненые крестьяне большею частію были поражены насѣченнымъ свинцомъ или крупною дробью; раны же ихъ противниковъ представляли слѣды дѣйствія сельскихъ ихъ орудій, случайно обратившихся въ оружіе.

Сдѣлавъ немедленныя распоряженія о подачѣ помощи тѣмъ изъ раненныхъ, которымъ она еще могла быть полезною, разсадивъ плѣнниковъ въ надежныя мѣста, *Брейнлъ* тотчасъ принялъ мѣры къ возстановленію порядка; масса привозимыхъ жертвъ удостовѣряла, что уже должно было опасаться не нападеній, а нужно было поспѣшно спасать зачинщиковъ мятежа отъ мести разьяреннаго народонаселенія, изъ Тарнова были разосланы служащіе успокоить крестьянъ и поставить ихъ въ границы обязанностей; съ чиновниками были посланы маленькіе отряды кавалеріи, для конвоированія взятыхъ въ плѣнъ народомъ повстанцевъ и спасенія ихъ отъ неистовствъ толпы. Къ сожалѣнію, власти не могли располагать многимъ, тѣмъ болѣе, что въ Лысую гору почли нужнымъ послать цѣлый эскадронъ, такъ какъ согласно показаніямъ крестьянъ, тамъ собралась цѣлая армія бунтовщиковъ. Неутомимо разъѣзжали посланные отъ *Брейнла* по цѣлому округу, и только на третій день имъ

удалось возстановить полную тишину и спокойствіе.

По вѣроятнѣйшимъ исчисленіямъ, на совѣсти польской эмиграціи было до 10,000 жертвъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, погибшихъ въ Галиціи подъ ударами крестьянъ. изъ этого числа болѣе 4,000 относятся къ одному тарновскому округу. За то, съ другой стороны, предписанную сицилійскую вечерню постигло совершенное фіаско: не только не могли состояться нападенія на города, но панамъ было и не до отдѣльныхъ убійствъ. Погибъ только одинъ бургомистръ въ Пилнѣ *Маркль*. Для его убійства были назначены нѣсколько мелкопомѣстныхъ, тамъ служащихъ шляхтичей, но главный назначенный распорядитель сбора пильсинской шайки, канцеляристъ Іосифъ *Капучинскій* пожелалъ самъ руководить этимъ убійствомъ. Однимъ изъ заговорщиковъ, почтовымъ экспедиторомъ, были приготовлены кареты; ночью *Капучинскій*, съ своими людьми, влезъ въ окно запертаго дома, подняли всю семью, зажгли свѣчи и, несмотря на вопли и мольбы жены *Маркля* и его четырехъ маленькихъ дѣтей онъ былъ зарѣзанъ въ ихъ присутствіи. Напрасно *Маркль* твердилъ, что при поискахъ эмисаровъ, онъ только исполнялъ предписанія начальства, убійцы издѣвались надъ его мученьями, при возгласахъ, что собачья смерть есть достойная кара шпіону и предателю. Покончивъ несчастнаго ударомъ копья, убійцы оставили плавающее въ крови тѣло, среди рыдающей семьи и, выскочивъ на улицу и усѣвшись въ почтовыя кареты, поспѣшили на мѣсто сбора; но они были дорогою остановлены и взяты крестьянами; окровавленное копье послужило первою уликою совершеннаго злодѣянія.

Для западной Галиціи назначенный день возстанія былъ 18 число, а для восточной 20, на томъ основиніи, что графъ *Вѣселовскій*, вполнѣ убѣжденный па содѣйствіе крестьянъ-поляковъ и папистовъ въ первой, не имѣлъ той же увѣренности къ населенію русскому и уніатскому Онъ предполагалъ, что возстаніе въ одной западной Галиціи введетъ эрцгерцога Фердинанда въ заблужденіе касательно обширности намѣреній заговорщиковъ. Полагая, что театромъ мятежа предназначена только западная Галиція, эрцгерцогъ вѣроятно вышлетъ туда военныя подкрѣпленія, и тогда, при ослабленныхъ силахъ, удобнѣе будетъ поднять населеніе. Другой расчетъ былъ тотъ, что русское населеніе можетъ

быть и не захочетъ принять на себя инициативу мятежа и слѣдовать за поляками для возстановленія Польши тѣмъ болѣе, что въ уніятскомъ духовенствѣ они не могли разчитывать на поддержку, но что вѣсти о возстаніи крестьянъ западной Грлиціи и о дарованныхъ имъ земляхъ и разныхъ льготахъ послужатъ подстрекающимъ примѣромъ. Эти расчеты на дѣлѣ оказались тоже ошибочны. Хотя посланными гонцами коноводы восточной Галиціи и были, предувѣдомляемы, что, вслѣдствіе гибельнаго хода, который принялъ мятежъ, они должны пріостановиться и выждать дальнѣйшихъ послѣдствій; но гонцы не могли всюду достигнуть своего назначенія и нѣкоторые были схвачены.

Вечеромъ 20 февраля *Сикорскій*, распорядитель мятежа въ самборскомъ округѣ, прибылъ къ своему пріятелю, управлющему горжанскимъ имѣніемъ, *Чаплицкому* и оповѣстилъ крестьянамъ семи сосѣднихъ приходовъ, собраться въ Горожапы съ косами, вилами и цѣпами; это приказаніе возбудило тотчасъ недовѣріе крестьянъ; потолковавъ между собою, они прибыли по требованію. Къ назначенному часу съѣхались туда заговорщики вооруженными; въ дворѣ были постановлены крестьяне въ кружокъ, судьи ихъ и присяжные были выведены впередъ. Среди круга была поставлена досчатая трибуна, на нее взошелъ *Сикорскій*, и развернулъ польское знамя; глухой ропотъ пошелъ между крестьянами; но когда ораторъ началъ проповѣдытать о братской любви, которую они должны питать къ полякамъ, проповѣдовать что они составляютъ одинъ народъ, одну семью; тогдя крестьяне зашумѣли; »мы русины, кричали они, и хотимъ быть вѣрными австрійскому императору.» *Сикорскій*, приготовивъ свою рѣчь и аргументы заранѣе, не нашелъ что имъ отвѣчать и продолжалъ начатое; онъ наглядно хотѣлъ вразумить крестьянъ, взялъ горсть пшеницы и овса,— »пшеница эта помѣщики, говорилъ онъ, а овесъ это вы крестьяне; теперь каждый живетъ про себя, а съ новой Польшей всѣ будутъ равны». Смѣшавъ зерна онъ кинулъ ихъ въ воздухъ, »ну—подите, ищите теперь въ снѣгу, гдѣ пшеничныя, а гдѣ овсяныя зерна, всѣ перемѣшались; такъ будетъ и впредь, поляки и руссины будутъ равные братья; земли вы получаете даромъ, безъ всякихъ повинностей, для всѣхъ соль и табакъ будутъ продаваться по вольной цѣнѣ.» — Но крестьяне на счетъ зеренъ замѣтили, что все таки отъ пшеничныхъ зеренъ выростетъ

пшеница, которую и слѣпой различитъ отъ овса, а одинъ изъ крестьянъ стариковъ, смѣло выступивъ впередъ, и громко воскликнулъ: »Ребята! панамъ нечего довѣрять, они только хотятъ стараго времени, когда за убитаго мужика они платили по 15 злотыхъ штрафу»; «Правда, правда отвѣчала толпа; паны, не смѣйте бунтовать, складывайте сей часъ же ружья.» Управляющій *Чаплицкій*, истый демократъ новой школы взбѣшенный мужицкою самостоятельностію и дерзкими рѣчами, выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ прекрасной, золотомъ отдѣланной, дорогой винтовки, въ народнаго оратора; тотъ упалъ мертвымъ, нѣсколько другихъ были ранены разлетѣвшеюся крупною дробью. Крестьяне кинулись на пановъ, которые отстрѣливаясь, укрылись въ ближайшее строеніе, заперлись въ немъ и начали стрѣлять чрезъ окна въ подходящихъ; крестьяне зажгли зданіе; огонь и удушливый дымъ принудили заговорщиковъ вступить въ открытый бой; они отперли двери и кинулись на крестьянъ, но въ неровной свалкѣ всѣ были перебиты или переранены; крестьяне свалили ихъ на сани и отправили въ Львовъ. Жертвы горожанской схватки представляли зрѣлище не уступающее тарновскому: они были страшно избиты, не многіе еще дышали; между убитыми вытащили тѣла *Сикорскаго, Чаплицкаго* и его старца отца. На однихъ маленькихъ саняхъ лежало туловище пана, атлетическаго сложенія въ медвѣжьей черной шубѣ, отъ котораго голова была отрѣзана ударомъ косы. Кровь лилась съ саней и собаки сбѣгались лизать ее, что возбуждало громкій смѣхъ сбѣжавшейся толпы и вызывало ожесточенныя остроты а побѣдители сопровождавшіе плачевный поѣздъ, съ украинскою серьозностью и величайшимъ спокойствіемъ, передавали спрашивавшимъ подробности кроваваго событія.

Сборъ Теофила *Весніовскаго* не болѣе имѣлъ успѣха: онъ затѣялъ напасть ночью на эскадронъ гусаровъ, стоявшихъ въ Нараіовѣ, но они были во время предъувѣдумлены. Шайка *Весніовскаго* разбѣжалась, увидя войска и толпы крестьянъ, спѣшившихъ гусарамъ на помощь; отъ захваченныхъ узнали, кто былъ главный затѣйщикъ и предводитель; правительство объявило 1000 гульденовъ въ награду его поимщикамъ. *Весніовскій* былъ схваченъ и выданъ, хотя онъ ловко съумѣлъ одурачить крестьянъ, выдавая себя за уніятскаго священника, бѣглеца изъ Россіи. Тщетно хотѣлъ онъ откупиться отъ крестьянъ деньгами: малороссъ отъ при-

роды недовѣрчивъ, и крестьяне разсудили, что время не то, чтобы милосердничать и предоставили мѣстнымъ властямъ разсудить подлежитъ ли пойманный помилованію. При той традиціонной ненависти, которую крестьяне уніяты-русскіе, наравнѣ съ папистами поляками, питали къ панамъ, мятежь въ Галиціи былъ, при всѣхъ вялыхъ мѣрахъ австрійскаго правительства, хотя страшнымъ, но кратковременнымъ пожаромъ: въ началѣ марта уже спокойствіе было водворено и заговорщики вполнѣ разочаровались въ успѣхѣ своего предпріятія.

ГЛАВА 6-я.

Значеніе Кракова—Вступленіе и изгнаніе австрійцевъ—Семидневныя судьбы Кракова: — избраніе въ президенты графа Водзицкаго—его прокламаціи и низверженіе—народовое правительство, его прокламаціи и низверженіе—Диктаторъ Тысовскій, его прокламаціи и низверженіе—Диктаторъ Вишневскій, его прокламаціи и низверженіе—Возвращеніе власти диктатору Тысовскому и его прокламаціи—Успѣхи и торжества въ Краковѣ—Вѣсть о посылкѣ изъ Варшавы конно-мусульманскаго полка—Бѣгство диктатора — Вторичное избраніе графа Водзицкаго — его прокламація—Занятіе Кракова русскими войсками.—Оцѣнка событій польскою эмиграціей въ Парижѣ—Письмо къ князю Меттерниху.

Польскій мятежъ 1846 года ознаменовалъ себя особою дѣятельностію въ вольномъ городѣ Краковѣ. По распоряженіямъ *Мѣрославскаго*, сицилійскія вечерни должны были очистить области бывшей Рѣчи посполитой отъ вражескихъ для пановъ цойскъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ, а польская эмиграрія назначила вольный городъ Краковъ центромъ возстанія и еезиденціей будущаго *народоваго правительства*,—само собою разумѣется,— въ полной зивисимости отъ коноводовъ, проживавшихъ въ Парижѣ.

Дипломатическіе резиденты трехъ дворовъ, находившіеся при вольномъ городѣ Краковѣ, не могли не обратить вниманія на то, что на улицахъ запестрѣли конфедератки и что умы стали

приходить въ особенное броженіе; ежедневно случались разныя публичныя выходки; подъ чужими именами прибывала туча поляковъ изъ Франціи, Англіи и Белгіи, и въ городъ обильно ввозились запасы оружія; за городомъ производились ученья, всадники съѣзжались и упражнялись въ движеніяхъ коннымъ строемъ. Резиденты потребовали объясненій; мѣстныя городскія власти, вполнѣ сочувствовавшія польскому движенію, отозвались, что онѣ безсильны положить конецъ волненіямъ народа. Резиденты обратились къ своимъ дворамъ,—небольшой австрійскій отрядъ вступилъ въ Краковъ.

Начальство надъ австрійскимъ отрядомъ было ввѣрено человѣку, который нравственными своими качествами и своею распорядительностію вовсе не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ; при первыхъ вспышкахъ онъ считалъ себя погибшимъ, если не оставитъ городъ; отступивъ въ Галицію, онъ покрылъ себя стыдомъ, и тѣмъ ободрилъ крамольниковъ до того, что наскоро набранная сволочь дерзнула преслѣдовать регулярное войско.

Народовое правительство утвердилось и просуществовало одну недѣлю. Словно предчувствуя его скоротечность, поляки торопились представить свѣту, въ это короткое время, полную жизнь и полную неурядицу всякихъ польскихъ правительствъ. Какъ инфузоріи, эфемериды, въ нѣсколько часовъ совершаютъ весь жизненный процессъ отъ рожденія до смерти, такъ въ теченіи одной недѣли въ Краковѣ были заговоры, государственные перевороты, ликованія легко воспламеняющейся польской толпы, меланхолическое разочарованіе, торжественныя празднованія воображаемыхъ побѣдъ и наконецъ глубокое уныніе, при сознаніи, что всѣ мечты оказались-мечтами-всѣ планы и затѣи—несостоятельными.

Генералъ-маіоръ Коллинъ вступилъ 18 февраля въ Краковъ, съ отрядомъ пѣхоты (600 ч.), конницы (150) и тремя 6-ти фунтовыми пушками. Грозные взгляды населенія при встрѣчѣ австрійцевъ, подѣйстовали на впечатлительнаго начальника; прибытіе войска не заставило заговорщиковъ отложить возстаніе. Въ 11 часовъ ночи, 20 февраля нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано по патрулямъ изъ оконъ; при розыскахъ виновныхъ, въ руки австрійцевъ случайно попало письменное свѣдѣніе, что въ 4 часа утра назначено общее на нихъ нападеніе. При обыскѣ одного дома, патрули застали старца, начавшаго писать духовное свое за-

вѣщаніе; онъ успѣлъ написать только слова: «послѣ того, что къ нападенію на австрійскія пушки, я сего числа въ 4 часа утра...» Этихъ словъ было достаточно; войска были приготовлены; въ 5 часовъ утра дѣйствительно начался уличный бой; австрійцы успѣли захватить болѣе 100 человѣкъ; но на другой день Коллинъ, устрашенный вѣстью что 20,000 инсургентовъ уже собралось въ городѣ, поспѣшно выступилъ назадъ въ Галицію; дѣйствительно же въ Краковѣ собралось тогда, правда, отлично вооруженныхъ, но всего только до 6000. Коллинъ привезъ въ Краковъ запасныя ружья, но взялъ только по 12 патроновъ; выступленіе его было такъ поспѣшно, что часть имущества была оставлена въ Краковѣ, а при отступленіи тѣснимый мятежниками, онъ былъ вынужденъ бросить и свои запасныя ружья.

Наплывъ ревнителей въ Краковѣ особенно усилился при неудачныхъ попыткахъ и крестьянскихъ нападеніяхъ въ Галиціи. Бѣгство Коллина было торжествомъ; поляки въ 6 часовъ вечера 22 числа, видя городъ очищеннымъ австрійцами, заликовали. Одна красивая полька, съ конфедераткою на головѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, мало знакомая съ дальностью полета пули, стрѣляла изъ окна чрезъ Вислу, по уходящимъ австрійцамъ, что приводило въ восторгъ ликующихъ. Модныя барыни разрывали свои атласныя платья и готовили національныя кокарды; онѣ бѣгали съ ними по улицамъ и раздавали проходящимъ. Поляки рыцарями преклоняли колѣна, пока къ ихъ конфедераткамъ прекрасныя ручки прикалывали кокарды.

Съ удаленіемъ австрійцевъ, тѣ краковцы, которые не были посвящены въ планы эмиграціи, считали себя хозяевами и тотчасъ установили свое правительство, на которое покровительствующія державы не имѣли бы вліянія, и въ главѣ его посадили 70-лѣтняго старца графа Іосифа *Водзицкаго*. Среди шумныхъ возгласовъ, они ввѣрили ему и начальство надъ національною гвардіею. *Водзицкій* объѣхалъ верхомъ улицы, проповѣдывалъ спокойствіе и порядокъ, установилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ *комитетъ общественной безопасности* изъ 5 членовъ, и назначилъ комиссаровъ въ разныя части города. Онъ пригласилъ ихъ затѣмъ въ казино, для совѣщаній о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и издалъ прокламацію о принятіи имъ власти и о сохраненіи тишины; единодушіе и усердіе казались пол-

ными. Но среди краковцевъ были уже члены, назначенные въ Парижѣ для *народоваго правителства*, извѣстные только заговорщикамъ, посвященнымъ въ тайны революціи; эти видѣли необходимость выдти на свѣтъ дневной и приготовились, въ случаѣ надобности, силою заявить свои права. Только что разошлась молва объ избраніи *Водзицкаго*, какъ революціонные главные коноводы заговорщиковъ Янъ *Тысовскій*, Людвигъ *Горшковскій*, Александръ *Гржегоржевскій*, Эдуардъ *Дембовскій* и Карлъ *Роговскій* собрали поспѣшно человѣкъ до 1000 своихъ сторонниковъ вооруженными и, надѣвъ польскіе шарфы, отправились, часовъ въ 8 вечера къ избранному президенту. Озадаченному графу *Водзицкому* оставалось только повиноваться, распустить, по ихъ требованію, назначенный комитетъ общественной безопасности и передать власть тѣмъ, которые уже, по ихъ увѣрніямъ, были назначены въ Парижѣ, и которыхъ поддержка стояла вооруженною толпою, предъ домомъ на площади.

Новые властелины, низвергнувъ избранное краковянами правительство, въ тотъ же вечеръ слѣдующею прокламаціею возвѣстили о себѣ жителей. «Краковъ 22 февраля 1846 г. Братья поляки! Четырнадцатъ лѣтъ достойные храбрые сыны ойчизны, для ея возстановленія, создали во всѣхъ нашихъ областяхъ многочисленныя общества, члены которыхъ подвергались неимовѣрнымъ опасностямъ. Не смотря на разстоянія, всѣ усилія стремились къ одной цѣли—возвратить свободу польской націи. 24 января текущаго года комитеты всѣхъ ассосіацій Польши передали правительственную власть въ руки правительственнаго учрежденія изъ 5 лицъ и одного секретаря. Эти лица были избраны въ средѣ княжества познанскаго, владѣнія Кракова, Галиціи, Россіи и эмиграціи; ихъ засѣданіе должно пополниться еще двумя членами, однимъ отъ всей соединенной Польши, а другимъ отъ Литвы. Избранные члены приняли назначеніе и къ 24 февраля должны были собраться въ Краковѣ. Назначенные для Кракова, Галиціи и эмиграціи были на мѣстѣ до назначеннаго срока, познанскій *) же былъ арестованъ, а членъ отъ Россіи и секретарь еще не прибыли. Членъ отъ эмиграціи, со страху для его личности, по прибытіи австрійскихъ войскъ, поспѣшно бѣжалъ за границу».

---

*) Либельтъ.

»Общее раздраженіе умовъ, господствующее въ Краковѣ и отовсюду приходящія вѣсти доказываютъ, что революція есть воля Бога и всего польскаго народа. Эти обстоятельства налагаютъ на членовъ *народоваго правительства,* еще не прибывшихъ, священную обязанность немедленно явиться въ Краковъ тѣмъ болѣе, что самая горячая ревность можетъ остынуть, и *наши братья, землевладѣльцы,* способные нанести рѣшительные удары, не могутъ принять участія въ возстаніи».

»Въ то время, когда мы допускаемъ въ средѣ *народоваго правительства* одного гражданина [1]) для соединенной Польши, который соглашается принять ему предлагаемую власть, мы простираемъ къ вамъ руки и, предъ лицемъ Господа и націи, клянемся, что мы сохранимъ власть только до часа полнаго освобожденія всей Польши, и что надежнѣйшимъ для того средствомъ мы признаемъ уничтоженіе поляками всѣхъ привиллегій и *уступку права на владѣніе землею* тѣмъ, которые ее воздѣлываютъ, права, которымъ крестьяне понынѣ пользуются съ нѣкоторыми ограниченіями. Мы принимаемъ на себя отвѣтственность за послѣдствія всѣхъ нами издаваемыхъ постановленій; тотъ—предатель ойчизнѣ, кто осмѣлится оказывать какое либо противудѣйствіе нашимъ приказаніямъ, съ таковымъ мы и будемъ поступать въ этомъ смыслѣ».

Подписали: Людовикъ Горшковскій.
Янъ Тысовскій.
Александръ Гржегоржевскій.
Секретаръ Карлъ Роговскій [2])

Въ тотъ же вечеръ, 22 февраля, послѣдовало отъ утвердившагося правительства еще воззваніе, въ которомъ между прочимъ сказано:

»Поляки! часъ возстанія пробилъ. Раздѣленная Польша соединяется. Наши братья въ Познани, въ конгрессовой Польшѣ, въ Литвѣ и въ Галиціи уже борятся съ врагами. Насъ 20 милліоновъ! Возстанемъ, какъ одинъ человѣкъ и никакая сила не раздавитъ нашего могущества.» Были бы въ то время телеграфы, и они измѣнили бы тонъ этого воззванія. Когда прокламація сочинялась въ Краковѣ, тогда въ Познани мятежъ былъ уже въ

1) Мѣрославскаго.

2) Онъ въ тоже время былъ утвержденъ секретаремъ.

агоніи: въ Польшѣ и Литвѣ заговорщики сидѣли уже въ крѣпости, а совершившіяся къ 22 числу событія въ Галиціи ясно доказывали, что статистическія польскія свѣдѣнія о числѣ тамъ жительствующихъ поляковъ требовали огромныхъ поправокъ, да и галиційскіе крестьяне, даже мазуры, считали обидою названіе ихъ поляками.

Приведемъ еще одно мѣсто изъ этого пресловутаго, многословнаго воззванія, которое можетъ ознакомить съ цѣлымъ и которое читая одинъ галичанинъ выразился весьма оригинально: *обѣщался комаръ играть на тромбонъ.* »Поляки! у насъ будетъ свобода, какой никогда ни у кого на землѣ не бывало; въ нашемъ будущемъ соціальномъ быту, всякій, по своимъ достоинствамъ и способностямъ, будетъ пользоваться благами земными; никакихъ привиллегій, ни подъ какими видами, болѣе не будетъ; всякій полякъ найдетъ въ нашей свободѣ полную гарантію для себя, жены и дѣтей своихъ. Если бы одинъ полякъ и уступалъ другимъ въ природныхъ дарованіяхъ и силахъ тѣлесныхъ, то ему будетъ несомнѣнно оказана поддержка цѣлымъ обществомъ. Земля, доселѣ условно принадлежавшая крестьянамъ, будетъ ихъ полною и неотъемлемою собственностью, прекратятся барщина, сгоны и всякія другія повинности, а *кто пожертвуетъ собою за ойчизну, тотъ будетъ вознагражденъ изъ казенныхъ земель.*“ (?)

Въ концѣ указана форма присяги:—»Клянусь служить моей ойчизнѣ Польшѣ *совѣтами,* словомъ и дѣломъ; клянусь принести ей въ жертву личные расчеты, достояніе и жизнь; клянусь въ повиновеніи народовому правительству, утвердившемуся въ Краковѣ, и всѣмъ властямъ, отъ него утверждаемымъ»

Подписали: Лудвигъ Горшковскій, Янъ Тысовскій, Александръ Грожегоржевскій, Секретарь Карлъ Роговскій.

На слѣдующій день 23 февраля народное правительство выпустило третью прокламацію.

«Братьямъ израилева закона».

«Поляки! часъ уравненія всѣхъ сословій пробилъ. Пока существовали тираны, на васъ смотрѣли какъ на отдѣльный народъ; революція принимаетъ васъ въ общественныя нѣдра, и, какъ дѣтей одной ойчизны, утверждаетъ за вами право наравнѣ со всѣми гражданами».

Евреи были бы весьма довольны, чтобы глубокомысленные государственные люди, не требуя отъ нихъ прекращенія той ка-

гальной замкнутости, которою они—піавками высасываютъ соки населенія, даровали имъ права и вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя средства вести свое прежнее житье—бытье; но они хорошо понимали непрочность всей этой комедіи и отъ нихъ пошли глухіе толки о какихъ то неутѣшительныхъ для дѣла возстанія слухахъ изъ Галиціи и Познани, а народное правительство получило уже о тамошнихъ событіяхъ положительныя, прескверныя вѣсти, конечно, не безъ примѣси хвастливыхъ прибавленій, что поляки дали себя знать австрійцамъ, и не безъ боя позволили себя взять пруссакамъ. Попытки перерѣзать ночью австрійцевъ и пруссаковъ въ Галиціи и Познани не удались; но поляки повѣрили молвѣ, что избили много противниковъ въ ночныхъ схваткахъ; необходимо было задобрить нѣмцевъ и прокламацію Мѣрославскаго, въ которой предписывалось ихъ передушить, замѣнить новою и извиниться въ мнимыхъ убійствахъ. Съ этою цѣлью была отпечатана и тотчасъ разослана въ прилежащія германскія земли, того же 23 февраля, другая, слѣдующаго содержанія:

«Вольная и благородная нѣмецкая нація!»

«Возстаніе произведенное нашими братьями повлекло за собою нѣкоторое число жертвъ».

»Наши братья теперь не могутъ ни объяснить, ни оправдать причинъ бывшей борьбы; потому мы говоримъ за нихъ съ тѣмъ, чтобъ эти причины не были ложно перетолкованы и не возбудили бы гнѣва и ненависти».

»Мы не обращаемся къ правительствамъ, но къ народу, потому что каждое благородное сердце и каждый благородный нѣмецъ насъ легко поймутъ. Наши познанскіе братья хотѣли только вооруженною рукою проложить себѣ путь, чтобы соединиться съ нами и энергически содѣйствовать намъ въ борьбѣ съ нашимъ варварскимъ врагомъ (Россіею), потому они готовились къ бою, не изъ ненависти къ вамъ и безъ побужденій ослѣпленнаго себялюбія. Когда Господь благословитъ наши усилія, тогда наше правительство будетъ въ связи съ вашими».

»Мы съ сего времени клянемся вамъ въ дружбѣ и согласіи. Между благородными, свободными народами можетъ ли не быть дружбы? Ни вы, ни мы не забыли, какъ Германія приняла нашихъ братьевъ послѣ кровавой борьбы 1831 года.»

»Эти ваши поступки Господь вложилъ въ сердца всѣхъ людей чести. Мы увѣрены, что когда наши братья, проживающіе въ изгнаніи (эмигранты), услышатъ объ нашихъ дѣйствіяхъ,

то они поспѣшатъ къ намъ на помощь, и что вы не откажете въ сочувствіи старымъ вашимъ гостямъ. Вамъ понятна наша борьба, вы испытали такую же въ 1813 году; вы тогда побѣдили, а мы погибли».

»Господь благославитъ наши предпріятія къ славѣ и свободѣ всего человѣчества, дабы оно впредь видѣло среди себя только націи вольныя и независимыя.»

Послѣ недавнихъ, еще свѣжихъ желчныхъ нападокъ поляковъ на нѣмцевъ, трудно понять, для кого была написана эта оправдательная прокламація, съ быстрымъ переходомъ отъ неистовой ненависти къ нѣжной любви. Если была обращена къ революціонной партіи, то та, безъ всякихъ воззваній, понимая закулисную работу своихъ сотрудниковъ, знала, что чѣмъ будетъ ложь наглѣе, тѣмъ она должна быть болѣе уважаема; потому что у этихъ господъ обманъ и клеветы считались вѣрнѣйшими и достойнѣйшими средствами; если же для не посвященныхъ, то на тупоуміе какихъ читателей расчитывали поляки? Какіе могли быть нѣмцы—читатели, которые въ польскихъ воззваніяхъ будутъ искать разъясненія польскихъ событій, а не подождутъ, пока обнародованные правительствомъ документы не разъяснятъ сущности дѣла? Повидимому поляки, видя что они надѣлали слишкомъ много промаховъ и страшась общественнаго мнѣнія Европы, чтобы извратить его подобно Оборскому въ 1834 г., смѣло прикрылись другою маскою.

Слухи о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ въ Познани и Галиціи затѣй польской эмиграціи мало тревожили легкомысленное польское населеніе Кракова; то были какія то далекія незримыя бѣдствія, а самая жизнь Кракова въ эту недѣлю доставляла много развлеченій быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. Вопервыхъ неудачи и заключеніе *Мѣрославскаго* въ Познани открыло вакантное мѣсто, и 24 февраля *Тысовскій* провозгласилъ себя диктаторомъ. Менѣе нежели въ 48 часовъ, третье правительство возсѣло въ Краковѣ. Тысовскій назначилъ къ себѣ Эдуарда *Дембовскаго* и Карла *Роговскаго* секретарями; они писали и печатали новыя прокламаціи, изъ которыхъ поляки старались уяснить себѣ политическіе взгляды диктатора и правительственное его направленіе.

Первая прокламація, изданная диктаторомъ, гласила:

«Польская нація»!

«По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, крестьяне, не понимая въ чемъ дѣло, нападаютъ на дворянъ. Эти безпорядки произошли отъ засѣданія нѣсколькихъ лицъ въ народовомъ правительствѣ, что возлагаетъ на меня обязанность соединить всю власть въ моихъ рукахъ. Доводя объ этомъ моемъ рѣшеніи до свѣдѣнія жителей Кракова, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаю, что я поручилъ моей стражѣ никого ко мнѣ не пускать, кромѣ являющихся съ донесеніями, а съ донесеніями должны являться только имѣющіе сообщить о какомъ либо совершившемся событіи. Что же касается до подачи совѣтовъ, плановъ и проэктовъ, то къ таковымъ допускаются только тѣ, которые будутъ къ тому особо приглашаемы. Краковъ 24 февраля 1864 г.»

Подписали: Янъ Тысовскій.

Секретарь Рогавскій.

Вѣроятно патріоты слишкомъ много приложили усердія, въ исполненіи наканунѣ изданной присяги, требовавшей совѣтовъ. Вслѣдъ за первою прокламаціею явилась другая. Эта прокламація имѣла цѣлью увѣрить Европу, что произведенная поляками сумятица была слѣдствіемъ коварныхъ замысловъ союзныхъ державъ, особенно австрійцевъ. Диктаторъ хотѣлъ также задобрить населеніе, которому можетъ быть не всему понравился крутой слогъ перваго диктаторскаго воззванія. Изъ второй прокламаціи нѣсколькихъ знаменательнѣйшихъ строкъ будетъ достаточно, чтобы читателей ознакомить съ ея содержаніемъ.

«Краковъ, 24 февраля 1846 г. Поляки! Гнусною клеветою противъ спокойнѣйшихъ жителей г. Кракова и его округа, наши враги хотѣли оправдать давно ими замышляемое вторженіе. Австрійскія войска вступили сего 18 февраля и своими насиліями возбудили всеобщій ропотъ, котораго слѣдствіемъ былъ рѣшительный бой, многіе изъ нашихъ братьевъ пожертвовали собою для національнаго дѣла; они пали героями, сыновьями отчизны. Едва непріятель увидѣлъ потери, какъ паника разнеслась въ его войскѣ, потому что Богъ очевидно на сторонѣ невинныхъ. Австрійскіе самохвалы объявили, что пришли для нашего спасенія, а сами подлыми трусами бѣжали первые, предоставивъ городъ величайшей опасности. Но Провидѣніе съ нами! Не было малѣйшаго даже безпорядка, единственный примѣръ въ исторіи всѣхъ народовъ и величайшій эпизодъ въ исторіи Польши. Поляки! насталъ рѣшительный часъ; забудьте ваши распри, сое-

динитесь, и отдаленное потомство будетъ вѣнчать васъ и дивиться вашимъ подвигамъ.»

Въ тотъ же день городской театръ былъ названъ *народовымъ*; во время бывшаго представленія патріотическихъ пьесъ, соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ, появленіе диктатора въ особо для него убранной ложѣ, привело публику въ необъятный восторгъ и театръ гремѣлъ долго длившимися возгласами и рукоплесканіями; дамы изъ ложъ махали платками, мужчины кидали вверхъ конфедератки, оркестръ заигралъ: «Еще польска не сгинела». Не попавшіе въ театръ искали по крайней мѣрѣ добыть афишу, чтобы упиваться чтеніемъ заглавныхъ словъ, «*Театръ народовый*». Публика собралась послѣ театра въ залѣ рессурса и долгіе споры не могли разрѣшить—признаетъ ли Англія единовременно съ Франціей независимость Польши.

Среди этихъ споровъ и разныхъ размышленій явилась только что отпечатанная новая прокламація новаго диктатора.

«Краковъ. 24 февраля 1846 г. Братья поляки! я призываю васъ во имя новаго правительства и во имя новаго общественнаго устройства Польши, свободы, равенства, независимости отъ иноземцевъ и братскаго согласія и объявляю вамъ прекращеніе всѣхъ поземельныхъ повинностей, оброковъ, податей, налоговъ, сборовъ зерна, таможень, табачной монополіи и прочаго, исключая только нужныхъ для общихъ потребностей края. По изгнаніи нѣмцевъ, всякій, неимѣющій земли, получитъ по 5 морговъ, также нужное каждому количество дровъ и лѣсу; лѣса Господь далъ намъ даромъ, потому каждый долженъ ими безденежно и пользоваться. Титулы князей, графовъ, бароновъ уничтожаются. Всѣ жители, не исключая и евреевъ, пользуются одинакими правами. Повсемѣстно народъ долженъ вооружиться и вступить въ бой *съ нашими заклятыми врагами русскими и нѣмцами*; отъ ихъ изгнанія зависитъ ваше счастіе. Во имя Бога, дѣтей вашихъ и вашего собственнаго благосостоянія, идите избавлять ойчизну отъ нашихъ притѣснителей нѣмцевъ и русскихъ; вооружитесь кто чѣмъ можетъ, у кого нѣтъ оружія тотъ найдетъ косу, вилы и цѣпъ. Долой нашихъ притѣснителей, да здраствуютъ поляки и да погибнутъ наши враги!»

Послѣ всѣхъ удовольствій дня, эта щедрая прокламація, отъ которой должны были пострадать многіе карманы, была принята далеко не съ общимъ сочувствіемъ; но съ прокламаціями въ замѣчательный день 24 февраля, дѣло не покончилось; ко

сну отходящему населенію была еще роздана четвертая, весьма пространная, въ которой диктаторъ излагалъ свои виды и правила касательно *всеобщей организаціи немедленнаго повсемѣстнаго возстанія.* Она начиналась съ того, что каждый обыватель, *подъ карою смертной казни, обязанъ вооружиться и пристать къ возстанію.* По тону прокламацій видно, съ какою самоувѣренностію выступалъ диктаторъ; каково же было удивленіе краковянъ когда, проснувшись на другое утро, они на всѣхъ перекресткахъ увидѣли наклеянными новыя прокламаціи, которыя объявляли народу, что диктаторъ сложилъ съ себя власть и передалъ ее гражданину Михаилу *Вишневскому.*

Въ стѣнахъ Кракова въ то время находились представители весьма различныхъ польскихъ элементовъ, участвовавшіе въ революціонномъ движеніи: во первыхъ-толпа прибывшихъ изъ заграницы, воспитанныхъ въ духѣ демократической партіи эмиграціи; во вторыхъ мѣстные заговорщики, одни съ пустыми карманами и съ себялюбивыми замыслами, другіе подготовленные польскими традиціями и увлеченные революціонною литературою и краснорѣчивыми доводами эмиссаровъ. Изъ этихъ личностей, многія болѣе или менѣе согласно строгой революціанной іерархіи были посвящены въ таинства цѣлей, а остальные составляли массу для численности и физической силы; третій разрядъ составляли личности, которыя вносили себя въ списки заговорщиковъ, не имѣя достаточно гражданскаго мужества, чтобы въ собраніяхъ воздержаться отъ поддакиваній. Революціонерами на словахъ, они, въ глубинѣ сердца, отправляли всѣхъ эмиссаровъ съ ихъ революціонными затѣями, и съ ихъ сборами на дѣло ойчизны, ко всѣмъ нелегкимъ; наконецъ самый многочисленный классъ составлялъ сырой, мѣстный продуктъ польскаго общества, съ его неугомонною польскою старинною интеллигенціею, сверху прикрытой произведеніями новомодной демократической литературы. Этотъ классъ, которому подземныя продѣлки коноводовъ эмиграціи были незнакомы, простодушно понималъ въ буквальномъ смыслѣ возгласы къ освобожденію Польши, далеко не подозрѣвая, что въ Парижѣ сидятъ люди съ нетерпѣніемъ ожидающіе возможности, при удавшемся мятежѣ, пріѣхать властвовать въ Варшаву. Къ нему принадлежали Михаилъ *Вишневскій,* профессоръ университета и Гиларъ *Мецишевскій,* содержатель гостинницы, директоръ театра, чиновникъ городскаго правительства и къ тому еще писатель. Не вѣдая о всѣхъ дол-

гихъ приготовленіяхъ и соображеніяхъ польской эмиграціи, не вѣря однимъ словамъ, они видѣли только, что едва кому извѣстныя личности самопроизвольно ссадили избраннаго президента графа *Водзицкаго* съ его правительственнаго кресла и заняли его мѣсто, а затѣмъ одинъ изъ новыхъ правителей какой то прибывшій, галичанинъ по рожденію и эмигрантъ по профессіи, тотчасъ вытѣснилъ товарищей и съ неограниченною властью уже нѣсколько часовъ не только распоряжался по собственному усмотрѣнію, но и объявлялъ, что онъ ни въ чьихъ совѣтахъ не нуждается.

Вишневскій и *Мецишевскій* пришли къ заключенію, что имъ, какъ туземцамъ, гораздо приличнѣе властвовать, а доказательствомъ быстроты, съ какою можно составить партію между поляками и двинуть ее къ дѣйствію, можетъ служить то, что новые искатели власти въ теченіи одного дня набрали достаточное число заговорщиковъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно привели свой замыселъ въ исполненіе.

Главою заговорщиковъ былъ профессоръ *Вишневскій*, его сынъ студентъ, профессоръ *Бродовичъ*, выше названный *Мецишевскій* и полицейскій чиновникъ *Мирошевскій*. Молодой *Вишневскій* поставилъ найбольшій контингентъ заговорщиковъ изъ числа университетскихъ своихъ товарищей. Въ два часа ночи заговорщики подошли къ дому занимаемому диктаторомъ, захватили стоявшій тамъ караулъ и ворвались въ комнаты. *Тысовскій* кинулся къ своимъ пистолетамъ, но его удержалъ профессоръ *Вишневскій*, а его сынъ, приложивъ пистолетъ къ груди диктатора, потребовалъ, чтобъ онъ, *прибѣжавшій не вѣсть откуда молодецъ, сложилъ похищенную имъ власть и немедленно убирался вонъ изъ Кракова»*. Для диктатора переходъ былъ быстръ отъ восторженныхъ пріемовъ и неистовыхъ виватовъ театра къ площадной брани, угрозамъ и приставленному къ его груди пистолету; но дѣлать было нечего; шумъ на улицѣ, при арестованіи караула, привлекъ толпу запоздалыхъ фланеровъ, но толпа оставалась хладнокровною зрительницею; *Тысовскій* обѣщалъ и подписалъ все, что заговорщики отъ него потребовали, одѣлся, уложилъ свои пожитки въ чемоданъ и уѣхалъ въ присутствіи наслѣдниковъ его власти.

Новые властелины заняли диктаторскій домъ и приступили дѣятельно къ распоряженіямъ. Первымъ дѣломъ было сочиненіе новой прокламаціи, въ которой объявлялось, какъ мы видѣли,

олѣ диктаторъ Янъ *Тысовскій* передалъ свою власть Михаилу *Вишневскому;* въ туже ночь, при свѣтѣ факеловъ, прокламація была напечатана и наклеена на углахъ всѣхъ улицъ и переулковъ. Первымъ, вышедшимъ на улицу утромъ 25 февраля, оставалось только поздравлять себя съ новымъ диктаторомъ.

Новый диктаторъ, считая дѣло конченнымъ и положеніе свое упроченнымъ отреченіемъ *Тысовскаго,* занялся составленіемъ новаго правительства, согласно съ своими видами, и назначеніемъ своихъ людей въ разныя должности; но въ тоже утро его занятія были внезапно прерваны: молодой *Вишневскій* вбѣжалъ къ отцу и объявилъ ему, что *Тысовскій,* съ тысячью вооруженныхъ людей, къ которымъ пристаетъ ростущая уличная толпа, идетъ къ диктаторскому дому. Диктаторъ и члены *народоваго правительства,* которые не позаботились собрать силу достаточную для охраненія ихъ власти, должны были въ свою очередь искать спасенія въ бѣгствѣ, чтобы не повиснуть рядомъ съ фонарями. *Вишневскій* съ сыномъ успѣли бѣжать поспѣшно въ Пруссію; *Бродовичъ, Мецишевскій* и *Мирошевскій* спрятались въ самомъ городѣ.

Тысовскій засталъ диктаторскій домъ уже свободнымъ для новаго постоя. Возстановивъ власть, на мѣсто наклеянныхъ прокламацій *Вишневскаго,* онъ приказалъ выставить новыя, которыя, въ поспѣшности, на иныхъ углахъ, явились и рядомъ съ предшествующею; эта прокламація была краткаго содержанія:

«Диктаторъ польскому народу».

«Сегодня рано утромъ появившуюся прокламацію, которою я отказался отъ власти въ пользу Михаила *Вишневскаго,* объявляю слѣдствіемъ измѣны, такъ какъ это отреченіе было отъ меня вынуждено съ оружіемъ въ рукахъ; почему Михаила *Вишневскаго* предаю суду революціоннаго трибунала.»

Янъ *Тысовскій.*

Краковъ
25 Февраля 1846 г.

Секретарь *Рогавскій.*

Пока искали *Вишневскаго* и другихъ виновныхъ, публика не долго имѣла времени заняться вопросомъ—будутъ ли или не будутъ они вздернуты на «шубеницу» (висѣлицу); въ городъ торжественно вступила шайка, посланная ограбить казначейство Величкенскихъ сололомень; 180,000 гульденовъ было военною добычею. Пришли съ нею и новыя вѣсти, что инсургенты, посланные для преслѣдованія Коллина, оттѣснили его до Водовица, что

жители горъ и работники на сололомняхъ пристали къ мятежу; но что крестьянское населеніе всюду твердо стоитъ за австрійское правительство. Диктаторъ собралъ военный совѣтъ и, послѣ мнѣній присутствующихъ, утвердилъ слѣдующее: «подкрѣпить высланныя войска противъ Коллина и внимательно наблюдать и собирать свѣдѣнія о распоряженіяхъ и движеніяхъ военныхъ силъ, а *Сожаржевскому* съ особеннымъ отрядомъ идти въ горы и поддерживать тамъ возстаніе.»

На совѣтѣ засѣдалъ *Дембовскій*, ревностный, намъ уже знакомый эмиссаръ польской эмиграціи. Съ бѣгствомъ назначеннаго изъ Парижа члена отъ эмиграціи для засѣданіи въ народовомъ правительствѣ, *Дембовскій* остался главнымъ представителемъ эмиграціонныхъ интерессовъ. Пропитанный революціонными теоріями и ученьями демократической централизаціи, онъ не могъ понять, чтобы сельское населеніе могло устоять противъ искушенія къ мятежу и не соблазнилось тѣми демократическими догматами, которые ему такъ горячо хотѣлось навязать крестьянамъ; онъ не могъ понять, что здравый смыслъ сельскаго населенія ясно ему указывалъ въ австрійскомъ правительствѣ прямой и законный источникъ всѣхъ улучшеній своего быта, и что народу было не съ-руки кидаться за какими-то невѣдомыми искателями приключеній, поддерживаемыми мѣстными, ему ненавистными панами. *Дембовскій* не могъ отказаться отъ многолѣтнихъ, такъ долго лелѣянныхъ мечтаній, и придумывалъ разныя комбинаціи, чтобы воспользоваться вооруженіемъ крестьянъ и направить его въ свою пользу; онъ надѣялся еще растолковать тупоумнымъ мужикамъ, что ихъ прямая выгода— сдѣлаться орудіями революціонныхъ коноводовъ, и увлечь ихъ какою нибудь новою уловкою.

Дембовскій высказалъ свой планъ слѣдующими словами: «Вооруженіе крестьянъ должно принять за *фактъ совершившійся* (любимое выраженіе польскихъ революціонеровъ), но вмѣсто того, чтобы карать ихъ, угрожать имъ, мы обязаны стараться это вооруженіе направить къ дѣлу революціи. Австрійское правительство пропитано консерватизмомъ и потому оно трусливо: оно будетъ напугано движеніемъ крестьянъ. Развѣ правительство знаетъ громадную численность заговорщиковъ, развѣ оно догадывается, что въ рядахъ заговора находится все дворянство? Австрійское правительство, однимъ словомъ, не понимаетъ всего значенія и силы нашего движенія. Если заговор-

щики притихнутъ въ Галиціи, австрійцы сочтутъ средства движенія окончательно исчерпанными и станутъ приводить населеніе въ повиновеніе; потому помѣщикамъ должно дать категорическій приказъ, сидѣть спокойно, искать покровительства и защиты у мѣстныхъ властей противъ крестьянъ, существующимъ настроеніемъ умовъ взволнованныхъ и разсвирѣпѣвшихъ. Подобнымъ поведеніемъ помѣщики приведутъ правительство къ неизбѣжному столкновенію съ крестьянами; намъ останется тогда только умѣть вполнѣ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ». *Тысовскій* тѣмъ скорѣе согласился съ предположеніями *Дембовскаго,* что видѣлъ въ немъ сильнѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ эмиграціонныхъ дѣятелей.

Немедленно приступили къ составленію сообразныхъ съ этимъ проэктомъ инструкцій и приказаній, которыя и были разосланы по всей Галиціи съ нарочными навьюченными десятками тысячь отпечатанныхъ экземпляровъ новаго, *Дембовскимъ* составленнаго, воззванія къ крестьянамъ:

«Каждому поляку умѣющему читать.»

«Диктаторъ повелѣваетъ всякому поляку умѣющему читать, по полученіи сего манифеста, собрать своихъ односельцевъ, прочесть его и разъяснить народу значеніе и цѣль настоящаго повстанія.»

«Польскій народъ! Въ польской республикѣ начатое возстаніе уничтожаетъ всякія повинности, оброки, арендную плату и всякіе сборы, такъ что земляные участки, за которые вы понынѣ несли разныя обязательства, отнынѣ становятся вашею полною неотъемлемою собственностью, которыми вы можете располагать, какъ вамъ угодно. Кто отъ васъ будетъ требовать какихъ либо работъ или податей, тотъ будетъ немедленно наказанъ. Не имѣющіе земли, какъ то: работники, наемники и въ особенности тѣ, которые примутъ участіе въ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ, по окончаніи его, вознаграждены изъ казенныхъ имуществъ. Для ремесленниковъ будутъ учреждены народныя фабрики и мастерскія, въ которыхъ они будутъ получать въ два раза болѣе жалованья, нежели теперь получаютъ. Правительство уничтожаетъ всѣ права и званіе дворянства; оно объявляетъ всѣхъ людей равными.»

«И такъ польскій народъ! только твоего собственнаго блага хочетъ начатая революція съ тѣмъ, чтобы возвратить отнятыя у тебя права».

«О, польскій народъ! старайся распространять вездѣ то, что ты сей-часъ услыхалъ; твой долгъ защищать твои права, какъ долгъ каждаго поляка обороняться и противъ австрійцевъ и противъ всякаго притѣснителя нашего народа.»

Краковъ 25 февраля 1846 г. *Тысовскій.*
Эдуардъ *Дембовскій.*

Революціонные коноводы, сквозь призму своекорыстныхъ побужденій изучавшіе народныя влеченія, не сомнѣвались въ полномъ успѣхѣ этого, по ихъ мнѣнію, чисто въ духѣ простолюдиновъ, написаннаго воззванія, а дѣло вышло—просто дрянь, какъ выражается русскій крестьянинъ. Теоретическіе революціонные расчеты на практикѣ оказались вполнѣ несостоятельными, и воззваніе *Дембовскаго* было однимъ изъ роковыхъ окончательныхъ ударовъ, который сами себѣ нанесли польскіе эмигранты. Большею частью это воззваніе, для распространенія, было отправлено къ помѣщикамъ и ксендзамъ. Первыхъ взяло раздумье, дѣло было уже не въ обѣщаніяхъ, сулимыхъ крестьянамъ согласно настоятельныхъ временныхъ требованій; но печатаннымъ воззваніемъ въ руки крестьянъ давался прямо документъ, гарантирующій такія положительныя права, которыя только вооруженною силою можно будетъ потомъ у нихъ оспаривать. Это обстоятельство тѣмъ болѣе было важно для землевладѣльцевъ, что о вознагражденіяхъ дворянству ни слова не упоминалъ циркуляръ, разосланный за подписью диктатора. Дворянство сожгло полученные экземпляры, быстрый приливъ дворянъ къ Кракову, съ цѣлью увеличить тамъ собирающіяся военныя силы, прекратился; возстаніе стало для нихъ дѣломъ противнымъ. Собственный интересъ вызвалъ только полное ихъ сочувствіе къ мѣрамъ имъ, дворянамъ предписываемымъ, искать защиты у австрійскаго правительства противъ крестьянъ. По одиночкѣ теперь каждый выдавалъ себя невинною жертвою революціонныхъ козней и крестьянской подозрительности, непричастнымъ ни къ какимъ безпорядкамъ и затѣямъ. Съ другой стороны, крестьяне, получивъ невѣдомою рукою отъ ксендзовъ, диктаторское возваніе, прочли его дѣйствительно; но порѣшили, что они крестьяне, австріяки или галичане, а не поляки, и что оно не къ нимъ писано; на сходкахъ они повсемѣстно положили, всѣ подброшенные имъ экземпляры отправить прямо къ мѣстнымъ властямъ.

В самомъ Краковѣ жители не были лишены разнообразнѣйшихъ развлеченій: въ театрѣ народовомъ было по нѣсколько представленій самыхъ подстрекательныхъ пьесъ, на улицахъ читали мѣстныя газеты, наполненныя ярыми статьями, на площадяхъ устраивались то патріотическія манифестаціи, то духовныя процессіи; ксендзы приводили торжественно патріотовъ къ присягѣ, освящали оружіе и новые польскіе гербы, утвержденные диктаторомъ,—парящіе бѣлые орлы на пунсовомъ полѣ, съ лавровою вѣткою въ одной лапѣ, и дубовою въ другой. Захваченныя у австрійцевъ ружья, какъ трофеи побѣды, послужили къ устройству тріумфальнаго шествія.

Диктаторъ утопалъ въ занятіяхъ, обязанный то присутствовать на народныхъ торжествахъ, то слѣдить за редакціею газетъ: *Газета Краковска* и *Дзѣнникъ ржондовый народовый;* почта, отлично уже устроенная заговорщиками, по нѣсколько разъ въ день привозила извѣстія изъ Галиціи, Познани и Польши,—извѣстія, правда, мало утѣшительныя, еслибъ онѣ не были, по обычаю, пересыпаны самыми размашистыми надеждами и самыми фантастическими бюллетенями о побѣдахъ, тамъ-то и тамъ-то одержанныхъ поляками. Бѣдный диктаторъ не зналъ, гдѣ правда и гдѣ ложь; онъ все еще не терялъ надежды поправить дѣла; онъ приказалъ организировать въ отряды пѣхоты и кавалеріи собравшихся тысячь до 10 ревнителей,—всѣ отлично вооруженные и многіе на славныхъ коняхъ. Для предупрежденія новой выходки, 100 человѣкъ кракусовъ день и ночь охраняли диктатора.

Сохаржевскій былъ посланъ съ отрядомъ въ горы и съ богатымъ запасомъ воззваній Дембовскаго; другой отрядъ доженъ былъ идти на усиленіе посланныхъ за Коллинымъ.

Дембовскій, послѣдовательно разработывая свой проектъ увлеченія къ мятежу сельскихъ массъ Галиціи, придумалъ новую *стратагему*. Подъ прикрытіемъ достаточнаго числа вооруженныхъ, должно было составить духовную процессію, которую, по-возможности, умножить краковскими крестьянами. Этой духовной процессіи предназначалось перейдти на правый берегъ Вислы, проникнуть въ Галицію и примѣромъ своимъ подѣйствовать на моральную сторону галиційскихъ крестьянъ. Въ сопровожденіи множества монаховъ, ксендзовъ и народа съ крестами, хоругвями и иконами, процессія тронулась; польское знамя было взято на всякій случай съ собою; *Дембовскій*, одѣвшись простымъ работникомъ, 27 февраля лично повелъ процессію въ Га-

лицію, при громкихъ возгласахъ и прощаніяхъ съ остававшимися. Эти ликованія были послѣднія.

Отступленіе Коллина изъ Каракова произвело сильное моральное дѣйствіе на австрійскія власти въ Львовѣ; эрцгерцогъ командировалъ въ западную Галицію энергическаго и распорядительнаго подполковника Бенедека. Бенедекъ не терялъ времени, онъ собралъ нѣсколько войска и толпы крестьянъ, настигъ 26 числа *Сохархевскаго*, въ окрестностяхъ Велички и Бохни у *Гдова*, и шайку въ 2000 человѣкъ пѣхоты и 600 конницы, преимущественно состоявшей изъ галиційскихъ и краковскихъ дворянъ и студентовъ, разбилъ на голову. Сбитые съ поля, инсургенты засѣли въ дома Гдова. Крестьяне, поддерживаемые регулярными войсками, дрались неустрашимо и брали зданія штурмомъ, наравнѣ съ солдатами. Потеря войскъ состояла только изъ нѣскольких убитыхъ и раненыхъ, крестьяне потеряли болѣе, особенно при штурмѣ домовъ, отъ выстрѣловъ изъ оконъ. Инсургенты потеряли, 186 убитыми, 63 было взято въ плѣнъ преимущественно всѣ ранеными; остальные разбѣжались.

Въ четыре дня, Коллинъ разобравъ дѣло яснѣе; при содѣйствіи Бенедека, тоже перешелъ въ наступленіе и 27 февраля подходилъ уже къ Подгоржи, лежащей на правомъ берегу Вислы, насупротивъ Кракова, тѣсня отступающихъ повстанцевъ, въ то время когда *Дембовскій* съ своею процессіею двинулся въ Галицію. *Дембовскій* вознамѣрился къ политическому назначенію духовной процессіи, придать и назначеніе тактическое; онъ началъ заходить на флангъ австрійцевъ; процессія запѣла духовные гимны, но посланый отрядъ въ обманъ не дался, и не заботясь о томъ, какъ журналистика въ Европѣ извратитъ дѣло, открылъ противъ процессіи огонь. Участвующіе въ ней, не исключая ксендзовъ и монаховъ, были всѣ вооружены; воодушевляемые *Дембовскимъ*, они смѣло рынулись на войска, замѣнивъ гимны громкимъ—ура, ксендзы служили примѣромъ неустрашимости. 1½ роты австрійцевъ встрѣтили сперва залпомъ натискъ повстанцевъ; въ главѣ ихъ шелъ *Дембовскій*,— онъ и палъ однимъ изъ первыхъ. Австрійцы кинулись въ штыки, повстанцы не выдержали; напрасно *Хрочевскій*, воспитанникъ нейштадтской военной школы, одинъ изъ назначенныхъ къ процессіи военначальниковъ, махалъ польскимъ знаменемъ, бѣгущихъ уже нельзя было удержать; 28 легло на мѣстѣ; кавалерія Коллина хватала плѣнныхъ, а въ это время три австрійскія орудія дѣлали свое дѣло; австрійцы подступали къ Подгоржу и изъ своихъ пушекъ открылы огонь по мосту. Повстанцы вывезли свою артиллерію,

двѣ маленкія чугунныя пушки и одну мѣдную большаго калибря, за нѣсколько лѣтъ уже добытую во Франціи, которая сохранaлась зарытою въ землѣ въ ожиданіи надобности. Въ числѣ сотни плѣнниковъ, взятыхъ на правомъ берегу Вислы, находилось *32 ксендза и монаха.*

Раздѣленные Вислою, противники наблюдали себя взаимно въ теченіи 28-го февраля; неудачи въ Галиціи приводили умы въ раздумье; 1-го марта пришли положительныя грозныя вѣсти, которыя уже нельзя было скрытъ отъ населеиія, русскіе и прусскіе отряды получили назначеніе двинуться къ Кракову. Роковое извѣстіе, что полкъ черкесовъ (конно мусульманскій) уже посланъ фельдмаршаломъ Паскевичемъ изъ Варшавы въ Краковъ, отрезвило умы собиравшихся воевать единовременно съ тремя союзными державами. Глубокое общее уныніе заступило мѣсто недавнихъ ликованій. Диктаторъ *Тысовскій* и имъ назначенный главный начальникъ войскъ, отставной полковникъ *Зборовскій*, взвѣшивали противниковъ;забрали казну, на франки 700,000, и рѣшили, что имъ выгоднѣе всего сдаться пруссакамъ, такъ какъ въ рядахъ повстанцевъ болѣе всегобыло галичанъ, австрійскихъ подданныхъ. Краковцы припрятали оружіе и разошлись по домамъ; иногородные въ числѣ 1200 человѣкъ вооруженныхъ, съ своими пушками, выступили къ прусской границѣ и 2 марта предъ прусскими войсками сложили оружіе. Краковцы избрали новое правительство, посадили снова въ главѣ его графа *Водзицкаго*, который издалъ прокламацію, призывая сограждaнъ спокойно выжидать послѣдующихъ событій и вступилъ 3 марта въ нереговоры съ генераломъ Коллиномъ. Но пока они писали условія капитуляціи, конно—мусульманцы форсированными маршами уже достигли Кракова и заняли городъ безъ всякихъ договоровъ; къ вечеру съ другими войсками вступилъ генералъ Панютинъ.

Тѣмъ кончились затѣи польской эмиграціи 1846 года. Краковъ какъ многолѣтнее гнѣздо революціонеровъ, котораго власти признавали себя безсильными противудѣйствовать напору эммисаровъ и охранять спокойствіе жителей, былъ по договору трехъ сосѣднихъ державъ, 11 ноября 1846 года, включенъ, со всѣмъ его округомъ, во владѣнія Австріи; такъ покончила свое существованіе послѣдняя, остававшаяся частичка независимой Польши.

Въ то время когда въ ночь съ $^{20}/_{8}$ на $^{21}/_{9}$ февраля, взятые въ Познани заговорщики уже были брошены въ казематы, когда на Потоцкаго и его товарищей мятежа, схваченныхъ въ Седлецѣ и связанныхъ, надѣвали сапоги съ тяжелыми свинцовыми подошвами; когда въ Галиціи тысячи свѣжихъ труповъ зарывались въ моги-

лы, а сотни избитыхъ, въ страшныхъ мукахъ, отдавали душу Богу, изувѣченные цѣпами и косами и свезенные въ австрійскіе госпитали и лазареты; когда еще бушевали расвирѣпѣвшіе крестьяне и подъ ихъ истязаніями гибли послѣднія жертвы, панскія жены и дѣти, которыхъ они находили по усадьбамъ, въ это время въ Парижѣ, подъ волшебные звуки воодушевленной мазурки, летали прелестныя польки съ своими ловкими кавалерами. Салоны Ламбероваго отеля были облиты огнями; князь Адамъ *Чарторыйскій* давалъ роскошный балъ; польская эмиграція въ эту ночь весело праздновала *сицилійскія вечерни*, которыя, по ея предположеніямъ, въ эти часы очищали области рѣчи посполитой отъ враговъ ойчизны. Все способствовало отличному расположемію умовъ; изъ всѣхъ польскихъ обществъ приходили радостныя вѣсти общаго рвенія, общей готовности, общаго согласія всѣхъ партій; демократы хорошо понимали что имъ нечего было и дѣлать въ краѣ безъ содѣйствія дворянства, а амфитріону бала они были обязаны, что мѣстная аристократія, дававшая тонъ мелкопомѣстнымъ, служила примѣромъ единодушной готовности содѣйствовать мятежу. Откладывая до дальнѣйшихъ домашнихъ расчетовъ всякія распри партій, демократическая партія увивалась около князя Адама, видя въ немъ источникъ силы. Эмигранты не сомнѣвались въ совершенномъ успѣхѣ затѣй. Въ полномъ блескѣ явились тогда польская хвастливоеть, коллосальная способность ко лжи и выдумкамъ и выяснилось все польское легковѣріе.

Въ Парижѣ изъ всѣхъ сообщаемыхъ вѣстей о ходѣ мятежа, образовался полный хаосъ, истина была пересыпана слухами о блистательныхъ успѣхахъ; трудно было дознаться правды изъ получаемыхъ извѣстій, надеждъ, проектовъ, личныхъ подвиговъ, удачь, побѣдъ, торжествъ и народнаго повсѣмѣстнаго энтузіазма; въ половинѣ марта только эмигранты начали прозрѣвать и отрезвляться.

Мятежъ былъ уже совершенно подавленъ, а 7-го марта еще печатали въ Парижѣ,—что русскіе всюду очищаютъ Царство Польское и что эрцгерцогъ Фердинандъ съ остаткомъ своихъ солдатъ заперся въ одномъ львовскомъ монастырѣ. Извѣстіе о заключеніи *Мѣрославскаго* ни въ какомъ смыслѣ не могло опечалить партію *Чарторыйскаго*, а это извѣстіе придавало демократической централизаціи еще болѣе гибкости. Въ этотъ же день 7-го марта депутація польской эмиграціи подносила князю *Чарторыйскому* адресъ, въ которомъ признавала его своимъ главою, всѣ партіи ему обѣщали свое содѣйствіе, строгое по-

виновеніе и просили принять кормило дальнѣйшаго веденія дѣлъ. Князь *Адамъ* въ отвѣтѣ похвалилъ польскій народъ, возставшій поголовно во многихъ мѣстностяхъ и обѣщалъ средства, которыми онъ можетъ располагать, употребить всѣ для окончательнаго успѣха возстанія. Польская демократическая эмиграція изъ Англіи письменно поздрвляла князя съ начатою успѣшною борьбою, признавала его равномѣрно своимъ главою и обѣщала, что несмотря на разномысліе своихъ политическихъ взглядовъ, она будетъ исполнять его приказанія въ веденіи народнаго дѣла.

Послѣ разочарованія туземцевъ, дошла, чрезъ нѣсколько дней очередь и до эмиграціи.

По опредѣленіямъ верховныхъ вожаковъ, мятежъ поляковъ въ 1846 году долженъ былъ послужить сигналомъ къ общимъ революціямъ по всей Европѣ. Быстрая его неудачная развязка заставила отложить дѣйствія,— и остальная Европа въ томъ году осталась спокойною. Разгромъ польскихъ замысловъ поразилъ, но не убилъ польскую эмиграцію; въ ея живучести никто отказать ей не можетъ; она тотчасъ начала придумывать мѣры къ тому, чтобы оправиться отъ того страшнаго удара, который ей нанесли нами описанныя событія.

Ударъ былъ дѣйствительно страшенъ. Въ Галиціи правительство не успѣло предупредить злоумышленниковъ заблаговременными мѣрами, тамъ заговоръ успѣлъ созрѣть до полнаго мятежа; но что произошло и въ самой Галиціи?

«Все народонаселеніе хочетъ возстановленія и соединенія старинной Польши», проповѣдывали эмигранты, а Австрія пересоздала Галицію такъ, что крестьяне хоромъ возглашали: «мы не поляки, мы галичане, мы аустріаки».

»Австрія, какъ и другія державы, раздѣлившія Польшу, угнетаетъ народонаселеніе», говорила эмиграція. Крестьяне въ Галиціи, отвѣчали: »нашъ бытъ улучшился только по милости императора, а отъ помѣщиковъ можемъ ждать только одного гнета». Поляки имъ предлагали дать земли и льготы, крестьяне ихъ отвергли; поляки провозглашали, что дѣйствуютъ во имя народа и силою хотѣли его увлечь въ соціальную революцію; крестьяне на силу отвѣтили силою, неистово передушили тысячи поляковъ, доказали всю свою традиціонную ненависть къ панамъ и уяснили, что въ своихъ понятіяхъ они, вѣковою опытностью, выработали—что слова *панъ* и *полякъ* однозначущи. Не на панскомъ дворѣ живетъ милосердіе,говоритъ галиційскій простолюдинъ, или, звучно складывая въ риѳму

Пока *святъ* стоитъ *святомъ*,
Русинъ не будетъ поляку братомъ.

Крестьянинъ Галиціи инстиктивно понималъ, что его заступникъ—правительство, и предпочелъ поддержаніе законной власти, поддержанію традиціонныхъ стремленій шляхетства и коварной утопіи властолюбивыхъ демократовъ.

Мятежъ въ Галиціи втопталъ въ грязь всѣ провозглашенія о великой польской интеллигенціи и о польскихъ стремленіяхъ быть благодѣтелями народа.

Польская эмиграція видѣла, что ей необходимо быстрое разрѣшеніе двухъ задачъ; первая задача была—дать изворотъ общественному мнѣнію Европы и выставить себя невинною; весь мятежъ взвалить на Австрію; ея политику выставить коварною и передать ее проклятіямъ современниковъ и потомства. Вторая задача была—спасти что было возможно отъ мятежа, для будущаго преуспѣянія польскаго дѣла, и позоря Австрію въ тоже время заискивать у той же Австріи и по возможности отуманивать людей стоящихъ у кормила ея правленія.

Казалось задачи были трудны; но польскіе вожаки доказали, что они хорошо знакомы съ іезуитскою изворотливостью и что письмо Оборскаго къ швейцарскому правительвству 1834 года и воззваніе *къ благороднымъ нѣмцамъ отъ 23 февраля* 1846 года, далеко не во всемъ блескѣ выказали громадныя ихъ способности—не стѣсняться союзомъ съ ложью, обманами и предательствомъ, когда нужно достигнуть великой цѣли!

Если терпѣливые нѣмцы могли ждать пока ихъ правительствамъ будетъ возможно и угодно, документально ихъ познакомить съ событіями Галиціи и Познани, то газетчикамъ Франціи, Англіи и Белгіи вовсе истина не лежала такъ близко къ сердцу, особенно относительно отдаленной Польши, чтобы первыми подъ руку имъ попавшимися свѣдѣніями не удовлетворить жаждущему любопытству публики. Отъ нихъ не отставали и бреславскіе журналисты. Правительства молчали, эмиграція заговорила; она не стѣснялась истинною и предъ нею, говорившей одной, раскрылось широкое поле для всякого извращенія событій. Австрійское правительство, усыпляемое поляками и ихъ закупленными перьями. конечно гораздо менѣе Россіи и Пруссіи приняло мѣры предупрежденія противъ обнаружившагося броженія умовъ; населеніе Галиціи, конечно, подобно всякому крестьянскому сословію въ Европѣ, не содержитъ въ себѣ фешіонебельныхъ элементовъ, и въ минуту разгара народныхъ страстей, какъ поочередно представляли примѣры европейскія націи, порывомъ неистовой жестокости излило свои злопамятныя традиціи. Поляки вызвали дурныя страсти въ простолюдинахъ,

принадлежащихъ доброму, терпѣливому, славянскому племени. Благоразумный, съ врожденнымъ великимъ запасомъ здраваго смысла, всегда покорный правильной власти, славянскій людъ имѣетъ свою высокую своеобразную развитость, но которая не клеится съ западною теоретическою демагогіей; онъ твердъ и упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ, добродушенъ и спокоенъ даже спокойно смотритъ на врага, пока, какъ русскіе сами про себя говорятъ, вилы не заставятъ медвѣда выдти изъ берлоги и стать на заднія лапы.

Шляхетство такъ развило своею вѣковою интиллигенціею понятіе, что оно составляетъ особую отъ черни породу, такъ отдѣлялось отъ народа, что дѣйствительно вѣковымъ своеволіемъ и вѣковымъ іезуитскимъ воспитаніемъ, оно совершенно отъ него отдѣлилось и дѣйствнтельно выродилось въ особую породу съ своимъ, шляхетству одному принадлежащимъ складомъ ума, понятій, взглядовъ, обычаевъ и образа жизни.

Люди образовавшіе касту, которой отличительная черта интеллигенціи есть *нетерпимость* чужаго достоянія, *нетерпимость* во всѣхъ видахъ, *нетерпимость* власти, значенія, преобладающаго ума, талантовъ, имѣній, убѣжденій, состоянія, достатка, когда они собственно не принадлежатъ имъ или ихъ партіи, изучили народъ, но не дѣйствительно существующій, а созданный бреднями польской эмиграціи, и казались удивленными, что онъ не таковъ въ дѣйствительности и, не слушая демагогическихъ деспотовъ, отказался идти за панскими затѣями, не смотря на всѣ лукавыя ухищренія.

Польская эмиграція наказала Австрію за ея довѣріе къ полякамъ, провозгласивъ, предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, *коварными* государственныхъ ея людей. Едва затрогивая Россію и Пруссію, вся ярость революціонныхъ перьевъ и языковъ рынулась на австрійское правительство и на крестьянъ Галиціи, послѣ событій 1846 года.

«Австрійское правительство, провозгласила эмиграція, чувствовало всю свою слабость и несостоятельность своей системы управленія, насупротивъ человѣколюбивыхъ либеральныхъ идей современнаго общественнаго развитія; ежечасные успѣхи этого развитія въ краѣ могли привести къ столкновеніямъ между жителями и отсталыми своекорыстными правительственными властями. Австрія прибѣгла къ коварству; она обратилась къ дикому, кровожадному, галиційскому крестьянину; правительство обратило въ своихъ агентовъ земскихъ чиновниковъ, отпускныхъ

солдатъ, даже освобождаемыхъ уголовныхъ преступниковъ. Помѣщики хотѣли улучшить бытъ крестьянъ, были готовы пожертвовать частью своихъ доходовъ, предлагали имъ въ даръ ими обработываемую землю, а агенты правительства поселяли въ простолюдинахъ вражду къ дворянству, возбуждали ихъ недовѣріе самыми предательскими перетолкованіями добрыхъ намѣреній землевладѣльцевъ и направили крестьянъ на кровавый путь; австрійская администрація даже деньгами поощряла неистовства и убійства». Много было тогда въ Европѣ легковѣрныхъ, которые не сличивъ единовременныя событія въ Познани, Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, простодушно повѣрили что вступленіе Коллина въ Краковъ и австрійское коварство, при потворствѣ Россіи и Пруссіи, были причиною галицiйскихъ событій.

Такова была первоначальная канва, по которой польская эмиграція яркими цвѣтами вышивала подробности и была неисчерпаема въ самыхъ наглыхъ вымыслахъ и извращеніи всѣхъ событій. Эмиграція тщательно собирала всѣ случаи, чтобы все, что было ей пригодно, переиначить по своему для поддержки примѣрами мнѣнія о справедливости своихъ доводовъ. Приведемъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ.

Славный крестьянинъ Яковъ *Села* своимъ поведеніемъ во время кроваваго мятежа пріобрѣлъ извѣстность; когда затихли народныя страсти, его имя стали произносить въ Галиціи съ уваженіемъ. Изъ человѣколюбыхъ подвиговъ *Селы* можемъ привести — что когда уже погибло шесть мужчинъ изъ семейства *Богушъ*, о которомъ мы выше упомянули, *Села*, дабы спасти покрайнѣй мѣрѣ женщинъ и дѣтей отъ ярости разсвирѣпѣвшей толпы, успѣлъ укрыть ихъ въ своей хижинѣ; но перьями эмиграціи *Села* явился, въ европейскихъ газетахъ, извергомъ, два раза уже находившимся подъ уголовнымъ судомъ, который притащилъ этихъ несчастныхъ, невинныхъ, жертвъ, въ свой домъ для того, чтобы въ теченіи нѣсколькихъ недѣль мучить ихъ для своего наслажденія. Польскіе эмигранты не поддавались даже чувствамъ благодарности,—напротивъ подобные случаи особенно были пригодны для доказательствъ австрійскаго коварства. Развѣ общественное мнѣніе могло повѣрить, что поляки, для роли правительствомъ уполномоченнаго изверга, избрали бы спасителя ихъ собратовъ; но не таковъ катехизисъ революціонеровъ,—укажемъ на него еще яснѣе: *Обвинителемъ Селы былъ одинъ изъ членовъ семейства Богуша.*

Когда крестьяне привезли убитыхъ и плѣнныхъ въ Тарновъ, офицеры, при тогда бывшей по случаю неурожая дороговизнѣ, сдѣ-

лали складку для проголодавшихся, прибывшихъ отпускныхъ солдатъ, чтобы дать имъ средства купить въ городѣ хлѣба. Эмиграція выставила эту помощь офицеровъ поштучною уплатою, положенною правительствомъ, за каждаго убитаго пана; много варіяцій было сочинено на тему, что правительствомъ было объявлено денежное вознагражденіе за поимку укрывшихся главныхъ вожаковъ, которыхъ имена были выданы ихъ взятыми соучастниками. Поводомъ къ тому было что австрійскія власти объявили награду въ 1000 гульденовъ, за поимку Теофила *Весніовскаго,* на котораго падали всѣ указанія, что во время мятежа окъ былъ ретивѣйшій изъ коноводовъ (1).

Не довольствуясь частною прессою извратить понятія, окрестя бывшія событія *галиційскимъ побіеніемъ* (les massacres de la Galicie), польская эмиграція работала, чтобы и путемъ болѣе официальнымъ провести мнѣніе, что вся бойня былъ только въ исполненіе приведенный, утонченный замыселъ государственныхъ мужей Австріи, для того, чтобы передушить и галиційское дворянство и польскихъ патріотовъ; понятно, что революціонная пресса не заикнулась о циркулярѣ отъ 18 февраля эрцгерцога Фердинанда, который яркимъ маякомъ освѣщаетъ въ какой степени поляки въ Львовѣ успѣли отуманить верховнаго правителя Галиціи.

Польская эмиграція подняла своихъ друзей, сидѣвшихъ во французскихъ палатахъ. Ларошъ Жакленъ въ засѣданіи 13 марта выразилъ, что австрійское правительство выплачивало по 25 франковъ за голову каждаго польскаго помѣщика, ксендза и дворянина, и что онъ знаетъ это ве изъ газетныхъ статей, но прямо отъ личныхъ свидѣтелей, бѣгствомъ уврывшихся съ театра неистовствъ; графъ *Морни* выразился, что подобные поступки достойны самыхъ варварскихъ временъ, и зачинщики стоятъ анаѳемы, произнесенной съ занимаемой имъ трибуны; маркизъ *Кастелланъ* подтвердилъ справедливость извѣстій, прибавивъ, что убійства были гораздо въ обширнѣйшихъ размѣрахъ нежели палаты то предполагаютъ; графъ *Монталамберъ* привелъ въ палатѣ перовъ, что австрійское правительство нарочно предоставило право помѣщикамъ, назначать изъ своихъ подвластныхъ, рекрутовъ, дабы имѣть въ нихъ дѣятелей, всегда готовыхъ вымѣстить на дворянахъ свою злобу за здачу ихъ на службу. Эти образчики свидѣтельствуютъ, какъ усидчиво въ каждомъ закаулкѣ польская эмиграція искала уликъ для ею провозглашаемаго австрійскаго коварства.

---

(1) Поляки умолчали что *Бенедекъ* назначилъ по 5 гульденовъ, за каждаго невридимо представленнаго плѣннаго.

После неудавшагося польскаго мятежа 1846 г. поляки старались умыть себѣ руки, взваливая всѣ событія вскользь на продѣлки нѣскольких революціонныхъ фанатиковъ, а настойчиво на мошенническія козни австрійскаго правительства. При этомъ нельзя не упомянуть о столь распростаняемой и въ то время столь провозглашаемой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: lettre d' un gentil homme polonais à M-r le prince de Metternich.

Правительства всѣхъ трехъ дворовъ, ближе заинтересованныхъ въ дѣлахъ Польши, хорошо знали, что аристократическая партія польской эмиграціи, проживавшая во Франціи и Англіи, вполнѣ всѣми своими средствами и полнымъ своимъ ободреніемъ, содѣйствовала польскому движенію 1846 года; событія выяснили, что все туземное дворянство способствовало мятежу далеко за границей горячаго сочувствія, и что много богатыхъ и титулованныхъ личностей были въ числѣ руководителей движенія; не смотря на то, когда его постигла катастрофа, тогда всѣ отрекались отъ участія и одинъ именитый магнатъ царства Польскаго, бывшій въ 1831 году дипломатическимъ агентомъ князя Чарторыйскаго и въ 1846 году сохранившій съ нимъ прежнія связи, съ своей стороны возымѣлъ мысль содѣйствовать общему польскому дѣлу и принести лепту къ одураченію европейской читающей публики, да и для назиданія европейскихъ кабинетовъ, если они въ его брошюрѣ найдутъ что либо пригоднымъ для своихъ выгодъ.

Вельможа адресовалъ свое посланіе къ старику князю Меттерниху, бывшему тогда первымъ министромъ въ Австріи, слѣдовательно представителемъ тѣхъ коварныхъ и кровожадныхъ побужденій, которыя поляки приписывали австрійскому правительству.

Съ тонкимъ іезуитизмомъ плачущаго волка, вельможа между прочимъ писалъ:

«Послѣднія событія въ Познани, Краковѣ и Галиціи истекали изъ дѣйстяій партіи, стремящейся произвести повсемѣстный общественный переворотъ. Аристократическое мѣстное сословіе, равно какъ и его почтенные представители въ эмиграціи, были совершенно исключены изъ круга дѣйствій этихъ сумасбродныхъ плановъ. Изъ грязнаго источника потекло движеніе и разчитывало на поддержку такими же грязными элементами туземнаго польскаго населенія въ различныхъ областяхъ; дворянство участовало въ немъ развѣ только тѣмъ, что движеніе увлекло нѣсколько чиновниковъ, ксендзовъ, молодыхъ людей, да отставныхъ изъ нижнихъ чиновъ военныхъ и нѣсколько промотав-

шихся помѣщиковъ: изъ таковыхъ состоялъ тотъ дворянскій контингентъ, который принялъ въ мятежѣ участіе».

«Большая же часть дворянства, почтенныя и вліятельныя личности края, держали себя въ далекѣ, обо всѣхъ замыслахъ узнали только изъ газетъ и громко ихъ осуждали. Нынѣ вполнѣ извѣстно, что число участовавшихъ въ краковскихъ уличныхъ безпорядкахъ едва достигало 200 человѣкъ [1]): предъ ними и предъ краковской милиціей, составленной изъ отставныхъ австрійскихъ солдатъ, Коллинъ почелъ нужнымъ ретироваться. Люди, которые участвовали въ этихъ безпорядкахъ и которые устроивали народное правительство, принадлежали къ отребью общества».

Признавъ всѣхъ графовъ участовавшихъ на театрѣ мятежа за отребье общества и воздавъ должную справедливость благоразумію крестьянъ, что они къ мятежу не пристали, онъ восклицаетъ, обращаясь къ князю Метерниху: «*возьмите нашу жизнь, возьмите наши головы, но возвратите намъ любовь нашихъ крестьянъ, возвратите намъ сердца нашего сельскаго сословія*». Въ заключеніе онъ угрожаетъ, что *польское дворянство кинется въ объятія русскаго монарха*, чтобы искать мести за пролитую славянскую кровь.

Покойный государь слишкомъ хорошо понималъ поляковъ, чтобы какою либо особенною милостью ободрить съ своей стороны вельможу—сочинителя, къ дальнѣйшей подобной литературной дѣятельности.

Польская эмиграція вполнѣ воспользовалась молчаніемъ австрійскаго правительства, европейская публика наивно повѣрила, что поляки—смиренныя овечки, а австрійцы—лукавые, кровожадные звѣри!

Разрѣшеніе другой задачи польской эмиграціи было не менѣе знаменательно и ловко.

Послѣ того какъ при мятежѣ поляки щедро дарили крестьянамъ земли и избавляли ихъ отъ всякихъ налоговъ, австрійское правительство по успокоеніи края, все еще не рѣшалось замѣнить столь ненавистную крестьянамъ барщину повинностями болѣе сносными [2]). Какъ бы напуганное ни чѣмъ не стѣсняющимся про-

---

[1]) Генералъ Коллинъ въ этихъ безпорядкахъ 22 февраля первоначально захватилъ болѣе 120 человѣкъ, а отъ остальныхъ ушелъ.

[2]) Австрійское правительство учредило для хозяйственнаго обихода, вотчинные суды, въ вѣденіи владѣльца, въ которыхъ засѣдали крестьяне, и утвержденные правительствомъ управляющіе, которые назывались *мандаторами*. При вліяніи пановъ на эти суды, могли ли бороться крестьяне со всѣми изворотами польской легальности, при сложной операціи барщинныхъ, обязательныхъ работъ.

возглашеніями эмиграціи и ея сторонниковъ, правительство довольствовалось тѣмъ, что съ возстановленіемъ спокойствія, возстанавливало и прежній порядокъ дѣлъ. Поляки достигли цѣли.

Галиційское дворянство поспѣшило возстановить прежнія близкія сношенія съ австрійскими мѣстными властями и заявляло правительству что оно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ взбалмошныхъ и безпокойныхъ головъ, совершенно было чуждо всякихъ конспирацій и мятежа, даже ходомъ мятежа обличенные виновные утверждали единогласно, что они были вовлечены силою и угрозами и содѣйствовали нехотя, отъ страха позднѣйшей мести. Зная ультра—консервативное направленіе вѣнскихъ сановниковъ, полькіе магнаты, живущіе въ Вѣнѣ, поддерживали заявленія помѣщиковъ, что землевладѣльцы въ сущности хоть и поляки, но не менѣе того совершенно преданы правительству, что правительство въ дворянствѣ Галиціи, точно также какъ въ дворянахъ прочихъ своихъ областей, всегда найдетъ свою опору, что личные даже расчеты ставятъ ихъ уже въ положеніе противудѣйствовать имъ столь ненавистнымъ революціонерамъ, которыхъ цѣль ихъ ограбить. Австрійскіе сановники только въ 1848 году убѣдились, какъ ловко поляки затемнили польскій вопросъ жалобами на страшную для нихъ дѣятельность революціонеровъ, и что только страхъ, что правительство приметъ рѣшительныя мѣры, былъ источникомъ подобострастныхъ заявленій. Съ воодушевленнымъ благороднымъ негодованіемъ галиційскіе помѣщики вторили мнѣніямъ австрійскихъ властей и ораторстовали противъ демагоговъ, которые своими ученьями и неукротимымъ бѣшенствомъ хотятъ верхъ дномъ поставить государства и разрушить общественный порядокъ.

Пока подобныя рѣчи напѣвались австрійскимъ властямъ въ Львовѣ, по селамъ и деревнямъ ходили совсѣмъ другія рѣчи. Съ новыми инструкціями эмиссары эмиграціи находили въ озлобленныхъ полякахъ и легко подкупаемыхъ евреяхъ достаточно агентовъ, чтобы пустить свои толки въ сельское населеніе. «Что заслужили вы, крестьяне, вашею преданностію императору, за котораго вы поднялись на пановъ. По прежнему помѣщики пользуются его милостями на вашъ счетъ, а паны вѣдь вамъ дарили и земли и повинности, да еще сулили вольную продажу табаку и соли; вы даже и спасибо не заслужили». Въ ту же весну эти слухи настойчиво проводились въ народѣ, и въ тоже время поляки доводили до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, что между крестьянами ходятъ толки, что императоръ не

можетъ снять барщину потому что остались еще помѣщики, а если бы они всѣхъ остальныхъ до послѣдняго перебили, тогда разумѣется былъ бы конецъ всякимъ повинностямъ; тогда и работать было бы не на кого. Помѣщики увѣряли, что крестьяне готовятся на святой недѣлѣ или къ Троицыну дню опять приняться за помѣщиковъ, особенно въ восточной Галиціи, называя этотъ край, по незначительному числу павшихъ въ февралѣ жертвъ, краемъ едва *початымъ*. Испуганная этими вѣстями администрація принялась за строгій надзоръ, число войскъ было усилено; имъ были предписаны самыя строгія мѣры осторожности. Поляки ликовали снова, они считали схватки между войсками и крестьянами, при господствующемъ настроеніи умовъ, и ихъ тайныхъ подстрекательствахъ неизбѣзными; съ каждымъ днемъ ожидали они разрыва между правительствомъ и населеніемъ готовясь тотчасъ же стать во главѣ послѣдняго. Развязка вышла комическая. Крестьяне газетъ не читали и въ поднебесьи не парили; понимая вещи какъ онѣ есть, и зная на дѣлѣ что паны вооружились и стрѣляя въ крестьянъ, тѣмъ начали мятежъ, они вовсе и не догадывались что всѣ воинскія строгости были направлены противъ нихъ, они объясняли всѣ мѣры властей тѣмъ, что до правительства вѣроятно дошли вѣсти, что неугомонные паны снова что нибудь затѣиваютъ и они явились самыми ретивыми помощниками войскамъ, не смотря на начавшіяся полевыя работы; со святой недѣли они стали днемъ и ночью по деревнямъ содержать караулы для своей безопасности и облегчали много службу войскамъ, предложивъ свои услуги воинскимъ начальникамъ, они вмѣстѣ съ солдатами ходили патрулями и совершали ночные разъѣзды для охраненія спокойствія въ краѣ. Раздасадованнымъ панамъ осталось только убѣдиться что съ тупоумными по ихъ мнѣнію крестьянами, понимающими жизнь по своему, ничего не подѣлаешъ.

За эти неудачи поляки были вознаграждены въ высшихъ сферахъ австрійской админстраціи.

Эрцгерцогъ *Фердинандъ*, по выраженію одного въ то время служившаго въ Галиціи, былъ до тошноты пресыщенъ всѣми польскими дрязгами и, по прекращеніи мятежа, просилъ своего отзыва: польское дворянство искренно пожалѣло о его удаленіи, особенно когда пришло извѣстіе, что его преемникомъ былъ назначенъ графъ Рудольфъ *Стадіонъ*.

Новый генералъ-губернаторъ энергически принялся за составленіе проэкта реформъ, который могъ упрочить спокойствіе умовъ.

Вникнувъ въ положеніе дѣлъ, онъ оцѣнилъ натянутое неестественное положеніе крестьянъ, вѣрныхъ правительству и отданныхъ подъ начало крамольному сословію дворянства. Крестьянинъ отбывалъ барщину, хотя въ границахъ правительствомъ установленныхъ, но барщина разными правительству неуловимыми прижимками, была крестьянину ненавистна, тѣмъ болѣе что за помѣщикомъ оставленъ былъ вотчинный судъ и домашняя расправа за проступки по хозяйству; а безпрестанныя аппеляціи на несправедливыя рѣшенія, были не въ характерѣ народа, да и времени у него не хватало, постоянно тягаться съ своими панами.

Графъ *Стадіонъ* видѣлъ необходимость разсѣчь узелъ, связывающій крестьянъ съ помѣщиками; подъ его непосредственнымъ надзоромъ было составлено положеніе надѣловъ землею первоначально для пользованія, а потомъ въ полную ихъ собственность съ вознагражденіями помѣщиковъ денежною срочною, платою, частью вносимою крестьянами, а частью правительствомъ. Составленное особою коммисіею положеніе было отправлено въ Вѣну на утвержденіе; но тамъ положеніе встрѣтили новые происки польскихъ магнатовъ. Они находчиво во все время управленія графа Рудольфа *Стадіона* умѣли затормаживать всѣ его представленія; новое же положеніе запутали они въ такой степени своими интригами, что изъ него вышелъ, по выраженію того же служившаго австрійца, *мертво-рожденный ребенокъ*. Сущность положеніи была измѣнена, что испортило все положеніе, которое было утверждено 14 декабря; переходъ земель былъ предоставленъ на произволъ обоюднаго согласія; всѣ настойчивыя убѣжденія графа Рудольфа *Стадіона* остались тщетными противъ заявленій польскаго помѣщичьяго сословія. Графъ *Стадіонъ* просилъ и получилъ свое увольненіе отъ мѣста генералъ-губернатора Галиціи. Этою уступкую польскимъ домогательствамъ австрійское правительство сохранило остатокъ власти пановъ надъ крестьянами и сохранило шляхетству его доходы, не для поддержанія его средствами государственной и общественной жизни образованной и развивающейся монархіи; но для большихъ средствъ къ поддержанію польскихъ затѣй, и для безнедоимочнаго оброка вносимаго польской эмиграціи.

ГЛАВА 7-я.

Планы революціонеровъ на 1848 годъ.— Злоба и замыслы противъ Россіи.—Революціонные элементы въ Европѣ.— Какъ польская эмигранція смотрѣла на европейскихъ революціонеровъ.— Польскія инструкціи для приготовленія общей революціи.

Возстаніе поляковъ въ 1846 году должно было подать сигналъ для зажженія Европы революціоннымъ пламенемъ. Попытка не удалась, но революціонеры не охладѣли, и въ 1848 году намѣревались привести тѣже планы въ исполненіе, только вожаки рѣшили начать дѣло съ другаго края. Пожаръ во Франціи долженъ былъ перейдти въ Германію и Италію, а за тѣмъ въ Польшу. При всеобщемъ нападеніи на европейскія правительства материка, дабы Англія по какимъ либо соображеніямъ, не стала противудѣйствовать, то и ей на это время подготовляли занятіе въ Ирландіи. При успѣхахъ вожаковъ революціи, вся Европа должна была потомъ накинуться на Россію, а поляки въ самой Россіи подготовляли тоже мятежъ.

Ненависть къ Россіи вожаковъ революціи вообще, и поляковъ въ особенности, переходила въ совершенное озлобленіе.

Главная ихъ работа была возстановить противъ Россіи общественное мнѣніе; ихъ разбирала злоба, за то что всякія продѣлки ихъ въ границахъ Имперіи, были быстро разкрываемы и въ приговорахъ виновныхъ правосудіе не было мягко. Правительство не отвѣчало на неистовыя возгласы, оно не считало совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, состязаться съ эмиграціею на литературномъ поприщѣ, вступать въ безполезную полемику; безполезную потому, что трудно разъяснять, когда антагонисты іезуитически и упрямо все перетолковывали

по своему и для доказательствъ, не стѣснялись, ложь и клевету обращать въ документальные факты. Императоръ Николай Павловичъ зналъ затѣи эмиграціи и зналъ поляковъ. Онъ предпочелъ откровенно имъ высказать свое мнѣніе и свои намѣренія, а за тѣмъ предоставлялъ своимъ польскимъ подданнымъ, соображать свою дѣятельность съ его словами.

„Господа! сказалъ между прочимъ государь ему представляющимся полякамъ 4/16 Октября 1835 года въ Варшавѣ, прежде всего надо исполнять свой долгъ и быть честными людьми. Предъ вами два пути, избирайте, или настойчиво продолжать мечтать о независимой Польшѣ, или жить спокойными подданными подъ моимъ правительствомъ.“

„Если вы останетесь при вашихъ мечтахъ отдѣльной народности, независимой Польши, и всѣхъ вашихъ химерахъ, большія бѣдствія ожидаютъ васъ въ будущемъ. Я велѣлъ здѣсь построить цитадель и объявляю вамъ, что при первомъ мятежѣ я велю громить городъ, я уничтожу Варшаву и конечно не я возведу ее снова.“

„Мнѣ тяжки эти слова господа! тяжело государю подобное обращеніе къ его подданнымъ, но я говорю вамъ для вашего собственнаго блага. Отъ васъ самихъ зависитъ забвеніе прошедшаго, вы можете достигнуть его вашимъ поведеніемъ и преданностью моему правительству.

„Я знаю что существуютъ сношенія съ заграницею, я знаю что проникаютъ въ край пагубныя посланія и хотятъ заразить умы; но наилучшая полиція съ существующею вашею границею, не можетъ препятствовать тайнымъ провозамъ; вы сами должны имѣть этотъ полицейскій надзоръ и устранять зло.“

„Воспитывая вашихъ дѣтей, внушая имъ правила религіи и вѣрности къ государю, вы можете остаться на истинномъ пути.“

„Среди смутъ волнующихъ Европу, среди ученій колеблющихъ общественное зданіе, одна Россія стоитъ твердою и нетронутою. Повѣрте мнѣ, принадлежать этой странѣ и пользоваться ея покровительствомъ истинное счастіе. Если вы будете себя вести хорошо и исполнять ваши обязанности, мои отеческія заботы распространятся на васъ и мое правительство, не смотря на прошедшее, будетъ заботиться о вашемъ благосостояніи.“

„Зарубите крѣпко въ вашей памяти мною вамъ сказанное.“

Памятникомъ безсильной злобы противъ покойнаго государя осталась та масса площадныхъ брошюръ, которыя разсѣевала польская эмиграція.

Замыслы революціонеровъ внести свою заразу въ Россію были безуспѣшны; польская пропаганда правда работала, но она работала глухо, подъ землею, подъ прикрытіемъ величайшей преданности къ Россіи, рвенія къ службѣ, усердія къ общественному благу; агенты работали осторожно, страхъ удерживалъ ихъ отъ всякихъ рѣшительныхъ выходокъ, только въ западный край рисковали пробираться поляки эмиссары, расчитывая въ каждомъ домѣ найдти друзей и укрывателей. При дороговизнѣ паспортовъ, заграницею являлись тѣ русскіе путешественники, между которыми революціонерамъ трудно было вербовать дѣятелей. Усиленно работали революціонеры ловить и искушать русскихъ, за то какъ легко было тогда всякому русскому самодуру попасть въ геніи. За русскою молодежью революціонеры волочились за границею точно шулера на ярмаркѣ за богатыми помѣщичьими или купеческими сынками.

Попытка завести революціонную кантору въ Петербургѣ не удалась. Молодой Сп., путями сердечныхъ струнъ, послѣдовательно двумя польками увлеченный за границу и въ польскую среду, былъ вполнѣ приготовленъ, посвященъ въ таинства и привезъ для общества *Петрашевскаго* всѣ пригодные статуты и положенія польской *централизаціи.* Общество было раскрыто и въ 1849 году соучастники были посланы въ Сибирь, а менѣе виновные, нижними чинами были распредѣлены въ войска.

Польская эмиграція составляла для исполненія замысловъ революціонеровъ Европы, найбольшій контингентъ, потому польскіе коноводы пользовались тѣмъ вліяніемъ и уваженіемъ, которыя даетъ всегда сила, и было время когда въ ареопагѣ этихъ дѣятелей, имѣвшихъ въ виду общее низверженіе общественнаго порядка, *Мѣрославскаго* почитали самымъ яркимъ свѣтиломъ и на прославленіе толпы, его выставляли первѣйшимъ государственнымъ мужемъ. Главы польской эмиграціи дорожили численностью своихъ выходцевъ тѣмъ болѣе, что чѣмъ они были многочисленнѣе, тѣмъ скорѣе можно было найдти охотниковъ, готовыхъ всегда по ихъ мановенію, идти на всякое опасное порученіе. Второстепенныя личности подстрѣкаемыя тщеславною мыслью, что они призваны способными

быть великими дѣятелями *народоваго дѣла*, были готовы прокрадываться въ край или устремляться на указываемый всякій уличный бой. Нельзя не замѣтить къ какимъ уловкамъ прибѣгала эмиграція, дабы не позволять своимъ сочленамъ, мирнымъ путемъ возвращаться на родину, кому въ томъ представлялась возможность; подобные возвращающіеся могли особенно вредить польскому дѣлу и подобные люди болѣе спокойные, въ молодыхъ лѣтахъ увлеченные за границу и прозрѣвшіе опытомъ, они, по во возвращеніи въ край, расторгнувъ связи съ эмиграціей могли быть раскащиками-очевидцами дѣйствительной жизни, похожденій и стряпотни эмигрантовъ безъ тѣхъ всякихъ прикрасъ, безъ тѣхъ искуственныхъ подхваливаній, которыя такъ щедро привозили въ край эммисары, да и возвращающіеся путешественники. Они долгомъ считали провозглашать о великихъ размѣрахъ, работахъ и твердаго корня путемъ эмиграціи, пущеннаго польскою интеллигенціею за границею. Во время пребыванія императора Николая Павловича въ Англіи, многіе эмигранты, соскучившіеся странствованіями, просили помилованія; много вышло разрѣшеній. Главы эмиграціи испугались; примѣръ могъ быть соблазнителенъ, надо было какими либо средствами остановить это обратное переселеніе. Главы эмиграціи изъ числа помилованныхъ, своихъ преданнѣйшихъ людей, избрали къ тому пригодныхъ. Эти господа, выбривъ себѣ полголовы, должны были, подъ париками, переѣхать границу, но немедленно возвратиться, и, указывая на свои бритыя головы, распустить публично слухъ, что они были русскою полиціею предательски схвачены, закованы въ кандалы, обриты и назначены къ отправленію въ каторгу; но что по счастливому случаю, они спаслись. Вожаки не сомнѣвались, что утка будетъ подхвачена газетчиками, тѣмъ болѣе что въ этой средѣ, своихъ людей у нихъ было много. Одинъ изъ помилованныхъ, которому была предлагаема эта гнустная продѣлка, считалъ своимъ долгомъ предувѣдомить во время русское правительство; пограничнымъ заставамъ было предписано отъ четырехъ поименованныхъ господъ паспортовъ не принимать и ихъ самихъ не пускать чрезъ границу.

Въ 1846 году эмиграція взяла на себя иниціятивою польскаго мятежа, увлечь всю Европу въ пламя революціи; скрижали записали новое доказательство шляхетной практической несостоятельности.

При новыхъ предначертаніяхъ революціоннаго ареопага поль-

скимъ дѣятелямъ пришлось уступить первенствующую роль, и обратиться въ союзниковъ и помощниковъ; они не отказались и надѣялись усиленнымъ напряженіемъ своихъ силъ возвратить ими утраченное преобладаніе.

Кто въ изученіяхъ бытописаній судебъ человѣческаго общества не ищетъ только свѣдѣній, что за 753 г. до Р. Х. былъ основанъ Римъ, и что на испанскомъ престолѣ Филиппъ II наслѣдовалъ Карлу V, тотъ знаетъ что народы безостановочно подвигаются впередъ по пути своего предназначенія. Являлись государственные геніи, которые прозорливымъ взглядомъ угадывали этотъ путь и могучими локомобилями, по наскоро набросаннымъ рельсамъ разомъ впередъ выдвигали по немъ націи, не очень заботясь въ быстромъ своемъ стремленіи о толчкахъ чувствительныхъ для современниковъ. Результаты заставляли скоро забывать борьбы толчки и изъ похвалъ и порицаній, одобреній и шипеній, пробивается истина и народы, въ своихъ лѣтописяхъ, обозначаютъ ихъ названіями *великихъ.* Но геніи родятся вѣками; при обыкновенномъ теченіи дѣлъ болѣе или менѣе скоро, болѣе или менѣе плавно, націи идутъ впередъ, развивая свою внутренную жизнь. Дѣятели путеводители, или такъ называемые люди передовые слѣдуютъ, одни, не сворачивая съ направленія, побуждаемыя честными правилами, преисполненныя побужденіемъ, по выраженію одного мужа, которымъ всегда будетъ гордиться Россія (*): что *честолюбіе гражданина никогда не должно расходиться съ общественною пользою;* другіе, безъ этого маховаго колеса вкривь и вкось судорожно прикладываютъ свои силы къ сложному поѣзду, и, дабы очутиться впереди, не задумываются свернуть и на косогоръ и къ погибели привести своихъ послѣдователей. Нельзя къ послѣднимъ не отнести коноводовъ польской эмиграціи ближе всматрѣваясь въ ту дѣятельность, которую они прилагали чтобы влiять на судьбы европейскихъ обществъ.

Съ сближеніемъ и съ тѣсною связью государствъ родилась необходимость политическаго равновѣсія, этотъ верховный руководитель дипломатіи кабинетовъ былъ тщательно изучаемъ, изслѣдованъ; но есть еще далеко не обработанный предметъ, это вліяніе одною государства на другое, вліяніе которое можетъ переходить въ давленіе и даже гнетъ, вліяніе которое связываетъ иногда руки и самому прозорливо-

---

(*) А. П. Ермолова.

му, самому искусному правительству, заставляетъ его, скрѣпя сердце, подчиняясь закону необходимости, свои интересы и свои выгоды приносить въ жертву чужимъ интересамъ и чужимъ выгодамъ. Жизнь государствъ, составляющихъ южную окраину Европы свидѣтельствуетъ что существуетъ своего рода преобладаніе, по которому они становятся работниками для иноземной промышленности, для иноземнаго богатства, и для иноземнаго господства. При этомъ тягостномъ чужеземномъ вліяніи слабѣйшія націи, подчинены нравственному игу сильнѣйшихъ, и ихъ правительства могутъ издавать только такія полезныя постановленія, которыя не противурѣчатъ чужимъ требованіямъ. Наука еще мало обработала эту сторону жизни народовъ, потому сближенія причинъ съ послѣдствіями часто неуловимы; но отъ практически выработаннаго человѣческими обществами чувства самосохраненія, родилось стремленіе къ собственному усиленію, къ слiянію родственныхъ племенъ, влеченію слабѣйшихъ примкнуть къ сильнѣйшимъ. Къ слiянію и единству тянутся Португалія съ Испаніею, области Италіи, германскіе народы, славянскія племена; послѣдняя датская война дала новый толчекъ стремленіямъ скандинавскимъ.

Польская эмиграція не имѣетъ симпатій въ Европѣ, но понятно, что она встрѣчаетъ доброхотство запада; какую же эксцентрическую роль выбрала для себя сама эмиграція. Пока она будетъ обуреваема распаленными страстями, она не постигнетъ всю неестественность своихъ мечтаній. Только одни поляки могутъ вѣрить, что ихъ призваніе быть мессіей между народами, и что ихъ будущность принять въ свое лоно всѣ славянскія племена; послѣдовательныя событія исторіи Польши, рядъ послѣдовательныхъ доказательствъ ея неспособности къ самоуправленію; развѣ вѣковая судьба всѣхъ законно и не законно рожденныхъ польскихъ правительствъ, не исключая даже и всѣхъ такъ называемыхъ *народовыхъ* послѣднихъ тридцати лѣтъ, усовершенствованныхъ всѣми новѣйшими польскими теоріями, залоги тому что 4 милліона кровныхъ поляковъ, тѣ свѣтила, за которыми должны слѣдовать 100 милліоновъ славянскаго племени.

При состояніи умовъ въ Европѣ революціонный ареопагъ полагалъ что ихъ успѣхи несомненны, что неудача 1846 года была слѣдствіемъ того, что они иниціятиву поручили полякамъ. Европейскіе революціонеры скоро оправились отъ пораженій ими потерпенныхъ въ лице польскихъ собратовъ; явились новые рѣшительные союзники венгерскіе мадіары, явились новыя лич-

ности съ высшими способностями и съ болѣе практическими знаніями народныхъ стремленій; но революціонная партія, которая искусно умѣла подчинять себѣ другія партіи и обращать ихъ въ свои орудія, до послѣдней развязки не замѣтила, что во Франціи, она въ свою очередь, сама была ловко обращена въ чужое орудіе и работала на свою собственную шею.

Въ Венгріи племя *мадьяровъ*, прибывъ въ IX столѣтіи, покорило своей власти прежнихъ жителей славянъ, сербовъ, румынъ и нѣмцевъ. Пришлецы мадьяры, подобно польскому шляхетству, питали гордое презрѣніе къ туземству, считая себя истинными владѣтелями страны, но славянскія начала были слишкомъ сильны, чтобы заглохнуть подъ своекорыстнымъ самоуправленіемъ мадьяровъ, и тысячилѣтіе прошло въ постоянныхъ распряхъ и междуусобіяхъ высшаго сословія съ низшими, въ главѣ которыхъ стояли славяне. Несогласія не прекратились даже и съ возведенія (въ XVII столѣтіи) императоровъ австрійскаго дома въ короли Венгріи.

Европейскіе революціонеры, изыскивая во всякихъ политическихъ распряхъ новыхъ союзниковъ, не могли не обратить вниманія на Венгрію. При провозглашаемыхъ ими началахъ ихъ ученій, заступничества за низшія сословія, казалось мадіары должны имъ быть врагами; 20,000 семействъ дворянъ мадіаровъ, притягивая къ себѣ духовенство, горожанъ и ученыхъ, пользовались съ ними привилегіями, дарованными первыми королями; остальныя сословія были въ угнетеніи, въ тягостной зависимости; но мадьярамъ и польскому шляхетству не трудно было понять другъ друга, и мадьяры могли полезно служить революціонному дѣлу.

При разнородныхъ элементахъ состава Венгерскаго Королевства, при вѣковой взаимной ненависти его племенъ, мадьяры вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли освободиться отъ австрійской монархіи; послѣднее обстоятельство казалось пригоднымъ, оно могло быть съ пользою обработано и европейскіе революціонеры, особенно поляки, умильно увивались около мадіаровъ, ревностно развивали между мадіарами свои ученья и дѣйствуя на всѣ страсти человѣческаго сердца, ловили выдающіяся въ венгерскомъ обществѣ передовыя личности; *Кошутъ* сталъ представителемъ мадіарскихъ коноводовъ въ европейскомъ революціонномъ ареопагѣ.

Привиллегированныя сословія, состоящія изъ мадіаровъ и *омадьярившихся*, одни имѣли право засѣдать на государствен-

номъ сеймѣ; ихъ цѣль была расширеніе своихъ правъ, но какъ послѣдовательное уничтоженіе феодализма, наслѣдія средневѣковыхъ временъ, было задачею правительствъ, то изъ различія мнѣній мадьяровъ и австрійскихъ сановниковъ, прежнія столкновенія неминуемо должны были продолжаться. Пользуясь уступчивостью императора Фердинанда, аристократическая партія въ Венгріи достигла того, что первенство мадьярскаго племени было признано; учрежденному для нея особому министерству были подчинены и всѣ иноплеменные жители Венгріи, даже воинственныя общества Военной Границы. Мадьярскій языкъ былъ насильственно введенъ; нѣмцамъ и славянамъ былъ онъ указанъ для всѣхъ дѣлъ правительственныхъ, церковныхъ и учебныхъ, въ должности опредѣлялись исключительно одни мадьары, венгерскій сеймъ наконецъ потребовалъ отъ австрійскаго правительства полнаго присоединія къ Венгріи Кроаціи, Славоніи и Трансильваніи.

Хитрый Кошутъ своимъ краснорѣчіемъ и руководимый совѣтами и содѣйствіемъ своихъ европейскихъ друзей, будучи депутатомъ венгерскаго сейма, сдѣлался его душою и коноводомъ; онъ собиралъ, на дѣло общей революціи въ Европѣ, подать съ своихъ сторонниковъ и много способствовалъ развитію мятежнаго настроенія между молодежью въ Германіи; онъ расчитывалъ на нее какъ на подспорье венгерскимъ замысламъ. Готовя себя въ правители Венгріи, Кошутъ прямо шелъ къ ея отторженію отъ австрійскаго дома. Въ одно время, для прикрытія и усиленія своихъ замысловъ, онъ склонялъ сеймъ къ новымъ постановленіямъ въ пользу крестьянскаго сословія, жившаго между мадіарскимъ населеніемъ, дабы заманить его на свою сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ перечилъ всѣмъ влеченіямъ и желаніямъ славянъ, нѣмцевъ и румыновъ; онъ не допускалъ, чтобы они имѣли представителей своихъ нуждъ на сеймѣ и вообще обращался съ ними какъ съ племенами завоеванными, которымъ остается только повиноваться.

Многочисленные патріоты Италіи съ каждымъ днемъ увеличивали свои ряды; горячее сочувствіе сардинскаго короля Карла Альберта къ ихъ стремленіямъ не были ни для кого тайною. Если *Мадзини*, дѣятельный членъ европейскаго революціоннаго ареопага, ловилъ простодушнаго и увлекающагося короля въ свои сѣти, провозглашая его мечемъ Италіи, то италіянскіе патріоты не много занимались революціонными затѣями итальянцы были поглощены одною мыслью соединенія

Италіи. Броженію умовъ Италіи много способствовалъ также кардиналъ Феррети, возведенный на папскій престолъ въ 1846 г. подъ именемъ Пія IX. Новый папа любилъ щеголять либерализмомъ, и самъ сочувствовалъ италіянскому единству. Италія не можетъ быть безъ Рима есть естественное убѣжденіе италіянцевъ; Римъ не можетъ быть безъ папы было убѣжденіе Пія IX, а чтобы древнія монархическія начала внутренняго управленія римской церкви и принятая политика Ватикана не возмущали молодую Италію, то онъ приступилъ къ реформамъ. Кромѣ того Итальянцы тѣмъ съ большими надеждами ожидали соединенія Италіи, что видѣли поддержку италіянскимъ волненіямъ въ Англіи и Франціи, которыя, боясь усиленія вліянія Австріи на италіянскія дворы, вмѣшивались своимъ посредничествомъ въ дѣла апенинскаго полуострова.

Расчеты революціонной партіи на Германію съ каждымъ днемъ росли равномѣрно; расчеты не выдерживали строгой критики, но могла ли явиться ясная прозорливость среди людей, предавшихся всѣму пылу своихъ страстей, при обсужденіи вѣроятностей на успѣхъ, ими желаемый съ такою жадностью. Профессоры и журналисты Германіи были недовольны устройствомъ ей даннымъ вѣнскимъ конгрессомъ. Революціонный ареопагъ въ студентахъ, слушателяхъ ихъ лекцій, и горячихъ читателей всякихъ задорныхъ статей, находилъ первый контингентъ, который могъ быть пригоденъ проэктамъ революціи.

Передовые люди Германіи представляли два оттѣнка, *либераловъ* и *радикаловъ*. *Либералы* стремились къ облегченію путей для прогресса, къ устраненію тѣхъ недостатоковъ общественнаго устройства, которые тормозили европейскія общества на пути ихъ развитія; они стремились сгладить остатки феодальныхъ элементовъ, сократить права духовенства и реформами преобразовать мало подвижную бюракратію, неудовлетворяющую усиленной дѣятельности современной общественной жизни. *Радикаловъ* составляла другая партія передовыхъ людей Германіи, которые стремились къ ея единству, избѣгая всякихъ насильственныхъ толчковъ; они постепеннымъ усиліемъ Германіи и сліяніемъ жизненныхъ венъ, хотѣли достигнуть цѣли. Они хлопотали, путемъ франкфуртскихъ сеймовъ, для всей Германіи достигнуть равнаго законодательства, равныхъ правъ, равныхъ положеній, снятія внутреннихъ таможенъ, уравненія уставовъ для промышленности, торговли, печати и для войска, дабы Германія представляла одно общее цѣлое для развитія своей обществен-

ной жизни, своего народнго богатства, своего образованія и своей защиты.

Ареопагъ революціонеровъ находилъ, что стремленія *радикаловъ* имѣютъ болѣе данныхъ, которыя онъ можетъ эксплоатировать, но глубокомысленные нѣмцы работали медленно, желая выработать истину. Въ рядахъ болѣе нетерпѣливыхъ, въ рядахъ студенческихъ *бургшафтенъ*, они надѣялись найдти воиновъ; оставалось искать коноводовъ; профессоры, журналисты, литераторы являлись на первомъ планѣ, за ними должно было искать между членами палатъ и сановниками, болѣе тщательными болтунами нежели людьми государственными. Революціонерамъ было необходимо не испугать общественное мнѣніе, но напротивъ его задобрить; потому печатно они провосглашали людей имъ поддающихся не *радикалами*, но *либералами*, названіе пріятно щекотавшее уши. Играя на струнахъ тщеславія, они не находили словъ превозносить своихъ новыхъ дѣятелей величайшими государственными людьми, друзьями народа и человѣчества, украшеніями вѣка, геніями; всякій ретивый революціонеръ непремѣнно объявлялся *геніемъ*. Въ Германіи стали издаваться журналы съ самыми подстрѣкающими статьями, въ мелкихъ государствахъ, гдѣ цензура была по снисходительнѣе. Дѣйствуя на моральную сторону, ареопагъ не забывалъ и сторону интереса и имѣемъ свѣдѣніе, что польская эмиграція тысячами экземпляровъ выписывала вновь появляющіяся, пригодныя нѣмецкія сочиненія, напр. письма Берне, революціонерами признанныя достойными одобренія; и эти письма, связанныя въ тюкахъ, лежали на чердакахъ и въ каморкахъ квартиръ, занимаемыхъ польскими эмигрантами въ Лондонѣ и Парижѣ.

Съ столь замѣчательнаго, началами революціонныхъ движеній, 1830 года, революціонная дѣятельность набросилась на извѣстные слои нѣмецкаго общества. Ревнители изъ Парижа умѣли дать то направленіе изысканіямъ и работамъ радикаловъ, что революціонныя тенденціи высказывались сильнѣе. Изысканія общихъ правилъ для печати въ Германіи обратились въ требованія совершенной и безграничной ея свободы; отъ облегченія и уравненія взыманія податей и налоговъ перешли къ сокращенію 34 верховныхъ властей Германіи, какъ живущихъ на счетъ нѣмецкаго народа; мысль революціоннымъ движеніемъ достигнуть единства Германіи, напѣваемаго поляками, начала прививаться между профессорами и журналистами. Книгопродавецъ *Франкъ*

засѣдалъ въ парижскомъ ареопагѣ и конечно болѣе всѣхъ заботился сблизить польскую эмиграцію съ самыми горячими нѣмецкими головами. *Франкъ*, по словамъ самого панегириста всѣхъ революціонныхъ движеній *Гагена*, былъ человѣкъ самолюбивый, тщеславный, преисполненный неутолимою жаждою играть важную роль; человѣкъ достаточный, онъ не останавливался передъ расходами. Съ 1832 года онъ безпрерывно ѣздилъ въ Парижъ, и подстрѣкаемый революціонными вожаками, надменный своимъ близкимъ знакомствомъ съ Мадзини, Лелевелемъ, Лафайетомъ, разъѣзжалъ по Германіи, возбуждалъ своихъ сторонниковъ не отставать отъ передовыхъ людей молодой Европы, и нагло обманывалъ парижскихъ и германскихъ своихъ пріятелей о колоссальности революціонныхъ приготовленій.

Ротекъ хотѣлъ вписать свое имя не на одныхъ заглавныхъ страницахъ историческихъ сочиненій и ободрялъ революцію. Журналистика закипѣла разжигательною дѣятельностью. Спокойные нѣмцы недоумѣвали откуда взялся и чѣмъ питался подземный огонь. Сословія, для противодѣйствія, адресами заявляли свою преданность законнымъ правительствамъ. Приведемъ написанный баварскими крестьянами къ королю; этотъ адресъ показываетъ тогдашнее сочувствіе народа къ тѣмъ передовымъ людямъ Баваріи, напр. журналисту *Вирту* и отставленному чиновнику *Зибенпфейферу*, которые себя ему навязывали въ благодѣтели; адресъ привелъ въ яростную злобу революціонную партію, которая неуспѣшно силилась увѣрить, что адресъ былъ подложный: „До насъ крестьянъ доходятъ слухи, писали крестьяне, что многіе вашему величеству пишутъ изъявленія своей вѣрности; мы считаемъ это лишнимъ, мы баварцы, а не французы, которые сами не знаютъ чего они хотятъ: баварцы и вѣрность королю одно и тоже. Если существуютъ неразумные газетчики и другіе глупые сочинители и сословія, которые вамъ, нашему возлюбленному королю, наносятъ дерзкія обиды, то мы, а мы всѣ баварцы думаемъ одинаково, просимъ васъ намъ только мигнуть; чрезъ секунду у васъ ни одного врага въ живыхъ не останется.“

Новые нѣмецкіе апостолы постоянно указывали своимъ землякамъ для примѣра на революціонную Францію и до того распространили къ ней свои нѣжности, что даже были готовы отдать ей лѣвый берегъ Рейна. Такой эксцентрическій порывъ *поборниковъ нѣмецкаго единства и нѣмецкой силы* громовымъ ударомъ поразилъ Германію. Революціонеры сами испугались своей политической нелѣпости и спѣшили взять свои слова

обратно; негодованіе Германіи разразилось тѣмъ, что всѣ нѣмцы наизусть выучили стихотвореніе

Sie sollen ihn nicht haben
Den schoenen deutschen Rhein и т. д.

Много было тогда въ Германіи шуму, много было разныхъ демонстрацій, студенскихъ скопищъ съ школьными кошачьими концертами, много было наговорено пламенныхъ рѣчей государственными сановниками, депутатами палатъ баденскихъ, гессенскихъ и иныхъ; чѣмъ чаще повторялись слова воля народа, права народа, свобода печати, отсталость, обскурантизмъ, прогрессъ, тѣмъ рѣчь покрывалась болѣе громкими и продолжительными рукоплесканіями.

На сколько польская эмиграція принимала участіе въ этихъ событіяхъ, видно изъ того, что временами палаты разныхъ герцогствъ и княжествъ требовали отъ своихъ дворовъ дипломатической интервенціи за Польшу. Въ нѣмецкихъ журналахъ многократно повторялось что: „прежнее назначеніе Польши было служить оплотомъ отъ восточнаго варварства и что теперь эта обязанность перешла на Германію.“ Революціонные эмисары, французы и поляки, разъѣзжали по Германіи, волновали, подстрѣкали; памятникомъ этой лихорадки, овладѣвшей Германіею, можетъ служить тогда вышедшее сочиненіе Альфонса *Карра*, сколько помнится подъ заглавіемъ: „Революція города Пирмазенца, государства въ 155 домовъ,“— злая, но типически вѣрная картина тогдашней работы революціонеровъ. Предъ лицемъ Европы, во Франкфуртѣ комически разыгралась въ 1833 году, подготовляемая драма. По словамъ революціонеровъ, тысячи студентовъ и ремесленниковъ общею революціею зажгутъ зарю новой жизни Германіи; а послѣдовавшій во Франкфуртѣ 3 апрѣля 1833 г. безпорядокъ показываетъ какъ слабъ былъ тогда нѣмецкій революціонный элементъ.

Книгопродавецъ *Франкъ*, прямо изъ парижскихъ засѣданій привезъ распоряженія къ союзному дѣйствію съ поляками. Подготовленные студенческіе *бургшафты* должны были прибыть къ 3 апрѣлю во Франкфуртъ; польскіе эмигранты назначались въ руководители и на мѣстѣ взялись уяснять кому что дѣлать; для большей отваги *Франкъ* передавалъ что въ Виртембергѣ войско готово къ возстанію и тамъ уже имѣется 40,000 заговорщиковъ, въ Баденѣ 30,000, въ обѳихъ гессенскихъ 50,000 и вся рейнская часть Баваріи и Нассау готовы возстать по первому сигналу; дѣйствительно же къ заговору революціонеры успѣли за-

манить шесть гомбургскимъ солдатъ, нѣсколько гессенскихъ ремесленниковъ, да сотни двѣ франкфуртцевъ. Болѣе всего шуму надѣлалъ колоколъ, когда революціонеры ударили въ набатъ. Убитъ былъ только одинъ студентъ *Рюбнеръ*, который личною своею особою хотѣлъ защищать захваченную городскую гаубтвахту. Событія разыгрались такъ быстро, что полковникъ Оборскій, какъ мы видѣли, не успѣлъ тронутся съ своими безансонскими полями изъ Швейцаріи. Слабые въ 1833 году элементы для революціи усилились въ теченіи 15 лѣтъ; революціонеры работали не даромъ.

Неудача первыхъ попытокъ въ Германіи не остановила революціонерныхъ вожаковъ; ихъ агенты и туземные ревнители силились обработывать общественное мнѣніе; они клеймили отсталыми, ретроградами, реакціонерами людей, которые своимъ умомъ могли имъ быть опасны.

Польская эмиграція, вращаясь въ революціонномъ мірѣ, имѣла своимъ специальнымъ назначеніемъ *возстановленіе Польши*. Глядя съ этой точки зрѣнія на всю подземную работу, она даже и въ самыхъ ярыхъ европейскихъ революціонерахъ видѣла только пригодныя орудія для своихъ плановъ. Польская эмиграція приняла для таинственнаго языка своей подземной работы называть *Панурговымъ стадомъ* всѣхъ не поляковъ, но поддающихся польскимъ тенденціямъ. Изъ массы встрѣчаемыхъ разныхъ выраженій и возраженій, по разнымъ случаямъ высказываемыхъ, видимъ, что Панургово стадо, на этомъ своего рода argot, подраздѣлялось на много дальнѣйшихъ специальныхъ терминовъ, тутъ были и *бараны*, идущіе впереди, указывающіе, какъ и гдѣ прыгать чрезъ поставленную палочку, *овцы*, *козы*, *козлята*, *телята* и проч. Въ Панургово стадо попадали и професоры и студенты, ученые, литераторы, журналисты, вліятельные люди, либералы, передовые умы; объяснить вполнѣ оттѣнки, могутъ только посвященные, но мы не полагаемъ сдѣлать большой ошибки, если всѣ разряды Панургова стада, передавая значеніе имъ даваемое польскою эмиграціею, обозначимъ тремя словами *одураченные*, *одурачиваемые* и *одурѣлые*. Польская эмиграція полагала въ 1848 году Панургово стадо, достаточно сильнымъ, дабы ея замыслы на общую европейскую революцію, могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, на это стадо она возложила свою главную надежду; но ошиблась—французы и нѣмцы отказались признать поляковъ своими шалунами-пастушками, и прыгать черезъ имъ протянутую поляками палку.

Послѣ 1846 года всѣ надежды революціонеровъ на будущіе

успѣхи сосредоточивались на Франціи. По смерти герцога Рейхштадскаго (22 Іюля 1832 года) революціонная партія оставалась одна и стала притихать по мѣрѣ того, какъ бонапартисткая, которая давала ей силу, и которая находила сочувствіе во Франціи, особенно въ войскахъ, стала отъ нея отставать. Въ сороковыхъ годахъ бонапартистская партія поднялась снова, радостно ей привѣтствовали революціонеры, восторженно польская эмиграція. По твердой увѣренности молвы, польскіе аристократы милліонами ей отсчитывали пособія.

Покончивъ съ Людовикомъ Филиппомъ, революціонная Франція должна была своими войсками поддержать всеобщее революціонное движеніе въ Европѣ, и возстановить Италію, Венгрію и Польшу. Паденіе Людовика Филиппа былъ ожидаемый сигналъ, для дѣйствія революціонеровъ въ Италіи, въ Венгріи, въ Вѣнѣ, Берлинѣ, другихъ главнѣйшихъ городахъ Германіи, Познани и Галиціи. Несовершенная увѣренность въ массѣ населенія Германіи и безнадежность на войска предписывали мѣры осторожности; партія Ламберова отеля настаивала ограничиваться въ предѣлахъ, на сколько незаконность можетъ прикинуться легальною, поляки должны были стараться помутить понятія. Въ Ламберовомъ оттелѣ была исправлена программа для польской дѣятельности, составленная демокракратической централизаціей; централизація стала послушнѣе, съ тѣхъ поръ какъ ея глава *Мѣрославскій* сидѣлъ въ прусскихъ казематахъ. Поляли должны были свои дѣйствія ограничить требованіемъ конституцій, съ открытіемъ палатъ стараться о ихъ комплектованіи своими людьми, дѣло вести дальше усиленнымъ подъемомъ значенія *франкфуртскаго сейма*, стараться передавать власть въ руки своихъ вожаковъ, добиться отъ существующихъ властей объявленія полной свободы печати, освобожденія всѣхъ политическихъ преступниковъ. При вліяніи печати на общественное мнѣніе, освобожденіе ея отъ всякой цензуры, въ смутное время, давало могучее оружіе въ руки революціонеровъ; въ темницахъ особенно Австріи и Пруссіи, сидѣло много выказавшихся ретивыхъ революціонеровъ, съ освобожденіемъ которыхъ революція пріобрѣтала столько же готовыхъ вожаковъ. Поляки должны были содѣйствовать повсемѣстному образованію національной гвардіи, и на нее возложить охраненіе внутренняго благочинія, что лишитъ войска служебныхъ ихъ обязанностей въ мирное время. Такими путями революціонеры надѣялись сосредоточить власть и силу въ своихъ рукахъ, и, лишивъ войска всякаго

значенія, поставить ихъ въ положеніе или стать послушными исполнителями воли революціонеровъ, или быть распущенными.

За разливомъ революціоннаго пожара по Европѣ, по предположеніямъ польской эмиграціи, должно было послѣдовать вооруженное вторженіе въ Россію. Они щитали Германію возбужденною противу Россіи въ такой степени, что помощью франкфуртскаго сейма провозглашеніе новаго крестоваго похода противъ русскихъ встрѣтитъ одни лишь общіе крики сочувствія и радости. Дабы не возбудить непріятныхъ ощущеній или какихъ либо опасеній въ германскомъ населиеніи было положено, что войскамъ революціонной Франціи не слѣдуетъ проходить сухимъ путемъ; но пользуясь огромнымъ флотомъ, усиленнымъ при Людовикѣ Филиппѣ изъ опасеній разрыва съ Англіею, посадить 30,000 на суда и прибыть въ Балтійское море. При французскомъ десантѣ, при вторженіи польско-нѣмецкихъ армій и при содѣйствіи Турціи, въ которой Чарторыйскій имѣлъ своихъ агентовъ, и которая вѣроятно пожелаетъ воспользоваться случаемъ, чтобы за частыя пораженія и потери посчитаться съ Россіею, при возбужденіи къ сильнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ *черкссовъ*, единовременно должны били подняться Царство Польское и западной край. „Наступленіе па Россію должно быть безпощадное, не только Польша должна быть возстановлена въ границахъ 1772 года, но отъ Россіи должно отнять всѣ земли, которыми поляки когда либо владѣли; чѣмъ сильнѣе будетъ Польша, давно уже твердили поляки, тѣмъ крѣпче будетъ оплотъ Европы противъ варварства, давящаго съ востока; не въ одномъ императорѣ Николаѣ Европа должна видѣть своего врага, но и во всей Россіи, съ ея русской партіей, съ которой можно говорить о мирѣ только когда Россія будетъ отодвинута къ Волгѣ и Уралу.“

Таковы били проэкты въ 1848 году. При легкокрылой фантазіи, могла ли какая либо партія польской эмиграціи устоять предъ столь благопріятною для нея будущностью и не торопиться заготовить запасъ заслугъ и вліянія къ окончательному расчету; князь *Чарторыйскій* и централизація демократической партіи усиленно высылали, особенно въ Познань и Галицію своихъ элеммисаровъ.

Для предполагаемой общей революціи польская эмиграція дала правила организаціи *народовыхъ правительствъ* въ ею назначенныхъ мѣстахъ. Пять членовъ должны были составить *комитетъ*,— четыре члена изъ туземцевъ, 5-ый коммисаръ отъ эмиграціи. Комитету полагался секретарь. Всѣ сношенія съ эмиграціею должны производиться чрезъ коммисара; рѣшенія опредѣляются

большинствомъ голосовъ. Комитету вмѣнялось въ обязанность имѣть своихъ агентовъ изъ туземцевъ, совершенно преданныхъ общему дѣлу. Коммисары доставляли инструкціи, общія и частныя, согласныя съ мѣстностями. Всѣ инструкціи сообщались или письменно, или изустно чрезъ эмисаровъ. Сущность намъ извѣстныхъ инструкцій была слѣдующая:

Агенты изыскиваютъ средства къ приготовленію умовъ и дѣйствуя убѣжденіями, обращаютъ свое особенное вниманіе на учебныя и ремесленныя заведенія, поддерживая свои отношенія съ мѣстнымъ духовенствомъ (ксендзами) и между *надежными* распространяютъ издаваемые катехизисы.

Въ мартѣ 1848 года изъ Парижа были привезены новыя приказанія. Ими указывалось начать немедленно легкія волненія народа; по полученіи же чрезъ нарочнаго извѣстія о возстаніи въ Вѣнѣ сильною демонстраціею и убѣжденіями своихъ людей, пріобрѣтшихъ довѣренность у вліятельныхъ лицъ, *застращать начальствующихъ*, но избѣгать всякаго кровопролитія и насилія, всѣми мѣрами стараться освободить изъ заключенія патріотовъ, добыть разрѣшеніе, подъ весьма уважительнымъ видомъ сохраненія общественнаго порядка, объ учрежденіи комитета изъ туземцевъ, *народовой* гвардіи и замѣщеніе служащихъ въ администраціи также туземцами.

Комитетъ для сохраненія порядка *долженъ употреблять учащуюся молодежъ и старается чрезъ агентовъ о полномъ послушаніи* населенія избранной молодежи: Это указывалось первымъ средствомъ, дабы комитетъ, заслуживъ довѣріе начальствующихъ, могъ подчинить себѣ послѣдовательно всю власть *распорядительную, исполнительную и судебную.*

Для вооруженія *народовой* гвардіи, комитетъ долженъ озаботиться дополнить недостатокъ собственнаго вооруженія полученіемъ изъ казенныхъ запасовъ, или отъ войскъ, которыя за учрежденіемъ *народовой* гвардіи, могутъ быть распущены или уменьшены. Въ ряды *народовой* гвардіи могутъ быть включены военно служащіе, совершенно надежные, родомъ изъ туземцевъ. Офицеры обязаны немедленно *организировать* и *обучать гвардію народовую, какъ войску быть подобаетъ.* При замѣщеніи должностей туземцами, выборъ людей требуетъ особой осмотрительности на всѣ тѣ мѣста, на которыхъ должностные находятся въ *непосредственныхъ сношеніяхъ, какъ съ мѣстными начальниками, такъ и съ простолюдинамн.*

ГЛАВА 8-я.

Весеннія событія 1848 года.—Разливъ революціи по Европѣ.— Познанскія событія.— Борьба между нѣмецкою и польскою національностями.—Мѣрославскій и его неудачи.—Галиційскія событія.—Евреи.—Графъ Францъ Стадіонъ.—Львовскія демонстраціи.— Крестьяне.— Графъ Голуховскій и народовая гвардія.— Краковъ.— Прага и Дрезденъ.

Въ 1848 году нетерпѣливые италіанцы ознаменовали начало года революціонными, скоро потушенными вспышками въ Миланѣ, Бергамѣ, Веронѣ, Брешіи, Павіи и Сициліи; за тѣмъ уже, подъ руководствомъ революціоннаго ареопага, начался рядъ мятежей, озадачившій непосвященныхъ быстрою своею систематическою последовательностью.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ былъ первый, громадный взрывъ во Франціи, который послужилъ сигналомъ революціонерамъ. Іюльская монархія пала, Людовикъ Филиппъ искалъ спасенія въ Англіи.

Съ провозглашеніемъ республики во Франціи, польскіе эмигранты спѣшили на правый берегъ Рейна, на указанныя мѣста; при недостаткѣ необходимаго большаго числа дѣятелей, изъ высшихъ классовъ польской батиньольской школы былъ сдѣланъ усиленный выпускъ воспитанниковъ и эмигранты тучами наводнили Италію, Венгрію, Германію, Галицію, Познань и Польшу. Главнѣйшія указанныя мѣста для дѣйствія были Вѣна, Берлинъ, Франкфуртъ, Дрезденъ, Прага, Познань, Краковъ, Львовъ, Пестъ, Венеція, Миланъ и нѣкоторыя мелкія столицы Германіи и Италіи. Польская эмиграція обратила свое косвенное вниманіе на Вѣну, эмиграцію разжигала жажда

мести за галиційскія событія 1846 года, но главными причинами были тѣ особые виды, которые польская эмиграція, при своихъ расчетахъ, имѣла на Австрію. Въ Вѣнѣ польскіе эмигранты давно подготовляли жителей и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что, при разноплеменныхъ въ ней національностяхъ, масса журналистовъ, художниковъ, академистовъ и городской черни представляла пестрый, для революціи удобнѣйшій элементъ. *Кошутъ* сыпалъ золото щедрою рукою, и масса нѣмецкихъ и венгерскихъ заговорщиковъ была сосредоточена въ Вѣнѣ. Рядовые были готовы, вожаки, покончивъ съ королемъ французовъ, прибыли на сборный пунктъ, и 13 марта вспыхнулъ мятежъ въ Вѣнѣ. Императоръ Фердинандъ, уступая силѣ нежданныхъ обстоятельствъ и своимъ душевнымъ влеченіямъ, согласился на дарованіе конституціи, на сеймъ народныхъ представителей, на свободу книгопечатанія, освобожденіе политическихъ преступниковъ и образованіе національной гвардіи. Многолѣтній первый министръ Австріи, князь Меттернихъ долженъ былъ оставить свою должность, императоръ уѣхалъ въ Инспрукъ, императорскіе пожалованные манифесты были разосланы по всѣмъ областямъ.

Событія, подобныя вѣнскимъ, повторились по всей Германіи; въ ней запервенствовалъ ***Франкфуртскій сеймъ***, про который, можно сказать, что гора родила мышь.

Расчеты на вѣрный успѣхъ были сдѣланы безъ многихъ хозяевъ. Россія поставила тотчасъ же войска на военную ногу, французскіе революціонеры, провозгласивъ республику, отыграли свою роль и начали догадываться, что были одурачены; нація вовсе не была склонна слѣдовать политикѣ и указаніямъ своихъ революціонеровъ, земляковъ, а эти увидѣли себя невѣдомою рукою опутанными сѣтями, увидѣли себя заключенными въ какомъ то заколдованномъ кругу, изъ котораго былъ одинъ выходъ: распроститься съ Франціею и уѣхать въ Англію, или Америку. Французскій флотъ остался въ Ламаншѣ и не поплылъ съ десантомъ въ Балтійское море; Рейнъ по старому омывалъ берега прежнихъ властителей.

Европа, захваченная революціонерами въ расплохъ, начала отрезвляться. Народы хотятъ порядка, спокойствія, правильнаго развитія, а не физическихъ и моральныхъ пожаровъ, возбужденія неистовыхъ народныхъ страстей, которыя, однажды разбушевавшись десятками лѣтъ не успокоиваются. Примѣръ французской революціи прошедшаго столѣтія наводилъ такой страхъ на европейскія общества и на народныя массы, что они отказались этимъ путемъ доводить до свѣдѣнія правительствъ о тѣхъ послѣдовательныхъ

реформахъ, которыя требуютъ послѣдовательное современное развитіе. Одна только разноплеменная Австрія, при стремленіяхъ Италіи, не могла возстановить порядка и укротить революціонные пожары, хотя, Радецкій смирилъ Ломбардію и прогналъ Карла Алберта, а Іелачичъ, съ славянскими племенами, отстаивалъ покушенія Венгровъ—раздробить Австрію.

Въ событіяхъ 1848 года, подъ ближайшую опеку польской эмиграціи, поступили Познань, Галиція, Царство Польское и западный край Россіи.

Польская эмиграція, изъ числа эмигрантовъ, назначила для революціи въ Берлинѣ, наибольшее число познанцевъ и поляковъ для дѣйствія. Подготовивъ умы, заговорщики, по полученіи извѣстій объ успѣхѣ въ Вѣнѣ, 18 марта открыли въ грозныхъ размѣрахъ вооруженную демонстрацію. Король согласился на конституцію, на національную гвардію, на полную свободу печати и на освобожденіе политическихъ преступниковъ.

Революціонеры освободили въ Берлинѣ своихъ старыхъ коноводовъ, сидѣвшихъ въ темницѣ, въ томъ числѣ *Мѣрославскаго* и *Либельта*, и торжественно ихъ носили по городу. Въ какомъ бы революціонномъ пароксисмѣ жители Берлина тогда ни находились, но только одинъ полякъ могъ повѣрить тому, что Либельтъ писалъ, оттуда 20 марта; „*Весь прусскій народъ преисполненъ одною только мыслью возстановить Польшу свободною и независимою*, для оплота Германіи; нѣтъ болѣе сомнѣнія, что польскій вопросъ будетъ скоро разрѣшенъ,—даже возможно, что правительства, участвовавшія въ злодѣйствѣ раздѣла Польши, сами примутъ инициативу къ ея возстановленію. Умоляю васъ, сограждане въ виду того, что наши задушевнѣйшія желанія будутъ исполнены, не нарушайте теченія дѣлъ какими либо безпорядками въ великомъ княжествѣ Познанскомъ.“

Заранѣе подготовленные члены для познанскаго *народоваго комитета*, тотчасъ вышли, при успѣхѣ дѣла, наружу.

Вѣсть объ успѣхѣ революціи въ Берлинѣ обрадовала познанскихъ революціонеровъ, но что поляки восторженно тамъ братаются съ нѣмцами, это привело познанскихъ вожаковъ въ смущеніе. Подготовляя мятежъ, нѣмецкіе революціонеры, къ крайнему неудовольствію поляковъ, чѣмъ болѣе приближались къ роковому времени, тѣмъ настойчивѣе трубили объ единствѣ Германіи, и имъ вторили всѣ нѣмецкіе журналы; въ Германіи составлялись разныя комбинаціи,—ея слiянія съ Пруссіею или Австріею. При всѣхъ подобныхъ толкахъ, народовому польскому комитету было необходимо обречься

1*

въ началѣ отъ какого либо промаха, по инструкціямъ эмиграціи—отстоять польскій вопросъ во всей его чистотѣ, и неподдаваться на онѣмеченіе; въ такомъ духѣ и начинается первое возваніе познанскаго народоваго комитета отъ 21 марта.

„Часъ пробилъ и для насъ! объявлялъ комитетъ, Германія уже провозгласила свое единство. Прусскій король рѣшилъ примкнуть къ нему со всѣми тѣми своими областями, которыя на то *изъявятъ согласіе.* Намъ полякамъ, имѣющимъ свое историческое прошлое и свои національные элементы, не только не дозволено, но невозможно пристать къ союзу Германіи, *безъ погребенія навсегда нашихъ народныхъ традицій, безъ измѣны отчизнѣ.*“ Въ этомъ возваніи находимъ еще: „нынѣ, при загарающейся зарѣ нашего освобожденія, многіе граждане, *страшась могущаго быть кровопролитія*, обратились къ прусскимъ властямъ и заявили о необходимости устройства *народоваго комитета*, который направлялъ бы національное движеніе. Мы, *вами избранные*, при нашихъ сердечныхъ порывахъ, мы употребимъ всѣ наши усилія и средства; мы готовы на всѣ пожертвованія для независимости отчизны.“ Подобныя возванія много способствали къ тому, что пруссаки скоро вполнѣ проникли во всѣ тайныя польскія комбинаціи, скрываемыя подъ громкими фразами всеобщаго *благоденствія* и *братства.* Поляки думали одурачить нѣмцевъ; пруссаки дозволили полякамъ самимъ надурачиться вдоволь. Прусскіе сановники, изъ общаго движенія европейскихъ революціонеровъ, хотѣли извлечь для Пруссіи наибольшія выгоды, а войска, при происшедшихъ смутахъ, обязанныя взять ружье къ ногѣ, съ нетерпѣніемъ ждали случая поддержать честь и могущество государства.

Поляки съ каждымъ днемъ все болѣе разочаровывались въ прусской недогадливости. Поляки требовали для всей общественной жизни употребленія національнаго языка, король согласился. Поляки этому согласію дали такое толкованіе, что отнынѣ языкъ административный и въ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть для Познани польскій, и въ этомъ смыслѣ народовый комитетъ началъ свои распоряженія. Многочисленное нѣмецкое населеніе Познани взволновалось, но оно было успокоено письменно ему переданной волей короля: „Нѣмцы! не опасайтесь! ваши права и вашъ народный языкъ будутъ вполнѣ утверждены; по новымъ постановленіямъ всякій имѣетъ право употреблять всюду свой національный языкъ.“ Это предстоящее, административное вавилонское столпотвореніе имѣло слѣдствіемъ, что познанскіе нѣмцы, отстаивая свои земли для Германіи, стали на ножи противъ поляковъ;

поляки за основанiе принимали возстановленiе польскихъ предѣловъ 1772 года, а туземные нѣмцы, безъ всякихъ изворотовъ, имъ прямо говорили, что Познань давно уже не Польша и къ негодованiю своихъ земляковъ поляковъ, ихъ же упрекали, что они, особенно ихъ женщины, усиливаются *ополячить* Познань и всячески стараются искушать полонизмомъ тамошнюю нѣмецкую молодежь.

Поляки положительно отреклись отъ германскаго союза; король раздѣлилъ Познань, и западную ея часть, преимущественно уже онѣмеченную, назначилъ придать къ союзу, согласно волѣ заявленной большинствомъ мѣстныхъ жителей. При этомъ раздѣлѣ, къ большему негодованiю поляковъ, даже и главный городъ Познань былъ причисленъ къ Германiи.

Король пожаловалъ познанскимъ полякамъ, въ нацiональную ихъ гвардiю, *Мѣрославскаго* генераломъ; его военные планы въ 1846 году—съ шайками вступить единовременно въ борьбу съ Россiею, Австрiею и Пруссiею, раскрытые Берлинскимъ судомъ, вполнѣ указывали безопасность для Пруссiи военныхъ способностей этого, эмиграцiею прославляемаго, военнаго генiя. Поляки думали своими людьми наполнить нацiональную гвардiю и въ ней подготовить себѣ *народовое* войско, вооруженное на счетъ Пруссiи, для вторженiя въ Россiю; король опредѣлилъ нацiональной гвардiи состоять изъ отпускныхъ солдатъ и въ прокломацiи командующаго войсками генерала Виллизена, отъ 6-го апрѣля, съ объявленiемъ воли короля, полякамъ было сказано: „Вы желаете имѣть нацiональную гвардiю, вы будете имѣть ее въ ландверѣ, *ничего нацiональнѣе ландверовъ быть не можетъ.*“ Для вооруженiя этой стражи, былъ назначенъ послѣднiй негодный бракъ, поляки выставили это на видъ и получили въ отвѣтъ, что это оружiе, хотя и съ недостатками, но для мирной гарнизонной службы совершенно удовлетворительно.

Первоначальные успѣхи и прусскiя вѣжливости до того ослѣпляли *Мѣрославскаго*, что онъ призналъ за поляками право быть въ Познани полными распорядителями, какъ у себя дома; пруссаки дали имъ волю разойдтись вполнѣ и приняли свои мѣры; прусскiя войска были придвинуты. *Мѣрославскiй*, замѣчательный своими размашистыми фантазiями, началъ приводить въ исполненiе свои версальсiе грезы и планы двухлѣтняго заключенiя, послѣ 1846 года. Онъ снова принялся за исполненiе своихъ проэктовъ, тогда прерванное открытiемъ познанскаго заговора; на свѣтъ явился военный отдѣлъ (выдзялъ военный) съ готовыми для него уже положенiями и назначенными личностями. Въ радостномъ чаду, на первыхъ дняхъ явилось 20,000

волонтеровъ, готовыхъ вступить въ *войско народовое.* Не стѣсняясь никакими приказаніями, *Мѣрославскій* избѣгалъ ландверовъ, на которыхъ, какъ на старыхъ прусскихъ солдатъ, надежды были сомнительныя; а число волонтеровъ еще болѣе увеличивалось, потому, что поляки смотрѣли на корпусъ формируемый *Мѣрославскимъ*, какъ на кадръ будущей польской арміи, изъ котораго выйдутъ всѣ будущіе командиры; поляки увлеклись до того, что даже въ сношеніяхъ съ пруссаками только изрѣдка свои набираемыя войска называли національною гвардіею и, не стѣсняясь, называли ихъ *войскомъ народовымъ*; но пруссаки на вербовку въ *войско народовое* или *гвардію народову*, смотрѣли пока сквозь пальцы, что было новымъ ободреніемъ. *Мѣрославскій* формировалъ линейную пѣхоту, стрѣлковъ, кавалерію и, конечно, улановъ; заботы о перемѣнѣ оружія были отложены до позднѣйшаго времени, тѣмъ болѣе, что много явилось собственнаго отличнаго оружія у волонтеровъ. Главные расходы были на обмундированіе, кавалерія имѣла щегольскихъ коней, а польскія барыни имѣли польскія знамена уже въ готовности. Одною изъ первыхъ заботъ главноначальствующаго было устройство *школы подхоронжихъ* (юнкеровъ), для пополненія арміи специяльно образованными для военнаго дѣла офицерами и устройство тѣхъ разныхъ машинъ и колесницъ, собственнаго изобрѣтенія *Мѣрославскаго*, которыя, по его мнѣнію, должны были *измѣнить военное искусство* и во сто кратъ увеличить силу арміи. Пруссаки, раздѣливъ Познань, для присоединенія западной части къ Германіи, вывели войско Мѣрославскаго въ восточную, ближе къ русской границѣ. Цѣлый мѣсяцъ пруссаки смотрѣли, какъ поляки играли въ солдатики. Когда пароксизмъ началъ проходить и время отдѣлило спокойные умы отъ одержимыхъ трудно излѣчимою горячкою, тогда прусскій военоначальникъ потребовалъ безпрекословнаго возвращенія въ строгія границы королевскихъ повелѣній.

Пруссаки потребовали чтобы волонтеры были распущены по домамъ, а подъ ружьемъ *народовой гвардіи* было оставлено только дозволенное число, да и тѣмъ потомъ было приказано строго оставаться на указанныхъ мѣстахъ, посреди прусскихъ войскъ.

Для благоразумія *Мѣрославскаго*, переходъ отъ торжества къ униженію былъ слишкомъ быстръ, чтобы видѣть всю необходимость подчиниться; польская эмиграція думала надуть пруссаковъ, а *Мѣрославскій* увидѣлъ, что пруссаки ловко употребили собственные же его аргументы, понимая ихъ не съ польской, а съ прусской точки зрѣнія; *Мѣрославскій* съ оставшимися, имъ названными

кадрами, вступилъ въ бой съ пруссаками. Поляки, окруженные войсками, возбуждаемые своими офицерами, думали драться, но повсюду были принуждены тотчасъ же складывать оружіе. Только подъ *Мирославлемъ*, отставному офицеру *Бѣлоскурскому* удалось выручить польскую пѣхоту, ударивъ неожиданно на пруссаковъ съ своими уланами, и тѣмъ удержать нѣсколько времени поле боя за собою. *Мѣрославскій* провозгласилъ это дѣло своею *побѣдою подъ Мирославлемъ*, но дабы не появились невыгодныя для него толкованія, кому поляки были обяааны удачею, то по словамъ самихъ поляковъ: „Диктаторъ вспомнилъ *Папиріуса Курсора*, и за самовольство хотѣлъ разстрѣлять *Бѣлоскурскаго*, который своимъ помилованіемъ былъ обязанъ только заступничеству *всего войска.*“ Поляки, всюду встрѣчая пораженія, разсѣялись; *Мѣрославскій* видѣлъ свою роль въ Познани до конца отыгранною; онъ раздражилъ и познанцевъ и начальниковъ эмигрантовъ своими *деспотическими ухватками* и бѣжалъ, видя, что его ожидаютъ или возвращеніе въ прусскія казематы, или польская пуля.

Съ устройствомъ *народоваго* войска, раздоры въ польскомъ лагерѣ развились въ страшныхъ размѣрахъ, всѣ прибывшіе старые служивые, *пулковники эмигранты*, въ томъ числѣ уже намъ знакомый *Оборскій*, критиковали всѣ фантастическія распоряженія „*выскочки централизаціи.*“

Бѣжавшему *Мѣрославскому* еще оставался обширный театръ дѣйствія по Европѣ. Зловѣщимъ геніемъ революціи онъ принялъ участіе въ смутахъ Бадена и Сициліи; пріѣхалъ онъ и въ Венгрію, но какъ тамъ война выходила изъ размѣровъ уличныхъ подвиговъ и изъ театра дѣйствій ищущихъ приключеній повстанскихъ шаекъ, то онъ предпочелъ ораторствовать, критиковать и превозносить себя по трактирамъ Песта и Офена.

Обратимся къ Галиціи. Поляки—вожаки, наученные опытомъ, разочарованные въ сельскомъ сословіи *Галиціи*, искали другихъ путей, и всѣми усиліями обработывали городское сословіе; многочисленность въ немъ евреевъ вызывала новыя мѣры. Евреи пріютились вездѣ, гдѣ господствовали нѣкогда поляки, и среди шляхетскаго общества пріобрѣли своего рода значеніе. Евреи, въ ожиданіи своего мессіи, вездѣ считаютъ себя гостями; въ этомъ обществѣ, отталкиваемомъ христіанами, выработалась своя замкнутость, свой складъ понятій; единственная цѣль евреевъ—нажиться, и всякій изъ нихъ обязанъ помогать другому въ этомъ дѣлѣ. Мнѣніе евреевъ, что христіанъ обманывать должно и можно. Въ своемъ обществѣ еврей долженъ быть честенъ, внѣ его допускается вся-

кія плутни; никогда общественное мнѣніе между евреями не укоритъ ни кого изъ нихъ ни за какой поступокъ противъ христіянина, какъ бы ни былъ онъ гнусенъ. Еврей обманываетъ въ работѣ, въ торговлѣ, лукаво онъ обманываетъ власти своими увѣреніями и заявленіями преданности и вѣрности, и улыбается христіанскому легковѣрію. У еврея нѣтъ отечества, онъ нигдѣ не признаетъ его, онъ предается только тому дѣлу, въ которомъ ему представляется болѣе выгоды. Если евреи, такъ часто, въ посторонних разговорахъ, высказываютъ убѣжденіе, что нѣтъ предмета, нѣтъ лица, которыхъ нельзя было бы купить, то трудно предположить, чтобы это не было убѣжденіе цѣлыхъ кагаловъ. Только расчетъ личной выгоды можетъ удержать еврея, или страхъ, но и страхъ слабѣетъ предъ золотомъ. Евреи всегда были усердными исполнителями всевозможныхъ порученій польскихъ заговорщиковъ, которые щедро платили, но отъ рѣшительнаго участія въ мятежѣ евреи отказывались; изрѣдка проглядываетъ случайно офанатившаяся личность, искушенная мечтою о власти, тѣмъ сильнѣе дѣйствующая, что власть евреямъ менѣе доступна. Эмиграція хотѣла ихъ *эмансипировать*, какъ она выражалась; попытка къ ополяченію евреевъ, къ признанію ихъ равными дѣтьми одной матки-ойчизны, была сдѣлана въ 1846 году и была неудачна. Евреи клялись жертвовать жизнью, достояніемъ, но не сдѣлали болѣе того, что сдѣлали польскіе коноводы; они одинаково съ ними только думали о личныхъ своихъ интересахъ. Эмансипаціею евреевъ особенно занимались польскіе агенты въ Галиціи; евреи видимо поддавались, обѣщали многое послѣ 1846 года, работали, пока получали деньги, и работали смѣло потому что крестьянъ не боялись; еврей былъ его покупщикъ, продавецъ и заимодавецъ. Когда дѣла пошли плохо, евреи отстали первые.

Генералъ-губернаторомъ Галиціи, въ 1848 году, былъ графъ Францъ *Стадіонъ*,—братъ прежняго графа Рудольфа, но далеко не столь прозорливый. Графъ Францъ былъ пропитанъ модными идеями, пущенными въ ходъ революціонною пропагандою; онъ былъ *либералъ* и искалъ *популярности;* онъ съ каторжниками работалъ на улицахъ Львова, чтобы въ гуманныхъ влеченіяхъ узнать не тяжела ли работа. Польская аристократія щедро подкуривала фиміамъ гуманному передовому правителю. Баронъ *Гаммерштейнъ*, командующій войсками, былъ человѣкъ другаго нрава и, видя усиливающееся броженіе умовъ въ Галиціи, потребовалъ усиленія войскъ и принялъ свои мѣры.

Извѣстія о событіяхъ въ Вѣнѣ 13 марта пришли во Львовъ

19-го. Согласно данной инструкціи, вожаки начали подымать народъ и разжигать его къ буйной манифестаціи, дабы, какъ гласила инструкція, *застращать мѣстныя власти.* Послѣдствія вышли обратныя,—графъ *Стадіонъ* въ тотъ же день получилъ увѣдомленіе объ императорскихъ дарованныхъ 13 марта уступкахъ. Въ собранномъ совѣтѣ, баронъ *Гаммерштейнъ* требовалъ пріостановить при смутныхъ обстоятельствахъ, обнародованіе вѣнскихъ манифестовъ, велѣлъ прибавить число боевыхъ патроновъ въ сумахъ и назначилъ войскамъ сборныя мѣста на случай тревоги.

На сценѣ львовскихъ событій, выступили тогда два назначенные коновода *Кульчинскій* и *Добржанскій.*

Кульчинскій былъ богатый портной, *Добржанскій,* ополяченный руссинъ, котораго дѣдъ еще назывался *Добрянскимъ,* былъ литераторъ. Львовскіе туземные вожаки получили изъ Парижа адресъ къ императору, приготовленный въ мастерскихъ польской эмиграціи. Кульчинскій выставилъ его въ своемъ домѣ и приглашалъ гражданъ скрѣплять его своими подписями. Какъ всѣ распоряженія къ общей европейской революціи вышли изъ одного источника, то челобитная заключала требованія вѣнскихъ революціонеровъ, съ придачею ей мѣстнаго характера, а именно: предложеніемъ австрійскому императору стать *королемъ польскимъ*, приводя въ исполненіе мысль *Чарторыйскаго.* Князь *Адамъ* разсчитывалъ помоіщью Австріи возстановить Польшу; Польшею вознаградить Австрію за Венгрію, а при включеніи всѣхъ поляковъ въ одну австрійскую монархію, разложить потомъ разноплеменную Австрію, если нѣмцы не захотятъ оставаться подъ польскимъ владычествомъ.

Сущность содержанія адреса была слѣдующая:

„Австрійскій императоръ прнинмаетъ титулъ *короля Польши* и даруетъ своимъ подданымъ конституцію; цензура уничтожается, полною амнистіею пользуются всѣ судимые за политическія мнѣнія, а всѣ политическіе преступники немедленно должны быть освобождены."

„По всей Галиціи учреждается національная, гвардія для поддержанія спокойствія и порядка *противъ мятежныхъ крестьянъ* и противъ *врага* польскаго имени,—русскаго императора. Въ Галиціи утверждается національное правительство, и всѣ должности должны быть замѣщены природными поляками, а польскій языкъ введенъ во всѣ правительственныя мѣста и учебныя заведенія."

Этотъ адресъ въ полномъ смыслѣ слова знаменателенъ. Онъ заключалъ всѣ планы къ утвержденію польской власти, всѣ замыслы къ дальнѣйшимъ затѣямъ, всѣ ихъ страхи, называя по имени тѣхъ, кого они считали опаснѣйшими противниками, и дерзкую увѣренность, что всякій долженъ читать этотъ актъ польскими глазами.

Дѣло пошло какъ по маслу; графъ Стадіонъ запретилъ полиціи мѣшаться въ *народныя удовольствія*, поляки стекались тысячами скрѣплять адресъ. Когда *Добржанскій* увидѣлъ что дѣло коновода не очень опасно, то, при этихъ ободрительныхъ обстоятельствахъ, ему нельзя было оставить портнаго въ главѣ движенія; онъ направился въ домъ *Кульчинскаго*, отобралъ у него челобитную и тетрадь съ подписями и перенесъ ихъ на площадь. Онъ обратился съ пламенною рѣчью къ народу, много толкуя о Польшѣ и о необходимости новаго порядка правленія.

Хотя графъ *Стадіонъ* и положилъ дать народу полную свободу, дабы собиравшіяся толпы могли выразить *свою волю и нужды*, но баронъ *Гаммерштейнъ* зналъ, что толпы народа—не засѣдающія палаты, а если и палаты увлекаются ловкими говорунами, то, не вѣдая, что у уличныхъ коноводовъ на умѣ, трудно предугадать, какое направленіе примутъ народныя собиравшіяся массы. Во всякомъ случаѣ, благоразумная мысль барона *Гаммерштейна* была—предупредить всякое событіе, которое могло бы подать поводъ къ неистовствамъ или другимъ тому подобнымъ происшествіямъ, которыхъ слѣдствіемъ могли быть запоздалыя раскаянія въ оплошности.

Исполняя генералъ-губернаторское приказаніе—не препятствовать народу собираться, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ мѣры, которыя ему внушали его соображенія и чувства долга; онъ приказалъ вывести войска. Артиллерія выѣхала съ зараженными орудіями и зажженными фитилями, начальникъ войскъ разставилъ ихъ такъ, что хвостъ народной толпы не могъ въ одной непрерывной колонѣ слѣдовать къ генералъ-губернаторскому дворцу, за многочисленной депутаціей, въ главѣ которой шелъ *Добржанскій*, неся торжественно адресъ на имя императора.

Во дворцѣ онъ представилъ свою бумагу, съ тетрадью подписей, и съ рѣчью, въ которой излагалъ ея содержаніе. *Добржанскій*, твердо выучилъ всѣ придуманныя эмиграціею извороты для отуманенія умовъ и умноженія Панургова стада на пользу польской справы; онъ высказалъ ихъ графу *Стадіону*, многократно повторяя, что движеніе въ Галиціи не есть движе-

нію враждебное правительству, но что поляки только хотятъ своей самостоятельности, національнаго своего развитія, своего возрожденія, возстановленія Польши, и хотятъ достигнуть всего этого, только идя рука объ руку съ Австріей, признавая въ ея императорѣ своего короля Польши, *польскою націею избраннаго*, за которымъ они, съ оружіемъ въ рукахъ, *повсюду* послѣдуютъ.

Не знаемъ, на сколько графъ *Стадіонъ* радовался, что, вмѣсто наслѣдственнаго, великаго княжества Галиціи, поляки на первыхъ же порахъ предлагали его монарху престолъ *избирательныхъ* королей польскихъ, не знаемъ былъ ли онъ доволенъ, что галиційскіе крестьяне, подписаннымъ поляками актомъ, были признаны *мятежниками*, и что въ челобитной указывалось императору, гдѣ это *всюду*, куда поляки за нимъ послѣдуютъ; но генералъ-губернаторъ принялъ депутацію благосклонно. Онъ увѣрялъ ее въ своей симпатіи къ народу и къ законной свободѣ, вышелъ на балконъ, сказалъ, что адресъ онъ получилъ, препроводитъ его къ императору и въ заключеніе объявилъ свободу политическимъ преступникамъ, которые на слѣдующій день будутъ выпущены. Громкіе возгласы привѣтствовали генералъ-губернатора; расчуствовавшись народными ликованіями и тысячами провозглашаемыхъ ему виватовъ, онъ отдалъ приказаніе, не смотря на позднее время, немедленно выпустить нѣсколько заключенныхъ; народные виваты удесятерились; повторимъ при этомъ и мы слова одного изъ присутствовавшихъ тогда австрійскихъ военачальниковъ: *„посмотримъ, что изъ всего этого выйдетъ; между либераломъ и добрымъ малымъ (bon enfant) тысячу миль разстоянія.“*

„Иллюминацію, иллюминацію!“ кричали тысячи восторженныхъ голосовъ; окна облились огнями, коноводы немедленно собрали студентовъ и поручили имъ, исполняя присланную отъ эмиграціи программу, наблюдать за сохраненіемъ строгаго порядка и спокойствія, не допускать никакихъ скандаловъ, ни *винныхъ*, ни *революціонныхъ*.

Революціонеры Галиціи торжествовали; съ принятіемъ адреса, они надѣялись, что сельское населеніе попало въ ихъ западню. Крестьянамъ не знающимъ ни административныхъ, ни дипломатическихъ тонкостей, они настойчиво толковали, что императоръ австрійскій уже сталъ королемъ польскимъ. Они проповѣдывали имъ, императоръ нынѣ король Польши, т. е. поляковъ, то вы, хлопы, которые убивали пановъ, думая защищать его власть, теперь должны исполнять панскую волю. Озадаченному

населенію, по ихъ расчетамъ, оставалось только склонить шею и идти прямо въ протянутое ему ярмо; не доставало только національной гвардіи для поддержанія въ населеніи призрака надъ нимъ установившейся польской власти.

Не ожидая разрѣшенія на поданный адресъ, львовскіе горожане, подстрекаемые коноводами революціи, на слѣдующій день,— 20 марта начали вооружаться; *Добржанскій* говорилъ, что вѣнскія извѣстія удостовѣряютъ, что отказа ихъ адрессу не будетъ. При недостаткѣ оружія, явились допотопные палаши и венгерскія кривыя сабли, которыми студенты щеголевато опоясались.

Университетъ обратился въ сущую казарму, во всѣхъ гимназіяхъ и школахъ ученики повели себя такъ, что нужно было запереть классы: ученикамъ было не до наукъ; призывали ихъ гражданскія обязанности, они трактовали о разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ.

Одураченные студенты, подстрекаемые напоминаніемъ о ихъ призваніи—стать въ главѣ народа, послѣ обѣда, отправились къ графу *Стадіону* просить его объ оружіи для вступленія въ національную гвардію, хотя едва ли многіе изъ нихъ знали истинный смыслъ и цѣль коноводовъ. Популярный графъ самъ отправился въ университетъ, велѣлъ изъ императорскаго цейхауза принести оружіе и, раздавая студентамъ ружья со штыками и сумы съ боевыми патронами, внушалъ имъ, что ихъ прямой долгъ неослабно смотрѣть за общественнымъ спокойствіемъ, и быть столбами для поддержки благоразумной свободы. Едва генералъ-губернаторъ уѣхалъ изъ университета, какъ начались распри. Недостатокъ мундировъ, нужно было замѣнить какимъ либо другимъ отличіемъ, дабы всякій прохожій могъ отличить *народоваго гвардейца*; студенты находили, что, при всей ихъ доброй волѣ, ходить цѣлый день въ сумѣ чрезъ плечо и съ ружьемъ на плечѣ, было нѣсколько обременительно. Какъ студенты были только жалкими орудіями чужихъ затѣй, то они и не могли сговориться, и каждый тянулъ на свою сторону.

Воспитанные революціонными коноводами, предложили надѣть трехцвѣтную кокарду; другіе возразили, что эта кокарда—эмблема революціи, а они хотятъ императора Фердинанда посадить на польскій престолъ, слѣдовательно кокарда должна быть изъ цвѣтовъ древнихъ польскихъ, бѣлаго и амарантоваго: „Еще польска не сгинела“ раздавалось со всѣхъ сторонъ; евреи—студенты соглашались; но въ это время раздались новые возгласы: „Мы не хотимъ польскихъ цвѣтовъ, кричали руссины и нѣмцы, да

здравствуетъ конституціонный король Фердинандъ. Споры были готовы обратиться въ драку, и студенты, по свидѣтельству одного присутствующаго, подрались бы непремѣнно, если бы было можно дѣйствовать кулаками, но руки были заняты ружьями. Въ эти критичеекія минуты кто-то подогадливѣе примирилъ враговъ. „Да будетъ кокарда бѣлая,“ воскликнулъ онъ; „бѣлый цвѣтъ, цвѣтъ свободы, мира, просвѣщенія и согласія.“ Согласіе водворилось и, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ львовскія дамы усидчиво трудились надъ приготовленіемъ бѣлыхъ кокардъ; вечеромъ патрули студентовъ *народовой* гвардіи уже всѣ были при бѣлыхъ кокардахъ; назначенные офицерами опоясались полотенцами, за недостаткомъ бѣлыхъ шарфовъ; толпа учениковъ бѣгала за патрулями, улицы освѣщали, чтобы налюбоваться вновь импровизированною городскою стражею и уличнымъ маскарадомъ. Кромѣ войскъ, предугадывавшихъ развязку, все казалось въ восторгѣ.

Слѣдующій день, 21 марта, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ для раздачи оружія прочимъ гражданамъ, для службы *народовой* гвардіи; отъ каждаго требовалась предъ выдачею подписка, что онъ будетъ *употреблять оружіе только противъ враговъ отечества.* Хотя всякій могъ давать такое толкованіе этому выраженію, какое желалъ, но какъ у предусмотрительныхъ возникли опасенія, что толковать его станутъ не одни сочувствующіе журналисты, а также можетъ быть и уголовные суды, то многіе стѣснялись подпискою. Коноводы не зѣвали. Съ утра уже, кромѣ бѣлыхъ, начали являться и польскія кокарды, появились конфедератки на мущинахъ и на дамахъ; тогда руссины и нѣмцы стали еще болѣе коситься на поляковъ и обратно; у ратуши стали собираться полчища и наполнять ея залу. На сцену выступилъ одинъ руссинъ и объявилъ, что руссинскій языкъ вовсе не нарѣчіе польскаго, и что руссины вовсе не принадлежатъ къ польской націи; онъ потребовалъ для восточной Галиціи полное признаніе ея національности, языка и правъ. Поляки съ бѣшенствомъ кинулись на оратора и чрезъ окно хотѣли его вышвырнуть на мостовую; студенты, его земляки, вступились и съ поддержкою нѣсколькихъ студентовъ поляковъ, такъ называемой бѣлой партіи, сохранившихъ бѣлую кокарду, за него заступились и съ трудомъ его высвободили. Но съ выводомъ руссина спокойствіе не возстановилось. Коноводамъ надо было дѣйствовать, переработать населеніе къ неуваженію и не боязни законныхъ властей; они пускали въ толпу заявленія, что генералъ-губернаторъ

долженъ безъ всякихъ росписокъ выдавать оружіе, и не имѣетъ права никого стѣснять, что никакихъ подобныхъ стѣсненій не было въ Вѣнѣ. Оружія, оружія! раздавалось въ ратушѣ и на площади; *Гаммерштейнъ* приказалъ выводить войска на улицы. *Добржанскій* въ главѣ народной массы повелъ ее къ генералъ-губернаторскому дворцу. „Народъ требуетъ, сказалъ онъ графу *Стадіону*, чтобы войска были обезоружены, иноплеменные полки были возвращены на свою родину, галичане распущены по домамъ, а отобранное оружіе должно быть роздано народу для поддержанія общественнаго порядка."

Популярному генералъ-губернатору пришлось отказать требованію народа, и выпроводивъ *Добржанскаго* отдать приказаніе, чтобы къ нему впредь никого посторонняго не пускали. Тогда *Добржанскій* ярыми словами объявилъ толпѣ, что графъ *Стадіонъ* противится исполнить волю народа, коноводы были уже разставлены въ надлежащихъ мѣстахъ и подали сигналъ къ неистовымъ крикамъ. Выведенныя войска примкнули штыки въ присутствіи грозно смотрѣвшихъ массъ. *Добржанскому* было необходимо на свободѣ сосчитать силы, на которыя онъ могъ располагать, онъ повелъ толпы за городъ, отдѣлилъ вооруженныхъ отъ невооруженныхъ, тѣхъ и другихъ отставные офицеры, эмигранты и туземцы, разбили на роты и на взводы и поставивъ въ ряды, торжественно привели обратно въ городъ, громко распѣвая: Еще Польска не сгинела." Въ взводы, построенные гимназисты, ученики и разные мальчики городскаго населенія маршировали въ хвостѣ колоны и заключали шествіе мимо войскъ, стоявшихъ еще въ ружьѣ.

Добржанскій, найдя на произведенномъ имъ смотрѣ, число увлеченныхъ удовлетворительнымъ, привелъ толпы на площадь предъ ратушей, и повелъ исполненіе программы далѣе. Онъ снова обратился съ неукротимою рѣчью къ народу: „правительственныя власти идутъ на перекоръ благимъ предначертаніямъ; народъ долженъ имѣть своихъ представителей, свою власть, своихъ совѣтниковъ, своихъ охранителей его правъ и свободы. Онъ предложилъ немедленно, не расходясь, избрать *раду народову*, изъ людей, которыхъ народъ знаетъ и которымъ онъ довѣряетъ. Суфлеры заняли приличныя мѣста, съ цѣлью провозгласить уже *назначенныхъ* эмиграціею, дабы не могъ повториться промахъ сдѣланный въ Краковѣ въ 1846 году, когда былъ избранъ безъ подобныхъ руководящихъ мѣръ, графъ *Водзицкій*." Рада народова была избрана, въ главѣ ея былъ поставленъ *Добржанскій*. Новою рѣчью *Добржанскій* благодарилъ сограж-

данъ *за довѣріе* и заключилъ ее словами: „Моя голова, моя кровь, все что я называю моимъ принадлежитъ Польшѣ, принадлежитъ народу, принадлежитъ ойчизнѣ.“ Толпа разошлась самодовольною и торжествующею.

Для подготовленія городскаго населенія къ мятежнымъ волненіямъ и дабы пріучить его къ неповиновенію и бунту, демонстраціи слѣдовали за демонстраціями; на другой день лозунгомъ для львовскаго населенія былъ: *„Теофилъ Вишневскій“* и толпы горожанъ всѣхъ сословій устремлялись на то мѣсто, гдѣ преступникъ 1846 года былъ повѣшенъ. Дамы являлись въ полномъ траурѣ, мужчины съ флеромъ на шляпахъ и шапкахъ, религіозныя процессіи смѣняли одна другую. Обратился было графъ *Стадіонъ* къ почетнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ горожанамъ, тѣ сухо отвѣчали, что они безсильны удержать порывы народныхъ влеченій и симпатій. По трактирамъ, по виннымъ погребамъ, по мастерскимъ заговорщики ходили въ платьяхъ работниковъ и возбуждали народъ, провозглашали объ угнетеніи простаго народа и, распаляли его воображеніе разными картинами благоденствія при соціальномъ, равноправномъ общественномъ устройствѣ.

Графъ *Стадіонъ* запретилъ сборища на мѣстѣ казни;— заговорщики ему отвѣтили, прибивая на уличныхъ перекресткахъ плакаты съ надписями: *„Графъ Стадіонъ измѣнникъ,“ „графъ Стадіонъ предатель,“ „графъ Стадіонъ второй Суворовъ.“*

При явномъ разрывѣ львовцевъ съ властями, руссины и нѣмцы начали прозрѣвать сквозь туманъ, нагоняемый съ запада тогдашнею журналистикою, стали догадываться въ чемъ было дѣло, стали догадываться, что всѣ затѣи въ сущности чисто *польскія*, а потому и начали отставать отъ демонстрацій; но какъ Львовъ хотя, лежитъ и въ восточной Галиціи, но его жители, равно какъ и жители другихъ городовъ Галиціи, преимущественно поляки, ополяченные, да жиды, то революціонная партія едва почувствовала выступленіе иноплеменныхъ изъ польскихъ рядовъ.

Графъ *Стадіонъ*, выведенный изъ терпѣнія дерзостями и продѣлками самозванца-правительства,— *рады народовой*, приказалъ ей разойдтись и объявилъ, что если онъ о ней услышитъ впредь, то съ ослушниками поступитъ рѣшительно; противъ сборищъ приняты были также рѣшительныя мѣры; тѣмъ болѣе успѣшныя, что самому городскому населенію начало надоѣдать ежедневное повтореніе одного и тогоже и въ сосѣдней

Познани дѣла пошли скверно— *Мѣрославскій* бѣжалъ, *Добржанскій* ждалъ новыхъ инструкцій отъ парижской централизаціи— умы казалось успокоивались.

Подготовленіе населенія города Львова, избраннаго революціонерами, центромъ ихъ дѣятельности въ Галиціи, повторялось и въ другихъ ея городахъ; и тѣми же манифестаціями и демонстраціями производилось новое воспитаніе народа, согласно указаній эмиграціи, только въ меньшихъ размѣрахъ. 1846 годъ практически указалъ, что съ сельскимъ населеніемъ, не смотря на все усиліе помѣщиковъ, нельзя обращаться очертя голову и что для мятежа галиційскихъ крестьянъ требуются болѣе замысловатыя средства. По мнѣнію вожаковъ революціоннаго дѣла, адресъ о приглашеніи императора Фердинанда въ польскіе короли долженъ былъ разрѣшить и эту задачу, кромѣ тѣхъ дальнѣйшихъ дипломатическихъ видовъ, съ которыми было сопряжено это приглашеніе.

Пока демонстраціи волновали народъ въ Львовѣ, въ селахъ агенты не зѣвали. Свою комбинацію о непремѣнномъ послушаніи полякамъ, такъ какъ по ихъ увѣреніямъ императоръ сталъ королемъ Польши, они настойчиво хотѣли утвердить между крестьянами, указывая на льготныя грамоты имъ полякамъ отъ императора присланныя; крестьяне не вѣрили, но когда съ освобожденіемъ политическихъ преступниковъ помѣщики, дѣятели 1846 года, стали одинъ за другимъ возвращаться къ свои помѣстья, и прямо вступили въ свои права и владѣнія, и когда, кромѣ того, по городамъ и селеніямъ начали бродить вооруженныя толпы пѣшія и конныя, называя себя народовыми гвардейцами, учрежденными правительствомъ, тогда крестьяне пришли въ недоумѣніе; они стали посылать выборныхъ изъ деревень къ мѣстнымъ властямъ, узнать правда ли что императоръ сталъ королемъ польскимъ; мѣстнымъ властямъ трудно было разъяснять всѣ вѣнскія и мѣстныя событія, тѣмъ болѣе что онѣ и сами становились въ тупикъ и мало что въ нихъ понимали: онѣ отдѣлывались какъ могли, и совѣтовали ждать терпѣливо, покуда прибудутъ новыя приказанія изъ Вѣны. Здравый смыслъ помогъ крестьянамъ; они положили на сходкахъ полякамъ не вѣрить, отъ нихъ никакихъ льготъ не принимать и ждать что имъ объявятъ мѣстныя власти. Когда до свѣдѣнія графа Стадіона дошло, что національныя гвардейцы стали являться по всей Галиціи, то онъ, видя что дѣла заходятъ далеко объявилъ для всеобщаго свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, что

онъ разрѣшилъ національную гвардію только для города Львова, а за тѣмъ, если кто вооруженимъ появится внѣ указаннаго города, то будетъ взятъ мѣстною властью и наказанъ. Страхъ расправы крестьянъ, блюстителей исполненія правительственныхъ распоряженій, прекратилъ по усадьбамъ образованіе, а по деревнямъ появленіе гвардіи народовой.

Верховные коноводы проживали безопасно или за границею, или, если и на мѣстахъ, то скрытыми, соображеніями *Буонароти*, въ высокой сферѣ нижними слоями революціонной іерархіи; низшіе же слуги рисковали казематами; были своего рода охотники, рисковавшіе своими головами, подвизаясь на уличныхъ бояхъ, а въ роли *Добржанскихъ* попадали фанатики, которыхъ польская эмиграція искала и вписывала внимательно на особый списокъ.

Со всѣмъ въ другое положеніе были поставлены помѣщики. Имена всѣхъ ревнителей были хорошо извѣстны эмиграціи, тамъ были и тайные списки и живые біографическіе для нихъ словари. Въ польской эмиграціи тщательно собирались свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, взносахъ, патріотическихъ обѣщаніяхъ, заявленіяхъ, рѣчахъ каждаго; въ минуту опасности перебѣжчика въ чужой лагерь могли ожидать ядъ, кинжалъ или пуля подосланнаго фанатика. Попавъ однажды въ сѣти эмиграціи изъ нее нельзя было уже вырваться, а послѣ рѣзни 1846 года, помѣщики поняли новаго рода опасность, а эта опасность грозно подымалась надъ ними, когда новыя распоряженія изъ Парижа имъ повѣстили, что главы всѣхъ партій польской эмиграціи рѣшили весною 1848 года начать дѣло снова. Для уясненія дѣла обратимся нѣсколько назадъ.

Польское дворянство съумѣло дать въ Вѣнѣ такой поворотъ крестьянскому положенію, составленному подъ руководствомъ графа Рудольфа Стадіона въ 1846 году, что манифестъ отъ 15 декабря ни на шагъ не подвинулъ крестьянскій вопросъ впередъ. Ближайшее устройство отношеній помѣщиковъ съ крестьянами было въ Вѣнѣ предоставлено *добровольному соглашенію.* Но за то чѣмъ ближе подходило время къ мятежу, тѣмъ болѣе росла лихорадка у пановъ, жившихъ по усадьбамъ. Еще зимою они стали съѣзжаться для совѣщаній, но у крестьянъ, принявшихъ на себя однажды обязанность смотрѣть за помѣщиками въ оба, пошли новые толки. Испуганные помѣщики перестали съѣзжаться по усадьбамъ, но положили собраться въ г. Тарновѣ. На этомъ съѣздѣ, они постановили принять парламентскія формы

для совѣщаній и избрали *князя Сангушко* своимъ президентомъ. Президентъ открылъ собраніе, объявилъ что въ Галиціи до тѣхъ поръ никто не можетъ быть увѣренъ ни въ своей жизни, ни въ своей собственности, пока сохранится барщина, но какъ всѣ хозяйства имѣли барщинный трудъ въ основаніи, то на устахъ всѣхъ ораторовъ являлись слова: *„соотвѣтствующее вознагражденіе."*

Изворотливость польской интриги ясно обрисовывается въ тарновскихъ совѣщаніяхъ землевладѣльцевъ. Они были поставлены между австрійскимъ правительствомъ и страхомъ повторенія крестьянской рѣзни, между требованіями эмиграціи и своими личными экономическими расчетами, между своими шляхетными традиціями и надеждами уловкою, возстановивъ крестьянъ противъ австрійскаго правительства, привлечь ихъ на сторону шляхетской польской справы. По манифесту 15 декабря 1846 года, землевладѣльцы могли вступать во всякія здѣлки съ крестьянами по обоюдному согласію и безъ новаго адреса; но панамъ хотѣлось оброка въ такихъ размѣрахъ что они не могли надѣяться на доброволное соглашеніе.

Большинствомъ голосовъ собраніе приняло обратиться къ Императору съ адресомъ, о сохраненіи земли за помѣщиками, съ замѣною барщины оброкомъ. Паны составили новую комбинацію. Они въ адресѣ своимъ домагательствамъ хотѣли дать видъ новыхъ пожертвованій въ пользу крестьянъ и за эти пожертвованія въ томъ же адресѣ они испрашивали: *„1) объ энергическихъ мѣрахъ со стороны правительства къ сохраненію полнаго спокойствія и безопасности въ краѣ и 2) о замѣнѣ всѣхъ должностныхъ поляками.*

Въ виду подготовляемыхъ событій Ламберовъ отель, внимательно слѣдилъ за всѣми случаями края, и отъ него пришелъ совѣтъ, подписавшимъ тарновскій адрессъ подарить барщину крестьянамъ или, на самыхъ снисходительныхъ условіяхъ, взойдти съ ними въ соглашеніе, такъ какъ барщина должна быть скоро прекращена, вслѣдствіе адреса поданнаго княземъ *Сангушко* и сколько Ламберовскому отелю извѣстно, размѣры оброковъ положенныхъ на крестьянъ будутъ самые умѣренные.

Зима была на исходѣ; демонстраціи, начавшіяся въ Львовѣ освѣжали воспоминанія 1846 г. и краснорѣчиво поддержали совѣты князя *Адама*, если не у всѣхъ, то покрайней мѣрѣ между тѣми, которые не расчитывали, что, въ случаѣ крутаго поворота, успѣютъ спастись въ города. Человѣкъ 100 помѣщиковъ, преимущественно

изъ мелкопомѣстныхъ, рѣшились подарить крестьянамъ барщину, но крестьяне положительно отказались, говоря, что только отъ одного императора они примутъ милости, что онъ одинъ имѣетъ на то право. Слѣдующій разсказъ можетъ показать какъ паны обусловливали свои милости.

Одна помѣщица приказала собраться крестьянамъ и вразумительною рѣчью старалась имъ пояснить о зарѣ новой жизни Польши и Австріи, что императоръ австрійскій сталъ теперь королемъ Польши, а потому всѣ поляки должны вооружиться, чтобы завоевать обратно польскія области, находящіяся во вражескихъ рукахъ; а дабы они, крестьяне, могли также чувствовать какъ и дворяне, необходимость возстановить Польшу въ прежнихъ ея границахъ, то помѣщики опредѣлили подарить имъ барщину, видя въ нихъ своихъ братьевъ и согражданъ; они же крестьяне, какъ истинные граждане, должны вооружиться и стать подъ начальство дворянъ. Крестьяне мигнули своему судьѣ выдти впередъ и дать отвѣтъ; барыня изъ принесенной корзины кокардъ вынула двѣ и въ знакъ соединенія дворянства съ крестьянами, одну пришпилила на себя, другую хотѣла возложить на крестьянина-судью, но тотъ воспротивился: это невѣрно, сказалъ онъ, это ваша польская кокарда, а императорская черная съ желтымъ.

— Да развѣ вы меня не поняли, продолжала барыня, императоръ теперь король польскій.

— Мы объ этомъ еще изъ окружнаго правленія ничего не получили, а надъ нимъ все виситъ прежній орелъ, а не вашъ польскій.

— Польскій орелъ долженъ быть и вашимъ орломъ; мы всѣ теперь поляки, дворяне и крестьяне.

— Мы не поляки, коротко отвѣчалъ судья.

— Такъ кто же поляки? спросила барыня.

— Милостивая государыня, поляки это вы, которые живете по городамъ, а мы, крестьяне, да солдаты, да чиновники и нѣмцы, мы всѣ *аустріяки*.

— Да развѣ вы меня не слыхали; вы избавляетесь отъ барщины, потому что вы поляки.

— Отъ барщины насъ можетъ избавить только одинъ императоръ.

Управляющій замѣтивъ, что барыня разгорячилась, а крестьяне на ея невоздержныя рѣчи стали коситься, взялъ ее подъ руку и увелъ въ хоромы. Ко всеобщей радости галиційскихъ

крестьянъ 11 апрѣля 1848 года постановленіе о прекращеніи барщины было подписано и крестьяне были сдѣланы собственниками, что графъ *Стадіонъ* немедленно разослалъ по всѣмъ округамъ для торжественнаго объявленія. Крестьяне приняли эту милость, какъ даръ отъ императора, твердо убѣжденные, что поляки кромѣ зла для нихъ ничего не творили.

Въ то время появилась въ Львовѣ каррикатура, съ замѣчательнымъ сходствомъ лицъ. Помѣщики были изображены разставленными торжественною группою представителей дворянства съ важными, но нахмуренными физіономіями; чиновники окружныхъ управленій ихъ раздѣваютъ, а графъ *Стадіонъ* разбрасываетъ снятыя платья толпѣ оборванныхъ крестьянъ. Среди пасмурныхъ дворянскихъ физіономій, одинъ только изображенъ насмѣшливо улыбающимся—это былъ всѣмъ знакомый, богатый баринъ, за годъ предъ тѣмъ продавшій всѣ свои имѣнія.

Крестьянское дѣло устроилось, крестьяне были довольны на сколько человѣкъ можетъ быть доволенъ: ,,кабы еще *лѣсу, да луговъ*, говорилъ крестьянинъ Галиціи. Лѣсу да луговъ (Wald und Wiesen) кричали австрійскія мѣстныя власти, дабы освободить окончательно крестьянина отъ вреднаго *панскаго* вліянія.

Вслѣдствіе мартовской императорской грамоты въ Вѣну должны были собираться выборные государственнаго сейма, туда отправились изъ Галиціи представители всѣхъ сословій, графъ Стадіонъ самъ повезъ своихъ выборныхъ отъ крестьянъ.

Съ насмѣшкою ожидали высокіе паны какую роль станутъ разыгрывать крестьяне на императорскомъ сеймѣ, какія тамъ станутъ держать рѣчи. Рѣчь крестьянина Ивана *Капучака* была одна изъ замѣчательнѣйшихъ сейма 1848 года, она произвела глубокое впечатлѣніе. Когда шли прѣнія о вознагражденіяхъ галиційскаго дворянства за пожертвованную ими барщину *Капучакъ* былъ призванъ къ слову. Этотъ моментъ отлично охарактеризовалъ партіи. Когда *Капучакъ* всходилъ на трибуну депутаты лѣвой стороны его провожали съ насмѣшливыми улыбками, нѣмецкіе ультра демократы и польскіе паны, съ высокомѣрными вопрошающими физіономіями ждали, что скажетъ изъ ряда простаго народа присланный мужикъ. Рѣчь *Капучака* рукою мастера очертила положеніе дѣла и познакомила разноплеменныхъ землевладѣльцевъ австрійской имперіи, какъ помѣщикъ Галиціи, развитый старою и новою польскою интеллигенціею, въ затаенныхъ углахъ, обращался съ лично свободнымъ мужикомъ. Приведемъ изъ нея краткія извлеченія.

Установивъ вопросъ, что вознагражденія должны быть соразмѣрны съ лишеніями дѣлаемыми поневолѣ, крестьянинъ-ораторъ продолжалъ: „Помѣщики имѣли право на закономъ установленную барщину, но развѣ они ею довольствовались? Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ? Когда намъ три, четыре дня работы, случалось и цѣлую недѣлю, защитывали за одинъ день барщины, спрашиваю васъ господа, одинъ ли помѣщикъ имѣетъ право на вознагражденія.“

„Здѣсь говорятъ, помѣщикъ за то всегда съ любовью обращался съ крестьянами. Правда та, что насъ паны угощали послѣ недѣльной работы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; они заковывали насъ въ желѣза и запирали въ хлѣвъ, чтобы по буднямъ работа лучше шла.“

„Здѣсь говорятъ помѣщики человѣколюбивы. Правда та, что они усталаго ободряли къ работѣ плетью, а придетъ кто съ просьбою, что скотина захворала, на работу выѣхать не на чемъ, что слышалъ онъ: впряги себя самаго да припряги жену, или иначе, полицейскій! вытолкай его въ шею, я помѣщикъ, у меня деньги есть, я за тебя постою.“

„Здѣсь говорятъ: помѣщики защищали права и имущества крестьянъ, да въ чемъ же? развѣ тѣмъ, что сегодня у одного отберутъ кусокъ поля, а завтра у другаго кусокъ сѣнокоса или выгона.“

Пока графъ Стадіонъ былъ въ Вѣнѣ, должность его временно исполнялъ, такъ называемый президентъ Галиціи, графъ Аженоръ *Голуховскій.*

Графъ *Голуховскій* былъ искони преданный австрійскому правительству, выслужившійся чиновникъ, никогда онъ ни въ какія польскія дрязги не вмѣшивался, все время своего служенія хлопоталъ объ искреннемъ сліяніи поляковъ съ правительствомъ, но успѣвалъ мало въ борьбѣ съ шляхетскими традиціями, поддерживаемыми сперва національными стремленіями въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ польскою эмиграціею. Поляки въ своихъ затѣяхъ поняли невозможность сбить съ пути *Голуховскаго* и тѣхъ немногихъ ему подобныхъ, которые хотѣли ему подражать, и оставили ихъ наконецъ въ покоѣ. При всемъ томъ графъ *Голуховскій* былъ полякъ и какъ таковой *кокетничалъ*, какъ выражались австрійцы, съ своими земляками; въ борьбѣ долга и своихъ убѣжденій съ сердечными шляхетскими влеченіями послѣднія взяли верхъ и, слабохарактерный, онъ убаюкивалъ себя надеждою всего достигнуть добрыми словами. При

графѣ Голуховскомъ, лѣтомъ 1848 года, дозволенная Стадіономъ *народова гвардія,* подъ глазами австрійцевъ, стала преобразовываться въ настоящее польское войско; по французскому уставу, масса набѣжавшихъ эмигрантовъ, подчиненная тайно укрывавшемуся *Высоцкому,* обучала этотъ корпусъ, всѣмъ тонкостямъ эволюцій пѣхотнаго и коннаго строя. Явилось отличное оружіе и превосходные кони, красивые мундиры еще болѣе привлекали желающихъ и въ Львовѣ число національныхъ гвардейцевъ перешло за 10,000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя графъ *Стадіонъ* строго запретилъ устроивать гдѣ либо внѣ Львова *гвардію народовую;* но графъ *Голуховскій* до того ослабилъ взысканія, что только страхъ крестьянскаго надзора, недопускалъ никакихъ вооруженныхъ сборищъ по усадьбамъ; города же, на перерывъ одинъ предъ другими соперничали быстротою и качествами организированія національныхъ гвардейцевъ.

Старикъ генералъ *Дверницкій*, давно уже покончилъ свою роль эмигранта съ графомъ *Ледуховскимъ* въ Парижѣ и давно проживалъ мирнымъ помѣщикомъ въ Галиціи. По приглашенію старыхъ друзей польской эмиграціи, онъ снова явился въ мундирѣ и производилъ формальные смотры частямъ галиційской *гвардіи народовой.* Старикъ *Дверницкій* игралъ въ генералъ-инспектора польской арміи, а роль польской арміи разыгрывала народовая галиційская гвардія, которая боялась крестьянъ, но не боялась австрійскихъ властей, представляемыхъ *Голуховскимъ.* Чѣмъ болѣе революціонеры чувствовали возрастаніе своихъ силъ, тѣмъ при мягкомъ *Голуховскомъ,* они выступали съ большею смѣлостью, и наконецъ съ нахальствомъ, противъ австрійскихъ войскъ. Не было границъ оскорбленіямъ наносимыхъ офицерамъ и солдатамъ; положеніе австрійцевъ, удерживаемыхъ въ границахъ терпѣнія силою дисциплины, стало едва выносимымъ, особенно, когда событіями въ Краковѣ и Прагѣ, въ Галицію нагрянули новыя массы эмигрантовъ.

Сначала 1848 года Краковъ началъ наполняться эмигрантами, прибывающими подъ фальшивыми паспортами; тогда начались тайные сборы денегъ на заготовленіе оружія, обязанность возложенную эмиграціею на самыхъ красивыхъ дамъ краковскаго общества. Вѣнскія событія заставили обратить вниманіе окружнаго начальника барона Крига на усиливающееся число заграничныхъ пріѣзжихъ; онъ принялъ крутую мѣру и запретилъ пропускать чрезъ границу французскихъ и англійскихъ путешественниковъ безъ предварительныхъ справокъ; онъ от-

казалъ также просьбѣ краковянъ пропустить оружіе, ими выписанное для предстоящаго устройства, по всѣмъ австрійскимъ областямъ съ соизволенія правительства, разрѣшенной *гвардіи народовой*. Коноводы видѣли, что при распоряженіяхъ Крига дѣла въ Краковѣ, которымъ эмиграція предназначала особое значеніе, принимаютъ плохой поворотъ. При извѣстіяхъ объ успѣхѣ революціоннаго дѣла въ Вѣнѣ, подготовленная партія должна была заявить себя демонстраціями и вооруженною, быть готовою дать отпоръ, въ случаѣ надобности, мѣстной власти; но давно во всѣхъ газетахъ уже были напечатаны Вѣнскія событія 13 марта, а противными мѣрами барона Крига, сотня эмигрантовъ и ящики съ оружіемъ ждали пропуска на границѣ; командующій же войсками въ Краковѣ, графъ *Кастиліони* съ своей стороны положительно недопускалъ никакихъ сборищъ. Революціонеры по приказанію полученному изъ Познани отъ *Мѣрославскаго*, рѣшились на крайнее средство, они ворвались 25 апрѣля въ домъ барона Крига, съ приставленнымъ къ груди пистолетомъ заставили его подписать разрѣшеніе на пропускъ эмигрантовъ и ружей. Къ слѣдующему дню, ружья были уже въ городѣ и городъ былъ окончательно приготовленъ къ возстанію; подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ эмигрантовъ. Улицы Кракова мгновенно были пересѣчены баррикадами, по всѣмъ усовершенствованнымъ правиламъ барикаднаго искусства, съ взаимною обороною, и съ приспособленіемъ сосѣднихъ домовъ къ оборонѣ. Бойцы ждали не долго, барабаны загремѣли, графъ *Кастиліони* лично повелъ баталіонъ на приступъ, но потеря въ людяхъ незримыми выстрѣлами изъ оконъ и изъ за баррикадъ заставила его отступить; графъ *Кастиліони* однако не далъ времени противникамъ торжествовать по обыкновенію побѣду; возвратясь въ Краковскій замокъ, онъ тотчасъ приказалъ бомбардировать городъ. Испуганные Краковцы просили пощады, *Кастиліони* потребовалъ немедленнаго удаленіа эмигрантовъ и обезоруженія *гвардіи народовой*. Жители знали генерала и неприкословили.

Вожаки польской эмиграціи направили тогда своихъ Краковскихъ бойцевъ на Прагу.

Въ то время когда для своихъ замысловъ европейскіе революціонеры разыгрывали свои мотивы на громкихъ струнахъ національностей, когда ихъ усиліями броженіе развилось въ разноплеменныхъ областяхъ австрійской имперіи, славяне, въ виду съѣздовъ и совѣщаній мадіаровъ и нѣмцевъ, по совѣтамъ

эмиграціи, положили въ маѣ мѣсяцѣ собраться въ Прагѣ. Этотъ славянскій конгрессъ былъ слишкомъ важенъ для поляковъ, чтобы всѣ партіи эмиграціи не старались имѣть на немъ своихъ самыхъ почетныхъ сторонниковъ. Поляки подъ своими и чужими паспортами съѣзжались въ Прагу, прибылъ графъ *Любомирскій* магнатъ Галиціи, прибылъ докторъ *Либельтъ* другъ Мѣрославскаго верховный руководитель мѣстныхъ революціонеровъ Познани въ приготовленіяхъ къ мятежу 1846 года; Львовская рада народовая также прислала своего члена Карла *Малыша.* Чехи, Кроаты, Словяки, Сербы назначили своихъ представителей для конгресса; самозванцемъ—представителемъ Россіи, явился изъ Парижа, проживавшій за границею отставной офицеръ, нѣкто *Бакунинъ.* Какъ первый, совершенно съ панталыку сбившійся русскій, *Бакунинъ* былъ восторженно принятъ европейскими революціонерами, ими включенъ въ число мужей верховнаго ареопага, и по отзывамъ революціонныхъ журналовъ, признанъ тоже великимъ ревнителемъ благоденствія человѣчества. Видя себя однимъ изъ русскихъ, *Бакунинъ* тѣмъ съ большею яростью подвизался какъ на конференціяхъ Пражскихъ, такъ и среди имъ устроеннаго уличнаго боя въ Дрезденѣ. Вѣрнымъ союзникомъ польской эмиграціи, онъ пріобрѣлъ извѣстность ни въ чемъ не уступающую ни *Кошуту*, ни *Мѣрославскому.*

Въ теченіи всего мая, гости собирались въ Прагѣ. 2-го іюня конгрессъ былъ торжественно открытъ шествіемъ, поляки сдѣлали собранію сюрпризъ; одинъ эмигрантъ явился въ процессіи съ знаменемъ въ рукахъ, имъ названнымъ *Славянскимъ.* Поляки, ведя свое собственное дѣло, особенно старались проводить въ своихъ рѣчахъ то понятіе, что славяне не должны терпѣть чтобы Австрія подчинилась бы какой либо иноземной власти; слова эти были пущены по адрессу къ *Франкфуртскому сейму*, на которомъ нѣмцы были не *Бакунины* и въ своихъ національныхъ стремленіяхъ, неучтиво сталкивали съ большой дороги стремленія польской эмиграціи, не обращая вниманія на всѣ заявленія симпатіи поляковъ къ благоденствію и преуспѣянію Германіи.

Масса бойцевъ эмиграціи, посланныхъ изъ Кракова, проживала въ Прагѣ, во все не для ораторскихъ упражненій. Чтобы пустить корни и найдти мѣстную поддержку, они кинулись окончательно обработывать давно подготовляемыхъ студентовъ, убѣж-

дали ихъ, что время демонстрацій миновалось, и что теперь, въ виду положенія Европы, надо дѣйствовать.

10-го іюня студенты отправились къ начальнику войскъ *Виндишгрецу* и потребовали отъ него оружія, патроновъ и пушекъ для національной гвардіи; на его отказъ воздвиглись баррикады; эмигранты, поляки, студенты, городская молодежъ и чернь подняли мятежъ; но съ пожаромъ городскихъ мѣльницъ прошелъ революціонный пылъ и поляки, видя общій упадокъ духа, не дождались развязки ,,Здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать, провозглашали поляки, и вся ватага поспѣшно оставя городъ, пустилась пробираться въ Галицію.

Польская эмиграція замышляла въ затаенныхъ своихъ мечтахъ революціонною драмою переполошить всю Европу а ея развязкою предполагалось возстановить Польшу, и усилить ее западными славянскими племенами, и при этомъ отторгнуть отъ Россіи ея западныя губерніи до Пскова и Кіева, а кто знаетъ можетъ быть и далѣе; Волга и Уралъ покрайней мѣрѣ являлись нерѣдко на польскихъ устахъ и подъ польскими перьями. Вновь созданная Польша должна была явиться могучимъ государствомъ, представительницею славянскаго міра, преемницею Россіи на упраздненномъ ею мѣстѣ въ системѣ европейскихъ государствъ. Россіи, вытѣсненной изъ европейской семьи, предоставлялось сноситься съ Азіею, только скандинавскія державы должны были ей оставить Бѣлое море для снабженія Англіи по сѣверо-двинскимъ притокамъ, лѣсомъ, смолою, дегтемъ и пенькою; Россіи оставлялись также берега Каспійскаго моря, по которому она могла сносится съ Монголіей и Бухарой.

Эта программа мечтаній польской эмиграціи, журналистикою проводилась для назиданія Европы; оставалось привести планы въ исполненіе. Первый актъ драммы 1848 года былъ разыгранъ; во время лѣтняго сезона пришлось сбавить многое изъ первоначальныхъ проектовъ.

ГЛАВА 9-я.

Настроеніе умовъ послѣ весеннихъ событій 1848 года.— Любезности къ полякамъ.— Князь Чарторыйскій въ Познани.— Польскіе протесты и разочарованіе.— Трудное положеніе Австріи.— Положеніе Галиціи въ теченіи лѣта.— Возобновленіе мятежей въ Вѣнѣ и въ Львовѣ.— Участіе поляковъ въ возстаніи венгерскомъ.— Мнѣніе Высоцкаго о его землякахъ.

Польская эмиграція, для своей литературы и разныхъ рѣчей общественныхъ и палатныхъ, не стѣснялась называть *совершившимися фактами, удачными и даже блистательными*, событія или никогда небывалыя, или ею переиначенныя; впрочемъ нужно сказать, что въ началѣ мятежей 1848 года, эмиграція могла *похвалиться* кое какими успѣхами. Польскіе эмигранты вездѣ являлись самыми ретивыми дѣятелями и для науки революцій выработали многія данныя:

1) 1846 годъ указалъ невѣрность расчета на сельское населеніе, но за то 1848 годъ указалъ что вожаки не ошиблись, полагая, что уличные безпорядки скорѣе всего могутъ привлечь къ ролямъ бойцевъ учащаюся молодежь и сословіе мастеровыхъ.

2) Сельское населеніе, даже и при сосѣдствѣ взволнованныхъ городовъ, оказывало явное свое несочувствіе къ разгулу своеволія.

3) Польскіе эмигранты особенно могли похвалиться слѣдующими успѣхами въ исполненіи предначертанія ареопага

а), заставъ мѣстныя власти врасплохъ, они успѣли временно разшатать значеніе законной власти, во время пароксизма безбезначалія и б) успѣли утвердить свою революціонную власть, которая должна бала войдти въ борьбу съ законною.

Но, съ другой стороны, революціонныя затѣи потерпѣли совершенное пораженіе въ другихъ ихъ замыслахъ. Во всей Германіи, Венгріи, Галиціи и Польшѣ сельское населеніе всѣхъ сословій, а въ городахъ всѣ люди положительные и собственники, кромѣ поляковъ и мадьяровъ, были на сторонѣ законныхъ властей и радостно привѣтствовали всякое возстановленіе порядка.

Замыселъ національною гвардіею—уничтожить старые полки и создать новыя войска въ революціонномъ духѣ совершенно не удался; столько же не удачны были и попытки совратить полки съ пути долга чести, вѣрности и связи съ его знаменами. Венгерскіе полки были увлечены только обманомъ, что будутъ защищать власть императора.

Польская эмиграція потерпѣла совершенную неудачу въ желаніи одурачить нѣмцевъ и подчинить франкфуртскій сеймъ польскимъ затѣямъ (*); поляки надѣялись съ его помощью создать сильное славянское, т. е. польское государство, для мнимаго оплота Германіи противъ Россіи.

Націи взволнованной Европы слишкомъ дорого цѣнили общественный порядокъ и сохраненіе спокойствія, чтобы кидаться за искушающими революціонерами въ неизвѣстныя бездны. Событія Франціи девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія такими грозными призраками подымались въ воспоминаніяхъ устрашенной Европы и едва ли не болѣе всего во Франціи, что всѣ сословія націй кинулись тушить пожаръ и сочувствовали только одному—скорѣйшему водворенію спокойствія. Революціонеры увидѣли себя оставленными, лишенными всякой поддержки; эту чашу горести пришлось испить и польской эмиграціи, и ей осталось искать помощи только въ своихъ, ею столько лѣтъ усердно вырабатываемыхъ, польско-революціонныхъ теоріяхъ. Когда всѣ націи по уши были заняты своими домашними дѣлами, польскіе эмигранты стали для всѣхъ самыми несвоевременными посѣтителями и

(*) Въ письмѣ одного польскаго эмигранта находится слѣдующее многознаменательное изрѣченіе: „на панургово стадо надежды мало, нѣмцы бредятъ Германіей, козлята и телята тудаже.“

вездѣ старались самымъ вѣжливымъ образомъ, поскорѣе сбыть съ рукъ неотвяжчивыхъ гостей. Современная каррикатура, которая тогда на расхватъ расходилась по Германіи, указываетъ что нѣмцы поняли какую пошлую роль поляки хотѣли ихъ заставить играть, и такъ искусительно имъ навязывали. На картинкѣ былъ изображенъ полякъ въ уланскомъ уборѣ, въѣзжающій въ нѣмецкій городокъ и предлагающій свои услуги. Въ низу была подпись: Господа! не желаете ли сдѣлать маленькую революцію (Meine Herren! Wollen Sie nicht eine kleine Revolution machen). Если бы польская эмиграція искала истины, то она могла бы тогда убѣдиться вполнѣ сколько она должна расчитывать на искуственную симпатію, сю вызванную закупленною печатью, интригами, ложью, ябедами, трезвономъ громкихъ фразъ, гастрономическими обѣдами, блестящими балами, шаркапіемъ въ дипломатическихъ салонахъ и переднихъ, и, на словахъ, угодливымъ даже отреченіемъ отъ своихъ шляхетскихъ традицій. Польской эмиграціи пришлось разочароваться во Франціи и Германіи, на которыя она возлагала столько надеждъ. Надѣлавъ столько пакостей въ Европѣ, ей осталось въ утѣшеніе, провозгласить Европу неблагодарною и, по обыкновенію, возвратиться къ постройкѣ новыхъ плановъ.

Франція, ставъ вторично республикою, положительно заявила свою антипатію отъ своей предшественницы,— первой республики; она не хотѣла ни террора, ни перехода за Рейнъ; бонапартисты только прикрылись поборниками революціи, дабы съ помощью революціонеровъ свергнуть іюльскую монархію; но въ расчетъ ихъ двигателей вовсе не входило пропагандою кидаться въ дальнія странствованія за ревнителями государственнаго европейскаго переворота; имъ предстояло свое, болѣе важное дѣло у себя дома.

Польская эмиграція во Франціи наслушалась много любезностей, принять же участіе въ ея домагательствахъ революціонеры хотѣли, но не могли, остальная же Франція могла, но не хотѣла.

10 Марта 1848 года послѣдовало слѣдующее постановленіе въ Парижѣ: „Временное правительство, снисходя къ польскимъ эмигрантамъ, которые по чувству благодарности и преданностя къ Франціи, ихъ *второму отечеству*, испрашиваютъ разрѣшеніе составить изъ себя особый легіонъ, съ цѣлью служить, вмѣстѣ съ французами, дѣлу порядка и свободы, и имѣя въ виду, что это предложеніе, сдѣланное во имя народа, ко-

торый далъ Франціи столько товарищей въ бояхъ и раздѣлялъ ея славу, должно быть принято съ предупредительностью правительствомъ, основаннымъ на національныхъ симпатіяхъ, столь живыхъ особенно относительно Польши,— постановляетъ: 1-е немедленно приступить къ формированію польскаго легіона, который подчиняется военному министру, и 2-е, исполненіе возлагается на военнаго министра (*). Постановленіе осталось безъ исполненія; дни власти подписавшихъ его были сосчитаны.

Франко-польскій комитетъ, составленный изъ французовъ, горячо преданныхъ польской справѣ, послалъ эмиграціи 27 марта отъ себя адресъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „потрясеніе Европы разрушило гробницу Польши. Народъ героевъ возрождается, Франція дала сигналъ къ этому воскрешенію и привѣтствуетъ его *съ самой глубины своихъ кишокъ*, (applaudit du plus profond de ses entrailles) съ самою нѣжною, братскою симпатіею. Едва прошелъ годъ со дня конфискаціи Кракова, когда, казалось, что Польша на всегда уложена въ гробъ! Поляки! вы будете свободны, у васъ скоро будетъ отечество. Центральный франко-польскій, комитетъ, основанный въ 1831 году Лафайетомъ, преобразованный (**) въ 1846 году, на другой день возстанія Кракова, всегда принималъ участіе въ вашей борьбѣ и нынѣ онъ рукоплещетъ вашимъ побѣдамъ (***).

Нѣмцы были скупѣе на любезности къ полякамъ. Эмиграція хотѣла втереться въ франкфуртскій сеймъ съ своимъ *польскимъ вопросомъ*; эмигрантъ *Пакваскій*, бывшій депутатомъ варшавскаго сейма во время 1831 года, видя, что нѣмцы, собиравшіеся во Франкфуртъ на сеймъ, только думаютъ о своей Германіи и забываютъ Польшу, почелъ долгомъ напомнить о ней, предложить имъ созвать *общій европейскій* конгресъ и на немъ заняться устройствомъ поляковъ.

Дабы ознакомиться ближе съ ходомъ дѣла, приведемъ изъ длиннаго его посланія отъ 24 марта болѣе характеристическія мѣста.

(*) Подписали: Алберъ, Араго, Луи Бланъ, Кремье, Дюпонъ, Флоконъ, Гарнье Пажесъ, Ламартинъ, Ледрю Роленъ, Марри и Марра.

(**) Вновь собранный будетъ точнѣе.

(***) Подписали Герцогъ d'Аркуръ (президентъ), Ластери (почетный президентъ), Лафабіетъ (сынъ) и Тайландье (вице-президенты), Роберъ, Биксіо (секретари), Ваненъ (казначей), Леонаръ Ходзко (архиваріусъ).

„Мужи Германіи! Вы собираетесь разсуждать о дѣлахъ и судьбахъ Германіи. Это вашъ долгъ въ отношеніи къ вашему отечеству, но вы обязаны подняться еще выше и призвать не только представителей Германіи, но и представителей Европы, конечно, въ *интересахъ Германіи.* Франція подала сигналъ къ пробужденію, Германія отозвалась съ достойнствомъ; но этого недостаточно; вы занимаете центръ Европы и обязаны упрочить великое дѣло. Польша готова вамъ помогать и однажды возстановленная, она будетъ достаточно сильна, чтобы *охранять васъ* отъ восточнаго варварства. При взаимномъ согласіи Франціи, Германіи и Польши миръ въ Европѣ будетъ упроченъ."

„Мужи Германіи! ваше дѣло созвать людей Европы въ великій конгресъ, который упрочитъ судьбы не только этой части свѣта, но и вселенной. Зовите, мы всѣ устремимся на вашъ голосъ. Подумайте! кто осмѣлится не подчиниться опредѣленіямъ подобнаго конгресса? Царь первый отступитъ за Двину и за Днѣпръ; онъ, въ 1831 году, могъ побѣдить только съ помощью одного изъ вашихъ королей— и то, возобновивъ три раза свою армію. Германія обязана уплатить Польшѣ тройной долгъ. Польша подъ стѣнами Вѣны ее избавила отъ исламизма, государи Германіи болѣе всего содѣйствовали раздѣлу Польши, наконецъ *нѣсколько заблудшихся сыновъ Польши*, которыхъ нѣмецкій же государь держитъ въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, подстрекаемые австрійскими чиновниками, были вынуждены произвести, страшныя галиційскія убійства."

„Не вхожу въ подробности; я обращаюсь къ образованнѣйшимъ людямъ Германіи, а потому, не хочу ихъ учить, вы меня понимаете и послѣдуете моему совѣту, если признаете время удобнымъ; прибавлю только нѣсколько словъ къ уясненію моего проекта."

Послѣ долгихъ историческихъ уясненій, натяжекъ и парадоксовъ, онъ говоритъ въ концѣ: „хотя европейскіе интересы и требуютъ, чтобы Польша примыкала къ Черному и Бальтійскому морямъ, а судьба прибалтійскаго моря тѣсно связаны съ судьбами Польши, но пусть само населеніе объявитъ свою волю, а Европейскій конгрессъ ее утвердитъ."

„Мужи Германіи! впередъ! будьте отважны! Только этимъ путемъ вы утвердите благоденствіе вашего великаго и прекраснаго отечества; послушайтесь голоса того, на котораго въ отечествѣ были возложены высокія должности (?) и который въ раз-

ныхъ странахъ, при разныхъ правительствахъ, пріобрѣлъ въ 17 лѣтнемъ изгнаніи достаточно опытности." Нѣмцы не отвѣчали.

Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ (извѣстный предсѣдатель Франкфуртскаго сейма въ 1848 году) депутаціи поляковъ, предводимой княземъ Георгіемъ *Любомирскимъ*, сказалъ между другими любезностями: „существованіе Польши есть событіе естественное и необходимое, *а потому не стоитъ разсуждать о средствахъ ея возстановленія*; естественныя и необходимыя событія приходятъ сами собою."

Князь *Чарторыйскій* почелъ нужнымъ, при первыхъ успѣхахъ революціоннаго движенія, прибыть на театръ дѣйствій и отстаивать интересы свои и своей партіи. Князь Георгій *Любомирскій* велъ польскую справу, во всѣхъ лагеряхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, а князь *Адамъ* поспѣшилъ въ Пруссію. При онѣмеченномъ населеніи Познани, польская въ ней партія преимущественно держалась Ламберова отеля; въ Познани говорили: „*Мы тянемся къ нашимъ дипломатамъ, а демократическая централизація тянется къ намъ и у насъ заискиваетъ.*" Князь Чарторыйскій былъ очень встревоженъ вѣстью что освобожденный *Мѣрославскій* сталъ въ главѣ познанскаго возстанія; князь Адамъ спѣшилъ на мѣстѣ парализировать его честолюбивые замыслы столь опасные *династіи Чарторыйскихъ*. Предупредительныя обоюдныя вѣжливости между правительствомъ и поляками въ первые дни смутъ въ Берлинѣ, манили князя Адама надеждами и безопасностью его тамъ пребыванія: „Я пріѣхалъ въ Берлинъ съ сердцемъ, исполненнымъ счастливѣйшихъ ожиданій, писалъ отъ 26 Апрѣля 1848 года, къ Барону Арниму, прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, и растаюсь съ нимъ съ сердцемъ, растерзаннымъ потерею этихъ надеждъ;" въ двѣ недѣли, дѣйствительно, дѣла совершенно измѣнили свою физіономію.

Мѣрославскому въ 1846 году не удалось сдержать свое обѣщаніе, данное централизаціи демократической партіи польскихъ эмигрантовъ, и „*одурачить стараго дипломата*;" но въ 1848 году, съ 20,000 къ нему приставшихъ молодыхъ волонтеровъ въ его рукахъ была физическая сила, съ которою онъ считалъ себя въ состояніи бороться съ аристократическими языками и перьями Ламберова отеля. Это усиленіе значенія Мѣрославскаго не было однако опасно для князя *Адама*. Ему шестьдесятъ лѣтъ упражнявшемуся въ сферахъ высшей интриги, *Мѣрославскій* могъ казаться только пигмеемъ — противникомъ, тѣмъ болѣе, что въ лагерѣ *Мѣрославскаго* твердо укрѣпились раздоры и зависть, и по-

слѣ всѣхъ сумасбродствъ диктатора, существованіе войска народоваго висѣло на волоскѣ. Другое событіе, задѣло *Чарторыйскаго* за живое, оно подрывалось подъ самое основаніе великаго польскаго проекта, который поляки, подъ шумокъ революцій 1848 года, думали привести въ исполненіе. 1848 годъ долженъ былъ измѣнить карту Европы 1815 г., тогда начерченную относительнымъ могуществомъ народовъ, принявшихъ участіе въ великой борьбѣ; теперь международная симпатія должна была начертать новыя границы, и поляки, считая себя всѣхъ умнѣе и хитрѣе, были увѣрены, что послѣ всѣхъ ихъ заявленій симпатіи къ нѣмцамъ, французамъ, италіянцамъ, венгерцамъ, южно-славянскимъ племенамъ, Польша неминуемо, на первый случай, будетъ утверждена въ границахъ 1772 года.— Въ то время, какъ князь *Чарторыйскій* убаюкивалъ себя надеждою, что своею тонкою дипломатіей онъ убѣдилъ Германію вообще и Пруссію въ особенности, въ необходимости, для ихъ собственнаго блага, возстановленія *сильной Польши*, нѣмцы, въ своихъ стремленіяхъ къ усиленію нѣмецкихъ элементовъ, шли къ своей цѣли, вовсе не обращая вниманія, на навязываемыя имъ поляками симпатіи, и въ тоже время, на пользу Германіи, отъ земли Рѣчи Посполитой, они отрѣзывали цѣлый ломоть—западную Познань, и не одна Пруссія, но весь Германскій Союзъ былъ солидаренъ въ этомъ приеоединеніи. Прусскій король 14 Апрѣля раздѣлилъ Познанское Княжество, и западную часть присоединилъ къ Германіи; распоряженіе вполнѣ одобренное Франкфуртскимъ Сеймомъ, которое 28 Апрѣля, онъ и подтвердилъ формальнымъ актомъ: „*Новый, седьмой, раздѣлъ Польши!* кричали поляки, *и кѣмъ же совершенъ онъ? раздѣлъ совершилъ либеральный Прусскій король, а утвердилъ его франкфуртскій сеймъ, сеймъ, который долженъ служить образцемъ цивилизированной интеллигенціи интернаціональныхъ тенденцій къ общему европейскому согласію и глубокому уваженію національныхъ правъ, симпатій и традицій*. Наступившій переломъ въ успѣхахъ революціоннаго движенія былъ поводомъ къ наполненію архивовъ эмиграціи цѣлою тучею протестовъ (*); упомянемъ о замѣчательнѣйшихъ, допол-

(*) Польская эмиграція, играя въ правительство, считаетъ свое управленіе дипломатическихъ сношеній или свое министерство иностранныхъ дѣлъ, на ряду съ самыми искустными въ Европѣ. За неимѣніемъ международныхъ договоровъ, трактатовъ и т. п. архивы ея пополняются разными петиціями, манифестами и протестами, съ которыми они обращались къ раз-

няющихъ изображенiе современнаго, тогда смутно еще понимаемаго положенія дѣлъ. Эти протесты были совершенно въ духѣ прежнихъ протестовъ эмиграціи, т. е. всякое событіе было перетолковано, безъ всякой оглядки на истину, для моментальнаго только эфекта. Впрочемъ, въ критическое для эмиграціи наступившее время, она и не могла дѣйствовать иначе, желая во чтобы то ни стало удержаться на полѣ борьбы. По новымъ польскимъ протестамъ, виною всѣхъ польскихъ неудачъ, и бомбардированія графомъ Кастиліономъ Кракова, были Россія и нѣмецкіе чиновники.

Народовый Краковскій комитетъ протестовалъ, 27 Апрѣля, съ *20 милліонами польскаго народа*, предъ народными собраніями Германіи, Франціи и народами Европы о бомбардированіи Кракова. Въ немъ краковяне признаютъ себя жертвами *низкой и постыдной измѣны*, *слѣдствіемъ адской петербургской машинаціи, которая хочетъ истребленія польской національности, дабы раздавить Германію.* Къ этому краковяне считали нужнымъ прибавить, что „правительства не допускаютъ полякамъ освободить своихъ крестьянъ.“ Народы Европы! Вы, можетъ быть, не знаете, что поляки понимаютъ подъ словомъ: *освобожденіе?* вы можетъ быть думаете, что поляки хотятъ дать народу только личную свободу? Нѣтъ, наша цѣль была возвышеннѣе, мы хотѣли двумъ третямъ населенія *уступить* поземельную собственность.“ Далѣе мы читаемъ: „Къ оружію! воскликнула Франція, обращаясь къ Польшѣ. Революціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ *пригласили* поляковъ къ братскому единству, австрійское и прусское правительства *объявили*)?(просвѣщенному міру, что они признаютъ раздѣлъ Польши преступленіемъ и

нымъ дипломатическимъ лицамъ Европы; они набиты всякими письмами польскихъ дипломатовъ, разговорами поляковъ съ сановниками всѣхъ правительствъ, постановленіями безчисленныхъ польскихъ комитетовъ, донесеніями ихъ агентовъ, эммисаровъ, журнальными статьями, въ которыхъ что либо упоминается о полякахъ. Архивы польской эмиграціи представляютъ, по свидѣтельству очевидцевъ, самые огромные размѣры. Едва ли эти архивы, считая содержаніе ихъ, конечно, на вѣсъ бумаги, не поспорятъ съ соединенными архивами, за послѣдніе 25 лѣтъ, всѣхъ дипломатическихъ сношеній между первенствующими пятью державами Европы. Изъ богатѣйшаго запаса этихъ архивовъ, они черпаютъ акты *совершившихся фактовъ*, всегда готовые служить подспорьемъ и подтвержденіемъ въ экцентричныхъ рѣчахъ и писаніяхъ.

ея возстановленіе своимъ долгомъ и крайнею необходимостью. Мы имъ повѣрили. Народы Вѣны и Берлина! обѣщанія вашихъ правительствъ насъ жестоко обманули; ихъ слова были только лицемѣріе и измѣна?"

Протестъ оканчивается словами: „Великодушные нѣмцы! кровь поляковъ — это кровь вашихъ вѣрнѣйшихъ союзниковъ."

„Франція! любимѣйшая сестра Польши, звѣзда направляющая Европу, ты не оставишь Польши, и исполнишь свои обѣщанія при разставаніи съ ея выходцами, послѣ 17 лѣтняго гостепріимства."

„Народы Европы! Польша воскреснетъ, потому что Провидѣніе справедливо, ваши собственные интересы требуютъ, чтобы она возстала при вашемъ содѣйствіи!"

Въ протестѣ Познанскаго комитета, отъ 27 Апрѣля, противъ включенія западной Познани въ германскій союзъ, поляки пишутъ, что „чиновники, забывая священнѣйшія свои обязанности, имѣя только въ виду, что они, какъ нѣмцы, должны упразднить занимаемыя ими мѣста и ни чуть не понимая, нужды времени, съумѣли искуственнымъ образомъ подстрекнуть жителей къ просьбѣ — быть присоединенными къ Германіи. Торжественно объявляемъ, пишутъ они далѣе, что когда Польша будетъ возстановлена, мы каждому округу предоставимъ право пристать къ той національности или правительству, къ которому каждый захочетъ; но нынѣ малѣйшее отдѣленіе отъ нашей земли иноземнымъ правительствомъ, мы признали за новый раздѣлъ Польши, и протестуемъ предъ народами Европы."

Не смотря на протестъ, западная Познань вошла въ составъ Германіи, законная власть была возстановлена во всемъ княжествѣ; комитету народовому оставалось только запереть свою канцелярію. Комитетъ излился протестомъ 30 Апрѣля — длинною пѣснею лебедя; онъ воспѣваетъ въ ней свои судьбы, свои заслуги, свои бѣдствія, прусское предательство. Конечно, никто не усомнится, что всѣ событія представлены въ этомъ актѣ съ польской точки зрѣнія; но какъ этотъ протестъ типически изображаетъ польскіе софизмы и смѣлую изворотливость и самоувѣренность въ превосходствѣ своей дипломатической тонкости, то приведемъ его сущность, пропуская цвѣтистую обстановку и всѣ изображенія *варварскихъ безчинствъ, совершенныхъ необузданными, грубыми и жестокими прусскими солдатами.*

„Познанскій народовый комитетъ возникъ 21 марта, когда

съ величайшими восторгами прусскій народъ требовалъ возстановленія Польши.“

„Національный комитетъ, опираясь на симпатію къ народамъ, особенно *къ нѣмцамъ*, не могъ желать войны съ Германіею. Нація ему поручила *развивать народныя силы симпатіею.*“

„Комитетъ народовый, въ теченіи пяти недѣль, велъ переговоръ съ прусскимъ правительствомъ и не могъ добиться ни одного изъ своихъ правъ, которыя даны ему трактатами 1815 года, и которыхъ можно достигнуть только совершеннымъ національнымъ переорганизированіемъ, на которое король и согласился.“

„Вмѣсто того вотъ что случилось:“

„Во время переговоровъ, 40,000 войска были введены въ княжество; городъ Познань объявленъ на военномъ положеніи. Реакція, возбужденная войсками и своекорыстными чиновниками, обнаружилась между нѣмцами и жидами, которые всякое преобразованіе признали *за измѣну Германіи.* Они срывали наши кокарды и самымъ возмутительнымъ образомъ неистовствовали противъ поляковъ, даже въ нашихъ храмахъ. Тогда пали первые мученики нашего освобожденія. Наше мирное вооруженіе (?) за Польшу, но отнюдь не противъ нѣмцевъ, приняли за мятежъ и насъ аттаковали (*).“

„Чтобъ избѣжать дальнѣйшихъ кровавыхъ столкновеній, народовый комитетъ согласился на конвенцію и обезоруженіе 20000 волонтеровъ, снаряженныхъ на счетъ страны, собравшихся для образованія народовой дѣйствующей арміи, но ни какъ не для дѣйствія противъ Пруссіи.“

„По заключенной 11-го апрѣля въ Ярославцѣ конвенціи съ генераломъ Виллизеномъ, волонтеры были обезоружены, и слѣдовало приступить къ переорганизированію страны; но тутъ соб-

---

(*) Въ польскомъ сочиненіи партіи Чарторыйскихъ: „Урывекъ дзѣіовъ въ В. К. Познаньскимъ 1848 г.“ (отрывокъ дѣйствій въ В. К. Познанскомъ 1848 г.), довольно ясно изображенъ характеръ этого мирнаго вооруженія: „Берлинцы сказали: Польша будетъ возстановлена, а вотъ вамъ покамѣстъ в. княжество познанское; но тутъ зашипѣла централизація: мы не хотимъ даровой Польши, мы сами ее возмемъ, намъ нужна *рухавка.* За этимъ ея философо-демократическомъ аргументомъ, тотчасъ выползъ „*Выдзялъ военный*“ изъ тайныхъ своихъ норокъ, въ которыхъ онъ прятался съ 1846 года, раскинулъ своя безтолковыя распоряженія по краю—и *давай сбивать вездѣ прусскіе орлы, давай скорѣй ковать копья и пики.*“

равшіеся нѣмцы провозгласили Виллизена измѣнникомъ Германіи. Начались стычки между прусскими войсками и нашими кадрами, оставленными для будущей арміи. Онѣ были подавлены нечаянным нападеніемъ превосходныхъ силъ.“

„Комитетъ народовый сдѣлалъ все что могъ; онъ посылалъ депутацію за депутаціею въ Берлинъ, умоляя правительство вывести войска и начать національную переорганизацію страны. Но прусское правительство не хотѣло или не могло защищать поляковъ отъ всѣхъ неистовствъ солдатства, и эти неистовства ежедневно усиливались. Когда нѣмцы такъ зло насъ обманули въ нашихъ *симпатіяхъ*, присоединивъ княжество, даже съ главнымъ его городомъ, къ германскому союзу, когда *сила правды и справедливости раздавлена насиліями, гнусною клеветою и произволомъ*, намъ остается только сложить мандаты, намъ ввѣренныя нашими согражданами, и во всеуслышаніе протестовать предъ лицемъ Европы въ томъ, что *звѣрская сила сломила въ нашихъ рукахъ жезлъ власти.*“

Раздѣленіе Познани надѣлало много шуму; болѣзненная эта вѣсть поразила въ самое сердце польскую эмиграцію. Въ пламенномъ воображеніи, предъ нею рисовалась уже возстановленная, могучая Польша, а въ дѣйствительности въ этой Польшѣ прусскій король, не смотря на увѣреніе всѣхъ польскихъ симпатизаторовъ, отрѣзывалъ значительный ломоть и, при громкихъ одобреніяхъ Германіи, застраховывалъ его во Франкфуртѣ, въ виду могущихъ произойдти дальнѣйшихъ столкновеній; въ неизвѣстной будущности скрывались дальнѣйшія дѣйствія Франціи, Россія примкнула штыкъ и, готовая, спокойно ожидала развязки. Князь Чарторійскій спѣшилъ изъ Берлина—спасать *ойчизну*. „Германія послѣдовала за благородною Франціею и объявила себя другомъ и защитницею польской національности,“ писалъ онъ, между прочимъ, 26 апрѣля, главѣ правительства, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи,—поэту Ламартину (*). Познань и Галиція могли при этомъ заявить свои права на отдѣльное существованіе, таже часть Польши, которая за свою

(*) Франція, страшась якобинцевъ, не искала новаго Робеспіера, но на первый случай ввѣрила свою судьбу человѣку, который мило и нѣжно писалъ:

Je chantais, mes amis, comme l'homme respire.
Comme l'oiseau gémit, comme le vent soupire
Comme l'onde murmure en coulant.

Франція смѣло вѣрила, что при Ламартинѣ не будетъ ни террора, ни гильотины.

независимость въ 1831 г. пролила потоки крови, остается безъ всякаго облегченія подъ прежнимъ, ее давящимъ, владычествомъ. Но ни Познань ни Галиція еще не вошли въ свои права, гарантированныя имъ трактатами 1815 года. Польша требуетъ энергическаго покровительства и ожидаетъ его отъ Франціи и другихъ государствъ, понимающихъ *настоятельную надобность* возстановить Польшу, какъ *дѣло высокой политики.* Французскія палаты, въ теченіи 17 лѣтъ, послѣдовательно протестовали торжественно за Польшу; но правительство того времени было глухо къ національнымъ симпатіямъ. Нынѣшнее временное правительство, ни органъ истинныхъ чувствъ народа, не можетъ подражать примѣру, имѣвшему столь гибельныя послѣдствія."

„Въ виду открытія національнаго собранія великаго народа, мы просимъ у Франціи ея могучаго голоса въ нашу пользу, просимъ правительство объявить, что, при неизбѣжной, близкой перестройкѣ всей Европы, Франція потребуетъ возстановленія Польши. Безъ рѣшительнаго содѣйствія Франціи, ея возстановленіе не состоится. Послѣ перваго порыва великодушія, Германія уже отступаетъ, Пруссія раздѣлила Познань, а Германія слушала *только голоса нѣмецкихъ чиновниковъ, которыхъ переорганизація вынуждала искать другихъ средствъ къ существованію.* Пруссія даже великокняжскую столицу признала нѣмецкою. Первымъ результатомъ симпатій къ Польшѣ былъ еще новый ея раздѣлъ. Если Европа не обратитъ вниманія, то Германія, при ея близорукомъ и своекорыстномъ пониманіи національностей, пойдетъ еще далѣе. Вы обратите, г. министръ, вниманіе на то, что Пруссія выставила германскому союзу, въ числѣ понуждающихъ причинъ, необходимость хорошей для Германіи военной границы."

„При столь неожиданно совершившихся нынѣ событіяхъ, если настойчивыя обстоятельства заставятъ поляковъ возстать тамъ, гдѣ они еще томятся подъ игомъ, неужели Франція еще разъ останется зрительницею ихъ истребленія, не подавъ имъ руку помощи? Строгій долгъ нашъ велитъ откладывать преждевременное предпріятіе, но благосклонный и рѣшительный голосъ Франціи лучше чѣмъ кто либо въ нашей средѣ, можетъ *дать перевѣсъ совѣтамъ благоразумія.*"

Франція осталась спокойною зрительницею; князь Чарторыйскій могъ тогда понять *силу народныхъ симпатій* и значеніе поговорки: Господь про всѣхъ, каждый про себя. Польская эмиграція ухватилась за единственную ей оставшуюся надежду — венгерскій мятежъ.

Изъ сотни разныхъ протестовъ, приведемъ нѣсколько словъ изъ написаннаго 15 августа президентамъ центральнаго народоваго комитета Галиціи, *Пилатомъ*, по случаю раздѣленіе Познани, въ дополненіе посланія *Нокваскаго* къ франкфуртскому сейму.

„Этотъ актъ (франкфуртскаго сейма(преступный и своевольный возбудилъ негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей и преисполнилъ ихъ презрѣніемъ къ большинству собранія, которое не остановилось и растоптало священнѣйшія права націи. Европа должна заявить, что франкфуртское собраніе провосглашая эгоистическіе принципы деспотизма и неправды обезображиваетъ идеи, права и свободы, и открываетъ истребительнуюю войну идеямъ прогресса и духу XIX вѣка. Нѣмецкая нація обязана объявить, что ея представители злоупотребили ея довѣріемъ, явились измѣнниками, покрывъ ее вѣчнымъ стыдомъ, и сдѣлавъ ее отвѣтственною въ злодѣйствѣ совершенномъ надъ несчастнымъ народомъ... Польша не переставала существовать... ея борьба не только за ея независимость, и Польша неперестаетъ жертвовать собою за свободу цѣлой Европы... Она предъ лицемъ Европы протестуетъ противъ этого злодѣйства, которое гнустнѣе и страшнѣе всѣхъ дѣйствій буйнаго деспотизма....“ .

Хотя во время революціоннаго затишья, австрійскій императоръ и переѣхалъ въ окрестности Вѣны, въ загородный свой дворецъ Шенбрунъ, но австрійская имперія была еще далека отъ успокоенія и мятежъ не утихалъ въ Венгріи. Событія требовали раздробленія австрійскихъ войскъ: императоръ далеко не могъ сосредоточить достаточную армію противъ Кошута, бывшаго верховнымъ правителемъ мятежной Венгріи. Радецкій, усмиривъ Ломбардію, долженъ былъ сторожить ее отъ новыхъ замысловъ Карла Альберта, осада бунтующей Венеціи продолжалась; Виндишгрецъ стоялъ съ войсками въ недавно успокоенной Прагѣ, Гамерштейнъ въ Львовѣ, Банъ Кроатскій Іелачичь былъ главнымъ дѣятелемъ, который, съ славянами, боролся противъ мадъяровъ.

Это положеніе Австріи препятствовало выполненію того кореннаго правила, что мятежъ долженъ быть мгновенно потушенъ. Его продолжительность, съ каждымъ днемъ, безъ энергическаго противодѣйствія, давала ему новыя силы. Предводители мятежа, не щадя будущности, завлеченіемъ или страхомъ, всегда эксплоатируютъ всѣ силы народныя. Въ Венгріи, для устрашенія населенія вѣшали безпощадно; въ одной деревнѣ было повѣше-

но за одинъ разъ 32 крестьянина. Часть венгерскихъ полковъ, съ своими туземными офицерами, увлеченные обманомъ, перешли на сторону инсургентовъ, думая защищать законную власть; новобранцы обучались и обстрѣливались; тучи увлеченныхъ юношей, послѣ угашенныхъ мятежей, стремились въ Венгрію на новые подвиги, особенно изъ разсѣеваемой національной гвардіи, которую революціонеры всюду старались заводить; много польскихъ эмигрантовъ, бывшихъ офицеровъ, явились въ Венгрію—предлагать свои услуги, особенно неладившіе съ парижскими эмигрантскими властями; польскіе генералы *Хлапка* и *Дембинскій* начальствовали венгерскими отрядами и притягивали своихъ земляковъ пріятелей, наконецъ явился туда и *Мѣрославскій;* но такъ какъ первостепенныя мѣста были уже заняты, а онъ себя прочилъ не менѣе какъ въ главнокомандующіе, то и упражнялся только въ интригахъ.

На совѣтѣ Кошута съ польскою эмиграціей, было рѣшено—сосредоточить дѣйствіе на Вѣнѣ и Львовѣ. Вѣну слѣдовало еще разъ поднять къ мятежу и утвердить въ ней сильное революціонное правительство, которое бы подняло нѣмецкихъ жителей всѣхъ сосѣднихъ окрестностей, а венгерскія войска должны были къ 1-му ноября подступить къ Вѣнѣ, овладѣть ею и, пользуясь моральнымъ вліяніемъ этого событія и страхомъ венгерскихъ силъ, поднять германскія провинціи австрійской имперіи.

Единовременно съ занятіемъ Вѣны должна была взбунтоваться Галиція, въ которой, при управленіи *Голуховскаго,* революціонеры имѣли всѣ средства развить подземный пожаръ, который долженъ былъ разомъ вырваться наружу по всѣмъ ея городамъ. *Рада народова* въ Лембергѣ, затаившаяся послѣднимъ распоряженіемъ *Стадіона,* начала снова дѣйствовать; по всѣмъ городамъ Галиціи, безопаснымъ отъ крестьянскаго надзора, завелась *гвардія народова,* которая, подобно львовской, ежедневно упражнялась въ воинскихъ эволюціяхъ. Польская эмиграція распорядилась назначеніемъ *Высоцкаго,* товарища Мѣрославскаго, одной изъ звѣздъ первой величины демократической централизаціи, въ главные военачальники Галиціи и наконецъ всѣ польскіе эмигранты, оставшіеся свободными отъ дѣлъ, послѣ уличныхъ подвиговъ по городамъ Германіи, и всѣ поляки волонтеры, сбѣжавшіеся изъ разныхъ областей, были направлены или на Вѣну или на Львовъ.

Всѣ соединенныя силы Венгріи, Галиціи, и тѣ которыя по-

ляки еще надѣялись собрать, порѣшивъ съ Австріею, должны были устремиться на царство польское и югозападный край Россіи и поднять тамъ все населеніе, расчитывая на сочувствіе и нетерпѣливыя ожиданія тамошнихъ помѣщиковъ. Мѣстный заговоръ, проведенный эмиссарами и мѣстными агентами, по всему западному краю, въ данный моментъ долженъ былъ разразиться общимъ мятежемъ.

Кошутъ, готовя десятками милліоновъ ассигнаціи,—свои, такъ названныя кошутовскія, и фальшивыя австрійскія, не стѣснялся деньгами и высылалъ сколько было нужно въ Вѣну, чтобы снова задобрить и угощать чернь. Въ Вѣнѣ 6 октября вспыхнулъ мятежъ; громадными размѣрами и приготовленіями онъ превосходилъ мартовскій; императоръ уѣхалъ въ Ольмюцъ. Революціонеры овладѣли городомъ, разогнали власти, учредили свое народное правительство, студенты устроили демократическій клубъ общественнаго блага и, помогая революціонному правительству, собирали подать съ населенія и выплачивали ежедневно жалованье городскому пролетаріату и всѣмъ желающимъ приписаться въ ревнители революціоннаго дѣла. Немедленно было приступлено къ образованію и обученію національнаго войска. Князь *Чарторыйскій* прислалъ для этой цѣли готоваго начальника, генерала *Бема*, съ множествомъ офицеровъ— польскихъ эмигрантовъ; высланы были изъ Парижа и всѣ ученики батиньольской школы, которые *съ весны успѣли подрости.* Начальникомъ города былъ журналистъ— отставной офицеръ *Мессенгаузеръ.* Войско достигло громадной цифры 40,000 при 4 эскадронахъ кавалеріи и 18 орудіяхъ. Для отнятія Вѣны изъ рукъ мятежниковъ, *Виндишгрецъ* былъ назначенъ изъ Богеміи, 25 октября онъ осадилъ городъ. Извѣстіе объ осадѣ Вѣны заставило поторопиться венгерцевъ, но не смотря на упорную защиту *Бема* и подходящую помощь, императорскія войска одержали побѣду надъ своими врагами. Венгерцы были отражены, а мятежники, захватившіе Вѣну, сдались на капитуляцію. *Мессенгаузеръ*, два главные коновода *Блумъ* и *Штернау* и нѣсколько человѣкъ, занимавшихся по городу убійствами, были повѣшены; *Бемъ* бѣжалъ въ Венгрію.

Въ Галиціи, по полученіи извѣстій объ октябрскомъ мятежѣ въ Вѣнѣ, гвардія народова все болѣе становилась нахальною; оскорбленія войскамъ были невыносимы, *Гаммерштейнъ* приказалъ постоянными патрулями охранять спокойствіе на улицахъ, вечеромъ 1 ноября была схватка между разгнѣванными

солдатами и студентами, которыхъ патрули едва разогнали, но за тѣмъ открыли по патрулямъ стрѣльбу. Массы народа стали толпиться у гауптвахтъ.

Гаммерштейнъ предвидѣлъ давно рзвязку; не поддавшись въ ловушку-начать ночью уличный бой, онъ войсками оттѣснилъ толпу, собралъ караулы, выступилъ изъ города, занялъ подлѣ лежащую гору, командующую городомъ и выставилъ орудія. Въ одну ночь всѣ улицы города покрылись обдуманною системою баррикадъ; для сильнѣйшей обороны, въ прилегающихъ домахъ, бойницы были пробиты даже въ стѣнахъ и по чердакамъ. Защитники были распредѣлены по мѣстамъ, впереди студенты зажгли бивачные огни и розданныя имъ графомъ *Стадіономъ* ружья поставили въ пирамиды. *Гаммерштейнъ* утромъ 2 ноября сдѣлалъ туже ошибку, которую *Кастиліони* сдѣлалъ весною въ Краковѣ. Желая спасти городъ, онъ хотѣлъ штурмомъ взять баррикады; но мятежники размѣстили лучшихъ своихъ стрѣлковъ за передовою баррикадою и бойницами, и мѣткими выстрѣлами поражали подходящихъ солдатъ. Ядра подвезенныхъ легкихъ пушекъ не могли разбивать баррикадъ, а ихъ защитники быстро укрывали за ними головы, при нанесеніи пальниковъ. *Гаммерштейнъ* отвелъ войска, и только мѣткіе австрійскіе стрѣлки залегли по сосѣдству и тѣшились, издали поражая конфедератки, появлявшіяся въ окнахъ.

Но у *Гаммерштейна* въ укрѣпленіи на песчаной горѣ (Зандбергѣ) была тяжелая артиллерія. Львовцы съ испугомъ увидѣли, что около этихъ пушекъ началось движеніе артиллеристовъ. Граждане догадались о послѣдствіяхъ и обратились къ ярымъ ревнителямъ мятежа— студентамъ; отеческими словами они умоляли ихъ оставить пустыя затѣи, не подвергать городъ участи Кракова и убѣждали ихъ сложить оружіе. Студенты, помнившіе изъ исторіи отвѣтъ Леонида, отвѣчали: „Если *Гаммерштейну* хочется возвратить австрійскія ружья, то пусть— придетъ и возметъ.“ Молодежь громкимъ хохотомъ тѣшилась надъ объятыми страхомъ, предъ ними стоявшими, ораторами и корчила имъ разныя гримасы. Тогда депутація почетныхъ гражданъ, подъ бѣлымъ флагомъ, кинулась къ *Гаммерштейну*, умоляя его пощадить городъ. Депутаты приводили, что они одни пострадаютъ и пострадаютъ невинно, что они сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы умиротворить мятежныхъ юношей, но убѣдить ихъ не могли ни какими доводами.

Гаммерштейнъ имъ отвѣтилъ:

„Вы именно, господа, во всемъ и виноваты. Развѣ полиція могла слѣдить за всѣми, предупреждать всякія продѣлки, и разгонять всякую собиравшуюся толпу! Долгъ истинныхъ патріотовъ внушать святость закона и сохраненіе общественнаго порядка, наблюдать за строгимъ исполненіемъ распоряженій правительства и самимъ, соблюдая ихъ, подавать примѣръ; безъ этого не можетъ быть никакой свободы; защищая законъ, мы защищаемъ и нашу свободу. Обо всемъ этомъ никто изъ васъ, господа, прежде не подумалъ. Напротивъ, вы сами—горячіе участники мятежа, потому что вы участвовали во всѣхъ выходкахъ противъ правительства; вы сочувствовали и учавствовали во всѣхъ комедіяхъ демонстрацій, маханій платками, бросаній цвѣтовъ и разныхъ распѣваній, вы смотрѣли спокойно и поддакивали, когда чиновниковъ, офицеровъ и солдатъ нагло оскорбляли, а теперь, когда дѣло дошло не до шутокъ, вы изъ кожи лѣзете, чтобы добиться спокойствія и порядка; а не вы ли сами такъ радовались прежде ихъ нарушенію?“ На прощаніе онъ далъ имъ часъ времени для новыхъ убѣжденій.

Но всѣ моленья гражданъ оставались тщетны. Руководители мятежа получали свои вѣсти и инструкціи; съ часу на часъ они ждали такихъ увѣдомленій изъ Вѣны, которыя *Гаммерштейна* сдѣлаютъ либеральнѣе самого графа Франца *Стадіона.* Они ободряли къ защитѣ, они краснорѣчиво провозглашали, что ойчизна требуетъ отъ патріотовъ держаться до послѣдней крайности, что австрійцевъ бояться нечего. Студенты поглядывали на Зандбергъ и ихъ стало разбирать раздумье; но въ это время колебаній явилась въ университетъ одна изъ первыхъ красавицъ Львова, съ конфедераткой на головѣ, въ контушевкѣ на плечахъ. На офанатизированную патріотку возложили папарализировать увѣщеванія проповѣдниковъ необходимости покориться.“ Не ужели вы станете слушать старыхъ трусовъ, говорила она, когда иноземцы-пришлецы оскорбляютъ вашихъ женщинъ, за то что онѣ плачутъ о потерѣ ойчизны, и въ общей семьѣ согражданъ, изъявляютъ свою скорбь публично. Одна надежда польскихъ женъ въ польской молодежи.“ Коноводы не ошиблись въ придуманной стратагемѣ; патріотка схватила орелъ студенскаго легіона и обратилась съ вопросомъ, кто не пойдетъ за ней на баррикады? Студенты, съ громкими возгласами бросились за ней и открыли снова огонь по выдвинутымъ впереди, ожидавшимъ сдачи войскамъ, *Гаммерштейнъ* подалъ тогда знакъ; въ городъ полетѣли гранаты, ядра и метательныя ракеты.

Когда раздались выстрѣлы артиллеріи, тогда, на громъ орудій, стали прибывать крестьяне изъ окрестныхъ деревень, узнать въ чемъ дѣло и предлагали *Гаммерштейну* свои услуги; генералъ поблагадарилъ ихъ за готовность и поручалъ имъ только, чтобы они бѣглецовъ, которыхъ поймаютъ, представляли бы живыми и цѣлыми. Крестьяне обѣщались и изявляли полное свое удовольствіе, „что пушки панычамъ поддаютъ жару.“ Они не ошиблись: по всѣмъ направленіямъ летали снаряды и осколки гранатъ. Львовъ представилъ въ часъ времени страшную картину разрушенія, убитыхъ перестали подбирять, съ трудомъ спасали раненыхъ, огонь былъ въ огнѣ. Университетъ и ратуша были объяты пламенемъ, пожарныя труды оказались безсильными. Пламя охватывало зданія съ такою яростью, что въ узкихъ улицахъ, духота была невыносима; раздались зловѣщіе крики *„все погибло, спасайтесь;“* бѣгущая молодежь переряжалась въ женщинъ. Въ полдень капитуляція была подписана, оружіе было выдано. Чрезъ два часа дѣйствительно пришло извѣстіе изъ Вѣны; но вѣсть была та, что столица на капитуляцію сдалась *Виндишгрецу*. Войска радостно привѣтствовали двѣ побѣды. Эмигрантъ Іосифъ *Высоцкій*, главный распорядитель военныхъ дѣйствій мятежниковъ, назначилъ своимъ разсыпающимся ревнителямъ новое мѣсто сбора—Венгрію.

Высоцкій, присланный въ Галицію, еще лѣтомъ, во время революціоннаго затишья, послѣ совѣщаній съ коноводами, посылалъ отставнаго полковника *Булгарина* къ *Кошуту* съ предложеніемъ ему вспомогательнаго отдѣльнаго польскаго легіона изъ Галиціи. Венгерцы охотно принимали поляковъ въ свои ряды, но при извѣстномъ имъ польскомъ характерѣ, военачальники, опасались отдѣльнаго, изъ нихъ составленнаго, отряда. Послѣ долгихъ переговоровъ, Кошутъ наконецъ далъ согласіе, но съ условіемъ, чтобы число легіонеровъ не превышаловы 1200 челов. Когда, съ паденіемъ Львова, ни на какія дальнѣйшія дѣйствія нельзя уже было болѣе расчитывать въ Галиціи, *Высоцкій* самъ отправился лично въ Пештъ и тамъ, въ личныхъ переговорахъ, разсѣялъ предупрежденіе *Кошута*, который согласился на польскій корпусъ отъ 15 до 20 тысячь человѣкъ,—число волонтеровъ, на которое *Высоцкій* расчитывалъ въ своихъ сподвижникахъ, имъ ожидаемыхъ изъ Галиціи.

Во время переговоровъ, прибылъ *Бемъ*, бѣжавшій изъ Вѣны. Бемъ кончилъ войну 1831, бывъ уже въ числѣ кандидатовъ, искавшихъназванія главнокомандующаго польской арміи, когда она спа-

салась къ прусской границѣ, а *Высоцкій,* сынъ бѣдныхъ родителей, началъ только службу во время возстаяія 1831 года. По общему правилу, первый былъ изъ сторонниковъ *Чарторыйскаго,* а *Высоцкій* сталъ лицемъ не менѣе значительнымъ въ числѣ кандидатовъ на званіе главнокомандующаго, готовимыхъ демократическою централизаціею. *Бемъ* считалъ *Высоцкаго* не опытнымъ, а *Высоцкій* считалъ *Бема* очень опытнымъ, но только въ искусствѣ интриги.

Польская эмиграція любитъ крупныя числа. По ея предположеніямъ, число ревнителей, которыхъ она располагала направить въ Венгрію со всѣхъ странъ, гдѣ живутъ поляки, должно было составить къ наступающему 1849 году, до двухъ сотъ и никакъ не менѣе 100 тысячь. Съ этою массою поляковъ, которые будутъ ратовать за Венгрію, эмиграція не могла не расчитывать на полный успѣхъ; а послѣ удачно оконченной войны, по ея планамъ, должна была, съ помощью Венгровъ, начаться другая— въ Царствѣ польекомъ. При этихъ всѣхъ проэктахъ, *Бемъ* хотѣлъ выжить лишняго кандидата въ будущіе предводители, да къ тому еще, кандидата противной партіи демократовъ. *Бемъ* началъ интриговать и приготовленная конвенція между *Кошутомъ* и *Высоцкимъ,* равно и проектъ польскаго легіона, разстроились. Нѣсколько сотъ молодыхъ галичанъ, прибывъ въ Венгрію, думали тамъ найдти польскій легіонъ въ полномъ формированіи, а на мѣстѣ они узнали только о продѣлкахъ *Бема.* Разгнѣванные поляки рѣшили его убить; одинъ изъ нихъ *Колодзейскій,* дѣйствительно, пустилъ въ него пулю, которая слегка задѣла *Бема* въ голову. *Бемъ,* при подобномъ настроеніи умовъ, отправился начальствовать въ Трансильванію. *Высоцкій* остался; но число собравшихся ревнителей оказалось далеко менѣе ожидаемаго; сформированный *Высоцкимъ* баталіонъ пѣхоты былъ только въ 300 человѣкъ; сестра Кошута— Г-жа *Кудкай* подарила ему знамя; бывшіе коноводы въ Галиціи начальствовали: *Чарнецкій* отрядомъ уланъ, *Рембовскій*— егерей, *Воронецкій*— пѣхотою.

Съ успѣхами Венгерскаго мятежа снова сильно стали раздуваться надежды какъ эмиграціи, такъ вообще и всѣхъ поляковъ. Туземцы со дня на день ждали появленія поляко-венгровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сотни польской молодежи торопились въ Венгрію. Польскій легіонъ, под главнымъ начальствомъ *Высоцкаго,* съ нетерпеніемъ ожидалъ послѣднихъ ударовъ австрійцамъ, съ другой

стороны шляхетство Царства польскаго и западнаго края обратилось въ нетерпѣливое ожиданіе.

Въ 1849 году, коноводы революціонной партіи Европы, въ дѣятельности которыхъ самое ретивое участіе принимала польская эмиграція, употребили всѣ свои усилія, чтобы возобновить угасающій пожаръ и раздували его вездѣ, гдѣ надѣялись еще найдти горючій матеріалъ. Италія была поднята вторично, Карлъ Альбертъ снова вторгнулся въ Ломбардію.

Венеція держалась; въ Германіи остатки прошлогоднихъ смутъ проявились новыми, хотя слабыми, волненіями, все вниманіе сосредоточивалось преимущественно на Венгріи. Въ ней мятежъ пустилъ корни продолжительностью свего существованія, военными способностями *Гергея* и энергіею *Кошута*. Онѣ дали мадіарамъ явный перевѣсъ надъ австрійцами. Успѣхи всегда притягиваютъ вниманіе и сочувствіе, а исключительное положеніе, въ которомъ находился мятежъ мадіаровъ относитсльно европейскихъ революціонеровъ и поляковъ, особенно способствовалъ къ тому, что силы мятежа росли, росли вмѣстѣ съ нимъ и польскія надежы, Революціонныя газеты давали тотъ тонъ европейской журналистики, что общественное мнѣніе не могло установиться, а надежды возвратить потерянное,— отметить за неудачу, подстрекали къ новой дѣятельности; русская дѣйствующая армія, съ выставленными къ западной границѣ другими силами, стояли готовыми къ бою, на случай потытокъ къ второженію въ наши предѣлы. Европа была въ самомъ натянутомъ положеніи выжиданій, сомнѣній, колебаній и опасеній. Императоръ Николай положилъ конецъ этому тревожному, неестественному положенію дѣлъ.

Всѣ поляки были собраны въ одинъ корпусъ, подъ названіемъ польскаго легіона, ввѣреннаго *Высоцкому*, пожалованному *Кошутомъ* въ генералы. Этотъ корпусъ былъ направленъ на Галицію; онъ долженъ былъ своимъ появленіемъ возобновить въ ней мятежъ и, пройдя Галицію, вторгнуться въ Царство-польское. Русскія войска вступили въ Венгрію и подавили мятежъ. Чѣмъ далѣе отъ насъ будутъ отходить событія, тѣмъ ярче будутъ выказываться эти страницы дѣлъ Императора Николая; спасая Австрію, Государъ спасъ и Венгрію отъ самоуничтоженія.

Затѣи 1848 года вожаковъ революціонной партіи начали разьясняться; во Франціи они привели къ учрежденію второй имперіи; польскіе мятежи, при совершенной неспособности поляковъ

удерживать себя отъ мечтательныхъ увлеченій, рушились при первомъ твердомъ столкновеніи съ болѣе энергическимъ проявленіемъ законной власти, и вожакамъ осталось широкое поприще въ протестахъ сообщать Европѣ, какими благодѣяніими они хотѣли осчастливить человѣчество. Въ Венгріи, въ лицѣ адвоката *Кошута*, стремленія этихъ благодѣтелей рода человѣческаго выразились яснѣе.

Кошутъ, ретивый членъ европейскаго революціоннаго ареопага, принялся за исполненіе революціонной программы, составленной въ Парижѣ для 1848 года. Венгерцы начали съ запроса свободы печати, употребленія національнаго языка, національной гвардіи и т. д. Императоръ Фердинандъ утвердилъ все требуемое. Венгерцы свою національность хотѣли навязать и славянскимъ племенаиъ, требуя общаго примѣненія для Венгріи императоромъ дарованныхъ правъ; славянскія племена возстали противъ венгерскихъ притязаній, примѣняя къ своей національности, дарованныя права. *Кошутъ*, для котораго императорскія уступки были только началомъ его программы, двинулъ своихъ отуманенныхъ земляковъ, горячо сочувствующихъ преобладанію мадіаровъ, взяться за оружіе. Кровавая распря началась между мадіарами и слявянами; каждая сторона ратовала для приведенія въ исполненіе дарованныхъ императоромъ правъ, и венгерскіе полки, приведенные къ присягѣ конституціи данной императоромъ были, этою уловкою, втянуты въ мятежъ, и подъ ихъ эгидою начали устроиваться вновь набираемыя венгерскія войска. При продолжительности мятежа и безпрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ новобранцы начали обстрѣливаться. *Гергей*, прежде бывшій поручикъ венгерской императорской гвардіи, событіями возстанія и военными своими способностями, попалъ въ генералы; онъ писалъ что для того, чтобы этихъ бѣдныхъ гонведовъ пустить въ огонь, ему нужно ставить „по гусару на флангахъ и пушку въ срединѣ,“ но съ небольшимъ вполгода, молодыя войска стали удовлетворительными солдатами.

Венгерская армія, по словамъ *Гергея*, боролась за конституцію 1848 года, дарованную императоромъ Фердинандомъ, какъ королемъ венгерскимъ, которому присягала въ вѣрности; въ деклараціи венгерскаго верхне-дунайскаго корпуса, написанной его начальствующимъ *Гергеемъ* въ Вайценѣ, армія заявляла, что она противна всякимъ республиканскимъ стремленіямъ и повинуется только конституціонному министерству.

Подобное заявленіе какъ громомъ поразило *Кошута*; у эксъ-адвоката вовсе не были на умѣ патріотическія мадіарскія стремленія къ полной автономіи для Венгріи; его тайныя помыслы были отдѣлиться совершенно отъ Австріи, и стать въ главѣ Венгріи. Вайценская прокламація ему уяснила, что въ *Гергеѣ* онъ не найдетъ ни помощника, ни сторонника своихъ честолюбивыхъ замысловъ; *Кошутъ* искалъ между поляками, своими парижскими друзьями, опытнаго вождя для венгерской арміи, которые ни какъ не мѣшали бы его себялюбивымъ планамъ; онъ призывалъ старыхъ польскихъ генералокъ *Дембинскаго* и *Бема*, и первому было ввѣрено главное начальство арміею, а второму, какъ было сказано, народной гвардіи города Вѣны.

Верхнедунайскій корпусъ долженъ былъ, по словамъ *Гергея*, распуститься среди венгерско-польской революціонной арміи, дабы ни что не мѣшало Октавію *Кошуту*, Антонію *Бему* и Лепиду *Дембинскому поиграть въ маленькій тріумвиратъ*.

Съ польскими эмигрантами военачальниками, *Кошутъ* надѣялся вполнѣ уладить дѣло и стать независимымъ, признаннымъ диктаторомъ отдѣлившейся Венгріи, а для того, если бы потребовалось, огнемъ и мечемъ пройдти Австрію и Польшу и на общемъ разрушеніи, основать свое владычество. Таковы были, говоритъ Лабулей, (*) затаенная мысль, и честолюбивыя мечты *Кошута*. *Бемъ* и *Дембинскій* принадлежали къ партіи Ламберова отеля; понятны противудѣйствія, встрѣченныя *Высоцкимъ*, военачальникомъ, созданнымъ демократическою централизаціею польской эмиграціи.

Дембинскій, послѣ двухдневнаго боя при *Кополнѣ*, долженъ былъ отступить за *Тиссу*; причину своего пораженія онъ свалилъ на *Гергея*, но войска разсуждали иначе; они не вѣрили въ провозглашаемыя поляками, великія военныя таланты *Дембинскаго*, а вѣрили въ *Гергея*, который водилъ ихъ къ побѣдамъ. Венгерцы отказались повиноваться поляку— главнокомандующему. Коммисаръ венгерскаго войска *Шемере*, не посвященный въ таинства парижскаго ареопага, чистѣйшій республиканецъ, который тоже былъ далекъ отъ того, чтобы содѣйствовать личнымъ расчетамъ *Кошута*,—смѣнилъ главнокомандующаго. *Кошутъ*, твердый въ наукѣ революціонеровъ, всевозможными интригами, хотѣлъ препятствовать призванію *Гергея*, но неуспѣлъ.

(*) Etudes contemporaines.

Гергей сталъ главнокомандующимъ; только при этомъ назначеніи, венгерскія войска надѣялись на спасеніе.

Обстоятельства были плачевныя. *Виндишгрецъ* занялъ уже половину Венгріи, Пештъ былъ въ рукахъ австрійцевъ. Изъ Вѣны прибыли новыя правительственныя повелѣнія о распущеніи мятежнаго венгерскаго сейма; новою хартіею Венгрія была низведена до простой области, привилегіи мадіаровъ были отняты, а кроатскій банъ *Іелачичъ* былъ назначенъ въ Венгрію императорскимъ намѣстникомъ.

Назначеніе талантливаго *Гергея* измѣнило ходъ дѣлъ, успѣхи перешли на сторону венгерцевъ; осада Коморна была снята, венгерцы перешли Дунай, и угрожали Вѣнѣ; славянскія племена снова увидѣли, что военныя событія ихъ возвращаютъ подъ мадіарское начало; побѣда *Гергея* подъ Исачегомъ окончательно вскружила голову *Кошуту*. Эксъ-адвокатъ прибылъ къ арміи (7-го апрѣля 1849 г.), изъявилъ войскамъ свое удовольствіе и въ длинной рѣчи заявилъ о вѣчной имъ благодарности націи.

За тѣмъ *Кошутъ* призвалъ къ себѣ *Гергея* и съ глазу на глазъ хотѣлъ его обратить въ свое орудіе, посвятить его, хоть слегка, въ тайны своей личной политики. Не страшась опроверженія *Кошута*, *Гергей* самъ обнародовалъ этотъ разговоръ въ своемъ „Mein Leben und Wirken in Ungarn,“

Эта бесѣда весьма характерична. Съ одной стороны стоитъ одинъ изъ главныхъ вожаковъ европейскихъ революціонеровъ, усердный союзникъ и ученикъ польскихъ эмигрантовъ, ими воспитанный и ободряемый вожакъ, псевдоблагодѣтель народа, алчущій власти, вынужденный высказаться, чтобъ идти далѣе по своей себялюбивой программѣ; онъ взвѣшиваетъ свои слова, обманываетъ подъ личиною искренности. Его собесѣдникъ—венгерецъ, проникнутый всѣми мадіарскими домогательствами, за чистую монету принимавшій всѣ прокламаціи и возгласы *Кошута*, и вѣрившій, что единственная его цѣль была только благоденствіе соотечественниковъ; но этотъ венгерецъ былъ не строитель воздушныхъ замковъ; онъ не былъ ослѣпленъ властолюбіемъ, онъ понималъ, что возможно и что невозможно, что честно и что коварно.

„Настало время, говорилъ, между прочимъ, *Кошутъ*, высказывая свою искуственную исповѣдь, отвѣтить на хартію 4-го марта, совершеннымъ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи; терпѣніе націи исчерпано. Если она достойна свободы, то она не должна довольствоваться отверженіемъ императорскихъ притязаній, но она должна от-

вѣтить на нихъ справедливымъ возмездіемъ. Народы Европы, по отвѣту венгерцевъ, будутъ судить чего они стóятъ; отъ этого приговора будутъ зависить ихъ *симпатіи*. Англія, Франція, Италія, Турція, даже Германія, не исключая Австріи, только ждутъ нашей декляраціи независимости, чтобы придти къ намъ на помощь, и тѣмъ съ большею энергіею, что они промедлили явиться помогать намъ. Наши братья поляки, столь испытывающіе чужеземное тяжко суровое владычество, послѣдуютъ ихъ примѣру. Лишь только мы соединимся, мы найдемъ союзника въ Турціи, которая столько претерпѣла отъ политики Россіи и Австріи. Свобода Европы связана съ нашею. Если мы побѣдимъ, то мы насчитаемъ столько знаменъ возставшихъ противъ ненавистныхъ правительствъ, сколько находится народовъ въ униженіи.“

„Наше торжество несомнѣнно; но мы не должны думать только о себѣ. Мы можемъ и мы должны драться за свободу всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ намъ успѣха. Наши слова должны предшествовать нашимъ дѣламъ; *наше провосглашеніе побѣды должны предшествовать несомнѣннымъ нашимъ будущимъ успѣхамъ, дабы провозгласить всѣмъ порабощеннымъ народамъ приближеніе освобожденія, дабы они поджидали и были готовы, дабы они не пропустили часа спасенія и дабы не дать времени нашимъ общимъ врагамъ сговориться, соединиться и усилиться.* Мы не должны молчать теперь, когда хартія положила вопросомъ наше существованіе. *Наше молчаніе сочтутъ признаніемъ этого акта;* плоды всѣхъ побѣдъ будутъ утрачены. Мы должны высказаться, и высказаться такъ, чтобы *наше воззваніе оживило національныя чувства, отняло бы всякую увертку у всѣхъ колеблющихся, парализирующихъ сеймъ и весь край; наше воззваніе должно заставить замолчать всѣ партіи въ виду близкаго достиженія цѣли, нашей столь возвышенной цѣли; такимъ воззваніемъ вѣрная побѣда будетъ облегчена и ускорена.*“

Въ этихъ словахъ *Кошута*, онъ высказалъ частью теорію революціонныхъ вожаковъ, частью и средства, ими принимаемыя для ослѣпленія и увлеченія своихъ жертвъ. *Кошутъ* надулся послѣдними военными успѣхами своего собесѣдника, и какъ истый адвокатъ, краснорѣчивою деклараціею кинувъ Европѣ тучу пыли въ глаза, считалъ процессъ выиграннымъ. Его собесѣдникъ, виновникъ этихъ побѣдъ, знавшій войну и средства, и не угорѣлый всѣми тайными

комбинаціями революціонныхъ знаменитостей, понималъ событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

„Все, что вы мнѣ говорите, отвѣчалъ *Гергей*, для меня темно. Не словами мы достигнемъ цѣли, а дѣлами. Внѣ Венгріи ни одна рука не подымется для совершенія этихъ дѣлъ, а соберутся только арміи, чтобы намъ противудѣйствовать. Допустимъ, что Венгрія нынѣ достаточно сильна, чтобы отдѣлиться отъ Австріи, но развѣ она достаточно сильна, чтобы поддержать свою независимость въ томъ сосѣдствѣ, при которомъ Порта, гораздо въ выгоднѣйшемъ положеніи, существуетъ только изъ милости. Правда, мы теперь наносили австрійцамъ ударъ за ударомъ, но это стоило намъ самыхъ напряженныхъ усилій. Насъ при этомъ поддерживало чувство правоты нашего дѣла, но съ отдѣленіемъ Венгріи отъ Австріи, мы ее утрачиваемъ; наша борьба будетъ не за законъ, а противъ закона; она не будетъ необходимою защитою, а будетъ нападеніемъ даже на существованіе австрійской монархіи. Когда мы подобною деклараціею смертельно кольнемъ миліярды старыхъ интересовъ и уважаемыя симпатіи; когда мы на нашу родину вызовемъ всѣ гибельныя послѣдствія революціи, которой вовсе не требуютъ нынѣшнія обстоятельства, когда мы толкнемъ на клятвопреступничество наши старыя войска, поразимъ нравственно воиновъ, составляющихъ сердце нашей арміи,—тогда мы будемъ только ослабѣвать съ каждымъ днемъ, а наши враги найдутъ въ сосѣдяхъ своихъ природныхъ союзниковъ, противъ насъ, разрушителей европейскаго равновѣсія.“

„Вы говорите что мы молча не должны принять изданную хартію. Да развѣ послѣднія событія означали молчаливое ея признаніе? Я не знаю, что можетъ нравиться народамъ Европы, но я ясно понимаю одно, что малѣйшій успѣхъ на полѣ боя намъ доставляетъ болѣе пользы и славы, чѣмъ самыя пышныя деклараціи. Лучшій отвѣтъ на вѣнскія, министерскія химеры, это побѣды нами одержанныя, во имя Фердинанда, нашего законнаго Короля и во имя имъ дарованной намъ конституціи 1848 года.“

Эти слова смутили *Кошута*; они доказывали ему, что успѣхъ, есть только слѣдствіе совершенныхъ дѣлъ, они разбивали въ дребезги теорію революціонеровъ, которые надѣялись достигнутъ своихъ цѣлей ослѣпленіемъ общественнаго мнѣнія и легальными изворотами законныхъ правительственныхъ актовъ. Для справы революціонеровъ, сторонники адвокаты были первые бойцы, *Ко-*

шутъ, какъ самъ адвокатъ, болѣе всего смотрѣлъ на мятежъ, какъ на политическій процессъ, въ которомъ главную роль должны играть разныя прокламаціи, деклараціи и протесты,— плоды той науки, въ которой такъ изощрялись поляки еще си временъ Рѣчи посполитой, и которыхъ не вразумили даже о три послѣдовательные раздѣла Польши. *Кошутъ*, который домогался верховной власти въ Венгріи, до того былъ не знакомъ съ дѣйствительною практическою жизнью, что онъ съ видомъ сомнѣнія спросилъ *Гергея*: „неужли старыя войска въ самомъ дѣлѣ привязаны къ императору Фердинанду и къ конституціи 1848 года."

„Да развѣ вы не поняли, возразилъ ему *Гергей*, что послѣ выхода изъ Пешта, моя вайценская прокламація была единственнымъ средствомъ, для удержанія старыхъ полковъ отъ перехода въ императорскій лагерь, а единственно этимъ полкамъ мы обязаны нашими побѣдами. Я ничего не зналъ о деклараціяхъ противъ *Дембинскаго*, а что жъ ихъ вызвало? одно только опасеніе, что со мною они потеряютъ начальника, который уважаетъ присягу, ими данную подъ знаменемъ. Еслибы императоръ Фердинандъ стоялъ предъ нами, я безбоязненно пригласилъ бы его въ лагеръ безъ оружія и тѣлохранителей, чтобы тамъ принять привѣтствіе арміи; будьте увѣрены, что ни одинъ солдатъ не отказался бы пристать къ общимъ возгласамъ."

Кошутъ, по видимому, отнесъ слова *Гергея* къ недостатку увлеченія его политическими идеями; онъ пресѣкъ разговоръ и болѣе не упоминалъ объ отдѣленіи Венгріи отъ Австріи.

У *Гергея* была опытность и онъ ясно видѣлъ положеніе дѣлъ; онъ зналъ, что расчитывать должно на положеніе враждующихъ сторонъ, и настроеніе умовъ, а не на слова; а *Кошутъ* былъ только краснорѣчивый ораторъ, трибунъ, увлекаемый своимъ воображеніемъ и властолюбіемъ; онъ, подъ впечатлѣніями настоящаго, и самъ услаждался звуками собственныхъ рѣчей; по его понятіямъ, пишетъ Лабулей, говорить значило дѣлать, управлять значило увлекать массы громкими словами, возбуждать въ нихъ страсти, угощать ихъ одуряющею чашею, не думая о раскаяніи и разочарованіи при пробужденіи.

Кошутъ, разочарованый *Гергеемъ*, отправился въ засѣданіе сейма, на которомъ надѣялся, что его краснорѣчіе доставитъ ему торжество, болѣе легкое.

„Сеймъ, дѣйствительно, пишетъ Лабулей, увлекся словами *Кошута*, который съ жаромъ изображалъ побѣды арміи, за ко-

торою онъ слѣдовалъ; въ паралель съ безсиліемъ австрійцевъ, онъ ставилъ героическіе подвиги мадіаровъ. Онъ требовалъ, чтобы Венгрія, со всѣми своими областями, со всѣми своими натуральными правами, была возстановлена независимою, а габсбурскій домъ, *за его клятвопреступничество, былъ наказанъ торжественнымъ отрѣшеніемъ отъ престола, предъ лицемъ Бога и вселенной.* Пламенною рѣчью *Кошутъ* разжегъ національное чувство, увлекъ сеймъ, упоенный военными успѣхами, вызвалъ громкія рукоплесканія, и его предложеніе было принято единодушно; но *Кошутъ* умолчалъ о томъ,—монархію или республику должна составать Венгрія; на первый случай онъ повелъ дѣло, такъ, что былъ избранъ *диктаторомъ.*

Тогда послѣдовало раздвоеніе въ мятежной власти: *Кошутъ*, съ своими приверженцами—поляками, генералами *Дембинскимъ* и *Бемомъ*, не отступали не только отъ плана отдѣленія Венгріи, но они только мечтали о томъ, чтобы снова отреволюціонировать Европу. Диктаторъ создавалъ проектъ изъ Венгріи образовать нѣчто въ родѣ Бельгіи, между Россіею и Австріею, несмотря на разноплеменность народовъ, которые ее населяютъ. Даже друзья *Кошута* подсмѣивались надъ подобными воздушными замками.

Чтоже касается *Гергея*, то онъ, какъ главнокомандующій, думалъ только о томъ, чтобы спасти мадіарскую національность и ея административную независимость, и потому онъ выжидалъ удобнаго случая вступить въ переговоры, въ надеждѣ сохранить конституцію 1848 года. Расчитывая на успѣхи своего оружія, онъ хотѣлъ двинуться на Вѣну, и тамъ предложить честный миръ. Вступленіе русскихъ войскъ разрушило надежды *Гергея* и воздушные замки *Кошута* и его окружавшихъ поляковъ. Привѣсти о русской помощи, славянскія племена Венгріи заликовали, а диктаторъ потерялъ голову.

Слѣпо слѣдуя революціонной теоріи польскихъ эмигрантовъ, онъ велѣлъ проповѣдывать противъ русскихъ крестовый походъ, призывалъ венгровъ защищать свою вѣру; жители недоумѣвали, видя, что протестантъ—диктаторъ кинулся въ духовныя процессіи, молебствія за сохраненіе вѣры, перенесеніе мощей и т. п.; никто не вѣрилъ, что костелу угрожаетъ какая либо опасность. Тогда *Кошутъ* думалъ спасти свою власть, приказавъ истребить всѣ запасы, угнать стада, сжечь деревни, обратить Венгрію въ пустыню, въ которой русскіе не находили бы средствъ къ продовольствію. „Таковы были распоряженія диктатора, говоритъ Лабу-

лей, политика, свирѣпая даже въ непріятельской землѣ, а не только относительно управляемаго народа; сила обстоятельствъ эту мѣру сдѣлала невозможною.“ Утѣшаемый поляками, *Кошутъ* надѣялся на Францію и Англію, но изъ венгерцевъ онъ одинъ вѣрилъ въ эту химеру; *Дембинскій* интриговалъ о смѣщеніи *Гергея*; диктаторъ пытался поставить своего пріятеля поляка въ главнокомандующіе, но войска заявили такое негодованіе при этой вѣсти, что онъ долженъ былъ уступить.

При успѣхахъ законнаго правительства, возстановленныхъ русскимъ оружіемъ, венгерскій сеймъ сталъ размышлять о покорности и о томъ, чтобы, обратясь къ императору Николаю Павловичу, просить его быть посредникомъ между Венгріею и австрійскимъ императоромъ.

Диктаторъ видѣлъ, что его власть окончательно пала; къ какому же средству прибѣгнулъ онъ, чтобы поддержать свое значеніе? Онъ предложилъ корону св. Стефана русскому Монарху.

Генералъ адьютантъ *Ридигеръ*, получивъ о томъ письмо, отвѣтилъ, что венгерцы, со всякими заявленіями покорности, должны обращаться къ законному своему государю въ Вѣну, а что русскіе прибыли только усмирять мятежниковъ.

Гергей, предъ русскими войсками сложилъ оружіе, *Кошутъ* съ польскимъ легіономъ, бывшимъ подъ начальствомъ *Высоцкаго*, ушелъ въ Турцію.

Перебрались туда и участвовавшіе въ венгерскомъ мятежѣ польскіе генералы; *Бемъ* принявъ изламизмъ, принялъ и названіе Мюрадъ—Паши.

Число поляковъ, прибывшихъ въ Турцію съ *Высоцкимъ*, *Бемомъ* и *Дембинскимъ* доходило до 900 человѣкъ.

Приведемъ изъ сочиненій Высоцкаго его мнѣніе о соотчичахъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ 1848 и 1849 годовъ: „При всей ихъ храбрости, у нихъ совершенный недостатокъ любви къ порядку и къ подчиненію; правительство (польской эмиграціи) постоянно назначало новыхъ *довудцевъ* и новыхъ *организаторовъ*, съ обширною властью; всякій хотѣлъ начальствовать и никто не хотѣлъ повиноваться, по желанію, всякій могъ переходить изъ одной роты въ другую; кто болѣе о себѣ кричалъ или важничалъ, тотъ скорѣе и добывалъ себѣ повышенія. Другая причина болѣзни польскаго легіона таилась въ домашнемъ и умственномъ образованіи польской молодежи, совершенно не пригодномъ для военнаго дѣла.“

„Замѣчательная путаница въ понятіяхъ, при примѣненіи со-

ціальныхъ основаній къ военному дѣлу и положенію Польши, подчиненной иноземнымъ правительствамъ, выражалось тѣмъ, что всякія противудѣйствія старшимъ, принимались за добродѣтель и отвагу, и что непрерывающіеся заговоры для низверженія дѣйствующей власти были принимаемы какъ насущный хлѣбъ истиннаго патріота, какъ высокая цѣль всѣхъ мыслей, желаній и стремленій.“

ГЛАВА 10.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Эмиграція послѣ 1849 года.— Преобладаніе Ламберова отеля.— Неудачное домогательство польскаго легіона.— Михаилъ Чайковскій.— Польская неурядица и польская интрига.

Поляки считали Людовика Филиппа непреодалимымъ тормазомъ въ принятіи Франціею ближайшаго участія въ домогательствахъ польской эмиграціи. Наконецъ совершилось столь желаемое событіе, при полныхъ симпатіяхъ и усердіи ея демократической партіи, возникла французская республика, а за нею быстро при полныхъ симпатіяхъ и усердіи партіи Ламберова отеля, возникла имперія. Послѣдствія заставили польскихъ демагоговъ вспомнить о Людовикѣ Филиппѣ, ихъ централизація нашла себя при новыхъ порядкахъ, вынужденною выбраться изъ Франціи и переѣхать въ болѣе гостепріимный Лондонъ. Казалось что на долю европейскимъ революцерамъ пришлось сложить оружіе, а съ нимъ покамѣсть уложить и польскія надежды.

Польскіе эмигранты испытывали быстрые переходы отъ великой радости къ великой печали и обратно; они могли вспомнить что дни одинъ за другимъ слѣдуютъ, но одинъ на другой не похожи. На очереди стало событіе для нихъ самое счастливое, о которомъ такъ долго мечтали и хлопотали поляки, и котораго исполненіе они едва ли почитали сбыточнымъ— западъ ополчился на Россію, и Россія въ готовящейся борьбѣ стояла одна. Со времени удаленія польскихъ выходцевъ за границу, они были неутомимыми работниками, чтобы общественное мнѣніе возстановить противъ ими провозглашаемыхъ *московскихъ варваровъ*, а дипломатія западныхъ кабинетовъ весьма удачно повела дѣла такъ, что Россіи пришлось одной бороться снова, если не со всей Европой, то противъ значительнѣйшей ея части.

Польскія сердца встрепенулись, умы оживились, надежды воскресли,— заговоры закипѣли и въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи, закипѣли тѣмъ съ большею силою, что образовавшій-

ся нарывъ въ 1848 и 1849 не прорвался, и возбужденные мятежные элементы, не выйдя тогда наружу, заглохли съ подавленіемъ венгерскаго мятежа (*).

Съ 1812 года никогда еще столько какъ во время крымской войны, польскія мечты не гуляли въ такомъ безпредѣльномъ мірѣ фантазій, обильно застроенномъ воздушными замками; паны готовились и не щадили денегъ, высылаемыхъ за границу, готовилось все шляхетство всѣхъ партій, готовились студенты-поляки по университетамъ, какъ за границею такъ и въ Россіи. Въ московскомъ университетѣ студентъ Іосифъ *Розенталь* собиралъ цѣлые сеймы изъ *студентовъ*, для непремѣннаго принятія всѣми товарищами принциповъ централизаціи. Онъ достигъ полной побѣды сколько силою своею краснорѣчія, столько угрозою, что противники будутъ исключены изъ общества поляковъ. Изъ московскаго университета *Розенталь* перешелъ въ кіевскій и тамъ устроилъ тройки, для окончательнаго перехода отъ дѣятельности заговорной къ дѣятельности мятежа, но Ламберовъ отель парализировалъ пылъ дѣятельности.

Съ разгромомъ революціонныхъ сборищъ въ Парижѣ, съ изгнаніемъ централизаціи въ Лондонъ, послѣ всѣхъ матеріальныхъ потерей, которыя съ 1849 года понесла демократическая партія

(*) Паны въ 1848 и 1849 годахъ, напуганные галиційскими событіями 1846 года, положительно боялись мятежей; сдерживали молодежь и перечили ея замысламъ; они уничтожали имъ попадавшіяся въ руки революціонныя воззванія и распоряженія; готовя средства, они, въ 1848 году, ожидали прибытія французовъ, но какъ дѣла въ Европѣ къ концу первой половины года, приняли другой поворотъ, а Царство Польское и западная Россія стали наполняться войсками, то всякія попытки являлись совершенною невозможностью. Едва выяснялось что на Францію расчитывать нечего какъ паны, первые, торопливо пріѣзжали сообщать фельдмаршалу въ Варшавѣ о всякихъ готовящихся замыслахъ. Это не мѣшало однако демократической партіи работать своими путями, но они могли только работать между одною молодежью, которой вожаки не были принимаемы даже, оставшимися правительству неизвѣстными, членами литовскаго жонда 1831 года, въ рукахъ которыхъ все оставалась верховная дирекція заговорнаго польскаго perpetuo mobile въ западной Россіи. Часть молодыхъ заговорщиковъ была открыта; въ главѣ дѣятелей стоялъ 19 лѣтній гимназистъ *Францъ Далевскій*, сосланный тогда въ каторжную работу, и который, помилованный въ 1856 году, снова принялся за организованія заговора къ мятежу 1863 года.

польской эмиграціи и разсеяніи ея членовъ, партія Ламберова отеля достигла совершеннаго преобладанія. Всѣ мятежныя дѣйствія поляковъ, начиная со временъ раздѣла Польши, были убѣдительными доказательствами для всѣхъ партій, что если паны не возмутся за дѣло, то всякая попытка обращается только въ кратковременную потѣху конспираторовъ-проказниковъ, которая влечетъ за собою казни, заключенія и ссылки.

Всѣ услуги, которыхъ союзники могли ожидать во время войны отъ польской эмиграціи, конечно были достаточно побудительными причинами, для того чтобы ей, среди дипломатическаго міра идти, какъ говорится, быстро въ гору, по понятіямъ поляковъ; они христораднichали какъ предъ 1812 годомъ, призывая враговъ въ царство польское, въ западную Россію; въ Парижѣ ихъ ласкали по прежнему, по прежнему они расточали обѣщанія на пожертвованія, полную готовность быть гостепріимнѣйшими хозяинами. *Мѣрославскій* стратегискими доводами доказывалъ, что Польша и западная Россія единственный пригодный театръ для вторженія непріятелю. Туземцы обратились въ ожиданія и надежду. Партія Чарторыйскаго взяла въ это время рѣшительный перевѣсъ; демократическая партія, заявивъ своею многолѣтнею дѣятельностью свое революціонно польское настроеніе, понимала что на это настроеніе, съ императорскою Франціею, мода прошла и потому ей оставалось только всѣ свои надежды возложить на дипломатическое искуство князя Адама.

Но князь Адамъ не могъ добиться многаго, тщетны были всѣ его усилія составить особый польскій легіонъ, который рядомъ съ сардинскими войсками, сталъ бы въ лагерѣ союзныхъ армій, и потомъ при окончательномъ расчетѣ, потребовалъ бы своей доли, если даже не потребовалъ бы ранѣе, извѣстныхъ гарантій. Не съ достоинствомъ западныхъ державъ было набирать себѣ союзниковъ въ ряду воображаемыхъ безземельныхъ государствъ; а еще менѣе связывать себѣ руки условіемъ; и Мѣрославскій съ грустью говоритъ, что поляки въ севастопольскомъ гарнизонѣ, тщетно прождали появленія польскихъ орловъ. Подобно Наполеону I, Наполеонъ III и Англія дозволили только полякамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, проявить свою вражду къ Россіи усердіемъ въ пожертвованіяхъ деньгами и людьми и горячими симпатіями къ Франціи.

Тогда Ламберовъ отель особенно началъ заискивать у Австріи, эрцъ герцогъ Карлъ отправился въ Галицію; по мановенію князя Чарторыйскаго, поляки восторженно принимали эрц-

герцога, какъ будущаго короля Польши, и польскія дамы громко провосглашали, махая платками: „Ah qu'il est beau notre jeune roi.“

Чѣмъ болѣе разгоралась война, тѣмъ натянутѣе становился союзъ между Франціею и Англіею. Наполеонъ III воспользовался давнишними усиліями польской эмиграціи, возстановить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; союзу давало нѣкоторую прочность, а еще болѣе силу, то обстоятельство, что Россія казалось была оставлена всѣми; на нея точно была наложена печать всеобщаго недовѣрія, но это искуственное положеніе дѣлъ не легко было поддерживать. Волненія въ Польшѣ, могли заставить Австрію яснѣе высказать свои побужденія и опасенія, но Пруссію ни въ какомъ случаѣ не устроивало возстановленіе Польскаго королевства, которое бы не только заявило свои притязанія на Познань, но и на другія ея области, бывшія нѣкогда подъ польскимъ владычествомъ; поляковъ преслѣдуетъ постоянно одна и таже идея: Польша 1772 года. Императоръ Наполеонъ самимъ положительнымъ образомъ провелъ черту польскимъ домогательствамъ. *Чарторыйскій* въ своемъ органѣ „Вядомости Польскѣ“, 16 іюня 1854 года напечаталъ, для свѣдѣнія своихъ соотчичей: „Мы формально уполномочены лицемъ самымъ достойнымъ уваженія, которое только можетъ быть въ мірѣ, довести до свѣдѣнія нашихъ соотечественниковъ, что высоко поставленная особа, именно та, которая преимущественно рѣшила не образовать польскаго легіона въ Константинополѣ, совѣтуетъ полякамъ въ этомъ отказѣ, не искать причины къ утратѣ ихъ надеждъ, но напротивъ чтобы они во всякое время были готовы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.“ Краеугольнымъ камнемъ польскихъ традицій, надъ которыми паритъ польская интелигенція, стоитъ „непозвалямъ“ съ нимъ не можетъ разстаться шляхетство. Непозвалямъ, единогласно произнесла демократическая партія, когда *Бемъ* въ 1833 году заключилъ съ Донъ Мигуэлемъ португальскую конвенцію, а въ 1854 году, когда въ первый разъ князь *Чарторыйскій* дѣйствительно упирался на нѣчто въ родѣ оффиціальнаго дипломатическаго сношенія, не только демагоги, но и магнаты средней руки заволновались; по какому дескать праву князь *Чарторыйскій* трактуетъ съ кабинетами; кто его уполномочилъ? „Эти слова въ Польскихъ Вѣдомостяхъ, (16 іюня 1854 года) не допускаютъ двоякаго толкованія, пишетъ графъ *Тышкевичъ* (*), всякій зналъ что именно Наполеонъ III

(*) Тышкевичъ „Письма о современной Польшѣ,“ стр. 174.

рѣшительно не согласился на формированіе польскаго легіона въ Константинополѣ, а князь *Чарторыйскій* говоритъ полякамъ: императоръ французовъ приглашаетъ васъ чрезъ меня не отчаяваться, но быть постоянно въ готовности. Онъ и англійская королева *меня* признали представителемъ и главою *польской справы*; правда я не могу вамъ доказать это иначе какъ собственнымъ моимъ увѣреніемъ, но мое слово, слово честнѣйшаго изъ честнѣйшихъ людей, это не слова перваго попавшагося соціалиста, потому что *я* занимаю почетное мѣсто, я не какой нибудь безмозглый; всѣ сознаютъ во мнѣ политическую опытность; извольте меня слушаться".

Не знаемъ хотѣла ли польская эмиграція чтобы союзныя державы созвали всю ее на митингъ и чтобы онѣ на этотъ митингъ выслали своихъ министровъ договариваться съ эмигрантами, но видимъ только что эмиграція никакъ не хотѣла перейдти изъ міра фантазій въ міръ дѣйствительный. Она не понимала что никогда, ни одно европейское правительство не признавало никакого офиціальнаго характера ни въ ся келейныхъ сеймахъ, ни въ одномъ изъ ея безчисленныхъ комитететовъ. Она не понимала что западныя державы никакой особенной необходимости въ польскихъ эмигрантахъ не имѣютъ, а какъ они сами навязываются въ дѣло, и своимъ вліяніемъ на край могутъ принести косвенную пользу, то онѣ при закрытыхъ дверяхъ, заговорили съ тѣми изъ польскихъ выходцевъ, которые всегда стояли у этихъ дверей, умоляя о позволеніи войдти.

Поляки надѣялись что выговорятъ для себя особыя условія, забывая что въ нихъ никто особенно не нуждался, и что правительства очень хорошо понимаютъ, что съ поляками имъ церемониться нечего, что они радостно возмутъ на себя роль кондотьеровъ, при хорошемъ жалованьи, подстрѣкаемые мыслью что идутъ воевать противъ Россіи. При громадныхъ приготовленіяхъ для борьбы съ Россіею, кромѣ самой польской эмиграціи, никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Во время этихъ приготовленій поляками было произнесено много пламенныхъ рѣчей за и противъ князя Адама, а кончилось тѣмъ, что всѣ поляки, послѣдовавшіе на востокъ, всѣ стали подъ знамя *Чарторыйскаго*, кто былъ по богаче на собственномъ иждивенія, а кто побѣднѣе на усиленномъ жалованьи.

Край оставался спокойнымъ; дабы предупредить всякую своевольную выходку какого либо отчаяннаго патріота—туземца, которая могла бы быть искрою бо́льшаго пожара и надѣлать хлопотъ

западнымъ комбинаціямъ и опасеніямъ, то въ шляхетное общество были пущены слова, какъ сказанныя Наполеономъ: первый выстрѣлъ на Вислѣ заставитъ замолчать севастопольскія батареи (*), а въ утѣшеніе туземному шляхетству было сообщаемо, что „въ тотъ моментъ когда театръ войны коснется ихъ предѣловъ, то нежданнымъ ударомъ всей возставшей Польши, они нанесутъ Россіи рѣшителный ударъ и она будетъ рада согласиться на всякій миръ, который ей будетъ предписанъ, что Наполеону III, въ дружбѣ съ Англіею, нечего церемониться съ Россіею, какъ Наполеонъ I поцеремонился съ ней въ Тильзитѣ“.

Хотя цѣлая русская армія охраняла Царство Польское, но Австрія повидимому тоже опасалась какой либо сумятицы и настояла чтобы Придунайскія Княжества были признаны нейтральными.

Послѣдуемъ за эмигрантами въ Турцію, болѣе или мѣнѣе уже извѣстную польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* въ демократической партіи всегда видѣлъ злѣйшихъ противниковъ своимъ планамъ; онъ не довѣрялъ чтобы революціонными стремленіями, Польша когда либо достигла независимости, а демагогическія ея ученья низвергали его династическія мечты. Неудавшіяся поляками затѣянныя революціи только подтверждали князя *Чарторыйскаго* въ томъ его убѣжденіи, что его планъ медленнаго, постепеннаго, прочнаго укрѣпленія камень за камнемъ въ *великомъ будованіи* для возстановленія Польши, только терпѣлъ отъ демократической партіи, что шальныя ихъ выходки только разрушали часть уже сдѣланной работы. Онъ постоянно искалъ какихъ либо занятій неугомоннымъ противникамъ, своимъ товарищамъ по изгнанію. Желая разослать ихъ въ Португалію, Испанію, Алжиръ, Египетъ и Америку, онъ искалъ давно уже пристроить часть ихъ и въ Турцію.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ князь *Адамъ Чарторыйскій* заключилъ условіе съ орденомъ константинопольскихъ лазаристовъ (**), по которому часть земли имъ принадлежащей въ азіятской Турціи, была предоставлена для земледѣльческихъ работъ польскихъ выходцевъ и тамъ основано польское селеніе *Адамполь*, но по отзывамъ самихъ поляковъ, много эмигрантовъ тамъ перебывало и мало тамъ оставалось. Выгодныя условія заманивали, работа отталкивала и эмигранты изъ Адамполя раз-

---

(*) Le premier coup de fusil, parti sur la Vistule fera taire les batteries devant Sébastopole“.

(**) Латинскій орденъ монаховъ, тамъ водворившійся въ XVIII вѣкѣ.

сыпались по Турціи, искать пропитанія болѣе легкаго. Польскій легіонъ, вышедшій изъ Венгріи въ 1849 году въ Турцію увеличилъ тамошнее число польскихъ выходцевъ. Въ европейской Турціи до начала восточной войны, насчитывали болѣе 2,000 поляковъ, такъ что вновь прибывавшіе искатели приключеній застали тамъ много земляковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь *Чарторыйскій* искалъ утвердить свое значеніе и искалъ воидти въ связь съ правительственными личностями, тамъ гдѣ онъ надѣялся что могутъ явиться враги Россіи. Такъ и въ Константинополѣ онъ имѣлъ своего человѣка, Михаила *Чайковскаго.* Онъ былъ литераторъ Ламберовскаго отеля, писалъ повѣсти изъ быта Украины, въ 1840 роду былъ посланъ къ запорожскимъ казакамъ, обитающимъ въ турецкихъ владѣніяхъ Малой Азіи и принималъ участіе въ постройкѣ Адамполя; поселясь въ Константинополѣ, онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ и знатокомъ военнаго дѣла; онъ составлялъ разныя записки о пересозданіи Турецкой Имперіи и ея войскъ, которыя онъ представлялъ султану, и для лучшаго себя утвержденія на турецкой почвѣ, онъ принялъ исламизмъ въ 1850 году и назвалъ себя *Садикомъ.* Предъ началомъ восточной войны, поддерживаемый *Чарторыйскимъ*, онъ получилъ согласіе султана на сформированіе султанскихъ казаковъ, и получилъ званіе паши.

Русскія войска вступили въ Княжества, Порта торопливо готовилась къ войнѣ, *Чайковскій* предлагалъ султану выписать четырехъ опытныхъ польскихъ генераловъ съ ихъ штабами, для укомплектованія начальствующихъ формируемыхъ войскъ и указывалъ что подъ ихъ начальство сберется множество поляковъ, отважныхъ опытныхъ войновъ. Султанъ согласился. *Чайковскій* тотчасъ адрессовался къ своему патрону *Чарторыйскому. Чарторыйскій* не очень торопился, а генералы заломили цѣну своему искуству, и требовали еще гарантій въ исправной уплатѣ жалованья. *Чайковскій* писалъ *Чарторыйскому*, что этимъ путемъ на счетъ султана можно будетъ устроить войско, которое потомъ можно будетъ употребить на дѣло Польши, но что бы для увеличенія средствъ, князь *Чарторыйскій* потребовалъ бы экстерныхъ взносовъ отъ туземцевъ, въ которыхъ они не откажутъ. Осторожный Чарторыйскій не поддавался подъ пылкія рѣчи Садикъ Паши; Франція принимала участіе въ турецкихъ дѣлахъ и князь Адамъ ждалъ позволенія или вѣрнѣе приказаній. Пріѣхали генералы *Брезтскій* и *Быстржановскій:* занялись формированіемъ польскихъ легіоновъ, но дѣ-

ло вели такъ вяло, что рѣшительное заявленіе Наполеона противъ формированія подобныхъ легіоновъ остановило далеко не оконченное предноложеніе.

Если паны, туземцы, послушные Ламберову отелю сидѣли смирно, и отъ нихъ не требовалось экстерныхъ взносовъ, то ксендзы и польки дѣятельно выступили впередъ. При волшебномъ словѣ „польскіе легіоны" составлялись концерты въ пользу бѣдныхъ, сборы въ пользу бѣдныхъ, лотереи въ пользу бѣдныхъ, и не одинъ рубль русскаго офицера а можетъ быть и пишущаго эти строки, очутился въ Парижѣ, въ кассѣ Ламберова отеля. Князъ *Чарторыйскій* былъ между двумя огнями, съ одной стороны летѣли посланія изъ Турціи; тамошніе поляки своимъ путемъ знали что обильные офяры собирались въ краѣ, съ другой стороны какъ мы упомянули, Наполеонъ не изъявлялъ на нихъ согласія. Молва о польскихъ легіонахъ была на всѣхъ устахъ; тогда князь Адамъ напечаталъ нами сказанное свое объявленіе отъ 16 Іюня 1854 года.

Съ потерею надежды на формированіе легіоновъ, поляки кинулись въ султанскіе казаки *Садикъ-Паши*; хотя самъ паша былъ и преданный сторонникъ Ламберова отеля, но масса прибывшихъ принадлежала почти вся демократической партіи, и недостатка не было въ порицаніяхъ и критикѣ польскихъ дипломатовъ; настроеніе лагеря Садикъ Паши разносилось въ краѣ; демократы стали брать рѣшительный перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что *Высоцкій* бывшій предводитель польскаго легіона въ Венгріи, одинъ изъ вожаковъ демократической партіи, другъ *Мирославскаго*, заклятаго врага Ламберова отеля, отправился тоже въ Турцію искать службы у султана. Среди громадныхъ событій восточной войны, какъ поляки не были ничтожны своею численностью, силою и значеніемъ, но успѣхъ на блистательный исходъ войны шелъ еще возвышаясь, а въ подобное время аристократическая партія всегда старается сохранить во чтобы то не стало преобладаніе на своей сторонѣ, точно также какъ при наступленіи неудачъ, она старается стушеваться, снять свою булавку съ игры, какъ говорятъ французы, и отрекаться по возможности отъ всякаго принятаго участія. *Чайковскій* приписывалъ что ничтожная роль, которая выпала на долю поляковъ среди союзниковъ, была слѣдствіемъ недостаточнаго представительства польской эмиграціи, и какъ истинный поклонникъ Ламберова отеля настоятельно требовалъ отъ него высылки подобнаго представителя, по Лам-

берову отелю было гораздо важнѣе возвратить въ подчиненности неугомонную демократію, и онъ обратился къ обычному оружію, къ интригѣ. На этотъ разъ польская интрига въ лице графа Владислава Замойскаго поспѣшила въ Турцію; князь Адамъ отправилъ туда своего способнѣйшаго и усерднѣйшаго сторонника наладить дѣло.

Графъ *Замойскій*, какъ говоритъ *В. Мицкевичъ*, прибылъ въ Константинополь, встрѣтился съ *Высоцкимъ*, радостно облобызался съ нимъ, и тотчасъ же предупредилъ султанскихъ чиновниковъ, чтобы *Высоцкому* ничего не довѣряли, потому что онъ прибылъ революціоннымъ агентомъ. Радостно расцѣловался онъ при свиданіи съ *Чайковскимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмами къ сераскиру и къ Омеръ Пашѣ предостерегалъ ихъ отъ запальчивости Садикъ Паши, что у него только на умѣ внести войну въ Польшу, что онъ наровитъ только на то, чтобы ему прорваться на Волынь, что при его своеволіи его неудержитъ настоятельное требованіе Австріи, не переходить ею назначенную черту. Если графъ *Замойскій* не достигъ того, чтобы слишкомъ пылкого Садикъ Пашу замѣстить болѣе послушнымъ другимъ сторонникомъ Ламберова отеля *Косцельскимъ*, то все же онъ добился того, что пашамъ было предписано сноситься съ Садикъ Пашею, какъ хорошо знающимъ мѣстность, но не допуская чтобы онъ увлекъ ихъ впредъ; подчиненные же Чайковскаго получили приказъ исполняя его распоряженія, ни подъ какимъ предлогомъ однако не дозволять чтобы части артиллеріи или пѣхоты переправились на лѣвый берегъ Серета. Графу *Замойскому* не удалось однако своимъ кандидатомъ замѣститъ *Садикъ Пашу* и сторонники послѣдняго говорили, что если *Колцельскій* желаетъ сдѣлать блистательную карьеру въ турецкой службѣ, то при нѣкоторой твердости духа и безстрашіи передъ ланцетомъ, онъ можетъ поступить въ евнухи сераля.

Устранивъ *Высоцкаго*, поколебавъ довѣренность Порты къ Садикъ Пашѣ *Чайковскому*, графъ *Зомойскій* принялся устраивать свои дѣла. Онъ отказался отъ званія турецкаго бригаднаго генерала, не довѣряя акуратности турецкаго жалованья, а предложилъ свои услуги Англіи, взявъ на себя формировать полкъ изъ поляковъ, который ей обойдется гораздо дешевле вербуемыхъ въ Европѣ волонтеровъ. Англія приняла предложеніе и пожаловала *Замойскаго* генераломъ. Графъ *Замойскій* разомъ составилъ свой полкъ, добывъ позволеніе отдѣлить половину отъ козаковъ султана, сформирован-

6

ныхъ *Чайковскимъ*. Оба эти, по народностямъ пестрые полки съ значительнымъ числомъ поляковъ, скоро представили разительную разницу. У *Чайковскаго* нагайка была въ сильнѣйшемъ ходу, и въ честь мастера этого дѣла, служившаго тамъ полковникомъ, *Киркора* и самыя нагайки получили названіе киркорокъ, а въ полку графа *Замойскаго* преимущественно занимались обращеніемъ въ латинство.“ Какой срамъ говорили поляки въ полку *Чайковскаго*, что тамъ превзошли даже москалей, въ употребленіи нагаекъ, сколько козаковъ тамъ умерло подъ ударами киркорокъ.“ За то о полку графа *Замойскаго*, получившему названіе англо-турецкаго, держались другія рѣчи: „тамъ рѣдко учатся, даже мало занимаются коннымъ и пѣшимъ строемъ; время проводятъ въ молитвахъ, исповѣдяхъ и обращеніи схизматиковъ. Тамъ случались примѣры что русскіе бѣглые солдаты, которыхъ палками хотѣли обратить въ латинство кричали, „убей, не перекрещусь.“ Графъ *Замойскій* отлично устроивалъ однако свои собственныя дѣла; получая снабженія на оба полка, отъ англичанъ, французовъ и турковъ, онъ расходовалъ ихъ весьма экономически, и Садикъ Пашѣ—*Чайковскому* за все время выдалъ только 3,000 фр. жалованья. Получая на собственную свою личность столько раціоновъ, что на нихъ могъ бы содержать цѣлый госпиталь, онъ однако для его улучшенія собиралъ добровольныя приношенія по подпискѣ съ офицеровъ, даже и такихъ, которымъ не выдавалъ жалованья.

Раздоры и сплетни охватили польскій лагерь, князь *Чарторыйскій* послалъ изъ Парижа примирителемъ сына своего *Владислава* и какъ бы въ дядьки къ нему послалъ поэта Адама *Мицкевича*. „Пишите мнѣ, прошу васъ, о моемъ сынѣ, писалъ ему князь Адамъ 27 Октября 1855 года, весьма желалъ бы узнать что вы были имъ довольны.“ Князь Владиславъ *Чарторыйскій* прибылъ въ Турцію съ обстановкою какого то принца крови. Поляки живущіе въ мірѣ фантазій къ какой бы партіи они не принадлежали, съ самодовольствіемъ встрѣтили молодаго князя; они точно дождались, что ихъ посѣтилъ принцъ чистой крови владѣтельнаго дома; они парадировали заявленіемъ чувства глубокой преданности. Франція и Англія имѣли своихъ принцевъ, на театрѣ войны; прибылъ таковой псевдо-кронъ-принцъ и къ полякамъ но въ польскомъ обществѣ съ необыкновенною быстротою совершаются всякія перевороты нравственнаго настроенія. При неестественно фальшивомъ воспитаніи, нѣтъ въ нихъ твердыхъ убѣжденій, выработанныхъ, усво-

енныхъ правильныхъ понятій; всякій кидается разыгрывать какую нибудь имъ избранную роль, согласно обстоятельствамъ, Алкивіада, Ликурга, Брута, Цицерона, Гракха, то маркиза временъ Людовика XIV, то якобинца 1789 года, то англійскаго лорда, пока роль не надоѣстъ; тогда они обращаются въ первобытное состояніе, пока при новыхъ обстоятельствахъ, они не разбираютъ новыхъ ролей,—прямое слѣдствіе не нормальнаго положенія, въ которое себя поставило польское шляхетство, и въ которомъ оно упорно держится. Прибытіе князя *Владислава Чарторыйскаго* и Адама *Мицкевича* водворили согласіе на короткое время и скоро ихъ присутствіе только увеличило распри съ новою силою. Князь *Владиславъ* присталъ къ графу *Замойскому*, Адамъ *Мицкевичъ* къ демократамъ и перетащилъ туда окончательно и *Чайковскаго* Садикъ Пашу.

Князь *Владиславъ* пріѣхалъ въ Турцію искушаемый восточными обычаями. „Вы пріѣхали на Востокъ, писалъ ему поэтъ *Мицкевичъ*, 17 ноября 1855 года, гдѣ столько надеждъ можетъ воспрянуть. Взоры стольких поляковъ были обращены на васъ; сцена на которую вы восходили еще болѣе васъ возвышала, и что же? на этой землѣ нашей будущности, первые слѣды, которые вы оставляете на вашемъ пути состояли въ томъ, что вы приказали опубликовать, что женщина, которую вы съ собою привезли, оказала такія то и такія то заслуги. Князь! если госпитали требовали улучшенія, то должно было поручить дѣло медикамъ, предоставивъ имъ должныя средства, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было требовать подписки отъ офицеровъ, неполучающихъ жалованья. Ваши похожденія въ монастырѣ, чтобы помѣстить тамъ безплатно еще другихъ женщинъ, выставляютъ предъ иноземцами позоръ и скандалъ. Мы можемъ потерять случай возстановить наше національное знамя на землѣ, столь близкой къ нашей родинѣ. Это первый польскій лагерь, который послѣ стольких лѣтъ является снова.“

„Мы все сдѣлали для *Чарторыйскихъ*, писалъ *Чайковскій*; мы доставили имъ политику на Востокѣ, вліяніе на славянъ, сношенія съ кавказскими горцами, а чрезъ это кредитъ у кабинетовъ французскаго и англійскаго, мы образовали польскую колонію и казаковъ съ военнымъ устройствомъ, доставили имъ знамя, положеніе, я употребилъ всѣ возможныя старанія, чтобы не допустить раздѣленіе казаковъ, я дѣйствовалъ такъ для настоящихъ выгодъ и имѣлъ въ виду будущность Польши, достоинство польскаго имени; поступки *Замойскаго* отъ насъ навсегда могутъ

удалить казаковъ, они содѣйствуютъ только тому, чтобы навсегда раздѣлить восточную церковь отъ западной. Почему князь Адамъ *Чарторыйскій*, въ самомъ началѣ борьбы, не обратился къ краю и не потребовалъ нужныхъ суммъ для организаціи и содержанія польскихъ легіоновъ; почему не были употреблены миліоны, завѣщанные дѣвицею Сициліею ***, духовнымъ ея завѣщаніемъ исключительно назначенные для *народной справы*, а не на какіе другіе предметы. Много было кромѣ того подписокъ и пожертвованій, всѣ эти суммы вмѣстѣ были бы болѣе чѣмъ достаточными„. „Мы имѣли свои капиталы, край дополнилъ бы ихъ въ случаѣ надобности, а мы сохранили деньги для Ламберова отеля, мы пошли на жалованье англичанъ и должны переносить нарѣканія, что живемъ на счетъ союзниковъ а ихъ золото льется въ карманъ графа Владислава“ (Замойскаго).

Князь Адамъ *Чарторыйскій* дипломатически отвѣчалъ *Мицкевичу*, сообщившему ему раздоры между *Замойскимъ* и *Чайковскимъ*:

„Садикъ обладаетъ большими способностями, но онъ быстръ и пылокъ, и дѣйствуетъ слишкомъ запальчиво въ минуту раздраженія; что касается *Замойскаго*, то я хорошо знаю его недостатки, отъ которыхъ онъ нажилъ много враговъ, особенно между своими земляками; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него много и прекрасныхъ качествъ“. Прекраснѣйшее его качество, говорили поляки, то, что онъ племянникъ князя Адама.

При раздорахъ, существовавшихъ въ обѣихъ польскихъ партіяхъ въ Турціи, подъ руководствомъ поляковъ войска послѣ Калафата не могли быть употреблены. Войска Садика во всемъ нуждались, даже въ людяхъ, которыхъ задерживалъ *Замойскій*, и его подчиненные все не достигали боеваго образованія. Поляки не попали ни въ Крымъ, ни въ Малую Азію.

„Насъ не послали даже въ Азію, пишетъ *Чайковскій*, когда интервенція Австріи насъ лишила доступа къ Дунаю, и когда какимъ нибудь громкимъ подвигомъ намъ было необходимо поднять ту военную славу польскаго имени, которая доселѣ была нашимъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ и существенной силой нашей ойчизны. Вмѣсто того мы отдѣлились отъ Польши, наше знамя было запятнано двусмысленною репутаціею наемнаго войска, безъ всякой гарантіи для края; одно только честолюбіе графа *Замойскаго* было удовлетворено послѣ трудовъ двухъ съ половиною лѣтнихъ, время, въ которое мы могли бы

устроиться при нашихъ для насъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, войны съ Россіею".

Разбирая всѣ похожденія поляковъ во время восточной войны, когда дѣйствительно въ первый разъ раскинулся польскій лагерь въ арміяхъ, которыя не были арміями мятежниковъ, нельзя не отдать справедливости словамъ Моллера, въ сочиненіи Situation de la Pologne.

„Едва только Польша снова появилась на сценѣ, какъ уже являются *Чарторыйскіе* съ стремленіями къ верховной власти; подъ ихъ покровомъ Замойскіе ищутъ выгодныхъ мѣстъ, либерализмъ эмиграціи проявляется *киркорками*, для вящей популярности патріотическая кампанія обращается въ крестовый походъ противъ схизматиковъ; демократы ругаютъ аристократовъ, аристократы предъ турками изобличаютъ и выдаютъ демократовъ и интригуютъ противъ всѣхъ; словомъ въ пресловутой ойчизнѣ, всякой работаетъ въ пользу собственныхъ своихъ дѣлъ, а польская справа раздробляется въ справы личныхъ выгодъ патріотовъ, навязываемыхъ польской націи." Кто же наконецъ польскіе патріоты? идущіе ли за знаменемъ Ламберовскаго отеля, который выдаетъ демократическую партію за враговъ польской націи, или демократы, которые тысячами подписей засвидѣтельствовали что князь *Чарторыйскій*, глава и руководитель аристократической партіи, предатель и отверженный врагъ отечества."

Адамъ Мицкевичъ умеръ къ окончанію войны въ Турціи, князь *Владиславъ Чарторыйскій* и графъ *Владиславъ Замойскій* возвратились въ Парижъ.

Въ январѣ 1856 года, когда многочисленная толпа собиралась въ Парижѣ къ церкви Madelaine для панихиды по *Мицкевичу*, Язвинскій предъ оградою, встрѣтя графа *Владислава Замойскаго* отхлысталъ его своею тростью. По жалобѣ *Замойскаго* и по приговору суда, *Язвинскій*, былъ заключенъ въ тюрьму на 4 мѣсяца.

Парижскій миръ ни однимъ словомъ не упомянулъ о полякахъ.

ГЛАВА 11-я

Внутренняя жизнь Эмиграціи.— Устройство демократическаго товарищества.— Уставъ.—Сношенія съ туземцами.— Централизація, осуждаемая поляками.—Значеніе Ламберова отеля.— Ѳрганизація заговорнаго дѣла.—Внушенія къ крамоламъ.—Взаимная ненависть.— Слѣдствіе посѣщенія Государемъ Варшавы.— Усиленная дѣятельность.—Крестьянскій вопросъ.—Сношенія съ ренегатами съ того берега.— Обширные замыслы.— Сводъ программъ къ мятежу 1863 года.

Ознакомясь съ внѣшнею дѣятельностью польской эмиграціи, взглянемъ на ея внутренній бытъ.

Многоатилѣтняя конспиративная дѣятельность, со временъ раздѣла Польши 1795 года обратившаяся въ perpetuum mobile польской справы, конечно дала каждой партіи много данныхъ для правильнаго организированія конспиративныхъ ихъ работъ, согласно направленію, принятому каждою партіею. Ограничимся разборомъ двухъ главнѣйшихъ, такъ называемыхъ *демократической*, иначе *красной*, и *аристократической*, или *бѣлой;* всѣ остальныя были для нихъ болѣе или менѣе пригодными подспорьями.

Изъ этихъ двухъ партій дѣйствительная сила и матеріальныя средства были въ рукахъ *бѣлыхъ.* Съ этою силою, въ ихъ руки должна была попасть и *власть. Красные* понимали это, и съ озлобенною настойчивостью, добиваясь тоже власти, могли опирать-

ся только на отуманеніи понятій. Настойчиво проводя свои ученія, они проповѣдывали, что всѣ существующія основанія общественнаго устройства отжили свой вѣкъ, и *красные* не только предлагали свои теоріи для пересозданія народной жизни, но и самихъ себя навязывали въ исполнители, какъ мы имѣли случай видѣть изъ предшествующаго разсказа; для того они работали *затаенными* отъ простодушныхъ туземцевъ путями и стремились нежданными, заранѣе подготовленными событіями, *захватитъ* власть, и по временамъ дѣйствительно кратковременно ее и захватывали. Въ средѣ демократической партіи составилось особое общество, подъ заглавіемъ: „демократическаго товарищества.“ Это общество, для своего управленія имѣло свою *централизацію*; какъ знаменемъ партіи аристократической былъ *Ламберовъ отель*, такъ знаменемъ польскихъ демократовъ была централизація.

Демократическая партія стремилась систематическими работами утвердиться и пріобрѣтать силу, которою она могла бы бороться не только съ правительствами, но и съ противною партіею *бѣлыхъ*. Для своихъ работъ она хотѣла, вопервыхъ, дать правильную организацію своимъ членамъ, и во вторыхъ, по повсемѣстно проводимымъ ею началамъ, вести систематически и самыя работы, дабы усилія не терялись въ разнохарактерныхъ и разносторонних тенденціяхъ, но направленныя, согласно принятой программѣ, сливались бы въ одно и вели бы скорѣе и вѣрнѣе къ задуманной цѣли.

Польскіе эмигранты, какъ было сказано, во Франціи были размѣщены по депо; въ Парижѣ, для продолженія веденія польской справы, они составили свой польскій комитетъ, который, вслѣдствіе интригъ, ненависти и зависти, безпрестанно мѣнялъ членовъ и названія. *Адамъ Чарторыйскій*, опытный въ дѣлѣ затаенныхъ похожденій, всегда умѣлъ сохранять преобладаніе; когда самые ярые его враги составили демократическое общество, то онъ въ это общество успѣлъ посадить своего человѣка, графа *Адама Гуровскаго*, своего сотрудника еще по варшавскимъ конспираціямъ; *Гуровскій*, подъ постоянною маскою сильнаго врага аристократической партіи, оказалъ не малое вліяніе на ходъ дѣла. Основатели демократическаго общества составили уставъ, и всякій его подписавшій поступалъ въ число его членовъ безразлично — находился ли онъ во Франціи, въ Польшѣ, въ Россіи, въ Турціи, или другомъ какомъ либо мѣстѣ. Это общество было самое значительное числомъ; члены-основатели

особенно обладали наукою искушающей пропаганды, поражали воображеніе необузданностью рѣчей и эксцентрическими своими доводами. Оно неутомимо заботилось поглотить въ своей средѣ большинство польскихъ эмигрантовъ и дѣйствительно добилось того, что изъ около 6 тысячъ польскихъ выходцевъ 1831 г., проживавшихъ во Франціи, болѣе 1,500 человѣкъ вступили въ товарищество.

Уставъ общества демократическаго товарищества былъ разбитъ на главы и статьи. Нѣкоторое знакомство съ уставомъ разъясняетъ и работу польскихъ демократовъ.

Основной законъ: Цѣль польскаго демократическаго товарищества — независимость Польши. Основою и средствами къ тому — демократія.

Польское демократическое товарищество объявляетъ свои понятія о демократіи публичными актами.

Глава I. Польское демократическое товарищество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, природныхъ поляковъ, безъ ограниченія ихъ числа, и изъ членовъ корреспондентовъ, поляковъ или иноземцевъ (§§ 1 и 2).

Общество дѣлится на секціи (§ 5).

Особыя учрежденія (институціи) пользуются властью въ границахъ, имъ предоставляемыхъ товариществомъ (§ 6).

Товарищество ввѣряетъ общее направленіе дѣятельности главному своему учрежденію — централизаціи.

Судебная власть предоставляется особой институціи. Общество товарищества рѣшаетъ только жалобы на централизацію (§ 8).

Глава II. Законодательная власть принадлежитъ обществу товарищества. Законъ безъ соизволенія и санкціи (утвержденія) общества не имѣетъ обязательной силы (§ 9).

Всѣ обнародываемые акты, какъ то манифесты, декларацiи, прокламаціи, протестаціи, отзывы и т. п., требуютъ утвержденія общества, кромѣ случаевъ, предвидѣнныхъ въ § 58.

Дѣла рѣшаются слѣдующимъ порядкомъ:

Проэктирующій заявляетъ свое мнѣніе *секціи*, а оттуда, съ ея мнѣніемъ, препровождается въ *централизацію;* никакой проэктъ не можетъ быть отвергнутъ безъ замѣчанія (§ 11).

Глава III. Члены, проживающіе въ одномъ городѣ или селеніи, составляютъ *секцію*, если ихъ не менѣе 5; въ против-

номъ случаѣ, они принадлежатъ къ ближайшей. Въ каждомъ мѣстѣ должна быть *одна* секція, развѣ только мѣстныя препятствія не допустятъ многочисленныхъ собраній. (§ 15).

Секція считается основанною, если общество составитъ протоколъ и изберетъ секретаря. (§ 17).

Каждая секція должна имѣть избранныхъ секретаря и кассира и засѣданія одинъ разъ въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ. (§§ 18 и 19).

Всѣ члены по списку предсѣдательствуютъ по очередно. Посторонніе на засѣданія не допускаются. Каждому засѣданію составляется свой протоколъ. (§§ 20, 21).

Пренія рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. (§ 25).

Секція дѣлаетъ свои сношенія съ обществомъ товарищества только чрезъ централизацію. Разрѣшаемые вопросы — политико-соціальные. (§ 31).

Глава IV. Обязанность каждаго члена трудиться, по мѣрѣ своихъ способностей и положенія, *для общаго блага, но въ духѣ основаній, принятыхъ товариществомъ;* совѣтами и состояніемъ содѣйствовать теченію дѣлъ въ виду настоящаго и будущаго; покоряться уставу, акуратно вносить подать, согласно его постановленій. (§ 32).

Членъ не имѣетъ права принадлежать ни къ какимъ другимъ политическимъ союзамъ. (§ 43).

Глава V. Централизація (*) состоитъ изъ 5 членовъ, необходимое число членовъ въ комитетѣ для занятій три. Члены предсѣдательствуютъ по очередно, кромѣ секретаря. (§ 48).

Централизація можетъ, въ случаѣ надобности, дополнить необходимое число членовъ изъ товарищества, но ихъ голосъ только совѣщательный. (§ 50).

Централизація сама себѣ приписываетъ свое внутреннее устройство. (§ 51).

Централизація единственный органъ, чрезъ который товарищество заявляетъ свою волю (§ 53).

Она оглашаетъ и приводитъ въ исполненіе сужденія общества, издаетъ распоряженія, инструкціи, предписанія, постановленія,

(*) Централизація имѣла свое пребываніе съ 1834 по 1840 годъ въ Пуатье, съ 1840 по 1848 въ Версали, съ Марта 1848 до Іюня 1849 въ Парижѣ; послѣ того, она, при неблагопріятныхъ для нея мѣрахъ новаго французскаго правительства, перебралась въ Лондонъ,

сосредоточиваетъ суммы общества; каждые три мѣсяца отдаетъ отчетъ объ общемъ ходѣ дѣла. (§ 57).

Въ чрезвычайныхъ неудобо-предвидимыхъ случаяхъ (*), которые могутъ потребовать быстрыхъ распоряженій для дѣйствій, выходящихъ изъ предѣловъ атрибуціи централизаціи и не дозволяющихъ запроса воли общества, централизація предпринимаетъ всѣ мѣры и дѣлаетъ распоряженія, какія признаетъ нужными, и таковыя каждая секція и каждый членъ обязаны исполнять. (§ 58).

Члены централизаціи избираются на годъ. Бывшіе могутъ быть вновь избраны. (§ 63) (**).

Если централизація подвергнется такому преслѣдованію, что ей нельзя перенести засѣданія въ другое мѣсто, тогда, въ наличномъ комплектѣ членовъ, она занимается дѣлами.

Глава VI. Провинившіеся члены подвергаются братскому суду въ секціяхъ (§ 74), а дѣла каждые три мѣсяца сообщаются централизаціи (§ 77).

Отъ этой обязанности изъяты секціи, внѣ предѣловъ Франціи (§ 78).

Каждый членъ товарищества обязанъ ежемѣсячно вносить по $7^1/_2$ процентовъ своего мѣсячнаго дохода. (§ 116).

Изъ обширнаго устава общества демократическаго польскаго товарищества мы привели свѣдѣнія, показывающія, какими путями всѣ товарищи-демократы были связаны съ централизаціею. Эти пять членовъ, давая направленіе безпрерывной дѣятельности, правомъ объявленія и исполненія, сосредоточили всю ихъ дѣятельность въ своихъ рукахъ, или, по выраженію поляковъ, *„централизація оставляетъ за собою право высшаго обсужденія и мысли, предоставляя членамъ честь и величіе послушанія.“* Воспитанники учебныхъ заведеній въ секціи не принимались. Въ

(*) Въ случаѣ производимыхъ мятежей.

(**) За время съ 1836 по 1862 годъ члены избирались исключително изъ числа 26: этотъ кружекъ составляли Янъ-Непомуценъ *Яновскій*, Станиславъ *Ворцель*, Ѳома *Малиновскій*, Викторъ *Гельтманъ*, Робертъ *Хмѣлевскій*, Людвигъ *Мѣрославскій*, Іосифъ *Высоцкій*, Янъ *Алціято*, Теофиль *Висніовскій*, Генрихъ *Якубовскій*, Войцехъ *Даращъ* Левъ *Зенковичъ*, Викентій *Мазуркѣвичъ*, Францъ *Шнайде*, Іосифъ *Орденга*, Александръ *Мальедорфъ*, Луціанъ *Зачинскій*, Адольфъ *Христовскій*, Валерій *Бреанскій*, Янъ *Подолецкій*, Антонъ *Жабицкій*, Карлъ *Стольцманъ*, Людовикъ *Гулевскій* и Михаилъ *Домагальскій*.

батиньольской школѣ въ Парижѣ они образовали особыя патріотическія товарищества, по правиламъ, даннымъ воспитателями; такое учрежденіе находимъ и между поляками-студентами въ Россіи.

Секціи товарищества развились не только во Франціи, но и по всей Европѣ—вездѣ, гдѣ находилось хотя пять поляковъ, согласныхъ подписать уставъ.

Такимъ путемъ всѣ секціи польскихъ демократовъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ работали согласно указаній централизаціи; *Мѣрославскій*, одинъ изъ ея членовъ, посвященный во всѣ подземныя работы, заявлялъ въ своемъ сочиненіи о польской національности **(de la nationalité polonaise)**, писанномъ во время крымской войны, когда полякамъ казался близокъ берегъ польской справы, что служащіе въ Россіи поляки образуютъ какъ бы франъ-масонское братство. Сколько взаимной помощи для польской справы могли доставлять въ Россіи не только таинственные члены мѣстныхъ секцій, но и всѣ служащіе поляки, при постоянномъ ихъ конспиративномъ настроеніи и заботахъ о польской справѣ.

Члены централизаціи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками европейскихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ и съ русскими ренегатами Герценомъ, Бакунинымъ и комп. и сообща вели дѣло подготовленія къ мятежамъ. Съ вожаками французскихъ революціонеровъ, которыхъ знаменемъ, или вѣрнѣе, флюгеромъ былъ много лѣтъ *Лафайетъ*, сносились главы молодой Европы нѣмецъ *Франкъ*, италіанецъ *Мадзини*, венгерецъ *Кошутъ*, со стороны поляковъ—старые дѣятели варшавскихъ заговоровъ, которыхъ имена мы привели, исчисляя членовъ разныхъ польскихъ комитетовъ. Когда польское демократическое товарищество выработало въ 1836 году свое устройство, то польскіе цетрализаторы, называемые туземцами *централыщиками*, стали главными представителями въ общеевропейскомъ космополитическомъ революціонномъ ареопагѣ — космополитическомъ до того времени, пока собственныя выгоды не побуждали каждаго выказаться яснѣе. Личности, какъ *Лелевель, Дверницкій, Зверковскій, Ельзановскій*, не входя въ составъ централизаціи, продолжали учавствовать въ этихъ сношеніяхъ. Въ 1836 году, въ возникшей централизаціи, вліятельнѣйшимъ членомъ былъ Янъ Непомуценъ *Яновскій*, сторонникъ республиканскихъ началъ.

Изъ членовъ централизаціи 1845 *Мѣрославскій* отправился

въ Познань, и былъ схваченъ пруссаками, *Висніовскій* въ Галицію, гдѣ былъ схваченъ и повѣшенъ австрійцами, *Высоцкій* не доѣхалъ, *Альціато* (*) прибылъ въ Краковъ и бѣжалъ со страху.

Наученная неудачнымъ опытомъ 1846 года, въ 1848 г. централизація осталась во Франціи; послѣ 1849 года она переѣхала въ Лондонъ; въ 1855 году она сократилась на трехъ членовъ. Парижская секція, такъ называемая *батиньольская*, которой члены прикрывались своими обязанностями при польской батиньольской школѣ, пріобрѣла подъ конецъ значеніе гораздо большее самой централизаціи и, находясь въ Парижѣ, удобно могла присвоить себѣ ея права.

Польскіе демократы имѣли двухъ враговъ: правительства и партію *Чарторыйскаго* или аристократическую; первый врагъ вынуждалъ ихъ не прерывать съ бѣлыми всѣхъ сношеній, но, имѣя въ нихъ своего врага, соперника въ домогательствахъ къ властвованію надъ будущими судьбами Польши, они тѣсно связались съ европейскими революціонерами и неутомимо проводили свои мѣры къ распространенію своихъ польско-демагогическихъ ученій между туземцами. Имъ было необходимо вербовать себѣ сторонниковъ, способныхъ воспитывать подростающее поколѣніе въ этомъ духѣ. Труды членовъ товарищества представляютъ огромный отдѣлъ въ польской литературѣ. Главный органъ этой партіи былъ „Польскій Демократъ" — журналъ, содержавшій множество самыхъ эксцентрическихъ статей; къ нему должно прибавить массу брошюръ, рѣчей, самыхъ подзадоривающихъ, которыя ничѣмъ не стѣснялись, подобно произведеніямъ Адама *Мицкевича*: ни правдою, ни логикою, ни положительными свѣдѣніями; общій ихъ характеръ — судорожная распаленность страстей, озлобленная ненависть къ Россіи, а равно и противъ другаго врага — партіи аристократической. *Бѣлые* сочувствовали *краснымъ*, готовя ихъ, въ свои орудія, а *красные*, чуя уловку при этихъ обстоятельствахъ, проповѣдывали ненависть къ землевладѣльцамъ, — ко всему существующему порядку, стремились ко всеуничтоженію, къ пересозданію общества и прославляли коммунизмъ.

(*) Альціато былъ именно тотъ членъ, назначенный въ краковскій ржондъ 1846 года, котораго имя намъ оставалось неизвѣстнымъ. Вышедшая въ концѣ 1865 г. брошюра »Эмиграція польска« дала возможность дополнить этотъ пробѣлъ.

За тѣмъ, кромѣ дѣйствія литературою, ни одна партія не высылала въ край такого множества эмиссаровъ; ихъ обязанность была образовать мѣстныя секціи между туземцами, для большаго собиранія денегъ и распространенія своихъ ученій. Религіозное направленіе далеко не входило въ программу дѣятельности централизаціи, хотя она хотѣла имѣть ксендзовъ на своей сторонѣ. Централизація со всѣхъ сторонъ обдумывала средства къ собственному усиленію для борьбы съ аристократическою партіею; но какъ эта, по указаніямъ *Чарторыйскаго*, стремилась клерикальную партію удержать за собою, то, для парализованія этой работы, централизація придумала пригодное средство: она склоняла молодыхъ людей, совершенно увлеченныхъ ея ученіями, поступать въ ксендзы, дабы въ этомъ духѣ дѣйствовать на женщинъ и на народъ. *Конарскій* былъ первый эмиссаръ отъ централизаціи, отправившійся въ край, для установленія правильныхъ поборовъ съ туземцевъ въ пользу демократическаго товарищества и образованія секцій, подчиненныхъ централизаціи. Для точнаго направленія дѣятельности туземцевъ, составлялись разныя инструкціи и катихизисы, которыя, въ микроскопическомъ видѣ, при чтеніи, возможномъ только при помощи увеличительныхъ стеколъ, въ пуговицахъ, въ карандашахъ и т. п. доставлялись въ край. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и знаменитый польскій катихизисъ, для служащихъ въ Россіи поляковъ, который мы помѣстимъ въ приложеніяхъ; за таковые централизація уплачивала авторамъ преміи, и польскій катихизисъ попалъ въ руки русскаго правительства едва ли не въ новомъ, уже дополненномъ, исправленномъ изданіи.

При подобномъ подготовленіи поляковъ, находящихся въ русской службѣ, не удивительно, что поляки доставили во Францію планы русскихъ крѣпостей, не удивительно, что эмиграція ведетъ списки всѣхъ въ Россіи служащихъ поляковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, содержанія и способностей, что она изъ Парижа указываетъ на необходимыя для польской справы замѣщенія въ русской администраціи, что *Мѣрославскій* поражаетъ своими численными свѣдѣніями о состояніи русскихъ войскъ, на примѣръ,—по числу въ полкахъ находящихся римско-католиковъ, наконецъ, что онъ въ средѣ эмиграціи выражался, что нѣтъ такого свѣдѣнія, въ которомъ ему встрѣтится надобность, и которое телеграфъ не принесъ бы ему чрезъ 24 часа.

Эмиграція, побирая съ края обильныя пожертвованія, вдали

стояла какимъ то избраннымъ кружкомъ польской націи; поляки туземцы, преклоняя колѣни предъ полнымъ обаяніемъ этихъ *высокоразвитыхъ*, наукою и опытностью себя выработавшихъ, своихъ старшихъ братьевъ, каковыми они называли своихъ выходцевъ, слѣпо вѣрили во всѣ обѣщанія, не видѣли обмана, а приписывали только нѣкоторымъ уловкамъ, необходимымъ для проведенія польской справы, когда натыкались на ихъ продѣлки. Туземцы даже почитали своимъ долгомъ поддакивать, дабы поддерживать всю ложь и всю клевету, которыя эмигранты находили пригодными разсѣевать; такъ, нѣсколько эмиссаровъ централизаціи, какъ выше было сказано, съ Едуардомъ *Дембовскимъ* во главѣ, предъ мятежемъ 1846 года, обходили деревни Галиціи, всюду возбуждая народъ противъ землевладѣльцевъ, выставляя ихъ его отъявленными врагами, отъ которыхъ топорами должно избавиться; не менѣе того, паны хоромъ поддакивали, что австрійское правительство устроило убійства, и только сами высказали истину, когда разочаровались въ томъ, что эмиграція можетъ возвратить независимость Польшѣ. Когда лопнули всѣ надежды на грозную, громадную всеобщую революцію въ Европѣ, изъ которой новымъ сфинксомъ должна была воспрянуть освобожденная Польша, когда, наконецъ, и гроза колоссальныхъ силъ западной Европы, послѣ трехълѣтней борьбы, прошла, и Европа, казалось, забыла, что существуетъ польское шляхетство, тогда разсерженные поляки—туземцы взглянули пытливѣе на дѣятельность своихъ дальнихъ земляковъ. Приведемъ нѣкоторые отзывы туземцевъ о демократической ихъ партіи:

,,Централизація, говорятъ поляки (*), взялась проповѣдовать вольность, равенство и общее братство, но у нея вольность значитъ деспотизмъ, равенство—сѣсть народу на шею, братство—убійство. Война 1830—1831 года имѣла для Польши гибельныя послѣдствія, но доконать насъ Россія не могла и не умѣла; для того у нея не достало ни силъ, ни разума. Польша не упала нравственно; эмиграція взяла на себя святое дѣло выказать Европѣ историческое значеніе Польши и Россіи; централизація демократическаго товарищества взяла на себя науку пересоздать Польшу, но она все разрушала, все разрывала и ничего не успѣла ни заложить, ни создать. Въ Лелевелѣ уважали проводника терро-

---

(*) Образъ товаржыства демократычнего польскѣго и ѣго централизаціи—напечатанъ въ Краковѣ, подъ псевдонимомъ Старовѣйскаго.

ризма и демагогіи, централизація проводила мысль, что, послѣ паденія исторической Польши, легче всего сотворить новый польскій міръ, дать жизнь, дать силы для возстанія и сильный народный бытъ; журналъ „Постемпъ,“ основанный для провода ея теорій къ этому возобновленію Польши, объявилъ, что понятіе Бога вредитъ развитію правъ человѣчества, что мы всѣ равны, потому что равно созданы изъ глины. Таковы были начала, на которыхъ централизація основала свои теоріи пересозданія польскаго народа.

Край поддался господству централизаціи, и съ этого времени начались ея домогательства къ самовластію надъ нимъ; съ этого времени мечты о диктатурѣ, мечты о пропагандѣ—путемъ кровопролитій. „У центральщиковъ не было недостатка въ доходахъ; они придумали къ тому способы наискусснѣйшимъ образомъ и выработали талантъ выжиманія; всюду были складчины, какъ въ краѣ, такъ и во Франціи. Центральщики жили въ Версали роскошно и на распашку; бросаньемъ денегъ они осуществляли свои демократическіе манифесты. Сколько лѣтъ побирали они деньги съ того *доброчиннаго* дворянства, на головы котораго они приказали точить топоры, предъ рѣзнею 1846 года!“

Злыми покушеніями, сатанинскими началами противъ всякихъ духовныхъ началъ, централизація выступила на поприще дѣйствія. Записной демократъ І. Н. *Яновскій* выразился: „человѣкъ (т. е. Графъ Гуровскій) вышелъ; но свою мысль онъ оставилъ.“ Въ 1832 г. манифесты объявляли, что Польша не имѣетъ собственныхъ силъ для возстанія; тогда европейскимъ революціонерамъ нужно было заставить эмигрантовъ имъ содѣйствовать. Чрезъ четыре года централизація сдѣлала большое открытіе: манифестомъ она объявила, что Польша можетъ возстать собственными силами; тогда ліонскія событія заставили притихнуть европейскихъ сотоварищей. „И такъ Польша не могла бы освободиться сама собою, но демократическое товарищество дало ей возможность, объявляя демократическимъ товариществомъ все для Польши, а Польшею для народа; то есть горячка и конвульсіи 1846 г., по манифесту централизаціи, должны были служить къ освобожденію Польши. Центральщики и централизація проповѣдовали коммунизмъ, а своею наукою они нашли къ тому одинъ путь: *терроръ и кровь*. Дѣйствительно, рѣзнею 1846 года она близко была къ тому, что наступило бы въ самомъ дѣлѣ совершенное равенство. (Мяла настомпиць правдзива рувносць).“

Таковы были средства, придуманныя наукою централизаціи для достиженія того, что объявлялъ краковской манифестъ: „У насъ будетъ вольность, какой еще свѣтъ никогда не видѣлъ.“ Манифесты централизаціи выговорили ея символъ: *„самовластіе и мечъ“* и сатанинская наука выразилась словами: „Кто не поддается убѣжденію, тотъ поддастся убіенію (кто се неда пршеконаць, да се замордоваць).“

Освобожденіе ойчизны были одуряющія слова для поляковъ; паны, въ чаду своей патріотической похоти, были увѣрены, что когда настанетъ часъ избавленія, тогда они возвратятъ свое значеніе и, глядя на красныхъ, какъ на нужное пушечное мясо для перваго огня, ободрительно отзывались о настойчивой ретивости своихъ демократовъ, какъ они говорили до 1849 года, демагоговъ, какъ они назвали ихъ впослѣдствіи. Они открывали свои щедрые кошелки предъ эмиссарами эмиграціи, читали съ удовольствіемъ ихъ періодическія изданія и брошюры, подхваливали ихъ умѣнье религіозный фанатизмъ прежнихъ временъ переработать въ фанатизмъ политическій; на рѣчи централыциковъ они смотрѣли, какъ на воодушевляющія слова начальника, готовящаго воиновъ на приступъ, въ полной надеждѣ, что взятая крѣпость перейдетъ въ ихъ руки; только послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи сороковыхъ годовъ смекнули, что паны такіе же враги для польскихъ демагоговъ, какъ и державы, раздѣлившія Польшу, и что, по достиженіи независимости, имъ грозитъ, со стороны этихъ дѣятелей-патріотовъ кровавая расправа. Паны поняли, что, въ предстоящихъ работахъ къ польской справѣ, они должны противъ этихъ сотрудниковъ-соперниковъ принять свои мѣры; сотрудники-соперники проводили мысль, что подготовленія къ кровавой расправѣ не должны ограничиться сицилійскими вечернями противъ войскъ, размѣщенныхъ въ границахъ Польши 1772 года; всѣ соціальныя реформы, научно обработанныя централизацію, для практическаго примѣненія пріискали только одинъ исходъ: *убивать, кого не могли убѣдить словомъ или застращиваніемъ.*

Конечно, всѣ личности, которыя въ теоріяхъ централизаціи черпали свои политическія убѣжденія и въ ея кровавыхъ инструкціяхъ видѣли наставленія для ихъ общественной дѣятельности, съ полною справедливостью были названы *красными.*

Среди судорожной, раздраженной дѣятельности, истинные представители партіи красныхъ, централыцики съ своими сообщниками,

вырабатывали кровавыя теоріи, для сулимаго благоденствія человѣчеству, которыя, по ихъ разсчетамъ, должны были доставить имъ власть въ руки, какъ исполнителямъ новыхъ, спасающихъ общества, идей. Съ этою дѣятельностью, дѣятельность Ламберова отеля составляла совершенную противуположность. Душею ея былъ князь Адамъ *Чарторыйскій;* его мысли двигали къ конспиративной работѣ польскихъ магнатовъ и пановъ; онѣ составляли ихъ политическія убѣжденія. Польская аристократія и польскіе паны вѣрили въ искусство князя Адама; они признавали его геніальнымъ государственнымъ мужемъ Польши; они не ошибались въ томъ смыслѣ, что государственные мужи Польши славились своими интригами, и конечно, едва ли на этомъ поприщѣ *Чарторыйскій* найдетъ соперника. Поляки и ихъ сторонники говорятъ: (*)

„Князь *Адамъ*, будучи попечителемъ учебнаго округа, съ полнымъ успѣхомъ для польской справы, совершилъ великое дѣло, но онъ запутался въ своихъ соображеніяхъ, какъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе; князь *Адамъ* былъ обойденъ императоромъ Александромъ и, понадѣясь на него, парализировалъ порывы патріотовъ; если бы *Чарторыйскій* не убаюкивалъ соотчичей вѣстями въ добрыхъ намѣреніяхъ Александра, то вся Польша не пропустила бы времени, она возстала бы при Наполеонѣ и, конечно, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, съумѣла бы утвердить свое возстановленіе; князь *Адамъ* погубилъ и возстаніе 1831 года, не имѣя вѣры въ народныя силы, и упалъ духомъ, когда видѣлъ, что на помощь иностранныхъ державъ уже нечего разсчитывать.“

Таковы отзывы поляковъ разныхъ партій; но не смотря на то въ средѣ пановъ, болѣе справедливые патріоты иначе оцѣнивали заслуги, оказанныя польской справѣ княземъ *Адамомъ*. Князь *Адамъ*, по ихъ мнѣнію, оказалъ незабвенныя услуги дѣлу Польши. Онъ, въ критическія для нея минуты послѣ раздѣла, не далъ заглохнуть польской національности, онъ воскресилъ въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, имя Польши и поляковъ на картѣ Европы, въ международныхъ трактатахъ вычеркнутыхъ послѣднимъ раздѣломъ; на ихъ возстановленіе не рѣшался и Наполеонъ; онъ, изъ вопроса, интересовавшаго только

(*) Мазадъ, В. Мицкевичъ, не назвавшійся авторъ «Эмиграція польска.»

одни кабинеты, сдѣлалъ вопросъ, нынѣ заинтересовавшій все европейское общество, вдвинувъ въ свое время Польшу на шахматную доску европейской дипломатіи."

Подготовляемый домашнимъ воспитаніемъ къ продолженію дѣятельной роли своей фамиліи на поприщѣ интригъ Рѣчи Посполитой, принявъ участіе въ передрягахъ конституціи 1791 г. и возстанія *Косціюшки*, князь *Адамъ* явился уже съ подготовившею его опытностью въ С. Петербургѣ, въ 1795 году, и по 1824 годъ оставался руководителемъ всѣхъ польскихъ интригъ, веденныхъ въ Россіи. Онъ глубоко изучалъ людей, отъ которыхъ зависѣла судьба Польши, людей вліятельныхъ и старался съ ними завязать ближайшія сношенія.

Онъ, играя на струнахъ чувства справедливости Монарха, обработывалъ въ Императорѣ Александрѣ впечатлѣніе, произведенное въ немъ швейцарцемъ Лагарпомъ, что возвращеніе западной Россіи къ русской державѣ было политическимъ преступленіемъ. Воспоминанія и корреспонденціи князя Адама свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ искусно во тьмѣ и мглѣ держать польскія дѣла предъ глазами русскаго правительства, дабы не допустить до того, чтобы они могли обратиться въ ясно понятый польскій вопросъ; преданныя печати отрывки, по волѣ Чарторыйскихъ, даже и тѣ указываютъ, что играя на струнахъ сердечной доброты Государя, съ видомъ глубокой скорби и нравственнаго потрясенія, онъ становился предъ Александромъ Павловичемъ всякій разъ, когда выходили правительственныя распоряженія, не пригодныя, или опасныя польской справѣ.

Филантропія и просвѣщеніе стали между русскими сановниками лозунгомъ, пущеннымъ молодымъ воцарившимся императоромъ, который со всѣмъ пыломъ доблестной, прекрасной своей природы, жаждалъ благоденствія своихъ подданныхъ. Филантропія и цивилизація, въ рукахъ князя Адама *Чарторыйскаго*, стали чадомъ, который онъ напускалъ на русскихъ, домогаясь филантроповъ и цивилизаторовъ обратить въ полонофиловъ, въ сотрудниковъ къ польской справы; и на прочныя основанія онъ поставилъ пріумноженіе между русскими служащими того, что польскіе эмигранты впослѣдствіи прозвали *Панурговымъ стадомъ*. Онъ положилъ основаніе тому, что наука интригъ и революцій впослѣдствіи выработалась до террора, до застраишванія людей, опасныхъ польской справѣ. Личности вліятельныя, которыхъ польскій чадъ не могъ отуманить, и которыя сквозь него видѣли и проводили русскіе интерессы, по-

пираемые полонизмомъ, тѣхъ тщательно закутанная польская интрига устраняла отъ дѣлъ, и только предъ позднѣйшимъ потомствомъ начинаютъ разъясняться давно забытыя событія. Чужими руками князь *Чарторыйскій* устроилъ паденіе опаснаго польской справѣ *Державина*, еще искуснѣе и съ неменьшимъ успѣхомъ была ведена интрига противъ *Сперанскаго* — опаснѣйшаго противника дѣла, затѣяннаго княземъ *Адамомъ* и, едва ли не по его ближайшимъ соображеніямъ, чужими руками вполнѣ исполненнаго графомъ Михаиломъ *Огинскимъ*, когда онъ замѣстилъ *Чарторыйскаго* въ обязанности верховнаго руководителя къ охраненію преуспѣянія работъ по польской справѣ въ С. Петербургѣ. Польская справа домогалась поставить вновь пріобрѣтенную Финляндію на тотъ путь, чтобы финляндцы уподобили себя полякамъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи; польская справа, по дипломатическимъ соображеніямъ князя, надѣялась усилиться союзникомъ, и для того думала найдти орудіе въ Армфельдѣ—*мужа, состарѣвшагося среди стокгольмскихъ интригъ*, по словамъ современника, *и который, послѣ бурной служебной карьеры въ отечествѣ, переселясь въ Россію, искалъ новаго значенія.*

Подъ высокимъ покровительствомъ князя *Чарторыйскаго*, польская интрига самымъ коварнымъ путемъ устранила отъ дѣлъ и *Іоанна Крассовскаго*, энергическаго ревнителя русскаго дѣла въ западной Россіи, и когда, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, при его прозорливо ясномъ взглядѣ, снова открылось широкое поприще предъ *Крассовскимъ* и не было надежды отъ него избавиться, тогда внезапная его кончина оставила не одну молву объ изворотливости польской справы, которую никакое средство не останавливаетъ для достиженія цѣли. Раскрытіе мятежнаго настроенія виленскаго университета, вѣтви конспиративной дѣятельности, веденной въ Варшавѣ, подъ высокимъ покровомъ князя *Чарторыйскаго*, заставило его выпросить позволеніе и поспѣшно удалиться за границу, не ожидая конца дѣла, какъ того желалъ Александръ Павловичъ; убоялся князь, чтобы *Новосильцевъ* не раскрылъ нить perpetuo mobile польскихъ заговоровъ и не дошелъ, хотя косвенно, и до него самаго. Гроза прошла благополучно; когда же раскрытіе польскаго заговора, союзнаго заговора декабристовъ, кое какъ въ Варшавѣ изслѣдованнаго, пришло къ тому, что судъ былъ наряженъ для приговора преступниковъ, тогда *Чарторыйскій*, увѣрен-

ный въ своей безопасности, тотчасъ вернулся и занялъ свое мѣсто въ варшавскомъ сенатѣ, дабы спасать людей, которые впредь могли быть ему полезны и которыхъ удаленіе нанесло бы рѣшительный ударъ конспиративной его дѣятельности. Эти люди рѣшительные, готовые не только конспирировать, но и дѣйствовать, начать мятежъ и своимъ примѣромъ увлечь другихъ, были для *Чарторыйскаго* самые дорогіе, незамѣнимые. Такихъ людей онъ постоянно ободрялъ, поддерживалъ, спасалъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Даже въ средѣ самыхъ непріязненныхъ ему рядовъ онъ парализировалъ ихъ ненависть къ себѣ подстрекающими, лестными отзывами: „позволено ли истинному поляку на него гнѣваться, когда все это у него происходитъ отъ одного чувства безпредѣльной, горячей любви къ ойчизнѣ?“ Это была постоянная его тактика во все время его многолѣтняго политическо-конспиративнаго поприща.

Начало царствованія Николая Павловича указало, что Государь, не смотря на тьму и мглу, покрывавшія польскія дѣла, приводя въ порядокъ государственное устройство, наносилъ страшные удары всѣмъ подготовленіямъ къ польской справѣ; многолѣтнимъ работамъ *великаго будованія* (1) угрожали съ каждымъ днемъ новыя разрушенія; нельзя было терять времени; князь *Чарторыйскій* постоянно разсчитывалъ, что только при сильномъ потрясеніи спокойствія въ Европѣ, Польша можетъ воспрянуть изъ развалинъ; іюльская монархія, возникшая въ Парижѣ, подавала много надежды, при развившемся духѣ къ революціямъ въ 1830 году, и по мановенію князя *Чарторыйскаго* мятежъ вспыхнулъ въ Варшавѣ; тогда, съ всегдашнею своею предусмотрительностью, онъ, во время уже загорѣвшагося мятежа, сношеніями съ *Цесаревичемъ*, сберегалъ для себя заднюю дверь для благополучнаго отступленія, въ случаѣ напасти, съ поля крамолы.

Съ укрощеніемъ мятежа польскія надежды разсѣялись. Приговоръ князя Адама *Чарторыйскаго* къ смертной казни, въ случаѣ его возвращенія въ Россію, охранилъ предѣлы Имперіи, по крайней мѣрѣ, отъ личнаго его посѣщенія.

Въ то время, какъ на одной окраинѣ польской справы стояла съ проявленіями кипучей ревностной, яростной, бѣшеной дѣятельности централизація, на другой стояла дипломатически холод-

---

(1) На языкѣ заговорщиковъ возстановленіе Польши.

ная личность хитраго князя Адама *Чарторыйскаго.* Каждое его слово, каждая его рѣчь была обманъ, а потому точно также въ томъ же смыслѣ, безошибочно онъ и принималъ всякое слово, всякую рѣчь своихъ противниковъ; во всѣхъ оглашаемыхъ заявленіяхъ, онъ видѣлъ только средство увлекать и двигать близорукія и легко увлекаемыя массы поляковъ. Онъ неуклонно и въ эмиграціи продолжалъ проводить свои фамильныя традиціи, вѣковую фамильную свою програму — сдѣлать изъ Чарторыйскихъ династію на польскомъ престолѣ и обратить его въ наслѣдственный; это стремленіе было завѣщаніе его предковъ, онъ его передавалъ своему потомству; оно освѣщаетъ весь путь его столь разнообразнаго жизненнаго поприща.

Пребываніе князя *Адама* въ эмиграціи на много выдвинуло впередъ фамильную програму; онъ добился того, что, въ понятіяхъ всѣхъ поляковъ—сторонниковъ и враговъ, ясно обозначалось, что, если Польша воспрянетъ и воспрянетъ въ монархическихъ формахъ, то природный король можетъ быть только *Чарторыйскій.* Въ Варшавѣ, равно какъ и въ Петербургѣ, прежде онъ былъ только польскій вельможа, глава извѣстной партіи, защитникъ польскихъ интересовъ, чиновникъ русскаго правительства, отстаивающій польщизну предъ первенствующими русскими властями; въ эмиграціи же, не смотря на всѣ неистовыя провозглашенія демократовъ и ихъ централизаціи, которые сами жаждали власти, общественное мнѣніе Европы, и преимущественно поляковъ, видѣло уже въ *Чарторыйскихъ* какъ бы развѣнчанную династію; онъ ловко успѣлъ занять такое положеніе и окружить себя пригодною обстановкою. *Лелевель* признавалъ, что для возстановленія нужна династія и сожалѣлъ, что ее нельзя поддѣлать, *Мохнацкій* доказывалъ необходимость династіи и указывалъ на *Чарторыйскихъ;* журналъ 3-го мая уже явно призывалъ Польшу къ признанію королемъ *Адама* I, ближайшіе сторонники его и признали. Графъ Владиславъ *Замойскій,* для укрѣпленія сего *факта совершившагося,* вычеканилъ тысячи экземпляровъ медалей съ его изображеніемъ и съ надписью: „Боже, возврати намъ нашего короля". Отель Ламберъ имѣлъ всю обстановку королевскихъ чертоговъ; при *Чарторыйскомъ* былъ особый совѣтъ—*дирекція,* (*) состав-

---

(*) Дирекціею называлось, послѣ раздѣла Польши, и польское аристократическое агенство, при французской директоріи, въ концѣ минувшаго столѣтія.

ленный изъ аристократическихъ личностей эмиграціи. Подъ дирекціею состояли три департамента: *дипломатическій, военный* и *особыхъ сношеній.* Эти три департамента Ламберова отеля обрисовываютъ его дѣятельность. Безопасное пребываніе за границею дало *Чарторыйскому* возможность, подъ сѣнью эмиграціи, въ полуофиціальномъ видѣ, продолжать perpetuum mobile польскихъ заговоровъ, начавшихся съ 1794 года.

Чарторыйскій пародировалъ претендента развѣнчанной династіи и, опираясь на большинство пановъ туземцевъ, въ ихъ глазахъ разыгривалъ дѣйствительно роль короля *Адама* I-го. Проведеніе фамильной программы *Чарторыйскихъ* приняло опредѣленныя, ясныя формы.

Искуственное воспроизведеніе таинственнаго государства, безъ территоріи, проявлялось и въ своеобразныхъ формахъ его дѣятельности. Ламберовъ отель имѣлъ свою политику безгранично-либеральную для всего, что касалось конспиративной дѣятельности; Ламберовъ отель все прощалъ своимъ соотчичамъ противникамъ, даже централизаціи: „Демократическое общество только увлекается избыткомъ своего патріотизма", были постоянныя слова Ламберова отеля; за то его принципы были чисто шляхетско-консервативныя; эти принципы и составляли силу Ламберова отеля — силу дѣйствительную, не мечтательную, какъ сила централизаціи, но осязательную, безъ содѣйствія которой всѣ затѣи польскихъ демагоговъ обращались въ ничто, такъ, напр., разыгрались кровавыя шутихи *Заливскаго, Потоцкаго, Воловича.* При своеобразномъ положеніи, безъ территоріальнаго государства, во внѣшнихъ сношеніяхъ князя *Адама,* при нормальномъ положеніи Европы, литература едва ли не имѣла большее значеніе, нежели его сношенія дипломатическія.

Чарторыйскій созидалъ свои пресловутыя дипломатическія сношенія на остаткахъ прежнихъ связей и исканіемъ новыхъ съ вліятельнѣйшими сановниками въ Европѣ. Не имѣя офиціальнаго доступа въ кабинеты, *Чарторыйскій* содержалъ однако своихъ агентовъ въ разныхъ столицахъ, подкарауливать моменты, дабы напоминать европейскимъ державамъ, что поляки, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, будутъ поддерживать, всѣми своими видимыми и невидимыми средствами, всякія враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Самыя успѣшныя и постоянныя сношенія велись съ Римомъ. Чрезъ папу, *Чарторыйскій* ксендзами усиливалъ

свое вліяніе на тѣ слои общества, въ которыхъ преимущественно могла дѣйствовать централизація; чрезъ него онъ надѣялся проводить и свои соображенія въ Россію, уясняя дѣла Ватикану. При спокойномъ же положеніи Европы, Ламберовъ отель, безъ всякаго вліянія на кабинеты, искалъ другой поддержки—въ европейскомъ общественномъ мнѣніи.

Европейскія общества, по національнымъ чувствамъ, оглядывались на возрастающее могущество Россіи. Поляки съумѣли раздуть эти опасенія до ненависти; держать польскія дѣла во мглѣ и тмѣ было постояннымъ стремленіемъ поляковъ; относительно западной Европы имъ было это тѣмъ удобнѣе, что даже и во Франціи вся польщизна смутно сливалась въ двухъ коверкуемыхъ именахъ *Костюки* и *Понятоки* (1), и разнообразная, разнохарактерная литература всѣхъ партій польской эмиграціи сливалась для Европы въ какой то непроницаемый хаосъ, изъ котораго она могла уразумѣть только то, что Россія врагъ человѣчества и опаснѣйшій противникъ европейскому развитію. Ламберовъ отель, издавая для туземцевъ свою польскую газету (3 Май), привлекалъ къ себѣ и всякія польскія проявляющіяся литературныя знаменитости (*Мохнацкій, Мѣрославскій, Мицкевичъ, Красинскій, Чайковскій* и пр.); всѣ не миновали заискиваній Ламберова отеля. Но гораздо дороже ему обходилась закупка иностранной печати. Шпіоны и литература, во время послѣдняго мятежа, въ одинъ годъ обошлись въ 2 милліона франковъ; правда, что это было время особенной дѣятельности, но и предыдущая не многимъ была менѣе. Закупая журналы, издаваемые на всѣхъ языкахъ, Ламберовъ отель искалъ и писателей иноземцевъ, кромѣ поляковъ, проводившихъ польскую справу по французки, по нѣмецки и по русски; чужіе писатели были тѣмъ полезнѣйшіе сотрудники въ работахъ и проведеніи идей Ламберова отеля, что они могли дѣйствовать сильнѣе на общественное мнѣніе, какъ *писатели безпристрастные;* таковыми мы видимъ для французской публики *Мазада*, для русской *Шедо-Ферроти*, которые со всѣмъ своимъ удовольствіемъ проводили идеи Ламберова отеля. Ежегодно въ польскомъ историко-литературномъ обществѣ, основанномъ подъ сѣнью *Чарторыйскаго*, бывали, въ день годовщины варшавскаго возстанія

---

(1) Костюшко и Понятовскій. (Notes pour servira l'intelligence des affaires de Pologne, Θаддея Тышкевича).

1830 г. 17/29 ноября и 3-го мая, торжественныя собранія. На нихъ, пародируя тронныя рѣчи, князь *Адамъ* произносилъ свои спичи, которыхъ образчикъ читатели найдутъ въ приложеніяхъ, дабы ознакомить нѣсколько съ способомъ, принятымъ *Чарторыйскимъ* для легальнаго изображенія мятежныхъ замысловъ. Дипломатическій департаментъ былъ ввѣренъ перекресту изъ евреевъ *Кляцко* (1).

Занятіемъ дипломатическаго департамента было назначено: 1) направленіе польской журналистики Ламберова отеля, въ помѣщеніи пригодныхъ видамъ аристократической партіи приличныхъ статей въ закупленныя иностранныя періодическія изданія; вообще въ кругъ дѣйствій департамента *Кляцко* входила вся литературная и ученая дѣятельность; *Кляцко* и самъ писалъ статьи въ **Revue de deux mondes** и въ ежедневные большіе парижскіе журналы; 2) сношенія съ агентами *Чарторыйскаго*, разосланными по европейскимъ столицамъ, чтобы оживлять тамъ воспоминанія о полякахъ, выставлять значеніе князя *Адама* и стараться войдти въ сношенія съ вліятельными личностями правительственными-литературными, или вліяющими на общественное мнѣніе. Ламберовъ отель хорошо помнилъ традицію польскаго заговора при его зародышѣ, въ концѣ минувшаго столѣтія: съ паденіемъ Польши, ея голова и сердце должны переселиться въ Парижъ, а ея руки должны быть, одна въ Константинополѣ, другая въ Стокгольмѣ; князь *Адамъ* не упускалъ изъ

---

(1) Мѣстные старожилы помнятъ Кляцко еще быстроглазымъ и быстроногимъ жидкомъ въ Вильнѣ, обращавшимъ вниманіе своею способностью въ исполненіи скоромныхъ и деликатныхъ порученій. Паны признали полезнымъ, чтобы онъ прослушалъ курсы заграничныхъ университетовъ; онъ отправился въ Пруссію, оттуда перебрался въ Парижъ и добился высокаго довѣрія князя Чарторыйскаго. Кровные поляки весьма обижались принятыми имъ горячо патріотическими шляхетскими ухватками. Кляцко стыдился того, что онъ жидъ; поэтъ Адамъ Мицкевичъ, затронутый за живое его выходками, перебилъ его однажды среди выспренних разглагольствованій вопросомъ: „не знаете ли вы, сколько раввинскихъ училищъ въ Польшѣ?“ и прибавилъ, „что ему приличнѣе было бы проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ выставлять себя адвокатомъ шляхетскихъ притязаній“ Вл. Мицкевичъ, стр. 27)

виду эту традицію, и востокъ въ особенности. Мы видѣли образчикъ въ дѣятельности *Чайковскаго* (Садикъ Паши). „Чарторыйскіе похваляются въ обращеніи къ римско-католичеству, пишетъ В. *Мицкевичъ* (1), но мы опасаемся, что это обращеніе не послужитъ польской справѣ. Булгары, чтобы добыть покровительство Франціи, согласились сдѣлаться уніятами, т. е., неизмѣняя своему греческому закону, признавать папу вмѣсто константинопольскаго патріарха; нынѣ іезуиты вмѣшались въ это дѣло; событія Украины могутъ и тамъ повториться и нѣсколько фанатическихъ ксендзовъ могутъ заставить населеніе кинуться въ объятія Россіи. Но *Чарторыйскіе* получили отъ папы много поздравленій и благословленій.“

Военнымъ департаментомъ управлялъ *Іорданъ*. Въ него поступали всѣ планы и проэкты для военныхъ дѣйствій на случай мятежей, свѣдѣнія о военныхъ силахъ трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, и подробнѣйшія свѣдѣнія о полякахъ, находящихся въ войскахъ этихъ государствъ; свѣдѣнія о военныхъ польскихъ личностяхъ и о числѣ поляковъ, особенно принадлежащихъ спеціальнымъ оружіямъ. Если мы обратимся къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ, то невольно кидается въ глаза то обстоятельство, что въ нашихъ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ концѣ тридцатыхъ еще годовъ, воспитанники поляки были рѣдкостью, но съ сороковыхъ годовъ число ихъ стало быстро возрастать. Военный департаментъ Ламберова отеля работалъ не даромъ; кромѣ того, онъ слѣдилъ за всѣми поляками, воспитывающимися во Франціи.

Самый значительный департаментъ Ламберова отеля былъ третій — особыхъ сношеній. Имъ управлялъ *Калинка*. Въ немъ велись счеты ежегодной подати какъ бы liste civile, по словамъ *Мицкевича*, уплачиваемой туземцами, то былъ нервъ, питавшій всѣ затѣи Ламберова отеля, статья весьма важная, при тѣхъ огромныхъ расходахъ, которые имѣлъ Ламберовъ отель. Не мало должны были вносить польскіе магнаты туземцы и тянувшіеся въ магнаты, чтобы поддержать нетолько блескъ псевдо-королевскаго пребыванія въ Парижѣ, но и всѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые проживали въ Европѣ, со всею посланническою обстановкою; „безъ обѣдовъ, безъ

---

(1) Czartorysky: стр. 25, 1863 г.

баловъ, безъ наружнаго богатства и блеска нѣтъ и успѣховъ" говорили туземцы, побывавшіе въ Парижѣ.

Въ третій департаментъ поступали всѣ тайныя донесенія сторонниковъ, отсюда разсылались инструкціи, приказанія, наставленія. Тамъ велись подробные алфавиты туземцамъ, служащимъ въ администраціи Россіи, Австріи и Пруссіи, съ подробными ихъ кондуитами, оттуда разсылались увѣдомленія о пригодныхъ для польской справы назначеніяхъ. Однимъ словомъ, третій департаментъ долженъ былъ слѣдить, самымъ подробнымъ образомъ, не только за всѣми дѣлами, касавшимися польской справы, но и за всѣми личностями, на нее вліявшими и могущими имѣть вліяніе, какъ изъ поляковъ, такъ и русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.

Аристократическая партія въ эмиграціи не была значительна числомъ своихъ членовъ, но за то она была сильна поддержкою мѣстной аристократіи, которая, считая свои имена связанными съ исторіею Польши, и которую такъ сильно подмывали фамильныя традиціи, была готова всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать преуспѣянію работъ для великаго будованія. Польскіе магнаты, для своихъ корыстныхъ видовъ, охотясь за значеніемъ и властью, продавали нѣкогда Рѣчь Посполитую, устроясь такъ, что безцеремонно, по уговору, получали тысячами червонцы отъ Австріи, Пруссіи, Россіи, Франціи, Англіи, Саксоніи, а утративъ *ойчизну*, они не могутъ забыть золотое для нихъ время польской неурядицы.

Въ павшей своеобразной польской республикѣ съ королемъ во главѣ, польскіе магнаты, поддерживаемые шляхетствомъ, шляхтою и ксендзами, были истинными деспотами короля и народа; возвращенія золотаго времени самоуправства и своеволія добивались снова магнаты и шляхетство, въ эмиграціи и на родинѣ, въ рядахъ бѣлыхъ и въ рядахъ красныхъ. Нѣмцы XVIII столѣтія говорили о Рѣчи Посполитой, что тамъ *шляхетству рай, ксендзамъ небо, крестьянину сущій адъ,* и дѣйствительно, гдѣ и когда крѣпостное состояніе достигало такого возмущающаго безобразія, какъ въ областяхъ Польши, въ которой шляхетство съумѣло провести весь его гнетъ мимо освобожденія крестьянъ въ герцогствѣ Варшавскомъ Наполеономъ, мимо всѣхъ инвентарей русскаго правительства, мимо всѣхъ гуманныхъ пышныхъ своихъ заявленій, которыми эмиграція пускала пыль въ глаза Европѣ.

Разукрашенными легендами и чарующими традиціями шля-

хетство изучаетъ свою исторію; своеволіе оно называетъ свободою. Чѣмъ дышатъ всѣ кудрявыя рѣчи эмиграціи, всѣ ихъ прокламаціи? Они народу сулятъ золотыя горы, а между тѣмъ всѣ они дышатъ однимъ задушевнымъ порывомъ къ деспотической власти и высшему значенію, такому значенію, чтобы каждому стать выше всякаго закона, выше всякаго постановленія. Ближайшія свѣдѣнія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи—рядъ доказательствъ той непреложной истины, что не умеръ шляхетскій духъ старой Рѣчи Посполитой и всѣ ученики новѣйшей школы революціонеровъ отличаются развѣ только тѣмъ, что топорами и кинжалами грозили всякому, кто смѣлъ имѣть свое собственное мнѣніе.

Князь Адамъ *Чарторыйскій*, графъ Михаилъ *Огинскій* и т. п. указали путь польскимъ магнатамъ, какъ имъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, проводить легально и безопасно польскую справу. По опытамъ выработанной тактики, польскимъ вельможамъ не подобаетъ возиться съ работниками, призванными ими на дѣло мятежа, а еще менѣе пачкать свои руки въ самомъ мятежѣ; конспиративная работа, для которой предназначались мѣстные аристократическіе дѣятели, не подвергала ихъ ни казнямъ, ни ссылкамъ, ни конфискаціи имѣній; они были обязаны, обращаясь въ высшихъ сферахъ, выдавать себя преданнѣйшими слугами правительствъ, отстаивать предъ ними постановленія, пригодныя для польской справы, парализировать прямое исполненіе невыгодныхъ, затемнять предъ властями настоящее положеніе дѣлъ и давать высшее направленіе такъ называемымъ *столбамъ—филярамъ великаго будованія.*

Преждевременный заговоръ былъ опасенъ возможностью раскрытія; *столбы будованія*, избираемые изъ второстепенныхъ слоевъ шляхетскаго общества, должны были поддерживать пригодное настроеніе, подготовлять съ осторожностью и благоразуміемъ, сводить связи и въ данный моментъ поставить требуемое число для дѣла мятежа; конечно, эти должности были болѣе рискованныя, но до послѣдняго мятежа, во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ, нити слѣдственныхъ коммиссій обрывались прежде, нежели онѣ могли до нихъ добраться.

Князь Адамъ *Чарторыйскій* считалъ достаточнымъ двадцати такихъ столбовъ, для веденія всей работы конспираціи. „Мнѣ чудится, говорилъ онъ, въ одной изъ своихъ псевдо-тронныхъ рѣчей, что въ Польшѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, находят-

ся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости, и что эти люди чувствуютъ свое призваніе руководить своими братьями въ своей средѣ, для святаго дѣла освобожденія. Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій. Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ, но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они, равномѣрно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы* (филяры) для фундамента, на которомъ должно подняться все зданіе освобожденія ойчизны."

Со вступленіемъ князя Адама *Чарторыйскаго* въ эмиграцію, его вліяніе на туземныя дѣла проводилось двумя путями; во первыхъ его сторонниками изъ мѣстной аристократіи; изъ этого числа были особо горячіе патріоты, которые шли по стопамъ его, князя Адама *Чарторыйскаго,* графа Михаила *Огинскаго,* князя Ксаверія *Друцкаго-Любецкаго,* послѣдовательно нѣкогда охранявшихъ польскіе интересы въ Россіи; графамъ *Дзялынскимъ* предстояли эти труды въ Пруссіи, но при маломъ значеніи, которое они могли тамъ пріобрѣтать въ правительственныхъ сферахъ, поляки проводили свои интересы другимъ путемъ— поляками представителями въ палатахъ, между которыми особенно замѣчателенъ сталъ *Неголевскій.* Портреты этого ревнителя польской справы, сидящаго на креслахъ, разукрашенныхъ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, стали принадлежностью жилищъ всѣхъ польскихъ патріотовъ; поляки приписывали наибольшее вліяніе на дѣла въ Австріи князю *Любомирскому,* проживавшему частью въ Вѣнѣ, частью въ Галиціи, и графу Адаму *Потоцкому,* жителю Кракова. Они были, въ числѣ легальныхъ руководителей—*столбами* польской справы.

Другой путь для дѣйствія изъ эмиграціи на туземцевъ князь *Чарторыйскій* нашелъ въ латинскомъ духовенствѣ. Если въ ревнителяхъ демократической партіи онъ видѣлъ для польской справы незамѣнимо-полезное зло, то это зло онъ думалъ парализировать вліяніемъ ксендзовъ. Всѣми силами стараясь, чтобы мѣстное духовенство слилось своей конспиративною дѣятельностью съ конспиративною дѣятельностію пановъ, въ эмиграціи онъ преобразился въ самаго ревностнаго сторонника костела, расточалъ предъ Ватиканомъ увѣренія въ своемъ усердіи, въ Римѣ имѣлъ

постоянныхъ агентовъ и щедро выплачивалъ туда приношенія высокаго польскаго шляхетства. Высшее польское мѣстное духовенство сдѣлалось естественно самымъ преданнымъ сторонникомъ *Чарторыйскаго,* подъ папскимъ вліяніемъ; оно по степенямъ костельной іерархіи проводило внизъ данное направленіе; въ тоже время князь *Адамъ* внушалъ панамъ, чтобы они приближали болѣе къ своей средѣ сельскихъ ксендзовъ и перестали, по старому обычаю, держать ихъ на одномъ уровнѣ съ своими управляющими, экономами и арендаторами. Бесѣды въ петербургской духовной римско-катол. академіи съ выпускаемыми воспитанниками *Фелинскаго* (впослѣдствіи бывшаго архіепископомъ варшавскимъ во время возникшихъ тамъ въ 1861 году безпорядковъ) указываютъ плоды этихъ стараній князя *Чарторыйскаго.* (*)

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ сношеніяхъ князя *Адама* съ его интимными сторонниками изъ туземцевъ; свѣдѣнія собраны только о пріемѣ въ Ламберовомъ отелѣ не столь высокопоставленныхъ личностей по дѣлу польской справы, которыя, кто по патріоческимъ вліяніямъ, кто изъ любопытства, желали, посѣтивъ Парижъ, представиться своему псевдо—королю. Посѣщенія Ламберова отеля не обходились безъ неизбѣжной въ этихъ случаяхъ офяры.

При первомъ представленіи, пріемъ былъ съ торжественнымъ, но съ холоднымъ благоволеніемъ, и сидящій старикъ, принимая стоящаго гостя, въ рѣдкихъ случаяхъ подавалъ ему руку, и то только при откланиваніи; но если посѣтитель удостоивался новаго приглашенія, то князь являлся нѣсколько уже привѣтливѣйшимъ хозяиномъ.

Не лишены интереса разговоры о домашнихъ польскихъ дѣлахъ; при всей краткости и отрывочности собранныхъ свѣдѣній, онѣ вполнѣ характезируютъ и всю дипломатическую осторожность *Чарторыйскаго* и всю легальную изворотливость, съ какою онъ внушалъ программу для мѣстной конспиративной дѣятельности. Князь *Адамъ* соглашался, что „Польша (т. е. шляхетство) переживаетъ тяжелые дни (сравнивая съ золотымъ ли временемъ Рѣчи Посполитой, или временемъ царствованіи Александра Павловича?), но что надежда не должна оставлять шляхетство, и всю свою надежду оно должно возлагать на *цивилизацію Россіи,* которая принесетъ радикальное улучшеніе ихъ быта“.

На первомъ планѣ онъ ставилъ необходимость домогательствъ

(*) Помѣщены въ „Вѣстникѣ западной Россіи“.

къ возстановленію закрытыхъ польскихъ университетовъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ; польское юношество, избирающее гражданскую карьеру, должно особенно изучать юридическія науки, самыя полезныя для развитія ихъ интеллигенціи; поляки военные должны избирать спеціальныя оружія. Поляки обязаны содѣйствовать всѣми силами къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, потому что оттого зависитъ ихъ будущее (ergo поляки должны быть цивилизаторами русскаго народа).

„Финляндія, прибалтійскій край, Малороссія, Кавказъ заняты только своими экономическими интересами; съ развитіемъ цивилизаціи, они на равнѣ съ поляками поймутъ свои національные интересы“.

„Отъ окраинъ, болѣе подготовленныхъ, цивилизація со всѣхъ сторонъ проникнетъ во внутрь Россіи. Россія обречена на вѣчную борьбу съ Кавказомъ; ссылка туда поляковъ не есть бѣдствіе, напротивъ, они для соотчичей полезные труженики; предъ ними широкое поприще; тамъ множество русской молодежи, обстоятельствами вынужденной учавствовать въ тягостныхъ военныхъ дѣйствіяхъ; поляки, руководя молодыми умами, подготовятъ будущее поколѣніе, которое вовсе не враждебно будетъ смотрѣть на поляковъ; изъ среды этихъ новыхъ русскихъ дѣятелей, быстро возвышенные военными отличіями, внесутъ и въ Россію, на значительныхъ мѣстахъ, понятія, болѣе соотвѣтствующія нашему вѣку“.

Князь *Чарторыйскій* заявлялъ также, что, при трудныхъ временахъ, религія есть великое утѣшеніе и поддержка моральной твердости, потому онъ поручалъ ксендзовъ заботливости пановъ, поддержку ихъ нравственнаго настроенія—щедротами и нравственнаго вліянія—поднятіемъ въ глазахъ общества и народа этого сословія, всегда отличающагося *своимъ патріотизмомъ.*

Сближая всѣ свѣдѣнія о дѣятельности князя Адама *Чарторыйскаго,* замѣчаемъ, что онъ оставался вѣренъ прежней системѣ дѣйствія. Разрушенныя мятежемъ 1831 года, возводимыя начала къ польской справѣ, онъ хотѣлъ возстановить исподоволь, для продолженія работъ великаго будованія. Цѣль была—поддерживать во всей силѣ польскую національность по всѣмъ бывшимъ областямъ Рѣчи Посполитой, пользуясь тѣмъ, что шляхетство оставалось землевладѣльцами въ западной Россіи, онъ внушалъ продолжать ее ополячивать, притягивать къ Варшавѣ, сковывать ее съ Царствомъ Польскимъ, подъ русскимъ владычествомъ достигнуть того сліянія польской

національности съ западно-русскою, какого не могла достигнуть Рѣчь Посполитая, которая, предоставивъ костелу кормило внутренней политики, видѣла государственное единство только въ обращеніи въ латинство. Панамъ предстояло усыплять русскихъ своею мнимою преданностью, дабы русскіе проспали западную Россію и въ благопріятный для польскихъ замысловъ моментъ, во время какого либо европейскаго политическаго потрясенія, вывесть русскія высшія власти и войска за Днѣпръ, такъ, чтобы они за собою ничего русскаго въ краѣ и не оставили.

Всѣ производимыя слѣдственныя дѣла по польскимъ конспираціямъ и мятежамъ подвергали отвѣтственности тѣхъ виновныхъ, которые были уличены въ явныхъ покушеніяхъ къ бунтамъ, потому система дѣйствій, проводимая княземъ *Чарторыйскимъ* весьма устраивала пановъ; отъ нихъ требовались только пожертвованія и дѣятельность, которыя всегда могли быть укрыты легальностью, или укрывались побужденіями благотворительными, самыми благонамѣренными для преуспѣнія общественнаго благоденствія; за нихъ они не могли рисковать ни личною отвѣтственностью, ни конфискаціею своихъ имѣній.

Вожаки польскихъ демократовъ, проповѣдники демагогическихъ ученій, всякій разъ, когда собирались отъ теоріи перейти къ практикѣ, всякій разъ, когда они замышляли мятежемъ захватить власть въ свои руки, встрѣчали на мѣстѣ противодѣйствіе со стороны пановъ, а безъ средствъ, которыми располагали паны, дѣло не вязалось. Замѣнивъ давній фанатизмъ религіозный фанатизмомъ политическимъ, централыщики съ своими сторонниками едвали не болѣе ненавидѣли пановъ землевладѣльцевъ, нежели правительства, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши. Вся литература, вышедшая изъ подъ вліянія централизаціи, конечно, дышетъ не меньшимъ озлобленіемъ противъ того сословія, которое она называла польскою аристократіею, нежели противъ Австріи, Пруссіи и особенно Россіи.

Но князь *Чарторыйскій* былъ далекъ отъ ожесточенной борьбы съ польскими демагогами; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на необходимое, но полезное зло, какъ мы выше упомянули, и на красныхъ тѣми же глазами смотрѣло и все высокое шляхетство; *красные* давали имъ средства загребать жаръ ихъ руками; они поддерживали ярую ненависть къ участникамъ раздѣла; они, бездомные, но не менѣе властолюбивые, были готовы кидаться на всякія опасныя предпріятія; въ

ихъ рукахъ было только одно это средство для того, чтобы проводить польскую справу. Князь *Чарторыйскій* былъ увѣренъ, что однажды, достигнувъ независимости Польши, онъ, или его потомки, неизмѣнно проводя вѣковую фамильную программу, добьются того, что станутъ польскою королевскою династіею, а паны устроятъ свои дѣла, найдя въ предшествовавшихъ польскихъ совершившихся фактахъ, достаточно указаній на гибель раздоровъ, достаточно темъ для самыхъ пламенныхъ прокламацій, которыми паны всегда съумѣютъ увлечь толпу, обстановивъ ее нѣкоторыми подготовленіями. Имѣемъ одно свѣдѣніе, нѣсколько характезирующее увѣренность пановъ въ совершенномъ успѣхѣ подобныхъ надеждъ. Когда, въ 1862 году, на *засѣданіяхъ сельскаго хозяйства,* въ Краковѣ, у пановъ возникъ вопросъ—*не чрезъ чуръ ли уже дана власть демократамъ,* обсужденія этого вопроса привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: паны, безъ большаго труда, всегда урезонятъ находящихся въ рядахъ красныхъ молодыхъ членовъ своихъ семействъ, представивъ имъ вещи въ настоящемъ видѣ, а эти поведутъ толпу въ обратную сторону, по пригодному панамъ пути, при содѣйствіи нѣсколькихъ пламенныхъ, патріотическихъ прокламацій; самыхъ же закоснѣлыхъ и опаснѣйшихъ противниковъ можно выставить заблаговременно правительству, возложивъ это порученіе на тѣхъ избранныхъ, которые предъ властями должны вести интересы ойчизны; эти, выдавъ главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, тѣмъ пріобрѣтутъ новыя права на довѣренность австрійскихъ сановниковъ. Въ доказательство же силы прокламацій было приведено внезапное измѣненіе мнѣнія о князѣ *Адамѣ Чарторыйскимъ,* не смотря на всѣ ярыя противъ него озлобленія, которыми туземцы демократы были пропитаны. Князя *Адама* поносили, какъ измѣнника, предателя ойчизны, котораго губительная, своекорыстная дѣятельность разрушала всѣ доблестные порывы и начатки истинныхъ патріотовъ. При началѣ варшавскихъ демонстрацій, красные *мѣрославчики,* желая доставить всю власть своему верховному руководителю и вручить ему кормило со дня на день ожидаемаго мятежа, возбуждали проклятіями противъ князя *Адама* всю ненависть къ аристократической партіи; когда же была прислана вѣсть изъ Парижа о кончинѣ князя (въ Іюнѣ 1861 г.), тогда явились два пламенныя *оглошенія* о великой національной потерѣ; прокламаціи огласили великія національныя добродѣтели, великія заслуги величайшаго патріота, и всѣ демократы устремились въ костелы на панихиды; имя князя

Чарторыйскаго превозносилось до небесъ; тогда кому нибудь заикнуться въ смыслѣ, противномъ охватившему единодушному общественному мнѣнію, было бы въ Краковѣ дѣломъ рискованнымъ. Такъ объяснялъ одинъ изъ подсудимыхъ быструю перемѣну, происшедшую въ Краковѣ, по полученіи извѣстія о смерти князя *Адама Чарторыйскаго*.

Князь Адамъ никогда не поддавался увлеченіямъ своихъ соотчичей и съ глубокимъ разсчетомъ проводилъ свое дѣло. Въ числѣ средствъ имъ высокоусовершенствованной тактики для аристократической партіи было то, чтобы включать *своихъ людей* въ партіи, когда онѣ становились ему опасными. Эти люди, являясь подъ маскою самыхъ горячихъ сторонниковъ, доводили идею, одушевлявшую партію, до нелѣпѣйшаго безобразія. Для примѣра можно привести извороты ловкой теоріи Ламберова отеля, въ ея дѣйствіяхъ относительно демократической партіи, на двухъ оконечностяхъ: въ 1832 году, въ самомъ началѣ ея появленія въ эмиграціи, и въ 1864 г., послѣ ударовъ, ею понесенныхъ мятежемъ.

Польскіе демократы, считая въ своихъ рядахъ *Лелевеля*, поддерживаемые французскими революціонными знаменитостями, начали пріобрѣтать значеніе въ краѣ, внимательно слѣдившемъ за своими выходцами. Въ 1832 году графъ Адамъ *Гуровскій*, одинъ изъ варшавскихъ еще сотрудниковъ князя *Адама*, вошелъ въ общество демократовъ и сталъ едва ли не почетнѣйшимъ ея членомъ. Онъ провелъ до такой крайности идеи коммунизма, уравненія всѣхъ состояній и указывалъ на такія мѣры насилія, какъ необходимыя средства, что князь *Адамъ* тѣмъ сохранилъ многихъ себѣ сторонниковъ между туземцами собственниками, которые уже ни какъ не могли поддаться подъ ученья эмигрантовъ — демократовъ, какъ бы они ни были патріотично изложены, прославляемы демократическою литературою и сколько бы сами читатели ни считали себя истыми патріотами. Графъ Адамъ *Гуровскій*, сдѣлавъ свое дѣло, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вышелъ изъ общества „но сѣмена, имъ посѣянныя, остались,“ пишутъ поляки; (*) они и не допустили собственниковъ колебаться въ выборѣ, сочувствовать ли имъ Ламберову отелю, или централизаціи, и куда направлять свои посильныя пожертвованія.

Польскій мятежъ 1863 года былъ подавленъ безнадежно для

(*) Образъ товаржыства демократычнего.

польскихъ патріотовъ; по испытаннымъ правиламъ надлежало дѣятелямъ стушеваться, мнимою преданностію и покорностью задобрить правительство, сберечь что можно послѣ разгрома, свалить на нѣсколькихъ шальныхъ подстрекателей всѣ бывшія затѣи, и смиреніемъ парализировать строгія мѣры, которыя вызывалъ произведенный мятежъ и которыя прямо ложились на *бѣлыхъ;* а въ это время неугомонные, кичливые *красные*, мечтали продолжать отчаянную борьбу, грозившую панамъ новыми напастями. Дрезденъ былъ центромъ скопищъ. Князь *Сапѣга* вступилъ въ тамошній комитетъ демократовъ и до такой степени довелъ необузданность рѣчей, что провозглашалъ, что народы Европы обязаны низвергнуть свои правительства, за малое ими оказанное сочувствіе возставшимъ полякамъ. Князь *Сапѣга* прямо шелъ къ тому, чтобы правительства разогнали скопища неугомонныхъ патріотовъ, собиравшихся въ ихъ предѣлахъ.

Сколько для князя *Чарторыйскаго* ни была выгодна дѣятельность демократовъ, которая въ судорожныхъ ожиданіяхъ держала поляковъ туземцевъ и будила въ нихъ непрестанно крамольное настроеніе, но онъ желалъ, чтобы вожаки демагоги только бы говорили и писали, но не переходили бы къ дѣйствіямъ; взбалмошныя затѣи только обращали вниманіе правительствъ на туземцевъ, отъ этихъ затѣй терпѣли паны матеріально, затѣи мѣшали вести въ тихомолку, безостановочно, подземную работу *великаго будованья*, наконецъ поляки вредили себѣ въ мнѣніи незаинтересованныхъ правительствъ тѣмъ, что они выставляли себя разрушителями всякаго общественнаго порядка, ревнителями революцій, что, конечно, не могло располагать въ ихъ пользу. Князь *Адамъ*, заискивая расположить правительства къ полякамъ, домогался, чтобы демократы на чужбинѣ, покрайней мѣрѣ, сидѣли смирно, но они имѣли у себя готовое войско, массу эмигрантовъ, и ворочали этою силою по своему усмотрѣнію, за что и пользовались особеннымъ значеніемъ въ кругу европейскихъ революціонныхъ вожаковъ.

Всѣ разумные хорошо понимали, что однажды когда выяснилось, что европейскія державы въ 1831 году участія въ польскомъ возстаніи не примутъ, то Польшѣ съ Россіею уже бороться невозможно, и потому князь *Адамъ* хладнокровно переносилъ всѣ нарѣканія предателя, измѣнника, которыми его честили демократы себѣ въ извиненіе и для поддержанія себя въ глазахъ Европы;

но когда поляки эмигранты стали кидаться во всякія революціонныя экспедиціи, то онъ искалъ выпроводить праздную массу изъ Франціи и найти имъ какое нибудь занятіе.

Въ концѣ 1832 году князь *Чарторыйскій*, подкупами и разными, ему хорошо извѣстными, интригами, добылъ адресъ отъ всей эмиграціи, что она ему „ввѣряетъ свои дипломатическія сношенія". Въ этомъ адресѣ читаемъ: „Ты обладаешь, князь, *глубокимъ* знаніемъ дипломатичекихъ операцій; обширныя кабинетныя связи находятся теперь только въ твоихъ рукахъ, потому наша эмиграція почти единогласно просить, чтобы ты домогался передъ правительствами Европы о жизни свободной и назависимой нашей ойчизнѣ." Первое употребленіе, которое князь *Чарторыйскій* сдѣлалъ изъ этого уполномоченія состояло въ томъ, что онъ въ тихомолку сталъ работать, чтобы выпроводить своихъ соотчичей изъ Франціи. Враги *Чарторыйскаго* провѣдали о тайныхъ его работахъ, раздраженные эмигранты, въ 1834 году, составили актъ слѣдующаго содержанія: "Польскіе эмигранты, съ удивленіемъ усмотря, что князь Адамъ *Чарторыйскій* дерзаетъ отъ лица всей эмиграціи вредить ея цѣлости и предназначенію, и принявъ во вниманіе, что чувства, которыя были возбуждены въ соотчичахъ поступками этого человѣка, относительно возстанія (1831) и эмиграціи, могутъ ввести въ заблужденіе самыхъ искреннихъ приверженцевъ народнаго дѣла, постановили — публично огласить, что Адамъ *Чарторыйскій* не только не пользуется ихъ довѣріемъ, но считается врагомъ польской эмиграціи."

Странная была судьба этого акта; это оглашеніе эмиграція, въ своей средѣ, хранила въ тайнѣ; его подписали члены демократической партіи, которыхъ было тогда около 1200 человѣкъ, подписали и другіе привлеченные; актъ хранился въ централизаціи и въ теченіи 27 лѣтъ наполнялся подписями; всякій раздосадованный противъ Ламберова отеля приписывалъ свое имя, и ко дню кончины князя набралось 3076 подписей. Актъ оставался тайной эмиграціи только до 1839 года, когда для вѣдѣнія всѣхъ поляковъ централизація постановила его опубликовать особою брошюрою, а въ 1855 году, когда *Мѣрославскій* опасался, что съ ожидаемымъ возстановленіемъ Польши, послѣ восточной войны, на долю *Чарторыйскаго* можетъ выпасть завидная роль, тогда онъ обнародовалъ этотъ актъ на французскомъ языкѣ, для всеобщаго свѣдѣнія Европы. Это официальное отверженіе князя *Чарторыйскаго* польскою эми-

граціею не мѣшало однако тому, что они кое какъ уживались; князь *Чарторыйскій* зналъ имена всѣхъ послѣдовательно подписывавшихся, но онъ щеголялъ тѣмъ, что онъ не злопамятенъ, и не оставлялъ пособіями поляковъ эмигрантовъ подписавшихся, на равнѣ съ прочими; онъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы первенствовать въ польской эмиграціи и первенствовалъ въ ней дѣйствительно; неусыпными трудами, подкупами, интригами и громадными расходами, поддерживая въ европейскомъ обществѣ и въ туземцахъ обаяніе представителя развѣнчанной династіи. Видимыми и не видимыми путями, онъ руководилъ на столько эмиграціею, что во всей Европѣ, а не въ одномъ только Парижѣ, его признавали за главу польской эмиграціи, (*le chef de l'émigration polonaise*), къ крайней досадѣ централыщиковъ, выходившихъ изъ централизаціи и въ ней засѣдавшихъ. На новомъ пути въ эмиграціи, князь *Адамъ* настойчиво проводилъ съ успѣхомъ свою фамильную программу; централизація силилась придать себѣ *политическій характеръ*, но централыщики были признаваемы только своими сторонниками за политическихъ дѣятелей; европейскіе революціонеры ее ласками, какъ распорядительницу нѣсколькихъ тысячъ всегда готовыхъ уличныхъ бойцевъ. Между всѣми демократическими партіями польскихъ эмигрантовъ, *демократическое товарищество* было самое многочисленное; въ сороковыхъ годахъ находилось во Франціи около 6000 польскихъ выходцевъ, и болѣе полуторы тысячи принадлежали этому обществу. Всѣ польскіе демократы подчинились вліянію демократическаго товарищества, оно располагало наибольшими средствами. Хотя централизація кокетничала аптекарскою акуратностью въ представленіи своихъ отчетовъ въ суммахъ но онѣ вертѣлись, не превосходя 30 т. франковъ; главною статьею прихода считался положенный сборъ на членовъ товарищества, а высылки отъ туземцевъ были та таинственная статья, которая оставалась непроницаемою, подъ предлогомъ безопасности жертвователей. Всѣ партіи старались имѣть въ краѣ своихъ сторонниковъ для пожертвованій. Демократическая партія *соединенія* выслала было въ край своего эмиссара для этой цѣли въ 1844 году, но онъ съ прискорбіемъ донесъ, что всѣ мѣста уже заняты демократическимъ товариществомъ и привезъ только единовременныя *офяры*. Члены централизаціи избирались ежегодно изъ среды 26 человѣкъ, и когда неудачи начали разочаровывать туземцевъ въ искуствѣ и надежности ихъ эмиграціи, тог-

да посыпались вопросы, изъ какихъ средствъ эти господа, тогда названные *центральщиками,* проповѣдуя такъ ретиво коммунизмъ и уравненіе состояній, живутъ на широкую барскую ногу (*), *откуда золото, которымъ они гремятъ* во Франціи? Отношенія разныхъ партій къ краю и ихъ требованія были различны. Приверженцы Ламберова отеля слѣпо послѣдовали его внушеніямъ, платили въ его казначейство, отчетовъ не требовали и, согласно его предначертаній, между туземцами кокетничали демократическимъ направленіемъ, какъ имъ кокетничалъ и самъ князь Адамъ *Чарторыйскій.*

Демократическое товарищество, санкюлоты, какъ ихъ называли сторонники Ламберова отеля, не могли найти сочувствія между тѣми землевладѣльцами, которые знали, что теоріи, признанныя централизаціею, имъ крайне враждебны. Щедрые, бездомные ревнители, которые ничего не теряли, а за чужое добро хотѣли купить власть, приняли за основаніе: „По праву собственности, земля принадлежитъ крестьянамъ, которые ее воздѣлываютъ; если у пановъ дѣти наслѣдуютъ отцу, то и крестьяне за вѣковую обработку земли своими предками, должны получить ее въ наслѣдственное владѣніе и какъ исключительные работники быть и исключительными ея хозяевами“. Съ такими правилами *грабежа шляхетскихъ имѣній,* эмиссары товарищества отправлялись въ край, пишетъ анонимный высокій почитатель эмиграціи (**), щеголяющій безпристрастіемъ, и продолжаетъ: „Очевидно, этого не могли допустить старые, отъ прародителей, изъ рода въ родъ, передаваемые предразсудки, вѣками узаконенные.“ Демократическая централизація домагалась всю конспиративную повсемѣстную дѣятельность своихъ сторонниковъ сосредоточить въ своихъ членахъ, которые должны давать и общее направленіе всѣмъ работамъ. Для преній по туземнымъ вопросамъ и обсужденію средствъ къ веденію пропаганды въ краѣ, былъ особый отдѣлъ, въ которомъ засѣдали члены изъ того же кружка, изъ котораго избирались и центральщики, съ нѣкоторыми особенно пригодными для дѣла личностями, совершенно преданными централизаціи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Симеонъ *Конарскій,* растрѣленный, какъ выше было сказано, въ Вильнѣ, и котораго въ эмиграціи по-

---

(*) Брошюры: Цожъ пшедъ нами? Образъ товаржыства демократычнего.

(**) Эмиграція польска, стр. 22.

читали какъ главнаго образователя мѣстныхъ конспиративныхъ секцій между туземцами и учредителемъ правильнаго въ нихъ теченія дѣлъ и сношеній. На общемъ собраніи демократическаго товарищества (1837) Карлъ *Ружицкій* предложилъ было, чтобы это особое отдѣленіе для сношеній съ туземцами не подлежало ни какому контролю; но предложеніе было отвергнуто 778 голосами противъ двухъ. Демократическое товарищество находило между туземцами сторонниковъ въ учащейся молодежи, чиновникахъ, лѣкаряхъ адвокатахъ, литераторахъ и разныхъ пролетаріяхъ, и въ Россіи, въ той массѣ служащихъ, которые туда устремлялись, какъ нѣкогда европейцы въ новооткрытую Америку; прежде выселившіеся готовили *хлѣбныя* и вліятельныя мѣста для вновъ прибывающихъ; съ каждымъ годомъ нѣкоторыя вѣдомства стали особеннымъ предметомъ вторженія поляковъ. Польская пропаганда искусно направила мѣстную интеллигенцію польскихъ недорослей, и еще искуснѣе умѣла превозносить эту интеллигенцію. Всѣ сношенія эмиграціи съ туземцами указывали, что преобладающею силою въ краѣ остаются паны; во чтобы то ни стало *демократическое товарищество* хотѣло власть вырвать изъ рукъ ихъ. „Неуспѣхъ возстанія 1831 года былъ слѣдствіемъ того, что шляхетскія побужденія имъ руководили, провозглашали демократы“, только демократическая идея можетъ возвратить ойчизну; глубокая причина антидемократическаго движенія таится въ еще живущемъ шляхетскомъ духѣ; въ минуту положительныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ выплыветъ снова, потому съ привиллегированныхъ должно сорвать маску притворства; это дѣло демократическаго товарищества, но искорененіе идеи привилегій, трудъ цѣлаго народа. Соціальное потрясеніе неизбѣжно съ началомъ движенія. Должно истребить нечестивый духъ возстанія 1831 года, духъ повсемѣстный не въ одной Польшѣ, но парализирующій вездѣ стремленія къ равенству, и противъ него товарищество должно всюду направлять свои удары“. (*).

Такими сужденіями, щекотя въ туземцахъ чувство возстановленія Польши, центральщики подготовляли въ нихъ убѣжденія о необходимости ввѣрить власть демократамъ. Приписывая невзгоды 1831 года губительному вліянію пановъ, они доказывали необходимость соціальнаго переворота, какъ вѣрнѣйшее средство къ

(*) Эмиграція Польска.

возстановленію Польши, когда весь народъ такимъ путемъ будетъ двинутъ на великое дѣло избавленія ойчизны, а этимъ народомъ, по мнѣнію демократовъ, до окончательнаго его образованія, по теоріямъ, выработаннымъ *демократическимъ товариществомъ,* должно *управлять* какъ *баталіономъ.* Централизація, съ своимъ уставомъ, актомъ постановила: освобожденіе польскаго народа, въ границахъ республики до перваго раздѣла, произвести революціею, съ уничтоженіемъ привиллегій на *демократическихъ* (?) началахъ братства, равенства и свободы; началомъ должно быть *безусловное* (?) *надѣленіе* крестьянъ поземельною собственностью.

По постановленіямъ польскихъ демократовъ должно установить, *при благопріятныхъ обстоятельствахъ, элементарныя школы для народа по городамъ и деревнямъ,* эмиграція должна распоряжаться возстаніемъ. Правителями должны быть тѣ, которые взяли на себя представительство націи и выработали знаніе ея нуждъ и потребностей; *только грудь, разогрѣтая эмиграціоннымъ огнемъ* можетъ возстановить ойчизну; только въ эмиграціи жизнь и движеніе, а тамъ (въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой) онѣмѣніе (одрентвялосць) и смерть. По надлежащихъ приготовленіяхъ, назначенный комитетъ долженъ изъ эмиграціи перенестись въ край, принять начальство и направить народное возстаніе; комитетъ вызываетъ къ оружію всѣхъ жителей польской земли, назначаетъ начальниковъ вооруженныхъ силъ, устраиваетъ администрацію, суды, войско, освобождаетъ крестьянъ. Паны силою должны быть поставлены въ необходимость повиноваться. Смерть тѣмъ, кого не могутъ убѣдить начала, принятыя эмиграціею. Лондонскій отдѣлъ польской эмиграціи избралъ спеціальнымъ для себя занятіемъ выработать науку производства самаго мятежа и издалъ цѣлый уставъ по этому предмету.

Авторъ брошюры „Эмиграція польска" приводитъ, что „эмиграціонная шляхта" (*), услышавъ суровыя слова правды, двинула всю находчивость прежнихъ сеймовъ, двинула всѣ свои пружины: публичныя собранія, частные съѣзды, газеты, брошюры, письма, агентовъ, ложь, клевету, угрозы и обѣщанія. Прежде она на-

(*) Т. е. помѣщики. Въ эмиграціи кто же не принадлежалъ къ *шляхтѣ*? Были увлеченные солдаты, бывшіе какъ бы деньщиками при офицерахъ, но такихъ было не много, а строевые солдаты, оставшіеся во Франціи, въ работахъ эмиграціи не участвовали.

дѣялась, что *власть* есть легальная ея принадлежность, какъ представительницы края, и смотрѣла на демократію, какъ на бунтовщика." Дабы отодвинуть назадъ наступающую централизацію, аристократическая партія пользовалась тѣмъ, что „масса эмигрантовъ, какъ масса вездѣ, согласна скорѣе держаться господскаго порога, чѣмъ брататься съ тѣми, которые ей сулятъ груши на вербѣ." При условленной со всѣми европейскими революціонерами работѣ, 1846 года, для общаго мятежа по всей Европѣ, эмиграція выслала своихъ эмиссаровъ по бывшимъ польскимъ областямъ; *Дембовскій* стоялъ въ главѣ посланцевъ; съ одной стороны разсыпавшись по панскимъ домамъ, они всякими іезуитскими изворотами, судя по личностямъ, искали втянуть всѣхъ въ мятежъ; въ случаѣ настоятельной надобности, они отрекались даже отъ своихъ основаній, обьясняя ихъ временнымъ средствомъ для достиженія, съ содѣйствіемъ крестьянъ, возстановленія независимости Польши, а съ другой стороны, они, преимущественно въ Галиціи, толкались между простолюдинами, внушали крестьянамъ, что паны ихъ враги, что паны вымогаютъ у правительства чего хотятъ, а если пановъ истребить, то и настала бы жизнь привольная. Подобные слухи о таинственныхъ странникахъ, появлявшихся по сельскимъ корчмамъ, въ платьяхъ простолюдиновъ, доходили до панскихъ ушей и парализировали доброхотство. *Мѣрославскій* обѣщался *провести стараго дипломата;* Демократы, для единодушной работы, склонились предъ княземъ *Адамомъ*, съ просьбою они обратились къ *Чарторыйскому* принять кормило затѣяннаго революціоннаго дѣла.

Князь *Адамъ*, при соображеніяхъ общей европейской революціи, не хотѣлъ отстать отъ *націи;* ему нужно было сохранить въ предстоящемъ движеніи *верхнюю руку,* какъ говорятъ французы. *Чарторыйскій* имѣлъ свою тайную полицію Ламберова отеля, едва ли не лучше организированную нежели ту, которую онъ содержалъ нѣкогда въ Варшавѣ, предъ мятежемъ 1830 г. Ему хорошо были извѣстны затѣи централыщиковъ и инструкціи, данныя ими высланнымъ эмиссарамъ. Дабы парализировать замыслы, не допустить населеніе до кровавыхъ порывовъ, онъ, въ руководители движенія массъ хотѣлъ поставить ксендзовъ, за спиною которыхъ уже дѣйствовали бы паны со всѣми ихъ средствами. Клерикальная партія въ эмиграціи была слишкомъ близка Ламберову отелю, чтобы отказать ему въ помо-

щи; нѣсколько ксендзовъ было выслано на мѣста изъ Парижа для пригодныхъ внушеній мѣстному сельскому духовенству. Соображенія не оправдались; мы видѣли, въ событіяхъ 1846 г., что ксендзы, вмѣстѣ съ панами, гибли подъ крестьянскими ударами.

Просьба централизаціи весьма устраивала князя *Адама;* онъ становился главою эмиграціи, по собственнымъ ея побужденіямъ; онъ видѣлъ ясное доказательство, что безъ пановъ демагоги обойтися не могутъ. Онъ согласился и издалъ свою прокламацію, изъ которой приведемъ знаменательнѣйшія мѣста.

Подписавшись президентомъ правительства, князь *Адамъ* посланіемъ отъ 14 Февраля 1846 года, объявлялъ между прочимъ.

„Братья! Мы рѣшились избавить васъ отъ тираническаго ига... соединеніе необходимо... Умоляемъ васъ, будьте послушны пастырямъ вѣры вашихъ отцевъ, они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять оружіе... Служители алтаря васъ научатъ, какъ добыть свободу, какую они сами изучили въ метрополіи Св. Петра. Примите ихъ, помогайте имъ въ ихъ переѣздахъ и наказывайте смертью тѣхъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ. Дабы болѣе васъ убѣдить въ святости нашего дѣла, я вышлю къ вамъ моего возлюбленнаго сына, въ его жилахъ течетъ кровь Пястовъ и Ягеллоновъ, онъ будетъ залогомъ моей преданности и любви къ ойчизнѣ". Въ то же время *Петрашевскій* работалъ надъ заговоромъ въ Петербургѣ, а графъ *Владиславъ Замойскій,* правая рука *Чарторыйскаго,* уже заранѣе пробрался на Кавказъ къ горцамъ; мятежемъ на Кавказѣ нъо долженъ былъ оттянуть туда часть русскихъ силъ. Графъ *Замойскій* издалъ прокламацію къ полякамъ, находящимся въ рядахъ кавказской арміи. "Поляки, литвины и украинцы, писалъ онъ, вы всѣ дѣти одной матки ойчизны, братья! слушайте меня... Волею нашего общаго главы, назначеннаго Провидѣніемъ, котораго образъ предъ вашими глазами, *(изображеніе съ медали съ надписью Адамъ I)*, я прибылъ къ вамъ.... Онъ послалъ меня, дабы я оживилъ ваши надежды; я призываю васъ исполнить долгъ, который лежитъ на васъ, какъ на полякахъ,... нашъ народъ, чтобы стать поголовно, ждетъ только сигнала, перваго призыва къ мести; правительства и народы намъ сочувствуютъ, но они придутъ къ намъ на помощь, когда увидятъ, что мы умѣемъ исполнять нашу святую обязанность... Уничтожайте запасы, поджигайте пороховые магазины, убивайте казенныхъ лошадей и истребляйте нашихъ враговъ, и

потомъ бѣгите въ горы и увлекайте съ собою и русскихъ; приносите съ собою оружіе и патроны.... Не опасайтесь дурнаго пріема горцевъ, я нахожусь въ средѣ ихъ, чтобы охранять васъ... Мы побѣдимъ врага, и отсюда мы двинемся въ Польшу. У насъ будетъ Польша съ нашимъ королемъ, свободою и независимостью, намъ стоитъ захотѣть и работать, Господь придетъ къ намъ на помощь.“

Явясь на театръ готовящагося мятежа, *Мѣрославскій* думалъ однимъ ударомъ порѣшить со всѣми притязаніями князя *Чарторыйскаго;* онъ провозгласилъ себя диктаторомъ. *Чарторыйскому* угрожала тогда великая опасность; его прокламація попала въ руки австрійскаго правительства; великолѣпное его имѣнье *Сѣнявы* въ Галиціи подлежало конфискаціи. Не знаемъ сознавался ли самъ князь *Адамъ* въ своей ошибкѣ, что связался съ демократами ранѣе, нежели событія разъяснились; но сынъ его въ началѣ мятежа 1863 года медлилъ принять открытое участіе и говорилъ, что онъ не хочетъ повторить *опрометчивый шагъ* (le pas de clerc) своего отца въ 1846 году.

Прусскій министръ взялся хлопотать, князь *Чарторыйскій* написалъ униженную просьбу и признавалъ свою подпись подъ прокламаціей *поддѣльною; Меттернихъ* помиловалъ съ условіемъ, чтобы князь *Адамъ* письменно обязался *„впредъ никакого участія не принимать въ усиліяхъ противъ существующаго порядка въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ.“* Князь мало того, что исполнилъ все, что отъ него требовали, но немедленно выслалъ своего племянника, графа *Владислава Замойскаго,* въ Лондонъ. Тамъ, на публичномъ балѣ въ честь лорда *Дублей Стюарта,* графъ *Замойскій* благодарилъ за возвращеніе *Сѣнявы* и публично оправдывалъ австрійское правительство въ возводимыхъ на него клеветахъ о галицiйской рѣзнѣ. При возстаніи 1848 года князь *Адамъ* былъ осторожнѣе, онъ прокламацій не издавалъ, но лишь только разошлась молва объ успѣхахъ польской справы, онъ немедленно отправился въ Пруссію укрощать *Мѣрославскаго* и вырвать власть изъ рукъ его; князь пріѣхалъ поздно; пруссаки мятежемъ отрезвились отъ полонизма, и князю *Чарторыйскому* пришлось возвращаться въ Парижъ *съ разтерзаннымъ сердцемъ.*

Неуспѣхъ всѣхъ революцій, столь горячо поддерживаемыхъ поляками, привелъ Ламберовъ отель къ новымъ комбинаціямъ. Князь

Адамъ призналъ невозможностъ возстановленія Польши съ удержаніемъ верховной власти въ своихъ рукахъ и возвратился къ прежнимъ своимъ планамъ, съ примѣненіемъ нововведеній. Онъ составлялъ политическія комбинаціи, войны съ системою взаимныхъ вознагражденій, съ цѣлью соединить Польшу 1772 года подъ одинъ скипетръ, какъ нѣкогда онъ предлагалъ императору Александру Павловичу. Польша добровольно должна была временно подчиниться иноземному владыкѣ, общимъ голосованіемъ (suffrage universel) по примѣру Франціи, а за первымъ избраннымъ, Польшѣ предстояла возможность со временемъ избрать природнаго короля, Пяста, т. е. *Чарторыйскаго*. Три державы являлись для того пригодными: Россія, Австрія и Франція; конечно, Россія была отвергнута, озлобленіе противъ *москалей* было безпредѣльное; принцъ Наполеонъ, такъ привѣтливо обращался съ поляками-эмигрантами, былъ такимъ предупредительнымъ ходатаемъ ихъ желаній, что аристократическая партія склонялась на его сторону; при этомъ не была упущена изъ виду та вѣроятность, что принцъ переживетъ императора, и тогда короля француза удобнѣе будетъ замѣстить своимъ природнымъ. Но князь *Адамъ* лично всѣ свои помышленія долгое время сосредоточивалъ на Австріи.

Событія 1848 и 1849 годовъ должны были ясно указать австрійскому правительству всю его непрочность, при разноплеменной монархіи и при недостаткѣ твердаго, сплошнаго зерна; въ это то зерно поляки себя готовили для убѣжденія Австріи; способствовали къ тому и панславистскія броженія; старанія поляковъ были всѣ устремлены на то, чтобы въ проэктахъ панславистовъ взять преобладаніе надъ Россіею; чтобы не русскіе, а поляки стали бы притягательнымъ полюсомъ для славянъ; насупротивъ восточной славянской русской имперіи составить имперію западно-славянскую. Придунайскія княжества давно были знакомы полякамъ, а князь *Чарторыйскій* ретиво работалъ надъ подготовленіемъ болгаръ и началъ съ введенія уніи.

Одно обстоятельство было великою помѣхою польскимъ планамъ; какъ не увертливы польскія разъясненія, однако выводъ изъ нихъ одинъ; поляки понимали, что имя Польши оставило воспоминанія, непригодныя для попытокъ къ сліянію; всѣ славянскія племена поляковъ не любятъ и имъ не довѣряютъ; въ западной Россіи шляхетство, хотя и ополяченное, но все же оно помнило свое давнее соперничество съ Польшею; мятежъ 1863 года выяснилъ

его вполнѣ, а населеніе западной Россіи питало одно только чувство озлобленія къ полякамъ. Отъ Днѣпра до Карпатъ слово *ляхъ* обратилось въ брань. Рѣчь Посполитая, отдавъ въ руки ксендзовъ заботы о государственномъ единствѣ, достигла того, что въ юго-западной Россіи и въ Галиціи русскіе люди, столь вѣротерпимые, изливаютъ свои ощущенія о латинянахъ изрѣченіемъ: „ляхъ, жидъ, да собака, вѣра одинака.„

При такихъ антипатіяхъ къ польскому владычеству и при общихъ стремленіяхъ шляхетства возстановить золотое прошедшее, приведеніе къ соглашенію славянъ могло быть достигнуто только искусственнымъ изворотомъ; — и на прочныхъ основаніяхъ утвердилась идея конфедеративнаго государства.

Разслѣдованіе мятежа указываетъ, что конфедеративное государство было основаніемъ стремленій всѣхъ партій, отъ крайне бѣлыхъ до крайне красныхъ. Эта идея нѣкогда соединяла декабристовъ съ польскими заговорщиками; сѣверо-американскіе штаты, не смотря на все различіе народныхъ элементовъ и различіе общественныхъ условій жизни, были приняты, какъ истинно благодѣтельное учрежденіе для народовъ, при которомъ можетъ быть только братская любовь *между племенами.* Какъ эта братская любовь была нужна ревнителямъ только для пышныхъ прокламацій, а о народномъ благоденствіи они столько же заботились, какъ объ изношенныхъ сапогахъ, то обсужденіемъ этого вопроса съ разныхъ сторонъ никто и не занимался особенно. Было бы любопытно знать, какое вліяніе на шляхетскія сужденія произвела бы сѣверо-американская междуусобная война, если бы она случилась пятью годами ранѣе.

Велико было разочарованіе послѣ парижскаго мира (1856 г.); *Мазадъ* вошелъ въ кабинетъ *Чарторыйскаго* и засталъ его за работою; съ ранняго утра сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ. „Слышите ли, князь, громъ орудій, сказалъ вошедшій, пушки объявляютъ заключеніе мира.“ Князь задумчиво покачалъ головою и снова взялся за перо. „Къ чему продолжать, нынѣ уже нѣтъ болѣе надежды? — Нѣтъ, надо продолжать, возразилъ князь, оно можетъ послужить въ будущемъ.“

Дѣйствительно въ теченіи шестидесяти лѣтъ, проводя свою фамильную программу, князь *Чарторыйскій* могъ узнать вполнѣ свою націю; perpetuum mobile польскихъ заговоровъ въ теченіи шестидесяти лѣтъ пролетѣло мимо всѣхъ войнъ и всѣхъ мирныхъ договоровъ;

не парижскій миръ могъ остановить вѣковую вражду Польши къ Россіи, безсильную злобу предъ ея окрѣпшей соперницей, ставшей великою, могучею державою — борьбу латинства, стремившагося на востокъ и православіемъ остановленнаго въ западной Россіи.

Но если съ вѣрою на будущее князь *Чарторыйскій* принялъ вѣсть о мирѣ, то не таково было мнѣніе его соотчичей туземцевъ.

По мѣрѣ послѣдовавшихъ неудачъ польской справы, ввѣренной эмиграціи, въ туземцахъ росла досада и переходила въ раздраженіе; толки въ шляхетствѣ, письма и брошюры (*) свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, которое появилось въ средѣ шляхетства, особенно когда парижскій миръ ни слова не упомянулъ о полякахъ. Сведемъ вкратце разныя заявленія шляхетства, бывшія въ нашихъ рукахъ, которыми оно, въ минуты разочарованія, высказывало свое оскорбленное неудовольствіе противъ эмиграціи: (**).

„*Эмиграція*, выселясь изъ края, подъ нравственными вліяніями потерянной ойчизны, обрекла себя на постоянную борьбу, пока не достигнетъ цѣли. Давъ себѣ организацію, она дала правильность своимъ трудамъ и упрочила существованіе *настойчивыхъ усилій*. Всякая партія избрала себѣ спеціальныя занятія и, *отдавая от-*

(*) „Образъ товаржиства демократычнего;“ „Цо пшедъ нами“ и т. п.; не можемъ привести заглавій многихъ изданій, найденныхъ въ конфискованныхъ бумагахъ, въ которыхъ, вѣроятно для безопасности, оторваны заглавные листы; находятся также вырванныя печатныя страницы. Рѣчи большею частію встрѣчались литографированными. Со временемъ, можетъ быть, кто нибудь возметъ на себя трудъ, нѣсколько ознакомить русскую публику съ эмиграціонною литературою, которая, судя по оглавленіямъ на оберткахъ, должна быть чрезвычайно обильна, не считая множества польскихъ періодическихъ листковъ разныхъ партій. По бывшимъ въ нашихъ рукахъ, образчикамъ, въ полномъ смыслѣ слова, она носитъ на себѣ характеръ *судорожно-озлобленный;* постоянная ненависть къ Россіи, къ императору Николаю Павловичу, заглушаемая въ ней раздраженною враждою партій, съ выводимыми на свѣтъ многочисленными фактами любостяжанія, обмана, интриги, дрязгъ и пакостей. Воспроизводить вполнѣ всю эту грязь едвали у кого будетъ охоты; а еще менѣе охоты у читателей видѣть польскую эмиграцію во всей ея наготѣ.

(**) Образъ товаржыства демократычнего польскѣго и его централизаціи, С. Старовіейскаго (вѣроятно псевдонимъ), напечатано въ Краковѣ,— Цо пшедъ нами, начало рукописной копіи и отдѣльные листки, вырванныя изъ неизвѣстныхъ книгъ или брошюръ; частныя письма, польская рукопись съ французскимъ заглавіемъ: Une société, qui ne se comprend pas.

четъ своихъ трудовъ націи, была обязана работать, чтобы повкаать, что она сдѣлала, а въ націи упрочилась бы вѣра и донѣренность къ своей эмиграціи; нація должна была видѣть въ зей свою покровительницу и опору. При всепоглощающемъ стремленіи къ одной общей цѣли, при усиленныхъ работахъ и готовности къ самопожертвованіямъ, могъ ли бы родиться антагонизмъ??"

„Эмиграціи представлялась троякая работа: удержать наши нсошенія съ правительствами, дружественныя тѣсныя связи съ народами Европы и близко родственныя съ соотчичами. Первая обязанность лежала на дипломатической партіи, вторая на лицахъ, входившихъ въ составъ польскаго комитета, третья на партіи демократической, которой предстояло *глубоко изучить, на что польскій патріотизмъ* можетъ разсчитывать, обсудить найсообразнѣйшій путь и указать его всѣмъ полякамъ, гдѣ бы соотчичи не находились, дабы работать и дѣйствовать въ согласіи и съ взаимною поддержкою."

„Дипломатическая партія измѣнила своему призванію; она повторила ошибку прежней польской дипломатіи; она все расчитывала на правительства, которыя всегда были и будутъ своекорыстны. Мы не противорѣчимъ случающемуся искусству дипломатіи, соглашаемся, что она могла даже искать при дворахъ, найболѣе намъ враждебныхъ, но наши дипломаты въ *свою* дипломатію вложили всю свою вѣру, всѣ свои надежды и объявили ненависть и неистовую войну всякому, кто искалъ спасенія въ вѣчныхъ силахъ народовъ."

„Съ самаго начала эмиграція употребила сверхъ естественныя усилія, чтобы сблизиться съ націей и европейскими народами; она заявляла готовность начать борьбу *для нашего спасенія со всемірнымъ спасеніемъ;* что же говорили тогда наши дипломаты эмигрантамъ: „ваше мѣсто ни во Франціи и ни въ Англіи, убирайтесь въ Алжирію къ бедуинамъ; тамъ у правительства руки не связаны и оно съумѣетъ принять васъ въ руки."

„Эмиграція въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ предпринимаетъ экспедиціи савойскую, франкфуртскую, заливскаго, а наша аристократія намъ указываетъ на Португалію. Развѣ въ распряхъ между двумя претендентами мы могли истреблять нашихъ естественныхъ враговъ русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ."

„Послѣ ряда неудачъ, наши дипломаты наконецъ увидѣли, что они идутъ по ложному пути, и примкнувъ къ демократической пар-

тіи, которая такъ высоко подвинула свои работы, вмѣстѣ съ нею провозгласила: Въ Польшу! въ Польшу! тамъ наши силы, тамъ наши средства. Аристократы съ *своимъ королемъ* развертываютъ свое знамя, наши демократы думали найдти въ нихъ *страшныхъ соперниковъ;* но они не рѣшаются перейдти границы ойчизны. Это монархическое возстаніе, съ своимъ королемъ впереди, вооруженнымъ скипетромъ и крестомъ, для избавленія Польши и утвержденія его королевскихъ правъ на престолъ, принимается за дипломатическія негоціаціи съ княземъ *Черногоріи* и *Черкесами* и кончаетъ свои подвиги турецко-славянскою пропагандою, веденною Чайковскимъ—Садикъ-Пашею. Напрасно демократія ожидала подготовленій монархическихъ дѣятелей на берегахъ Вислы, Нѣмана и Днѣстра; дипломаты не пошли далѣе заявленія, что *Чарторыйскій* былъ прежде кураторомъ виленскаго университета и заграницею покровитель бѣдныхъ польскихъ выходцевъ.“

„Демократы эмиграціи, за исключеніемъ этихъ господъ, шли другимъ путемъ; они провозглашали, что безъ всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, имѣя только народъ передъ глазами, они вполнѣ пользуются возрастающимъ могуществомъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Когда *торгашеская* политика Людовика Филиппа еще не вполнѣ обозначилась, когда Германія, *воодушевленная пропагандистами*, разливалась ненавистью противъ священнаго союза и привѣтливо улыбалась революціи, когда Швейцарія и Италія съ нетерпѣніемъ ждали нашей революціи и даже сама столь разсчетливая Англія сильно протестовала противъ духа коалицій, одинъ *Лелевель* добросовѣстно исполнялъ свое дѣло; желая руководить демократовъ, онъ вошелъ въ сношенія со всѣми европейскими комитетами и эти сношенія могли быть весьма полезны польскому дѣлу, возраждая симпатію народовъ къ Польшѣ, основанную на свободѣ и братствѣ.“

„Аристократы съиграли комедію на счетъ спасенія ойчизны и вызвали глубокія раздраженія, вызвали раздоръ, который парализировалъ тѣ великодушныя намѣренія, которыя стали распространяться въ краѣ (*), *чувства* братства могли заставить поселянъ участвовать *въ общемъ повстаніи;* они же тормозили дѣло, гдѣ могли; не содѣйствуя успѣхамъ революціонеровъ, наши дипломаты напротивъ всѣми своими усиліями хотѣли имъ перечить.“

(*) Проэкты о надѣлѣ крестьянъ землею.

„Они возражали намъ, что не на буряхъ взволнованнаго населенія можно возводить прочное зданіе, что успѣхи медленные, но прочно укрѣпившіеся, послѣдовательно должны довести зданіе возстановленія Польши подъ крышу, и что демократическая партія, своими властолюбивыми и нетерпѣливыми буйствами, разрушаетъ глубоко обдуманное дѣло. Но развѣ не революціею мы достигли знаменательныхъ успѣховъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они, за исключеніемъ нашихъ провинцій, отданныхъ трактатами московскому царю, были повсемѣстны. Для дѣла возстановленія ойчизны, какіе важные пріобрѣли мы уже залоги, свободное книгопечатаніе, разрѣшеніе гвардіи народовой, разрѣшеніе комитетовъ народовыхъ, это были уже такія завоеванія, которыя могли бы служить незыблемою основою, при ожидаемомъ замѣщеніи всей администраціи соотчичами. Всего этого мы достигли и намъ слѣдовало остановиться во время и предоставить другимъ за насъ вести дѣло далѣе (*); намъ слѣдовало только внушеніями направлять событія."

„Мартовскими событіями 1848 года наша *справа* уже такъ была поставлена, что мы должны были только ждать, когда насъ народы поименуютъ и на перекличкѣ отвѣтить: „мы здѣсь на лице" (естесмы) и для того не съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать далѣе объ насъ память, а выжидая скромно, работать устройствомъ комитетовъ, клубовъ и охранительной стражи (стражи безпѣченства), литературою и періодическими изданіями. Если бы мы оставались на пути легальномъ, и выработывая все, что было возможно изъ дарованныхъ уже правъ (дозволіоныхъ свободъ), никто не осмѣлился бы посягнуть на то наше нравственное могущество, противъ котораго въ дребезги должна была разбиться всякая матеріальная сила. Наши же руководители тотчасъ начали изъявлять свои неудовольствія, требовать большаго, стали создавать войска и поставили себя тѣмъ между двумя огнями—ими возбужденными контръ-революціями и русскими штыками. *Централизація* употребляла всю свою партію для своихъ собственныхъ видовъ, дабы не потерять своихъ куруловыхъ креселъ (курульскихъ кршеселъ нѣ страцицъ); она отвергла средства, потому что она всегда въ разладѣ съ сотрудниками. Когда въ началѣ мая (1848 г.) патріоты разныхъ областей призывали въ Врацлавъ членовъ централизаціи для согласія въ дѣйствіяхъ, какой получили они отвѣтъ?

(*) Т. е. Панургову стаду.

„Мы работаемъ, намъ не зачѣмъ разъѣзжать по совѣщательнымъ совѣтамъ (на обрады исць не потршебуемы), — точно будто они полъ-Польши уже завоевали; сказалъ же имъ тогда А. П. (*), въ патріотизмѣ котораго никто не сомнѣвается: *я вашей искренности повѣрю только тогда, когда ваши кости забѣлѣютъ рядомъ съ костями польскаго народа.*“

„Члены же централизаціи были далеки отъ самозабвенія, они всѣ до единаго возвратились благополучно (**), хотя имѣли тысячу случаевъ своею кровью запечатлѣть свою *незаконнорожденную философо-демократическую идею.* „*Демократа польски*“ (***) все провозглашалъ о торжествахъ, вилъ себѣ лавровые вѣнки при всякомъ народномъ бѣдствіи, и дошелъ до того, что въ одномъ изъ своихъ нумеровъ провозгласилъ, что завоевалъ вселенную *(нашеми принципами завоевалисьмы святъ).*“

„Дипломатическая партія, руководимая *Чарторыйскимъ*, при ея общественномъ положеніи, могла дипломатическими путями получать ободренія отъ европейскихъ кабинетовъ и ими питаться въ своихъ надеждахъ, но демократы, раздосадованные на Европу за ея непостоянство въ симпатіяхъ, провозгласили во всеуслышаніе: Мы не нуждаемся въ Европѣ, Польша воскреснетъ собственными силами.“

„Теоретически столь прекрасно обдуманная мысль *національнаго комитета*, который бы руководилъ и согласовалъ частную дѣятельность соотчичей, на практикѣ оказалась только вредною. Несогласіе мнѣній раздробляло еще болѣе элементы эмиграціи и вредно дѣйствовало на самый край *безконечными своими преніями, которыя и краю подавали поводъ къ несогласіямъ, безполезно поглощающимъ жизненныя его силы.*“

„Эмиграція намъ выставила въ *Мѣрославскомъ* геніальнаго спасителя ойчизны; централизація въ немъ признала великаго государственнаго человѣка, великаго администратора, великаго полководца, а послѣ всѣхъ неудачъ, когда пришлось каждому искать утѣшенія и виновниковъ въ неуспѣхахъ, то *Мѣрославскій* обратился въ „гетмана causi perda.“ На столь недавно прославляемаго великаго дѣятеля централизаціи, главнокомандующаго, диктатора, посыпались со всѣхъ сторонъ, въ стихахъ и прозѣ, ѣдкія критики, сатиры, насмѣшки, эпиграммы и самыя злыя каррикату-

(*) Въ подлинникѣ однѣ эти буквы.
(**) Не совсѣмъ точно.
(***) Журналъ издаваемый демократическою партіею.

ры. Не одна Польша была свидѣтельница его талантовъ. Сицилійская экспедиція увѣнчала его военные подвиги. Втершись въ дружбу и въ довѣренность къ Гарибальди, онъ начальствовалъ сицилійскимъ возстаніемъ. Когда инсургенты были атакованы королевскими войсками, *Мѣрославскій* растерялся до того, что, какъ полуумный, прискакавшему за приказаніемъ адъютанту отвѣчалъ только напѣвомъ: „Еще Польска не згинела,“ и наконецъ со страху бѣжалъ съ поля боя. Взбѣшенные италіанцы послали ему въ слѣдъ нѣсколько *срамныхъ пуль* (balle di vergounia), которыя просвистали мимо ушей *„диктатора Польши.“*

„Путь отъ Милославля до Вржесня, не путь изъ Мекки въ Медину, и *Мѣрославскому* никогда не быть пророкомъ Польши!“

„Вы ораторствуете 25 лѣтъ въ эмиграціи, вы пишете, печатаете, вы устроили цѣлую администрацію, ведете дипломатическія сношенія, производили революціи, десятка два людей подвели подъ висѣлицу, тысячи людей отправили въ казематы и въ каторгу Сибири, десять тысячъ легло въ одной Галиціи подъ косами и цѣпами своихъ же братій. Панъ Эдуардъ *Дембовскій* твердилъ, что *людъ должно приспособить къ понятію и возлюбленію революціи* (успособицъ людъ до поенця и укоханя революціи). Людъ, діавольски увлеченный проповѣдями эмиссаровъ (шатанско увѣдзіоны пшезъ науки высланцовъ централизаціи) показалъ свои способы пониманія и возлюбленія всеобщей революціи; въ одномъ тарновскомъ округѣ замучено 3000 безоружныхъ и невинныхъ. Чѣмъ кончили въ 1846 г. руководители этой потѣхи (дзялаче тей фарсы)? Диктаторъ *Тыссовскій* съ своими министрами, секретарями и военоначальникомъ убѣжалъ съ деньгами (*). Какъ же отнеслась эмиграція о неистовой рѣзнѣ въ Галиціи? *Лелевель* провозгласилъ, что крестьяне вспомнили наконецъ о своихъ правахъ. Приверженецъ монархической Польши, министръ 1831 года, Теодоръ *Моравскій*, очень сожалѣлъ о рѣзнѣ, но въ томъ смыслѣ, что убитыхъ было мало (же за мало замордовано), а *Мѣрославскій*, въ утѣшеніе соотчичамъ, говорилъ, что рѣзня была слѣдствіемъ недоразумѣнія (malenten du), что *Тыссовскій* былъ только шалунъ „un polisson de la bande de désordre social;“ 10 дневную оргію Кракова онъ, называя свободою, призналъ, что эти 10 дней стоятъ 70 лѣтъ рабства. Эмиграція тысячъ пятнадцать изъ увлеченной молодежи, изъ нашего будущаго поколѣнія, оторвала отъ роднаго кро-

(*) 700,000 франковъ.

ва и увлекла ихъ на баррикады, въ Венгрію и въ Турцію; изъ нихъ болѣе половины нашли тамъ раннюю кончину подъ пулею, въ лазаретахъ, а нѣкоторые просто безъ помощи, съѣденные венгерскою холерою, или дунайскими лихорадками; остальные обратились въ скитальцевъ, искателей приключеній. Взгляните на наши семейства, есть ли хоть одно, которое бы не оплакивало роднаго; мы щедро давали вамъ средства для всѣхъ вашихъ проектовъ, мы не вступались, когда вы для вашихъ затѣй всякими ухищреніями удерживали нашихъ отъ возвращенія на родину, и оставляли тысячи привыкшихъ дома къ иной жизни, съ трудомъ, среди развитой промышленности заграницею, снискивать себѣ хлѣбъ насущный, стѣсняемые милліонами конкурентовъ; мы не вступались, когда ваши эмиссары и мѣстные агенты, преимущественно налагая на необходимость помочь бѣднымъ нашимъ выходцамъ, собирали щедрую дань, а вы выдавали имъ въ крайней нуждѣ по 25 франковъ и были къ нимъ щедры только тогда, когда высылали ихъ на опасныя подвиги; вы имъ внушали, что для ойчизны не страшны ни висѣлицы, ни казематы; сотни тысячъ нашихъ злотыхъ выкидали на покупки нѣмецкихъ книгъ, для поддержанія революціоннаго духа въ Германіи, *Лелевель* требовалъ средства для одного французскаго журнала, чтобы имѣть кресло въ *европейскомъ ареопагѣ*, вы имѣли ихъ десятокъ на всѣхъ языкахъ. Вы сотни тысячъ кидали на поддержаніе газетами симпатій къ Польшѣ, вы милліоны издерживали для поддержанія польской представительности, для вашихъ дипломатическихъ обѣдовъ, баловъ и праздниковъ, для связей, для вашихъ уполномоченныхъ, для вашихъ посланниковъ, на содержаніе вашихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вы ростили новыя жертвы, какъ старый паша накупленныхъ малютокъ невольницъ роститъ для своего гарема. Вы 25 лѣтъ насъ кормили обѣщаніями, что добьетесь европейской войны, изъ которой Польша возстанетъ, благодаря вашимъ усиліямъ, независимою, могучею, въ границахъ небывалыхъ, окруженная славою, величіемъ, уваженіемъ народовъ; вы говорили намъ: Польша станетъ восточною Франціею и превзойдетъ западную и къ чему вы насъ привели!? „Два молодые великіе генія (!?), дышавшіе высокимъ патріотизмомъ, разочаровались среди эмиграціи, *Мохнацкій* (*) умеръ въ уныніи, *Мицкевичъ* сталъ мистикомъ и товянистомъ."

(*) Въ концѣ 1865 г., въ вышедшей брошюрѣ „Эмиграція польска" читаемъ также: *Мохнацкій*, самъ себя окончательно унизивши, у-

„Даже *Я. Н. Яновскій* (одинъ изъ творцевъ централизаціи) высказался: послѣ февральскихъ восторговъ (*) — іюньская картечь; польскіе аристократы работали — для имперіи, а польскіе демократы вывели — диктатора *Мѣрославскаго.*" Трактатъ парижскаго мира не произнесъ слова *Польша.*

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, на сколько вся масса *туземнаго шляхетства* сочувствовала раздраженному неудовольствію противъ всей эмиграціи вообще, излившемуся въ приведенныхъ заявленіяхъ нѣкоторыми изъ его членовъ. Эти недовольные силились доказать, что эмиграція идетъ по ложному пути; но мы не имѣемъ ни одного сознанія ни письменно, ни словесно выраженнаго въ средѣ туземнаго польскаго общества въ томъ, что само общество идетъ по ложному пути; даже и въ западной Россіи ни одинъ голосъ не заикнулся о томъ, что пора покончить съ многолѣтними затѣями и искренно слиться съ Россіею. Только послѣ рѣзни 1846 года, авторъ письма къ князю Меттерниху грозилъ Австріи, что всѣ поляки кинутся въ объятія Россіи, но это искуственное раздраженіе въ письмѣ, было только для спасенія имени поляковъ передъ Европою; полякамъ, во чтобы то ни стало, было необходимо замаскировать тотъ фактъ, что начало всѣхъ крестьянскихъ неистовствъ было только послѣдствіе неожиданно принявшаго въ сторону движенія, сообщеннаго perpetuo mobile польской конспиративной дѣятельности. Это письмо польскаго дворянина (Маркиза В.) читалось съ жадностью, но единственнымъ его слѣдствіемъ было возникшее опасеніе мѣстныхъ пановъ, чтобы въ конспиративныхъ ихъ работахъ не наткнуться на дѣятельность новыхъ *Эдуардовъ Дембовскихъ.* Видя на будущее время въ запоздалыхъ для Галиціи указаніяхъ князя *Чарторыйскаго* спасительный отводъ, паны тѣмъ ревностнѣе заботились приблизить къ себѣ ксендзовъ и возвысить въ глазахъ народа значеніе своего духовенства.

Другое заявленіе было въ *Глосъ зъ Литвы,* ковенскаго помѣщика, напечатанное въ Познани. Если у автора, по общему правилу, не хватило гражданскаго мужества выставить свое имя; то по крайней мѣрѣ достало мужества, проводя мысль панславиз-

---

бѣдился, что аристократію среволюціонировать нельзя. Среди сомнѣній и величайшей меланхоліи, онъ умеръ 14 Дек. 1834 г.

(*) Въ Парижѣ, при низверженіи Людовика Филиппа въ 1848 году.

ма, выразить, что въ мечтаемой славянской конфедеративной монархіи главою долженъ быть русскій императоръ. Изданная книга не встрѣтила одобренія общества, туземное шляхетство было слишкомъ пропитано ученіями эмигрантовъ, землевладѣльцы принципами Ламберова отеля, а остальные, которымъ терять было нечего, принципами централизаціи.

Во всякомъ случаѣ, послѣ парижскаго мира, туземному шляхетству предстояло снова направить свою неугомонную конспиративную дѣятельность къ исполненію мирной программы Ламберова отеля. Часть этой программы обнаружилась трудами слѣдственныхъ коммиссій, конфискованными письменными и печатанными свѣдѣніями и особыми разъясненіями, потребованными отъ подсудимыхъ.

Она можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ сводѣ: Возстановленная Польша должна составить монархію *военную* и *земледѣльческую.*

Возстановленіе Польши можетъ послѣдовать при политическихъ потрясеніяхъ въ Европѣ.

Патріоты, въ ожиданіи этого благопріятнаго событія, должны поддерживать и развивать польскую національность въ краѣ.

Для согласной дѣятельности общественное мнѣніе должно уважать направленіе, даваемое людьми избранными *(филярами великаго будованія).*

Варшава сердце Польши.

Значеніе правительственныхъ лицъ и должностей должно быть исподоволь уменьшаемо расширеніемъ значенія лицъ, офиціяльно избираемыхъ на дворянскихъ выборахъ; этимъ средствомъ конспиративная польская администрація легальными путями должна была вытѣснить администрацію правительственную. Правительствомъ установленное число выборныхъ лицъ должно быть усилено частнымъ образомъ *делегатами* по домашнимъ выборамъ дворянства.

Делегаты составляютъ совѣты при избранныхъ лицахъ, утвержденныхъ правительствомъ, и служатъ помощниками въ производствѣ дѣлъ.

Ксендзы должны пріобрѣтать подобное же значеніе въ сферахъ простолюдиновъ.

Доброхотнымъ согласіемъ сословій исподоволь образовать собственное національное управленіе, которое при политическомъ сотрясеніи удержитъ отъ внутренняго потрясенія и безпорядковъ.

Общественное мнѣніе должно способствовать возвышенію значенія духовнаго сословія.

Шляхетство должно заботиться о возстановленіи польскихъ университетовъ.

Польская молодежь должна по преимуществу заниматься юридическими науками; поляки военные должны быть спеціалисты. Поляки должны заботиться о внесеніи просвѣщенія въ Россію (вѣроятно заботиться о развитіи польской интеллигенціи) и преимущественно въ ея окраины, особенно на Кавказъ; поляки должны стараться быть воспитателями русской молодежи.

Если *Чарторыйскій* такъ налегалъ на воспитаніе, то вѣроятно изъ собственнаго опыта онъ убѣдился, какую пользу онъ принесъ польской справѣ. Расточая предъ правительствомъ свою преданность, свою благонамѣренность, свои заботы о цивилизаціи, онъ вдругъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ доискался попечительства учебнаго округа западной Россіи. На окраинѣ Россіи, еще не окрѣпшей въ русской народности, съ вліятельными классами русскихъ, перемѣшанными съ поляками, *Чарторыйскій* тогда пропиталъ ея учебныя заведенія *польщизною*, которой источникомъ былъ виленскій университетъ. Онъ особенно заботился о щедромъ снабженіи университетской библіотеки всѣми возможными польскими историческими сочиненіями и всѣми польско-патріотическими литературными произведеніями, дабы держать всю учащуюся молодежъ въ этой искусственной, чадной атмосферѣ полонизма. Таковъ обращикъ примѣровъ, имъ оставленныхъ для подражанія; тщательно между туземцами сохраняются традиціи о князѣ *Адамѣ*, иногда поражающія своими подробностями.

Мы изложили внушенія, дѣлаемыя Ламберовымъ отелемъ всей массѣ шляхетства, для систематической организированной его дѣятельности; но кромѣ того въ документахъ, собранныхъ по дѣламъ мятежа, находятся письменныя свидѣтельства, что и высшая конспиративная работа, нѣкогда веденная напримѣръ княземъ *Адамомъ*, графомъ Михаиломъ *Огинскимъ*, продолжалась по пути, указанному предшественниками. Предъ отечественною войною, въ то время, когда поляки, расточая обѣщанія, призывали Наполеона ко вторженію въ Россію, *Огинскій* получалъ отъ *Армфельда*, выходившаго изъ кабинета государя, свѣдѣнія о всѣхъ тайныхъ совѣщаніяхъ на счетъ мѣръ и средствъ къ защитѣ имперіи; по-

добно тому снова поляки устроились такъ, чтобы получать немедленно свѣдѣнія о такихъ правительственныхъ работахъ, которыя до обнародованія были тайною. Основываясь на нихъ, поляки заблаговременно принимали свои мѣры; но для шляхетства наступали времена трудныя и, какъ ниже увидимъ, старыя комбинаціи оказались не всегда пригодными. Буквально слѣдуя примѣрамъ князя Адама *Чарторыйскаго,* аристократическіе сторонники Ламберова отеля, какъ отпавшіе по личнымъ разсчетамъ, такъ и неколебимо ему преданные, старались во *тьмѣ* и *мглѣ* удержать польскія дѣла; предъ вліятельными людьми въ Россіи они силились извращать событія, посѣять разладъ между высшею и мѣстною администраціями, набрасывая на все, съ своей стороны, мантію усерднѣйшей, вѣрноподданнѣйшей заботливости о преуспѣяніи имперіи. Въ теченіи четырехъ царствованій, скопившіяся *польскія дѣла уже созрѣвали*, они были на канунѣ ихъ перехода въ ясно поставленный *польскій вопросъ.* При его разрѣшеніи настали для шляхетства времена еще труднѣйшія. Казалось, что въ теченіи пяти вѣковъ, окрѣпъ рубежъ по коренной русской землѣ, рукою поляковъ проведенный между восточною и западною Россіею, но ТОТЪ, кто призвалъ Россію къ новой жизни, ТОМУ суждено и стереть оскорбительный и гибельный для Россіи рубежъ.

Въ то время, когда князь *Чарторыйскій,* по собственнымъ его словамъ (*), въ *своихъ мечтаніяхъ* создавалъ программу для конспиративной дѣятельности пановъ, *централизація* съ своими секціями вырабатывала систематически науку мятежей соображеніями и пріобрѣтаемою опытностью.

Русскіе люди, не догадываясь о тайныхъ хитро задуманныхъ подземныхъ польскихъ козняхъ, не могли обороняться отъ ими раставляемыхъ сѣтей; они не догадывались, куда ведутъ всѣ провозглашенія о благоденствіи рода человѣческаго, и многіе тѣмъ скорѣе попадали въ *Панургово стадо,* что поляки преимущественно лукавили предъ молодежью, издѣвались надъ элементами русской жизни, относили ихъ къ нашей неразвитости, твердили, что мы еще не *созрѣли* до высоты польской интеллигенціи. Всѣ русскія коренныя начала, завѣщанныя предками, которыя правильнымъ

(*) Рѣчь князя Адама Чарторыйскаго на торжественномъ засѣданіи польскаго учено-литературнаго общества въ Парижѣ, 17 (27) Ноября 1844 г.

народнымъ развитіемъ будутъ достояніемъ нашего позднѣйшаго потомства, столь пугавшія польскую справу, были, по ихъ провозглашеніямъ, только остатками московскаго варварства; всякое здравое ученіе, всякія истинныя свѣдѣнія, вѣрные историческіе выводы они называли *казенными*, и дабы лишить русскихъ людей возможности пресѣчь съ ловкимъ искушеніемъ распространяемое зло, то они въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ обществѣ, настойчиво проводили тѣ понятія, что указать властямъ и обществу—посягателей на русское могущество, на наше народное достояніе, на государственное единство, на нашу славу, на нашу честь есть *доносъ* и *шпіонство*. Многихъ русскихъ людей поляки, исподоволь втягивая въ свои сѣти, морочили подобными понятіями, пріобрѣтенными на школьной скамьѣ. Впрочемъ, не однимъ русскимъ пришлось заплатить дань за невѣдѣніе революціонныхъ конспиративныхъ теорій, напѣваемыхъ поляками на музыку: „еще Польска не згинела.“ Давно создалось общественное мнѣніе въ столь положительномъ нѣмецкомъ обществѣ, а и нѣмцы до 1848 года сочувствовали сладкимъ польскимъ рѣчамъ о международной братской любви, о благоденствіи рода человѣческаго, основаннаго на международныхъ симпатіяхъ и общественной свободѣ, утвержденной на новыхъ началахъ, изобрѣтенныхъ революціоннымъ ареопагомъ молодой Европы, при содѣйствіи польской централизаціи. Событіями 1848 года предъ нѣмцами разоблачилось польское предательство, открылось, что изъ одной и той-же мастерской исходили увѣренія нѣжной любви, симпатіи и глубокаго уваженія поляковъ къ нѣмцамъ, единовременно съ инструкціями, какими предательскими средствами пригоднѣе нѣмцевъ передушить въ Галиціи и Познани. Когда возникла на новыхъ началахъ устроенная свободная польская народность, въ анархическомъ сумбурѣ *народовыхъ* комитетовъ, когда новая свобода выяснилась неистовыми своеволіями противъ познанскихъ нѣмцевъ, когда польскія симпатіи выказались стремленіемъ подчинить польской національности національность нѣмецкую, когда нѣмцы увидѣли, что поляки посягаютъ на силы и могущество Германіи, считая ихъ вполнѣ одураченными, тогда оскорбленные сыны Германіи, уязвленные въ народномъ чувствѣ собственнаго достоинства, круто повернули дѣло; они заставили упорныхъ полонофиловъ замолчать на франкфуртскомъ сеймѣ, и пруссаки, въ своемъ раздраженіи, потребовали отъ генерала Виллизена, далеко ушедшаго въ глубь Панургова стада, отчета въ его дѣйст-

віяхъ и доказательствъ, что служа, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ, *онъ не былъ измѣнникомъ своего отечества.*

Выработанная теорія мятежей революціонною партіею въ Европѣ, усовершенствованная польскою централизаціею и многочисленными ея агентами, примѣненная къ бывшимъ въ сороковыхъ годахъ мятежамъ въ Европѣ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ видѣ:

Заранѣе подготовленный многочисленный заговоръ опасенъ своимъ раскрытіемъ.

Посвященныя избранныя личности (столбы или филяры), сносясь съ пятью членами совѣтовъ мѣстныхъ секцій, даютъ направленіе дѣятельности; для безопасности эта связь и сношенія хранятся въ тайнѣ. Члены секцій, укрывая свою дѣятельность въ легальныя и благонамѣренныя формы (*), поддерживаютъ національное революціонное броженіе въ умахъ.

Въ мѣстности, предназначенной для мятежа должно *пропитать воздухъ революціонною атмосферою.*

Для того дѣйствовать на слабыя и тщеславныя вліятельныя личности словами либерализма и прогресса, дѣйствовать на все общество литературою, дѣйствовать на учебныя заведенія, и особенно на наставниковъ, и подготовлять народъ, дѣйствуя на грубыя чувства корысти и возбуждая въ немъ новыя желанія, или какъ осязательно выразило сорвавшееся сожалѣніе у одного изъ главныхъ дѣятелей минувшаго мятежа, Людвига *Звирждовскаго,* „населеніе Литвы представляетъ мало элементовъ *народъ преобразовать въ чернь.*"

Сожалѣніе о непризнаніи личныхъ достоинствъ, малой ихъ оцѣнки, несправедливой судьбѣ, изученіе общихъ слабостей всего общества (**) или личныхъ, всегда откроютъ ревнителямъ польской справы доступъ къ довѣренности вліятельныхъ личностей, а затѣмъ

(*) Русскіе въ Вильнѣ, до мятежа, считали самыми благонамѣренными, преданными правительству, двухъ: *Звирждовскаго* (повѣшенъ) и Ал. *Оскерко* (сосланъ въ каторжную работу), почему въ этомъ смыслѣ они и были употребляемы. Въ это время первый былъ главнымъ работникомъ въ комитетѣ *красныхъ*, а второй тѣмъ же въ комитетѣ *бѣлыхъ.*

(**) Такъ Мѣрославскій указывалъ, что самое надежное средство— нѣмцевъ травить русскими, а русскихъ нѣмцами. Газируя, онъ помѣстилъ это средство и въ свое сочиненіе «**de la nationalité polonaise.**»

имъ уже не трудно будетъ поставить ихъ въ свою нравственную зависимость.

Порядокъ веденія заговорнаго дѣла шелъ въ слѣдующей последовательности: пропаганда, за нею являлись манифестаціи и наконецъ мятежъ.

Для пропаганды мы имѣемъ слѣдующія указанія:

Опытъ научилъ вождей, что заранѣе распространенный заговоръ почти всегда преждевременно становится извѣстнымъ правительству, потому верховные коноводы ограничивали свое число самыми необходимыми людьми, только содѣйствующими пропагандѣ своимъ вліяніемъ. Высшіе коноводы старались въ глазахъ правительства казаться самыми благонамѣренными, даже готовыми содѣйствовать ревностно его благимъ предначертаніямъ. Словесно и письменно они устраняются отъ всякаго проявленія своихъ замысловъ, которое могло бы быть для нихъ уликою; дѣятельность верховныхъ вождей имѣетъ двоякое направленіе: съ одной стороны, для достиженія своихъ замысловъ, они стремятся усилить свои средства, подготовляя пригодныя личности въ орудія своихъ плановъ, съ другой стороны, они стремятся ослабить правительства, сбивая ихъ распоряженія на путь содѣйствія къ осуществленію ихъ затаенныхъ проэктовъ.

Силѣ правительствъ, враждебныхъ польскимъ тенденціямъ, они хотѣли противупоставить общественное мнѣніе. Въ ихъ рукахъ для этой цѣли мощнымъ орудіемъ было іезуитское ученіе, что всѣ средства хороши, если они могутъ содѣйствовать цѣли.

Для извращенія общественнаго мнѣнія литература и журналистика были ихъ орудіями; историческіе подлоги, поддѣлка оффиціальныхъ актовъ, извращеніе смысла постановленій, лживые толки и лживые слухи были подспорьемъ къ работѣ.

Ограничивая до крайней возможности число заговорщиковъ, польская пропаганда стремилась подготовлять людей, распалять умы, разжигать страсти, дабы въ данное время число заговорщиковъ могло вербоваться съ успѣхомъ и быстротою такими ревнителями, которыхъ безъ большаго труда можно было бы обратить въ офанатизированныхъ дѣятелей.

Учебныя заведенія были главными мѣстами для вербовки. Коноводы дѣйствовали успѣшно въ средѣ неопытной, учащейся молодежи, съ практическою стороною жизни еще не знакомою, съ неутвердившимися еще понятіями гражданскаго долга.

Способы къ предательскому увлеченію молодежи были постоянно одни и тѣ же; коноводы льстили молодежи, указывали ей что она представительница новаго поколѣнія, что она заключаетъ среди себя государственныхъ людей и военныхъ предводителей, для совершенія того переворота, который разрушитъ утвердившіеся элементы государственнаго устройства; а ихъ коноводы провозглашали укоренившимися только предразсудками прежней зависимости и невѣжества.

Коноводы особенно заботились заманивать наставниковъ юношества убѣжденіями, лестью, искуственными восторгами и матеріальными выгодами. Они ловили и прославляли тщеславныхъ и ослѣпляемыхъ и сами искали офиціяльныхъ сближеній съ воспитательными заведеніями.

Для одобренія къ дѣйствіямъ, коноводы отвергали, что власть дѣйствующая есть необходимый залогъ возможности существованія обществъ, они усиливались доказывать, что правительства шатки и слабы, и мнимая ихъ сила есть только наружное обаяніе, правительствами производимое на недальновидныя массы.

Юридическіе факультеты по университетамъ обращали на себя наибольшее вниманіе верховныхъ коноводовъ; юристы являлись людьми наиболѣе пригодными законность обращать въ изворотливую польскую легальность. Польскіе юристы, во всякихъ обстоятельствахъ, могли быть, при польской изворотливости, самыми полезными дѣятелями для мятежной польской справы.

Для большихъ успѣховъ пропаганды верховные заговорщики старались имѣть своихъ мѣстныхъ агентовъ распространителями подпольной литературы ‘ которые въ разныхъ кружкахъ совѣтами и ученіями осторожно развивали далѣе наущенія въ печатанныхъ произведеніяхъ революціонной литературы и побуждали ослѣпляемыхъ къ пригодной инициативѣ. Агенты вездѣ давали толчекъ къ волненію умовъ и безпорядкамъ, и притаясь, руководили ими болѣе.

За учебными заведеніями, коноводы находили городское нисшее сословіе слѣдующимъ слоемъ общества, пригоднымъ для усиленія своихъ средствъ. Въ этой средѣ, самымъ такъ называемымъ забубеннымъ (биръ-бантамъ), они выдавали жалованье; освобождая ихъ отъ работы, они доставляли имъ возможность постояннымъ пребываніямъ по кабакамъ и по трактирамъ, проповѣдывать о тягостяхъ мастероваго сословія, которое они относили

къ тому, что, при обще-существующемъ общественномъ устройствѣ, хозяева устроивъ фабрики или заведенія, обращаютъ потъ рабочаго класса въ золото, которымъ набиваютъ себѣ карманы.

Для сельскаго населенія назначались свои агенты, которые ходили по деревнямъ, подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсней, сказокъ, изученія народнаго быта, и которые, по кабакамъ и корчмамъ, находя преимущественно разгульныя головы населенія, внушали имъ неудовольствія противъ существующей администраціи и существующихъ законоположеній, разсказывали о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, о тягости налоговъ и искушающими толками о возможности лучшаго будущаго извращали понятія и сѣяли новыя желанія. Изъ собираемыхъ памятниковъ народной литературы, они нанизывали въ свои сборники то, что однажды напечатанное, распространяемое между народомъ, могло только тяжело лечь на душу простолюдина; для того, они собирали въ видѣ пѣсней или сказокъ оставшіеся памятники бѣдственныхъ эпохъ въ предшествовавшіе вѣка народной жизни. Въ Варшавѣ въ литературныя произведенія для народа включались и вновь состряпанныя картины прежняго народнаго благоденствія, онѣ всегда относились къ времени минувшему—независимой Польши (1).

Другую сторону дѣятельности коноводовъ при пропагандѣ представляютъ мѣры къ ослабленію правительствъ и усилія направлять правительственныя распоряженія на путь содѣйствія ихъ замысламъ, или по принятому у нихъ выраженію *правительства сдѣлать солидарными*, съ ихъ подземными планами и работою.

Литература и журналистика опять являлись первыми орудіями для отуманенія понятій. Краснорѣчивыя перья, съ лукавыми хитрыми софизмами, усиленно извращали общественное мнѣніе. Коноводы силились ловить въ свои сѣти, пріятно щекотя струну тщеславныхъ вліятельныхъ людей, ими провозглашаемыхъ друзьями человѣчества, свѣтилами современной эпохи, либеральными, передовыми людьми на пути прогресса народной жи-

---

(1) Любопытнымъ памятникомъ этихъ происковъ къ отуманенію народныхъ понятій можетъ служить выходившій въ 1862 году въ Варшавѣ, иллюстрированный народный журналъ „Кміотекъ.“ Конечно, если въ Польшѣ простолюдинъ вздохнулъ свободно отъ панскаго безграничнаго гнета и произвола, то только съ паденія Рѣчи Посполитой. Въ Кміотекѣ же видимъ исключительное вос-

зни; за то со всею яростью и желчью затаенной злобы они бросались на тѣ личности, которыя прозорливо понимали истинныя требованія, на неутомимыхъ стражей тѣхъ краеугольныхъ правительственныхъ элементовъ, которые составляютъ прочную основу народнаго благосостоянія.

Не на однихъ людей высокопоставленныхъ въ правительственныхъ сферахъ обрушивалась вся ненависть честолюбивыхъ своекорыстныхъ враговъ общественнаго порядка; всѣ личности вліятельныя въ мірѣ литературномъ, журнальномъ, научномъ, твердыя въ своихъ знаніяхъ и убѣжденіяхъ, которыя проводили понятія, противныя софизмамъ поборниковъ государственныхъ переворотовъ, обращались въ ихъ заклятыхъ враговъ. Ревнители анархіидеспотически навязывали общественному мнѣнію свои сужденія; нетерпимость въ полномъ смыслѣ слова обуяла людей, выдававшихъ себя ревнителями свободы человѣческихъ обществъ; наглая ложь, предательская интрига, ловкія, утонченныя, ухищренныя клеветы, глубоко обдуманно, дерзко выступали впередъ, дабы ввергнуть въ бездну сколько нибудь опасныхъ имъ противниковъ или застращать ихъ. Дѣятели польской справы указывали, что сила революціонной партіи такъ велика, что она всегда достигала того, что не завидна была судьба тѣхъ, которые слишкомъ ретиво выступали къ ея противодѣйствію; таково было одно изъ тѣхъ многосторонныхъ проявленій польскаго *террора*, который нравственнымъ и физическимъ застращиваніемъ долженъ удерживать энергію опасныхъ противниковъ польской справѣ. Не даромъ же въ польскихъ конспиративныхъ традиціяхъ, относительно Россіи, сохраняются, проявившіяся послѣдовательными событіями польскихъ мятежей, имена *Державина, Сперанскаго, Крассовскаго, князя Трубецкаго,* и множества другихъ менѣе извѣстныхъ. О Державинѣ былъ отзывъ (*) что онъ *„ослѣ-*

хваленіе временъ независимой Польши. Его назначеніе было извратить понятія сельскаго населенія о тягостныхъ временахъ бывалыхъ и парализировать въ новомъ поколѣніи населенія вліяніе разсказовъ стариковъ, что прусское, а потомъ русское правительство первое оградило законами сельское сословіе отъ панскаго ига и отъ панскаго своеволія. Кміотекъ недостигъ цѣли. При первыхъ возгласахъ, пущенныхъ въ народъ, что независимость Польши будетъ возстановлена, сельское населеніе говорило: «Бѣда, бѣда, прежнее время возвращается» (Зле, зле, давне часы се врацаіонъ).

(*) Къ сожалѣнію русскаго вельможи.

пленъ своею нелюбовью къ полякамъ и ясно не видитъ государственыя нужды;" *Сперанскаго* признали предателемъ отечества, *Крассовскаго—пьяницею*, *князя Трубецкаго*—извергомъ. На помощь интриги являлись еще другія темныя средства.

Стремясь послѣдовательно закрѣплять за собою пріобретенные успѣхи, они усиливались уловками сдѣлать правительства солидарными съ своими подземными работами. Правительственное распоряженіе, которое могло служить замысламъ, было встрѣчено хвалебными гимнами, дабы дальнейшее его развитіе направить въ свою пользу, насильственно польская интрига направляла общественное мнѣніе, дабы подъ самыми благовидными предлогами гуманности и прогресса, приводить правительства къ пригоднымъ для ихъ цѣлей новымъ распоряженіямъ.

Высокостоявшіе въ обществѣ польскіе магнаты были обязаны *для ойчизны*, не отказывать своимъ покровительствомъ, ходатайствомъ и содѣйствіемъ систематическому размѣщенію поляковъ въ государственной администраціи.

Попадая на вліятельныя мѣста, поляки умножали своими землями число служащихъ. Взаимною поддержкою, взаимнымъ прославленіемъ никакія маленькія способности не могли заглохнуть на служебномъ поприщѣ. Подобная дружная работа, конечно, въ правительственныхъ администраціяхъ давала особое значеніе польскому элементу, пока правительства не обратили вниманіе на это чужеядное, вредное сѣмя. (*)

Цѣль пропаганды была разъединеніе населенія и правительствъ. Цѣлые томы потребовало бы изложеніе громадной работы къ уничтоженію взаимной довѣренности народа къ высшимъ верховнымъ властямъ и къ ослабленію правительственнаго организма; при этомъ нельзя не упомянуть на усилія внести заразу въ войска и втисненіе революціонныхъ ученій въ военный элементъ, который, конечно, въ данную рѣшительную минуту, являлся для нихъ самымъ опаснымъ противникомъ.

Коноводы, желая вести работу систематически, обманывая себя при желаніи обманывать другихъ силою пропаганды, при послѣ-

(*) Замѣчательно, что поляки и во Франціи пришли къ предположенію, что правительство слѣдитъ за накопленіемъ поляковъ въ одномъ мѣстѣ службы, даже и за тѣми, которые, миновавъ всѣ французскимъ правительствомъ принятыя затрудненія, сдѣлались французскими подданными.

довательной своей работѣ, означали этапы выраженіемъ *факта совершившагося.* За факты совершившіеся принимались, дѣйствительныя или мнимо, достигнутыя для ихъ цѣли уступки правительствъ. Торопливо въ 1848 г. въ Познани и Галиціи коноводы записали *фактами совершившимися* данную свободу печати, освобожденіе политическихъ преступниковъ и разрѣшеніе народовой гвардіи; за факты совершившіеся ими принимались и такіе вымыслы, въ истинѣ которыхъ они успѣвали убѣдить общественное мнѣніе.

Польская пропаганда, дѣйствуя по всей Европѣ и стараясь вооружить общественное мнѣніе противъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, работала тѣмъ съ большею настойчивостью и озлобленіемъ противъ Россіи; она дѣйствовала тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ, что всѣ ухищренныя затѣи къ производству въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи поляками мятежей, послѣ 1831 года, разлетались въ дребезги, силою правительственной власти и страхомъ, имъ внушаемымъ крамолѣ; въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи волнуемая, наущаемая и подстрекаемая масса шляхетства на словахъ вызсказывала свое сочувствіе, а на дѣлѣ старалась устраниться отъ прямаго участія, могущаго компрометировать. Значеніе Россіи росло предъ лицемъ Европы, но тѣмъ съ большею злобою польская пропаганда трубила Европѣ о замыслахъ Россіи, и что въ Императорѣ Николаѣ олицетворяются и сосредоточиваются всѣ противудѣйствія свободному общественному развитію. Польская пропаганда стремилась увѣрить Европу, что Императоръ Николай опаснѣйшій для нея врагъ, готовый на нее кинуться съ милліономъ солдатъ и подавить въ ней всякія свободныя учрежденія, что онъ, порабощая всѣ правительства моральному своему вліянію, только думаетъ о порабощеніи Европы и преобладаніи надъ нею; явилось снова на сцену пресловутое завѣщаніе Петра Великаго. Домогаясь помощи запада, поляки выставляли себя ретивыми заступниками его интерессовъ и свободы отъ варварскаго нашествія съ востока; они брали на себя разъяснять правительствамъ запада объ опасностяхъ, имъ угрожающихъ, и себя выставляли единственными пригодными защищать Европу противъ Россіи. Не смотря на подобную грубую уловку, поляки столько наклеветали на Императора Николая, прозорливо понимавшаго всѣ тенденціи европейскихъ революціонеровъ, вообще, и поляковъ въ особенности, что они дѣйствительно достигли

вліянія на общественное мнѣніе Европы. Много времени потребуютъ безпристрастныя историческія разысканія, чтобы возстановить во всей истинѣ высокое значеніе Императора Николая въ европейскихъ событіяхъ временъ его царствованія.

Таковы были способы дѣйствія польской пропаганды. За пропагандою, по правиламъ мятежей, слѣдуютъ манифестаціи и демонстраціи—работы окончательнаго подготовленія къ разжиганію страстей и мятежа.

Первымъ для того средствомъ—пріобрѣтеніе пригоднаго книгопродавца, для болѣе удобнаго снабженія произведеніями подзадоривающей запрещенной литературы. Заговорщики запасались особыми издателями по этой части. *Франкъ* особенно снабжалъ Германію изданіями, пригодными для революціонныхъ возбужденій. По крайней мѣрѣ одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій въ рукахъ ревнителей, талантливо владѣющихъ перомъ, должно быть органомъ дѣлу заговорщиковъ; подобный журналъ, при чтеніи между строками и легально проводя, мимо законовъ о печати, ловко написанныя, пригодныя статьи, долженъ давать тонъ и направленіе современной литературѣ. Единовременно съ тѣмъ всякія, польской справѣ опасныя, литературныя произведенія, разоблачающія искушенія, обманы, ложь должны быть встрѣчены издѣваніями и глумленіями хоромъ всѣхъ ревнителей, для отуманенія общественнаго мнѣнія настойчивыми и неутомимыми ихъ нападками. Польская справа, деспотически не терпя чужихъ мнѣній, нахальными изворотами бичевала своихъ противниковъ; она, милліонами злотыхъ, собираемыхъ съ края, первенствуя между европейскими революціонерами, купивъ вліяніе на печать, пріобрѣла силу для литературной вѣтви своего террора; того, кого поляки не могли залучить въ *Панургово стадо*, того они объявляли *ретроградомъ* и обвиняли въ *обскурантизмѣ*—два слова, признанныя польскою справою особенно *для нея пригодными*. Даже, когда Адамъ *Мицкевичъ*, столь высоко превозносимый поляками, заколебался, то польская справа не замѣдлила огласить, что у него умъ помрачился, что онъ близкій кандидатъ въ пріютъ умалишенныхъ. Революціонная мѣстная литература, по мѣрѣ приближенія условленнаго времени, должна высказываться постепенно съ большею ясностію, и наконецъ появленіями подпольныхъ прокламацій народъ призывать къ сборищамъ; тогда изъ таинственныхъ убѣжищъ крамола уже выходила на улицы и на площади. Обязанность вожаковъ со-

стояла въ томъ, чтобы первыя сборища облечь въ самыя легальныя или благонамѣренныя формы; львовскія сборища въ 1848 году, послѣ недавнихъ событій 1846 года, были ведены съ необыкновеннымъ искусствомъ, опираясь на вѣнскія событія и извиваясь передъ *Гаммерштейномъ*, котораго поляки знали неколебимую энергію и предпріимчивость. Коноводы одержали полную побѣду надъ догадливостью графа *Стадіона* и разыграли блистательно свою увертюру на слабыхъ струнахъ графа, на струнахъ его отуманенныхъ понятій о гуманности, либерализмѣ и прогрессѣ. Надрессированные ревнителями, ученики учебныхъ заведеній, съ началомъ манифестацій, поступаютъ въ непосредственное распоряженіе вожаковъ. На нихъ, достаточно подготовленныхъ и офанатизированныхъ, возлагаются двоякія обязанности: сперва полицейскія, потомъ боевыя. Они составляютъ и первую ширму для вожаковъ. Воспитанники—*сыны ойчизны*, когда они трибунами ораторствуютъ на площадяхъ или защищаютъ баррикады, они *дѣти*, когда, при неудачѣ, попадутся предъ судъ закона, потому коноводами они признаны особенно пригодными орудіями.

Уличные безпорядки, послушные вождямъ, должны произвести оптическій фокусъ, если удачно веденными уличными демонстраціями коноводы добьются, что мѣстныя власти предоставятъ взволнованной толпѣ изъ своей среды выбрать успокоителей. Тогда населеніе должно, какъ бы подъ вліяніемъ магическаго жезла, временно успокоиться предъ новою властью, избранною изъ его среды, т. е. изъ среды заговорщиковъ, у которыхъ готовая программа для дальнѣйшихъ дѣйствій уже въ карманѣ; этимъ путемъ законная власть будетъ поставлена въ очевидную необходимость сдѣлать первую уступку; произведенный фокусъ парализируетъ употребленіе оружія, и крамола имѣетъ уже опору для доказательства беззаконности употребленія военной силы при дальнѣйшей неурядицѣ; такое застращеніе мѣстной правительственной власти считается первою положительною побѣдою и становится *фактомъ совершившимся*. Вся солидарная журналистика должна провозглашать о спокойной покорности и стремленіи къ порядку угнетенныхъ, но кроткихъ, поднятыхъ массъ народа. Въ городскую чернь, манифестаціями ободренную къ безнаказанному неуваженію законной власти, руковидимую наемными *биръ—бантами* (*) должно вселить увѣренность, что войска стрѣлять не дерзаютъ.

(*) Въ Варшавѣ каждая изъ большихъ манифестацій (1861 г.) обходилась *краснымъ*, по счетамъ, представленнымъ *Мѣрославско-*

Для перехода къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, коноводы признавали, что женщины необходимы. По правиламъ мятежной тактики, употребленіе женщинъ при демонстраціяхъ и баррикадахъ, есть стратагема, на подобіе Камбизовой, который противъ египтянъ гналъ кошекъ и собакъ передъ своими войсками. Вообще женщины занимали не послѣднее мѣсто въ соображеніяхъ революціонеровъ, и по показанію одного изъ подсудимыхъ, собственно для этой цѣли, въ Краковѣ былъ издаваемъ журналъ „*Невяста*“; впрочемъ это заглавіе должно было служить только для большаго подзадориванія его читательницъ; по комбинаціамъ польской справы наипригоднѣйшія женщины для революціонной дѣятельности во всѣхъ періодахъ мятежной работы суть *перезрѣлые дѣвы* (не млоде панны), *особенно способныя къ раздражительности*, причемъ красота скорѣе вредитъ дѣлу; менѣе пригожія стараются замѣнить отсутствіе красоты *пикантностью;* оттуда и выраженіе бывшаго литовскаго псевдодиктакора *Калиновскаго:* „слишкомъ миловидна, чтобы быть истою патріоткою.“

Вербовка вожаковъ-женщинъ преимущественно производится изъ слоя повивальныхъ бабокъ, гувернантокъ, компаньонокъ, проживалокъ, экономокъ и эмансипированныхъ изъ такъ называемаго полусвѣта. Для уличныхъ боевъ, въ рѣшительные моменты появленіе красавицы-аристократки можетъ произвести двойное магическое дѣйствіе. Конечно, вожаки могли разсчитывать, что они всегда найдутъ таковую изъ мѣстныхъ аристократическихъ патріотокъ, преисполненныхъ традиціями временъ Рѣчи Посполитой. Во время накалыванія національныхъ кокардъ дамами въ Краковѣ, въ 1846 году, Эдуардъ *Дембовскій*, ревностный сторонникъ коммунизма, про одну изъ этихъ (*) выразился: „Она вѣрно разсчитываетъ, что мы станемъ изъ ея башмачка (чревичка) пить венгерское.“

Впрочемъ событія послѣдняго мятежа далеко оставили за собою ту дѣятельность, которую революціонныя программы предназначили женщинамъ. Ихъ ретивость къ мятежу соразмѣрялась прямо ихъ преданностью къ костелу; вліяніе въ латинской сферѣ

му, около 20,000 злотыхъ; сколько было израсходовано конюхами и дворовыми панскихъ домовъ, неизвѣстно. Эти нанимали много солдатокъ прачекъ. *Мѣрославскій* полагаетъ для нанимаемыхъ изъ городской черни актеровъ, представителями народнаго неудовольствія, *по два злотыхъ и по одному стакану шнапса.*

(*) Графиню I, или S, въ рукописи буква не разборчива.

ксендзовъ на женщинъ всѣмъ извѣстно. Наконецъ должно освободить заключенныхъ; политическіе—ретивѣйшіе работники.

Сосредоточивая на покойномъ Государѣ всю ненависть и злобу, революціонеры съ прекращеніемъ восточной войны увидѣли свои замыслы нисколько не достигнутыми. Заря огромнѣйшихъ реформъ, озарившая воцареніе новаго Императора, не остановила ярыхъ провозглашеній.

Польская эмиграція ждала только первыхъ словъ Государя въ Варшавѣ, чтобы извративъ ихъ смыслъ, протрубить Европѣ, что новое царствованіе для запада будетъ продолженіемъ прежняго угнетенія, что посягательство на свободу европейскихъ обществъ есть уже, независящее отъ личности русскаго Государя, врожденное стремленіе русскаго правительства.

Слова Государя, сказанныя въ Варшавѣ $^{11}/_{23}$ Мая 1856 года сенаторамъ, предводителямъ дворянства и духовенству были именно тѣ слова примиренія, при которыхъ поляки, если были бы движимы истинными чувствами патріотизма, могли ясно видѣть будущее благоденствіе страны. Они могли русское правительство освободить отъ задней мысли того недовѣрія, что всякая благодѣтельная реформа должна быть относительно поляковъ предварительно строго обсуждена; довѣренность къ подданнымъ, оказываемая Верховною властью, не открываетъ ли она лазейку, которую неугомонный духъ польщизны найдетъ возможность обратить на погубу страны.

„Я пріѣхалъ къ вамъ, господа, сказалъ Государь, съ забвеніемъ прошедшаго, съ самыми лучшими намѣреніями для края. Вамъ предстоитъ помочь Мнѣ привести ихъ въ исполненіе, но прежде всего Я долженъ вамъ сказать, что наши взаимныя отношенія должны разъясниться. Я ношу васъ въ Моемъ сердцѣ, какъ и всѣхъ Моихъ русскихъ подданныхъ, но Я понимаю, чтобы порядокъ, установленный Моимъ отцемъ, былъ сохраненъ. И такъ, господа, прежде всего безъ мечтаній, безъ мечтаній. Кто не желаетъ разстаться съ ними, того я буду умѣть удержать, я съумѣю не допустить ихъ мечтаній далѣе сферы ихъ воображенія. Благоденствіе Польши зависитъ отъ ея полнаго слiянія съ народомъ Моей имперіи. Что мой отецъ сдѣлалъ, то сдѣлалъ онъ хорошо, и Я это удержу.“

„Въ послѣдней войнѣ, ваши дрались наравнѣ съ другими; вотъ князь *Горчаковъ*, онъ былъ очевидецъ и отдаетъ имъ справедливость, что они храбро дрались, защищая отечество. Финляндія и Польша Мнѣ дороги наравнѣ съ другими частями Моей

имперіи. Но вы должны знать для блага самихъ поляковъ, что Польша остается соединенною навсегда съ великою семьею русскихъ императоровъ. Повѣрьте, господа, что Я воодушевленъ наилучшими намѣреніями относительно поляковъ; облегчите Мнѣ Мой трудъ,; Я повторяю вамъ—безъ мечтаній, безъ мечтаній.“

„Что же до васъ касается, гг. сенаторы, то предоставьте руководить себя Моему намѣстнику, князю *Горчакову*, а вы, гг. епископы, не теряйте изъ виду, что основаніе всякой доброй нравственности это религія, и вашъ долгъ внушить полякамъ, что ихъ благоденствіе единственно зависитъ отъ ихъ совершеннаго слиянія съ Россіею.“

Рѣчь Государя передавалась изъ устъ въ уста. Черезъ четыре дня дворянство дало блистательный балъ, поляки съ надеждою и радостью протягивали руки русскимъ; на другой день, 15/27 мая, депутація дворянъ явилась благодарить Государя за посѣщеніе. Государь, поблагодаривъ ихъ съ своей стороны за радушный пріемъ и за блистательный балъ, между прочимъ, прибавилъ: „Я увѣренъ, что слова Мною сказанныя предводителямъ дворянства вамъ были переданы; живите въ дѣйствительномъ мірѣ, господа, соединитесь съ Россіею и оставьте ваши мечтанія о независимости, невозможной ни установиться, ни удержаться. Моя непремѣнная воля сдѣлать благо и содѣйствовать благоденствію края, Я хочу ему гарантировать все, что ему можетъ быть полезно; вы должны облегчить Мои труды. На васъ на однихъ падетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическія противудѣйствія.“

„Чтобы доказать вамъ, что я подумалъ объ васъ, то Я объявляю вамъ, что Я только что подписалъ актъ амнистіи. Всѣмъ желающимъ эмигрантамъ, Я разрѣшаю возвратиться въ Польшу. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставятъ совершенно къ покоѣ; ихъ гражданскія права, безъ всакихъ слѣдствій, будутъ имъ возвращены, Я исключилъ только старыхъ *неисправимыхъ* и тѣхъ, которые въ послѣднее время не переставали противъ насъ конспирировать и драться. Возвратившіеся, послѣ трехъ лѣтъ добраго поведенія и раскаянія, могутъ быть полезны краю, вступая въ государственную службу, но прежде, всего господа, дѣйствуйте такъ, чтобы предполагаемое добро было можно исполнить, и не оставьте Меня въ необходимости обуздывать и карать,

потому что, если по несчастью то потребовалось бы, у Меня на то есть и воля и сила."

„Поняли ли вы, господа, Мнѣ болѣе по сердцу награждать, чѣмъ наказывать; мнѣ пріятнѣе, какъ сегодня, хвалить, дать надежды и возвуждать благодарность, но знайте, господа, и будьте въ томъ убѣждены, что когда потребуется, Я съумѣю сдерживать и карать, и тогда увидятъ, что Я наказываю строго."

Повидимому казалось, что шляхетское общество было готово вступить на новую дорогу; но среди того же высокаго польскаго дворянства, заявлявшаго предъ лицемъ Государя свою полную готовность примиренія съ Россіею, были свои *неисправимые*, туземные затаенные представители польской эмиграціи вообще, и Ламберова отеля въ особенности. Пользуясь торжественными минутами въ общественныхъ событіяхъ, праздниками такъ сказать въ народной жизни, подъ шумокъ этихъ ликованій, они думали подвинуть впередъ конспиративную программу, а шляхетское общество слишкомъ легковѣрно, легкоувлекательно и слишкомъ пропитано конспиративною дѣятельностью, чтобы послѣ шестидесяти лѣтней работы, могло остановиться erpetuo mobile польскихъ заговоровъ, замедлившее на время скорость своего движенія.

Эмигранты демагоги въ дозволеніи возвратиться на родину видѣли только безопасное средство выслать въ край эмиссаровъ въ числѣ помилованныхъ; а изъ возвращенныхъ изъ ссылки явились старые дѣятели, которые тотчасъ завязали новые кружки заговорщиковъ. Такими путями, предательски злоупотребляя великодушнымь помилованіемъ Государя, *неисправимые* разомъ увеличили въ Польшѣ, въ западной Россіи, и въ великорусскихъ губерніяхъ число *столбовъ польской справы*, по отдѣлу *партіи красныхъ*. Они стали притягивать къ себѣ земляковъ, чрезъ мѣстныхъ агентовъ, вооруженные „*Колоколомъ*", повели пропаганду между русскими — вербовку въ Панургово стадо.

Затѣи красныхъ, предпринимаемыя безъ позволенія пановъ, кончались всегда только плачевными вспышками, *фарсами эмиграціи*, какъ ихъ назвали поляки; на этотъ разъ затѣи *красныхъ*, стали затѣями положительными, *бѣлые* со всѣми своими силами и средствами, съ новымъ рвеніемъ, взялись горячо за работу *великаго будованія* — возстановленія давней Польши.

Западная Россія въ теченіи пяти вѣковъ служитъ театромъ борьбы русскихъ элементовъ съ польщизною.

Поляки, принявъ латинство, стали невольными ренегатами славянскаго міра; къ юному славянскому дереву была привита съ христіанствомъ старая щепа западной интеллигенціи; неестественное соединеніе дало безобразные плоды — уродливую жизнь *Рѣчи Посполитой.*

Съ установившеюся вѣронетерпимостью костела, дѣятельность ксяндзевско-шляхетскихъ сословій излилась только *непрерывными конспираціями противъ славянскаго міра.*

Представительницею православнаго славянскаго міра стала Россія; олатиненная Польша увидѣла въ ней свою соперницу и пала изнеможенною въ неровной борьбѣ.

Подъ русскою властью, дѣятельность польско-ксендзовскихъ шляхетскихъ сословій излилась *семидесяти-лѣтними конспираціями и мятежами противъ Россіи.*

Въ теченіи тридцати лѣтъ польскіе эмигранты, *«цвѣтъ и представители націи, старшіе братья,«* руководили всѣми крамольными замыслами противъ всего славянскаго міра и противъ Россіи; *польская справа* продолжаетъ мятежами пятивѣковую борьбу. Ненависть, укорѣнившаяся въ теченіи вѣковъ, питаемая событіями, источникъ не легко угасаемаго очага крамолы. Онъ угаснетъ только утопленнымъ въ русской жизни, при полномъ ея преобладаніи въ западной Россіи. Безъ западной Россіи, сами поляки, столь способные увлекаться мечтами, не могутъ не признать возстаніе *конгрессовки* (*) одною гибельною мечтою.

Польщизна нашла средство, при малочисленной своей средѣ, продолжать борьбу съ могучею Россіею. Это средство состояло въ томъ, что поляки работали систематически, *тщательно разработывая польскій вопросъ;* при всѣхъ разукрашеніяхъ, поляки старательно сохраняютъ традиціи о всѣхъ, по дѣлу польской справы, *фактахъ совершившихся,* о всѣхъ для нихъ подготовленныхъ, дѣйствовавшихъ, подземныхъ пружинахъ; они, какъ на данныя, опираются на эти факты совершившіеся, и проводятъ замыслы, не щадя никакихъ усилій и средствъ, чтобы вѣдать обо всемъ, что думается въ правительственныхъ сферахъ Россіи, Австріи и Пруссіи.

Подробно изучая противника и слѣдя за всѣми его дѣйствіями, поляки съ такою же заботливостью постоянно силились *въ*

(*) Царство Польское, образованное по вѣнскому конгрессу.

тьмъ и мглъ держать польскія дѣла; проницающіе ихъ были и опаснѣйшими для нихъ противниками.

Послѣдній мятежъ 1863 года привелъ окончательно польскія дѣла къ всестороннему польскому вопросу, размѣтавъ окончательно источникъ тумана, напускаемаго на нихъ поляками — упорно ими проводимое и защищаемое понятіе, что *западная Россія есть край польскій;* все это притязаніе въ сущности приводится къ тому, что живущему въ немъ шляхетству угодно, вопреки своихъ же семейныхъ генеалогій, себя признавать поляками.

Полскія дѣла послѣдовательно обратились въ польскій вопросъ, а вопросъ потребовалъ рѣшенія.

Знаменательнѣйшими сторонами вопроса стали: а) костелъ, б) положеніе крестьянъ, 3) землевладѣніе и 4) различіе между правами дворянства русскаго и польскаго, при діаметрально противуположныхъ ихъ стремленіяхъ, русское дворянство искало быть прочною опорою верховной власти и силы русскихъ элементовъ народной жизни, польское же искало низвергнуть верховную власть и взаимною опорою съ костеломъ искало разрушить русскія силы.

Въ царствованіе Николая Павловича вопросъ костела созрѣлъ до уничтоженія уніи. Уродливое произведеніе іезуитской пропаганды, безобразный хаосъ по всему краю различной смѣси догматовъ, уставовъ и обрядовъ, омутъ, въ которомъ поляки-ксендзы съ поляками греко-унитскими монахами базильянами, презирая благочестіе вѣры, имѣли въ виду одни политико-конспиративные свои замыслы — Унія въ 1839 году наконецъ утонула въ русскомъ морѣ. Вліяніе избавленія русской земли отъ этого искуственно, незаконно рожденнаго дитяти польщизны, неисчислимо парализировало въ 1863 году громадные польскіе замыслы.

Разрѣшеніе трехъ прочихъ сторонъ польскаго вопроса предстояло ТОМУ, кто, призвавъ къ новой жизни всѣ сословія всего русскаго народа, ведетъ ихъ твердо впередъ къ развитію на нашихъ народныхъ, предками намъ завѣщанныхъ, началахъ.

Предъ послѣднимъ мятежемъ положеніе о крестьянахъ стало на очереди. Семьдесятъ лѣтъ имъ занималось шляхетство; паны жаждали власти, ими утраченной паденіемъ Польши. Совѣщанія *пановъ* проходили въ борьбѣ между желаніями притянуть крестьянина къ польской справѣ панскимъ великодушіемъ и своими хозяйственными разсчетами; а *красные*, стремясь къ тойже власти, разсчитывали принципами коммунизма парализировать своихъ сопер-

никовъ, и находя единственныя къ тому средства въ поддержкѣ простолюдиновъ къ обузданію пановъ, они тѣмъ щедрѣе были въ своихъ проектахъ, чѣмъ большими обѣщаніями болѣе надѣялись увлечь простолюдиновъ. Всѣ фазисы послѣдняго мятежа въ сѣверо-западной Россіи наглядно указываютъ эту шляхетскую подземную борьбу, а подробныя показанія подсудимыхъ указываютъ, что съ тою же яростію она велась и въ далекой эмиграціи. Прежній шляхетскій возгласъ *„непозвалямъ“* сохранилъ полную свою силу. Въ рукахъ польскихъ ксендзовъ религія была только орудіемъ для вящаго могущества костела, такъ и *любовь къ ойчизнѣ*, въ рукахъ столбовъ польской справы, была только орудіемъ для пріобрѣтенія власти; всякій думалъ о настоящемъ, никто о будущемъ, никто о дальнѣйшихъ судьбахъ народа.

Простолюдинамъ предстояло оставаться *быдломъ,* въ видѣ фермеровъ и батраковъ, отданныхъ подъ начало пановъ, по проэктамъ *бѣлыхъ, быдломъ*, управляемымъ на первый случай, по проэктамъ *красныхъ*, какъ баталіонъ, какъ военныя поселенія, заведенныя графомъ *Аракчеевымъ*, противъ котораго такъ ожесточаются *издатели Колокола.*

Заявленный Государемъ вопросъ о положеніи крестьянъ, вмѣстѣ съ надѣломъ ихъ землею, переполошилъ всѣхъ патріотовъ, эмигрантовъ и туземцевъ; бѣлые, красные, аристократы, дипломаты, демократы, консерваторы, демагоги, соціалисты, коммунисты клерикалы, ультрамонтанцы, товянисты, мессіанисты, всѣ въ одинъ голосъ провозгласили *„непозвалямъ!“*

Питательная надежда была необходима для вящаго ободренія къ дѣйствіямъ. Эта надежда явилась въ пущенныхъ французскою журналистикою, предъ италіанскою войною (1859 г.), трактатахъ о *націоналъностяхъ*. Вопросъ о національностяхъ, принаряженный въ новомодный костюмъ, электрическою искрою обѣжалъ шляхетство; воскресли пышныя надежды. Въ туземномъ шляхетствѣ явилось убѣжденіе, что французскіе орлы, однажды направленные въ Италію, возвратятся только во Францію, совершивъ донкишотскій походъ по Европѣ, и освободивъ всѣ народы, признанные польскою эмиграціею за угнетенныхъ; такъ гласили конфиденціяльныя вѣсти отъ эмигрантовъ. Страшное броженіе овладѣло умами, много польской молодежи устремилось въ Италію, на службу Гарибальди, для вступленія въ польскіе легіоны, провосглашенные *Мѣрославскимъ*. Миръ въ Вилла-Франкѣ не остановилъ броженія;

новыя надежды смѣнили прежнія. Всѣ элементы къ новому польскому мятежу были пущены въ ходъ; perpetuo mobile польскихъ заговоровъ принялось за усиленную, торопливую, лихорадочную работу.

Опираясь на собственныя силы, perpetuo mobile польскихъ конспирацій ознаменовало свое начало въ 1794 году избіеніемъ русскихъ воиновъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, призванныхъ одною изъ магнатскихъ партій. Паны бѣлорусскихъ губерній, возвращенныхъ къ Россіи по предшествовавшему раздѣлу, обманувъ русское правительство, усилили польскія средства горячимъ содѣйствіемъ. За этимъ предательствомъ послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши. Опираясь на русское правительство, путемъ польской интриги, князь *Чарторыйскій*, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, думалъ возстановить всецѣлую Польшу, предварительнымъ подготовленіемъ, соединивъ снова, помощью русскаго могущества, всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой въ одно отдѣльное государство, котораго королемъ былъ бы императоръ Александръ Павловичъ.

Государь уклонился отъ предательски-дипломатическихъ соображеній *Князя Адама*.

Опираясь на Францію, это perpetuo mobile встрѣтило въ Польшѣ, въ 1806 году, войска Наполеона I-го, какъ избавителей, а въ сѣверо-западной Россіи паны, готовя продовольствіе для ожидаемыхъ ихъ воскресителей, заперли свои закормы, и русскія войска голодали въ Пруссіи, потому что пòтомъ русскихъ людей добытыя зерна хранились для французовъ въ шляхетскихъ амбарахъ.

Предъ нашествіемъ 1812 года, поляки призывали Наполеона, обѣщали, что на берегахъ Вислы и Нѣмана онъ найдетъ новую Францію; что надежнѣйшихъ союзниковъ, нежели нѣмцевъ, онъ найдетъ между Вислою и Днѣпромъ, что Днѣпръ замѣнитъ Рейнъ, и даже противъ Нѣмана сократитъ на половину разстояніе до Москвы. Русскихъ людей западной Россіи ксендзовско-шляхетское perpetuo mobile гнало въ армію Наполеона." Развѣ Польша не первая, писалъ въ 1861 году князь *Чарторыйскій* императору Французовъ, которая открывала дорогу въ Москву арміи Наполеона I-го, развѣ не та же Польша, при отступленіи прикрывала покрытые славою остатки французскихъ войскъ."

„Поведеніе польскихъ полковъ въ Россіи, писалъ императоръ Александръ Павловичъ тому же князю *Чарторыйскому* (въ 1813 году), ихъ грабежи въ Смоленскѣ и Москвѣ и раззореніе ими страны воскресили давнюю ненависть.“

Александръ Павловичъ полюбилъ имъ созданное дитя—Царство Польское. Щедрыя русскія пособія лились въ край чтобы приготовить этотъ образчикъ для устройства Россіи; въ конецъ разоренная Польша быстро воспрянула, поддерживаемая русскими средствами, и соперничала благоденствіемъ и благоустройствомъ съ Германіею. Александръ Павловичъ далъ ей собственную армію.

Опираясь на эту армію, поляки подняли знамя мятежа въ 1830 году. Русскія войска его подавили въ Царствѣ Польскомъ и Западной Россіи.

Не добившись помощи отъ правительствъ, польская справа заключила союзъ съ европейскими революціонерами; журналистикою начались провозглашенія *симпатіи* поляковъ къ народамъ западной Европы и обратно. Опираясь на европейскихъ революціонеровъ, поляки взяли на себя иниціативу общей европейской революціи. Верховный ареопагъ довѣрилъ дѣло вожакамъ польской эмиграціи, руководившимъ тысячами польскихъ выходцевъ, готовыхъ идти въ кондотьеры, опытныхъ въ дѣлѣ мятежей и усовершенствовавшихъ себя свѣдѣніями баррикадной тактики, пріобрѣтенными въ уличныхъ бояхъ во Франціи. При неудачахъ мятежа 1846 г., общая европейская революція была въ 1848 г. поведена съ другаго конца Европы и кончилась столь же неуспѣшно для польской справы. Прямымъ слѣдствіемъ было общее разочарованіе въ *международныхъ симпатіяхъ* и новыя доказательства несостоятельности польскихъ затѣй и польской *фанаберіи.*

Опираясь на вооруженія западной Европы противъ Россіи, Поляки хотѣли примазаться къ союзу и—въ лѣтописяхъ восточной войны вписали только рядъ новыхъ польскихъ скандаловъ.

Польской справѣ, послѣ всѣхъ своихъ неудачныхъ попытокъ, *при разностороннихъ опорахъ,* осталось еще искать одну опору и поиграть въ *симпатіи* съ русскими.

Послѣ 25 лѣтней опытности, польская эмиграція оставалась въ прежнемъ убѣжденіи, что наипригоднѣйшее къ тому средство—литература. Подобно тому, какъ нѣкогда князь *Чарторыйскій* для

польской справы избралъ орудіемъ барона *Розенкампфа*, такъ для новаго фазиса, онъ нашелъ пригоднымъ Г. *Шедо-Ферроти*.

Централизація, другая вѣтвь представителей польской справы, для этой же цѣли избрала *Герцена*, съ его компаніею русскихъ ренегатовъ.

При сводѣ всѣхъ затѣй, строго систематически вырабатываемой и проводимой польской справы, ясно обозначается вся дѣятельность *Шедо-Ферроти* и *Герцена*, на условный языкъ (argot) польскихъ заговорщиковъ, переведеннаго русскимъ именемъ *Сердечкина*.

Между этими работниками двухъ враждующихъ лагерей не могъ не возникнуть свой антагонизмъ. *Шедо-Ферроти* долженъ былъ проводить польскую справу по теоріямъ Ламберова отеля: *легальными доводами*, дѣйствовать на правительственныя сферы, проводить въ нихъ *симпатію* къ полякамъ; по примѣрамъ временъ Александра Павловича до крайней возможности во тьмѣ и во мглѣ удерживать польскія дѣла, и дипломатическимъ изворотомъ доставить свободный доступъ своимъ твореніямъ, подъ покровомъ *благонамѣренной* ихъ цѣли, какъ ратующихъ за прогрессъ, цивилизацію и, по теоріямъ Ч*арторыйскаго*, *за преуспѣяніе* русской имперіи. *Герценъ* съ компаніею долженъ былъ дѣйствовать на русское общество, проводя въ него принципы польской централизаціи, и тоже *симпатію* къ полякамъ. Въ легальной внѣшности *Колоколъ* не нуждался; затаенными путями, которыми шли въ Россію произведенія демагогической литературы, тѣми же путями пошли и изданія русской лондонской типографіи; случалось даже, что подъ двойнымъ дномъ однихъ и тѣхъ же ящиковъ, съ разными учебными аппаратами и приборами, „ржѣчи листопадовы“ *Мѣрославскаго* укладывались съ экземплярами „голосовъ изъ Россіи“ и нумеровъ „Колокола.“

Вражда между поляками *бѣлыми* и между поляками *красными* отразилась и на непріязненныя литературныя отношенія между *Шедо-Ферроти* и *Герценомъ*, но на чемъ сходились Ламберовъ отель и централизація, на томъ сходились и оба работника польской справы. Какъ дѣятели польской справы бывшихъ областей, Рѣчи посполитой, создали искуственную Польшу, такъ и *Шедо-Ферроти* съ *Герценовскою компаніею* хотѣли искуственно пересоздать Россію. Къ великому прискорбію поляковъ, въ отличіе отъ погибшей внутренними раздорами Рѣчи Посполитой, вся Россія отъ царя до простолюдина образуетъ одно сплошное,

неразрывное цѣлое, потому, по революціонной теоріи польской справы, *подлинную Россію* должно было замѣнить *искуственно созданною Россіею; Шедо-Ферроти* и *Герценъ* взялись за это дѣло. По польскимъ проектамъ, въ искуственно пересоздаваемой Россіи надлежало между правительствомъ и народомъ произвести разрывъ. По комбинаціямъ Ламберова отеля, *Шедо-Ферроти* взялъ на себя оторвать правительство отъ народа, а *Герценъ* съ компаніею, по комбинаціямъ *централизаціи,* взялъ на себя оторвать народъ отъ правительства.

Польская справа должна была обойти Россію, какъ нѣкогда Германію, увѣреніями во взаимной *симпатіи* Россіи къ Польшѣ. *Герценъ* взялся навязать эту *симпатію* Россіи, а *Шедо-Ферроти,* принимая эту затѣю своего собрата за *фактъ совершившійся;* уже прямо вкладываетъ въ уста русскаго простолюдина, не тѣ прилагательныя, которыми русскій человѣкъ сопровождаетъ имя поляка, а очень любезныя слова: „нашъ братъ полякъ". Любопытно бы было знать, гдѣ, какъ не на страницахъ *Колокола, Шедо-Ферроти* встрѣтилъ подобное изрѣченіе.

Не знаемъ, какими путями *Шедо-Ферроти* сталъ почтительнымъ поклонникомъ хозяевъ Ламберова отеля; но *Герценъ,* переведя своихъ русскихъ крестьянъ на капиталы заграничныхъ капиталистовъ, проживалъ совершеннымъ джентельменомъ въ Лондонѣ и былъ предметомъ самыхъ усердныхъ ухаживаній *централизаціи.* При пламенныхъ мечтахъ и неудававшихся прежнихъ надеждахъ произвести мятежи въ Россіи, *централыщики* могли ли не сопричислить къ числу геніевъ, великихъ дѣятелей гуманности и прогресса XIX вѣка, *Герцена и его спутниковъ,* и не доставить ему кресло среди ареопага молодой Европы, въ которомъ засѣдали *Мадзини, Мѣрославскій, Лелевель, Кошутъ* и проч.

Герценъ не выступалъ лично на поприще баррикадъ, потому, въ этомъ случаѣ, онъ отличается отъ *Мѣрославскаго,* но въ другихъ отношеніяхъ нельзя не признать, что оба они, вырабатывая себя на одинаковыхъ началахъ, достигли тѣмъ и рѣдкаго сходства. *Мѣрославскій* своими рѣчами листопадовыми сталъ представителемъ *молодой Польши;* завидуя его славѣ, *Герценъ* со знаменемъ *Колокола,* явился представителемъ-самозванцемъ *молодой Россіи.* Вопреки давняго заявленія поляковъ, что дорога 1848 г. отъ Мирославля до Вржесня не путь отъ Мекки въ Медину, *Мѣрославскій* во время послѣдняго мятежа, съ званіемъ *диктатора* и съ готовою ролью

новаго Магомета, поглядѣлъ на границу Царства Польскаго, тогда и *Герценъ*, при помощи поляковъ, подготовлялъ для себя дорогу, пройденную *Гришкою Отрепьевымъ;* если для черной работы *Мѣрославскій* имѣлъ своего *Куржину,* то, въ такой-же точно должности для особыхъ порученій, при *Герценѣ* состоялъ *Бакунинъ; Мѣрославскій* и *Герценъ* одинаково черпали свою государственную и законодательную премудрость изъ одного и тогоже источника, *принциповъ, вырабатываемыхъ польскою централизаціею* и обнародуемыхъ польскими демократическими журналами. *Рѣчи листопадовы Мѣрославскаго* писались съ тѣмъ же разсчетомъ, одуряющаго дѣйствія на молодежъ, какъ и передовыя статьи Колокола. Литературныя произведенія *Мѣрославскаго* и *Герцена* представляютъ одинаково гоньбу за эфектами, кудрявыми картинами, озадачивающими переходами и сравненіями, пересыпкою *великихъ идей* коммунизма и соціальной неурядицы съ балагурствомъ и весьма забавными остротами и сплетнями. Оба они русскихъ травятъ нѣмцами; оба они съ злобною яростью поносятъ Россію; но *Мѣрославскій* разитъ современную, а *Герценъ* съ своею компаніею топчетъ въ грязь и все наше прошедшее. Герценисты должны были уразумѣть, что въ теченіи тысячи лѣтъ у насъ *„все позади отвратительно гадко“* (*) и имъ остается только ожидать спасительной перестройки нашего отечества отъ самозванца-пророка. *Мѣрославскій* и *Герценъ*, оба одинаково нахально облекаютъ свои мнѣнія въ форму декретовъ, хвастливо превозносятъ силу своего значенія и пускаютъ пыль въ глаза обширностью своихъ связей. Провозглашая на столбцахъ *своихъ* журналовъ величіе именъ: *Гарибальди, Мадзини, Кошута,* вмѣстѣ съ тѣмъ *Мѣрославскій* и *Герценъ* выставляютъ на глаза своимъ ослѣпляемымъ читателямъ, съ какими *всемірными и всевѣковыми знаменитостями они въ дружбѣ;* они обнародываютъ разныя записки къ нимъ отъ *Гарибальди. Гарибальди,* сдѣлавшись моднымъ типомъ въ Европѣ, дѣйствительно обратился въ *парадера,* на которомъ особенно любили выѣзжать *Герценъ* и *Мѣрославскій;* если *Гарибальди,* послѣ всѣхъ доблестей польскаго диктатора въ Сициліи, не прервалъ съ нимъ сношеній, то развѣ, по выраженію одного изъ подсудимыхъ, что *„Гарибальди* будетъ любезничать съ абиссинскимъ императоромъ, если онъ ему дастъ обѣщаніе выставить баталіонъ на помощь соединенія всей Италіи“.

(*) Колоколъ №№ 122 и 123 (1862 г. 15 февраля).

Герценъ считаетъ нужнымъ повѣстить, что онъ спѣшилъ пожать руку *Оуэну* предъ его кончиною. Такими фиглярствами, пресловутые представители молодой Польши и молодой Россiи старались притянуть къ себѣ молодое поколѣнiе. Оба они хотѣли увлечь могуществомъ своихъ сношенiй съ Россiею, доказать къ нимъ питаемое сочувствiе, озадачить общество, выставляя на видъ имъ доставляемыя свѣдѣнiя; а дѣло было очень просто.

Централизацiя, помощью своихъ *секцiй*, раскинула по всей Европѣ свою тайную полицiю, и *Мѣрославскiй*, одинъ изъ членовъ того кружка, изъ котораго избирались *централъщики*, конечно, не встрѣчалъ недостатка въ корреспондентахъ; даже самого князя Марцелiя *Любомирскаго* онъ напугалъ громадностью и тонкостью шпiонства, устроеннаго централизацiею. *Герценъ*, человѣкъ близкiй со столбами эмиграцiи *Ворцелемъ*, *Мѣрославскимъ*, *Жебровскимъ*, *Зеновичемъ*, *Высоцкимъ*, *Эльзановскимъ* и др., конечно, при польскомъ къ нему доброхотствѣ, кромѣ своихъ собственныхъ, имѣлъ къ своимъ услугамъ и всѣхъ польскихъ ревнителей въ Россiи. Изъ дѣлъ по послѣднему мятежу видно, что не только *красные* служили корреспондентами „Колоколу", но къ нему и *бѣлые*, туземные верховные представители Ламберова отеля, обращались, какъ къ ревностному сотруднику польской справы.

Въ началѣ мятежа, *солдаты*, увидѣвъ коварнѣйшую *измѣну* и западню, вымѣстили свое озлобленiе надъ предателемъ *Снѣжко*; поэтому случаю, панами на польскiй ладъ составленный актъ для графа Виктора *Старжинскаго* немедленно появился въ *Колоколѣ*, подъ циническимъ заглавiемъ: *„Молодецкое поведенiе солдатъ."* Русскiй шрифтъ, правда отлитый за моремъ, обвинялъ въ жестокости солдатъ, мстившихъ въ пылу преслѣдованiя за русскую кровь предательски убитыхъ товарищей.

Въ общей работѣ издателей *Колокола* съ издателями *„Пршегленда ржѣчи польской"*, черновыя статьи перелетали изъ Лондона въ Парижъ и обратно; послѣ всякаго рода прилаживанiй, онѣ являлись передъ публикою въ излiянiяхъ *высокаго взаимнаго восхваленiя, взаимныхъ симпатiй* и въ общихъ подготовленiяхъ козней и замысловъ.

Казалось бы, что *Герценъ* избралъ время, не пригодное для изданiя Колокола; Государь озарилъ начало своего царствованiя тѣми громадными преобразованiями, которыя призывали русскихъ людей къ обширнымъ и много-труднымъ работамъ; но *Герцену*,

нельзя было откладывать—польская эмиграція рѣшила необходимость мятежа; въ 1857 году, съ устрашившимъ все шляхетство *крестьянскимъ вопросомъ*, и съ кружками заговорщиковъ, завязанныхъ поляками, возвращенными изъ эмиграціи и изъ ссылки, появился и *Колоколъ*. *Герценъ* заявилъ, что изданіе журнала возможно, если онъ будетъ окупаться. Груды нумеровъ *Колокола*, въ числѣ захваченныхъ бумагъ по мятежу въ сѣверозападной Россіи, свидѣтельствуютъ, что поляки, какъ прежде въ Германіи, не щадили денегъ, чтобы поддержать изданіе, столь пригодное для польской справы; поляки усердно его распространяли между русскими; воспитанники поляки обратились въ поставщиковъ и *Колоколомъ* снабжили своихъ, ими искушаемыхъ русскихъ товарищей, сперва по дорогой цѣнѣ, а потомъ даромъ, разсовывая имъ въ карманы. Подъ вліяніемъ *филяровъ великаго будованія*, въ великорусскихъ губерніяхъ, даже одураченные русскіе воспитатели, на воспитательныхъ совѣщаніяхъ учебныхъ заведеній, предлагали свои услуги для доставленія желающимъ *Колокола*, органа для возвеличенія Польши и униженія Россіи. Къ такимъ тупоумнымъ выходкамъ приводили русскихъ людей польскій туманъ и полонофильскій чадъ, нагоняемый *Герценомъ* на Россію.

Герценъ не даромъ бесѣдовалъ съ лондонскими гостями, переселившимися туда *централъщиками*; много лѣтъ эмиграція трудилась надъ изобрѣтеніемъ и обработкою разныхъ стратагемъ, и, при опытныхъ совѣтникахъ, издатели Колокола искустно, систематически, старательными учениками повели свое дѣло. Въ искусствѣ одураченія своихъ читателей, они не отставали отъ своихъ учителей— польскихъ эмигрантовъ—пока, въ свою очередь, не были сами ими одурачены (*).

(*) По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, нельзя не удивляться всей, вѣками выработанной находчивой польской изворотливости. Графъ Адамъ *Гуровскій*, польскій аристократъ, удержалъ туземцевъ землевладѣльцевъ въ лагерѣ Ламберова отеля, вогнавъ въ крайнюю нелѣпость ученья демократовъ, а въ тоже время, посыпая соль на открытыя язвы, какъ выразились поляки, онъ печатно восхвалялъ Россію, выставлялъ ничтожность Польши, могущество русскихъ, невозможность борьбы, но необходимость подчиниться судьбѣ; рядомъ съ нимъ единовременно, отъ *Журнала* 3-го Мая, даже до *Лелевеля*, почти всѣ эмигранты заявляли необходимость короля для возстановленія ойчизны; партія *Чарторыйскаго* быстро стала усиливаться— новыя идеи за-

Правительство, быстро приступивъ къ громадному дѣлу, дало работамъ по крестьянскому вопросу основныя начала; тогда *Герценъ* торопливо, въ началѣ своего изданія, заявилъ себя „проводникомъ освобожденія печати отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ.“ Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть *передовымъ*. Нынѣ послѣдствія и слѣдствія выяснили дѣло, конецъ связали съ началомъ, опредѣлили рядомъ идущія, согласныя работы польской эмиграціи и русскихъ ренегатовъ; нынѣ подземная работа выведена на свѣтъ дневной и эти слова *Колокола* можно сократить, сказавъ проще и вѣрнѣе: Колоколъ силился быть *проводникомъ мятежа въ Россіи, единовременно съ шляхетско-ксендзовскимъ*. Русскіе конечно бы изумились въ 1862 году, узнавъ что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русскаго благоденствія, *Герценъ* съ компаніею, были работники польской справы, передовые въ Панурговомъ стадѣ (*). Своеобразные поборники крестьянскаго освобожденія, ослѣпленные тщеславіемъ и злобою, съ полнымъ своимъ усердіемъ и удовольствіемъ, работали именно на тѣхъ, которые готовили новую кабалу крестьянамъ, въ новыхъ легальныхъ формахъ. Можно ли не признать за Герценовскою компаніею, по всей

ставили помириться съ тѣмъ, кого демократы избрали въ козла-искупителя невзгодъ 1831 года. Изъ тысячей образцевъ, возьмемъ другой, изъ совершенно другой сферы польской дѣятельности. Начальникъ полиціи въ Пруссіи получилъ экземпляръ революціонной прокламаціи, изъ Лондона разосланной ко всѣмъ ревнителямъ польской справы. Онъ приказалъ немедленно ее перепечатать для сообщенія чиновникамъ полиціи, дабы они приняли свои мѣры. Тайная польская полиція, тотчасъ сообщивъ о томъ кому слѣдуетъ, получила и наставленіе; поляки-наборщики типографіи, отпечатали ее на бумагѣ и буквами, подобными лондонской. Филяръ великаго будованія, депутатъ изъ Познани, Неголевскій, среди прусской палаты обвинилъ полицію, что она стряпаетъ прокламаціи для возбужденія къ безпорядкамъ поляковъ, мирно проживающихъ въ Пруссіи.

(*) Пишущій эти строки, не можетъ не привести отзывъ петербургскаго извощика, въ 1861 году. „Что это, братъ, студенты по улицамъ разгуливаютъ?“ спросилъ я, желая знать, какъ простолюдины смотрятъ на студентскія домонстраціи. „Поляки бунтуютъ“, получилъ я въ отвѣтъ. Сознаюсь, что тогда и много времени спустя, я былъ въ тысячѣ верстахъ разстоянія отъ подобнаго предположенія и отнесъ отвѣтъ къ вкоренившемуся понятію въ русскомъ народѣ.

справедливости, титула шемякинскихъ сановниковъ? но они имѣли наставниковъ, руководимыхъ многолѣтнею опытностью; во имя поборниковъ свободы, поляки дрались подъ знаменами Наполеона I-го, чтобъ подчинить ему испанцевъ и нѣмцевъ, дрались за мадьяровъ, чтобы подчинить имъ славянъ. Россія, на новомъ пути, тщательно искала всюду свѣдѣній; *Герценъ*, облекшись въ плащъ неизмѣннаго русскаго патріота, сталъ вмѣшиваться въ вопросы, жизненные для Россіи; *Колоколъ*, искушая, какъ запрещенный плодъ, находилъ читателей и пріобрѣлъ почитателей, особенно между молодежью; недаромъ же онъ постоянно обращался къ *друзьямъ-юношамъ*. Ободренный первымъ успѣхомъ, чувствуя почву подъ собою, *Герценъ* сначала слегка коснулся *симпатій* къ полякамъ, а для большаго успѣха этой новой не весьма популярной въ русскомъ обществѣ идеи, онъ самъ провозгласилъ, что *развитый человѣкъ не можетъ быть патріотомъ*. Для вновь образующихся *Герценистовъ* подобная исповѣдь ихъ пророка была достаточна, и всею Россіею повторяемая строфа:

Не вѣрю чести игрока
Любви къ Россіи поляка,

начала терять свое остерегающее значеніе. Затѣмъ воззванія къ польскимъ симпатіямъ пошли crescendo и дошли до совершенной фуги.

Герценъ и его компанія, подъ нравственною зависимостью поляковъ, игравшихъ на струнахъ ихъ тщеславія, признавая себя пересоздателями Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и были обязаны проводить польскія *симпатіи* и, для подготовленія къ замышляемымъ мятежамъ, проводили польскія ученья о народномъ устройствѣ, что впрочемъ устраивало и самихъ этихъ *государственныхъ людей - кривосудовъ*.— Колоколъ варьировалъ постоянно на тему пресловутыхъ прокламацій членовъ краковскаго народоваго комитета 1846 г., признанныхъ „шалунами (polissons) изъ шайки общественнаго безпорядка.“ *Централизація* доставляла редакціи Колокола готовыя теоріи, оставалось ихъ прилаживать къ русской жизни, не заботясь о дѣйствительномъ призваніи, назначеніи, бытѣ и развитіи благосостоянія русскаго народа. *Герценовской* компаніи было не до коренныхъ предпринятыхъ великихъ преобразованій, для разработки и привитія которыхъ страна нуждалась въ полномъ внутреннемъ покоѣ; ей нужно было для *своихъ друзей*

поляковъ, по полюбовной сдѣлкѣ, къ данному времени поставить мятежъ въ Россіи, и послѣдовательные нумера *Колокола* свидѣтельствуютъ, что *Герценъ* надривался для того, чтобы къ русской землѣ можно было примѣнить слова *Мохнацкаго*: „Да если бы русское правительство и наисвятѣйшимъ образомъ сохраняло бы конституцію, мятежъ Польши 1831 г. былъ неизбѣженъ.“ — Среди любезностей къ полякамъ, *Колоколъ* сталъ самымъ угодливымъ ихъ прислужникомъ; ни наши народныя вѣрованія, ни наши преданія, ни русское могущество, купленное вѣками, кровью русскаго народа, ни единство націи, дающее силу и независимость государству, ничто не останавливало этихъ ренегатовъ. Русскіе люди, по декретамъ Колокола, должны были все принести въ жертву польской справѣ, и пока, на раздробленіи нашего отечества, поляки приводили бы въ исполненіе свои завѣтныя, вѣковыя мечты, отодвигали бы Россію къ Волгѣ, и вновь созданною Польшею начертывали бы восточныя границы Европы, русскіе люди должны были бы утѣшаться перестройкою своей общественной жизни на принципахъ польской *централизаціи*. Въ декретѣ *Колокола* отъ 15 Февраля 1862 года встрѣчаемъ курьезныя для XIX вѣка сужденія этихъ почтенныхъ поклонниковъ неурядицы погибшей Рѣчи Посполитой, поклонниковъ теорій польской централизаціи, поклонниковъ великихъ, еще живыхъ дѣятелей, выказавшихъ всѣ государственныя способности поляковъ въ похожденіяхъ ихъ *„старшихъ братьевъ,“ цвѣта польскаго* народа, поклонниковъ эмиграціи, — гнѣздилище интригъ, озлобленной борьбы безчисленныхъ партій, подкуповъ, происковъ для добытія власти и для набитія своихъ кармановъ. Таковы были залоги для благоденствія славянскаго міра, которые воодушевляли Герценовскую компанію.

Для назиданія своихъ читателей, *Колоколъ* объявлялъ; „Большинство русскаго дворянства не понимаетъ этого (т. е. *„уничтоженіе дворянства, даже до дворянскаго имени“)*, пойметъ, когда блеснетъ топоръ.... Дворянство будетъ раззорено, Богъ съ нимъ, оно будетъ счастливо, если поплатится однимъ раззореніемъ.... Мы должны подать руку всѣмъ славянамъ, но прежде всего нашимъ оскорбленнымъ братьямъ — *полякамъ*.... Необходимость польскаго освобожденія во время и послѣ крымской кампаніи сдѣлалась очевидною.... Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Бѣлоруссію и Малороссію, отдѣлите отъ нея Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и весь Кавказъ, останется велико-

русское племя въ 40 милліоновъ, которое до сихъ поръ только готовилось къ своей исторической жизни.... Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ освободить Польшу. Поляки можетъ быть потребуютъ слишкомъ много; они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъявятъ историческія притязанія на Литву, Бѣлоруссію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украину, включая Кіевъ. Я думаю, что поляки дѣлаютъ ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ; ошибка, впрочемъ, понятная и простительная.... Они съ страстною грустью смотрятъ на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее; намъ жалѣть нечего; у насъ все позади отвратительно гадко.... въ прошедшей жизни поляковъ такъ много прекраснаго и благороднаго, что есть о чемъ и пожалѣть и погордиться.... Католицизмъ былъ во время оно душею рыцарской Польши.... Старинное польское королевство было преимущественно рыцарскимъ, аристократическимъ государствомъ; словомъ, пожалуй, демократическимъ, только въ античномъ смыслѣ.... (*).

„Я требую только одного, чтобы всякому народу *(„Литвѣ, Курляндіи, Лифляндіи, Бѣлоруссіи съ Смоленскомъ, Украинѣ съ Кіевомъ“)*, были вполнѣ предоставлены возможность и право поступить по волѣ, хочетъ онъ слиться съ Россіей или Польшей, пусть сливается, хочетъ онъ быть самостоятельнымъ членомъ польской или русской или общеславянской федераціи, пусть будетъ имъ.“

Могли ли Англія и Франція не рукоплескать подобнымъ машинистамъ политическаго равновѣсія. *Колоколъ* заявлялъ, что онъ смотритъ вдаль, но пока одинъ изъ Шемякинскихъ сановниковъ *Колокола* (Бакунинъ) такъ идеально устраивалъ славянъ, *Горшковскій* относился болѣе категорически и рѣшительнѣе къ петербургскимъ друзьямъ издателей *Колокола*, къ петербургской секціи или редакціонному комитету погибшаго польскаго журнала *Слово* (**). Маріанъ *Горшковскій*, одинъ изъ ретивѣйшихъ работниковъ польской справы въ Западной Россіи, прямо пишетъ: За предѣлами римско-католическаго вѣроисповѣданія нѣтъ вѣчной

(*) Сочиненіе *Мѣрославскаго* “de la nationalité polonaise„ указываетъ, что оно было источникомъ этихъ историческихъ свѣдѣній Герценовской компаніи. Если бы *Мѣрославскій* не предостерегъ отъ доводовъ другого польскаго эмигранта *Духинскаго*, то, чего добраго, *Колоколъ* отнесъ бы насъ по предкамъ отъ славянъ къ *турянамъ*.

(**) *Огрызко* былъ его главнымъ редакторомъ.

безъ конца святой правды, святаго незапятнанаго образа; это оружіе мудрости, оружіе Сократа, потомъ оружіе Христа, нынѣ оружіе Польши.... Не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, Русь приднѣпровская, со всею своею настоящею жизнью, со всѣмъ своимъ духомъ, со всѣми своими традиціями, со всею своею индивидуальностью, должна войти въ составъ Польши, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ“....

Польская эмиграція усердно хлопотала о помощи готовимому мятежу своихъ туземныхъ соотчичей и призывала враговъ внѣшнихъ; верховные вожаки обширнаго замысла почли пригоднымъ прибавить къ тому и мятежи въ Россіи, а дабы ее, среди предпринятыхъ преобразованій, и полагая ее изнеможенною тягостною недавнею войною, безпрекословно заставить исполнять то, что полякамъ будетъ угодно приказывать, то было рѣшено всѣми средствами деморализировать войска. Русскіе ренегаты, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, принялись за подземныя козни противъ Царя-Освободителя и Устроителя, за козни противъ всей русской земли, которую они, совмѣстно съ поляками, хотѣли устроить по своему. *Герценъ* установилъ изъ своихъ учениковъ общество *Земля и Воля*, которое вошло въ сношенія съ польскою секціею въ Петербургѣ, для взаимной помощи по дѣлу мятежа, а офицеры, члены этихъ тайныхъ обществъ, поляки и русскіе силились развращать понятія солдатъ и прививать имъ неповиновеніе и измѣну. Безплодна оказалась работа, но усилій было употреблено не мало. Внѣ нашей рамки лежитъ описаніе похожденій *Герценистовъ;* послѣднимъ ихъ актомъ, въ мятежѣ 1863 года, была просьба къ литовскому псевдо-диктатору *Калиновскому*, „о 150 руб. серебромъ и типографической машинкѣ, *для поддержанія Россіею польскаго мятежа.*“

По всѣмъ правиламъ польскихъ конспираторовъ, *Герценъ* систематически проводилъ Колоколомъ въ Россію правила мятежа, для поддержки своихъ агентовъ и большей безопасности ихъ работы. Обращаясь ко всѣмъ сословіямъ, онъ преимущественно налегъ на молодежь университетовъ и духовныхъ академій, и пока поляки ретиво работали по всей имперіи, *Герценъ*, подзадоривая *„друзей-юношей“* своими корреспонденціями, добивался и повсемѣстныхъ смутъ. Какъ *Кляцко* былъ работникомъ для поль-

ской эмиграціи, такъ и другой перекрестъ *Утинъ* (*), былъ изъ ретивѣйшихъ въ Петербургѣ.

Главный агентъ *Герцена* въ Царствѣ Польскомъ былъ *Потебня*, котораго, послѣ смерти, онъ огласилъ образцемъ измѣнническихъ доблестей.— *Потебня* прапорщикомъ шлюссельбургскаго полка, во время пребыванія въ офицерской стрѣлковой школѣ, былъ посвященъ въ общество *Земли* и *Воли;* подобно *Утину*, онъ съѣздилъ въ Лондонъ за инструкціями къ великому мастеру и вербовалъ союзниковъ польской справѣ между русскими офицерами въ Царствѣ Польскомъ. Малый разбитной, онъ, полковымъ квартирмистромъ въ ожиданіи великой будущности, промоталъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, которыя его товарищи должны были уплатить, бѣжалъ за границу, донесъ *Герцену* о великихъ своихъ успѣхахъ, и по возвращеніи, погибъ въ стычкѣ въ рядахъ *Лангевича;* Герценовская компанія, предъ самимъ мятежемъ, разсорилась съ *диктаторомъ Мѣрославскимъ* и вступила въ союзъ съ его соперникомъ, другимъ *диктаторомъ—Лангевичемъ*, избраннымъ партіею бѣлыхъ, Ламберова отеля, призваннымъ въ защитники панскихъ интересовъ. *Огаревъ*, сотрудникъ *Герцена*, заявилъ въ *Колоколѣ*, что онъ *оплакиваетъ его (Потебню), какъ сына* (**).

(*) Его значеніе можно видѣть изъ того, что онъ попалъ и въ лексиконъ польскихъ заговорщиковъ съ псевдонимомъ »*Жидъ*.«

(**) Петръ Петровичъ Пѣтухъ, въ Мертвыхъ Душахъ, ухаживалъ за съѣденнымъ имъ теленкомъ, тоже, *какъ за сыномъ*. »Не знала русская пуля, сразившая *Потебню*, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея, восклицаетъ *Герценъ*, чище, самоотверженнѣе, преданнѣе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающемъ алтарѣ *польскаго освобожденія* » Колоколъ въ надгробномъ словѣ *Потебнѣ*, адресованномъ къ *друзьямъ-юношамъ* изображаетъ всю утрату, расписываетъ его доблести, умоляетъ идти по его стопамъ. «Утрата его для дѣла огромна, гласитъ Колоколъ.... Друзья! дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.... Между тѣмъ, какъ *отцы и дѣти касты* уходили въ смерть, возникла и росла другая молодежь, которой нечего отрекаться отъ дворянства и помѣщичества—образованная молодежь разночинцевъ. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла инціативу въ литературѣ. Этою молодежью Россія совершитъ свое отреченіе отъ *буржуазіи*.... она должна собрать себя въ общество, пополняя свои ряды солдатами, дворовыми, мужиками. Вотъ гдѣ вамъ людей искать на-

Русскіе ренегаты, какъ видно по послѣдовательнымъ нумерамъ *Колокола*, по слѣдственнымъ дѣламъ и по показаніямъ подсудимыхъ, принимали самое горячее участіе въ польской справѣ, а что *Потебня* не пожалѣлъ красокъ, чтобы размашисто расписать свои конспиративные подвиги, то доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее письмо *Бакунина*, писанное въ Познань къ знаменитому *филярю великаго будованія, Гутри*, $\frac{\text{22 Января}}{\text{3 Февраля}}$ 1863 года:

„Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я *не хочу и не могу* отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ *драгоцѣннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни.* Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы по этому предмету къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центральнаго комитета; онъ былъ довольно плохой корреспондентъ, даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло; кромѣ того, мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ *Лангевичу*, котораго я знаю и высоко цѣню, пишу ему о содѣйствіи и о той *симпатіи*, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія; прошу васъ переслать къ нему мое письмо сколь возможно скорѣе. Покамѣстъ я поѣду

до!» (Колоколъ 1-го Мая 1863 г.). Когда поляки, въ недоумѣніи, ожидали проявленія той силы *Молодой Россіи*, общества *Земли и Воли*, которую такъ хвастливо сулилъ имъ *Герценъ*, тогда *Колоколъ*, взятый въ расплохъ, окончательно натуживался разжигать и дурачить нашу молодежь, возбуждать распри между сословіями и, попирая завѣтныя чувства русскихъ, нагло проповѣдывалъ, что Царь чуждъ и враждебенъ своему народу. Тысячи адрессовъ, послѣ попытокъ иноземнаго вмѣшательства, заявляли негодованіе Россіи, заявляли, что Царь и Россія одно неразрывное цѣлое, что вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, защищать свою честь и достояніе, а пигмеи-отступники *съ того берега* мечтали удержать порывы раздраженія оскорбленнаго, великаго, молодаго народа, и посягали предательскою рукою вырвать краеугольный камень изъ подъ русской силы и могущества, изъ подъ русской славы, русскаго бытія. Наущенія *Колокола* готовили Россіи иноземное ярмо; Россія доставила *Герцену* съ его компаніей возможность продолжать на страницахъ *Колокола* дальнѣйшую оцѣнку доблестей его союзниковъ-поляковъ.

въ Стокгольмъ, что бы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей, и употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но *желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья.* Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяцъ или съ два, то почитаю дѣло вполнѣ выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно; по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серіознымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ подавлено въ нѣсколько дней, то вы не пріобрѣтете ничего или пріобрѣтете весьма мало; я полагаю поляковъ патріотами; всѣ, какого бы цвѣта партіямъ они не принадлежали, должны желать продолженія начатаго революціоннаго движенія, должны содѣйствовать тому всѣми своими средствами. Что до меня касается, то *я вполнѣ убѣжденъ, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяцъ, то будетъ полная побѣда*, потому что подъ русское правительство подведены мины, а оно почитаетъ себя прочнымъ На этомъ основаніи, я вовсе не досадую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ. Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндію, то я почту себя *совершенно счастливымъ и довольнымъ.* Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ *страшныя.* Но *я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ.*

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ сдѣлалъ *плачевную* ошибку; въ то время, когда *цѣлыя роты* русской пѣхоты (?!?!) хотѣли присягнуть нашему знамени „земля и воля,“ и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, поляки на нихъ напали и разрушили разомъ *драгоцѣнную работу цѣлаго года.* Теперь онѣ считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; но дабы пріобрѣсть для инсуррекціоннаго движенія прочное основаніе, нужно сформировать русскій революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ вами набираемы (?). Начало подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величай-

шими затрудненіями, но преодолѣвъ ихъ однажды, *я вполнѣ надѣюсь*, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ *разительная; дабы предпринять это дѣло, я долженъ быть предварительно увѣренъ въ полной симпатіи* и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ *Лангевичу*, котораго я знаю; надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ; не теряйте духа, дѣла уже пошли не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!"

Польскій мятежъ длился не мѣсяцъ и не два, а цѣлый годъ; но *Бакунинъ* не исполнилъ пламеннаго своего желанія, не исполнилъ долга вѣрнаго полякамъ союзника, отказался самъ *отъ драгоцѣннѣйшей надежды всей своей жизни*. Онъ не явился въ Польшѣ и оставилъ вопросъ неразрѣшеннымъ,—разочаровался ли онъ въ могуществѣ своего знамени, съ бѣгствомъ къ польскимъ мятежникамъ подпоручика *Потебни*; поколебались ли въ немъ вѣра въ свое краснорѣчіе и надежда, что изъ нѣсколькихъ солдатъ, попавшихъ въ руки шаешниковъ, онъ образуетъ русскій революціонный легіонъ, которымъ на твердое основаніе поставитъ польскій мятежъ; остановилъ ли его недостатокъ отвоеваннаго мѣста, на которомъ онъ спокойно могъ бы производить свои эксперименты надъ дюжиною русскихъ захваченныхъ солдатъ, или наконецъ военачальникамъ — довудцамъ — уцекинерамъ было не до *симпатій*.

Слѣдственныя коммиссіи, по предшествовавшимъ польскимъ мятежамъ, доселѣ разъясняли только степень виновности подсудимыхъ. Заговорная организація *Буонаротти*, усовершествованная эмиграціею, имѣла въ виду подобные запросы, или сужденія преступниковъ предъ гласными заграничными трибуналами; потому затемненіе передъ судомъ веденія польской справы оказалось несостоятельнымъ предъ тѣмъ направленіемъ, которое Графъ *М. Н. Муравьевъ* далъ слѣдственнымъ коммиссіямъ, по случаю послѣдняго мятежа, бывшаго въ сѣверо-западной Россіи. Тогда самыя разнообразныя свѣдѣнія разсѣкли на двое толстый слой, нанесенный perpetuum mobile польскихъ заговоровъ; свѣтъ проникъ въ замыслы, таившіеся съ 1794 года; обнаженные корни дали возможность увидѣть подземное ихъ развѣтвленіе въ теченіе десятковъ лѣтъ. Мы привели нѣкоторыя свѣдѣнія изъ относившихся къ послѣдней тридцатилѣтней заграничной дѣятельности.

При той систематической организаціи, которую эмиграція дала ревнителямъ, и при неизбѣжной связи въ общей работѣ, съ раскрытіемъ всѣхъ плановъ для Сѣверо-западной Россіи, внѣ ея, болѣе или менѣе, частями подробными свѣдѣніями, частями только указаніями, но всѣ громадные проекты раскрылись на столько, что они выяснились съ достаточною полнотою; при сводѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Казани можно надѣяться, что, при всей затаенности польской работы, русскіе люди обойдутся для яснаго цѣлаго и безъ польскихъ описаній послѣдняго мятежа, которыми поляки надѣлятъ когда нибудь читающую публику.

Въ сущности заграничные дѣятели создали свою программу на слѣдующихъ мыльныхъ пузыряхъ: По разглашеніямъ издателей „*Колокола*“ всѣ сословія въ Россіи были въ томъ враждебномъ настроеніи одно къ другому и въ такомъ настроеніи къ правительству, что при первой искрѣ, при мѣстныхъ ревнителяхъ полякахъ и герценистахъ, мятежи проявятся по первому мановенію. Гдѣ землевладѣльцы поляки, тамъ мятежъ былъ долженъ принять видъ благоустроенный; революціонныя власти, немедленно вступая въ дѣйствіе, должны охранять внутреннее спокойствіе; области, поляками признанныя *польскими*, должны стать на ногу, какъ бы воюющей страны, изгоняющей пришлецовъ; такъ предполагалось изгнать и русскія власти изъ Западной Россіи; въ другихъ же частяхъ Россіи, для доставленія полной побѣды польской справѣ, мятежъ долженъ былъ сопровождаться, всѣми кровавыми обстановками *жакеріи*.

Для достиженія этой цѣли, должно было воспользоваться двумя преобразованіями, вводимыми правительствомъ; ревнители польской справы должны были имъ дать пригодныя примѣненія; по польскимъ предположеніямъ, уничтоженіе унизительнаго тѣлеснаго наказанія должно уничтожить повиновеніе въ войскахъ; по этой части *Сѣраковскій* избралъ свои спеціальныя занятія; съ уничтоженіемъ же пагубнаго откупа, свободное заведеніе кабаковъ должно было, при польско-кабацкихъ стратегическихъ соображеніяхъ, имѣть послѣдствія, подобныя галицiйскимъ 1846 года; это взошло въ кругъ дѣйствія *Огрызки*. Единовременное уничтоженіе панами кабаковъ, общества трезвости и предписанныя правила самой суровой дисциплины въ шайкахъ (*), должны были сохранять

(*) „Для уравненія нравственныхъ качествъ воиновъ воюющихъ сторонъ“; по отзыву одного подсудимаго, бывшаго начальника шайки.

внутренній порядокъ при ксендзовско-шляхетскомъ возстаніи. Съ мятежемъ на окраинахъ Россіи, мятежъ долженъ былъ вспыхнуть и на театрѣ давней Пугачевщины, а *Звирждовскій*, устремясь изъ Могилевской губерніи, однимъ проходомъ чрезъ губерніи Смоленскую, Московскую и Тверскую подыметъ все населеніе до Волги; Калужская губернія была признана достаточно подготовленною, чтобы самой подняться и вести мятежъ далѣе на югъ. Западныя державы, помня, что Россія кончила крымскую войну съ 2 мил. подъ ружьемъ, не откажутъ, въ виду легкой побѣды, поддержать польское движеніе и укрѣпятъ новыми трактатами, согласно польскихъ требованій, существованіе возникшей Польши.

Польская эмиграція и русскіе ренегаты собирались къ скорому отъѣзду, на первый случай въ Варшаву, принять тамъ бразды власти, но легкокрылымъ мечтамъ пришлось остаться мечтами; они скоро убѣдились, что для нихъ дѣла пошли скверно.

ГЛАВА 12-я.

Первые труды Шедо-Ферроти на пользу польской справы.—Протесты эмиграціи.—Крестьянская реформа.—Чарторыйскій, Мѣрославскій и Герценъ.

Шедо-Ферроти, по времени, стоитъ первымъ работникомъ польской эмиграціи, въ новомъ, по ея теоріямъ, фазисѣ, въ который вступили польскія дѣла.

Централизація хотѣла добыть путемъ революціи начала къ возобновленію работы великаго будованья, разрушенной мятежемъ 1831 года, а Ламберовъ отель стремился предварительно положить тому основанія легальными путями, добывъ уступки и сдѣлавъ правительства въ отношеніи къ себѣ солидарными.

Ожидаемыя торжества по прибытіи Государя въ Варшаву, были признаны временемъ удобнымъ. Шедо-Ферроти, на сколько было ему возможно и пригодно, для удержанія польскихъ дѣлъ во тьмѣ и во мглѣ, разсказываетъ приготовленіе сторонниковъ Ламберова отеля. Если Шедо-Ферроти многое не договариваетъ, за то, для отвода, съ дипломатическою точностью, посвящаетъ насъ въ другія подробности.

По принципамъ Ламберова отеля, основаннымъ на старыхъ комбинаціяхъ, Шедо-Ферроти и самъ служитъ указаніемъ и самъ указываетъ, что признанную наилучшею систему для дѣйствій не предполагалось измѣнять: „2 мая 1856 года, пишетъ онъ, недѣли за три до пріѣзда Государя въ Варшаву, меня посѣтили три поляка, принадлежащіе къ высшей аристократіи. Эти господа, между которыми двое еще болѣе замѣчательны своею интеллигенціею, чѣмъ даже своимъ общественнымъ положеніемъ, обратились ко мнѣ съ просьбою составить имъ записку, которая резюмировала бы нужды страны и надежды, связанныя съ появленіемъ Государя среди польскаго дворянства. Я принялъ съ предупреди-

тельностью ихъ предложеніе, и мы условились на счетъ предмета петиціи. Для меня было достаточно трехъ дней, и 5 мая я отдалъ имъ мою работу; они потребовали еще нѣсколько дней для переговоровъ съ своими политическими друзьями. Пренія съ лицами, которыя были признаны нужными для совѣщаній, вѣроятно, были довольно оживлены, потому что я получилъ мою записку только послѣ двѣнадцати дней, именно 17 мая послѣ обѣда. Замѣчанія, мнѣ сдѣланныя при возвращеніи моей рукописи, доказали, что въ полномъ собраніи, къ которому я не былъ допущенъ, были значительно сбавлены первоначально заявленныя требованія. Изъ шести пунктовъ петиціи, какъ наинужнѣйшихъ для страны, два были вычеркнуты и одинъ значительно измѣненъ.

„Возстановленіе государственнаго совѣта въ Варшавѣ было вычеркнуто, какъ несвоевременное и могущее возбудить опасенія въ русскомъ правительствѣ; таже участь постигла 4 пунктъ, требующій введенія польскаго языка, какъ официальнаго, во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ. Пятый пунктъ испрашивалъ установленіе земскихъ властей выборными воеводскихъ совѣтовъ и областныхъ штатовъ, — учрежденія, обѣщанныя органическимъ статутомъ 1832 г., но онъ остался только въ видѣ проекта. Это исправленіе было измѣнено, согласно редакціи нижеслѣдующаго пункта 3-го; такъ петиція обратилась въ слѣдующіе четыре пункта; 1) возвращеніе эмигрантовъ; 2) амнистія ссыльнымъ; 3) участіе сельскаго дворянства въ администраціи края выборомъ судей и земскихъ чиновниковъ и 4) возстановленіе польскаго университета“. Тѣмъ ограничивались требованія поляковъ въ 1856 году; вотъ чего было достаточно для того, чтобы Императорское правительство сдѣлалось популярнымъ и ничто не могло бы поколебать его могущества, если бы прямо и съ перваго раза сдѣланы были эти уступки....

Шедо-Ферроти тѣмъ не ограничивается, полагая, что читатели не знакомы или забыли время конституціоннаго царства Польскаго при Александрѣ Павловичѣ и желая морочить далѣе, онъ продолжаетъ: „Я позаботился о *перебѣленіи моей записки молодымъ калиграфомъ*, мнѣ рекомендованнымъ первыми ко мнѣ обратившимися, и по пріѣздѣ Государя я отправился во дворецъ Лазенки, къ одному изъ значительнѣйшихъ лицъ свиты Государя и вручилъ ему записку, съ просьбою прочесть ее, и если найдетъ возможнымъ, представить ее Государю. На другой день я прибылъ

опять въ *9 часовъ утра;* я былъ немедленно принятъ вышесказаннымъ лицемъ; генералъ очень похвалилъ мою работу, ея суть и форму и обѣщалъ доложить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Я узналъ позже, что записка осталась въ его портфелѣ, и что Государь ничего не зналъ объ ней. Генералъ—, конечно, оцѣнитъ мою скромность, по которой я его не называю по имени.“

И такъ, въ запискѣ *Шедо-Ферроти,* которая предназначалась въ руководство великодушію русскаго Императора, заключались тѣ же требованія, которыя излагались въ инструкціяхъ польской эмиграціи, но прежде они поручались коноводамъ забуянившей на улицѣ толпы—для того, чтобы на твердыхъ основаніяхъ поставить дѣло польской справы, а теперь они поручались *легальной* запискѣ, подобныя которой писали нѣкогда князь *Чарторыйскій* и графъ *Огинскій.* Эмиграція хотѣла избѣжать повторенія упрековъ, что она не умѣетъ остановиться во время, не умѣетъ выжидать *народной переклички* и во время отвѣтить: *естесьмы.* По словамъ *Шедо-Ферроти,* ктоже иной, какъ не генералъ *** виновенъ во всемъ послѣдовавшемъ мятежѣ; не оставь онъ спасительную записку въ своемъ портфелѣ и тѣмъ не парализируй ея волшебную силу, то не было бы и мятежа 1863 года. Отъ записки *Шедо-Ферроти* должно было остановиться шестьдесятъ два года дѣйствовавшее perpetuum mobile польскихъ конспирацій. Въ то время, когда мѣстные верховные мастера великаго *будованія,* по проекту Ламберова отеля, принялись за работу, польская эмиграція двумя протестами повѣстила туземцевъ, что если изъ среды ея и найдутся желающіе воспользоваться амнистіею, то сама она вовсе не признаетъ борьбу оконченною. Время можетъ вполнѣ разъяснить, какія утѣшительныя надежды убаюкивали польскую эмиграцію. Сѣраковскій, одинъ изъ дѣятелей петербургской секціи искалъ доступа въ дипломатическіе кабинеты, работа perpetum mobile оживилась.

Протесты польской эмиграціи длинны, какъ всѣ польскіе эмиграціонные акты, приведемъ, потому, знаменательнѣйшія мѣста:

Демократическая партія заявляла 6 іюля. „Подписавшіе польскіе эмигранты считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ нея (амнистіи); польской эмиграціи не нужна амнистія, ей *не въ чемъ себя упрекать, ей не о чемъ сожалѣть,* она поклялась упорствовать въ роли, которую она избрала, и она сама себя обрекла на изгнаніе.

„Послѣ возстанія 1831 года, *цвѣтъ* націи вышелъ изъ края. Польскіе эмигранты предъ ойчизною и образованнымъ міромъ объявляютъ, что они отталкиваютъ амнистію Александра II, какъ оттолкнутъ амнистію и всякаго другаго изъ трехъ притѣснителей ойчизны, если бы тѣ вздумали ее предлагать, и что они возвратятся только тогда, когда изъ нея будетъ можно выгнать иноземцевъ.“

Аристократическая партія, въ своихъ актахъ, со времени паденія революціонной партіи во Франціи и утвержденія въ ней имперіи, принявшая названіе *монархической*, протестовала 9 іюня.

„Недавній актъ русскаго правительства, упомянутый въ циркулярѣ министра иностранныхъ дѣлъ, отъ $^{15}/_{27}$ мая сего года, объявляетъ милосердіе Императора Александра II относительно польскихъ выходцевъ и дозволяетъ свободное возвращеніе на родину тѣмъ изъ нихъ, которые, *раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ* будутъ его испрашивать. Мы были о томъ увѣдомлены единовременно съ рѣчами, Императоромъ произнесенными въ Варшавѣ.“

„Существенное значеніе документовъ относится къ каждому изъ насъ, потому, не посягая на личныя мнѣнія, мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ вліять на совѣсть нашихъ собратовъ изгнанія; нижеподписавшіеся желали только публичнымъ заявленіемъ объяснить правительствамъ и націямъ, намъ оказывающимъ великодушное гостепріимство, причины, которыя, въ совокупности, обязываютъ насъ терпѣливо и покорно, по волѣ Провидѣнія, оставаться въ положеніи, которое оно намъ опредѣлило.“

„Мы были ограблены и осуждены заочно; (*) наше возвращеніе непремѣнно зависитъ отъ личной безопасности и семейныхъ разсчетовъ; но амнистія, въ которой говорится о виновныхъ, заблужденіяхъ, о запоздаломъ раскаяніи, о неисправимой ненависти, амнистія, которая возвращаетъ на родину, не возвращая имѣній, которая на закатѣ лѣтъ даетъ три года для испытаній, такая амнистія не отличается отъ подобныхъ ей, издаваемыхъ съ 1832 года.“

„Императоръ Россіи навѣрно былъ бы лучше, присовѣтованъ и привлекъ къ себѣ болѣе польскихъ сердецъ, если бы, вмѣсто того, чтобы сказать: „я желаю, чтобы порядокъ, установленный моимъ отцемъ былъ сохраненъ“ — сказалъ бы, какъ говорилъ его дядя, Императоръ Александръ I: Россія вамъ братски протягиваетъ руки; изъ всѣхъ выгодъ, которыя ей предоставляетъ побѣда (а нынѣ

(*) Эмигранты слѣдовательно забыли объ указѣ 13 (25) Февраля 1832 года, которымъ они вызывались для оправданій. (См. стр. 52).

миръ), она выше всѣхъ ставитъ одну: поднять и возстановить уважаемую и доблестную націю.“

Князь Чарторыйскій, казалось, забылъ, что его совѣты привели къ мятежу 1831 года, а порядокъ, установленный Императоромъ Николаемъ, сохранилъ спокойствіе русскихъ поляковъ, даже въ 1849 и съ 1854 по 1856 годъ. Но если эмиграція знала, на сколько прочны между ихъ соотчичами чувства, изъявляемыя Варшавою при восторженныхъ пріемахъ Государя, то вся она, совмѣстно съ туземцами, встрепенулась при новомъ, нежданномъ, громовомъ ударѣ, который разилъ самое основаніе шестидесяти-пяти лѣтнихъ польскихъ комбинацій (*съ 1791 г.*); *крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Россіи.*

По возшествіи на престолъ, Государь, въ мартѣ 1855 года, среди тяжкой войны, сказалъ депутаціи с.-петербургскаго дворянства: „Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова, благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго.“ По прекращеніи войны, въ концѣ марта 1856 года, Государь посѣтилъ Москву и тамъ представлявшимся предводителямъ дворянства Московской губерніи заявилъ, что настаетъ время прекращенія крѣпостнаго права; „прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе; передайте мои слова дворянству для соображенія.“ Во время коронаціи, въ августѣ того же 1856 года, въ Москвѣ собрались предводители дворянства всѣхъ губерній; товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину было поручено Государемъ войдти съ ними по этому предмету въ переговоры. „Дворяне провинцій Виленской, Ковенской и Гродненской, пишетъ *Шедо-Ферроти*, подали примѣръ Россіи, *по собственному побужденію*, испрашивая въ 1857 году освобожденіе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это великодушное рѣшеніе слишкомъ согласовалось съ видами правительства, чтобы оно имъ не воспользовалось, дабы эту мѣру сдѣлать повсемѣстною. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовалъ благородное рѣшеніе литовскаго дворянства, приглашая русское дворянство послѣдовать столь прекрасному примѣру.“

Нынѣ мятежъ разорвалъ мантію, для ослѣпленія и увлеченія толпы ярко расписанную, которою прикрылась крамола; разборъ къ ней относившихся дѣлъ выяснилъ весь механизмъ. Сведенныя капитальныя данныя даютъ въ подлинныхъ документахъ положительныя свѣдѣнія, которыя избавляютъ отъ необходимости ипотезъ

и догадокъ относительно эмиграціи; вопреки всѣхъ ея заявленій, наружу выходитъ, что крестьянскій вопросъ, 65 лѣтъ занимавшій шляхетство, оставался на заднемъ планѣ; онъ былъ ему важенъ для будущаго властвованія надъ Польшею. *Бѣлые* — землѣвладѣльцы, хотѣли изъ современныхъ сложныхъ обстоятельствъ дать простолюдинамъ какъ можно менѣе, дабы, заключивъ ихъ въ тѣсный кругъ настоятельной нужды, обратить въ покорное себѣ орудіе; *красные*, не имѣя собственности, проповѣдовали *коммунизмъ*, въ надеждѣ за чужое добро купить себѣ власть, и проповѣдуя свои теоріи, вели къ расторженію благоустроенныхъ обществъ; подъ маскою соціально-баррикадныхъ бойцевъ-философовъ, они силились истребить права собственности, труда и сбереженія — единственные рычаги, побуждающіе къ развитію человѣческаго прогресса и, домогаясь всесторонней оргіи, они въ средства избрали анархію.

На первомъ планѣ становилась иноземная помощь. Слова герцога *Шуазеля*, министра Людовика XV маркизу Польми: „анархія въ Польшѣ пригодна выгодамъ Франціи“, — понынѣ сохранили свое историческое значеніе. Вопреки заявленія всѣхъ партій о возстановленіи Польши собственными силами и средствами, на повѣрку вышло, что всѣ онѣ, когда отъ словъ предстояло перейдти къ дѣйствіямъ, поняли, что, безъ иноземнаго вмѣшательства, всякая борьба — только сумазбродная попытка; за Ламберовымъ отелемъ, и демократы кинулись въ дипломатію и, для вѣрнѣйшаго успѣха на дипломатическомъ поприщѣ, убаюкивали себя и другихъ призраками легкой побѣды.

Собиралась гроза въ вѣковой кровавой драмѣ борьбы польскаго олатинившагося шляхетско-ксендзовскаго міра съ православною Русью; готовился новый актъ, для котораго крестьянскій вопросъ былъ избранъ сюжетомъ. Высшіе путеводители бойцевъ: *Чарторыйскій*, *Мѣрославскій* и *Герценъ* готовились къ борьбѣ окольными путями, и пока первые два хлопотали объ иноземной помощи, послѣдній, какъ вѣрный союзникъ польской справы, замышлялъ сокрушить силы Россіи. Всѣ они готовились оправдать слова *Мѣрославскаго*, что союзники сдѣлали ошибку, устремясь на Крымъ, что восточный вопросъ, который долженъ доставить преобладаніе Западу, долженъ быть рѣшенъ въ Польшѣ. Торжество польской справы избавило бы Западъ отъ восточнаго соперника и прибавило бы ему семьдесятъ

милліоновъ чернорабочаго народу; всѣмъ *Чарторыйскимъ* и *Мѣрославскимъ* открылось бы свободное поприще, съ готовыми уже бойцами, по старому, среди междоусобій и анархіи, мечемъ и интригами искать власти, сознательно распѣвая: „еще Польска не згинела,“ а герценовская компанія отправилась бы между Бѣлымъ моремъ, Волгою и Ураломъ смотрѣть, хорошо ли русскій человѣкъ работаетъ на западниковъ, гостепріимно принявшихъ ренегатовъ и, въ утѣшеніе русскому люду, проповѣдывала бы ему теоріи Сен-Симона, Фурье и Оуэна, къ практическому примѣненію приспособленныя польскою централизаціею. Понятно, что, въ пылу радости и надеждъ, когда блеснуло зарево давно подготовляемаго пожара, Бакунинъ воскликнулъ: „да здравствуетъ революція.“

Руководители, для успѣха въ дѣлѣ, во чтобы то ни стало, должны были затормозить и исковеркать освобожденія дѣло крестьянъ, съ грозною для нихъ придачею **надѣла землѣю.** Не смотря на всѣ опасенія русскихъ помѣщиковъ стародумовъ, на фокусы и стратагемы поляковъ, на раздразнивающіе и разжигающіе возгласы *герценистовъ*, не смотря на всѣхъ *Добродѣевыхъ* и *Благолюбовыхъ*, не смотря на всѣхъ собирателей народныхъ пѣсень и сказокъ и разглашателей по деревнямъ нелѣпыхъ вѣстей,—Россія, довѣряя Царю, спокойно ожидала Его рѣшенія, и положеніе о крестьянахъ, пробиваясь чрезъ всѣ препоны и извороты, обильно нагоняемые его противниками и предателями-друзьями, стройно подвигалось впередъ, съ ужасающею для поляковъ быстротою. Идея, первоначально высказанная ГОСУДАРЕМЪ, приводилась въ точное исполненіе. Крестьянинъ получалъ личную свободу, съ такимъ ему предоставляемымъ *надѣломъ*, что ни въ какомъ случаѣ ему не могло угрожать, вмѣсто фактическаго, новое искуственное рабство, а вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности и пользованіе землею были сохранены; трудъ, сбереженіе и способности увидѣли въ правительствѣ охраненіе, при которомъ только возможно правильное развитіе общественнаго благоденствія. Полякамъ было желательно легальными изворотами создать новый видъ рабства для хозяйства пановъ, а въ Россіи, поддерживая стремленія коммунизма, разрушить государственный строй. Это объясняетъ почему иной полякъ, съ польскою легальностью, *красный* въ Россіи, обращался въ ретиваго *бѣлаго* подъ роднымъ небомъ, на родной почвѣ. Мудрыя мѣры правительства, прежде даже, нежели земледѣльческое хозяйство

успѣло примѣниться къ новымъ законоположеніямъ, измѣнившимъ вѣковой обычай, были оцѣнены даже *крѣпостниками,*—слово, пущенное въ ходъ, на потѣху герценистовъ, однимъ изъ *братьевъ столбовъ великаго будованія*, на русской землѣ питаемыхъ русскимъ хлѣбомъ. Потомство вполнѣ оцѣнитъ слова министра внутреннихъ дѣлъ (*): „Для высшаго правительства въ настоящемъ случаѣ другое затрудненіе,— это устранить пагубное дѣйствіе *крайнихъ* и *преувеличенныхъ* мнѣній, выражающихся въ ту или другую сторону.“ *Варшавское агрономическое общество* арпагоновскимъ своимъ лепетомъ и *Колоколъ,* ехиднымъ своимъ шипѣніемъ, не заглушили звонкой, звучной пѣсни къ новой жизни призваннаго русскаго народа. Крестьянскій вопросъ былъ жизненный для Ламберова отеля; съ трепетомъ въ сердцѣ помѣщики царства Польскаго и Западной Россіи, слѣдя тайными каналами за работами по крестьянскому вопросу въ С.-Петербургѣ, тревожно ожидали его разрѣшенія. Быстрота веденія дѣла служила очевиднымъ укоромъ хвастливымъ провозглашеніямъ польской интеллигенціи, которая, не смотря на все панское желаніе предупредить правительство, не могла привести агрономическое общество ни къ какому положительному рѣшенію, хотя въ немъ и предсѣдательствовалъ графъ *Андрей Замойскій,* представитель Ламберова отеля въ Варшавѣ и племянникъ князя *Адама Чарторыйскаго.* Въ тоже время дворянство въ Сѣверо-западной Россіи, видя, что вопросъ *на канунѣ* рѣшенія, хотѣли задержать его во чтобы то ни стало прямыми и окольными путями. „Вы склонили дворянъ литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ,“ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ *Ланской* къ генералъ-губернатору В. И. Назимову въ Вильну, 21 января 1861 года. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, открыта была полная возможность каждому офиціальному и частному лицу высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались, какъ и слѣдовало, этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ; такого обилія матеріаловъ, изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостью, едва ли было когда нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса.„

(*) Отношеніе къ виленскому генералъ-губернатору отъ 11-го января 1861 года.

Министръ сообщалъ, что, допустивъ непосредственныя сношенія дворянскихъ предводителей по дѣлу, *получившему законодательный ходъ, нѣтъ достаточнаго основанія недопускать того же и по всѣмъ другимъ губерніямъ,* что окончательное Царское слово положитъ конецъ всѣмъ разномысліямъ, и изъявлялъ свое удивленіе на заявленія предводителями дворянства о необходимости *тщательнаго и всесторонняго обсужденія* составленнаго проекта и *рѣзкія и бездоказательныя* порицанія, а еще болѣе *недовѣріе* къ сужденіямъ главнаго комитета и государственнаго совѣта потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ. Самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постояннаго наслѣдственнаго пользованія ихъ участками, тогда какъ съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ *постоянное* пользованіе землею. Въ концѣ министръ заявляетъ также свое удивленіе, что Ковенскій предводитель дворянства ссылается постоянно на такіе документы, *которые даже не могли быть ему извѣстны*, ибо назначались для высшихъ правительственныхъ лицъ.

Для польской справы, дипломатическія вѣсти Ламберова отеля были ободрительны, а приходившія изъ Петербурга были отчаянныя. Паны подали руку *краснымъ*, графъ Андрей Замойскій съ агрономическимъ обществомъ, вышелъ на улицу; барскіе конюхи нанимали охотницъ увеличить толпы черни, сгоняемыя *красными*, и въ февралѣ грозныя демонстраціи разлились по улицамъ Варшавы, но комбинаціи оказались несостоятельными, —19-го февраля 1861 года указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ. Новая эра наступила для Россіи, послѣ уничтоженія уніи (1839 г.) это былъ первый ударъ, отъ котораго посыпались груды обломковъ великаго будованія. Демонстраціями и быстрыми приготовленіями къ мятежу оставалось не допустить примѣненіе царскаго указа въ Западной Россіи, оградить отъ его распространенія царство Польское.

Пока Ламберовъ отель велъ свое дѣло широкою тропою изъ извилистыхъ дорожекъ, всюду прокладывая путь къ торопливому ополячиванію Западной Россіи, *Мѣрославскій* не сидѣлъ сложа руки. Истый сынъ имъ воспѣваемой шляхты, пропитанный чванствомъ до плоти и костей, безконечно наглый, безконечно дерзкій, изворотливый и хитрый, хвастунъ и балагуръ, пролазъ, въ крамоль-

ной кожѣ польскаго шляхтича, *Ноздревъ* безъ личной отваги,— *Мѣрославскій* не переставалъ себя величать диктаторомъ Польши. Послѣ всѣхъ подвиговъ сороковыхъ годовъ, при брани туземцевъ и неудачахъ эмиграціи, его значеніе стало меркнуть между польскими выходцами; но онъ не изъ числа людей упадающихъ духомъ, онъ взвѣсилъ свои шансы, началъ работать на собственную руку и находчиво себѣ составилъ новое положеніе, независимѣе и самостоятельнѣе прежняго.

Эмиграція 1831 года старѣлась, *Мѣрославскій* понялъ, что старые бойцы уже не люди для дѣйствія; онъ обратился къ юношамъ, легче увлекаемымъ, легче подзадориваемымъ. Извѣстные ему каналы централизаціи ему послужили для проведенія своихъ плановъ; онъ ударился въ литературу, обильно распространялъ вездѣ, гдѣ гнѣздилась польская молодежь, свои рѣчи *листопадовы*; (*) въ своихъ сочиненіяхъ сарказмами разилъ аристократію, на посмѣшище выставлялъ ихъ продѣлки, бичевалъ своихъ враговъ; какъ завистниковъ, клеветниковъ, шпіоновъ, продавцевъ ойчизны, онъ отдавалъ противниковъ на судъ польской публики; а самъ, рисуясь величайшимъ патріотомъ, самоотверженнымъ защитникомъ ойчизны, превозносилъ доблести польской націи, ея высокую врожденную интеллигенцію, льстилъ молодежи и игралъ на струнахъ тщеславія старыхъ отдаленныхъ приверженцевъ; онъ пародировалъ своими сношеніями съ революціонными знаменитостями, и затмѣніемъ значенія централизаціи, ловко сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ея связи и сношенія. Такъ, петербургскіе столбы польской справы, студенты сороковыхъ годовъ, бредили *Мѣрославскимъ* и его именемъ чаровали своихъ новобранцевъ. Его приверженцы (*Мѣрославчики*), воспользовавшись амнистіею, вербовали ему молодыхъ приверженцевъ между туземцами, разсѣевали его сочиненія и воззванія въ учебныхъ заведеніяхъ, а между простолюдинами пускали его имя, идеализируя *Мѣрославскаго* какимъ то святымъ мученикомъ, томящимся въ изгнаніи, вдали молящимся Ченстоховской Божіей Матери за спасеніе польскаго народа. Молодежь, кинувшаяся путешествовать за границу, возвращалась очарованною диктаторомъ. На его призывъ стекались молодые бойцы въ легіоны *Гарибальди*.

(*) Собраніе рѣчей, имъ произнесенныхъ въ годовщины ноябрскаго возстанія 1830 года.

Мѣрославскій, вмѣсто охладѣвшаго къ нему демократическаго товарищества, утратившаго свое значеніе съ высылкою централизаціи изъ Франціи и свою численную силу амнистіею (*), составилъ въ 1859 году новое общество *товарищества польской молодежи*, и имъ онъ заправлялъ безотчетно, безъ всякихъ совѣтовъ, безъ централизацій и сотоварищей въ управленіи; *Мѣрославскій* поднялъ знамя новой партіи, въ которой Польша должна была видѣть своихъ будущихъ избавителей. Онъ взялъ на себя приготовить къ военному дѣлу будущихъ бойцевъ, чрезъ *Гарибальди* добылъ помѣщеніе для заведенія польской военной школы въ Генуѣ, въ которую поступило около 150 человѣкъ изъ волонтеровъ, служившихъ у Гарибальди, а остальные члены новаго товарищества, кто былъ по богаче, съ самимъ *диктаторомъ* проживали въ Парижѣ, и тамъ, въ такъ называемой, *„польской читальнѣ,“* предполагалось давать тоже военное образованіе.

Съ вызовомъ волонтеровъ къ *Гарибальди*, которые по польскимъ планамъ явятся изъ Италіи въ авангардѣ избавителей Польши, оскудѣвшіе финансы диктатора, по выходѣ его изъ централизаціи, стали быстро приходить въ самое цвѣтущее положеніе. *Мѣрославчики* принялись за весьма доходное ремесло — собирателей складчинъ на польскіе легіоны. На его воззванія тысячи летѣли къ нему отъ всего шляхетства туземнаго и изъ Россіи съ такою щедростью, что скоро *Мѣрославскій* сталъ считать приходъ уже сотнями тысячъ. *Мѣрославскій* зажилъ бариномъ въ hotel du Maroc въ квартирѣ *Куржины*, воспитанника, бѣжавшаго изъ высшей варшавской школы, парня лѣтъ 25, который былъ его помощникомъ, секретаремъ, кассиромъ. Расходы *Мѣрославскаго* были: на содержаніе *читальни*, на польскую школу въ Италіи, а капиталъ, имъ собираемый на военныя издержки къ будущему мятежу, онъ назвалъ *желѣзнымъ*. Онъ общитывалъ и читальню и школу, а желѣзный капиталъ исчезъ въ неизвѣстноти. Диктаторъ завелъ свою администрацію, своихъ агентовъ, свои сношенія; изъ Парижа онъ управлялъ всѣми уличными безпорядками Варшавы, получалъ отчеты въ расходахъ на произведенныя манифестаціи, на жалованье снятыхъ съ мѣстъ разгульныхъ пригодныхъ ремесленниковъ, посылалъ инструкціи и воспользовавшись тѣмъ, что

(*) Заграницею оставалось не болѣе 300 чел. и менѣе половины членовъ проживали во Франціи.

въ агрономическомъ обществѣ, въ виду устрашающаго указа, заговорили о необходимости дать надѣлъ крестьянамъ, *Мѣрославскій*, думая пановъ поймать въ западню, принялъ это за *фактъ совершившійся* и написалъ цѣлую инструкцію для предстоящихъ дѣйствій.

„Надѣлъ крестьянъ, принятый агрономическимъ обществомъ, долженъ служить точкою исхода мѣрамъ, принимаемымъ къ народному возстанію и должно воспользоваться массами, которыя этимъ пригоднымъ рѣшеніемъ получили землю въ полную и вѣчную собственность, какъ основаніе національнаго возрожденія Польши. Дабы правительство согласилось, чтобы это постановленіе изъ Варшавы было распространено на всѣ провинціи, помѣщики Литвы и Руси должны немедленно послать въ Петербургъ депутацію, которая соединилась бы съ варшавскою и слѣпо ей подчинялась.

„Если бы Царь, хотя это и трудно предположить, прямо согласится на всѣ требованія, то немедленно пустить слухъ, что онъ былъ напуганъ и подчинился приказаніямъ Варшавы.

„Устроить при этомъ случаѣ національныя торжества, шумныя и многочисленныя народныя сборища, которыми бы руководила мелкая шляхта.

„Въ промежутки должно заблаговременно готовиться и готовить населеніе въ постоянномъ ожиданіи внезапной войны.

„Возстаніе должно быть произведено слѣдующимъ образомъ: массы сельскаго населенія, подготовленныя *экономическими волненіями*, которыя должны тому предшествовать, вооруженныя всѣмъ, что имѣютъ подъ рукою, но непремѣнно подъ начальствомъ дворянства, со всѣхъ сторонъ устремляются къ уѣздному городу, истребляютъ нежданными аттаками гарнизонъ притѣснителей, баррикадируютъ улицы и проч.

Примѣч. При нынѣшнемъ положеніи, народъ не долженъ допустить ни рекрутскаго набора, ни насильственнаго вооруженія.

„Варшавскій *капитулъ* обязанъ занимать вниманіе Европы журнальными корреспонденціями и депутаціями, высылаемыми къ правительствамъ Франціи и Англіи.“

„Съ одной стороны должно возбуждать въ западныхъ массахъ постоянную лихорадку, ожиданіемъ безпрестанно усиливающихся народныхъ манифестацій, жизненностью поляковъ и русскаго безсилія. Для этой цѣли необходимо посылать во всѣ журналы нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и италіанскіе сообщенія, а въ

случаѣ недостатка и выдуманныя — о волненіяхъ, которыя въ Россіи расшатываютъ царскую власть, увѣдомлять о распряхъ серіозныхъ и неопровержимыхъ, какъ бы возникшихъ между крестьянами, боярами и чиновниками, и съ особенною настойчивостью упоминать объ изнеможеніи финансовомъ, военномъ и административномъ, о *мстительномъ и всеразрушающемъ вліяніи поляковъ* на этотъ механизмъ, созданный Петромъ Великимъ и нынѣ разваливающійся.

„*Необходимо убѣдить вселенную*, что могущество Царя можетъ быть сокрушено только поляками.

„Съ другой стороны, сильно надоѣдать правительствамъ Франціи и Англіи, доставляя имъ изъ Варшавы, для этой цѣли, жалобы *фабрикованныя*, будто бы посылаемыя въ Петербургъ и тамъ оставленныя безъ вниманія. Должно замѣтить, что эти депутаціи сначала никакого удовлетворенія не получатъ, но отъ этого наше усердіе не должно остывать, потому что наша главная цѣль — компрометтировать Россію и кромѣ того добыть причины жаловаться на эти правительства за ихъ къ намъ равнодушіе.

„Сообщаемъ конфиденціально нашимъ согражданамъ, что эти совѣты намъ были даны людьми, которые хорошо знакомы съ политикою тюильерійскаго кабинета и которые намъ указывали на италіанцевъ, въ нѣсколько лѣтъ, патріотическимъ настаиваніемъ, достигшихъ устраненія всѣхъ дипломатическихъ преградъ, и убѣдившихъ императора французовъ исполнить то, что онъ никогда не думалъ и не хотѣлъ дѣлать и, волею — неволею, заставили французское правительство помочь имъ къ возстановленію Италіи. Но да сохранитъ насъ Богъ употребить на это дѣло эмигрантовъ; это было бы дать западнымъ правительствамъ, мало симпатизирующимъ польскому движенію, наилучшее средство устраниться отъ этого движенія. Особенно должно избѣгать интригановъ Ламберова отеля, которые кинули родину, и которые совершенно износились, натирая переднія заграничныхъ министерствъ и служатъ посмѣшищемъ всѣхъ мало къ намъ расположенныхъ.

„Національные эмиссары должны избѣгать слишкомъ частыхъ посѣщеній тюльерійскаго дворца, гдѣ они легко могутъ быть разгаданы; напротивъ того они должны болѣе держаться Пале-рояля, гдѣ они могутъ быть увѣрены, что найдутъ всевозможную поддержку и нужныя свѣдѣнія. Депутатъ G. L. M. можетъ доставить имъ всѣ къ тому необходимыя инструкціи и объясненія.

„Повторяемъ, что эти депутаціи не должны болѣе ничего ожидать отъ приносимыхъ жалобъ, какъ только проложенія дороги къ будущему сближенію между Западомъ и возставшею Польшей и запугать тѣмъ русскихъ и нѣмцевъ опасеніемъ, что правительства Франціи, Англіи и Италіи въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскимъ движеніемъ.

„Мы должны довольствоваться тѣмъ, что всякая варшавская манифестація къ намъ приближаетъ италіанцевъ, венгерцевъ и всѣ національности, которыѣ ищутъ расторженія австрійскихъ цѣпей.“ Въ этомъ отношеніи существуетъ полное соглашеніе между Мѣрославскимъ, Гарибальди и Клапкою.“

Мѣрославскій готовилъ новый мятежъ и новую борьбу; онъ старался поднять духъ націи и нравственныя ея силы, старался поднять ее въ глазахъ Европы и распалять страсти къ предпріимчивости и отвагѣ между польскою молодежью. Идеализировавъ павшую Рѣчь Посполитую, онъ пишетъ: „Въ московскомъ войскѣ русскій командуетъ, а полякъ *начальствуетъ*. Тщетно царь Николай рѣшилъ послѣ 1831 г. производство въ чины сдѣлать недоступнымъ для поляковъ въ его арміи; онъ не могъ безъ нихъ обойдтиться. Всякій полякъ — студентъ или подмастерье, лакей или чиновникъ, писецъ или прикащикъ, приговоренный къ военной службѣ, всегда знаетъ что, въ короткое время, онъ сдѣлается необходимѣе всѣхъ боярскихъ сыновей. Намъ разсказывалъ одинъ офицеръ, что предъ экспедиціею Перовскаго, всѣ поляки въ томъ краѣ были созваны въ Оренбургъ: сосланные, солдаты, даже случайно тамъ пребывавшіе, чтобы ихъ распредѣлить въ войска инженерами, адъютантами, топографами и т. п. Довѣренность генараловъ и войскъ къ ихъ энциклопедической непогрѣшимости была такъ велика, что никто незаботился о потеряхъ арміи.....“

Герцену предстояла другая цѣль; и *Колоколъ* дѣйствительно проводилъ, что „у насъ все позади отвратительно гадко“, а для изображенія настоящаго, его страницы пестрѣли всякаго рода дрязгами. Щеголяя разнообразіемъ, *Колоколъ*, изъ политико-соціально-философическихъ декретовъ, обратился въ помойную яму всякихъ сплетень. Если кому либо нужно было кинуть грязью въ кого нибудь, ему въ Россіи не досягаемаго, то онъ могъ смѣло обращаться въ *Колоколъ*; его столбцы были открыты для всѣхъ мерзостей, клеветъ, лакейскихъ разсказовъ, ему сообщаемыхъ его

корреспондентами; даже наглая ложь была такъ дорога *Герцену*, что, для помѣщенія подобныхъ извѣстій, онъ придумалъ особую рубрику: „Правда ли?“ *Герценъ* былъ увѣренъ, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесаный и немытый, который повѣритъ и за удовольствіе себѣ поставитъ пересказать знакомымъ о томъ, что онъ вычиталъ въ *Колоколѣ*. Изъ *Колокола* русская публика могла узнать, какой городничій съ какою коротко знакомъ дамою; ничѣмъ не брезгалъ *Герценъ*, чтобы найдти читателей, образовать ихъ на свой ладъ, развращать понятія и вкусъ русскаго общества, кормить его всякими нахальными мерзостями, уничтожать всякія основанія о долгѣ и чести,— и все подъ видомъ неусыпныхъ заботъ о блистательной его будущности. Современныя статьи *Колокола* свидѣтельствуютъ что *Герценъ* твердо изучилъ выше приведенную инструкцію *Мѣрославскаго* и слѣпо руководствовался тѣми ея мѣрами, которыя для себя считалъ пригодными. *Колоколъ* былъ ничто иное какъ искусная мистификація русскаго люда и особенно русской молодежи. А было время, когда *Колоколъ* былъ въ модѣ. Пользуясь настроеніемъ общества, когда послѣ Крымской войны, уязвленное народное чувство искало причинъ нашей неудачи, *Герценъ* своеобразно началъ указывать наши недостатки и, при первыхъ успѣхахъ, ставъ на ходули, взялся быть руководителемъ русскаго общества; нѣкоторые люди хвастали *герценизмомъ*, нашлись сообщники, подражатели и ослѣпленныя орудія; поляки не зѣвали, подзадоривали, наущали. Нашлись писатели, которые, считая строчки и листы, услужливые требованіямъ сочувствовавшихъ Герцену журнальныхъ изданій, ругали съ плеча не только наше настоящее, но, вторгаясь въ завѣтные архивы, искали въ нихъ только темъ, которыя можно было бы выставить скандальчиками; историческая литература запестрѣла историческими сплетнями; *Герценизмъ* хотѣлъ отнять даже народное наше достояніе, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали изъ могилъ, не для того, чтобъ изслѣдовать ихъ дѣянія, для назиданія современникамъ, а чтобы глумиться надъ дѣятелями, создавшими славу Россіи. Этотъ потокъ увлекъ неоперившихся въ знаніяхъ юношей, которые, съ знаніями школьниковъ, судили и рядили по увлеченіямъ, необузданнымъ ни наукою, ни положительною думою; онъ вывелъ на свѣтъ безбородыхъ и нечесаныхъ, не вѣсть откуда появившихся сотрудниковъ новой, такъ названной, *изобличительной* литературы и,

прискорбно вспомнить, что поддались этому одуренію и мужи, посѣдѣвшіе въ наукѣ, которые точно торопились отречься отъ своихъ точно прежнихъ убѣжденій.

Грустные слѣды на русской литературѣ; грустныя воспоминанія тогдашней жизня оставили послѣ себя два союзника чадъ полонизма и *смрадъ герценизма.* Хороши были тѣ гражданскія добродѣтели, которыя *Колоколъ* навѣвалъ на русскую землю.

ГЛАВА 13-я.

Ламберовъ отель и общество польской молодежи—Хлопоты старой эмиграціи ввязаться въ дѣло—Временная коммиссія—Временный комитетъ—Маркизъ Велепольскій—Комитетъ соединенія—Раздѣлъ между Мѣрославскимъ и ренегатами.

По теоріи заговоровъ, послѣ достаточной пропаганды, усиленная дѣятельность всѣхъ пригодныхъ органовъ, возбуждая къ уличнымъ демонстраціямъ и манифестаціямъ, должна поставить населеніе въ явную и открытую оппозицію правительству и торопливо доводя распаленіе страстей и настроеніе толпы къ буйствамъ до наивозможно—большей степени азарта, перейдти окончательно къ открытому мятежу; но эта наука, названная *Лелевелемъ* наукою *заговора массъ,* не доставляла полякамъ вполнѣ желаемыхъ результатовъ.

Два года почти длился такъ называемй манифестаціонный періодъ, апок коноводы рѣшились перейдти *Рубиконъ*. Они чувствовали, что для дипломатическихъ сношеній имъ было необходимо представить залоги въ легкости побѣды и въ силѣ мѣстной крамолы; городское населеніе было подготовлено; но собственно масса народа, поселяне далеко не изъявляли той же готовности; оставалось дѣйствовать на него страхомъ, терроромъ т. е. руководствоваться правиломъ польскихъ эмигрантовъ, принятымъ для производства мятежей: *„съ народомъ должно обращаться суровѣе, нежели обращаются правительственныя власти"*.

Существенная же причина замедленія была та, что на сцену дѣйствія предстояло выдти первыми, самимъ творцамъ проектовъ огамечтаем конфедеративнаго *славяно-польскаго* или *общс-славянскаго* государства, съ новымъ устройствомъ гражданскихъ обществъ, основаннымъ на „взаимныхъ симпатіяхъ, уваженіи, согласіи, довѣ-

ренности, братствѣ, и самоотверженіи". Но столбы *великаго будованья*—изгнанники и туземцы, ни поляки, ни къ нимъ примкнувшіе *ренегаты съ того берега*, никакъ не могли сговориться по этому предмету.

Отъ Парижа до Петербурга, отъ Лондона до Генуи, предтечею мятежа была возникшая самая ожесточенная борьба между партіями, которая, конечно, подземно длится и понынѣ. Когда *власть* показалась близкою добычею, то на эту добычу, съ дружнымъ озлобленіемъ, накинулись всѣ соперники-сотрудники польской справы. Эта междоусобица стоитъ на первомъ планѣ въ бывшемъ мятежѣ, она была источникомъ всѣхъ *совершившихся фактовъ*, вліявшихъ на весь его ходъ. Описаніе этой борьбы принадлежитъ къ изображенію послѣднихъ польскихъ событій; мы приведемъ только нѣсколько свѣдѣній, дабы ознакомить съ этимъ періодомъ дѣятельности *польской эмиграціи* и довести ее до предположеннаго нами времени.

Польская эмиграція, послѣ утратъ въ ея рядахъ, сдѣланныхъ амнистіею, представляла множество разныхъ кружковъ, мало вліятельныхъ и физически мало способныхъ къ веденію мятежа. Вся сила сосредоточилась въ монархическомъ *Ламберовомъ отелѣ*, и въ диктаторѣ *Мѣрославскомъ*. *Ламберовъ отель* былъ могучъ средствами землевладѣльцевъ-туземцевъ, содѣйствіемъ клерикальныхъ партій и своими ультрамонтанскими связями; *Мѣрославскій* располагалъ руками для дѣйствія, и общество *товарищества польской молодежи* пріобрѣло все прежнее значеніе общества *демократическаго товарищества*. Диктаторъ *Мѣрославскій*, кинувъ своихъ старыхъ товарищей *централъщиковъ*, ко всѣмъ ударамъ, понесеннымъ *централизаціею*, прибавилъ еще свой. Вербуя новыхъ сторонниковъ, онъ изъ нея сдѣлалъ пугало; онъ изобличалъ *централизацію* въ томъ, что она источникъ всѣхъ безобразныхъ принциповъ, предъ тѣми, которыхъ не устроивало ученіе коммунизма, но которыхъ онъ хотѣлъ оттянуть отъ Ламберова отеля. *Мѣрославскій*, предъ послѣднимъ мятежемъ, дѣйствовалъ по тойже тактикѣ, по которой дѣйствовали эмиссары централизаціи въ Галиціи, предъ мятежемъ 1846 года. Онъ, то пародировалъ Прудона, то изъ подтишка выставлялъ своего пріятеля *Высоцкаго*, человѣка права нерѣшительнаго и робкаго, тѣмъ ярымъ коммунистомъ, который не иначе какъ воровствомъ считаетъ чужую собственность; на дѣлѣ *Мѣро-*

славскій, признавая себя человѣкомъ политическимъ, постоянно держался своего изрѣченія, что *правда въ политикѣ — успѣхъ* (*).

Въ то время какъ, по постановленіямъ Ламберова отеля и *Мѣрославскаго,* разыгрывались польскія манифестаціи въ Польшѣ и Западной Россіи, остальная эмиграція, ожидая близкій мятежъ и считая верховное руководство мятежемъ ей принадлежащимъ по праву, начала готовиться въ этомъ смыслѣ. Раздавались рѣчи, писались статьи о необходимости соединенія партій и согласіи въ дѣйствіяхъ; но къ большому удивленію польской эмиграціи, никто къ ней не обращался ни за начальствующими, ни за руководителями, ни за совѣтниками; не только она не получала донесеній, но кромѣ газетныхъ, получала одни только скудныя свѣдѣнія изъ края; мѣстныя секціи демократическаго товарищества туземцевъ обратились въ самостоятельные кружки, которые, на скорую руку, умножали свои силы новыми заговорщиками и готовили ихъ въ дѣятелей; тремъ послѣднимъ центральщикамъ: Людвигу *Булевскому*, Антонію *Жабицкому* и Михаилу *Домагальскому,* нечѣмъ было наполнять свои протоколы; имъ оставалось на засѣданіяхъ только, въ дружеской бесѣдѣ, передавать о слышанныхъ ими новостяхъ. Централизація въ сороковыхъ годахъ гремѣвшая именами *Мѣрославскаго*, *Ворцеля*, *Дараша*, *Гельтмана*, *Звѣрковскаго*, *Высоцкаго*, шумливая соперница молчаливаго Ламберова отеля, въ началѣ 1862 года исчезла; все общество *товарищества демократическаго* было уже въ разбродѣ, или, по выраженію поляковъ, „*развязалось*“ (розвіонзалосе).

Польская эмиграція, въ теченіи тридцати лѣтъ достигла полнаго убѣжденія, что она цвѣтъ и представительница польской націи. Не зная всей громадности подземныхъ новыхъ работъ ею рожденныхъ дѣятелей, эти *отцы* не догадывались, что ихъ *дѣти*, идя по ихъ стопамъ, въ своихъ замыслахъ и ихъ, старыхъ эмигрантовъ, причислили къ своимъ противникамъ, какъ поколѣніе отжившее, ни къ чему уже не способное, и только своимъ вмѣшательствомъ задерживающее дѣло. Старые эмигранты убаюкивали себя пріятными надеждами что время настаетъ имъ принять кормило власти; изъ разныхъ партій вызвались представители для начертанія согласныхъ дѣйствій и обсужденія предстоящихъ и, въ концѣ 1861 года, образовалась *временная коммиссія,* изъ 7 чле-

---

(*) Mensonge!—Mais savez vous se que c'est que la vérité en politique?— C'est tout bonnement la victoire. Débat pg. 38.

новъ, подъ предсѣдательствомъ Леона *Чеховскаго*, съ секретаремъ Леономъ *Мазуркевичемъ*. (*) Подобная инициятива отъ личностей, игравшихъ второстепенныя роли, подстрекнула другихъ, считавшихъ себя столбами эмиграціи и, 12 Января 1862 года, явилось новое учрежденіе для соглашенія дѣйствій старой эмиграціи, подъ именемъ *временнаго комитета*, тоже въ составѣ семи человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго самодура Графа Яна *Ледуховскаго*; членами были: такъ называемый патріархъ демократической партіи Янъ Непомуценъ *Яновскій*, служащій при кабинетѣ принца Наполеона Эдмундъ *Хоецкій*, Адольфъ *Кристовскій*, Янъ *Чинскій*, Эдмундъ *Карабьевичъ;* секретаремъ былъ Леонъ *Зенковичъ*. *Яновскій*, *Крестовскій* и *Зенковичъ* были прежде *центральщиками*.

Члены *временнаго комитета*, собравшіеся для согласованія мнѣній и проектовъ, съ трудомъ могли сговориться, а еще большаго труда стоило имъ сговориться съ временною коммиссіею; даже панегиристъ эмигрантовъ, авторъ брошюры *Эмиграція Польска*, и тотъ подтверждаетъ слова подсудимыхъ: „*Временный комитетъ*, пишетъ онъ, достигъ *дѣла соединенія*, не безъ упорной и продолжительной борьбы (не безъ упорчивей и длугей вальки) съ *временною коммиссіею*„.

Старые эмигранты, пребывающіе на западѣ, соединились, въ числѣ около 1400 человѣкъ, признали *временный комитетъ;* но не могли соединиться съ истинными, настоящими дѣятелями, которые, своими подземными путями, вели дѣло мятежа. Добыча казалась близкою и подзадоривала къ усиленной работѣ, но тѣ, у кого въ рукахъ была заговорная власть и сила, тѣ вовсе не желали къ дѣлежу допустить еще другихъ, однажды уже подсѣченныхъ *столбовъ великаго будованія*.

Принципы фамильной программы, правила систематически выработанныя вѣковою тактикою *Чарторыйскихъ*, руководили Ламберовымъ отелемъ; хотя многолѣтній строитель воздушныхъ замковъ, do maximum усовершенствовавшій искусство интриги, князь *Адамъ* сошелъ въ могилу, но вмѣстѣ съ фамильными традиціями, завѣщанныя имъ наставленія могли еще быть съ полнымъ успѣхомъ прямо, слѣпо примѣняемы, пока новые удары не сбили съ колеи

(*) Остальные члены были: Руфинъ *Піотровскій*, Юліянъ *Михайловскій*, Александръ *Валигурскій*, Игнатій *Богдановичъ* и Валентинъ *Левандовскій*.

преемника псевдо-королевской власти, его сына *Владислава* и приставленнаго къ нему менторомъ графа Владислава *Замойскаго.*

Ламберовъ отель, держа бразды крамольныхъ работъ бѣлыхъ и направляя ихъ къ мятежу, вмѣстѣ съ тѣмъ отрекался отъ всякаго участія. Князь *Владиславъ* отзывался на всякія приглашенія, что онъ не хочетъ повторить опромѣтчивыйшагъ, (le pas de clere), своего отца въ 1846 году, и, по своимъ традиціямъ и по значенію своей партіи, лая сохранить полную независимость дѣйствій, до крайности довелъ озлобленіе противниковъ открытымъ провозглашеніемъ, что онъ не признаетъ существованія ни положительнаго приготовленія къ возстанію, ни положительнаго, революціоннаго ржондоваго (правительственнаго) комитета. Подобно тому и диктаторъ *Мѣрославскій* отрицалъ возможность существованія какой либо заговорной силы, внѣ своего *товарищества польской молодежи.*

Наконецъ, во время предшествующее мятежу, явился третій— уже мѣстный источникъ польской дѣятельсости—маркизъ *Велепольскій*, прежній сторонникъ *Чарторыйскихъ,* но который, казалось, подымалъ проекты, забракованные Ламберовымъ отелемъ. Ламберовъ отель озлобился въ свою очередь, полагая что маркизъ *Велепольскій* силится образовать между туземцами русскую партію и пошелъ по давнимъ стопамъ *Чарторыйскихъ,* но вовсе не на пользу Ламберова отеля. Соперникъ становился со дня на день страшнѣе, и степень, до которой достигла наконецъ тревога въ Ламберовомъ отелѣ выясняется тѣмъ, что въ критическое для мятежа время недоумѣній о послѣдствіяхъ иноземнаго вмѣшательства, Ламберовъ отель сдѣлалъ отважный шагъ: на свѣтъ вылетѣли первыя строки изъ завѣтныхъ рукописей князя *Адама Чарторыйскаго.* Ламберовъ отель поручилъ самому искусному своему перу, статьею, напечатанною въ Маѣ 1863 года: „*Опытъ русскаго либерализма*“ (*), предостеречь туземцевъ отъ всякихъ полюбовныхъ соглашеній съ Россіею.

(*) Essai d'un libéralisme russe въ Revue de deux mondes, mai 1863 première livraison. Шарль де Мазадъ, черпая изъ рукописныхъ твореній князя *Адама*, доказываетъ изъ событій первой четверти нынѣшняго столѣтія, что въ Россіи постоянно существуетъ *старая русская партія*, съ которою, для возстановленія Польши, ничего подѣлать нельзя. Ламберову отелю, для силы аргументовъ, было необходимо выставить Императора Александра Павловича совершенно преданнымъ какъ полякамъ, такъ и ихъ интересамъ.

Три лица собственно стали представителями польской справы, въ новомъ для нея наступающемъ фазисѣ *Чарторыйскій*, *Мѣрославскій* и *Велепольскій*, „три злые генія Польши,“ восклицаетъ Владиславъ *Мицкевичъ*, (*) и за тѣмъ продолжаетъ: „*Чарторыйскій* ненавидитъ *Мѣрославскаго*, а *Мѣрославскій* ненавидитъ *Чарторыйскаго;* оба они питаютъ непримиримую злобу къ *Велеполскому*, который обоимъ имъ платитъ тою же ненавистью.“

Но пока эти три дѣятеля, названные *Мицкевичемъ* злыми польскими геніями, раставляли по крайнему своему разумѣнью, паруса на томъ кораблѣ, который несъ судьбы Польши съ ея вѣковыми соперничествомъ, ненавистью и озлобленіемъ къ Россіи, что дѣлали другіе геніи, пребывающіе за границею? Видя, что дѣятели ихъ оттираютъ отъ дѣла, они наступали тѣмъ съ большимъ рвеніемъ, совѣщались, обнародывали ими принимаемыя основанія, всякими тонкими ухищреніями заманивали молодежь, бѣгали за иноземнымъ милосердіемъ, выпрашивая складчины, сочиняли эксентрическія статьи и закупая наводняли ими иностранную журналистику. Они раздували, для назиданія туземцевъ, свои заслуги, провозглашали объ огромныхъ, ими собранныхъ капиталахъ на возстаніе такъ, что и самый Варшавскій ржондъ поставили въ недоумѣнье, провосглашали о животрепещущей симпатіи, вливаемой статьями и X. и Y. и Z. въ европейскую публику и таинственно сообщали о громадномъ пріобрѣтаемомъ ими дипломатическомъ вліяніи. Парижская секція, такъ называемой *Батиньольской школы*, особенно надрывалась, чтобы выказать все свое значеніе и свое патріотическое усердіе. Покровительство, которое принцъ Наполеонъ оказывалъ польской школѣ, служило конькомъ, на которомъ выѣзжала *Батиньольская школа*. Къ этому кружку принадлежали докторъ *Галензовскій*, директоръ школы, возвратившійся съ огромнымъ состояніемъ изъ Америки, а по темнымъ слухамъ, ходившимъ въ эмиграціи, присвоившій себѣ часть казны, вывезенной въ 1831 году изъ Варшавы,—*Орденга*, прежній централыцикъ, вхожій въ Пале-рояль, и котораго жена, на бывшемъ тамъ балѣ, по польскимъ извѣстіямъ, удостоилась пройдти

(*) *В. Мицкевичъ*, хотѣлъ познакомить публику послѣдовательно съ дѣяніями всѣхъ этихъ трехъ личностей сочиненіемъ: «Czartoryski, Mieroslawski et Wielopolski.» Доселѣ вышла только первая часть, еще въ 1863 году, о *Чарторыйскихъ*. *Мѣрославскій*, откупился отъ продолженія, говорятъ за 30,000 франковъ.

кругъ польскаго съ Императоромъ Наполеономъ, *Хоецкій*, служащій при Принцѣ Наполеонѣ, *Эльзановскій*, редакторъ польской газеты „*Пршеглiондъ ржечи польскъй.*“ Было время, но быстролетное, въ которое, казалось, партіи соединились, эмигранты и туземцы, за исключеніемъ развѣ по имени самаго Ламберова отеля; тогда составился новый *комитетъ соединенія* изъ 9 членовъ: въ него поступили секретарь временной коммиссіи *Мазуркевичъ*, изъ временнаго комитета графъ *Ледуховскій*, *Яновскій*, *Кристовскій*, *Карабьевичъ*, изъ батиньольскій секціи, вѣрный товарищъ *Герцена*, журналистъ *Эльзановскій*, отъ польской молодежи воспитанникъ генуезской школы Стефанъ *Бобровскій* и еще были приглашены Іосифъ *Высоцкій*, начальствовавшій въ 1849 г. легіономъ въ Венгріи, и Антоній *Жабицкій*, одинъ изъ трехъ послѣднихъ централыщиковъ. Комитетъ 12 Августа 1862 года издалъ выводъ своихъ соображеній: „Возстаніе собственными силами, это пробный камень и точка исхода нашей новой жизни. Современное настроеніе Польши и событія заявляютъ себя развитіемъ внутреннихъ силъ для добытія политической независимости, сознаніемъ этой обязанности всѣми частями нашей раздробленной ойчизны, обывательскимъ управленіемъ всѣхъ сословій и исповѣданій, вмѣстѣ съ надѣломъ крестьянъ землею.

„Демократичныя начала, во всей ихъ полнотѣ, были уже объявлены угнетенному народу. Подъ столь видимымъ штандартомъ мы обязаны всѣ соединиться и дѣйствовать; онъ указываетъ безошибочный путь къ возстановленію нашей независимости.

„Возстаніе собственными силами, такова главнѣйшая и святѣйшая обязанность народа. Собраніе и въ данный моментъ соотвѣтствующее употребленіе этихъ силъ могутъ быть достигнуты только внутреннею работою; потому краю, которому были разъяснены основанія къ его спасенію и все могущее ихъ осуществить, принадлежитъ начать и направлять приготовленія къ возстанію.

„Мы представимъ это на видъ народамъ Европы, представимъ всю святость нашей народной справы, ея требованія и значеніе, дабы пріобрѣсть ихъ сочувствіе и дѣятельную помощъ. Имѣя въ виду эту цѣль, должно дѣйствовать на общественное мнѣніе, освѣщая его журналистикою, и на сколько возможно стараться завязать сношенія съ правительствами свободныхъ народовъ; но прежде всего намъ не нужно забывать угнетенный людъ (русскихъ); мы обязаны ему давать постоянныя доказательства непоколебимой нашей вѣры въ народную солидарность.“

Эльзановскій, для послѣдней фразы, воспользовался первою возможностью, чтобы въ первомъ декретѣ новаго подземнаго офиціальнаго польскаго міра, заявить *Герцену* свою благодарность за помѣщеніе въ декретѣ „Колокола", отъ 15 февраля 1862 года, столь утѣшительныхъ и польской справѣ столь много обѣщавшихъ словъ: *„старый императорскій міръ валится, съ нимъ вмѣстѣ валится и вся казенная Россія, дворянство, чиновничество, казенная армія, кабакъ, острогъ и казенная церковь."* За этимъ приговоромъ, ренегаты съ того берега далѣе постановили: *„прежде всего подать руку оскорбленнымъ братьямъ полякамъ."* Комитетъ заканчиваетъ свой декретъ отъ 12 августа словами:

„Комитетъ не удовлетворитъ своему назначенію, если онъ не будетъ имѣть довѣрія своихъ товарищей по изгнанію и довѣрія всѣхъ тѣхъ мужей, которые въ угнетенномъ отечествѣ, среди тысячей препонъ и опасностей, работаютъ къ приближенію времени избавленія ойчизны. Соотчичи и вы, товарищи по изгнанію, отъ вашего нравственнаго содѣйствія и отъ матеріальной помощи, которую вы намъ дадите, зависитъ успѣхъ всѣхъ нашихъ усилій.„

Въ этой кукольной комедіи, разыгриваемой польскими эмигрантами и ренегатами съ того берега, декретъ повторялъ тоже, что въ теченіи тридцати лѣтъ объявляла эмиграція; соотчичи могли узнать новаго только то, что они должны позаботиться въ польскомъ смыслѣ и о русскихъ, и что за границею образовался комитетъ, который всѣхъ ихъ принимаетъ подъ свою ближайшую опеку.

Но поляки не несли своихъ средствъ къ подножью *комитета*, а его члены не догадывались, что у нихъ, представителей партій, за собою партій уже не было; партіи были уже всѣ разобраны людьми въ интригѣ болѣе ловкими; члены не догадывались, что и самъ ихъ комитетъ былъ созданъ только для того, чтобы истиннымъ двигателямъ помѣрять свои силы; то былъ приступъ къ обходу одинъ другаго.

Комитетъ, пока его занимали китайскими фонарями, недоумѣвалъ, отчего власть и значеніе, какъ тѣнь, ускользали у него изъ рукъ и не только донесеній, но онъ не могъ добиться даже и какихъ нибудь положительныхъ свѣдѣній; всѣ члены полскихъ секцій, въ русской администраціи, обратились въ кореспондентовъ *Колокола*. Не по днямъ, а по часамъ, среди польской эмиграціи, росло значеніе *Герцена*, даже *Цверцякевичъ*, по кончинѣ централизаціи,

главный работникъ эмиграціи въ Лондонѣ, и тотъ обращался за свѣдѣніями въ редакцію *Колокола*.

Ламберовъ отель одержалъ рѣшительную побѣду въ Италіи и у себя въ Парижѣ, поведя далекими путями свои подступы. Съ возвращенія *Огрызки* изъ Познани, весною 1862 года, началась та колосальная интрига, которая выказала все превосходство *петербургской* секціи передъ *батиньольскою*; она оттерла *Мѣрославскаго* и выказала все искусство на этомъ поприщѣ *Чарторыйскихъ*. Ближайшія подробности этого *дѣла мастера* принадлежатъ самому мятежу, здѣсь скажемъ только то, что Ламберовъ отель ловко создалъ такой сумбуръ, такіе сапоги въ смятку, что, за изъятіемъ одного *Мѣрославскаго*, всѣ дружно принялись на него работать, не исключая и *ренагатовъ съ того берега*. Повидимому, согласно заявленію *Колокола*, они были одни, которые при своихъ связахъ, были посвящены въ эту громадную подземную мистификацію.

Герценъ, начавъ сношенія съ европейскими геростратскими знаменитостями, какъ то: съ *Мадзини, Кошутомъ, Мѣрославскимъ, Ледрю-Роленомъ, Прудономъ, Луи Бланомъ*, хотѣлъ примазаться къ варшавскимъ удальцамъ. *Потебня*, стоя во главѣ тамошнихъ *герценистовъ*, набираемыхъ подъ знамя *„Земля и Воля“*, примкнулъ къ *Хмѣленскому*. *Хмѣленскій*, промотавшійся панъ, ярый ультра-красный, трибунъ трактирный, искалъ своего значенія и опирался на имя *Мѣрославскаго*, догадываясь, по событіямъ предшествовавшимъ, что у диктатора не хватитъ отваги пріѣхать въ Варшаву, ссаживать его съ предводительства разгульной, имъ набираемой ватаги. Плоды работъ *Хмѣленскаго* были покушенія на жизнь сперва генерала Лидерса, потомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича и наконецъ графа Берга.

Пока *Потебня* усердствовалъ передъ *Хмѣленскимъ*, ренегаты съ того берега, ревнуя участвовать въ конспиративныхъ польскихъ работахъ, обратились къ *Мѣрославскому*. *Герценъ* поручилъ дѣло *Бакунину* и, вѣроятно, предлагалъ заключить договоръ, какъ равный съ равнымъ. Но *Мѣрославскій* едва ли не лучше самого *Герцена* зналъ суть герценизма въ Россіи; великій столбъ петербургской секціи *Сѣраковскій*, перебѣжавшій въ лагерь противниковъ, незадолго еще предъ тѣмъ былъ изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ диктатора, потому его оморочить силою герценизма было трудно. *Мѣрославскій* былъ слишкомъ опытенъ въ дѣлѣ мятежей и безъ

всякихъ увлеченій называлъ вещи по имени: работниковъ для мятежей, подзадоренныхъ философовъ-мыслителей, настроенныхъ для благоденствія человѣчества идти на баррикадные подвиги, онъ просто называлъ *„глиняными героями, которыхъ должно, не теряя времени, обжечь пороховымъ огнемъ,* а герценистовъ онъ называлъ не болѣе какъ *молодыми людьми, совращенными польскими интриганами.“* Произвести единовременно мятежъ въ Россіи и Польшѣ было предметомъ постоянныхъ мечтаній поляковъ, но диктаторъ вовсе не располагалъ себѣ набирать сотоварищей, а ему нужны были исполнители. *Герцену* съ компаніей было давно очень желательно покорчить изъ себя тоже людей, озабоченныхъ высшими революціонными заботами и работами, не терпящими отлагательства; теперь эта возможность для нихъ наступала, а какъ *Мѣрославскій* зналъ, что чадъ, напущенный *Герценомъ*, поляки въ Россіи съумѣютъ раздувать далѣе и безъ него, то онъ не много и церемонился съ *Бакунинымъ.* Тутъ дѣло шло на чистоту, а не о симпатіяхъ. *Бакунинъ* не почелъ себя вправѣ подчиниться условіямъ, требуемымъ *Мѣрославскимъ*, и они разошлись. *Герценовская* компанія за то отомстила и напакостила *диктатору* въ самое щекотливое для него время. Она напечатала въ Courier de l'Europe, когда была ведена горячая интрига противъ *Мѣрославскаго*, что онъ въ разговорѣ съ *Бакунинымъ*, выразился что „только съ нимъ можно заключить договоръ отъ имени революціонной Россіи, а ни съ кѣмъ изъ поляковъ эмиграціи и даже туземцевъ; потому что внѣ его и его нѣсколькихъ друзей, ничего серіознаго нѣтъ, даже и въ Польшѣ.“ Для большей убѣдительности, было приложено и письмо *Мѣрославскаго* къ нимъ—ренегатамъ, въ которомъ сказано: въ краѣ учрежденъ высшій совѣтъ, за его границами извѣстный только мнѣ одному, котораго я единственный представитель и отвѣтственный уполномоченный.“

Послѣ подобныхъ сношеній между проектерами федеративныхъ славянскихъ земель, трудно было разсчитывать на дальнѣйшую взаимную симпатію, довѣренность и братскую любовь. *Герценовская* компанія примкнула къ комитету соединенія и преимущественно къ членамъ батиньольской секціи, уже дѣйствовавшихъ самостоятельно.

ГЛАВА 14.

Польская эмиграція во время мятежа.—Фазисы мятежа.—Мѣрославскій и Герценъ.—Князь Владиславъ Чарторыйскій и Шедо-Ферроти.—Заключеніе.

Ламберовъ отель одержалъ полную побѣду въ той громадной интригѣ, которая предшествовала мятежу; онъ подчинилъ своему нравственному вліянію *центральный Варшавскій комитетъ*, посадилъ своихъ людей въ *ржондъ народовый*, поставилъ своего диктатора *Лангевича* и князю Владиславу *Чарторыйскому* для польской справы, были ввѣрены международныя сношенія и веденіе дипломатическихъ дѣлъ народоваго ржонда, подобно тому, какъ эти обязанности были нѣкогда возложены эмиграціею на его отца, усиленными стараніями князя Адама, при началѣ ея заграничной дѣятельности.

Долго старая эмиграція не хотѣла разочароваться въ томъ, что она была ловко устранена отъ дѣла. Ей было совѣстно сознаться что мятежъ уже былъ въ полномъ ходу, а на нее смотрѣли, какъ на людей, къ нему вовсе непричастныхъ. Безъ средствъ проникнуть варшавскія таинства, польскіе журналисты за границею ловили разныя летучія вѣсти, и наполняли свои страницы разною чушью, никакъ не подходящею къ дѣйствительному ходу дѣлъ; они создавали небывалые перевороты, сожалѣли о небывалыхъ распряхъ, соболѣзновали, а дѣйствительно бывшихъ и не подозрѣвали.

Старымъ эмигрантамъ было очень досадно, что изъ края являлись сотни агентовъ, искавшихъ подышатъ безопасностью, съ разными порученіями дипломатическими и по части военныхъ снабженій, что эти агенты сорили деньгами, чванились таинственностью важныхъ на нихъ возлагаемыхъ порученій, и въ газетахъ эмиграціи являлись статьи, строго порицающія ржондъ; „этимъ вы-

сылаемымъ юношамъ, твердили они, было бы гораздо приличнѣе находиться въ рядахъ бойцевъ за родину, а для порученій ржондъ долженъ искать мужей болѣе опытныхъ, между старыми эмигрантами". Въ видѣ офяръ ржондъ исторгалъ милліоны изъ кошельковъ туземцевъ; но чѣмъ грабежъ этихъ милліоновъ становился явственнѣе, тѣмъ громче кричала эмиграція о скандалѣ, забывая то, что *дѣти* шли по стопамъ *отцевъ*.

Несторъ польской эмиграціи Янъ Непомуценъ *Яновскій* наконецъ желчнымъ письмомъ къ князю Владиславу *Чарторыйскому*, излилъ свое негодованіе, въ концѣ 1863 года, когда уже и въ царствѣ Польскомъ для мятежа наступала агонія, когда въ Сѣверо-западной Россіи оставалось еще нѣсколько человѣкъ скитавшихся жандармовъ вѣшальщиковъ, и только мятежъ оставался грознымъ и сильнымъ по однимъ лишь польскимъ журнальнымъ извѣстіямъ.

Въ сочиненіи Моллера, (*) находимъ отрывокъ этого письма Я. Н. *Яновскаго*, откуда помѣщенное вполнѣ и выписываемъ:

„Мнѣ остается представить вамъ, князь, нѣсколько поясненій на счетъ того что вы называете, недостаткомъ съ моей стороны уваженія къ нынѣ существующему національному правительству.

„По моему мнѣнію, что я имѣлъ уже случай высказать прежде, *достоинство всякой власти въ прямой зависимости отъ достоинства людей ею располагающихъ, а достоинство сихъ послѣднихъ зависитъ отъ достоинства ихъ дѣйствій*. По моему, изъ этого слѣдуетъ, что власть можетъ дѣйствовать удовлетворительно и полезно только при условіи ея открытаго существованія, когда она видна. Нынѣшнему ржонду недостаетъ этого настоятельнѣйшаго условія; я готовъ его сравнить съ *Консусомъ*, тѣмъ божествомъ римлянъ, которому они поклонялись въ мрачныхъ пещерахъ. Но недовѣріе, которое вселяетъ въ меня" нынѣшній ржондъ зависитъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ:

1. Онъ, какъ я уже вамъ замѣтилъ, очевидно составленъ со времени распущенія центральнаго комитета, исключительно изъ личностей, даже противниковъ возстанія.

2. По нынѣ, т. е. въ теченіи семи мѣсяцевъ, онъ не хотѣлъ или не могъ вывести возстаніе изъ того положенія безсилія, которое вынуждаетъ его самаго скрываться; онъ не пользуется ни какимъ значеніемъ за границею, если даже пользуется имъ въ самой Польшѣ.

(*) Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865 стр. 337.

„Вамъ угодно, князь, утверждать что вся нація повинуется этому народовому ржонду; къ сожалѣнію я не могу вѣрить этимъ словамъ, которыя вѣроятно проистекаютъ отъ образа воззрѣнія совершенно противуположнаго моему. Дабы я могъ повѣрить мнѣ необходимо видѣть или знать:

а) Что театръ возстанія не уменьшается, но расширивается, охвативъ Жмудь, Литву, Волынь, Подоль и Украину.

в) Что какая нибудь часть территоріи, послѣ одинадцати мѣсячной борьбы очищена отъ врага.

„Я вижу противное:

„Возстаніе дѣйствительно продолжается, но только на нѣсколькихъ изолированныхъ пунктахъ царства 1815 года, да и тамъ оно единственно походитъ, на то, будьто единственная цѣль возстанія производить демонстраціи, (кидать пыль въ глаза) а не изгнаненіе москалей.

„За исключеніемъ этихъ изолированныхъ пунктовъ, (*) москали по всей странѣ распространяютъ ужасъ и разрушеніе, они заключаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, вѣшаютъ и жгутъ.

„Помѣщики, и вообще шляхетство болѣе достаточное, по примѣру своихъ предковъ во всѣхъ прежнихъ возстаніяхъ, бѣгутъ за границу; землевладѣльцы были обязаны привязать сельское сословіе къ народному дѣлу съ 1831 года; а еще болѣе съ 1846; но двухъ лѣтъ еще не прошло, съ тѣхъ поръ какъ агрономическое общество, вмѣсто дароваго надѣла, торговалось съ нимъ объ условіяхъ оброка, и несчастное населеніе *не находя что возстаніе было предпринято тоже и для его выгодъ* (?), въ рѣдкихъ мѣстностяхъ ему сочувствуетъ и слегка оказываетъ ему помощь (**); таковы факты, порицающіе нынѣшній ржондъ народовый, факты которые бросаются въ глаза; потому я не могу ни довѣрять ему, ни питать къ нему глубокаго уваженія. Не знаю чѣмъ можно доказать готовность цѣлой націи ему повиноваться, на примѣръ можно ли принять за доказательства литовскіе и лифляндскіе адрессы, (***) которые были обнародованы народо-

(*) Ясное указаніе до чего старой эмиграціи не сообщали никакихъ подробностей и она должна была довольствоваться газетными извѣстіями.

(**) Т. е. добываемую терроромъ.

(***) Витебской губерніи. Дѣло идетъ объ тѣхъ контръ-адрессахъ, которые литовскій псевдо-диктаторъ *Калиновскій,* приказалъ

вымъ ржондомъ въ прибавленіи къ № 10 газеты *Неподлеглосци*, присовокупляя что папа (вопреки его непогрѣшности) повидимому питаетъ нынѣ болѣе благоволѣнія къ Польшѣ, нежели въ минувшемъ году, (*) и что онъ приказалъ совершать за нея молебствія. Хочу вѣрить что эти адресы дѣйствительно подлинные и что они дѣйствительно скрѣплены почтенною цифрою 279,000 подписей; но они не свидѣтельствуютъ ни о дѣятельности народоваго ржонда, ни о всемогуществѣ его влiянія на націю; мы не заставимъ русскихъ бѣжать изъ Польши ни афишами, ни молебнями.

,,Еслибы *ржондъ народовый* дѣйствительно былъ такъ силенъ, то не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы двинулъ противъ москалей половину ихъ подписавшихъ, хотя бы съ палками и съ вилами, при недостаткѣ ружей. Покрайней мѣрѣ, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ заслужилъ бы передъ Польшею, выяснивъ что ему повинуются и въ тѣхъ областяхъ.

,,Допуская что положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ вамъ угодно то утверждать, т. е. допуская что ржондъ народовый пользуется полною и всецѣлою довѣренностью націи, знаете ли, князь, что по моему все это докызываетъ? Это доказываетъ, что когда обстоятельства тому благопріятствовали, онъ могъ, но не хотѣлъ, поднять поголовно все населеніе (посполите рушеніе) что, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одно только могло взять перевѣсъ надъ московскими силами, могло освободить какую нибудь часть страны, въ которой можно было бы организироваться. Польская нація обладаетъ *большими силами, нежели то предполагаютъ дипломаты*. (**) Но если народовый ржондъ

мѣстнымъ оставшимся ревнителямъ, во чтобы то настало, ему доставить, дабы парализировать за границею дѣйствіе адресса, поданнаго туземнымъ дворянствомъ Государю Императору. Въ захваченныхъ бумагахъ находится это распоряженіе *Калиновскаго*, отзывы о крайнемъ затрудненіи его исполнитъ, и если дѣйствительно, какъ пишетъ князь *Чарторыйскій* въ «Affaires de la Pologne», эти контръ-адрессы существуютъ, то этотъ новый подлогъ, для мистификаціи Европы, могъ быть состряпанъ только ксендзами, въ чемъ убѣждаютъ подробныя свѣдѣня о положеніи Сѣверо-западной Россіи, осенью 1863 года.

(*) Когда руковожденіе было передано краснымъ, не пользовавшимся благосклонностью Ватикана.

(**) Мнѣніе тѣми же словами высказанное *Бакунинымъ*, поступившимъ работникомъ къ *Герцену*, въ письмѣ къ *Гутри*, поступившему въ работники Ламберова отеля.

могъ то исполнить и не исполнилъ, то не слѣдуетъ ли изъ того, что у него одна только мысль утомить и исчерпать силы возстанія, и что подобно 1830 году, у нынѣшняго ржонда тоже на первомъ планѣ были иноземное вмѣшательство и иноземная помощь. Другаго вывода я не могу сдѣлать, князь, изъ всѣхъ вашихъ увѣреній."

Нынѣ подземныя работы по мятежу, выяснены вполнѣ, со всѣми подробностями его перехода чрезъ всѣ послѣдовательные фазисы. Когда настало время польскую справу вести далѣе насилственными средствами, вести далѣе путемъ мятежа, то на практикѣ оказалась вся несостоятельность комбинацій, которыми столбы централизаціи въ безопасныхъ заграничныхъ пріютахъ, ублажали себя и своихъ сторонниковъ. *Бѣлые* берегли свои головы и свои имѣнья; посторонясь они пустили впередъ пылкихъ *красныхъ,* которыхъ они и терпѣли и готовили для этого дѣла; они вступили въ *новую партію движенія* (рухъ), которою они могли держать ихъ на возжахъ; *красные* должны были раскинуть мятежъ на возможно большее пространство, дабы предъ западными державами указать всю силу, и на дѣлѣ подтвердить завѣренія, что вся Польша и Западная Россія готовы возстать противъ русской власти. Лишь только явилась увѣренность въ *бѣлыхъ,* что вмѣшательство иностранныхъ державъ состоится, то они торопливо низвергли *красныхъ* и сами стали во главѣ; дипломатическія ноты шли, пока не разъяснилась суть мятежныхъ силъ; съ сильными ударами нанесенными крамолѣ, начали исчезать надежды на помощь иноземцевъ, *бѣлые* тотчасъ стушевались, а *краснымъ* власть тогда нераздѣльно перепала въ руки. Вожаки красныхъ во чтобы то ни стало, хотѣли сохранить власть въ своихъ рукахъ, и повсемѣстнымъ распространеніемъ террора, думали поднять народъ къ ополченію. Вся сила взбалмашныхъ головъ и неопытныхъ юношей, была въ *таинственности* ржонда. При отсутствіи всякой превосходной способности, слѣпо придерживаясь теоріямъ революціонеровъ, которыя кромѣ топора, веревки и кинжала, ничего не придумали для исполненія своихъ экцентрическихъ ученій, руководители красныхъ, тоже жалѣя свои головы, пустили въ ходъ жандармовъ вѣшателей. Нѣсколько тысячь неистово ими замученныхъ жертвъ изъ туземнаго населенія, остались кровавыми памятниками теорій *централизаціи,* на русскій языкъ переложенныхъ *Колоколомъ*. Аристократическій Ламберовъ отель, безопасно сидя въ Парижѣ, вмѣстѣ съ красными не тѣрялъ надѣжды, что европейскія націи взмилуются надъ страданіями до отчаянія доведен-

ныхъ польскихъ патріотовъ. Князю Владиславу *Чарторыйскому* содѣйствіе къ мятежу было тѣмъ важнѣе, что по фамильной программѣ, имя *Чарторыйскаго* не должно было разставаться съ польскою крамолою. Надеялись еще до исхода мая 1863 г., и верховные аристократическіе двигатели въ Сѣверо-западной Россіи; они взошли въ новыя сношенія съ краснымъ Варшавскимъ ржондомъ, но аресты пресѣкли дальнѣйшую ихъ дѣятельность. Правительство, испивъ чашу долготерпѣнія и видя что кроткія его мѣры польская справа принимаетъ за слабость, измѣнило систему дѣйствій и вся сила мятежа рухнула съ своихъ колосальныхъ ходулей. Дѣйствія войскъ противъ шаекъ обратились совершенно въ охоту за дикимъ звѣремъ.

Затѣи эмиграціи дорого обошлись полякамъ и ополяченнымъ туземцамъ. Изъ однихъ только бюджетовъ приходовъ Ламберова отеля по мятежу 1863 года, которые не могли быть скрыты, вытекаетъ крупная цифра въ 78,750,000 франковъ; а расходовъ можно было набрать только на 27,144,920; итакъ 51,605,080 франковъ остались разхищенными въ рукахъ тѣхъ ревнителей польской справы, которые съумѣли быть у кормила власти и у ключей отъ собираемыхъ милліоновъ. За подавленіемъ мятежа послѣдовали скандальныя явныя распри между столбами великаго будованія, которые при дѣлежѣ оставленнаго мятежемъ наслѣдства, не могли разойдтись полюбовно.

Конечно *Герцену* было очень досадно, что его герценисты такъ далеко отставали отъ патріотовъ поляковъ; въ нумерахъ *Колокола,* онъ хотя и печаталъ подзадоривающія увѣдомленія то о 125 франкахъ, то о 6 ф. стерлинговъ, то о 10 шилингахъ полученныхъ въ *„общій фондъ,"* но съ наступленіемъ лѣта 1863 года, онъ долженъ былъ предупредить чтобы, спасающіеся изъ Россіи герценисты на него не расчитывали и что его *касса пуста.* Бѣгство поляковъ не должно было имъ служить примѣромъ.

Мѣрославскій, мелькнувъ метеоромъ на польской границѣ, бѣжалъ въ безопасный Краковъ и оттуда обратно въ Парижъ; не менѣе того онъ не позволилъ себя оттереть даромъ. Ржондъ откупился отъ него, ассигнововъ ему 18 милліоновъ франковъ для вооруженія тѣхъ семи легіоновъ, каждый въ 1200 человѣкъ, съ которыми онъ провозглашалъ, что выгонитъ русскихъ изъ царства Польскаго и Западной Россіи, вооруживъ ихъ колесницами собственнаго изобрѣтенія. Эти колесницы были просто тележки на подобіе ящиковъ въ которыхъ перевозятъ бутылки съ кислыми щами; 500

косъ составляли ихъ вооруженіе, а 12 человѣкъ, поставленные въ гнѣзды, должны были ихъ приводить въ движеніе. Въ документахъ обнародованныхъ *Мѣрославскимъ*, эти колесницы уподоблялись все уничтожающимъ аттакамъ конницы и на приступъ идущимъ колонамъ пѣхоты. Ржондъ при разгромѣ мятежа, не доплатилъ много милліоновъ *Мѣрославскому*, а онъ печатно объявилъ, что князь *Чарторыйскій* и члены ржонда *народоваго*, предатели, измѣнники и грабители; за то эти въ свою очередь тоже печатно заявили что *Мѣрославскій* нахально, во время всего мятежа, навязывался въ распорядители и трусомъ, бѣжавъ изъ Польши, бѣзопасно пріютился окончательно въ Брюсселѣ, откуда хотѣлъ начальствовать.

При той надеждѣ, которую *Герценъ* внушалъ полякамъ о своемъ могуществѣ, они все ждали за границею русской помощи; это обстоятельство давало ренегатамъ съ того берега возможность, едва ли не однимъ, имѣть точныя свѣдѣнія о составѣ и дѣйствіяхъ ржонда народоваго. Не преминулъ *Герценъ* указать герценистамъ высокое свое значеніе и когда какая то газета напечатала извѣстіе о составѣ таинственнаго подземнаго ржонда, перепечатанное Русскимъ Инвалидомъ, тогда *Колоколъ* съ непритворною радостью объявлялъ:

„Журналистовъ, открывшихъ кто члены зловреднаго комитета, тѣхъ же журналистовъ ждетъ еще открытіе—именно то, что члены то другіе, если не всѣ, то àpeu prês. Вотъ сюрпризъ то будетъ.“

Истиннымъ джентельменомъ Герценъ, въ отвѣтѣ одному поляку говоритъ: Вы пишите о грубомъ выраженіи въ журналѣ кн. Долгорукова противъ одного изъ вашихъ соотечественниковъ и на насъ вымѣщаете его; князь не состоитъ подъ нашей опекой. Видѣли ли вы въ *Колоколѣ*, бранныя слова?“ (*) Когда же русскіе, не внимали его убѣдительнѣйшимъ доводамъ о симпатіи къ полякамъ и поляки на дѣлѣ увидѣли, что *Герценъ* о силѣ имъ ведомой молодой Россіи нахвасталъ непомѣрно, и русскіе принялись усмирять мятежъ, тогда въ безсильной злобѣ разочарованія, онъ началъ просто ругаться; русскія не черпали свои убѣжденія изъ руководящихъ статей *Колокола*, а потому на нихъ посыпались эпитеты мерзавцевъ, негодяевъ, подлыхъ и проч. и проч.

При послѣдовательномъ разборѣ нумеровъ *Колокола* съ единовременно веденною конспиративною польскою интригою, нельзя не признать что *Герценъ* маскировался искуссно, съ искусствомъ велъ

(*) Колоколъ 8 Сентября 1862 года.

онъ и общую работу. Какая открывается коварная мистификація русскаго люда при сближеніи лицевой стороны *Колокола,* съ ея подкладкою, съ показаніями и перепискою полскихъ дѣятелей въ слѣдственныхъ дѣлахъ. Труды *Ворцеля*, варшавскаго 1830 года журналиста и десятилѣтняго впослѣдствіи централыщика, спеціально назначеннаго польскою эмиграціею принять *Герцена,* подъ ближайшую свою опеку и въ ученье, не пропали даромъ; *Герценъ* попалъ въ геніи, такъ какъ по польской интеллигенціи, основанной на іезуитско-шляхетскихъ началахъ, *сотрудники* вѣковой борьбы Польши противъ Россіи, признаются *великими геніальными благодѣтелями;* но польской интеллигенціи мы сопротивопоставляемъ русскій смыслъ, а по русскому смыслу, мы именно людей подобныхъ *Герцену,* называемъ тѣми прилагательными, которыми онъ честитъ русскихъ, не пожелавшихъ исполнять желанія ренегатовъ съ того берега, а по крайнему своему разумѣнію, разсудившихъ дѣло по своему.

Грозенъ былъ декретъ *Колокола* отъ 8-го Марта 1863 года. Разсерженный ренегатъ сверху до низу обругалъ всю Россію, за ея негодованіе на вспыхнувшій польскій мятежъ, на поруганіе русскаго имени и чести, за негодованіе на неистоства противъ русскихъ воиновъ; *Герценъ* обругалъ Россію за ея непослушаніе многолѣтнимъ увѣщеваніямъ ренегатовъ съ того берега, быть солидарною въ дѣлѣ польской справы; въ декретѣ, для травли опять являются нѣмцы, для сравненія являются Стеньки Разины, камеръ-лакеи, гайдамаки; *Герценъ* повѣщаетъ что Россія—нѣмецкая Азія; ея правительство—татарское самовластье; усмиреніе мятежа—русскими войсками производимая жакерія, русскіе солдаты—падшіе звѣри, пьяные убійцы, одичалые грабители. Конечно *усмиреніе польскаго мятежа* было для *Герцена* съ его размашистою самоувѣренностью *сюрпризомъ* большимъ, нежели сюрпризъ русскихъ журналистовъ, когда участники предъ слѣдственными коммиссіями, называли истинныхъ членовъ *подземнаго ржонда,* конечно его положеніе было щекатливо на супротивъ его польскихъ друзей, которымъ онъ наобѣщалъ могучую помощь пресловутаго *герценизма,* а на дѣлѣ оправдался слишкомъ торопливо объявленный насмѣшливый отзывъ *Мѣрославскаго* о самихъ *герценистахъ;* но за то въ этомъ декретѣ, онъ грозитъ не болѣе, не менѣе, какъ тѣмъ, что настаетъ пора *„пасть Россіи.“*

Жидъ кричитъ *гвалтъ,* когда пьяный, имъ напоенный бѣлоруссъ у него однако отымаетъ незаплоченнаго тѣленка, мошенникъ кричитъ *грабежъ,* когда хозяинъ вырываетъ вытаскиваемый изъ его

кармана кошелекъ, шулеръ пойманный съ фальшивою колодою, кричитъ *караулъ*, когда на его челѣ сыпятся пощечины и тычками его направляютъ къ окну, чтобы вышвернуть на мостовую изъ третьяго этажа, такъ и *Герценъ* неистовымъ возгласомъ оканчиваетъ свой декретъ: *„Анаѳемы! что вы сдѣлали изъ всѣхъ усилій нашихъ; все что мы лѣпили по песчинки—смыли ваши помои, унесла ваша грязь и чрезъ пятнадцать лѣтъ я снова, идя по улицѣ, боюсь чтобы не узнали что я русскій* (*).

Но чѣмъ же онъ стѣсняется? Россія конечно не заявитъ на него свои права, если ему подъ именемъ *Герцена* или *Херцена*, *Искандера* или даже по польскому прозвищу *Сердечкина* угодно будетъ свою особу сопричислить ко всякой другой національности. *Кляцко* изъ жида прикинулся полякомъ, *Утинъ* изъ жида прикинулся русскимъ, почему же ему съ своими спутниками, не послѣдовать примѣру своего ученика, къ чему навязываться той націи, у которой, по понятіямъ редакторовъ *Колокола*, все прошедшее *отвратильно гадко*, а настоящее только одна *казенщина;* кому удобнѣе подобные метаморфозы какъ не самимъ проповѣдникамъ космополитизма и международныхъ симпатій. Чѣмъ объяснить это упорное желаніе *Герцена* продолжать слыть за русскаго?

Согласно заявленій *Колокола*, Россію составляютъ двѣ части *казенная* и *общество „Земли и Воли.“* Декретомъ 1-го Мая 1863 года, объявляя *друзьямъ юношамъ* новый наборъ подъ свои знамена, онъ имъ накрѣпко наказываетъ не справляться сильна ли и многочисленна ли, имъ отмѣжеванная для себя часть нашего отечества; на столбцахъ *Колокола* она могуча; на дѣлѣ, послѣ бѣгства *Утина*, ея оставшіеся представители просятъ у Литовскаго обанкрутившагося ржонда, субсидіи хоть 150 руб. серебромъ, для поддержанія польскаго мятежа; на повѣрку вышло что *Мѣрославскій*, этотъ enfant terrible, для своихъ враговъ, опредѣлилъ герценистовъ вѣрно.

Отрезвленные польскимъ мятежемъ, бывшіе герценисты инстинктивно поняли, что великій мистификаторъ—предатель не уступающій Шекспировскому Яго; въ лагерѣ *Земли и Воли*, остались только безнадежно очумленные.

Для разоблачаемаго *Герцена* настало время не хорошее; онъ думалъ пошлою попыткою возстановить свое значеніе между русскими его читателями и нашелъ въ Италіи, въ какомъ то Г. *Мечниковѣ*,

---

(*) О чемъ шумите вы народные витіи,
За что анаѳемой грозите вы Россіи?

могучаго руководителя общественнымъ мнѣніемъ русскихъ (*), а чтобы снова задобрить, тоже въ немъ разочаровывавшихся его польскихъ друзей, онъ во время мятежа, на столбцахъ *Колокола* помѣщалъ цѣлый рядъ польскихъ побѣдъ и подвиговъ и государственную премудрость ржонда народоваго, и рядъ пораженій, бѣгства и изувѣрства русскихъ; это сливки, имъ снимаемыя съ польской журналистики того времени, далеко оставляющія за собою французскіе бюллетени большой арміи 1812 года.

Предъ мятежемъ *Потебня* изъ Лондона возратился въ Польшу съ инструкціею *„собрать русскій отрядъ, сначала пристать съ нимъ къ польскому возстанію, и потомъ идти въ Россію подымать народъ,“* а по подавленіи мятежа *Колоколъ* гудѣлъ: *„Проклятіе вамъ, проклятіе и если возможно—месть.“*

Послѣднимъ актомъ польской эмиграціи въ 1863 году былъ отчетъ о польскихъ дѣлахъ истекающаго года, (**) представленный въ Парижѣ княземъ Владиславомъ *Чарторыйскимъ* французскому правительству, для его назиданія по веденію польской справы; а для назиданія русскаго правительства, дополненіемъ къ труду *Чарторыйскаго*, вслѣдъ за нимъ въ 1864 году, вышло новое сочиненіе Г. *Шедо-Ферроти.* (***) Домогательства Ламберова отеля, проводимыя путемъ литературы остались безуспѣшными; Франція не растрогалась раздирающими картинами, представленными княземъ *Чарторыйскимъ* съ помощью *Мазада*, въ особо отпечатанныхъ экземплярахъ и Россіятакже не воспользовалась благими совѣтами для преуспѣнія Русской Имперіи, представленными *Шедо-Ферроти*, съ помощью Ламберова отеля. При грубозамаскированной обстановкѣ, Г. *Шедо-Ферроти* старается выяснить Россіи то, что выяснялъ покойный *Адамъ Чарторыйскій*, что для основанія благоденствія Русской Имперіи не только Польшѣ, но всѣмъ ея окраинамъ должно быть дано особое самостоятельное управленіе, *полная автономія.* Г. *Шедо-Ферроти* знать не хочетъ что эти окраины куплены русскою кровью и ему весьма желательно *Русскую* Имперію уподобить *Австрійской.*

(*) Подъ заглавіемъ „*точка поворота*“ Колоколъ, отъ 1-го Сентября 1863 г. въ передовой статьѣ сообщаетъ письмо изъ Флоренціи, отъ 8 Августа, отъ Л. *Мечникова*, который протестуетъ «*противу ложно патріотическихъ чувствъ, заявляемыхъ официальною Россіею по поводу польскаго возстанія*». Мы съ искреннею радостью, пишетъ по этому случаю *Герценъ*, передаемъ первое слово проснувшейся русской совѣсти.

(**) Affaires de Pologne.

(***) Que fera-t-on de la Pologne?

Любопытна по теоріи Ламберова отеля, имъ рисуемая картина пересозданной Имперіи: „Всякій русскій, за исключеніемъ одного Императора, пишетъ *Шедо-Ферроти,* отправляясь въ Финляндію, въ Лифляндію, въ Польшу или на Кавказъ отправляется въ иностранную землю; одинъ Императоръ, только посѣщая ихъ, не перестаетъ быть въ своемъ отечествѣ, между своими дѣтьми, которыхъ передъ Богомъ и своею совѣстью, онъ обязался сдѣлать счастливыми. Пусть патріотизмъ поляковъ состоитъ въ томъ, что они любятъ только себя, патріотизмъ русскихъ, покрайней мѣрѣ сторонниковъ Г. *Каткова,* въ ненависти иностранцевъ, патріотизмъ Финляндцевъ въ желаніи удалить отъ себя русскихъ; патріотизмъ Императора Россіи, Царя Польши, Великаго Князя Финляндіи состоитъ въ томъ чтобы держать одинаково вѣсы для всѣхъ своихъ подданныхъ. Недосягаемый духу партій и національному антагонизму, онъ не можетъ принести Польшу въ жертву крайне русской партіи“....

Понятно что подобная эквилибристика весьма улыбалась Ламберову отелю и что князь Адамъ *Чарторыйскій,* надеясь на *тьму* и *мглу* польскихъ дѣлъ, во время своего конспиративно-политическаго поприща, ублажалъ себя подобными мечтами; но на что расчитывалъ *Шедо-Ферроти,* который при этихъ понятіяхъ о русскомъ народѣ и его назначеніи, подобно *Герцену,* тоже ломится въ русскіе. Онъ выступаетъ съ такою самоувѣренностью, что врядьли онъ не былъ вполнѣ убѣжденъ что, въ апрѣлѣ 1863 года предложивъ *отдѣлить окончательно Польшу отъ Россіи* (*) онъ новымъ своимъ твореніемъ 1864 года, замѣнитъ для Россіи всѣ памятники ея жизни отъ Несторовой лѣтописи до исторіи Соловьева, а народный разумъ—бреднями *Колокола.* Проводя буквально тѣже самыя идеи, которыя проводилъ князь Адамъ *Чарторыйскій,* когда находился въ русской службѣ, Ламберовъ отель именемъ *Шедо-Ферроти,* на перекоръ семидесяти лѣтнихъ проявленій perpetuum mobile польской конспираціи, все еще надеялся во *тьмѣ и во мглѣ* удержать польскія дѣла.

Много истинно курьозныхъ объясненій находимъ мы въ книгѣ *Шедо-Ферроти,* такъ напр. Владиславъ *Чарторыйскій* въ своемъ отчетѣ выставляетъ французскому правительству, что мятежъ вспыхнулъ вслѣдствіе назначеннаго рекрутскаго набора: „Эта капля желчи, говоритъ онъ, заставила излиться чашѣ наполненной го-

---

(*) Question polonaise 1863 pg. 120:

речью." Конечно подобная вѣсть была рогатою для Россіи; *Шедо-Ферроти* съ изумительною недогадливостью въ 1864 году, когда уже послѣдній эмигрантъ зналъ что съ 1861 года, всякій шагъ въ Польшѣ творился по предварительнымъ совѣщаніямъ съ Парижемъ, пренаивно и почтительно пишетъ: „что князь *Чарторыйскій* высказалъ подобное заявленіе, должно особенно быть изумительно. Болѣе нежели кто нибудь, князь въ томъ положеніи, что онъ можетъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Польшѣ, и если онъ утверждаетъ подобный фактъ, несомнѣнно ошибочный, то каждый въ правѣ себя спросить, зналъ ли онъ истину, или нарочно хотѣлъ ее извратить? Извѣстный, столь уважаемый характеръ князя *Чарторыйскаго*, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія по этому вопросу; неспособный ни къ какой искусственной неправдѣ, онъ могъ высказать таковую, только потому что ложными извѣстіями, самъ былъ введенъ въ заблужденіе."

Шедо-Ферроти еще наивнѣе рисуетъ характеръ польскихъ пановъ. Послѣ покушенія $\frac{22 \text{ Іюня}}{4 \text{ Іюля}}$ 1862 года, сволочи *Хмѣленскаго* на жизнь Его Императорскаго Высочества „болѣе 300 помѣщиковъ, пишетъ *Шедо-Ферроти* съѣхались въ Варшаву, по искренному моему убѣжденію, съ цѣлью протестовать отъ имени польскаго дворянства противъ подобныхъ злодѣйствъ, *не совмѣстимыхъ съ гордымъ и рыцарскимъ характеромъ націи.»*

Въ это время за границею рѣшался важный вопросъ о веденіи мятежа; паны медлили, совѣщались, выжидали и когда пришло рѣшеніе, пустить въ первый огонь красныхъ и имъ временно подчиниться, то вмѣсто предполагаемаго адреса, съѣхавшіеся паны написали другой къ Графу Андрею *Замойскому*, въ которомъ о злодѣйствѣ *Ярошинскаго* не упоминалось ни слова; но они поручали Графу *Замойскому* представить между прочимъ Его Высочеству: „Мы поляки и потому можемъ поддерживать правительство только когда оно будетъ *польское* и когда всѣ области, которыя составляютъ нашу ойчизну, будущъ соединены и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями."

Чему же приписываетъ *Шедо-Ферроти* это измѣненіе въ первоначальныхъ намѣреніяхъ польскихъ пановъ? Преизбытку (exubérance), личной храбрости, подчиненной вліянію общественнаго мнѣнія. „Между членами собранія, людьми испытанной храбрости, людьми изъ стали и гранита, говоритъ онъ, не нашлось ни одного, который могъ

бы устоять предъ руководителями *бѣлыхъ*, требовавшихъ подписи адреса или предъ насмѣшливымъ взглядомъ женщинъ, преслѣдовавшихъ осторожныхъ и нерѣшительныхъ.“

Книга Шедо-Ферроти, заключая нами разсматриваемую дѣятельность польскихъ эмигрантовъ въ послѣднемъ мятежѣ, довершаетъ и тотъ *общій характеръ, который постояннымъ спутникомъ сопровождаетъ интриги польской справы.* Сводъ собранныхъ свѣдѣній о perpetuum mobile ксендзовско-шляхетской конспиративной дѣятельности представляетъ собою, какъ бы анатомическимъ ножемъ вскрытый трупъ и глазамъ наблюдателя представляются дѣйствовавшія нервы и мускулы. Начиная съ 1802 года, при переходѣ отъ одного факта къ другому, являются постоянно ожесточенныя нападки на лица, на распоряженія, на проявленія русской жизни, если они являлись вредными *польской справѣ*, съ цѣлью ввести какъ правительство, такъ и общественное мнѣніе Европы и Россіи въ заблужденіе; нападѣнія были тѣмъ болѣе настойчивы, чѣмъ они были для нея болѣе опасны. Полякамъ трудно разстаться съ убѣжденіемъ, что *тьма и мгла* польскихъ дѣлъ уже разсеялись, несмотря на то, что правительство своими рѣшеніями имъ доказало, что предъ нимъ польскій вопросъ уже вполнѣ выяснился.

Пока предъ высшимъ правительствомъ польскія дѣла были *во тьмѣ и во мглѣ*, польская интрига работала между вліятельными личностями, и достигала въ теченіи четырехъ предшествовавшихъ царствованій того, что самыя раціональныя мѣры правительства не приводили къ цѣли, оставаясь мертвою буквою, парализированныя русскимъ ослѣпленнымъ добродушіемъ или другими свойствами ближайшихъ исполнителей, которые большею частью были поляки. Правительство, однажды раскрывъ истинное положеніе вещей убѣдилось, что польскія дѣла требуютъ особаго наблюденія въ точномъ и энергическомъ исполненіи; русскіе люди, всегда готовые содѣйствовать дѣлу родины, сами кинулись, для сознательнаго исполненія, къ изученію польскихъ дѣлъ; инстинктивно русскіе люди чувствовали, что крамола кроется въ громадныхъ размѣрахъ, но труденъ былъ путь къ широкому доступу въ этотъ *тьмою и мглою* прикрываемый, точно заколдованный кругъ; русская журналистика явилась тогда полезнѣйшимъ подспоріемъ.

Польская эмиграція увидѣла грозу и торопливо хотѣла предупредить опасность, пустивъ въ ходъ своихъ работниковъ, пригодныхъ для этого дѣла; накинулся на нее *Герценъ* со всѣмъ

своимъ острословіемъ и бранью. Имѣя постоянно въ виду сбить съ толку русское юношество, сбить съ пути долга членовъ русской семьи, *Герценъ* употребилъ *туже стратагему*, которую поляки употребляли въ офицерскихъ кружкахъ, чтобы молодыхъ русскихъ своихъ товарищей, сдѣлать солидарными съ своими польскими затѣями. Они обработывали въ нихъ впечатленія, вынесенныя со школьной скамьи, что выдать наставникамъ провинившихся товарищей, въ школахъ почитается шпіонствомъ; пока мятежъ не выяснилъ дѣло, они имѣли временной успѣхъ среди молодыхъ людей, не утвердившихся еще въ понятіяхъ, что съ эполетами, они стали гражданами русской земли, а правительство не сословіе воспитателей надъ недорослями. Поляки силились притупить то понятіе, что ревнители польской справы, работавшіе къ ниспроверженію общественнаго спокойствія и государственнаго строя, готовившіе кровопролитіе и раззореніе, всю гибель мятежей, враги отечества; истинный русскій съ незатемненными польскою интеллигенціею понятіями долга гражданина, конечно несравненно строже смотритъ на нихъ, какъ на поджигателей, убійцъ, грабителей и такихъ преступниковъ, которыхъ каждый честный человѣкъ спѣшитъ указать властямъ, дабы избавить отъ нихъ общество; но такія понятія не были пригодны ни полякамъ, ни Герцену, и онъ доводами подобными польскимъ, старался уронить въ общественномъ мнѣніи русскую журналистику, разоблачавшую и источники и ревнителей гибельной крамольной дѣятельности *польской справы. Герценъ* выставлялъ ее *казенною*, и бранью разражался противъ враждебныхъ ему редакторовъ, разрабатывавшихъ польскія событія; всякія унизительныя сравненія на страницахъ *Колокола*, могли найдти всѣ вносившіе свѣтъ во *тьму и мглу* польскихъ дѣлъ, со стороны самаго пламеннаго *на словахъ* поборника свободы слова.

Съ такимъ же озлобленіемъ противъ русской журналистики выступаетъ и *Шедо-Ферроти*; но со всѣми дипломатическими пріемами Ламберова отеля, который ублажалъ себя надеждою, что путемъ *Шедо-Ферроти*, онъ станетъ руководителемъ высшаго русскаго общества. Онъ высказываетъ, что русская журналистика не имѣетъ *ни корня, ни отголоска въ массахъ*, и также что *общественное мнѣніе не оказываетъ никакого или самое ничтожное вліяніе на журналистику*, и вообще что *въ Россіи общественное мнѣніе еще сидитъ на азбукѣ.*

Г. *Шедо-Ферроти* силясь этимъ путемъ доказать всю од-

носторонность и ничтожность вліянія журналистики на теченіе дѣлъ въ Россіи, посвящаетъ однако двѣ трети своего сочиненія истинному предмету своего труда. Русская журналистика для *польской справы* стала вопросомъ не меньшей важности нежели событія столь нѣкогда ее тревожившія, какъ напр. переселеніе шляхты, проводимое *Державинымъ;* конфискація имѣній пановъ землевладѣльцевъ изобличенныхъ въ стремленіяхъ къ отторженію западныхъ губерній отъ Россіи, проводимая *Сперанскимъ;* уясненія *Красовскаго*, что уніяты русскіе люди и подъ русскою властью уже не должны подлежать вѣдѣнію латинскаго духовнаго начальства; упорное невѣріе князя *Трубецкаго* въ томъ, что *Конарскій* былъ простой туристъ, а для него устраиваемыя собранія, были съѣзды случайно съѣхавшихся гостей. Ламберовъ отель всю свою ловкость, всю изворотливость своей интриги излилъ въ книгѣ *Шедо-Ферроти* Que-fera-t-on de la Pologne? Въ ней резюмирована вся шестидесятилѣтняя дѣятельность князя *Адама Чарторыйскаго;* книга *Шедо-Ф.рроти*, это усиленная попытка новаго напуска *мглы и тьмы* на польскія дѣла; но часъ приспѣлъ для ихъ разсеиванія; *тьма и мгла* всюду тѣснимыя гибнутъ безвозвратно, вопреки всѣхъ усилій, диктуемыхъ поляками *Шедо-Ферроти* и *Герцену*. Сколько не печатай *Герценъ* о точкахъ поворота, но для нихъ мѣсто только на столбцахъ *Колокола*. Указъ 10 Декабря 1865 года ясно опредѣлилъ что *на русской землѣ, землею можетъ владѣть только тотъ, кто въ Россіи видитъ свое отечество, а не тотъ кто жаждетъ ея ослабленія, дабы плодами русской земли угощать иностранныхъ враговъ и заманивать ихъ гостепріимнымъ пріемомъ*, по городамъ и мызамъ Западной Россіи, какъ въ 1812 году; на этихъ гостей, поляки надеялись въ 1831 и 1855 годахъ и ихъ нетерпѣливо они поджидали въ 1863. Всего забавнѣе выходитъ сравненіе отзывовъ *Шедо-Ферроти* и *Герцена* о редакторѣ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Вѣстника, Г. *Катковѣ*. Оба работника польской справы признали его въ высшей степени человѣкомъ *зловреднымъ*, только Ламберовъ отель, при шестидесяти двухъ лѣтнихъ своихъ заботахъ о преуспѣяніи Русской Имперіи, заставляетъ своего присяжнаго ходатая по дѣламъ, доказывать что *Катковъ* для нея человѣкъ самый опасный, что онъ смотритъ на свои статьи не какъ на разъясненія *тьмы и мглы* польскихъ дѣлъ, а какъ на декреты, обязательные для правитель-

ства; а *Колоколъ* рядомъ статей изображаетъ того же *Каткова, редакторомъ казеннымъ, закупленнымъ правительствомъ, желающимъ только выслужиться передъ нимъ* и для полноты стратагемы, по теоріи столь пригодной польской справѣ — *доно-щикомъ.* Впрочемъ и поляки *бѣлые* и *красные* сходились въ желаніи только мятежа въ Россіи, и расходились во всемъ остальномъ.

Послѣ мятежа къ старой польской эмиграціи примкнула новая; *Варшавскій Дневникъ* сообщаетъ свѣдѣнія о томъ; какъ чудитъ она снова, и по видимому она пошла по дорогѣ, открытой въ 1831 году, а *Герценъ* нисходя по ея іерархіи, по доставленнымъ свѣдѣніямъ, заключилъ союзъ для согласныхъ дѣйствій, съ партіею *Хмѣленскаго*, тою партіею, которую во время мятежа, сами Поляки называли *кабачною.*

Многочисленные работники польской эмиграціи, при щедрости сочувствовавшихъ туземцевъ и иноземномъ милосердіи, праздно проживая за границею, ломали голову надъ разными *стратагемами* и *революціонными теоріями* и заимствовали что могли отъ заграничныхъ революціонеровъ; такъ для мятежнаго настроенія протолюдиновъ, для *науки заговора массъ*, какъ выразился *Лелевель*, отъ *Мадзини* была заимствована мысль о *воскресныхъ школахъ*, изъ Ирландіи *братства трезвости.* Особенно дѣятельны были *красные;* такъ какъ *бѣлымъ* перепадала *власть* по ихъ средствамъ, то *красные* выработали до возможной крайности теоріи коммунизма, дабы, уравнивъ всѣ состоянія, вырвать у *бѣлыхъ* эти средства къ преобладанію. Прокламаціи диктатора *Тыссовскаго* показываютъ, что теоріи въ 1846 году были уже вполнѣ приготовлены польскою *централизаціею.* Краснымъ, по изобретеннымъ ими теоріямъ, было весьма выгодно возбуждать новыя желанія въ народѣ, и указывать на кровавыя средства къ ихъ достиженію. *Централизація* взяла на себя своими теоріями обращать повсемѣстно живущихъ поляковъ въ заговорщиковъ, съ указаніемъ имъ безопасной, легальной обстановки; и вмѣстѣ съ тѣмъ она придумала учебныя, такъ сказать, конспиративныя работы, для поляковъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній, съ особою конспиративною іерархіею; помощью ея юноши должны были легко попадать въ искусно раставленныя сѣти. Въ четырехъ приложе-

ніяхъ читатели найдутъ плоды заботъ эмиграціи о туземцахъ. Начиная съ приведенныхъ въ 6-ой главѣ прокламацій *Тыссовскаго*, мы найдемъ труды *централизаціи*, въ заботахъ *Колокола* о русскомъ народѣ; по всѣмъ частямъ, труды польской *централизаціи* нашли свое мѣсто на столбцахъ *Колокола;* они дали направленіе дѣятельности *Герцена* и снабдили его своими теоріями новаго государственнаго устройства и принципами новой политической экономіи. Только для общества трезвости *Колоколъ* не даетъ наставленій, но таковыя требовались для пановъ къ благовоспитанному ими готовимому мятежу, который вовсе не входилъ въ расчетъ *Польско-герценовской справы*, для Россіи. Готовясь къ мятежу, паны успѣли нравственно подчинить себѣ и поляковъ, учениковъ *централизаціи*, успѣли произвести въ нихъ расколъ, а ренегаты до конца остались вѣрными ея кореннымъ принципамъ, тѣмъ болѣе что того требовала и общая программа; эти остались учениками польской *централизаціи* pur-sang.

Всѣ теоріи, всѣ планы, всѣ стратагемы, всѣ подготовленныя работы, при свѣтѣ фонарей, казались подземнымъ работникамъ весьма складно и ладно приспособленными, но лишь только онѣ приступали къ *великому будованію*, то оно тотчасъ обращалось въ *вавилонское столпотвореніе*, при которомъ работники никакъ не могли сговориться; впрочетъ трудно имъ было и сговориться, ближайшія подробности мятежа 1863 года указали, что возстановленіе Польши есть такое ея возобновленіе на новый ладъ, при которомъ для равенства *каждый* требуетъ ореола почета и значенія, котораго каждый жаждалъ въ давней Польшѣ, а для свободы каждый требуетъ неподчиненіе никакой власти ограничивающей шляхетское своеволіе, стремленіе бывшее постояннымъ спутникомъ жизни Рѣчи посполитой. Она пала, но при *тъмъ и мгль* польская интеллигенція свободно могла передаваться отъ одного поколѣнія другому.

Время разрѣшитъ вопросъ вручатъ ли туземцы опять свою интеллигенцію польской эмиграціи и будутъ ли снова упитываться ея литературою, декретами, рѣчами, или раставшись съ нею станутъ жить собственнымъ смысломъ. Польская эмиграція со всѣми своими партіями, дрязгами была для массы туземцевъ — terra incognita; непосвящаемая масса поклонялась ей, какъ далекому лучезарному свѣтилу. Конечно польское общество не въ произведеніяхъ русской печати будетъ искать свѣдѣній; оно слишкомъ про-

питано убѣжденіемъ, что русская книга, не сочувствующая польской справѣ — произведеніе *казенное*, хотя бы документы были приложены въ фотографическихъ снимкахъ; но когда станутъ изцѣлятся недавнія раны, стихнетъ раздраженіе, тогда сближеніе торжественныхъ, увлекательныхъ возгласовъ польской эмиграціи съ ея дѣлами и событіями, которыхъ современники были очевидцами, не заставитъ ли ихъ серіознѣе взглянуть на сущность дѣла. Перебранка, процессы, споры и даже драки между столбами великаго будованія, съ взаимнымъ озлобленіемъ, бросаемые на потѣху журналамъ послѣ недавней неудачи мятежа, не выяснятъ ли имъ какіе люди себя провосглашаютъ *цвѣтомъ націи*, *старшими братьями* и какими они заражаются побужденіями въ неестественной сферѣ эмиграціи.

Время разрѣшитъ вопросъ незаглохшіе подъ іезуитскою интеллигенціею остатки славянской народности, вступятъ ли съ нею въ борьбу и раздавятъ ли чуждый элементъ; водвореніе русскихъ землевладѣльцевъ разобьетъ ли кругъ польской замкнутости и облегчитъ ли борьбу. *Лелевель* съ изображеніемъ всѣхъ правъ и привилегій *польскаго шляхетства*, изслѣдуя событія *Люблинской уніи*, какъ бы съ удивленіемъ прибавляетъ, что русскому дворянству, подписывавшему соединеніе съ Польшею, точно *чегото было жаль*, но не это ли *жаль* безсознательно проявляется въ вырывающихся иногда возгласахъ между развитыми туземцами Сѣверо-западной Россіи.

Своеволіе легло заманкою стремленій шляхетской интеллигенціи; *раздолье*, при которомъ легко дышется и легко живется, легло въ основаніе жизни всего русскаго народа, вопреки всѣхъ *Герценовъ* и *Шедо-Ферроти*, вопреки всѣхъ членовъ вольныхъ и невольныхъ панургова стада, вопреки современныхъ сплетень *Колокола*, вопреки всѣхъ іеремiевскихъ плачей, нагоняемыхъ на русскую литературу. Ни русскій баринъ, ни русской простолюдинъ не выселяются на всегда, добровольно изъ Россіи; всякаго тянетъ домой раздолье русской жизни. Все утонетъ въ этомъ океанѣ. Разложеніе *Польшею Россіи* (dissolution de la Russie par la Pologne), какъ выражается *Мѣрославскій*, останется одною только польскою мечтою; не остановить пигмеямъ развитія мужающаго молодаго могучаго народа, не извратить имъ его народнаго разума.

В.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ составленному очерку о тридцати-трехъ лѣтней дѣятельности польской эмиграціи, прилагаемъ три документа и одно свѣдѣніе, изъ знамѣнательнѣйшихъ ея руководствъ для конспиративной дѣятельности туземцевъ. Недавнія событія свидѣтельствуютъ, что они имѣли огромное вліяніе, какъ на предшествовавшія обстоятельства, такъ и на самый мятежъ 1863 года; не вѣдая ихъ, сколько русскихъ людей дѣйствительно невольно могли попадать въ *панургово стадо*.

I.

Наставленія Князя Адама Чарторыйскаго къ конспиративной дѣятельности туземцевъ,

(изъ рѣчи произнесенной въ годовщину возстанія 1830 года, 17 (29) Ноября 1844 года, въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ).

. . . .

„Четырнадцатилѣтнее скорбное изгнаніе не могло изъ нашихъ сердецъ изгладить воспоминаній; но не объ этомъ я намѣреваюсь говорить. Истинныя, и если можно такъ выразиться, практическія надежды, каковыя таятся въ груди каждаго изъ насъ, питаютъ огонь высшей жизни. Открыто ихъ высказать былобы и неумѣстно и опасно; но въ моихъ мечтахъ я ничѣмъ не связанъ.....

„Въ мірѣ фантазіи, въ которой я на время васъ переношу, дозволены разныя предположенія. Мнѣ чудится, что въ Польшѣ въ разныхъ мѣстностяхъ находятся мужи съ пылкимъ сердцемъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, непотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости и что эти люди, издавна чувствуютъ свое призваніе руководить своими собратьями въ своей средѣ, и пользуются между ними значеніемъ, въ своемъ повѣтѣ, воеводствѣ или цѣлой области, для святаго дѣла освобожденія всецѣлой общей ойчизны.

15*

Это призваніе главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей такихъ качествъ много, очень много на нашей землѣ; но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человѣкъ двадцать совершенно достаточнымъ; они равномѣрно размѣщенные, образуютъ тѣ *столбы для фундамента,* на которомъ должно подняться все зданіе освобожденной ойчизны.

„Великая мысль, громадное предпріятіе, начатое во имя Бога и ойчизны, чистосердечная любовь и непотрясаемая твердость воли обильно и плодоносно могутъ содѣйствовать дѣлу.

„Они нападаютъ на способы и средства, которые прѣдъ другими проходятъ не замѣченными, попадаютъ на пути, доселѣ еще не проходимые, встрѣчаютъ нежданныхъ союзниковъ, которые безсознательно (*), *въ общей работѣ являются усердными сотрудниками и помагаютъ совершенію дѣла.*

„Я мечтаю далѣе что при сообразныхъ трудахъ руководителей, во всѣ стороны они даютъ цѣлебные толчки, которыми облагораживаются нравы, упрочивается вѣра, вызываются полезныя занятія и благодѣтельныя учрежденія; они воздерживаютъ юношество отъ порчи нравовъ и праздности, и прививаютъ любовь къ труду; отъ нихъ исчезаютъ злоупотребленія, ребяческіе расходы; сбереженіе даетъ средства въ руку, для веденія общаго дѣла и къ накопленію наличнаго запаса въ случаѣ нежданныхъ и, въ рѣшительныя минуты, неустраняемыхъ потребностей. Общественное мнѣніе, съ разныхъ сторонъ похвальнымъ образомъ направляемое, усиливаетъ свое могущество, развивается и споспѣшествуетъ своею самостоятельностью желаннымъ перемѣнамъ.

„Каждый руководитель, въ своемъ мѣстѣ пріобрѣтаетъ исподоволь довѣренность округа и личностей; онъ избираетъ способнѣйшихъ, обсуживаетъ какими способами и средствами онъ можетъ употребить каждаго; кому въ извѣстное время ему поручить какое либо дѣло, на кого возложить извѣстную роль. Руководитель создаетъ различные планы, всматривается въ событія, предусматриваетъ затрудненія, дабы по возможности избѣжать колебаній; онъ *заблаговременно обдумываетъ какъ ему поступать, при всякомъ могущемъ быть случаѣ,* и какъ въ кругѣ своей дѣятельности сохранять доброчинность и порядокъ. При встрѣчѣ съ способнѣй-

(*) т. е. союзники изъ панургова стада.

шимъ, онъ самъ ему добровольно подчиняется и содѣйствуетъ ему собственнымъ послушаніемъ; тѣмъ онъ подаетъ прекраснѣйшій примѣръ благоразумія и любви къ ойчизнѣ. Никто не знаетъ его помысловъ; но не менѣе того всѣ вообще болѣе или менѣе слѣдуютъ по направленію данному руководителемъ.

„Иной разъ руководитель, когда нужда заставляетъ, на нѣкоторое время, удерживаетъ и обуздываетъ слѣпое нетерпѣніе неблагоразумныхъ, которыхъ *выходки преждевременныя, не подчиненныя расчету вѣроятности полезнаго усилія, только разрушительно вторгаются на путь, уничтожая вѣрнѣйшія польскія надежды.*

„Въ другой же разъ руководитель, сообразнымъ воодушевленіемъ, отрываетъ иныхъ отъ овладѣвшихъ ими опасеній равнодушія, и лѣни. Руководители должны проникать во всѣ слои, во всѣ сословія; между всѣми личностями и націями должны снискивать симпатіи, и преслѣдуя свою мысль питать и оживлять ихъ постоянными и повторяемыми сношеніями. Евреи даже, которые враждебно и вѣроломно противудѣйствовали полякамъ, перейдя на сторону гдѣ сила и золото, и тѣ начинаютъ сознавать свое заблужденіе и свою вину. Преслѣдуемые тѣми, кому они передались, они въ своихъ воспоминаніяхъ возвращаются къ Польшѣ, воспоминаютъ то, что Польша имъ нѣкогда доставляла. Ихъ тоже унесетъ потокъ духа времени; они охотно для польской справы примкнутъ къ другимъ жителямъ страны, при убѣжденіи что Польша имъ доставитъ болѣе огражденій, болѣе свободы и болѣе выгодъ для ихъ благосостоянія.

„Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и всюду становится преобладающею; постоянно умалчиваемая, она не менѣе того охватываетъ всѣхъ, паритъ надъ всѣми, и не даетъ никому *ни покоя, ни отдыха;* по видимому самыя обыкновенныя явленія — на дѣлѣ, послѣдствія своеобразнаго, чарующаго обаянія, животрепещущаго участія.

„Я не останавливаюсь на этомъ; я предполагаю чудеса, предполагаю дѣйствительно чудеса, и именно такіе что всѣ руководители, а потому всѣ дѣятельность сосредоточивающіе пункты, по всей странѣ, устремляются къ одной цѣли, согласно признаютъ одно и тоже средство сообразнѣйшимъ, на немъ основываются и повинуются *одной власти* слѣдуя одинаковому направленію; въ этомъ слу-

чаѣ одно стремленіе не перечитъ другому; одно пламя не препятствуетъ сосѣднему; всѣ въ затаенныхъ очагахъ направлены въ одну сторону, чтобы произвести общій пожаръ и тѣмъ достигнуть несомнѣннаго успѣха.

„Этимъ путемъ нація достигаетъ самоувѣренности, и убѣжденія въ своемъ высокомъ предназначеніи, и что она до него созрѣла; тогда она не исказитъ наипригоднѣйшій моментъ гибельными, преждевременными вспышками; но внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ, не пропуститъ благопріятное столкновеніе обстоятельствъ, и вполнѣ и достойно имъ воспользуется.

„Въ одинъ моментъ возстаетъ вся Польша, нѣтъ закоулка, который не выставилъ бы своихъ защитниковъ; изъ каждой шляхетской мызы, изъ каждой хижины, хотѣлъ бы сказать изъ каждаго куста, выходитъ вооруженный воинъ.

„Господь благославляетъ первыя усилія, мгновенно пресѣчены сообщенія врага, его мѣстныя власти низвергнуты, отдѣльныя части войска обезоружены, запасы захвачены.

„Со всѣхъ сторонъ атакованный пришлецъ, будетъ поставленъ въ недоумѣнье, куда направить свои дѣйствія, если единовременно будетъ поднято оружіе по общему плану одной идеи, *одной правительственной власти*, заблаговременно подготовившей движеніе и дальнѣйшее ему направленіе; тогда успѣхъ не сомнѣненъ, но это условіе трудно исполнимо, особенно между нами.

„Частныя даже неудачи воодушевляютъ еще къ большимъ усиліямъ. Пламя борьбы за независимость, распространяется въ смѣшеніи успѣховъ съ неудачами; но мужество и настойчивость націи сохраняютъ перевѣсъ. Европа, доведенная до убѣжденія, что въ насъ есть такая сила къ собственной жизни и къ самоуправленію, которую нельзя уже разрушить въ нѣсколько мѣсяцевъ (какъ въ 1831 году), выступитъ съ своимъ посредничествомъ и придетъ къ намъ на помощь, чтобы остановить напрасное кровопролитіе; Европа признаетъ и громко провосгласитъ, то что будетъ само собою вполнѣ выяснено, что Польша — нація самостоятельная и что съ той поры никому уже не принадлежитъ право, у нея оспаривать ею достигнутую самостоятельность, какъ у всякаго другаго независимаго народа......“

II.

ПОЛЬСКІЙ КАТИХИЗИСЪ.

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной ойчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ, и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ.

Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облистанный огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ, но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ, послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ опытнымъ и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми странами, силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всего міра. Англія на морѣ, — Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украина и Литва, — колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли.

1) *Въ забранныхъ краяхъ помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній*, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ, — жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; *русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности*, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигриваемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ *тамошнемъ краѣ*, нашими же единовѣрцами,— словомъ, дѣлать все, чтобы принудить ихъ продать свои неправопріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края въ свою Московію; *продающіяся* же *русскія имѣнія* стараться хоть общими силами, въ компаніяхъ, *пріобрѣтать въ свое владѣніе*. Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій — *на помощь и пользу своей ойчизны.*

Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, *но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того она, конечно, понимать не будетъ.*

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ *поповъ*, то, дѣйствуя на *корыстолюбіе* ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ лютѣйшихъ по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ...... (*) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей схизматической вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2) Такъ какъ русскіе, большею частію, необразованы, лѣнивы и безпечны, то *стараться полякамъ какъ можно болѣе образовать себя спеціально*, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи *лучшихъ выгоднѣйшихъ мѣстъ*, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю *морально.*

3) Людямъ, спеціально образованнымъ, *стараться непремѣнно служить въ Россіи,* не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что „слу-

(*) Здѣсь пропущено слово, не приличное въ печати.

жить русскому правительству для поляка — безчестно;“ служа *на пользу своей родинѣ* въ Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4) Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то *служи только тамъ, гдѣ можно разчитывать на вѣрный доходъ*, и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей ойчизнѣ, чтобы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей ойчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима,— средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность *нажиться на счетъ русской казны;* это не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель; потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно, дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильскаго. Предлагаемое же здѣсь оружіе — не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабящаго награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5) *Стараться достигнуть* всякаго *вліятельнаго мѣста;* а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. *Для достиженія этой цѣли, всякія средства дозволительны*, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей ойчизны, а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе,— не соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, *чѣмъ своему, можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату*, но не способному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; а потому *лесть*, какъ мо-

гущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу *употребляй вездѣ*, гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ вліятельныя мѣста въ Россіи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россія не замѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6) *Въ войскѣ русскомъ долго не служи,* чтобы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудіемъ ненавистнаго твоему народу правительства, — исполнителемъ его плановъ. Вообще *служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенію*, послѣ чего, не гоняясь за увлеченіями и постыдными украшеніями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы пріобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7) *Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ* и всходи на самыя высокія ступени; *отказывайся однако отъ занятія первыхъ государственныхъ должностей,* а добивайся только всѣми мѣрами быть помощникомъ вельможъ, товарищемъ и вообще приближеннымъ къ нимъ лицемъ. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы; во второмъ, если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, *брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія.* Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго къ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ.

9) *Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему* и снискать его расположеніе для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то зная всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же, такимъ образомъ, во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ

покрыто, какъ бы сѣтью единодушно дѣйствующихъ нашихъ собратій, то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, *затрогивая нѣжныя чувства состраданія*, мы подготовимъ его къ увѣренности, въ необходимости отдѣленія Польши. Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а чрезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10) *Помни, что Россія — первый твой врагъ, а православный есть еретикъ* (схизматикъ), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому: онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ полякамъ, не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насиліи противъ тебя свое правительство.

11) *Между русскими говори всегда, что нѣмцы — первые враги русскихъ и поляковъ,* что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими кознями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы, для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ, сваливай вину на нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другаго, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ русскимъ, *старайся выводить его изъ терпѣнія:* по всей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ, русскій выскажется, а это тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12) *Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и невысказывай своихъ убѣжденій,* потому что это не выгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать, — сначала на ненавистное правительство, которому онъ, какъ рабъ, служитъ, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда, къ концу разговора, сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой на-

турѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. *Затрогивай искусно самолюбіе русскаго* и пользуйся имъ.

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами *старайся его уничтожить* и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе *вліятельнаго нѣмца*. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ, — врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ — нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себя пріателя и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ.

III.

УЧМЫ СЕНЪ

(станемъ учиться).

(изъ Виленскаго Вѣстника № 23 Января 28—1866 г.).

Послѣднее возстаніе, послужившее столь отрезвляющимъ средствомъ для русскаго общества, богато множествомъ матеріаловъ, доселѣ извѣстныхъ весьма не многимъ и обрисовывающихъ истинное значеніе польщизны въ средѣ нашего общества. Матеріалы эти важны не столько какъ документы историческіе, сколько какъ назидательное поученіе для настоящаго времени, какъ телескопы, которые открываютъ намъ мало изслѣдованныя доселѣ подробности организаціи шляхетскаго міра, вращающагося въ нашемъ обществѣ, снабжающаго насъ Огрызками, Сѣраковскими и Домбровскими, поджигателями и дѣлателями фальшивыхъ денежныхъ знаковъ и, что всего важнѣе, внушающаго всѣмъ этимъ дѣятелямъ *свентой справы* весьма выгодное для подобныхъ господъ убѣжденіе, что преступленіе относительно Россіи, при всей гнусности его, есть въ сущности дѣло нравственное, высоко-патріотическое.

Знакомство съ матеріалами этого рода намъ необходимо и для насъ самихъ, въ видахъ огражденія себя отъ опасности, и даже для поляковъ, которые тогда только могутъ серьозно подумать о томъ, чтобы сдѣлаться честными гражданами русской земли, когда фактически убѣдятся въ полной несостоятельности завѣтной мечты своей о возстановленіи Рѣчи Посполитой, руками русскаго правительства.

Предлагаемый документъ: „Uczmy się“ (будемъ учиться) заключаетъ въ себѣ весьма любопытныя и поучительныя для насъ воззрѣнія польскихъ патріотовъ на то, какъ слѣдуетъ истому поляку пользоваться доставляемыми ему нашимъ правительствомъ средствами къ образованію; интересъ документа этого возрастаетъ еще болѣе, если мы вспомнимъ, что проповѣдуемая въ немъ теорія была прилагаема къ практикѣ.... Онъ найденъ былъ между бумагами одного молодаго шляхтича подольской губерніи, С...скаго, бывшаго нѣкоторое время передъ послѣднимъ возстаніемъ сту-

дентомъ университета св. Владиміра. Въ маѣ 1863 года, шляхтичъ этотъ задержанъ былъ, по подозрѣнію, нъ Могилевѣ (подольской губ.). По слѣдствію оказалось, что онъ занимался *обученіемъ дѣтей* у одного тамошняго пана, не смотря на то, что письменные отзывы и черновыя бумаги учителя доказываютъ крайнюю слабость его въ русской и польской грамотѣ. У него же найдено было и переложеніе на мало-россійскій языкъ извѣстнаго революціоннаго гимна: «*Боже цось Польска.*» По объясненію С....скаго, данному при слѣдствіи, онъ списалъ переложеніе «*по лингвистическимъ побужденіямъ*,» а статью объ образованіи «*единственно изъ любопытства.*»

Печатаемъ послѣдній документъ, въ переводѣ. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать къ нему комментаріи. Безобразіе доводовъ, приводимыхъ въ немъ въ доказательство того, что полякъ обязанъ пользоваться наукой, преподаваемой на русскія деньги, *какъ средствомъ наноситъ вредъ Россіи*, слишкомъ очевидно, чтобъ останавливаться на ихъ опроверженіи.

Но какъ ни краснорѣчиво документъ этотъ говоритъ самъ за себя, какъ ни поучительны выводы изъ него, какъ ни очевидна опасность, которой подвергаемся мы вслѣдствіе холоднаго воззрѣнія нашего на русское дѣло и допущенія въ среду свою такой тлетворной язвы, какъ польщизна— мы далеко не можемъ покуда похвастаться, чтобы съ нашей стороны приняты были *всѣ* необходимыя мѣры для предохраненія себя отъ опасности въ будущемъ.

Здѣсь, въ громадной массѣ слѣдственныхъ дѣлъ, хранятся не мало поучительныхъ фактовъ, подтверждающихъ, на сколько зловреденъ для русскаго дѣла инородческій и враждебный элементъ, когда онъ занимаетъ самыя, повидимому, низшія служебныя должности.

СТАНЕМЪ УЧИТЬСЯ.

„Изъ просвѣщенія, управляемаго врагомъ и наклоняемаго къ исключительной его выгодѣ, можно извлечь выгоду и для Польши. Если изъ школъ, стоящихъ подъ прусско-австрійско-московскимъ попечительствомъ, могутъ выходить польскіе писатели, то почему же изъ тѣхъ же самыхъ школъ не могутъ выходить и польскіе граждане? Мы не говоримъ о великихъ ученыхъ, о ге-

ніяхъ, о Коперникахъ; напрасно мы выглядывали бы ихъ; чтобы дождаться такихъ плодовъ надобно чтобы народная нива была прежде хорошо воздѣлана попольски. Но мы совершенно въ правѣ отъ образующихся въ нѣмецко-московскихъ школахъ польскихъ юношей домогаться, чтобы они были гражданами, а имѣя это право, имѣемъ и обязанность, если не подать, то по крайней мѣрѣ припомнить имъ способъ, слѣдуя которому они не будутъ ни нѣмцами, ни русскими.

„Этотъ способъ есть желаніе, съ какимъ пріобрѣтается ученіе.

„Пусть только желаніе будетъ хорошее и польское, то нѣтъ такой науки, которой нельзя было бы приложить непосредственно къ нуждамъ нашего отечества и, что вѣрнѣе,— нѣтъ такой науки, въ которой бы оно не нуждалось; да и самое ученіе пошло бы успѣшнѣе и вѣрнѣе, имѣя предъ собою цѣль не навязанную, но свою собственную, родную, естественную. Примѣромъ можетъ служить познанская область въ эпоху между 1831 и 1846 годами. Эта небольшая провинція возвысилась вдругъ и просіяла ученостію и литературою на всю Польшу. Чѣмъ это сдѣлалось? Тѣмъ, что въ ея лоно влилось живительнымъ ручьемъ желаніе посвятить себя для Польши. Предъ нею явилась цѣль: Польша цѣлая, свободная и независимая. *Познань составляла заговоры и подземными заговорными работами утучняла нравственный грунтъ.* Тамъ не учились въ то время хлѣба ради только, или же науки ради, не трудились ради личной только выгоды и славы, но именно для возстановленія отечества изъ упадка. Когда же доброе желаніе, встревоженное (полагаемъ, временно) неудачами, вздремнуло, Познань, изъ передоваго, сразу низошла на очень, очень второстепенное мѣсто, какъ будто само провидѣніе хотѣло этимъ показать намъ, что безнаказанно мы не вольны ни на минуту переставать трудиться для Польши.

„Въ чемъ состоитъ нынѣ самая важная, главнѣйшая первенствующая предъ всѣми другими потреба нашего отечества? Разсматривая все поочередно и взвѣшивая все на вѣсахъ ума, чувства, или просто народнаго только разсудка, нельзя не прійти къ тому окончательному убѣжденію, что въ числѣ многихъ потребъ, первѣйшее мѣсто принадлежитъ народной независимости. Безъ независимости, самое взысканное, самое раціональное удовлетвореніе всѣхъ иныхъ нуждъ непремѣнно будетъ уродливо, не полно и, нерѣдко, вредно. Недостатка независимости ничѣмъ замѣнить нельзя. Можно вычеркнуть Польшу изъ карты Европы,

но невозможно изъ сердецъ и умовъ поляковъ, изъ ихъ желаній и стремленій исторгнуть и уничтожить народнаго „я.“ Оно всегда отзовется, сильнѣе или слабѣе, явственнѣе или незамѣтнѣе, но *отзовется всегда.*

„Народная независимость, доколѣ она не осуществится, составляетъ только желаніе, но она не осуществилась бы никогда, если бы оставалась всегда въ отвлеченной сферѣ желанія. Она принадлежитъ къ тому роду хотѣній, которыхъ не иначе, какъ насильствомъ, домогаться должно. А насильство это въ переводѣ на практическій языкъ означаетъ: вооруженное исторженіе ойчизны изъ объятій врага войною, посредствомъ народнаго возстанія.

„И такъ если перенесемся мыслію къ той ступени, которой нельзя миновать, если не хотимъ народную независимость представить милости непріятелей, то намъ сразу являются недостаточность средствъ и препятствія, изъ коихъ одни надобно пополнить, либо опрокинуть. И здѣсь тотчасъ становятся предъ нашими взорами науки, а изъ нихъ тѣ именно *спеціальности*, къ которымъ наклоняетъ врагъ для превращенія насъ въ послушныя ему и вредныя для отечества орудія. Когда мы учимся для врага, то какая бы ни ожидала насъ карьера, либо награда у послѣдняго предѣла ученія нашего, мы учимся нехотя, какъ за барщину, какъ наемные рабочіе. Когда же учимся для отечества, то къ побужденіямъ учиться присоединяется могучій рычагъ, который толкаетъ насъ впередъ и понуждаетъ въ таинствахъ науки выискивать тѣ именно выводы, которыя можно прямо примѣнить либо наклонить къ осуществленію главнаго нашего хотѣнія. И вотъ мы закапываемся въ книгахъ и лабараторіяхъ, роемся, ищемъ, *отмѣчая особымъ знакомъ все то, что въ нравственномъ или физическомъ отношеніи можетъ быть передѣлано въ оружіе.* Техникъ замѣтитъ себѣ въ особенности и тщательно разсмотритъ слѣдующіе, напримѣръ, вопросы: какъ выдѣлывать порохъ скорѣйшимъ и дешевѣйшимъ способомъ? какъ и какія ремесла можно передѣлать въ литейныя, въ заводы для приготовленія ружей, сабель и боевыхъ снарядовъ? какимъ образомъ дорогіе, либо рѣдкіе матеріалы, необходимые для сражающихся, можно замѣнить сподручными? *Военный* задаетъ себѣ слѣдующую задачу: человѣка, не имѣющаго малѣйшаго понятія о войскѣ, передѣлать въ кратчайшій срокъ въ солдата, способнаго маневрировать въ порядкѣ, сражаться и побѣждать непріятельское войско; онъ из-

слѣдуетъ при томъ *сильныя и слабыя стороны* военной организаціи непріятеля, его способы и тайны. И если-бы всякій выдѣлилъ такимъ образомъ изъ своей науки часть, примѣнимую къ возстанію, то возстаніе въ данное время увидѣло-бы въ своемъ обладаніи всесторонніе таланты и средства, которыя обезпечили-бы и ускорили его движеніе и развитіе и обнаружили-бы успѣхъ. Даже *лѣкарь*, даже *ксендзъ*, котораго правительство учитъ тому только, дабы онъ въ извѣстныхъ случаяхъ являлся въ эпитрахили и ризѣ и со ступеней алтаря наклонялъ къ покорству незаконной власти и язычеству, если-бы они проникнулись насквозь желаніемъ служить отечеству, то дошли-бы вскорѣ до убѣжденія, что для уврачеванія польскаго тѣла и польскаго духа нужны не аллопатія, не офиціозныя облаченія, но одно лишь: *„возстань и гряди.“* Изъ училищъ выходили-бы не недоучки, не противные верхогляды, но граждане, изъ коихъ каждый въ своей сферѣ и мѣрѣ несъ-бы за пазухой какое нибудь приношеніе для Польши.

„Однако на этомъ пути есть одинъ подводный камень, о которомъ мы должны предостеречь учащихся въ непріятельскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Камень этотъ есть *карьера*. Не одинъ, съ самымъ честнымъ въ началѣ желаніемъ, какъ только увидитъ блестящіе на его плечахъ въ перспективѣ генеральскіе эполеты, не въ силахъ противиться ихъ прелести и стремится къ нимъ съ тою мыслію: что донесетъ честность своего желанія до самой минуты украшенія ими себя и что съ высшаго поста расширится и его дѣятельность. Въ теоріи это кажется справедливымъ, на практикѣ же это чистая ложь. При переходѣ въ непріятельской службѣ со степени на степень, на каждой изъ нихъ теряется часть добраго желанія, а на послѣднюю приходитъ человѣкъ съ совѣстію, очищенною отъ патріотическихъ намѣреній. *Лучше по этому не заходить далеко на этомъ пути.* Безопаснѣе для тѣхъ, кому ужъ непремѣнно нужна карьера, выжидать таковой въ освобожденномъ отечествѣ и приспѣшать, торопить его освобожденіе. Нѣтъ такой высокой амбиціи, которой не моглобы удовлетворить столь великое дѣло, каково есть отвоеваніе Польши, и нѣтъ амбиціи благороднѣе той, которая опирается на посвященіе себя отечеству.

«*Станемъ же учиться, но только для Польши,* будемъ трудиться, но только для отечества. Пусть оно всегда будетъ въ нашей мысли и сердцѣ; когда же доработаемся его, тогда

процвѣтетъ въ немъ и наука.... Въ настоящую минуту намъ должно всѣми силами, всѣми добродѣтелями, всѣми умами и талантами совокупиться для высвобожденія Польши. Потребность эта составляетъ нашу политическую специальность, по этому вовсе не будетъ не кстати наламывать къ ней и научныя специальности. Строго судя, это не науки, а ремесла, которыми непріятель вспомогательно окружаетъ важнѣйшее для него ремесло военное, изучая и совершенствуя оное непрестанно. *Военное ремесло теперъ и для насъ самое важное.* И для насъ нужны специальности, ближе или далѣе относящіяся къ войнѣ, или же вспомоществующія ей непосредственно. Само военное искуство, по общему мнѣнію, первое здѣсь занимаетъ мѣсто. Рядомъ съ нимъ становится важностію выдѣлка оружія, пушекъ, снарядовъ, а также искусство революціоннаго управленія возстающимъ краемъ. Эти три отдѣла специальности вмѣщаютъ въ себѣ рядъ наукъ и примѣненій, съ которыми мы обязаны ознакомиться подробно и всесторонне, если хотимъ совѣстливо готовиться къ возстанію, если не хотимъ отдать народныя усилия въ жертву технической недоучки либо злоумышленію правителей (*).

(*) Предъ началомъ мятежа 1863 года, революціонный Варшавскій центральный комитетъ, собираясь вести правильно организорованную войну, хотѣлъ завести тайныя мастерскія и фабрики для исправленія оружія, приготовленія капсюлей и пороха и лабораторій. Командированный въ С. Петербургѣ съ разными порученіями подземнаго правительства, исключенный изъ гвардейской конной артиллеріи подпоручикъ *Сигизмундъ Падлевскій*, въ Декабрѣ 1862 года, привезъ при возвращеніи увѣдомленіе, что *таковые техники*, по требованію отправятся въ Варшаву.

IV.

СВѢДѢНІЕ

о конспиративной организаціи для учащейся польской молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ.

Централизація демократическаго товарищества польской эмиграціи, раскинувъ повсемѣстно *секціями*, уставы для единообразной констративной дѣятельности своихъ сторонниковъ и приверженцевъ, озаботилась и о пригодномъ для польской справы направленіи подростающаго новаго поколѣнія, воспитываемаго въ учебныхъ заведеніяхъ. Цѣль была та чтобы юношество неминуемо попадало *въ польскіе патріоты*, и на случай мятежа, была готова въ данный моментъ, быть пущенною первою на всякія опасныя предпріятія подготовляющія и рѣшительныя. Устройство, конспиративной организаціи для учебныхъ заведѣній, вмѣстѣ съ распространеніемъ между туземцами, *секцій*, было внесено въ Западную Россію эмиссаромъ Симономъ *Конарскимъ* (въ 1839 году растрѣляннымъ въ Вильнѣ) и имъ привито въ Кіевскомъ университетѣ и въ Виленской медицинской академіи. Приведенное свѣдѣніе относится къ состоянію этой конспиративной организаціи въ 1862 году.

Студенты составляютъ особое польское общество, которое для учебныхъ пособій и вспомоществованія неимущихъ товарищей, имѣетъ свою кассу и своихъ кассировъ; эта благонамѣренная цѣль была извѣстна и начальству заведеній.

Ближайшее устройство польскаго студенскаго общества существовало на слѣдующихъ основаніяхъ:

Конспиративная іерархія раздѣлялась на четыре степени, переходъ изъ одной въ другую сопровождался особою клятвою; низшія степени могли только догадываться о существованіи и предметѣ занятій высшихъ. Польское студенское общество раздѣлялось по мѣсту рожденія на гмины, по давнимъ областямъ Рѣчи посполитой.

Вновь прибывшій, при поступленіи въ гмину давалъ обѣщаніе вносить 5% изъ своего ежемѣсячнаго прихода и хранить молча-

ніе о всякихъ могущихъ быть въ его присутствіи польско-патріотическихъ заявленіяхъ, за которые проступки виновный могъ-бы подпасть подъ отвѣтственность. Вступающій въ гмину имѣлъ право пользоваться нужными для занятій книгами изъ особой студентской библіотеки; гмина заботилась неимущимъ доставлять уроки или другія занятія и въ случаѣ крайности, членъ гмины имѣлъ право на вспомоществованіе изъ общей кассы. Новоприбывшіе снабжались отъ товарищей, произведеніями революціонной польской литературы, польско-патріотическое настроеніе давало студенту право на переходъ во 2-й разрядъ; т. е. быть *членомъ съ голосомъ.* Члены съ голосомъ имѣли ежемѣсячныя собранія по гминно; на этихъ собраніяхъ избирались *радный* (совѣтникъ) *кассиръ* и *библіотекарь;* прежніе должностные могли быть избираемы вновь; *радный* былъ главный руководитель и распорядитель по дѣламъ гмины, *кассиръ* завѣдывалъ собираемыми деньгами, а *библіотекарь,* тою частью общей библіотеки, которая ему поручалась на храненіе въ его квартирѣ. Библіотека имѣла два каталога, одинъ книгъ цензурованныхъ, а другой запрещенныхъ. (Въ Московскомъ университетѣ первые были подъ буквою T, а вторые подъ буквою Z).

Радные, кассиры и библіотекари всѣхъ гминъ составляли *третью степень*, такъ называемую *администрацію,* которая изъ среды себя, избирала четвертый, высшій разрядъ *административный совѣтъ*, состоящій изъ трехъ членовъ: *главнаго раднаго, главнаго кассира* и *главнаго библіотекаря.*

Административный совѣтъ, по конспиративной дѣятельности входитъ уже въ сношенія внѣ круга дѣятельности самого заведенія.